

Томас Булфинч

Средневековые легенды и предания о рыцарях

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория
2006

Серия «Bibliotheca mythologica»
Составитель В. Харитонов
Перевод с английского
К. Лукьяненко

Булфинч Томас

Б90 Средневековые легенды и предания о рыцарях / Пер. с англ. К. Лукьяненко. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 528 с. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

ISBN 5-9757-0068-X

Американский писатель Томас Булфинч (1796—1867) прославился своими переложениями мифологических сюжетов: древние кельтские герои и вожди, барды, легендарный король бриттов Артур и вполне реальный король франков Карл Великий, предстающий здесь не как историческая личность, а как литературный герой — в окружении своих паладинов, волшебников и волшебниц, магических предметов и сверхъестественных животных, а также оставшиеся в преданиях и балладах разбойник Робин Гуд, междоусобные войны родов Перси и Дугласов и принц Уэльский Эдвард.

ББК 82.3(0)

ISBN 5-9757-0068-X

© К. Лукьяненко, перевод, 2006
© К. Прокофьев, К. Иванов,
А. Касьяненко, обложка, макет, 2006
© ООО «Агентство прав «У-Фактория»,
2006

|
**Сказания
средневековой
Англии**
|

Миссис Джозеф Кулидж

Тебе, кто разделял мои пристрастия и поддерживал мои изыскания, я посвящаю этот результат своих попыток описать эпоху рыцарства и воссоздать легенды земли наших отцов.

Твой друг и кузен,

Т. Б.

В предыдущей работе составитель настоящего тома постарался дать возможность английскому читателю насладиться классическим наследием, ознакомив его с языческой мифологией в форме, адаптированной к современному вкусу*. В настоящей книге делается попытка таким же образом пересказать истории, составляющие вторую «мифологическую» эпоху, которая стала свидетелем возникновения нескольких государств современной Европы.

Считается, что знакомство с литературой, которая в течение многих веков оказывала большое влияние на представления наших предков, не только полезно для читателя, но и может доставить ему истинное наслаждение. Повествования, в которых нельзя положиться на сообщаемые факты, тем не менее являются достоверными свидетельствами существовавших тогда нравов; кроме того, мы все больше начинаем понимать, что образ жизни и образ мышления определенной эпохи значат для истории значительно больше, чем людская вражда, которая, как правило, ни к чему не приводит. Кроме того, литература эпохи рыцарства — это сокровищница поэтического материала, к которому часто обращаются современные авторы. Итальянские поэты Данте и Ариосто, англичане Спенсер, Скотт и Теннисон, а также наши собственные

* Здесь и далее, когда автор говорит о «современной эпохе», «настоящем времени» и т. д., следует помнить, что речь идет о первой половине XIX в. — *Здесь и далее примечания без пометы принадлежат переводчику и редактору.*

поэты Лонгфелло и Лоуэлл являются яркими представителями такой поэзии.

Рассматриваемые нами легенды объединяет определенная группа героев, прежде всего Артур, Ланселот и их современники, опоэтизированные воображением и фантазией, а также сюжеты, составляющие корпус классической мифологии. И если каждый хорошо образованный молодой человек хочет знать историю золотого руна, то почему поиски Святого Грааля не достойны его знания? Или если щит Ахилла стал вполне устоявшимся символом, то почему бы не сослаться на Экскалибур — знаменитый меч Артура?

Кроме того, предмет, который мы рассматриваем, помогает нам получить представление о наших общих корнях. Мы вправе восхищаться той славой и теми историями, которые породила земля наших предков, вплоть до истории колонизации Америки. Ассоциации, которые неизменно возникают в связи с указанной общностью корней, не могут не оказывать положительного влияния, включая и те чувства, которые возникают у американского путешественника, посещающего Англию, когда его нога впервые ступает на землю, получившую историческую известность.

Легенды о Карле Великом и его рыцарях естественным образом дополняют рассматриваемый нами предмет, но выделены в особый раздел.

Король Артур и его рыцари

Введение

После распада Римской империи, примерно в пятом веке новой эры, страны на севере Европы оказались почти без всякого управления. Многочисленные вожди держали в своей власти столько земель, сколько позволяло их могущество. Иногда они объединялись для решения общих задач, но обычно находились в состоянии вражды. В таких условиях права простых людей зависели только от милости нападавшего; совершенно ясно, что если бы беззаконие вождей не было ограничено, то общество неизбежно впало бы в варварство. Такими ограничениями были, во-первых, конкуренция самих вождей, взаимная ревность которых оказывалась сдерживающим фактором, а во-вторых, влияние церкви, которая по тем или иным мотивам стремилась встать на защиту слабого. И наконец, нельзя забывать о чувстве добра и справедливости, которое никогда не покидало человеческое сердце, несмотря на страсти и эгоизм. Этот последний факт и объясняет возникновение рыцарства, которое легло в основу героического образа, сочетавшего в себе непобедимость и доблесть, справедливость, скромность, верность повелителю и уважительное отношение к равным, сострадание к слабым и набожность. Такой идеал, даже если он и не встречался в реальной жизни, воспринимался всеми как образец для подражания. Слово «рыцарство» (*chivalry*) происходит от французского слова *cheval*, «лошадь». Слово «рыцарь», которое изначально имело значение «мальчик», «слуга», стало употребляться по отношению к молодому человеку, когда тот обретал право на ношение оружия. Это право получали юноши только из богатых семей,

поскольку основная масса населения оружия не носила. Таким образом, рыцарь — это вооруженный всадник, имеющий знатное происхождение или находящийся на службе и на содержании у знатного человека, при этом имеющий свои независимые источники дохода, но чаще зависящий от щедрости тех людей, на службе у которых он находился, и пользующийся преимуществами, которые, без сомнения, даровала ему власть.

Во время войны рыцарь вместе со своими соратниками находился в лагере своего сюзерена, участвовал в боевых действиях и защищал его замок. В мирное время он часто появлялся при его дворе, украшая своим присутствием пиры и турниры, которые составляли часть досуга знати. В поисках приключений он также мог отправиться в странствие, стремясь наказать виноватого и поддержать правого, или же исполняя религиозный либо любовный обет. Такие рыцари назывались странствующими; они были желанными гостями в замках знати, поскольку их присутствие приносило некое разнообразие в уединенную жизнь замка; их с почетом принимали в аббатствах, доходы которых нередко зависели от щедрости рыцарей. Но когда на пути не попадалось ни замков, ни аббатств, ни жилищ отшельников, им приходилось довольствоваться отдыхом в тени придорожного креста и ложиться спать на голодный желудок.

Совершенно очевидно, что устанавливаемая ими справедливость носила самый грубый характер. Сила, которая была призвана исправлять зло, могла с большой легкостью сама совершать его. Поэтому в рыцарских романах, несмотря на всю невероятность фактов, дается довольно правдивое описание образа жизни и подтверждается, что рыцарский замок часто наводил ужас на всю округу; темницы замка были полны рыцарей и дам, ожидавших появления своего освободителя или внесения выкупа; всегда находились люди, которые, чтобы разнообразить безделье, готовы были выполнить любое распоряжение своего повелителя, независимо от того, как оно соотносилось с законом и справедливостью; при этом права невооруженных людей вообще не учитывались. Такое противоречие факта и теории в отношении рыцарства объясняет совершенно противоположное впечатление, которое эта эпоха оставила в умах людей. Воспеваемая одними, эта тема столь же часто порицается другими. Оценивая ее непредвзято, мы можем поздравить себя с тем, что этот период нашей истории привел в современную эпоху к торжеству закона и что, как это ни прозаично, функцию вооруженных рыцарей взяли на себя органы гражданского управления.

Обучение рыцаря

Подготовка кандидатов в рыцари была длительной и тяжелой. В семилетнем возрасте детей знати обычно забирали из семьи к королевскому двору или в замок их будущих патронов и отдавали на попечение гувернерам, которые обучали их основам религии, уважению и почитанию своих повелителей и старших по чину и знакомили с правилами поведения при дворе. Таких детей называли *пажами*, *валетами* или *варлетами*. В их функции входило прислуживание за столом и выполнение других услуг, которые в то время не считались унижительными. Во время досуга они учились танцевать и играть на арфе, их обучали таинствам *лесов* и *рек*, куда входило обучение простой и соколиной охоте, рыболовству, борьбе, поединкам на копьях, а также выполнение других военных упражнений верхом на лошади. В четырнадцать лет паж становился оруженосцем и приступал к освоению еще более сложных упражнений. Он осваивал вольтижировку в тяжелых доспехах, бег, подъем по стенам, преодоление рвов, причем все это он делал не снимая доспехов. Он осваивал приемы борьбы, бой на топорах, не поднимая забрала и не переводя дыхания, и в итоге овладевал всеми приемами верховой езды и другими навыками, необходимыми для получения рыцарского звания, в которое его возводили, как правило, по исполнению двадцати одного года, когда обучение молодого человека считалось законченным. К этому времени эсквайр уже хорошо знал все правила поведения, называвшиеся в то время *куртуазностью*. Замок, в котором он получал образование, обычно не страдал от отсутствия молодежи противоположного пола, и паж мог уже в раннем возрасте выбрать себе даму для ухаживания при дворе, или даму сердца. При этом его обучали тому, как выражать перед ней свои чувства и какие совершать поступки. Служение своей даме считалось доблестью, достойной рыцаря, а улыбки, которые дарил такая дама, как выражение ответных чувств или благодарности, считались достойным вознаграждением. В основе рыцарской верности и рыцарской любви лежало религиозное чувство, поэтому обряд посвящения в рыцари проводился в присутствии священнослужителей с таким благочестием и благоговением, которыми гордились даже самые могущественные государи.

Церемонии посвящения носили особо торжественный характер. После очень строгого поста и нескольких ночей, проведенных в молитве,

кандидат в рыцари исповедовался и получал причастие. После этого он переодевался в белоснежные одежды и направлялся в церковь или в зал, где должна была состояться церемония, при этом на его шее висел рыцарский меч, который проводящий обряд священник брал в свои руки, благословлял, а затем возвращал кандидату. Тот со скрещенными руками становился на колени перед старшим рыцарем, который после нескольких вопросов кандидату о мотивах и причинах, побуждающих его стать рыцарем, брал с него торжественную клятву и даровал ему рыцарское звание. Некоторые присутствовавшие при этом рыцари, а иногда даже дамы по очереди вручали ему шпоры, кольчугу, хауберк, поручи, поножи, и, наконец, он перепоясывался мечом. После этого он вновь становился на колени перед старшим рыцарем, который, вставая со своего места, совершал над ним обряд посвящения, состоявший из трех ударов плащом мечом по плечу или шее и сопровождавшийся следующими словами: «Во имя Господа нашего, святого Михаила и святого Георгия, делаю тебя рыцарем; будь отважен, учтив и верен!» После чего посвященный получал шлем, щит и копье, и на этом процедура получения рыцарского звания завершалась.

Фримены, вилланы,
крепостные и клирики

Помимо рыцарей тогдашнее общество составляли следующие классы: *фримены*, т. е. владельцы небольших наделов земли, хотя и независимые, но иногда добровольно становившиеся вассалами своих более богатых соседей, власть и могущество которых обеспечивали им защиту; два других, более многочисленных, класса составляли крепостные и вилланы, существовавшие на положении рабов.

На самой нижней ступени рабства находились *крепостные*. Все плоды их труда принадлежали хозяину, которого они кормили и одевали и земли которого они обрабатывали.

Вилланы были менее угнетаемы. Их положение чем-то напоминало положение крестьян в России в настоящее время. Как и крепостные, они были привязаны к земле и передавались вместе с ней при купле-продаже, но за пользование землей они платили фиксированную ренту землевладельцу и имели право распоряжаться определенной частью производимой продукции.

Термин *клирики* имел очень широкое значение. Первоначально этим словом называли лиц, относящихся к священничеству, причем среди священников могли быть и женатые лица, и ремесленники, и иные категории граждан. Однако постепенно термин приобретал все более широкое значение, и всех, кто мог читать, стали относить к клирикам, или *clericus*, при этом на них, как и на священников, распространялись определенные льготы, включая освобождение от смертной казни и некоторых других форм наказания в случае совершения ими преступления.

Турниры

Великолепные рыцарские турниры, их праздничная обстановка и правила рыцарского поведения зародились во Франции. Церковь неоднократно порицала турниры, вероятно, потому, что они порой приводили к смерти участников. Рыцарские поединки отличались от турниров. При поединках рыцари пользовались копьями, и для победы им необходимо было сбросить противника с лошади. Турниры предназначались для того, чтобы рыцари могли показать свое мастерство владения оружием и верховой езды, поэтому правила турниров предусматривали более сложный этикет. Например, запрещалось ранить коня, наносить противнику колющие удары мечом, а также нападать на него после того, как он поднял забрало или снял бармицу со шлема. Дамы подбадривали рыцарей, выполнявших различные упражнения, и вручали призы победителям, а подвиги рыцарей, получивших их благосклонность, становились темами романов и песен. Трибуны вокруг ристалища имели различную форму и строились в виде башенок, террас, галерей и висячих садов, украшенных гобеленами, павильонами и стягами. Каждый участник турнира объявлял имя дамы, в отношении которой он являлся *servant d'amour**. Он обращался к соответствующей трибуне и черпал свою отвагу во взгляде сияющих глаз, смотревших на него сверху. Рыцари также носили на себе *фаворы* — шарфы, вуали, рукава, браслеты, заколки, т. е. предметы женского туалета, прикрепляемые к шлемам, щитам и доспехам. Если во время поединка некоторые предметы ронялись или терялись, то прекрасная дарительница иногда отправляла рыцарю новые свидетельства своего чувства, особенно если тот предоставлял ей возможность гордиться его победами.

* *Servant d'amour* — поклонник, кавалер (фр.).

Кольчужный доспех

Кольчужный доспех, к которому, прежде всего, относится хауберк, был двух типов: пластинчатый и проволочный. Изначально он использовался для защиты только тела и никогда не опускался ниже колен. Кольчуга имела форму фартука и крепилась на талии специальным поясом. Позднее добавились кольчужные перчатки и кольчужные штаны, а затем и капюшон, который при необходимости можно было натянуть на голову, и тогда незащищенным оставалось только лицо. Чтобы не травмировать кожу, под кольчугу надевались стеганые одежды, которых иногда все-таки было недостаточно, и от следов металла на коже приходилось избавляться в бане.

Хауберк — это доспех, защищавший все тело двойной кольчужой. Известны хауберки в виде накидки, а были и такие, которые надевались как рубаха.

Проволочная кольчуга состояла из отдельных металлических колец, которые вставлялись одно в другое, образуя металлическую сетку, при этом кольца, образующие сетку, заклепывались отдельно.

Хауберк надежно спасал от самых сильных ударов мечом, однако острый наконечник копья мог легко проникнуть через металлическую сетку. Для защиты от таких ударов под кольчугу надевался плотно набитый дублет, под которым нередко имелась металлическая кираса. Отсюда выражение: «проткнуть доспех и кольчугу», которым часто пользовались средневековые поэты.

Сетчатая кольчуга прослужила примерно до конца тринадцатого века, когда ей на смену пришла сначала пластинчатая кольчуга, а затем латы, крепившиеся на различные части тела.

Щиты обычно делались из дерева, покрытого кожей или другим аналогичным материалом. Для того чтобы их нельзя было изрубить мечом, на них накладывали металлические обручи.

Шлемы

Шлем состоял из двух частей: головная часть, укрепляемая изнутри несколькими кругами металла, и забрало, представлявшее собой решетку, через которую рыцарь мог видеть и которая либо поднималась на заклепках, либо поворачивалась на шарнире. При желании ее можно было

поднять или опустить. В некоторых шлемах были дополнительные приспособления, такие как *бевер* (от итальянского *bevere*), через которое можно было пить, и *ventayle*, или воздуховод.

Для того чтобы шлем не сваливался и чтобы его нельзя было сбить, он в нескольких местах крепился к кольчужному доспеху, поэтому, чтобы убить поверженного рыцаря, необходимо было сначала отстегнуть шлем. Иногда смертельный удар наносился под юбку кольчужного доспеха в область живота. Для этого использовали маленький кинжал, который носили на правом боку.

Рыцарский роман

В эпоху, когда не было книг, когда знать и даже князья не умели читать, исторические повествования и предания исполняли рассказчики. Поколение за поколением они пересказывали чудесные повести, которые до этого сохраняли их предшественники, иногда добавляя что-то от себя, а иногда дополняя их сведениями, которые они узнавали позднее. Очень часто возникали анахронизмы, ошибки в географии, в названии мест, в описании манер и т. п. Легко выдумывались генеалогии, в которых король Артур и его рыцари, а также Карл Великий и его паладины вели свое происхождение от Энея, Гектора и других героев Троянской войны.

Что касается происхождения самого слова «роман», то мы считаем, что оно появилось в языках, образовавшихся в Западной Европе из смеси латыни и местных диалектов и получивших название *романских языков*. Французский язык имел два диалекта, границей распространения которых считалась река Луара. В провинциях, расположенных к югу от этой реки, утвердительно «да» выражалось словом *oc*, а к северу — словом *oil* (*oui*). В связи с этим Данте назвал южный диалект *langue d'oc*, а северный диалект *langue d'oil*. Последний вместе с норманнами пришел в Англию, и он же является источником современного французского языка. Его можно назвать французским романским; тогда как первый следует называть провансальским или провансальским романским, поскольку на нем разговаривали жители Прованса и Лангедока, т. е. южных провинций Франции.

Эти диалекты вскоре стали различаться массой особенностей. Мягкий, расслабляющий климат, коммерческая активность, возникновению которой способствовала легкость общения с другими прибрежными странами,

приток богатства, более устойчивые формы правления способствовали совершенствованию и смягчению произношения в провансальском диалекте, на котором говорили поэты, известные как трубадуры и ставшие образцом для подражания для многих итальянских поэтов, особенно для Петрарки. Они отдавали предпочтение таким жанрам, как *sirventes* (сирвенты, или сатирические стихи), любовные песни и *tensons* (тенсоны), которые изначально представляли собой поэтический диалог двух поэтов, задававших друг другу вопросы, касавшиеся любовной казуистики. Создается впечатление, что провансальцы так хорошо разбирались в этих деликатных вопросах, что не признавали и презирали сочинение неправдоподобных историй о приключениях, выпадавших на долю рыцарей, которые в большей мере интересовали поэтов, проживавших в северной части страны и называвших себя труверами.

В то время когда рыцарство вызывало всеобщее восхищение и когда все усилия рыцарей были направлены против врагов религии, совершенно естественно, что литература учитывала эту особенность, а история и мифология использовались для того, чтобы воспевать отвагу и благочестие, достойные подражания. Артур и Шарлемань* оказались двумя героями, выбранными для этой цели. Артур изображался как храбрый, хотя и не всегда удачливый воин; он решительно противостоял врагам веры, т. е. саксам, и память о нем сохранили его соотечественники, бретонцы, передавшие в Уэльс и в союзную им страну Арморикку, или Британию, легенды о его подвигах, которые их национальное тщеславие преувеличивало и преувеличивало, пока князек из Силурии (Южный Уэльс) не превратился в завоевателя всей Англии, Галлии и большей части Европы. Его генеалогию постепенно возвели к несуществующему Бруту и к периоду Троянской войны. Составлялись псевдохроники на уэльском, или армориканском, языке, которые под помпезным названием «История королей Британии» была переведена на латынь Гальфридом Монмутским примерно в середине двенадцатого века. Уэльские исследователи считают, что в этой работе использовались более древние материалы, собранные святым Талианом, епископом аббатства святого Асафа в седьмом веке.

Что касается Шарлеманя, то, хотя его реальные заслуги уже достаточны для того, чтобы обессмертить его имя, *священные войны*, которые

* Шарлемань (Charlemagne) — традиционное французское прочтение латинской формы имени Карла Великого (Carolus Magnus).

он вел против сарацин, не могли не стать популярным литературным сюжетом. Поэтому мифическая история этих войн была написана скорее всего в конце одиннадцатого века монахом, который полагал, что его работа только выиграет, если ее приписать некому Турпену, который был архиепископом в Реймсе примерно в 773 году.

Эти придуманные хроники какое-то время были известны только местным писцам или лицам, имевшим к ним профессиональный доступ. Как Турпен, так и Гальфрид, вполне возможно, были известны только монахам, поскольку другие в то время латынью не владели, при этом британское происхождение Гальфрида привело к возвеличиванию валлийцев, и их произведения стали популярными лишь тогда, когда были переведены на более распространенный язык. Язык англосаксов был в ходу только у покоренного и поработанного народа; итальянский и испанский языки еще не были окончательно сформированы; язык французской Нормандии оставался единственным языком, которым пользовались знать в большей части Европы, и поэтому мог стать средством распространения новой формы литературы.

Этот язык был в моде в Англии еще до ее завоевания Вильгельмом, а впоследствии — единственным языком, которым пользовались при лондонском королевском дворе. Подобно тому как ранее различные победы норманнов и доблесть многих ее представителей обеспечили популярность их литературного наследия в Европе, так и в рассматриваемую нами эпоху норманнские поэты с легкостью восприняли фантастические легенды об Артуре и Шарлемане, переведенные ими на современный язык и вскоре породившие многочисленные подражания. Приключения, приписываемые этим монархам и их доблестным воинам, а также другим историческим и вымышленным героям, составили большой корпус легенд, известных как рыцарские романы — по названию языка, на котором они были созданы.

Стихотворные романы

Самые ранние романы имели грубую форму стиха, который пелся или декламировался на пирах князей и рыцарей в их пышных залах. Ниже приводится пример языка и стиля, которыми пользовался Робер де Бове, достигший наибольшей популярности в 1257 году и цитировавшийся Вальтером Скоттом в его введении к «Роману о сэре Тристраме».

Ne voil pas emmi dire,
 Ici diverse la matyere,
 Entre ceus qui solent cunter,
 E de le cunte Tristran parler.

Я не смогу подробно рассказать
 Все то, что вы давно слышали сами,
 Но что певцы готовы повторять —
 Так это повесть о Тристраме.

Это образчик языка, которым пользовалась английская знать в эпоху, начавшуюся сразу после норманнского завоевания. Ниже дается пример английского языка, который существовал в ту же эпоху в среде простолюдинов. Робер де Брюнн, говоря о своих познаниях в латинском и французском, пишет:

Als thai haf wryten and sayd
 Haf I alle in myn Inglis layd,
 In simple speche as I couthe,
 That in lightest in manne's mouthe.
 Alle for the luf of simple men,
 That strange Inglis cannot ken.

Все, что писалось, что говорилось —
 Все мной на Инглис переводилось,
 Чтобы простой и красивою речью
 Жизнь я умел изложить человечью.
 Все рассказать о простом и о близком,
 Все, что не скажешь на странном английском.

Этим «странным Инглис» был язык, представленный в предыдущем примере.

Прозаические романы стали появляться не раньше конца тринадцатого столетия. Эти произведения обычно начинались со всевозможной дискредитации источников, из которых они на самом деле черпали свои сведения. Поскольку считалось, что любой роман изображает реальные события, их авторы потеряли бы всяческое доверие, если бы признались, что просто копируют своих предшественников. Наоборот, они обычно утверждали, что, поскольку народная поэзия содержит много заимствований, им пришлось

перевести точную и истинную историю конкретного рыцаря с латинского или греческого оригинала либо с древнего британского, или армориканского, источника, которые на самом деле существовали только в воображении автора романа. Пример стиля прозаического романа можно найти в следующей цитате из одного из наиболее известных и более поздних романов — «Смерть Артура», написанного Томасом Мэлори в 1485 году. Его труд лег в основу большей части нашей книги, причем мы стремились сохранить оригинальный стиль в той мере, в какой это было возможно с учетом вкусов современного читателя.

...по всему вселенскому миру известно каждому, что всего на свете было девять лучших и достойнейших и это: три язычника, три иудея и три мужа-христианина. Что до язычников, то они жили еще прежде Воплощения Христова, имена же им были: Гектор Троянский, об коем повести существуют и в прозе и стихах; второй — Александр Великий, третий же — Юлий Цезарь, император Римский, об коем истории всякому ведомы и повсеместно имеются. А что до трех иудеев, также прежде Воплощения Господа Нашего бывших, то из них первый это — Иисус Навин, что вывел сынов Израилевых в землю обетованную, второй — Давид, царь Иерусалимский, а третий — Иуда Маккавей; и об них троих в Библии излагаются все их благородные дела и подвиги. Со времени же помянутого Воплощения Божия было еще три благородных мужа-христианина, восславленных по вселенскому миру и введенных в число девятерых достойнейших и лучших, из них первый — благородный Артур, чьи благородные деяния я намереваюсь описать в нижеследующей книге. Вторым был Шарлемань, он же Карл Великий, коего жизнеописания имеются во многих местах, и французским языком, и английским изложенные; третьим же и последним был Годефрей Болонский*.

Мабиногион

Литераторам и любителям древностей Европы давно известно, что в больших публичных библиотеках имеются объемные рукописи романов и сказаний, которые некогда были популярны, но с изобретением печатных

* Цит. по: Мэлори Томас. Смерть Артура. Москва: Научно-издательский центр «Ланомир» — Издательство «Наука», 1993. С. 8.

книг стали постепенно забываться. Поэтому они никогда не печатались и редко использовались даже учеными людьми. Ситуация изменилась примерно полвека назад, когда они вновь оказались в центре внимания и когда обнаружилось, что они являются любопытными памятниками, содержащими описание древних нравов, образа жизни и образа мышления. Часть из них подверглась редактированию отдельных лиц, таких как сэр Вальтер Скотт и поэт Соузи, другие редакции принадлежат обществам любителей древности. Категория читателей, которых бы заинтересовали такие публикации, настолько немногочисленна, что прибыль от подобных изданий вряд ли могла бы заинтересовать редакторов и издателей настолько, чтобы они выпустили их в свет. Поэтому на сегодняшний день доступными являются лишь те рукописи, которым повезло с публикацией. Существует определенная категория рукописей, которые известны специалистам и которые считаются достаточно любопытными и ценными, но которые вряд ли когда-нибудь появятся на английском языке.

К ним относятся уэльские легенды, известные под названием *Мабиногион* (форма множественного числа, в единственном числе — *Мабиноги*, т. е. сказание). Эти рукописи находились в Бодлейской библиотеке в Оксфорде, а также в других местах, но проблема заключалась в том, что для их публикации трудно было найти переводчиков и редакторов. Уэльский язык — это язык, на котором говорят крестьяне Уэльса, но который совершенно не известен никому из образованных людей, если они, конечно, не являются местными жителями. Среди немногочисленных уэльских ученых не удалось найти ни одного, которого заинтересовала бы эта область знаний и который бы захотел ознакомить с этими легендами англоязычную публику. Соузи и Скотт, а также некоторые другие авторы, с большим интересом относившиеся к древним романтическим сказаниям, часто высказывались о том, что уэльские литераторы просто обязаны возродить Мабиногион. Соузи в предисловии к своему изданию книги «Смерть Артура» пишет:

Образцы, которые мне приходилось видеть, представляются исключительно любопытными; вряд ли существует что-либо такое, чего не доставало бы английской литературе больше, чем издание этих сказаний с комментариями, которые никто не сделает лучше, чем мистер Дэвис. Совершенно очевидно, что большая часть повествования о Круглом столе возникла в Уэльсе или в Бретани, и следы этого могут существовать там до сих пор.

Кроме того, в письме к сэру Чарльзу В. В. Винну, написанном в 1819 году, он сообщает:

Я уже почти не надеюсь когда-либо увидеть новые отрывки Мабиногион; но тем не менее, если все-таки удастся найти кого-нибудь из компетентных уэльсцев, способных грамотно отредактировать это произведение, придав ему максимально возможный литературный вид, я убежден, что его можно будет издать небольшим тиражом по подписке, установив высокую цену, например, издать 200 экземпляров по цене 5 гиней каждый. Что касается меня, то я с удовольствием бы подписался при такой цене за том, в который вошли бы все ваши оригинальные прозаические и поэтические произведения. Но до тех пор, пока такая подборка не будет сделана, такому «джентльмену из Уэльса» ничего не должно быть об этом известно. Ваши барды достойны лучшего применения, если только они были шотландцами.

Шарон Тернер и сэр Вальтер Скотт также выражали свое желание увидеть указанные уэльские манускрипты опубликованными. Причем последний уже попытался осуществить такое издание с помощью уэльсца по фамилии Оуэн, но мы можем предполагать, что эта попытка не удалась, поскольку, по мнению Соузи, Оуэн плохо владел английским. По выражению Соузи, «Уильям Оуэн передал мне три части Мабиногион, переведенные с таким обилием уэльских идиом и синтаксических оборотов, что его перевод следует считать не только поучительным, но и оригинальным». В другом письме он добавляет: «Пусть Шарон внесет в его язык грамматическую правку, но оставит все идиомы без малейшего изменения».

Вполне возможно, что г-н Оуэн не смог преуспеть в этом своем начинании, которое вряд ли в таком виде могло рассчитывать на широкую поддержку. Необходимо было ждать появления человека, который бы обладал необходимым уровнем знания обоих языков, энтузиазмом, достаточным для решения данной задачи, а также средствами, которые бы позволили ему оставаться независимым от книготорговцев и читающей публики, чтобы уверенно ожидать выполнения этой задачи. После Соузи и Скотта такой человек явился в образе леди Шарлотты Гест, англичанки, бывшей замужем за богатым уэльсцем, которая, выучив язык Уэльса и испытывая гордость за его литературные

сокровища, представила эти легенды английскому читателю в таком привлекательном виде, что иллюстраторы и граверы постарались как можно лучше его украсить. В итоге Мабиногион появились перед нами в четырех томах в формате royal octavo, содержащих уэльские оригиналы, перевод и множество иллюстраций из французской, немецкой и других современных литератур. Являясь непреходящей ценностью для любителей древности и специалистов по языкам и этнологии, это издание вряд ли могло рассчитывать на большой тираж. Поэтому мы считаем своей заслугой подготовку краткого пересказа этого произведения, постаравшись сохранить самые интересные его элементы и стиль, созданный леди Гест. Мы рады, что от читателя это не потребует никаких дополнительных усилий.

Мифическая история Англии

Настоящая глава основывается на «Истории Англии», написанной блестящим поэтом Мильтоном.

В самых древних источниках Альбион — это великан, сын Нептуна, современник Геракла, правивший островом, которому он дал свое имя. Пытаясь помешать продвижению Геракла на запад, он, как полагают, пал от его руки.

В другом повествовании говорится, что Гистион, сын Яфета, сына Ноя, имел четырех сыновей — Франка, Романа, Алемана и Бриттона, от которых пошли французы, романцы, германцы и британцы.

Отрицая эти и другие подобные истории, Мильтон больше внимания уделяет рассказам о троянце Бруте, подкрепляемым, как он считал, «родословной, прослеживаемой в течение длительного периода, законами и подвигами, которые, по всей вероятности, ниоткуда не заимствованы и не придуманы и, по общему верованию, производили немалое впечатление; и это все разделялось многими и отрицалось лишь некоторыми». Основным авторитетом, на который делались ссылки, был Гальфрид Монмутский, который в двенадцатом веке написал историю, являющуюся переводом истории Британии, пришедшей из материковой Европы, а именно из Франции, из Бретани, которая в основном была населена выходцами из Британии, периодически переезжавшими сюда по причине частых нападений со стороны пиктов и скоттов. Согласно Гальфриду Монмутскому, Брут был сыном Сильвия, который в свою очередь был

сыном Аскания, сына Энея, чье бегство из Трои и поселение в Италии описаны в книге «Эпоха волшебной сказки».

Брут в пятнадцатилетнем возрасте, сопровождая своего отца на охоте, случайно застрелил его из лука. Изгнанный после этого своими соплеменниками, он нашел убежище в той части Греции, где решил поселиться Гелен с группой троянских беженцев. Однако Гелен к тому времени был уже мертв, и потомки троянцев оказались под властью Пандраса, царя этой страны. Приветливо встреченный Брут отличался такой добродетелью и воинским искусством, что завоевал всеобщее уважение всех жителей, особенно своих сверстников. Благодаря этому троянцы не только начали питать надежду на освобождение, но и исподволь стали подталкивать его к мысли возглавить поход и принести им свободу. Чтобы еще больше воодушевить его, они заручились поддержкой Ассарака, благородного греческого юноши, матерью которого была троянка. Он испытал на себе много несправедливости со стороны царя, поэтому тут же решился разделить участь троянских беженцев.

Выбрав удобный момент, Брут со своими соплеменниками ушел в леса и горы, откуда было удобнее и безопаснее нападать, а затем направил Пандрасу письмо, в котором говорилось: «Поскольку троянцы считают недостойным для потомков своих доблестных предков служить чужой земле, они скрылись в лесах, предпочтя жизнь в дикости рабству. Если это придется ему не по вкусу, то после его ухода троянцы могут отправиться в другую страну». Пандрас, не ожидавший такого смелого заявления от сыновей пленников, решил наказать их и, собрав столько воинов, сколько смог, догнал их на берегу реки Ахелой, где Бруту удалось, благодаря более выгодной позиции, захватить царя в плен. Условия троянцев были полностью выполнены; царь отдал свою дочь Имоген в жены Бруту и предоставил им корабли, деньги и необходимое количество провианта для того, чтобы переселиться в другие земли.

После того как отпраздновали свадьбу и все корабли собрали вместе, троянцы целым флотом, состоявшим по меньшей мере из трехсот двадцати кораблей, вышли в море. На третий день плавания они пристали к острову, на котором им не удалось найти жителей, хотя повсюду встречались следы их недавнего проживания и даже были обнаружены развалины храма Дианы. Брут принес жертву на алтаре этого святилища и, чтобы получить предсказание, разбудил оракула следующими словами:

Богиня теней и охотница, которая по своей воле
 Ходила по вращающемуся шару и по безднам;
 В своем третьем царстве, на земле, обрати свои взоры и скажи,
 Какую землю, какое место отдохновения ты просишь меня найти;
 Какое такое место, где я могу поклоняться тебе
 Во все века, совершая обряды в храмах и ублажая хорами девственниц.

На что спящая перед алтарем Диана, возбудив в нем видения, ответила так:

Брут! Далеко на западе в безбрежном океане,
 За царством галлов, лежит земля,
 Окруженная морем, где издревле пребывали гиганты;
 Ныне пустынная, она пригодна для твоих людей; держи туда
 Свой путь; сыны иной Трои возникнут там,
 И короли родятся от тебя, чья ужасающая сила
 Заставит трепетать весь мир и победит отважные народы.

Брут, ведомый ныне, как он полагал, божественной волей, поспешил отправиться на запад и, приплыв к какому-то месту в Тирренском море, обнаружил там потомков нескольких троянцев, которые вместе с Антенором прибыли в Италию и вождем которых был Кориней. Они объединились и плыли до тех пор, пока не достигли реки Луары во Франции, где люди сошли на берег, решив создать поселение, но на них с такой яростью напали местные жители, что они снова вышли в море и скоро достигли берега Британии в месте, которое теперь называется Девонширом. Там Брут понял, что это конец обещанного ему пути, высадив своих людей и распространил свою власть на эти земли.

Этот остров, еще не Британия, а Альбион, был почти необитаем и суров; на нем проживали последние представители гигантов, чья непомерная сила и жестокость стали причиной уничтожения всех остальных. Троянцы обнаружили их и уничтожили. В битвах с ними особенно отличился Кориней, чьим именем назвали Корнуолл, который достался ему по жребию и в котором проживали самые высокие гиганты, устраивавшие засады в скалах и пещерах до тех пор, пока Кориней полностью не освободил от них всю землю.

Брут построил себе столицу и назвал ее Троя Нова (Новая Троя); со временем город стал называться Тринвантом, а теперь известен как

Лондон*, там он правил в течение двадцати четырех лет, а затем умер, оставив трех сыновей — Локрина, Альбанакта и Камбера. Локрину досталась средняя часть острова, Камберу — запад, который по его имени теперь называется Камбрия, а Альбанакту — Албания, которая теперь известна как Шотландия. Локрин женился на Гвендолен, дочери Кориней, но однажды, увидев прекрасную девушку по имени Эстрилдида, которая была захвачена в Германии, он влюбился в нее, и у них родилась дочь, которую назвали Сабра. Пока Кориней был жив, все это сохранялось в тайне, но после его смерти Локрин развелся с Гвендолен и сделал Эстрилдиду своей королевой. Возмущенная Гвендолен отправилась в Корнуолл, где жил ее сын Мадан, воспитанный своим дедом Коринеем. Собрав армию из друзей своего отца и его подданных, она встретила в битве с войсками своего мужа, и Локрин был убит. Гвендолен приказала бросить свою соперницу Эстрилдиду и ее дочь Сабру в реку, которая носит поэтому имя девушки. Со временем оно стало произноситься как Сабрина или Северн. Мильтон указывает на это в своем обращении к рекам:

Быстрый Северн, виновный в смерти девушки, —

а в «Комусе» он эту историю пересказывает с некоторыми вариациями следующим образом:

Неподалеку жила благородная нимфа,
В водах спокойных Северна резвилась она.
Чистейшая дева, она отзывалась на имя Сабрина.
Локрина дочерью она непорочной была.
Он унаследовал скипетр от Брута. Она,
Бегством спасаясь от Гвендолен, брошенной мужем,
Вдаль поплыла и по воле речного потока
Остановилась лишь там, где сливаются реки,
Там, где на дне кувыркаются нимфы речные.
Те захватили ее за запястья жемчужные крепко
И повели в тот чертог, где Нерей обитал престарелый.

* Для отважных бриттов, род ведущих от троянцев смелых,
Построен был Тройновант на золах Трои белых.

Сжалился тот от рассказа несчастной Сабрины,
И повелел дочерям, чтобы те ее вмиг искупали
В крепком отваре из лавра, потом асфодели
И натирали маслами душистыми долго.
Вот она снова проснулась и стала бессмертной отныне.
Тот же Нерей ее сделал богиней реки*.

Если читатель спросит, когда все это происходило, то мы должны ответить, что, во-первых, мифология не отличается точностью хронологии, а во-вторых, если Брут был правнуком Энея, то это не могло происходить позже, чем через сто лет после Троянской войны, или примерно за одиннадцать веков до вторжения на остров Юлия Цезаря. Весь промежуточный период заполнен именами королей, непрестанно воевавших друг с другом. Мы упомянем лишь тех, чьи имена связаны с определенными местами или сохранились в литературе.

Бладуд

Бладуд построил город Бат и посвятил его лечебные воды Минерве. Он известен как очень изобретательный человек, который практиковал искусство магии, но, сотворив себе крылья для полета, он упал на храм Аполлона в Тринованте и умер после двадцати лет правления.

Лир

Лир, который правил после него, построил Лестер, назвав его своим именем. У него не было сыновей, а всего лишь три дочери. Когда он состарился, он решил разделить свое королевство между тремя дочерьми, отдав каждой ее часть в качестве свадебного подарка. Однако сначала он решил узнать, какая из дочерей любит его больше, и спросил их об этом под присягой, чтобы по ответу узнать, какая из них питает к нему более теплые чувства. Старшая дочь Гонерил, зная все отцовские слабости, ответила, что не чаёт в нем души. «Поскольку ты уважаешь мой преклонный возраст, — сказал старик, — то тебе и твоему мужу

* Перевод К. Л.

я даю третью часть моего королевства». Такая щедрая награда за несколько слов, сказанных без размышления, навела вторую дочь Реган на мысль о том, что нужно сказать. Поэтому в ответ на тот же вопрос она произнесла, что любит его больше всего на свете, и таким образом получила от него такую же долю, что и ее сестра. Однако Корделия, их младшая сестра и до сих пор больше всех любимая дочь, прекрасно понимая, что от нее требуется, чтобы получить награду, и что честность будет ей невыгодна, решила не нарушать правила честного и искреннего ответа и сказала: «Отец, я люблю тебя так, как велит мне мой долг. А те, кто говорят, что любят тебя больше, льстят тебе». Когда старик, опечаленный тем, что пришлось ему услышать, захотел, чтобы она взяла свои слова назад, и несколько раз повторил свой вопрос, она ответила, что говорит правду и ничего, кроме правды. После этого Лир в сердцах бросил: «Поскольку ты не уважаешь своего престарелого отца так, как это делают твои сестры, то и не мысли получить от меня хоть какую-нибудь часть королевства или того, что у меня имеется». После чего, без промедления отдав свою дочь Гонерил замуж за герцога Албанского, а Реган за герцога Корнуольского, он поделил королевство между ними и решил жить при своей старшей дочери в окружении всего ста рыцарей. Однако, сочтя такое количество избыточным, родственники скоро сократили его свиту до тридцати человек. Обидевшись, старый король отправился к своей второй дочери, но она, вместо того чтобы успокоить его ущемленное самолюбие, заняла сторону своей сестры и отказалась принимать его со свитой больше пяти человек. Тогда он вернулся к старшей сестре, которая заявила, что примет его только с одним слугой. После этого он вспомнил, что у него еще есть Корделия, и отправился на ее поиски во Францию, не надеясь, впрочем, на ласковый прием после того, как он ее так сильно обидел. Тем не менее он хотел увидеть ее, чтобы перед смертью признаться ей, что раскаивается в своей несправедливости. Когда Корделии сообщили о его приближении и о том, в каком ужасном состоянии он находится, глаза ее наполнились искренними слезами. Не желая, чтобы он предстал в таком ужасном состоянии перед ней самой или перед кем-либо еще, она поручила одному из своих самых доверенных слуг встретить отца, тайно отвести в удобное убежище и там обеспечить его всем подобающим ему по рангу. После этого Корделия со своим мужем-королем отправилась на торжественную встречу с ним и после пышного приема с позволения супруга отбыла с армией для того, чтобы вернуть трон своему отцу. Удача им улыбнулась, коварные

сестры и их мужья были побеждены, а король Лир вернул себе корону и правил еще три года. Корделия унаследовала от него трон и правила еще пять лет, но после этого сыновья ее сестер восстали против нее, и она потеряла и корону и жизнь.

Шекспир выбрал эту историю в качестве сюжета для своей трагедии о короле Лире, слегка изменив некоторые детали. Основными отличиями являются помешательство Лира и неудачная попытка Корделии вернуть трон своему отцу. Кроме того, он изменил некоторые имена. Наш пересказ основан на «Истории» Мильтона, поэтому у читателя есть возможность сравнить варианты, принадлежащие двум признанным мастерам английской литературы.

Феррекс и Поррекс

Феррекс и Поррекс были братьями, унаследовавшими королевство после Лира. Они постоянно ссорились из-за того, кому из них быть главнее, и Поррекс изгнал своего брата, который, получив помощь от Суарда, короля франков, вернулся и начал войну с Поррексом. Феррекс погиб в битве, а его воины были рассеяны. Когда их мать узнала о смерти одного из своих сыновей, который к тому же был ее любимцем, она пришла в ярость и затаила смертельную ненависть к своему оставшемуся в живых сыну. Однажды, когда он спал, она воспользовалась ситуацией, напала на него и с помощью своих служанок разорвала его на куски. Эта ужасная история не заслуживает того, чтобы о ней вспоминать, если бы не одно обстоятельство — она стала сюжетом первой трагедии, написанной на английском языке. В первом издании она называлась «Горбодук», но во втором издании она уже вышла под названием «Феррекс и Поррекс» и была поставлена Томасом Саквиллем, впоследствии ставшим графом Дорсетским, и юристом Томасом Нортоном. Это произошло в 1561 году.

Дунвалло Мольмутий

Еще одно имя, заслуживающее упоминания. Мольмутий установил Мольмутинские законы, которые наделяли правом убежища храмы, города и ведущие к ним дороги; аналогичная защита распространялась на

пашни, поскольку в религиозном представлении полевые работы носили сакральный характер. Шекспир упоминает его в «Цимбелине» (действие III, сцена 1):

Мульмуций, законодатель наш,
Из бриттов первый
Короной золотою был увенчан
И королем назвался*.

Бренн и Беллин

Сыновья Мольмутия, унаследовавшие его трон. В результате ссор Бренн был изгнан с острова и нашел прибежище в Галлии, где пользовался таким покровительством короля аллоброгов, что тот отдал свою дочь за него замуж и сделал его своим соправителем. Римские историки называли Бренном знаменитого предводителя галлов, которые захватили Рим в эпоху Камилла. Гальфрид Монмутский приписывает славу захвата Рима вождю бриттов после того, как он стал королем аллоброгов.

Элидур

После Беллина и Бренна правили несколько королей, ничем не прославивших себя, а после них правил Элидур. Его брат Артгалло, будучи королем, нанес серьезную обиду могущественной знати, которая восстала против него, свергла его и возвела на трон Элидура. Артгалло бежал, чтобы найти поддержку со стороны соседних королевств, но не преуспел в этом. В годы мудрого правления Элидура страна процветала. Пять лет он сидел на троне, когда однажды на охоте повстречался в лесу со своим свергнутым братом Артгалло. После продолжительных странствий тот впал в такую нищету, что решил возвратиться в Британию в сопровождении всего десяти спутников, желая вернуть расположение тех, с кем раньше дружил. Элидур, увидев своего брата в таком ужасном положении, забыл всю вражду, бросился к нему и обнял. Он привез Артгалло с собой и спрятал его во дворце. После этого он притворился больным, созвал свою

* Перевод П. Мелковой.

знать и где убеждением, где силой заставил ее признать, что он не по закону захватил трон и что на троне нужно восстановить его брата. Соглашение было достигнуто, Элидур снял с себя корону и надел ее на голову брата. Артгалло правил после этого десять лет мудро и благополучно и был справедлив ко всем людям.

Он умер и оставил королевство своим сыновьям, которые управляли им в меру своих способностей, но жили недолго и не оставили потомков, поэтому трон вновь перешел к Элидуру, который королем закончил свою жизнь, полную справедливых и добродетельных деяний, за что получил прозвище Благодетельный и был любим своими подданными.

Вордсворт взял историю Артгалло (Артегаля) и Элидура в качестве сюжета для своей поэмы, которая известна как «Поэма № 2» в сборнике «Стихи, основанные на любви».

Луд

После Элидура в хрониках упоминается много королей, которые ничем не знамениты, за исключением Луда, которому удалось значительно расширить свою столицу Триновант и обнести ее стенами. Он изменил название города, дав ему свое имя, и отныне город стал известен как город Луда, или Лондон. Луд был погребен у городских ворот, которые получили название Лудские врата. У него было два сына, но к моменту смерти своего отца они были несовершеннолетними, и все труды по управлению государством взял на себя их дядя Касваллаун, или Кассибеллаун, которому и отошел трон. Он был отважным и величественным правителем, и слава о нем донеслась до самых дальних земель.

Кассибеллаун

Примерно в это же время случилось так (об этом сообщают римские источники), что Юлий Цезарь, подчинив Галлию, пристал к берегам Британии. Решив добавить этот остров к своим завоеваниям, он подготовил корабли и перевез армию через море, высадив ее в устье реки Темзы. Там его со всеми войсками встретил Кассибеллаун — произошла битва, в которой Ненний, брат Кассибеллауна, сошелся в поединке с Цезарем. В результате нескольких яростных нанесенных и отраженных

ударов меч Цезаря так глубоко застрял в щите Ненния, что его оказалось невозможным вытащить, и после того как противники были разведены благодаря вмешательству солдат, трофей достался Неннию. День кончался, а сражение все продолжалось, и бритты стали так сильно наседавать, что Цезарь вынужден был отступить в свой лагерь. Придя к выводу, что эту войну пока продолжать бесполезно, он вернулся в Галлию.

Шекспир упоминает о Кассибеллауне в «Цимбелине»:

Кассивелаун,
Успехом окрыленный, был готов
(Изменчива Фортуна!) выбить меч
У Цезаря. Он город Люду ярко
Огнями озарил, вливая бодрость
В сердца британцев*.

Кимбелин, или Цимбелин

Во время второго вторжения на остров Цезарю повезло больше, и он заставил бриттов платить дань. Кимбелин, племянник короля, был направлен к римлянам в качестве заложника — как гарант честного выполнения договора, и когда Цезарь доставил его в Рим, тот стал овладевать всеми римскими искусствами и достижениями. Позже, вернувшись в страну и воссев на трон, он отличался привязанностью к римлянам и сохранял мир с ними в течение всего своего правления. Его сыновья, Гвидерий и Арвираг, которые появляются в пьесе Шекспира «Цимбелин», унаследовали трон своего отца и, отказавшись платить дань римлянам, спровоцировали еще одно вторжение. Гвидерий был убит, однако Арвирагу удалось договориться с римлянами, и он продолжал успешно править в течение многих лет.

Арморика

Следующим событием, заслуживающим упоминания, является завоевание и колонизация Арморики Максимом, римским военачальником, и Конаном, правителем Миниадока, или Денбиг-ленда, что в Уэльсе.

* Перевод П. Мелковой.

Страна стала называться Британией или Малой Британией, причем она была так густо заселена колонистами, что их язык ассимилировался тем, на котором говорили в Уэльсе, и даже сейчас утверждают, что крестьяне двух стран, говорящие на своем родном языке, могут понимать друг друга.

Римлянам в конце концов удалось утвердиться на острове, и через несколько поколений они настолько смешались с местным населением, что между ними уже не осталось никаких различий. Когда римляне вынуждены были вывести свои армии из Британии, их уход был встречен с большим сожалением всеми местными жителями, поскольку они оказывались незащищенными перед угрозой варварских племен скоттов, пиктов и норвежцев, которые беспрестанно грабили страну. Таким было положение накануне эпохи короля Артура.

Приключения Альбиона — гиганта, которому пришлось бороться с Гераклом, — упоминаются Спенсером («Королева фей», книга IV, песнь IX):

Поскольку Альбион был сын Нептуна,
Он силой был огромной наделен,
И испытать ее решил он всюду,
А для того покинул Альбион
И в Галлию отправился, она
Зовется Францией сегодня. Взясся он
С Гераклом потягаться, ибо тот
Решил, что мир уже им покорен.
Но был наполовину смертен
И погиб*.

Мерлин

Отцом Мерлина был не человек, а один из инкубов — существ не то чтобы вредных, но и не добродетельных, населявших воздушную стихию. Матерью Мерлина была благочестивая молодая женщина, которая, родив сына, доверила его жрецу. Тот, не мешкая, отнес ребенка к святому источнику и тем самым спас его от участи отца; правда,

* Перевод К. Л.

у мальчика сохранилось много признаков его необычного происхождения.

В то время Британией правил Вортигерн. Он был узурпатором, убившим своего суверена Мойна и изгнавшим двух братьев покойного короля, которых звали Утер и Пендрагон. Вортигерн, постоянно боявшийся возвращения законных наследников трона, повелел для защиты возвести большую башню. Трижды строители доводили сооружение до определенной высоты, и трижды оно падало без каких бы то ни было видимых причин. Король стал совещаться с астрологами по поводу этого странного обстоятельства и узнал от них, что краеугольный камень в основании нужно обмыть кровью ребенка, рожденного несмертным отцом.

На поиски такого ребенка Вортигерн направил своих гонцов во все концы королевства, и они случайно обнаружили Мерлина, который имел подходящее происхождение. Они привезли его к королю, однако Мерлин, несмотря на свои юные годы, сумел доказать королю всю абсурдность попыток спасти сооружение таким образом. Он сказал ему, что башня постоянно падает из-за того, что ее возвели над логовом двух огромных драконов, которые, борясь друг с другом, сотрясают землю. Король приказал рабочим копать под башней, и вскоре они обнаружили двух огромных змеев, один из которых был белый, как молоко, а другой — красный, как пламя. Люди глядели на них с удивлением, как вдруг змеи медленно поднялись из своего логова и, развернувшись во всю свою длину, начали биться. Толпа со страхом разбежалась, и остался один Мерлин, который хлопал в ладоши и подбадривал сражавшихся. Красный дракон был убит, а белый уполз в расщелину в скале и никогда больше не появлялся.

Эти животные, как потом объяснил Мерлин, олицетворяли собой вторжение Утера и Пендрагона, законных правителей, которые вскоре после этого высадились на берегу с большой армией. Вортигерн потерпел поражение и впоследствии заживо сгорел в своем замке, который он построил с таким трудом. После смерти Вортигерна на трон взошел Пендрагон. Мерлин стал его главным советником и часто помогал королю своим магическим искусством. Помимо всего прочего, он мог по своему желанию принимать образ любого существа. Иногда он появлялся в облике карлика, а иногда — девицы, пажа или даже гончей или оленя. Он часто использовал эту свою способность, исполняя поручения короля или просто развлекая двор и своего суверена.

Мерлин оставался любимым советником в течение всего царствования Пендрагона, Утера и Артура, но однажды он исчез и больше никогда не появлялся среди людей из-за вероломства своей возлюбленной, феи Вивианы.

Мерлин, влюбившись в фею Вивиану, или Озерную Леди, не удержался, открыл ей различные тайны своего искусства и тем самым обрек себя на смерть, о которой уже тогда ему было известно. Дама, однако, не удовлетворилась таким свидетельством его беззаветной преданности и решила, как сообщает нам роман, «удержать его навсегда» и однажды обратилась к нему с такими словами:

— Сэр, мне бы хотелось, чтобы вы создали прекрасное и удобное место с помощью искусства и хитрости, чтобы его никогда нельзя было разрушить и в котором бы вы и я находились в радости и утешении.

— Моя леди, — ответил Мерлин, — я все сделаю.

— Сэр, — сказала она, — не хочу, чтобы вы это делали сами, просто научите меня, как это сделать, и я все устрою по своему разумению.

— Я подарю вам эти знания, — сказал Мерлин.

Он начал говорить, а дама все это записывала. Когда он закончил, дама пришла в неопишуемый восторг и одарила его такой любовью, которой Мерлин никогда до этого не видел. Какое-то время они прожили вместе. Однажды случилось так, что они, взявшись за руки, шли по лесу Броселианд и набрали на куст боярышника, который был весь усыпан цветами. Они уселись в тени этого куста на зеленую траву, Мерлин положил свою голову на колени девушки и уснул. После чего девушка встала, нарисовала круг, в центре которого оказались куст и Мерлин, и произнесла при этом волшебные заклинания, которым научил ее волшебник. Затем, как ни в чем не бывало, она села подле него и вновь положила его голову себе на колени. Когда он проснулся и огляделся, то понял, что заключен в самую крепкую башню в мире и лежит на прекрасном ложе. Тогда он сказал даме:

— Моя леди, ты обманула меня, если только не решила остаться со мной, ибо никто на свете не сможет разрушить эту башню, кроме тебя самой.

После чего она пообещала часто навещать его в башне, о чем заключила с ним договор. С тех пор Мерлин так и не покидал башню, в которую был заключен своей возлюбленной Вивианой. Она же входила и выходила из этой башни, когда бы ни пожелала.

После этого Мерлин больше ни разу не говорил ни с кем из смертных, кроме Вивианы, за исключением одного случая. Артур, заметив, что Мерлина долго нет при дворе, отправил на его поиски нескольких рыцарей, в том числе и сэра Гавейна, который во время этого путешествия пережил один из самых неприятных моментов своей жизни. Проезжая по дороге мимо дамы, он не поприветствовал ее, на что дама обиделась и превратила его за такую неучтивость в отвратительного карлика. Он принялся громко стенать по поводу свалившегося на него несчастья и, будучи в Броселландском лесу, неожиданно услышал справа от себя чей-то голос; посмотрев в этом направлении, он увидел лишь вьющийся дымок. Дымок казался легким, как воздух, но пройти через него сэр Гавейн не смог. Тогда Мерлин обратился к нему из этого облачка дыма и рассказал, как он оказался заключенным внутри.

— О сэр! Вы никогда больше не увидите меня, и это меня печалит, но исправить я ничего не могу; я никогда больше не смогу поговорить с вами или с кем-то другим, не считая моей возлюбленной. Однако поспешите к королю Артуру и убедите его от моего имени без промедления начать поиски Святого Грааля. Уже родился рыцарь, посвященный им в рыцарское звание, которому суждено осуществить эти поиски.

После этих слов он успокоил Гавейна, сказав, что тот скоро будет расколдован и по возвращении найдет короля в Кардуэле в Уэльсе, и что все остальные рыцари, которые примут участие в этих поисках, соберутся в тот же день вокруг него. И все случилось так, как сказал Мерлин.

Мерлин часто фигурирует в рыцарских романах, и всегда это происходит либо накануне великих событий, либо накануне его смерти или волшебного исчезновения. В романтических поэмах итальянских поэтов, а также у Спенсера Мерлин в основном изображается магом. Спенсер рисует его как создателя несокрушимого щита и других достижений короля Артура («Королева фей», книга I, песнь VII), а также зеркала, в котором девушка видит тень своего возлюбленного. Источник Любви в поэме «Влюбленный Роланд» (*Orlando Innamorato*) также считается делом его рук; в поэме Ариосто мы узнаем о зале, украшенном пророческими картинами, которые демоны сотворили за одну ночь под руководством Мерлина.

Ниже приводится легенда, взятая из книги Спенсера «Королева фей» (книга III, песнь III):

БАШНЯ МЕРЛИНА
(КАЭР-МЕРДИН,
ИЛИ КЭРМАРТЕН, В УЭЛЬСЕ)
И ЗАТОЧЕНИЕ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Они пошли, одетые в отрепья,
Чтобы никто узнать их не сумел,
В Маридум, тот, который чрез столетья
Каэр-Мердином зовется. Много дел
У Мерлина — он сделать захотел
Убежище в глуби земли скалистой,
Чтоб свет туда земной не долетел,
И там совет держал он с силою нечистой.

И если вам когда-нибудь придется
Быть в тех местах, советую пойти
И посмотреть, — а проводник найдется
На этом заповеданном пути, —
Там яма под скалой, где вдаль летит
Поток Барри, у Денвера в лесах.
Не дай вам Бог в нее тогда войти,
Там гибельно, там всюду только страх:
Нечистые сожрут и не оставят прах.

Оставшись наверху, вы приложите ухо —
Там лязг цепей доносится всегда,
Оттуда звон котлов несется глухо,
Нечистых там беснуется орда,
И слабый мозг не вынесет тогда
Рыданий, стонов, причитаний, плача
От тяжкого их рабского труда.
А иногда там все звучит иначе
И содрогается, что даже камни скачут.

Люд просто объясняет эту сцену:
Мол, Мерлин перед тем, как умереть,
Решил построить бронзовую стену,
Чтоб Кармердин был неприступным впредь,

И нанял он нечистых бронзу греть,
Но в Леди Озера взыграла вдруг любовь —
Она его хотела лицезреть.
А бесенята руки стерли в кровь
И ждут, когда о них он вспомнит вновь.

Попался Мерлин на уловку Леди
И жил в плену, как в каменном гробу,
Забыв про то, что делал он из меди
И тем обрек нечистую гурьбу
Работать век и проклинать судьбу.
Ослушаться они его боятся —
Работают, струится пот по лбу.
А он никак не может к ним добраться,
И суждено им день и ночь стараться.

Артур

Мы начнем нашу историю о короле Артуре с упоминания о некоторых особенностях его жизни, которые основываются на исторических свидетельствах, а затем перейдем к пересказу тех легенд о нем, которые относятся к самой ранней эпохе британской литературы.

Артур был вождем племени бриттов, которые называли себя силурами и обитали в Южном Уэльсе. Он был сыном Утера по прозвищу Пендрагон — титул, который давался выбираемому правителю, стоявшему выше многих британских королей. Скорее всего, его военная карьера началась в начале пятого века, а титул Пендрагона он получил спустя десять лет. Сообщается, что он одержал двенадцать побед над саксами. Самой важной из них была победа при Бадоне, который одни авторы соотносят с Батом, а другие — с Беркширом. Это была его последняя битва с саксами, которая надолго остановила их дальнейшее продвижение, так что даже Артур не испытывал от них никаких проблем и правил в мире двадцать лет, пока не восстал его племянник Модред и пока в 542 году не произошла печально известная битва при Камлане, что в Корнуолле. Модред погиб, а смертельно раненный Артур был отправлен за море, в Гластонбери, где умер и был погребен. Предания сохранили память о его пребывании в этом аббатстве. Свидетельство этого

мы можем найти у Гиральдуса Камбрэнсиса, который присутствовал при вскрытии могилы Артура по приказу короля Генриха II, примерно в середине двенадцатого века, и видел кости и меч монарха, а также свинцовый крест, установленный на его надгробии, на котором грубыми латинскими буквами было написано: «Здесь, на острове Авалония, погребен знаменитый король Артур». Эта история пересказана изящными стихами Вартона. В народе, особенно среди бриттов, в течение долгого времени бытовало предание о том, что Артур не умер, а был перенесен для исцеления от ран на волшебный остров и что он явится вновь, чтобы отомстить за своих соотечественников и вернуть им главенство над всей Британией. В оде Вартона бард рассказывает королю Генриху традиционную историю гибели Артура, которая завершается такими строками:

Хоть он и везучий, хоть он и удал,
 Напрасно язычник наносит удар:
 Прекрасная фея — невидима взорам —
 Накрыла героя своим омофором,
 И подданных просит она торопиться,
 Чтоб быстро героя несла колесница,
 Которую Мерлин сработал на совесть,
 Туда, где кончается мира суровость,
 Туда, где в глубинах зеленые страны,
 Туда, где рососою врачуются раны.

Там снова король обретает корону.
 Он будет защитник британскому трону.
 Я слышу пророчества: он возвратится,
 Плюмаж его снова как гордая птица,
 И рыцарский стол его вновь возродится,
 И скипетр вновь вознесется над миром,
 И рыцари снова вернутся к турнирам*.

После этого выступает другой бард, сообщающий совершенно иную историю:

Король погибал на опушке у леса,
 Но с поля его унесла не принцесса,

* Перевод К. Л.

Не Мерлин своим заклинанием мощным
Унес короля в золоченые рощи,
А други его на конях белогривых
Его унесли с этих мест несчастливых
Туда, где задолго до этих событий
Иосиф построил святую обитель*.
Где встретили дроги монашеским пенъем,
Обряды свершив над его погребеньем.
И пред алтарем была вырыта яма,
Где он похоронен под сводами храма**.

Не секрет, что некоторые специалисты вообще отрицают само существование Артура. Мильтон пишет: «Что касается Артура, которого чаще воспевают в песнях и романах, чем в правдивых историях, кем он был и правил ли в Британии, — то как раньше сомневались в его существовании, так могут сомневаться и в будущем, причем не без причины». Современные критики, однако, признают, что существовал вождь, носивший такое имя, и ссылаются на частое упоминание о нем в творчестве уэльских бардов. Однако Артур, упоминающийся в романах, как считает г-н Оуэн, уэльский ученый и любитель древности, это мифическая личность. «Артур, — говорит он, — это Большая Медведица, как об этом говорит само имя (*Arctos, Arcturus*), и поскольку это созвездие находится близко к полюсу и описывает видимый круг, то, возможно, это и стало причиной возникновения знаменитого Круглого стола».

История рождения Артура

У Констанана, короля Британии, было три сына — Мойн, Амбросий, который также носил имя Утер, и Пендрагон. Мойн вскоре после восшествия

* Считается, что Гластонберийское аббатство основал Иосиф Аримафейский на месте, которое в древности называлось островом или долиной Авалония. Теннисон в своем произведении «Дворец искусств» так пишет о спасении короля Артура королевой фей:

О Утера сын, получивший тяжелую рану,
Лсжишь ты в лугах, к небу очи воздев,
Среди Авалона, и слезы горячие станут
Опять проливаться из глаз молодых королев. — *Примеч. авт.*

** Перевод К. Л.

на трон потерпел поражение от саксов из-за предательства своего сеньяла Вортигерна и, потеряв авторитет в результате этой военной неудачи, был убит своими подданными, а его место занял предатель Вортигерн.

Вскоре после этого Вортигерн потерпел поражение от Утера и Пендрагона, оставшихся в живых братьев Мойна, и Пендрагон взошел на трон.

Этот правитель доверял мудрости Мерлина и сделал его своим советником. Примерно в это же время между саксами и бриттами началась большая война. Мерлин потребовал, чтобы братья поклялись в верности друг другу, но предсказал, что один из них обязательно погибнет в первой же битве. Саксы были изгнаны, Пендрагон погиб в битве и его место на троне занял Утер, который к своему имени прибавил еще и титул Пендрагона*.

Мерлин так и остался любимым советником. По просьбе Утера он перенес с помощью магического искусства огромные камни из Ирландии для сооружения усыпальницы Пендрагона. Эти камни сейчас образуют исторический памятник, известный под названием Стоунхендж, расположенный в долине Солсбери.

Затем Мерлин отправился в Карлайл, чтобы соорудить Круглый стол, за которым он собрал всех самых благородных представителей страны. Все, кому было позволено войти в этот орден, должны были поклясться оказывать помощь друг другу, если их жизни будет грозить опасность, отправляться на поиски приключений, вести, если потребуется, уединенную жизнь, братья за оружие по первому призыву и не выходить из битвы до тех пор, пока противник не будет побежден, если только ночь не помешает продолжению боя и не разведет противников.

Вскоре после этого король пригласил всех своих баронов на большой праздник, который он ежегодно проводил в Карлайле.

Поскольку все бароны получили от короля разрешение явиться со своими дамами, то на одном из таких праздников появилась прекрасная Игерна вместе со своим мужем Горлуа, герцогом Тинтаделя. Король так влюбился в герцогиню, что не смог скрыть свою страсть. Однако Игерна отвергла его притязания и сообщила обо всем своему мужу. Узнав об этом, герцог немедленно покинул двор вместе с Игерной, даже не попрощавшись с Утером. Король пожаловался на такую неучтивость своему

* Пендрагон — титул кельтских вождей, означающий «главный дракон», т. е. вождь племен.

советнику, и они решили призвать герцога ко двору, а если он откажется это сделать, объявить его бунтовщиком. Поскольку герцог отказался выполнить приказ, король вторгся во владения своего вассала и осадил его в хорошо укрепленном замке Тинтадель. Мерлин придал королю облик Горлуа, что позволило ему многократно встретиться с Игерной. В конце концов герцог был убит в одной из битв, и король женился на Игерне.

От их союза появился Артур, сменивший на троне своего отца Утера.

Артура выбирают королем

Хотя Артуру на момент смерти отца было всего пятнадцать лет, он в присутствии всей знати был избран королем. Выборы проходили непросто, поскольку у Артура было много амбициозных соперников. Однако епископ Брайс, человек большой святости, в сочельник обратился ко всей знати с просьбой совершить в эти праздничные дни молитву о ниспослании знака, который бы указал, кого хочет видеть Божественное Провидение в качестве будущего суверена. Молитва была услышана: после нее перед церковными дверями был обнаружен чудесный камень, из которого торчал меч, и на его рукояти было написано:

Экскалибур, достоин я
Руки надежной короля.

Епископ Брайс, призвав всех присутствующих первым делом отблагодарить Всевышнего за ниспосланное чудо, предложил считать королем бриттов того, кто сможет вытащить меч из камня, и его предложение встретило всеобщее одобрение. Короли, платившие дань Утеру, и самые известные рыцари по очереди испытывали свою силу, чтобы доказать свое право на престол, однако волшебный меч никому из них не поддался. А тем временем прошло Сретенье, прошла и Пасха, и наступила Троица, когда самые лучшие рыцари королевства собирались на турнир. Артур, который в это время служил сквайром у своего сводного брата сэра Кая, прибыл на турнир, сопровождая хозяина. Сэр Кай сражался с большой отвагой и очень удачно, но в одном из поединков сломал свой меч и отправил Артура к матери за новым мечом. Артур поспешил домой, но там матери не оказалось, поэтому, увидев перед церковью меч, воткнувший в камень, он поскакал к этому месту, с легкостью

вытащил меч и доставил его своему господину. Сэр Кай хотел было сам воспользоваться преимуществами этого меча, но, когда, чтобы рассеять сомнения недоверчивых, меч был снова воткнут в камень, вытащить его не удалось ни Каю, ни другим, кроме Артура. Таким образом Небеса бесспорно указали на то, что Артур должен стать королем. Провозглашение Артура произошло единогласно, и без промедления была организована его коронация.

Едва получив корону, Артур узнал, что против него выступили одиннадцать королей и один герцог, которые с большой армией стали лагерем в лесу Рокингема. По совету Мерлина Артур отправил послов в Бретань, чтобы заручиться помощью короля Бана и короля Борса, которые были известны как самые лучшие рыцари в мире. Они ответили на призыв о помощи и с мощной армией пересекли море, высадившись в Портсмуте, где их встретили с большой радостью. Войска восставших королей все еще имели численное преимущество, однако Мерлин могучим заклинанием вызвал одновременное падение всех их шатров, и, когда в лагере началось всеобщее замешательство, Артур и его союзники напали на противника и разбили его наголову.

Нанеся поражение бунтовщикам, Артур обратил свою армию против саксов. Поскольку в одиночку ему было невозможно с ними справиться, он отправил послов в Арморику, прося помощи у Гоэля, который почти сразу привел ему на помощь большую армию. Два короля объединили свои силы и отправились на поиски врага, нашли его, и обе стороны стали готовиться к решающей битве. Как пишет Гальфрид Монмутский, «сам Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвенном, с изображенным на нем ликом Богоматери девы Марии, который постоянно его призывал ни на мгновение не забывать о ней. Еще он препоясывает себя Калибурном *, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллона, и берет в десницу свою копье, которое называлось Рон, — копье это было длинным и широким, удобным в схватках» **. Яростно сражаясь, Артур призвал на помощь деву Марию, ворвался в гущу врагов и уничтожил их великое множество безжалостным Калибурном, а оставшихся

* Калибурн — вариант имени меча Артура.

** Цит. по: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. Москва: Издательство «Наука», 1984. С. 99.

в живых обратил в бегство. Гозль, который неожиданно занемог, в битве не участвовал.

Битву назвали победой у горы Бадон, которую историки считают вполне реальным событием, несмотря на некоторые сказочные мотивы.

Подвиги, совершенные Артуром в битве у горы Бадон, воспеты в стихах Дрейтона:

И пели они, как он сам в этот день при Бадоне
Честь бриттов держал высоко,
Сражался два дня в этой битве упорной и долгой,
Достойнейший сын Пендрагона, он был по колено в крови:
И саксов три сотни своею рукой поразил.

(Песнь IV)

Гиневра

Мерлин решил женить Артура на дочери короля Лаодегана из Кармалиды. По его совету Артур нанес визит ко двору этого правителя, сопровождаемый только Мерлином и тридцатью девятью рыцарями, которых Мерлин специально отобрал для этой цели. Прибыв, они застали Лаодегана и его пэров в раздумьях о том, как противостоять нападению Райенса, короля Ирландии, который вместе с пятнадцатью королями-данниками и огромной армией почти окружил город. Мерлин, который действовал как предводитель отряда британских рыцарей, заявил, что они — иностранцы, которые хотят предложить королю свои услуги на бранном поле, при условии что им будет разрешено не открывать своих имен до тех пор, пока они сами того не захотят. Эти условия показались достаточно странными, но тем не менее помощь была с благодарностью принята, и чужестранцы, принеся обычную для такого случая клятву королю, отправились на ночлег, который им успел приготовить Мерлин.

Спустя несколько дней противник, несмотря на перемирие, которое он заключил с королем Лаодеганом, покинул свой лагерь и попытался неожиданно овладеть городом. Клеодал, военачальник короля, без промедления собрал все королевские силы. Артур и все его спутники также взялись за оружие, а во главе встал Мерлин, в руках которого было знамя с изображением ужасного дракона. Мерлин отправился к воротам и приказал страже открыть их. Однако стража отказалась это

делать без приказа своего короля. Но Мерлин, несмотря на все замки, засовы и запоры, сумел открыть ворота, а выйдя из города вместе со своим воинством, вернул ворота в прежнее состояние. После этого он прищпорил коня и поскакал во главе своего маленького отряда навстречу двум тысячам язычников. Поскольку силы были слишком неравны, Мерлин заколдовал противника так, что тот не мог видеть размеров атаковавшего его войска. Но даже несмотря на это, британским рыцарям было нелегко отражать удары врага. Однако жители города, видя со стен этот неравный поединок, устыдились того, что оставили чужестранцев без помощи, открыли городские ворота и бросились в бой. После чего силы оказались примерно равны, и Мерлин снял свое заклятие, чтобы битва была честной. Там, где были Артур, Бан и Борс со своими рыцарями, королевская армия одерживала верх, однако на других флангах побеждал противник. Эту печальную картину увидела Гиневра, прекрасная дочь короля, которая стояла на городской стене и следила за битвой. Она была в полном отчаянии, рвала на себе волосы, а потом потеряла сознание.

Однако Мерлин, знавший всю картину битвы, неожиданно собрал своих рыцарей, вывел их из боя и перехватил отряд, который пытался пленить короля. После его яростного нападения часть противников была изрублена на куски, остальные были обращены в бегство, и в итоге король был спасен. В битве Артур встретился лицом к лицу с Каулангом — великаном более четырех метров ростом, и прекрасная Гиневра, которая к тому времени уже испытывала определенный интерес к прекрасному чужестранцу, с трепетом ожидала окончания поединка. Однако Артур нанес чудовищу ужасный удар и почти отсек ему голову, так что она повисла на плече. Лошадь стала носить Кауланга по всему полю, отчего язычников обуял страх. Гиневра не смогла сдержаться и громко заявила о том, что прекрасный рыцарь, который нанес великану такую рану, просто обязан стать ее мужем, и весть об этом быстро разнесли ее слуги. После этого противник обратился в бегство, преследуемый Лаодеганом и его союзниками.

После битвы принцесса Гиневра сняла с Артура оружие и доспехи и сопровождала его в купальню, тогда как его друзей сопровождали другие дамы королевского двора. После купальни рыцарям устроили отменный пир, во время которого им прислуживали те же прекрасные дамы. Лаодеган, все сильнее любопытствуя, кем на самом деле являются его благородные избавители, и тайно надеясь, что предводитель чужестранцев

поддался чарам его дочери, пребывал в молчании и задумчивости, из которых его время от времени выводили шутки придворных. Артур, получивший наконец возможность высказать Гиневре то, как высоко он ее ценит, был очень рад слышать от Мерлина вести о последних подвигах Гавейна в Лондоне: теперь он мог не спешить в свои земли и продлить пребывание при дворе короля Лаодегана. День ото дня росли восхищенные двора галантными чужестранцами и страсть Гиневры к их предводителю. Когда наконец Мерлин объявил королю, что его люди прибыли, чтобы найти невесту своему повелителю, Лаодеган сразу подвел Гиневру к Артуру и сказал ему, что кем бы он ни был, его заслуг достаточно, чтобы вручить ему судьбу наследницы Кармалиды. Артур принял принцессу с большой благодарностью, а Мерлин не замедлил сообщить королю, кем является его зять. После этого Лаодеган и все его бароны поспешили воздать почести своему законному суверену и наследнику Утера Пендрагона. После чего в торжественной обстановке прекрасная Гиневра была обручена с Артуром, и был объявлен большой праздник, который длился семь дней. А тем временем опять появился противник, успевший собрать новые силы, и всем пришлось возвратиться к боевым действиям*.

Теперь мы должны рассказать, что происходило в Лондоне и вокруг него, пока Артура не было в столице. Несколько молодых героев отправились ко двору Артура, чтобы он сделал их рыцарями. Среди них были Гавейн и три его брата, племянники Артура, сыновья короля Лота, и Галахин, еще один племянник, сын короля Нантерса. Король Лот был одним из восставших против Артура владык, которому Артур в свое время нанес поражение и который теперь хотел помириться с деверем с помощью этих юношей. Он снарядил своих сыновей и племянника со всей возможной роскошью и дал им свиту, состоявшую из детей графов и баронов. Все они ехали на прекрасных конях и имели лучшие доспехи. Всего их набралось семьсот человек, но только девять из них были рыцарями. Остальные лишь надеялись на получение этого почетного звания и мечтали о скорой схватке с врагом, чтобы приблизить осуществление их заветной мечты. Возглавлял их Гавейн, рыцарь, отличавшийся необычайной силой, но еще более примечательным было то, что сила его

* Имя Гиневры (Guenever), которая стала женой Артура, писалось также Genievere и Seneuca. Оно известно всем, кто интересуется рыцарским фольклором. Именно на историю Гиневры и ее верного рыцаря сэра Ланселота ссылается Данте в прекрасном эпизоде с Франческой да Римини. — *Примеч. авт.*

была различной в разное время суток. С девяти утра до полудня и с трех часов до полуночи его сила удваивалась. Но и в остальное время он все равно был сильнее обычных людей.

После трех дней похода они оказались вблизи Лондона, где надеялись найти Артура и его двор, но совершенно неожиданно повстречали большую колонну противника, состоявшую из многочисленных телег и повозок, нагруженных провиантом и сопровождаемых тремя тысячами людей, грабившими по пути всех без исключения. Одной стремительной атаки кавалерии Гавейна оказалось достаточно, чтобы рассеять всю охрану и, захватив обоз, направить его без промедления в Лондон. Однако вскоре появились семь тысяч свежих воинов, готовых напасть на пятерых принцев с их небольшой армией. Гавейн, найдя предводителя по имени Хоас — человека гигантских размеров, вступил с ним в бой и рассек его тело от короны до груди. Галахин выбрал для поединка короля Санаграна, который тоже отличался внушительными размерами, и отсек ему голову. Агривейн и Гахерис также совершили славные подвиги. Им удалось сдерживать большую армию нападавших до тех пор, пока им на помощь не пришли жители Лондона, куда успел прибыть отправленный Гавейном обоз, благодаря которому мэр и горожане узнали об опасности, нависшей над его избавителями. Судьба битвы была решена с прибытием жителей Лондона. Враги разбежались, а Гавейн и его соратники в сопровождении благодарных горожан вошли в Лондон, где им воздали большие почести.

Коронация Артура

После большой победы под горой Бадон, на какое-то время усмирившей саксов, Артур обратил свое оружие против скоттов и пиктов, разбив их при озере Ломонт и заставив просить о пощаде. После этого он отправился в Йорк, где решил провести Рождество, и занялся восстановлением христианских церквей, разоренных язычниками. Следующим летом он покорил Ирландию и отправился с флотом в Исландию, которая также покорилась ему. Короли Готландии и Оркнейских островов сами пришли к нему и обещали платить дань. После этого он вернулся в Британию, где, создав королевство, он двенадцать лет прожил в мире. В это время он пригласил к себе всех доблестных героев других стран. Он увеличил количество слуг и завел при дворе порядки, которым стали

подражать даже в самых отдаленных краях. Всякий благородный человек считал себя достойным уважения, только если его одежда и оружие были сделаны на манер рыцарей короля Артура.

Укрепив свою власть дома, Артур стал думать, как распространить ее на другие пределы. Подготовив флот, он сначала напал на Норвегию, надеясь завладеть ее короной для Лота, мужа своей сестры. Артур высадился в Норвегии, в большой битве встретился с ее королем, нанес ему поражение и одерживал победы до тех пор, пока вся страна не покорила ему. На трон он посадил Лота. После этого Артур отправился в Галлию и осадил город Париж. Галлия в то время была римской провинцией и управлялась трибуном Флолло. Осада продолжалась в течение месяца, и жители Парижа стали испытывать голод. Флолло вызвал Артура на поединок, предложив таким образом решить судьбу провинции. Артур без возражения принял вызов и убил своего противника, после чего горожане отдали ему город. После победы Артур разделил свою армию на две части, одну из которых он отдал под командование Гоэлю, приказав тому двигаться маршем на Аквитанию, тогда как сам с оставшимися войсками решил подчинить себе другие провинции. По истечении девяти лет, покорив всю Галлию, Артур вернулся в Париж, куда перевел свой двор и, созвав священников и граждан, утвердил мир и справедливое соблюдение законов во всем королевстве. Затем он передал Нормандию своему виночерпию Бедверу, а провинцию Андегавию — сенешалю Каю*. Еще несколько провинций он отдал лучшим воинам из своего окружения. Установив мир в городах и странах, он в начале весны вернулся в Британию.

С приближением Троицы Артур, желая отметить свои триумфальные успехи и придать особый размах этому празднику, а также для умиротворения подчинившихся ему королей решил завести пышный двор и возложить на свою голову корону, пригласив на все эти торжества

* Во французских романах это имя писалось *Queux*, что означает *главный повар*, из чего можно сделать вывод, что это был титул, а не имя; однако ни в каких других источниках персонаж с таким именем не встречается. Он является главной и, пожалуй, единственной комической фигурой среди всех героев артуровского двора. Он был сенешалем, или мажордомом, и в его обязанности также входил присмотр за поварами. В рыцарских романах его образ представлял собой сочетание доблести и буффонады; он был задирой, но в битвах чаще других терпел поражение. Его замечания носили саркастический и обидный характер, отчего он нередко попадал в беду. Тем не менее Артур чувствовал к нему привязанность и часто следовал его советам, как правило ошибочным. — *Примеч. авт.*

королей и герцогов, признавших его верховенство. Для этой цели он выбрал город Карлеон, или Город Легионов, который помимо того, что был богаче других городов*, располагался на реке Уск, недалеко от побережья Северного моря, что больше всего отвечало требованиям этих больших торжеств. Во-первых, он омывался широкой рекой, и короли и принцы из разных стран, находящихся за морем, могли пристать к нему на своих кораблях. Во-вторых, красота равнин и пещер, а также величие королевских замков с позолоченными крышами позволяли ему соперничать даже с Римом. Он известен двумя церквями, одна из которых имела хор девушек, посвятивших свою жизнь служению Господу, а в другой находился мужской монастырь. Кроме того, в городе находилась коллегия из двухсот философов, которые, обладая обширными знаниями в астрономии и других областях, добросовестно следили за путями звезд и предсказывали Артуру грядущие события. Поэтому именно в этом городе началась подготовка к предстоящему празднику.

Во многие королевства были отправлены послы, чтобы пригласить ко двору принцев из Галлии и соседних островов. По приглашению прибыли Августей, король Албании, которая сейчас называется Шотландией; Кадвалло, король Венедотии, которая сейчас называется Северным Уэльсом; Сатер, король Деметии, нынешнего Южного Уэльса; архиепископы Лондона и Йорка, а также Дубриций, епископ Карлеона, или Города Легионов. Этот прелат, который в то время был примасом Британии, был столь благочестив, что одной молитвой мог излечить любого страждущего. Прибыли также графы, представлявшие крупнейшие города, и другие лица, не уступавшие им в знатности.

* Авторы рыцарских романов приписывают королю Артуру владение несколькими городами, главными из которых были Карлеон, Камелот и Карлайл.

Карлеон получил свое название от одного из лагерей, созданных легионерами в эпоху Римской империи. Римские авторы называют его *Urbs Legionum*, или Город Легионов. Первая часть названия была переведена уэльским словом *Caer* («город»), а вторая приняла более привычную для уэльсцев форму *lleon*. Река Уск сохранила свое название до нынешнего дня, и на этой реке находится город Карлеон, хотя есть предположение, что двор короля Артура находился в Кардифе. Честер также по-валлийски называется Карлеон, поскольку Честер ведет свое название от слова *castra*, что по-латыни означает лагерь и местонахождение военного командования.

Камелот обычно ассоциируют с Винчестером. Шалотт — это Гилдфорд. Порт Хамо — это Саутгемптон. Город Карлайл до сих пор сохранил свое название и находится на границе с Шотландией. Однако это название часто ассоциируется с другими объектами, которые в свое время были военными поселениями. — *Примеч. авт.*

С соседних островов прибыли: Гилламурий, король Ирландии; Гунфазий, король Оркнейских островов; Мальвазий, король Исландии; Лот, король Норвегии; Бедвер-виночерпий, герцог Нормандский; Кай-сенешаль, герцог Андегавии; кроме того, прибыли двенадцать пэров из Галлии, а также Гоэль, герцог армориканских бриттов, со всей своей знатью, которые пришли со множеством мулов и лошадей в богатой сбруе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что необычайная щедрость Артура, к которому прибыли посланцы со всего мира, обеспечила ему всеобщую любовь.

Когда все было готово, в день торжества архиепископов сопроводили во дворец, для того чтобы они возложили на голову короля корону. Затем Дубриций, в чьем приходе находился дворец, приготовился к торжественной молитве. Как только королю вручили все регалии, он с большими почестями был сопровожден в главную церковь, и на всем пути перед ним шли четыре короля — Албании, Корнуолла, Деметии и Венедотии, — неся перед собой золотые мечи. В другой части процессии находилась королева, облаченная в самые богатые одежды и сопровождаемая архиепископами и епископами в Церковь Дев; четыре королевы, супруги вышеперечисленных королев, несли перед ней в соответствии с древней традицией четырех белых голубей. Когда процессия прибыла на место, голоса и инструменты в обеих церквях зазвучали настолько слаженно, что присутствовавшие на празднике рыцари, не зная, какую церковь предпочесть, переходили из одной в другую, причем несмотря на то, что торжества продолжались целый день, никто не чувствовал усталости. Наконец служба в обеих церквях закончилась, король и королева сняли с себя короны и облачились в более легкие одежды, для того чтобы отправиться на пир. Когда все гости расселись по старшинству, Кай-сенешаль в богатых одеждах, украшенных мехом горноста, с тысячью благородных юношей, одетых в одинаковые роскошные одежды, стали прислуживать гостям. В другой части дворца Бедвер-виночерпий в сопровождении такого же количества прислуги подавал всевозможные напитки. Еды и питья было в изобилии, и все было самого отменного качества и подавалось наилучшим образом. И то сказать: к тому времени Британия достигла такого величия, что по богатству, роскоши и этикету намного превосходила все другие королевства.

Как только все пиры закончились, рыцари отправились в поля за городом, чтобы потешить себя различными забавами: стрельбой из лука,

метанием копья, бросанием тяжелых камней, игрой в кости и другими развлечениями, причем все это происходило мирно и без ссор. Так прошли три дня, после чего наступило время расставания, и короли и знать отправились по домам.

После этого Артур мирно правил пять лет, пока не прибыли послы от Луция Тиберия, прокуратора при римском императоре Льве, и не потребовали выплатить дань. Однако Артур дань платить отказался и стал готовиться к войне. Когда все необходимые распоряжения были отданы, он передал правление своим королевством племяннику Модреду и королеве Гиневре, а сам отправился с армией в порт Хамо, который встретил его благоприятным ветром. Армия пересекла пролив и благополучно высадилась в устье реки Барба. Там они поставили свои шатры и стали ждать прибытия королей с островов.

Как только все войска собрались, Артур отправился маршем к Августодунуму и стал около него лагерем по берегам реки Альба. В этих местах неоднократно происходили битвы, в которых бритты под командованием своих отважных вождей Гоэля, герцога Арморики, и Гавейна, племянника Артура, всегда одерживали верх. В конце концов Луций Тиберий решил отступить и ждать прибытия императора Льва со свежими силами. Однако Артур разгадал этот план, захватил одну из долин и встал на пути отступления Луция, вынудив его к решающей битве, в которой Артур потерял своих самых храбрых рыцарей и наиболее верных сторонников. Но и Луций Тиберий был убит, а его армия потерпела сокрушительное поражение. Бежавшие с поля боя разбрелись по всей стране: одни ушли в леса и глушь, другие — в города и поселения, надеясь найти там спасение.

В этих землях Артур провел всю следующую зиму, занимаясь наведением порядка и восстановлением управления. После чего он вернулся в Англию и с большим размахом отпраздновал свои победы.

После этого король собрал всех своих рыцарей, и тем из них, кто был не очень богат, он дал землю и потребовал от них не творить беззакония, убийств и не замышлять измены; кроме того, под страхом лишения их званий он наказал им милостиво относиться ко всем, кто нуждался в их милосердии; также под страхом смерти он требовал служить дамам. Он обязал их не вступать в несправедливые поединки, во имя чего бы они ни велись. Все рыцари — молодые и старые — поклялись в этом за Круглым столом. Каждый год в день Святой Троицы они повторяли свою клятву.

Король Артур убивает великана с горы Святого Михаила

Пока армия стояла лагерем в Бретани, ожидая прибытия королей, к Артуру пришел простолудин и сообщил, что великан, живущий в пещере неподалеку от горы, названной в честь святого Михаила, уже многие годы крадет и пожирает крестьянских детей. А теперь он захватил герцогиню Бретонскую, когда она проезжала со своими спутниками, и унес ее, несмотря на сопротивление ее свиты.

— Послушай, приятель, — сказал король Артур, — не можешь ли ты отвести меня к обиталищу этого великана?

— Конечно, — ответил добрый человек, — поезжай до тех пор, пока не увидишь два больших костра; около них ты и найдешь великана, а также столько сокровищ, сколько не сыщешь и во всей Франции.

После этого король призвал к себе сэра Бедвера и сэра Кая и велел им подготовить для него коня и упряжь, поскольку после ужина он совершит паломничество к горе Святого Михаила.

И так они втроем отправились в путь и ехали до тех пор, пока перед ними не появилась гора. Король попросил своих спутников остаться у ее подножия, решив взобраться наверх в одиночестве. Он долго поднимался по склону, пока не увидел большой костер и свежую могилу, перед которой сидела пожилая женщина с печальным лицом. Король Артур поприветствовал ее и спросил, по кому она так убивается. Ответ женщины был таким:

— Сэр рыцарь, говорите тише, поскольку тут неподалеку дьявол, и, если он услышит вашу речь, он придет и убьет вас. Ибо вы не можете противостоять ему — настолько он свиреп и силен. Он недавно убил герцогиню, лежащую сейчас передо мной, а она была самой прекрасной женщиной из всех, кого я знала. Это жена сэра Гоэля, герцога Бретани.

— Милая дама, — сказал король Артур, — меня послал благородный завоеватель, король Артур, чтобы я договорился с этим тираном.

— Он не признает никаких договоров, — произнесла она, — его не укротит ни король, ни какой бы то ни было другой человек.

— Хорошо, — сказал король Артур, — я учту все, что ты мне сказала.

С этими словами он отправился на вершину горы и увидел там сидящего за ужином великана: он глодал человеческую ногу и грел у костра свои огромные ляжки. Рядом лежали связанные женщины, ожидавшие

своей очереди быть пожранными. При виде этого сердце короля облилось кровью от жалости к ним. И он обратился к великану с такими словами:

— Тот, кто правит всем миром, лишит тебя жизни и обречет на позорную смерть. Зачем ты погубил герцогиню? Выходи же, подлый трус, ибо сегодня ты примешь смерть от моей руки.

Великан поднялся, взял огромную дубину и ударил ею короля, с головы которого упала корона. После этого король ударил его мечом в живот, нанеся ужасную рану. Тогда великан отбросил свою дубину и схватил короля руками, пытаясь сломать ему ребра. Три девушки встали на колени и стали молиться за короля Артура, в то время как он и великан, схватившись, покатались по склону горы так, что Артур оказывался то сверху, то снизу, и вот, выбрав момент, он ударил великана кинжалом. К счастью, это произошло там, где короля ожидали два его рыцаря. Увидев, что их король находится, как в тисках, в руках великана, они поспешили освободить Артура. Король приказал сэру Каю отрубить великану голову и насадить ее на копье, чтобы все люди могли ее видеть. Это было сделано, и вскоре вся страна узнала о гибели великана, и люди стали приходить, чтобы поблагодарить короля. На что он ответил:

— Воздайте хвалу не мне, а Господу; возьмите всю добычу великана и разделите ее между собой.

Король Артур приказал построить церковь на вершине горы в честь святого Михаила.

Король Артур получает меч от Озерной Леди

Однажды король Артур ехал на коне и вдруг увидел, что за Мерлином гонятся трое крестьян, готовых его убить. Король подъехал к ним и сказал:

— Прочь, чернь!

Те испугались представшего перед ними рыцаря и бросились бежать.

— О Мерлин, — сказал Артур, — несмотря на все твое чародейство, они могли тебя убить, если бы не я.

— Нет, — сказал Мерлин, — ибо я могу постоять за себя, когда нужно. Но ты был ближе к своей смерти, чем я.

И когда они шли, так разговаривая, король Артур увидел рыцаря, который сидел верхом на коне и, казалось, охранял проход.

— Сэр рыцарь, — сказал Артур, — по какой причине ты находишься здесь?

На что тот ответил:

— Ни один рыцарь не может проехать мимо, не сразившись со мной. Таков закон этой дороги.

— Я отменю этот обычай, — сказал король.

Они поскакали навстречу друг другу и сшиблись с такой силой, что их копья разлетелись на куски. Тогда они обнажили мечи и долго бились, нанося ужасные удары. После одного из них меч короля переломился надвое. Рыцарь сказал Артуру:

— Теперь в моей власти решить — убить тебя или оставить в живых, и если ты не признаешь своего поражения, то тебе придется умереть.

— Что касается смерти, — сказал король Артур, — то я приму ее смиренно, когда она придет, но признавать свое поражение я не стану.

С этими словами он бросился на рыцаря, обхватил его за пояс и, приподняв, бросил оземь. Но рыцарь оказался очень сильным и вскоре сумел подмять под себя короля Артура. Он уже готовился сорвать с короля шлем и убить его, но тут заговорил Мерлин:

— Рыцарь, останови руку свою, ибо этот рыцарь требует особого к себе почтения.

— Кто же он? — спросил рыцарь.

— Это король Артур.

Однако ярость рыцаря была настолько сильна, что он уже не мог остановиться и занес меч над Артуром. Но в этот момент Мерлин произнес заклинание, и рыцарь погрузился в глубокий сон. После этого Мерлин поднял короля Артура и усадил его на своего коня.

— Увы! — воскликнул Артур. — Что ты наделал, Мерлин? Уж не убил ли ты, часом, этого славного рыцаря своей магией?

— Не беспокойся, — ответил Мерлин, — он живет, чем ты был только что. Он всего лишь спит и проснется через три часа.

После этого они покинули рыцаря и ехали до тех пор, пока не увидели отшельника, который был хорошим человеком и великим врачом-лечителем. Отшельник осмотрел раны короля и нанес на них целебную мазь; король оставался у него в течение трех дней, а когда раны его зажили и он мог ехать, то он отправился в путь дальше. В пути Артур обратился к Мерлину со следующими словами:

— У меня нет меча.

— Не волнуйся, — сказал Мерлин, — тут неподалеку есть меч, который станет твоим.

Так они доехали до полноводного и широкого озера. Посредине озера Артур заметил руку в белой парче, ладонь которой сжимала прекрасный меч.

— Чу, — сказал Мерлин, — вот меч, о котором я тебе говорил. Он принадлежит Озерной Леди. Если она захочет, то позволит тебе его взять, но если она воспротивится, то никакими силами ты этим мечом завладеть не сможешь.

После этих слов сэр Артур и Мерлин спешили и сели в лодку. Когда они подплыли к руке, державшей меч, сэр Артур взялся за рукоять и потянул его к себе, а рука, только что державшая этот меч, опустилась под воду.

Они снова выбрались на берег и поехали дальше, а король Артур никак не мог налюбоваться мечом.

Наконец они приехали в Карлеон, обрадовав своим появлением рыцарей, которые, услышав о приключениях короля, подивились тому, что он в одиночку так рисковал жизнью. Но тем не менее все признали, что хорошо иметь вождя, который наравне с простыми рыцарями готов подвергнуть свою жизнь опасности.

Сэр Гавейн

Сэр Гавейн приходился племянником королю Артуру. Он был сыном его сестры Морганы, бывшей замужем за Лотом, королем Оркнейских островов, которому король Артур помог стать королем Норвегии. Сэр Гавейн был одним из самых известных рыцарей Круглого стола. Авторы средневековых романов называли его *мудрым* и *обходительным*. На это указывает Чосер в «Рассказе сквайра», характеризуя учтивость, с которой некий рыцарь приветствует весь двор:

С таким изяществом и знаньем правил,
 Что сам Гавейн его бы не поправил,
 Когда б вернуться снова к жизни мог
 Сей рыцарских обычаев знаток*.

* Перевод О. Румера.

Братьями Гавейна были Агривейн, Гахерис и Гарет.

Однажды к королю Артуру, державшему свой двор в веселом городе Карлайле, явилась дама, попросившая оказать ей милость. Она просила о мести негодяю рыцарю, который пленил ее возлюбленного и лишил ее всех земельных наделов. Король Артур повелел принести ему меч Экскалибур и оседлать коня, после чего он один, без свиты, отправился восстанавливать справедливость. Долго ли, коротко ли, он достиг замка жестокого барона и вызвал его на поединок. Однако замок стоял на заколдованной земле, и всякий ступавший на нее рыцарь терял отвагу и лишался сил. Король Артур почувствовал это заклятие, и не успел он нанести первый удар, как ноги его подкосились и разум помутился. Он вынужден был сдаться неучтивому рыцарю, который согласился отпустить его только в том случае, если в конце года он вернется с ответом на вопрос: «Чего женщины желают больше всего?» Если же Артур не сможет ответить на этот вопрос, то должен будет лишиться всех своих владений. Король Артур принял условие и дал клятву вернуться в положенный срок. В течение всего года король ездил то на восток, то на запад и спрашивал всех встречных о том, чего женщины жаждут больше всего. Одни говорили, что женщины мечтают о богатстве, другие считали, что они хотят достичь высокого положения, третьи — что они не могут без увеселений, четвертые — что женщинам нужна лесть, а пятые — что они не могут без галантного рыцаря. И хотя король услышал множество разных ответов, он сомневался, что среди них есть верный. Так в поисках прошел почти весь год, и вот однажды, проезжая лесом, король увидел сидящую под деревом женщину такой отвратительной наружности, что он поспешил отвести от нее глаза. Когда же она поприветствовала его как подобает, он ей не ответил. Тогда женщина спросила:

— Что ты за человек, если даже не хочешь заговорить со мной? Может, я, несмотря на свое обличье, помогу тебе развеять твои сомнения?

— Если тебе удастся, то можешь требовать любой награды, и она будет твоей.

— Поклянись верой своей, — потребовала женщина, и король Артур поклялся.

После этого женщина поведала ему тайну и потребовала в награду, чтобы король выдал ее замуж за красивого, обходительного рыцаря.

Король Артур поспешил в замок безжалостного барона и пересказал все услышанные им ответы, кроме последнего, но все они были отвергнуты как ошибочные.

— Смирись с поражением и отдай мне все свои земли в качестве выкупа, — сказал великан, но король Артур продолжил:

— Не торопись, барон мой гордый,
Пусть много дел,
Но дай мне молвить хотя бы слово,
Спасти надел.
Сегодня утром я видел даму:
В лесу одна
В кроваво-красном одета платье
Была она.
«Не надо много, — она сказала, —
Иметь ума:
Жена любая всегда все хочет
Решать сама».

— Это моя сестра дала тебе верный ответ, — воскликнул злобный барон. — Она заслуживает отпущения, и я ей рано или поздно отплачу той же монетой.

Король Артур отправился домой, но на сердце у него было тяжело, поскольку он помнил о своем обещании найти безобразной женщине мужа среди молодых и галантных рыцарей. Он поведал свою печаль племяннику, сэру Гавейну, и тот ответил:

— Не сокрушайся, мой повелитель, на безобразной женщине женюсь я.
На что король Артур возразил:

— Ну что ты, добрый сэр Гавейн,
Поверь, я не могу,
Чтоб в жены сын моей сестры
Забрал себе каргу.

Но Гавейн продолжал настаивать, и король в конце концов с большим сожалением согласился на то, что Гавейн будет его наградой. И вот король и его рыцари отправились в лес, нашли там уродливую женщину и привезли ее ко двору. Сэр Гавейн терпеливо сносил насмешки и шутки

своих спутников, но свадьба прошла без приличествующих для такого случая торжеств. Чосер пишет:

А только много горестной печали.
Назавтра свадьбу молча отыграли.
Он днем скрывался, как в лесу сова:
Жена уродка — ни к чему слова*.

Когда настала ночь и молодожены остались одни, Гавейн не смог скрыть своего отвращения, и леди спросила, почему он так тяжело вздыхает и отворачивает от нее свое лицо. Тот честно признался, что причины три: ее возраст, ее уродство и ее низкое положение. Леди, нисколько не обидевшись, сумела дать ему вполне достойный ответ. С возрастом, сказала она, приходит благоразумие. Отсутствие красоты гарантирует ему отсутствие соперников, истинное же благородство зависит не от происхождения, а от характера человека.

Сэр Гавейн в ответ только промолчал, но, обратив взгляд на свою невесту, он вдруг, к своему удивлению, увидел, что от ее уродства не осталось и следа. Она объяснила, что ее видимое обличье — чары злой колдуньи и что она расстанется со своей неприглядной внешностью, когда произойдут два события. Во-первых, она должна получить в мужья молодого и галантного рыцаря, что уже произошло, поэтому половина заклятья уже снята и она может на какое-то время принимать свое настоящее обличье. Она также спросила его, что он выберет — чтобы она была некрасивой днем и красивой ночью или наоборот. Сэр Гавейн решил, что лучше ей быть красавицей ночью, когда никто, кроме него, ее не видит, а днем, если она вообще будет выходить на люди, ей лучше оставаться такой же некрасивой, как и прежде. Однако она возразила и сказала, что ей было бы приятнее быть привлекательной в кругу рыцарей и дам днем. Сэр Гавейн нехотя уступил. Именно это и требовалось, чтобы чары рассеялись полностью, и обрадованная леди заявила, что больше она свое обличье менять не будет и что ночью и днем она будет одинаково красива.

Играл румянец на ее щеках,
Как терн, глаза ее чернели,
И спелой вишней губы налились.

* Перевод О. Румера.

Казался белоснежным вырез шеи.
Тут сэр Гавейн ее поцеловал,
И, возлегая с нею на постели,
Он сам себе признался — никогда
Он пряностей не пробовал медовой.

Рассеявшиеся чары освободили от колдовства и ее брата, «мрачного барона», который также был заколдован. Из отвратительного угнетателя он превратился в галантного и щедрого рыцаря, как и все рыцари при дворе короля Артура.

Карадок Брифбрас, или Карадок Сухорукий

Карадок был сыном Исенны, прекрасной племянницы Артура. Он не знал, кто был его отцом, пока не произошло следующее. Когда юноша достиг возраста посвящения в рыцари, король Артур пригласил на эту церемонию много людей. Среди приглашенных появился незнакомый рыцарь, который предлагал всем рыцарям Артурова двора обменяться с ним ударами. Его условия были таковы: он кладет свою голову на плаху, и любой рыцарь может нанести ему удар по шее, но если он останется в живых, то ударивший его рыцарь должен подвергнуть себя такому же испытанию. Сэр Кай, который легко отзывался на любой вызов, заявил, что это бессмысленно и что он не пойдет на такие условия ни за какие богатства в мире. И когда неизвестный рыцарь, предлагавший для удара свой меч, так и не нашел смельчаков, Карадок, возмущенный тем, что на рыцарей Круглого стола может пасть позор, отбросил в сторону свой плащ и принял протянутый меч.

— Вы делаете это потому, что считаете себя одним из лучших рыцарей? — спросил незнакомец.

— Нет, — ответил тот, — не потому, что самый лучший, а потому, что самый глупый.

После этих слов незнакомец положил голову на плаху, получил удар, от которого голова его слетела с плеч и откатилась в сторону, поднялся, подобрал голову, водрузил ее на место и сказал, что придет сюда, чтобы возвратить удар, через год, когда весь двор соберется вновь. По прошествии года обе стороны явились без опоздания. И король и королева

приложили все усилия, чтобы отговорить незнакомца от затеи, но тот был неумолим. Юный рыцарь положил голову на плаху, и все уже думали только о том, чтобы все поскорее кончилось, поскольку ожидание становилось невыносимым. Но незнакомец лишь слегка плащмя коснулся шеи юноши мечом, повелел ему встать и открылся, что он — чародей Элиаврес, его отец, и ему приятно, что его сын отважен и умеет держать слово.

Однако благосклонность чародея коротка и капризна. Элиаврес оказался под влиянием коварной женщины, которая настолько невзлюбила Карадока, что заставила Элиавреса посадить на его руку змею, питавшуюся его плотью и кровью, и никто из людей не мог снять ее с Карадока или хоть как-то облегчить страдания, которые он испытывал.

Карадок был обручен с Гимберой, сестрой своего лучшего друга Кадора и дочерью короля Корнуолла. Как только они узнали о его несчастье, тут же отправились в Нант, где был замок Карадока, чтобы Гимбера могла ухаживать за ним. Карадок, узнав об их приближении, сначала испытал чувство большой радости и любви. Но вскоре он стал опасаться, что его ужасный вид и страдания отвратят от него Гимберу. Эта мысль настолько в нем окрепла, что он покинул Нант и укрылся в уединенном жилище. Рыцари короля Артура стали его повсюду разыскивать, а Кадор поклялся, что не успокоится, пока не найдет его. После длительных странствий Кадор обнаружил друга в жилище отшельника. От него остался один скелет, и он был на грани смерти. После того как все способы спасти Карадока были испробованы, Кадор решил обратиться к чародею Элиавресу, чтобы узнать единственное средство спасения.

Оказалось, что нужно найти девушку, равную Карадоку по рождению и красоте, которая любила бы его больше, чем себя, и согласилась бы принять те же муки, что и ее возлюбленный. После этого необходимо поставить два сосуда — в одном должно быть прокисшее вино, а в другом молоко. Карадок должен залезть в первый сосуд так, чтобы вино достигало его шеи, а девушка должна забраться во второй сосуд так, чтобы край сосуда не скрывал ее грудь, а затем уговорами заставить змею покинуть брэнное тело своей жертвы, соблазнившись свежей и привлекательной плотью. Сосуды нужно поставить на расстоянии трех футов друг от друга, и, как только змея начнет перебираться из одного сосуда в другой, какой-нибудь рыцарь должен разрубить ее на две

части. Если рыцарь не сможет нанести удар вовремя, то Карадок будет спасен лишь для того, чтобы наблюдать за жестокими и бесконечными страданиями своей избавительницы. Легко представить, что за этим последовало. Гимьера сразу же согласилась на эту опасную затею, а Кадор нанес удар, который поразил змею. Рука Карадока, так долго страдавшая от змеи, постепенно обрела прежнюю силу, но не прежний вид, вследствие чего он был назван Карадок Брифбрас, или Карадок Сухорукый.

Карадок и Гимьера стали главными героями баллады «Мальчик и мантия», которую мы приводим ниже.

МАЛЬЧИК И МАНТИЯ

В Карлайле жил король Артур,
Великий повелитель,
А Круглый стол в его дворце —
Всем рыцарям обитель.

Он Рождество справлял тогда,
И каждый веселился,
И странный мальчик перед ним
В тот день как раз явился.

Камзол и мантия на нем,
Браслет надет к браслету,
И столько всякого добра,
Что счету даже нету.

А пояс шелковый его
Хорош был, прямо диво,
И мальчик этот короля
Приветствовал учтиво:

«Господь тебя благослови,
Король на славном пире,
И королеве мой поклон,
Прекрасной Гиневире.

Прошу, послушайте меня,
Мир пьяный и тверезый:
Солома прелая порой
Казаться может розой».

Он из-за пазухи затем
Достал ивовый прутик,
А также мантию извлек,
Волшебную по сути.

«Возьми, возьми, король Артур,
И рассуди без гнева,
И пусть же мантию сейчас
Накинет королева.

У этой мантии секрет:
Она лишь ту украсит,
Что не грешна, а всех иных
Отправит восвосяси».

И первой леди Гиневир,
Прельщенная новинкой,
Решила мантию надеть
И повернуться спинкой.

Но стала мантия длиннеть,
Затем короче стала,
Потом пожухла на плечах,
Как будто от пожара.

То зеленеет, то потом
Краснеет словно маки.
«Позор! — сказал Артур тогда. —
Твоя мне верность — враки».

Швырнув изменчивый покров,
В немом порыве гнева,
С позором бросилась бежать
В покои королева.

Как проклинала там она
Ткачей волшебной ткани,
И чтобы тот, кто ткань принес,
Погиб без покаяний.

«Уж лучше б мне в пустыне жить,
Где ветви в полог свиты,
Чем быть посмешищем сейчас
У короля и свиты».

Сэр Кай позвал свою жену,
Веля ей встать поближе,
Сказал затем: «Коль неверна,
То буду я обижен».

Но, вызывающе смеясь, —
«Раз дело, значит, дело», —
Она у мальчика из рук
Покров взяла тот смело.

Лишь только мантия взвилась
Над ней в движенье скором,
Как сразу голая спина
Людским открылась взорам.

Смеялся весь Артуров двор,
И рыцари глумились:
«Когда такое увидать
Еще, скажи на милость?»

Стояла бледная как смерть —
Как пережить такое?
Решила спрятаться она
Во внутренних покоех.

Затем уже немолодой
Шагнул навстречу рыцарь,
Решил он дамою своей
Пред всеми похвалиться.

«Всегда, в любое Рождество,
Ты за столом желанен,
Дай только в мантии твоей
Покрасоваться даме».

Казалась дама та святой,
Но все же робкой тенью
Нырнула в мантию она
Со страхом и смятеньем.

Лишь миг та мантия была
Прекрасной тканью белой,
Но вдруг скукожилась совсем
И обнажила тело.

Не помогли молитвы ей,
Не помогло жеманство,
Одна тесьма, один шнурок —
И все ее убранство.

Швырнула мантию она
И со стыдом и страхом
Все расстоянье до дверей
Преодолела махом.

Тут Карадок жену призвал,
Хотя на ней лица нет:
«Не бойся, мантия твоей
Сейчас по праву станет.

Не бойся, мантия твоей
Сейчас по праву будет,
Не верю в то, что ты могла
В распутстве жить и блуде».

И, покраснев от слов таких,
Жена его шагнула,
И мантия к ее плечам
Прохладою прильнула.

И скрыла мантия ее
От шеи и до пяток,
И оказался лишь подол
Совсем слегка помятый.

И дама вскрикнула: «Постой,
Волшебная накидка.
Не совершала я грехов,
Чтоб ты была как пытка.

Дала до свадьбы целовать
Себя я Карадоку,
И ты за этот малый грех
Не будь ко мне жестока».

И сразу после этих слов
Накидка поменялась
И хитрой силой колдовства
Навеки с ней осталась.

Роскошной мантия была,
Вся наполнилась свеченьем,
И каждый рыцарь норовил
К ней подойти с почтеньем.

Далее рассказывалось еще о двух испытаниях — с использованием головы вепря и рога для питья, из которых вышли с честью сначала сам Карадок, а потом и его жена. Вся баллада завершается следующими строками:

Им рог, и вепря голова,
И мантия досталась.
Благоволит им пусть Господь,
Счастливой будь их старость*.

* Перевод К. Л.

Ланселот Озерный

На короля Бретани Бана, верного союзника Артура, напал его заклятый враг Клауд, и после продолжительной войны у Бана осталась всего одна крепость, в которой его осадили враги. Оказавшись в таком трудном положении, он решил обратиться за помощью к Артуру и под покровом ночи бежал из крепости со своей женой Еленой и младенцем-сыном Ланселотом. Крепость осталась на попечении его сенешаля, который без промедления сдал ее Клауду. Несчастный король испустил дух, когда его глазам предстала горящая цитадель, а опечаленная Елена оставила сына на берегу озера, а сама поспешила к мужу, чтобы принять его последний вздох. Когда она вернулась, то увидела, что ее ребенка держит на руках нимфа, которая, заметив приближающуюся королеву, бросилась вместе с ним в озеро. Нимфой была Вивиана, возлюбленная волшебника Мерлина, больше известная как Озерная Леди. Ланселот получил свое прозвище оттого, что прошел обучение при дворе этой волшебницы, чей дворец находился посреди призрачного озера, однажды обманувшего африканского путешественника. Иллюзорное озеро мешало пришельцам проникнуть в ее владения. Здесь она жила не одна, а в окружении большой свиты, состоявшей из прекрасных рыцарей и их дам.

После двух постигших ее потерь королева ушла в монастырь, где к ней присоединилась вдова благородного короля Борса, который умер в тот момент, когда ему стала известна судьба его брата Бана. Два его сына, Лионель и Борс, были спасены верным рыцарем и появились в образе борзых в озерном замке и там, приняв вновь человеческое обличье, стали обучаться вместе со своим двоюродным братом Ланселотом.

Когда ученик Озерной Леди достиг восемнадцатилетнего возраста, фея отправила его в замок короля Артура, чтобы его возвели там в рыцарское звание. С первой минуты пребывания молодого кандидата в замке его благородство, не уступавшее, впрочем, его отваге и умению владеть оружием, пленило Гиневру, а ее чары сумели воспламенить в нем самые горячие и непреходящие чувства. Их любовь со временем только усилилась и оказала самое непосредственное влияние на всю историю короля Артура. Ради Гиневры Ланселот осуществил завоевание Нортумберленда, победил Галлахата — болотного короля, который впоследствии стал его самым преданным другом и союзником, — участвовал во множестве поединков и многих пленников привел к ногам своего суверена.

Сэр Ланселот

После того как король Артур вернулся из Рима в Англию, все рыцари Круглого стола собрались вокруг него и устроили много рыцарских турниров и поединков. Больше других отличился сэр Ланселот Озерный, став победителем во всех поединках, турнирах и схватках, включая схватки со смертельным исходом, — никто из рыцарей не смог его превзойти, поскольку победить его можно было только с помощью предательства или колдовства. Его стали еще больше почитать, и королева Гиневра отмечала его больше других рыцарей. Совершенно очевидно, что он любил королеву так, как не любил ни одну женщину. Он совершил для нее множество подвигов, и его рыцарство и благородство спасло ее от многих напастей. Натешившись всякого рода развлечениями, сэр Ланселот решил отправиться в странствия. Он попросил своего брата сэра Лионеля подготовиться, чтобы вдвоем с ним отправиться на поиски приключений. Итак, в полном вооружении они сели на коней и поехали через лес, а когда тот кончился, перед ними открылась глубокая лощина. Близился полдень, и было жарко, сэру Ланселоту захотелось спать, а сэр Лионель увидел на опушке огромную яблоню. Он сказал:

— Брат, мы и наши лошади можем отдохнуть в тени яблони.

— Хорошо придумано, — сказал сэр Ланселот.

Они спешили, сэр Ланселот улегся, положив под голову свой шлем, и вскоре крепко уснул. Сэр Лионель проснулся, когда Ланселот еще спал. Первое, что он увидел, были трое скакавших к ним во весь опор рыцарей, за которыми гнался еще один. Сэр Лионель подумал, что не приходилось ему видеть такого здоровенного рыцаря. Прошло совсем немного времени, и верзила нагнал одного из преследуемых им воинов и нанес ему удар такой силы, что тот сразу свалился наземь. Затем он настиг второго рыцаря и ударил его, а потом так же поступил и с третьим рыцарем. Затем он спешился и связал всех троих своей уздечкой. Увиденное так заинтересовало сэра Лионеля, что он решил сам потихоньку все выяснить. Тихо, чтобы не разбудить Ланселота, он сел на коня и поехал за рыцарем-великаном. Приблизившись, он обратился к нему, но в ответ получил такой удар, что упал на землю вместе с конем. Великан спешился, связал сэра Лионеля и усадил обратно в седло. Вскоре все четверо пленников оказались в замке рыцаря-великана. Тот кинул их в глубокую яму, где уже было множество рыцарей, находившихся в ужасном состоянии.

Сэр Ланселот еще спал, когда рядом с ним появились четыре высокогородные королевы. Чтобы им не досаждала жара, четверо рыцарей держали над ними на четырех копьях большой кусок зеленого шелка, защищавший королеву от солнечных лучей. Сами королевы ехали на четырех белых мулах. Проезжая, они слышали грозное ржание могучего коня. Поглядев в ту сторону, откуда раздавались звуки, они увидели, что под яблоней спит облаченный во все доспехи рыцарь. Взглянув на его лицо, королевы сразу поняли, что перед ними сэр Ланселот. Они тут же заспорили, кто из них станет его возлюбленной.

— Не будем пререкаться! — сказала фея Моргана, которая приходилась сестрой королю Артуру. — Я наведу чары, после которых он проспит шесть часов, а за это время мы доставим его в мой замок. Там ему от меня уже некуда будет деться, я сниму с него чары, и пусть он выберет и полюбит одну из нас.

Заклинание было произнесено, и они положили спящего сэра Ланселота на щит, привязанный к двум коням. Он был доставлен в замок, где ему выделили покой, а вечером принесли ужин.

Рано утром четыре одетые в дорогие одежды королевы вошли к нему и пожелали доброго утра, и он ответил им тем же.

— Сэр рыцарь, — сказали они, — ты должен понимать, что ты наш пленник; также должны признаться, что мы хорошо тебя знаем. Ты — сэр Ланселот Озерный, сын короля Бана и самый доблестный из ныне живущих рыцарей. Мы также знаем, что ты любишь только королеву Гиневру, а поскольку ты навсегда потерял ее, а она тебя, то тебе следует выбрать кого-нибудь из нас. Я королева фея Моргана, а эти дамы — королева Северного Уэльса, королева Восточной страны и королева Внешних островов. А теперь отвечай, кого из нас ты выбираешь. Если же ты откажешься кого-либо выбрать, тебе придется принять смерть в этой темнице.

— Трудный выбор, — ответил сэр Ланселот, — значит, я должен либо умереть, либо избрать кого-нибудь из вас. Я предпочту принять смерть в этом узилище, но сохранить честь, чем взять одну из вас в любовницы, ибо все вы — коварные колдуньи.

— Хорошо, — сказали королевы. — Это твое последнее слово — ты отказываешься от нас?

— Да! — ответил сэр Ланселот, и с этим его ответом они, опечаленные, ушли.

В полдень пришла девушка и принесла ему обед. Она спросила:

— Как дела?

— Если честно, то никогда не были хуже, милая девушка, — ответил рыцарь.

— Сэр, — продолжала она, — если ты будешь слушаться меня, то я сумею тебя спасти. Обещай только, что в следующий вторник поможешь моему отцу, который будет биться с королем Северного Уэльса; дело в том, что в прошлый вторник мой отец потерпел поражение.

— Милая девушка, — ответил сэр Ланселот, — скажи мне имя твоего отца, и я дам тебе ответ.

— Сэр рыцарь, моего отца зовут Багдемагус, — сказала девушка.

— Я хорошо его знаю как благородного короля и прекрасного рыцаря; готов услужить и тебе, и твоему отцу в указанный день, — промолвил сэр Ланселот.

Девушка ушла, а когда вернулась наутро, рыцарь уже был готов, и она провела его через двенадцать заповор и вывела прямо к его коню. Рыцарь вскочил в седло и тут же ускакал.

В следующий вторник он явился в небольшой лесок, где должен был состояться турнир. Были уже готовы возвышения, где располагались зрители со своими дамами и где вручались призы. Затем появились король Северного Уэльса в сопровождении ста шестидесяти латников и король Багдемагус с восьмьюдесятью латниками. Воины сошлись с пиками наперевес, и в первом поединке король Багдемагус недосчитался двенадцати человек, а король Северного Уэльса — четырех, причем отряду Багдемагуса сильно досталось.

Тогда появился сэр Ланселот Озерный и направил копье в гущу битвы. Под его удар попали сразу пять рыцарей; он выбил из седла короля Северного Уэльса, и тот при падении сломал бедро. В какой-то момент Ланселот обнаружил, что перед ним не осталось ни одного рыцаря короля Северного Уэльса, и победа была отдана королю Багдемагусу.

После сражения сэр Ланселот отправился вместе с королем Багдемагусом в его замок, где они вместе с королевской дочерью предались радости и веселью. Наутро Ланселот стал прощаться, сказав королю, что отправляется искать своего брата сэра Лионеля, который покинул его спящего.

Итак, он снова был в пути и по случайному совпадению опять оказался в том же лесу, где его сморил сон. На дороге он повстречался с молодой дамой, ехавшей верхом на лошади, и они поприветствовали друг друга.

— Милая дама, — промолвил сэр Ланселот, — известно ли тебе в этом краю что-нибудь, что может стать приключением для рыцаря?

— Сэр, — ответила она, — здесь повсюду хватит приключений, если их не избегать.

— Почему бы мне не испытать себя? — сказал сэр Ланселот. — Ибо именно для этого я сюда и прибыл.

— Сэр, — продолжала девушка, — тут неподалеку живет рыцарь, сравниться с которым не может ни один мужчина из тех, кого я знаю, кроме, может быть, тебя. Зовут его сэр Туркин. Насколько мне известно, он является злейшим врагом короля Артура и у него в темнице томится более шестидесяти рыцарей Артурова двора, которых он пленил собственными руками.

— Милая дама, — сказал сэр Ланселот, — умоляю, укажи мне дорогу к этому рыцарю!

— Его замок находится примерно в миле отсюда, слева от него есть водопой, куда приходят напиться лошади, и рядом с этим водоемом растет прекрасное дерево, все увешанное щитами тех рыцарей, которые не смогли его одолеть и которые теперь томятся в его узилище. На дереве также висит чаша, сделанная из меди и латуни. Ударь по ней, и увидишь, что будет.

Итак, сэр Ланселот поехал туда, куда указала ему девушка, и вскоре оказался у водопоя и дерева, на котором висели щиты и чаша. Среди щитов он различил принадлежавшие сэру Лионелю, сэру Эктору и многим другим рыцарям, которых он знал. Затем сэр Ланселот ударил тупым концом копья по чаше раз, потом другой, но, сколько он ни ударял, никто перед ним не появился. Но вот он увидел огромного рыцаря, ведущего под уздцы свою лошадь, на которой поперек крупа лежал другой связанный рыцарь. Когда они подошли поближе, сэру Ланселоту показалось, что он знает плененного рыцаря. Это был сэр Гахерис, брат сэра Гавейна, рыцаря Круглого стола.

— А ну-ка, уважаемый рыцарь, — сказал сэр Ланселот, — сними этого раненого рыцаря с лошади и дай ему немного отдохнуть, а мы за это время померяемся силой. Ибо, как я узнал, ты оскорблял и позорил рыцарей Круглого стола, а посему защищайся!

— Если ты принадлежишь к Круглому столу, то я вызываю тебя и всех твоих соратников, — сказал сэр Туркин.

— Что ж, перейдем к делу, — заключил сэр Ланселот.

После этого они взяли свои копья наизготовку и во весь опор поскакали навстречу друг другу. Каждый из них нанес другому удар в центр щита, от которого кони их упали и подмяли рыцарей под себя. Как только

они сумели выбраться из-под лошадей, то тут же обнажили мечи и набросились друг на друга. Каждому удалось нанести много сильных ударов, которые ни щиты, ни доспехи не выдержали. Прошло совсем немного времени, а они уже успели изранить друг друга и истекали кровью. В конце концов они почти перестали дышать и остановились, обессиленно опершись на мечи.

— Теперь послушай, приятель, — сказал сэр Туркин, — ты самый стойкий муж из всех, с кем мне приходилось встречаться, и умеешь биться без передышки. Если ты не тот рыцарь, которого я ненавижу больше всех остальных за то, что он убил моего брата сэра Карадоса, я был бы готов помириться с тобой и в знак уважения к тебе освободил бы всех своих пленников.

— Как зовут того рыцаря, которого ты ненавидишь больше остальных?

— Воистину, — произнес сэр Туркин, — имя его Ланселот Озерный.

— Я и есть Ланселот Озерный, сын короля Бана из Бенвика, рыцарь Круглого стола, и вызываю тебя на бой до смертного конца.

— О, — произнес сэр Туркин, — с тобой-то я и желал встретиться больше всего на свете, и мы не расстанемся до тех пор, пока один из нас не умрет!

С этими словами они стали биться друг с другом, как два быка, размахивая мечами и щитами с такой яростью, что иногда даже валились с ног. Так они сражались два с лишним часа, и вся земля вокруг них покрылась кровью. В какой-то момент сэр Туркин сильно побледнел, стал клониться назад и от слабости опустил свой щит. Сэр Ланселот заметил это, как лев яростно бросился на противника, схватил его за забрало и сумел поставить на колени. После этого он сорвал с него шлем и одним ударом отделил его голову от туловища. Когда сэр Гахерис увидел, что сэр Туркин мертв, он произнес:

— Мой господин, скажи мне свое имя, ибо сегодня я увидел лучше-го в мире рыцаря, ведь ты только что убил того, кто был сильнее и искусней из всех, кого мне доводилось встречать прежде.

— Меня зовут сэр Ланселот Озерный, и я должен был отомстить за нанесенное королю Артуру оскорбление, а еще больше за оскорбление, нанесенное твоему родному и любимому брату, сэру Гавейну. А теперь я прошу тебя: поспеши в замок Туркина и освободи всех пленников, которых там найдешь, ибо я не сомневаюсь, что среди них будет много рыцарей Круглого стола и, конечно, мой брат сэр Лионель. Поприветствуй их всех от моего имени, и пусть возьмут в замке все, что захотят. Брату

моему скажи, чтобы ехал ко двору и ждал меня, а сам я надеюсь появиться там до Троицы. Сейчас же новые приключения ждут меня.

С этими словами он отправился в путь, а сэр Гахерис поехал в замок, где нашел ключи от темницы и выпустил всех пленников на свободу. Среди освобожденных оказались: сэр Кай, сэр Бранделес, сэр Галайнд, сэр Брайан и сэр Алидьюк, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель, а также много других рыцарей. Когда они увидели перед собой сэра Гахериса, то стали его благодарить за освобождение, поскольку, глядя на его раны, решили, что это он убил сэра Туркина.

— Вовсе не меня нужно благодарить, а сэра Ланселота, это он оказался победителем в схватке, свидетелем которой я был.

Сэр Ланселот ехал весь день, а когда стемнело, он увидел, что находится перед каким-то замком, в котором он обнаружил престарелую хозяйку, принявшую его весьма любезно и сумевшую, не поскупившись, угостить и Ланселота, и его коня так, что оба, довольные, остались на ночь. Когда пришло время, хозяйка провела рыцаря в отведенные для него покои, расположенные в надвратных палатах. Сэр Ланселот снял доспехи, положил их рядом с собой, а сам улегся в приготовленную для него постель и уснул. Вскоре, однако, прискакал одинокий всадник, который стал нетерпеливо стучать в ворота, чем и разбудил сэра рыцаря. Сэр Ланселот поглядел в окно и в свете луны увидел, что всадника нагоняют три рыцаря с занесенными над головой мечами. Одинокий всадник повернулся к ним и стал бесстрашно защищаться. «Придется мне помочь одинокому всаднику, — решил сэр Ланселот, — а то как-то не по-рыцарски троим нападать на одного». Тут он вооружился и по простыне спустился из окна, таким неожиданным образом явившись перед глазами всех четверых. После этого он громко закричал:

— Оставьте этого всадника, рыцари, и лучше сразитесь со мной!

При этих словах рыцари оставили в покое сэра Кая — а как оказалось, это был именно он — и набросились на сэра Ланселота, нанося ему немало сильных ударов и наступая сразу со всех сторон. Сэр Кай попытался вмешаться и помочь, но услышал в ответ:

— Не надо, сэр, я обойдусь и без твоей помощи.

После чего сэр Кай решил, что каждый волен поступать, как хочет, и стал просто наблюдать за боем. Сэру Ланселоту понадобилось всего шесть ударов, чтобы повергнуть всех своих противников на землю. Оказавшись в таком незавидном положении, они возопили:

— Сэр рыцарь, сдаемся на твою милость!

На что сэр Ланселот ответил:

— Не нужны вы мне, сдайтесь лучше сенешалю сэру Каю, а я лишь обещаю сохранить вам жизнь.

— Как скажешь, благородный рыцарь.

— Тогда идите на Троицын день ко двору короля Артура и сдайтесь на милость королевы Гиневры, не забыв сказать, что вы пленники сэра Кая.

— Сэр, — сказали они, — клянемся верою своею, что так и поступим.

После этих слов каждый из них поклялся на своем мече, и сэр Ланселот позволил им отправиться в путь. Утром сэр Ланселот поднялся рано и, не разбудив сэра Кая, взял его доспехи, щит, пошел на конюшню и сел на его коня. Так он и уехал в чужих доспехах. Когда сэр Кай проснулся, то не нашел ни сэра Ланселота, ни своих доспехов, ни своего коня. «Теперь я точно знаю, — сказал сэр Кай, — что он решил выступить против каких-то рыцарей короля Артура, которые, приняв его за меня, без опаски начнут с ним биться. По крайней мере, его доспехи позволят мне никого не бояться в пути». Рассудив так, сэр Кай поблагодарил хозяина и уехал.

Сэр Ланселот ехал через густой лес и увидел под дубом четырех рыцарей, которые служили, как оказалось, при дворе короля Артура. Это были сэр Саграмур Желанный, Эктор Окраинный, сэр Гавейн и сэр Увейн. Когда они увидели Ланселота, то по доспехам приняли его за сэра Кая.

— Клянусь, сейчас я испытаю силу сэра Кая, — сказал сэр Саграмур, взял в руки копье и направился к Ланселоту.

При этом сэр Ланселот нацелил копье на Саграмура и ударил его так, что тот повалился на землю вместе с конем. Тогда сэр Эктор произнес:

— Сейчас вы увидите, что я с ним сделаю!

Но ему досталось даже больше, чем сэру Саграмуру, поскольку копье сэра Ланселота пронзило его плечо, и он упал с коня.

— Клянусь всеми святыми, — произнес сэр Увейн, — перед нами могучий рыцарь, который, наверное, убил сэра Кая и облачился в его доспехи.

С этими словами сэр Увейн взял в руку копье и устремился на сэра Ланселота. Тот встретил его на поляне таким ударом, что у нападавшего земля поплыла под ногами и он перестал понимать, где находится. «Теперь настал мой черед потягаться с этим рыцарем», — решил сэр

Гавейн, поправил свой щит и выбрал самое хорошее копьё из тех, что у него были. Сэр Ланселот его тут же узнал. Всадники разъехались на положенное расстояние, а затем устремились навстречу друг другу, и каждый нанес удар копьём в самую середину щита противника. Копьё сэра Гавейна сломалось, а его конь, не выдержав напора сэра Ланселота, опрокинулся. Сэр Ланселот проехал мимо и стал удаляться, улыбаясь самому себе и мысленно благодаря того, кто сделал его копьё, ибо не было у него до сих пор копия лучше. Когда он уехал, четверо рыцарей стали утешать друг друга.

— Что можно сказать, — промолвил сэр Гавейн, — когда один рыцарь одолел нас четверых?

— Не сносить мне головы, если это не сэр Ланселот, — сказал сэр Эктор, — я узнал его по тому, как он сидит в седле.

Что касается сэра Ланселота, то он проехал много чужих земель, пока судьба не привела его к волшебному замку. Когда он проезжал мимо, то ему показалось, что он услышал два удара колокола. Затем он увидел, как соколиха пролетела над его головой и уселась на вершине лиственницы. К ее лапе был привязан длинный шнурок ловчего, захлестнувшийся за ветвь, и чем больше птица старалась взлететь, тем туже затягивалась петля вокруг ветки. Сэр Ланселот, видя страдания птицы, все больше жалел ее. Тут из замка вышла дама, которая громко вскричала:

— О Ланселот, Ланселот! Прекрасный цветок среди рыцарей, помоги мне вернуть моего сокола, поскольку, если мне не удастся его вернуть, мой господин убьет меня, ибо он скор на расправу.

— Как зовут твоего господина? — спросил сэр Ланселот.

— Его зовут сэр Фелот, рыцарь, который служит королю Северного Уэльса.

— Хорошо, прекрасная дама, раз уж ты знаешь, как меня зовут, и я по-рыцарски должен тебе помочь, то я сделаю, что смогу, чтобы выволить твоего сокола. По правде сказать, лазить по деревьям я не очень-то умею, да и ветви, которые меня выдержат, растут слишком высоко.

С этими словами сэр Ланселот спешил, привязал коня к дереву и попросил даму помочь ему снять доспехи. Когда доспехи и кожаная куртка были сняты и он, пользуясь своей недюжинной силой, добрался до той ветви, где сидела соколиха, ему удалось привязать шнурок птицы к сухой ветви и бросить птицу вместе с ветвью вниз. Дама сумела поймать сокола, но тут из замка вышел ее муж, в доспехах и с обнаженным мечом в руках. Он произнес:

— О рыцарь Ланселот, теперь-то я расправлюсь с тобой! — и подступил к самому основанию дерева, чтобы убить его.

— О, госпожа, зачем же ты предала меня? — спросил сэр Ланселот.

— Она так поступила потому, что я ей приказал это сделать, поэтому нет у тебя выхода и настал твой смертный час!

— Позор на твою голову — вооруженному до зубов рыцарю убивать беззащитного человека, которого предали! — воскликнул Ланселот.

— При чем тут благородство? Спасайся, если можешь, — сказал сэр Фелот.

— Как прискорбно, что рыцарь убьет безоружного, — произнес сэр Ланселот.

Говоря это, он смотрел вверх-вниз и вдруг прямо над своей головой увидел большую ветвь, на которой не было листьев. Ему не составило труда отломить ее, после чего он тут же отпрыгнул в сторону так, что между ним и рыцарем оказался его конь. Сэр Фелот бросился вперед, чтобы убить сэра Ланселота, однако тому удалось отразить удар меча своей веткой и ударить ею сэра Фелота по голове так, что он, потеряв сознание, упал наземь. После этого сэр Ланселот взял меч поверженно-го рыцаря и отсек им голову владельцу. Тут заговорила дама:

— Зачем ты убил моего мужа?

— Это не моя вина, — сказал сэр Ланселот, — он хотел коварно убить меня, а теперь сам лежит убитый.

Сказав это, сэр Ланселот быстро надел доспехи, опасаясь нового нападения, поскольку замок рыцаря был совсем рядом. Не мешкая, он сел на коня и поехал прочь, благодаря Бога за то, что ему удалось избежать смерти.

За два дня до Троицы сэр Ланселот вернулся домой; и король, и все рыцари были рады его возвращению. Когда сэр Гавейн, сэр Увейн, сэр Саграмур и сэр Эктор Окраинный увидели сэра Ланселота в доспехах сэра Кая, они обрадовались, что это именно он победил их всех одним копьем. После этого их одолел смех и веселье. А тем временем всё прибывали и прибывали рыцари, которые были пленниками сэра Туркина, и все они воздавали хвалу и благодарность сэру Ланселоту. Наконец сэр Гахерис сказал:

— Я видел весь бой от начала до конца, — и пересказал королю Артуру, как все было.

Затем сэр Кай рассказал королю Артуру, как сэр Ланселот спас его от преследователей и повелел им сдаться сэру Каю. Все трое были здесь и подтвердили правоту его слов.

— Клянусь верой своей, — воскликнул сэр Кай, — только благодаря тому, что сэр Ланселот взял мои доспехи, а мне оставил свои, мне удалось беспрепятственно добраться до королевского двора и никто не осмелился мне помешать.

Так сэр Ланселот завоевал себе славу самого лучшего рыцаря в мире, которому все рыцари стремились воздать почести.

Приключения в телеге

Случилось это в месяце мае: королева Гинебра созвала своих рыцарей Круглого стола и сообщила, что завтра утром отправится майским поездом в поля и леса неподалеку от Вестминстера.

— И я хочу, чтобы каждый из вас был на добром коне и одет в зеленые шелковые или полотняные одежды; я же возьму с собой десять дам, и каждый рыцарь пусть имеет при себе даму, и одного сквайра, и двух йоменов, и все пусть будут на добрых конях.

Итак, рыцари стали готовиться, а звали их так: сенешаль сэр Кай, сэр Агривейн, сэр Бранделес, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Дикий, сэр Озанна, сэр Ладинас, сэр Персант Индский, сэр Железный Бок и сэр Пеллей. Эти десять рыцарей не замедлили снарядиться, чтобы отправиться вместе с королевой. Утром они сели на лошадей и не спеша поехали по лесам и долинам праздновать наступление весны, предаваясь при этом радости и веселью. А был такой рыцарь Мелегант, сын короля Брадемагуса, который уже много лет был влюблен в королеву Гинебру. Теперь этот рыцарь, сэр Мелегант, прослышал про желание королевы и про то, что с ней майским поездом отправилось всего десять благородных рыцарей, одетых в зеленые одежды, поэтому он собрал двадцать рыцарей и сто лучников, чтобы взять в плен королеву и ее рыцарей.

И вот, когда праздничные церемонии оказались позади и все украсили себя травами, мхом и цветами самым изящным способом, из лесу появился сэр Мелегант со ста шестьюдесятью вооруженными воинами и потребовал от королевы и ее рыцарей сдаться в плен.

— Предатель, — сказала королева Гиневра, — понимаешь ли ты, что делаешь? Разве это не обесчестит твое имя? Разве ты, королевский сын и рыцарь Круглого стола, не боишься опозорить всех рыцарей и себя?

— Как бы все это ни выглядело, — произнес сэр Мелегант, — знай же, прекрасная дама, что я любил тебя долгие годы и лишь сейчас у меня появилась возможность, которой я не могу не воспользоваться; и раз уж я тебя нашел, то овладею тобой.

Тогда десять рыцарей Круглого стола обнажили свои мечи, а противная сторона бросилась на них с копьями. Десять рыцарей мужественно защищались и отбили удары копий. После этого стороны сошлись на мечах и бились до тех пор, пока несколько рыцарей не упали на землю. Увидев, что тяжело приходится ее рыцарям и что им не выстоять, королева сокрушенно и печально воскликнула:

— Сэр Мелегант, не убивай больше моих благородных рыцарей, и я отправлюсь с тобой при том условии, что все, кто остался в живых, последуют за мной.

— Мадам, — сказал Мелегант, — ради вас они последуют с вами в мой замок, если вы согласитесь отправиться со мной.

После этих слов сэр Мелегант потребовал, чтобы никто из рыцарей ни на шаг не отходил от королевы, поскольку он опасался, что обо всем произошедшем узнает сэр Ланселот.

Тем не менее королева незаметно подозвала к себе своего камер-пажа, который поспешил сесть на коня, и тихо произнесла:

— Как только представится возможность, беги и передай это кольцо сэру Ланселоту и проси во имя его любви ко мне, чтобы он нашел меня и спас. Скачи, не жалея коня, — сказала королева.

Юноша, улучив момент, пришпорил коня и был таков. Сэр Мелегант, заметив побег, понял, что это произошло по велению королевы и что паж обязательно оповестит сэра Ланселота. Тогда те из его свиты, у кого были самые лучшие лошади, бросились в погоню, но юноше удалось уйти. Сэр Мелегант сказал королеве:

— Мадам, можно сказать, что вы меня предали, однако я сделаю так, что сэру Ланселоту придется долго вас искать.

После этого все отправились в его замок, не мешкая ни минуты. По дороге сэр Мелегант оставил засаду из лучших своих лучников, приказав им дожидаться появления Ланселота. Юноша благополучно достиг Вестминстера, нашел там сэра Ланселота, пересказал ему послание королевы и вручил ее кольцо.

— Ах, — сказал сэр Ланселот, — теперь я опозорен навеки и смою с себя позор, только когда спасу мою прекрасную даму.

После этого он велел принести ему доспехи, облачился в них, сел на коня и поскакал во весь опор; свидетели говорили потом, что он на коне прыгнул в Темзу у Вестминстерского моста и поплыл до самого Ламбета. А потом он поскакал в лес, где на тропе были оставлены в засаде лучники. Завидев его, они выпустили стрелы и попали в его коня. Сэр Ланселот высвободился из-под убитого коня и пешком отправился в чащу, однако там было столько ям и бурелома, что он не смог приблизиться к лучникам. «Как стыдно, — подумал сэр Ланселот, — что один рыцарь предает другого. Права пословица: смелому нужно бояться только тогда, когда на него нападает трус». Зашагал сэр Ланселот дальше, но стал уставать, потому что на нем были доспехи, а в руках — щит, копье и весь прочий скарб. Но случилось так, что он увидел телегу, на которую грузили хворост.

В то время телеги использовались очень редко — только для перевозки мусора и для доставки преступников к месту казни. Однако сэра Ланселота это мало заботило — он думал лишь о том, как поскорей спасти королеву. Поэтому он попросил, чтобы возчик доставил его в нужное место как можно быстрее за щедрое вознаграждение. Тот согласился, и сэр Ланселот взгромоздился в телегу и, несмотря на изрядные толчки на каждом ухабе, сетовал лишь на то, что продвигались они очень медленно. И случилось так, что мимо проезжал сэр Гавейн, который, увидев, что одетый в доспехи рыцарь путешествует таким необычным способом, решил подъехать поближе, чтобы узнать, кто же это разъезжает в телеге. Сэр Ланселот поведал ему, что королева попала в беду, и что он, отправившись ее спасать, остался без коня, и ему пришлось сесть в телегу, чтобы вообще не отказаться от своего предприятия. Услышав все это, сэр Гавейн сказал:

— Недостойно рыцаря путешествовать таким образом.

Но сэр Ланселот оставил эти слова без внимания.

Когда стали сгущаться сумерки, они подъехали к замку. Из него вышла госпожа в сопровождении своих служанок, чтобы приветствовать сэра Гавейна. Но она и не подумала приветствовать спутника сэра Гавейна, приняв его первоначально за преступника или, как минимум, за пленника. Однако сэр Гавейн стал настаивать, и она нехотя повиновалась. За ужином сэр Ланселот, которого сначала посадили возле кухни, удостоился места рядом с хозяйкой только после того, как сэр Гавейн

поведал ей, кто является его спутником. Служанки не приготовили ему постель, поэтому он нашел свободную спальню, занял ее и остался там, никем не потревоженный.

На следующее утро с башенки замка он увидел кавалькаду, сопровождавшую знатную госпожу, которая показалась ему королевой. Сэр Гавейн согласился с его предположением, и они поспешили отбыть из замка. Хозяйка предоставила сэру Ланселоту коня, и они быстрее ветра пересекли долину. От встречных людей они узнали, что к замку сэра Мелеганта ведут две дороги. Поэтому друзья расстались. Сэр Ланселот выбрал дорогу, полную препятствий, и успешно все их преодолел, хотя и потерял много времени. Уже близился вечер, когда ему повстречалась молодая веселая дама, которая с улыбкой предложила ему поужинать в ее замке. Рыцарь, который к тому времени проголодался и устал, принял предложение, хотя и без особой радости. Он последовал за дамой в ее замок и жадно набросился на ужин, никак не отвечая на ее любовные ухаживания. Вдруг комната изменилась, и на него набросились шесть свирепых головорезов, с которыми он сразился, и все они остались лежать без движения. Вокруг него снова все изменилось: опять он сидел наедине с прекрасной хозяйкой замка, которая сообщила ему, что является его феей-хранительницей и что она подвергла испытанию его отвагу и верность. На следующий день фея показала ему дорогу и, прежде чем расстаться, дала кольцо, которое меняло цвет в присутствии магии и позволило бы сэру Ланселоту преодолеть любое колдовство.

Сэр Ланселот продолжил свое путешествие без особых происшествий, если не считать насмешек путников, которые каким-то образом прознали о его позорном путешествии в телеге. Один, самый несносный из всех встреченных им, имел даже наглость отвлечь его от обеда и вызвать на бой. Ланселот, легко одолев его, лишь заставил побежденного с позором проехать в телеге.

Ночью его принимали уже в другом замке с нарочитым гостеприимством, однако утром он оказался в темнице закованным в цепи. Сверившись с кольцом и обнаружив, что это лишь колдовство, он сбросил с себя оковы, надел доспехи, охраняемые призрачными страшными чудовищами, открыл ворота башни и продолжил свой путь. Долго ли, коротко ли, путь ему преградил широкий и быстрый поток, и преодолеть его можно было только по узкому мосту, каждая ступенька которого могла привести рыцаря к смерти. Ланселот, ведя коня по мосту, а сам переправляясь вплавь, пересек поток, но не успел он достигнуть берега, как

на него напали лев и леопард, которых он зарубил. Обессиленный и истекающий кровью, он присел на траву, чтобы перевязать раны, но тут к нему подошел Брадемагус, отец Мелеганта, замок которого уже можно было разглядеть. Этот король, не менее галантный, чем его сын, был при этом высокомерен и заносчив. Выразив свое восхищение тем, как сэр Ланселот отважно и умело преодолел все трудности, которые ему пришлось встретить на мосту, и тем, как он справился с дикими животными, Брадемагус предложил ему помощь и сообщил, что королева находится в безопасности в его замке, но спасти ее можно, только вызвав на поединок Мелеганта. Ланселот потребовал, чтобы поединок состоялся на следующий день. И он произошел у подножия замковой башни на глазах прекрасной пленницы. Ланселот был очень ослаблен своими ранами и бился не так отчаянно, как обычно. Долгое время исход поединка был неясен, и Гиневра даже воскликнула:

— О, Ланселот, мой рыцарь! Правду мне сказали, что ты больше недостоин меня!

Эти слова подстегнули утомленного рыцаря, он преисполнился силы и вскоре поверг противника к своим ногам.

Он уже был готов лишить жизни своего врага, но Гиневра, тронутая мольбами Брадемагуса, приказала ему воздержаться от удара, и он повиновался. Замок и пленники оказались теперь в его полном распоряжении. Ланселот поспешил в покои королевы и встал перед ней на колени. Он уже был готов поцеловать ей руку, когда она воскликнула:

— О Ланселот, ты недостоин предстать передо мной, ибо ты путешествовал таким позорным образом...

Ланселот перебил ее, горько сокрушаясь о том, что навлек на себя немилость своей королевы. После этого он опрометью кинулся из замка, бросив свой меч направо, а шит налево, и исчез в ближайшем лесу.

Похоже, что история о злосчастной телеге, которая теперь повсюду преследовала сэра Ланселота, в конце концов достигла ушей сэра Кая, который пересказал ее королеве в доказательство того, что ее рыцарь был обесчещен. Однако Гиневра уже пожалела о том, что так быстро поверила в эту историю. Три дня Ланселот шел куда глаза глядят. Наконец он решил, что его дама была введена в заблуждение и что он должен ей все объяснить. Поэтому он вернулся, убедил Мелеганта освободить пленников и послал их по дороге навстречу сэру Гавейну. Он встретился с ним на следующий день, и они все вместе с большой радостью направились в Камелот.

Леди из Шалотта

Король Артур объявил о проведении турнира в Винчестере. Король ожидал этого праздника с тем же нетерпением, что и его рыцари, и отбыл к месту турнира за несколько дней, чтобы руководить приготовлениями, оставив королеву с ее свитой в Камелоте. Сэр Ланселот под предлогом своей нерасположенности к турниру также остался при дворе. Он хотел участвовать в турнире неузнанным, о чем и поведал Гиневре. После этого он сел на коня и без слуг отправился в путь, притворившись слабым стариком. Он выбрал малоезжую дорогу в Винчестер, и его приняли за старого рыцаря, который ехал полюбоваться турниром. Даже Артур и Гавейн, видевшие его из окон замка, под которыми он проходил, не узнали его в таком обличии. Но его выдал один случай. Его конь стал хромать, и герой, забыв на мгновение, что должен выглядеть стариком, с такой энергией и силой вправил ногу коню, что все в нем немедленно признали могучего Ланселота. Они позволили ему продолжить путь, убежденные в том, что его боевые подвиги все равно не дали бы ему остаться незамеченным на приближающемся празднике.

Вечером Ланселоту устроили пышный прием как неизвестному рыцарю в соседнем замке под названием Шалотт. У владельца этого замка была дочь необыкновенной красоты и двое сыновей, совсем недавно посвященных в рыцари. Один из них в это время болел и был прикован к постели, что мешало ему принять участие в турнире, к которому оба брата долго готовились. Ланселот предложил одному из братьев сопровождать его в доспехах больного брата, если только тот не станет возражать. Владелец замка Шалотт, не зная имени своего гостя, был рад такому предложению, поскольку его сын вряд ли смог найти более достойного спутника, и охотно согласился на предложение. Тем временем молодая девушка, пораженная обликом таинственного рыцаря, не сводила с него глаз и еще до того, как завершился ужин, успела так в него влюбиться, что то и дело краснела. Это не ускользнуло от внимания Ланселота, а девушка вынуждена была удалиться в свои покои, где дала волю слезам. Сэр Ланселот поспешил передать ей через ее брата, что сердце его давно занято, но что ему будет приятно стать ее рыцарем на предстоящем турнире. Девушка, обрадованная такой галантностью, вручила ему свой шарф, который он должен был носить на предстоящем турнире.

Наутро Ланселот вместе с молодым рыцарем отправились в путь и недалеко от Винчестера оказались в замке, принадлежавшем сестре

владельца замка Шалотт, которая встретила их с большим радушием. На следующий день они надели доспехи, на которых еще не было ничего изображено, как у юношей первого года рыцарства, так что свита могла их распознать только по красному цвету щитов. Ланселот повязал на шлем шарф девушки из Шалотта и в таком виде отправился на турнир, где все рыцари разделились на два отряда: один под предводительством сэра Галлехата, другой — во главе с королем Артуром. Понаблюдая какое-то время за поединком и обнаружив, что отряд сэра Галлехата начинает уступать, они присоединились к нему, чтобы выступить против рыцарей короля, причем молодой рыцарь выбирал себе для поединка таких же начинающих рыцарей, как он сам, тогда как его спутник сражался с самыми известными рыцарями Круглого стола. Одного за другим победил он Гавейна, Борса и, наконец, Лионеля. Удивлению зрителей не было предела, поскольку они знали, что такое под силу только Ланселоту. Однако шарф на его шлеме всех сбивал с толку, поскольку было известно, что Ланселот носит только отличительные знаки своей королевы. Наконец сэр Эктор, брат Ланселота, вступил с ним в бой и в яростном поединке нанес ему серьезную рану в голову, но и сам от столь сильного удара оказался на земле, тогда как его победитель в сопровождении своего спутника ускакал прочь.

Вернувшись в замок Шалотт, Ланселот воспользовался помощью благородного графа и его сыновей. Но больше всего ему помогла графская дочь, врачевательные способности которой значительно ускорили его выздоровление. Он уже почти окончательно исцелился, когда сэр Эктор, сэр Борс и сэр Лионель, которые после возвращения королевского двора в замок Камелот решили немного постранствовать, обнаружили Ланселота гуляющего по стене замка. Встреча была очень радостной, три дня в замке прошли в непрерывных празднованиях и рассказах о том, кто из них что видел на прошедшем турнире. Ланселот, который до того мечтал отомстить человеку, нанесшему ему тяжкие раны, в конце концов оттаял душой, посчитав, что гордость за брата является достаточной платой за перенесенную боль. После этого он попросился с ними и передал королеве сообщение, в котором говорилось, что он вернется, как только официально простится с гостеприимным хозяином и его прекрасной дочерью.

После слабых попыток удержать Ланселота в замке хотя бы на несколько дней молодая девушка поняла, что ее слез для этого недостаточны, и он, не прощаясь, отправился в путь, не оставив ей никакой надежды.

Турнир проводился, когда лето только начиналось, но Ланселот отправился в обратный путь спустя несколько месяцев, и уже чувствовался скорый приход зимы. Девушка из замка Шалотт начала чахнуть, силы покидали ее, и она поняла, что не может больше жить вдали от возлюбленного. Она покинула замок, спустилась к реке, села в лодку, отвязала ее от причала и отправилась вниз по течению в сторону замка Камелот.

Однажды утром, когда Артур и сэр Лионель смотрели из окон башни, стены которой омывались рекой, они увидели богато украшенную, покрытую золотой тканью лодку, которая плыла по течению реки, как казалось, никем не управляемая. Пока они за ней наблюдали, она доплыла и уткнулась в берег, и они, сгорая от любопытства, бросились к реке. Под пологом лодки они обнаружили мертвое тело прекрасной женщины, в которой сэр Лионель сразу узнал милую девушку из Шалотта. Продолжив осматривать лодку, они нашли кошелек, богато украшенный золотом и драгоценными камнями, а в нем — письмо, которое Артур открыл и увидел, что оно адресовано ему и всем рыцарям Круглого стола. В нем говорилось, что сэр Ланселот Озерный является самым лучшим рыцарем и самым красивым мужчиной, но при этом — самым жестоким и безжалостным, что и стало причиной смерти несчастной, чья любовь оказалась такой же непреходящей, как и его жестокосердие. Король немедленно распорядился похоронить тело со всеми полагающимися для ранга девушки почестями и поведал рыцарям историю ее любви к Ланселоту, которая вызвала много сострадания и вздохов со стороны всех слушавших.

Теннисон использовал историю леди из замка Шалотт в качестве сюжета своего стихотворения. Печальный конец этой истории рассказан им следующим образом:

Под балконом и под башнями,
Вдоль стены невдалеке,
Сноп сияния нестрашного
Проплывает по реке.
Замолкает Камелот.

И от пристани по улицам
Люд бежит скорей туда,

Где поток неспешный струится
И качает челн вода.
А на нем — дева Шалотт.

Кто ее несет без усталости?
В замке смолк и шум, и смех.
И недоброе предчувствие
Вдруг охватывает всех
В замке мрачном Камелот.

Ланселот, как будто вычитал,
Имя девы и сказал:
«Ах, какое все же личико,
Бог ей, смиростившись, дал,
Этой девушке Шалотт».

Королева Гиневра в опасности

Случилось так, что жизнь королевы Гиневры оказалась в опасности. Некий сквайр из тех, что прислуживали ей лично, возненавидел сэра Гавейна и решил его отравить на одном из праздников. Для этой цели он напичкал ядом прекрасное яблоко и положил его поверх остальных. Блюдо же с яблоками он поставил перед королевой в надежде на то, что королева предложит это яблоко сэру Гавейну как очень знатному рыцарю. Но случилось так, что в день праздника ко двору прибыл шотландский рыцарь, также отличавшийся знатностью, и был посажен рядом с королевой, которая именно ему, как почетному гостю, и предложила отравленное яблоко. Только он откусил от него, как тут же почувствовал невыносимую боль и упал без чувств. Все присутствующие пришли в замешательство; рыцари встали из-за стола, бросая негодующие взгляды на несчастную королеву, слезы и оправдания которой не смогли снять с нее подозрения. Несмотря на попытки спасти его, рыцарь умер, и не оставалось ничего, как похоронить его с большими почестями и водрузить на его могиле камень, что и было сделано.

Некоторое время спустя сэр Мадор, брат погибшего рыцаря, прибыл ко двору короля Артура, чтобы узнать, что случилось с его братом. Охотясь в лесу, он случайно наткнулся на надгробие, прочел на нем надпись

и воспыал жаждой мести. Он въехал верхом в зал, громко обвинил королеву в измене и потребовал, чтобы ее подвергли наказанию, если она к определенному сроку не найдет рыцаря, готового постоять за нее, чтобы доказать ее невиновность. Артур, несмотря на все свое могущество, не решился отвергнуть вызов, но согласился на него с тяжелым сердцем, и Мадор отбыл, оставив королевскую чету в страхе и тревоге.

Все это время Ланселота при дворе не было, и никто не знал, где он. В гневе он покинул свою повелительницу, после того как она обвинила его в любви к леди Шалотт, шарфом которой Ланселот украсил свой шлем на турнире. Ланселот решил поселиться в лесу, в доме отшельника, и больше никогда не возвращаться к своей жестокой красавице, которая своим обращением словно бы желала избавиться от него. Однако воспоминания о ней в долгой разлуке остудили его чувство негодования, и он понял, что не прочь помириться с ней, правда без особой надежды на это. Но тут, к счастью, до него дошли слухи о том, что сэр Мадор вызвал короля на поединок. Эта новость воодушевила его, и он с большой радостью стал готовиться к поединку, победив в котором он мог вернуть расположение своей госпожи и завоевать благодарность суверена.

Печальная участь леди из замка Шалотт полностью оправдала Ланселота в глазах королевы и показала всю безосновательность обвинений в его неверности. Поэтому королева горько плакала, раскаиваясь в своей глупой ссоре с ним, из-за которой в час беды она осталась без самого надежного своего защитника.

Поскольку день, назначенный сэром Мадором, неминуемо приближался, ей нужно было выбрать рыцаря, который бы защитил ее честь, поэтому она по очереди обращалась то к сэру Эктору, то к сэру Лионелю, то к сэру Борсу, то к сэру Гавейну, чтобы они выступили на ее стороне. Она падала перед ними на колени, призывала в свидетели своей невиновности небеса, но все ей отвечали, что не могут сражаться за ту, чей неблаговидный поступок, свидетелями которого они были сами, привел к столь печальным последствиям. Поэтому ей пришлось уйти, не найдя ни покоя, ни утешения. Однако вид костра, на котором ей предстояло сгореть, если ее признают виновной, придавал ей новые силы и заставлял вновь и вновь искать выход. Поэтому она второй раз обратилась к сэру Борсу, упала к его ногам, со слезами просила о милости и вдруг потеряла сознание. Отважный рыцарь не устоял перед ее мольбами, поднял ее и заявил, что он готов защитить ее честь, если для этого

не найдется другого, более достойного рыцаря. После этого он созвал друзей и сообщил им о своем решении; и поскольку поединок с сэром Мадором был смертельно опасен, они решили утром сопроводить его в лес, к домику отшельника, где он хотел получить отпущение грехов и примириться с небесами, прежде чем выйти на ристалище. Подъезжая к домику отшельника, они увидели едущего по лесу рыцаря, в котором признали сэра Ланселота. Обрадованные такой встречей, они в ответ на его расспросы подтвердили слухи о том, что королеве грозит опасность. Он велел им возвращаться к королевскому двору, утешить королеву, насколько это возможно, но не говорить ничего о его намерении выступить в ее защиту, поскольку на поединок он решил выйти неузнанным.

Когда они вернулись в замок, месса уже почти кончилась, и не успели они переговорить с королевой, как их позвали в зал на ужин. Среди гостей царило печальное молчание. Даже Артур не мог скрыть своей печали, а несчастная Гиневра, заливаясь слезами и боясь пошевелиться, сидела в ожидании сэра Мадора. И вот он вошел в зал и громовым голосом, еще более громким от царившей в зале тишины, потребовал немедленного наказания виновной стороны. Артур с достоинством ответил, что назначенный день еще не истек и что в оставшееся время может появиться рыцарь, который сумеет удовлетворить жажду Мадора к поединку. Тут из-за стола встал сэр Борс и скоро вернулся, облаченный в доспехи, и снова занял свое место за столом, после того как король, приободренный, поблагодарил его объятиями и словом. Становясь все более нетерпеливым, сэр Мадор вновь высказал свое желание отомстить за брата и потребовал не откладывать больше поединка.

В самый разгар спора в зале появился рыцарь на черном коне и в черных доспехах; забрало его было опущено, а в руке он держал копье.

— Сэр, — сказал король, — не хотите ли вы таким образом омрачить нашу радость?

— Что вы, сэр, — ответил рыцарь, — я пришел, чтобы спасти жизнь женщины. Королева не тем рыцарям расточала свою благосклонность и воздавала почести, потому что в час беды никто из них не захотел ее защитить. А тому, кто осмелился сегодня обвинить ее в измене, требуется вся его сила.

Сэр Мадор хотя и был удивлен, не испугался решительного вызова и мрачного вида своего противника и приготовился сражаться. После первого удара оба были выбиты из седла. Тогда они выхватили свои мечи и начали биться. Бой продолжался с полудня до вечера, когда сэр

Мадор, начавший терять силы, оказался поверженным на землю и взмолился Ланселоту о пощаде. Победитель, чья рука уже была занесена, чтобы лишить противника жизни, мгновенно опустил свой меч и галантно подал руку поверженному сэру Мадору, чтоб помочь ему подняться. При этом он заявил, что никогда не встречался с более достойным противником. Тот с не меньшей галантностью поклялся не мстить больше за смерть своего брата, и оба рыцаря, ставшие теперь лучшими друзьями, сердечно обнялись. В это время король Артур, который уже узнал сэра Ланселота, отстегнувшего шлем, бросился к ристалищу в сопровождении всех своих рыцарей, чтобы поприветствовать и поблагодарить своего избавителя. Гиневра засияла от счастья, и место битвы неожиданно стало местом ликования.

Всеобщая радость стала еще больше, когда удалось найти настоящего преступника. Он нечаянно навлек на себя подозрение, и ему не оставалось ничего другого, как признаться в содеянном и понести заслуженное наказание в присутствии сэра Мадора.

Весь двор вернулся в замок, который теперь вместе с надписью «Веселая стража» был передан сэру Ланселоту королем Артуром в знак великой благодарности.

Тристрам и Изольда

Сватовство Изольды

Мелиодас был королем Лионуа, или Лионессы, — страны, часто упоминающейся в рыцарских романах; она граничила с Корнуоллом, но теперь исчезла с карты, поглощенная, как полагают, океаном. Мелиодас был женат на Изабелле, сестре Марка, короля Корнуолла. В него влюбилась фея и с помощью колдовства завлекла его к себе, когда он охотился. Королева отправилась на его поиски, но во время странствий заболела и умерла, оставив сына — младенца, которого из-за печальных обстоятельств его рождения назвала Тристрамом*.

Говернал, благородный дворянин, сопровождавший ее во время странствий, взял на себя заботу о королевском сыне и вернул его отцу, когда тот наконец сумел избавиться от чар феи и вернуться домой.

* От французского triste — печальный.

Мелиодас через семь лет женился вновь, и новая королева, ревнуя мужа к сыну, постоянно пыталась лишить Тристрама жизни. Об этом узнал Говернал и счел за лучшее сбежать с мальчиком ко двору французского короля, где Тристрам был принят с большой любовью и освоил все премудрости придворной галантности и рыцарства, научился владеть оружием и познал искусство музыки и шахмат. В частности, он предавался охоте и другим лесным развлечениям и вскоре превзошел в этом всех рыцарей двора. Нет ничего удивительного, что Белинда, королевская дочь, влюбилась в него, но, поскольку он не отвечал ей взаимностью, она в порыве гнева сумела настроить против него своего отца, и Тристрам был изгнан из королевства. Прошло немного времени, и принцесса устыдилась своего поступка и в отчаянии покончила жизнь самоубийством, написав перед смертью очень нежное письмо Тристраму и отправив ему на память о несчастной влюбленной красивую и умную собаку, к которой очень была привязана. Мелиодас к этому времени уже умер, и, поскольку на троне была его жена, то есть мачеха Тристрама, Говернал побоялся возвращаться со своим воспитанником на родину — вместо этого они направились в Корнуолл к дяде Тристрама, Марку, который встретил их очень любезно.

Король Марк жил в замке Тинтадель, который упоминался в повести об Утере и Игерне. При его дворе Тристрам блеснул своим знанием всех наук, какие должен был освоить рыцарь, и в скором времени ему пришлось на деле показать всю свою доблесть и умение. Моронт, известный воин и брат ирландской королевы, прибыл ко двору, чтобы потребовать дань от короля Марка. Рыцари Корнуолла никогда не отличались храбростью, о чем нередко упоминалось в рыцарских романах. Королю Марку не удалось найти ни одного бойца, который бы смог сразиться с ирландцем, и тогда его племянник, еще не посвященный в рыцарское звание, но мечтавший о нем, сам предложил сразиться за честь Корнуолла. Король Марк нехотя согласился, и Тристрама посвятили в рыцари, после чего было назначено время и место поединка.

Не вдаваясь в подробности этого славного боя, который стал первым и одним из самых известных подвигов Тристрама, скажем только, что молодой рыцарь, будучи серьезно ранен, расколол голову Моронту, да так, что обломок меча остался в ране. Моронт, чуть живой от полученной раны, стыдясь своего поражения, поспешил скрыться на своем корабле и, не мешкая, отплыл в Ирландию, где вскорости скончался.

Королевство Корнуолльское избавилось таким образом от дани. Тристрам, ослабевший от потери крови, упал без чувств, и ему на помощь поспешили друзья. Они перевязали его, но копьё Моронта было напитано ядом, и одна рана не заживала, несмотря на все имевшиеся снадобья, и только день ото дня становилась хуже. Лекари оказались бессильны. Тристрам попросил у своего дяди разрешения отправиться за помощью в королевство Лоэгрив (Англия). Получив согласие, он отбыл в путь и, проведя много дней в море, по воле ветров пристал к ирландскому берегу. Полный радости и благодарности судьбе за то, что она не дала ему утонуть в море, он высадился на берег со своей любимой ротой* и заиграл. Был летний вечер, и король Ирландии со своей дочерью, прекрасной Изольдой, любовались из окна видом на море. За странным музыкантом послали слуг, и, только оказавшись во дворце, Тристрам понял, что он в Ирландии, чьего славного рыцаря он недавно убил. Ему пришлось скрыть свое имя и назваться Трамтридом. Его раной занялась сама королева, и благодаря лечебным купаниям к нему стало возвращаться здоровье. Его великолепная игра на роте и знание охоты сделали его частым гостем при дворе, и скоро он стал обучать искусству менестрелей и поэзии Изольду, которая так преуспела в этой науке, что во всем королевстве не было ей равных, не считая ее учителя.

В это время был организован турнир, на котором среди прочих присутствовали многие рыцари Круглого стола. В первый день всех сумел одолеть сарадинский принц по имени Паламед. Его привели ко двору и устроили в честь него пир, на котором присутствовал Тристрам, только что оправившийся от раны. Прекрасная Изольда по этому случаю появилась во всей своей красе. Паламед воспылал к ней страстью и даже не пытался скрыть свои чувства. Тристрам это заметил, и ревность породила в нем такую боль, что он впервые понял, как дорога стала ему Изольда за это время.

На следующий день турнир возобновился. Тристрам, все еще слабый после перенесенного недуга, встал ночью, взял свои доспехи и спрятал их в лесу недалеко от ристалища. Когда турнир начался, он принял в нем участие, побеждая всех, кто вступал с ним в бой, в их числе и Паламеда, которого он выбил из седла ударом копья. После этого они бились пешими на мечах, и Тристраму достался приз этого дня. Однако

* Рота — музыкальный инструмент, похожий на лиру.

от напряжения раны его вновь открылись, из них ручьем потекла кровь, и его, обессилевшего, но торжествовавшего победу, принесли в замок. Прекрасная Изольда делала все, чтобы ему стало легче, и день ото дня влюблялась в него все сильнее. Ее искусство врачевания позволило Тристраму очень быстро выздороветь.

Случилось так, что некая придворная дама, войдя в кладовую, где хранились доспехи Тристрама, обнаружила, что меч его обломлен. Она догадалась, что не хватает как раз того кусочка, что остался в черепе ирландского воина Моронта. Она сообщила о своих подозрениях королеве, которая сопоставила обломок, вынутый из раны ее брата, с мечом Тристрама, и убедилась, что они подходят друг к другу и что Тристрам — тот самый человек, который лишил жизни ее брата. Тристрама допросили перед всем двором и осудили за то, что он осмелился явиться перед ними, после того как совершил убийство их родственника. Он признался, что бился с Моронтом в поединке из-за дани, и сказал, что оказался на их берегу не по своей воле, а по прихоти ветра и волн. Королева потребовала мести за смерть своего брата, прекрасная Изольда задрожала и побледнела, но присутствующие разом зашумели и сказали, что это не повод лишать жизни такого красивого и отважного воина, поэтому король в конце концов решил проявить свое снисхождение. Тристрама невредимого отпустили из дворца, повелев незамедлительно покинуть королевство и не возвращаться в него под страхом смерти. Так вылечившийся Тристрам вернулся назад в Корнуолл.

Король Марк потребовал, чтобы его племянник рассказал о своих приключениях все без утайки. Тристрам поведал ему обо всем в мельчайших подробностях, но, заговорив о добродетелях прекрасной Изольды, проявил такую пылкость, которая сразу выдала в нем влюбленного человека. Король Марк был настолько поражен услышанным, что, увидев удобный момент, потребовал, чтобы юноша пообещал выполнить одну его просьбу*. Тристрам поклялся на святых мощах выполнить все,

* «Честность является краеугольным камнем рыцарства. Если рыцарь дает слово (неважно, насколько обдуманно), он должен выполнить его любой ценой. Тем более если это обещание дано как клятва рыцаря своему патрону. В рыцарских романах можно найти множество примеров того, как рыцарь, опрометчиво пообещавший выполнить любое желание, вынужден совершить что-либо себе во вред или лишиться чего-либо. Однако исполнение любого желания встречается не только в рыцарских романах. История этой эпохи представляет немало подлинных фактов заключения весьма затруднительных и даже абсурдных сделок» (В. Скотт. Примечания к Тристраму). — *Примеч. авт.*

о чем король его ни попросит. Тогда Марк приказал ему отправиться в Ирландию и предложить прекрасной Изольде стать королевой Корнуолла.

Тристрам понимал, что его возвращение в Ирландию грозит ему верной смертью, и не представлял, как в таком случае выступить послом своего дяди. Но, связанный клятвой, он ни минуты не колебался и лишь поменял свои доспехи. После этого он отплыл в Ирландию, но ветер отнес его корабль к английскому берегу, и он оказался неподалеку от Камелота, где король Артур держал свой двор и где пребывало много рыцарей Круглого стола и самых знаменитых рыцарей со всего мира. Тристрам решил не открывать своего имени. Он принял участие во многих поединках, сражался со многими рыцарями и покрыл себя славой. Однажды среди вновь прибывших он увидел короля Ирландии, отца прекрасной Изольды. Его обвиняли в измене своему суверену королю Артуру, поэтому он прибыл в Камелот, чтобы отстоять свою честь. Его обвинителем был Блаанор, один из самых известных поединщиков Круглого стола, а у короля Аргия уже не было ни молодого задора, ни сил, чтобы самому сразиться с ним. Поэтому ему пришлось искать рыцаря, способного доказать его невиновность. Однако рыцарям Круглого стола было разрешено сражаться друг с другом только за собственную честь. Аргий слышал о великой славе неизвестного рыцаря и даже сам видел его подвиги. Он разыскал его и попросил встать на его защиту. При этом он поклялся, что действительно невиновен в преступлении, в котором его обвиняют. Тристрам с готовностью согласился и открыл свое имя королю Аргию, который со своей стороны обещал вознаградить его, чем он только пожелает, если, конечно, сумеет победить.

Тристрам сразился с Блаанором и одолел его, поэтому жизнь рыцаря была в его руках. Поверженный воин потребовал, чтобы победитель воспользовался своим правом и нанес смертельный удар.

— Бог не простит, — сказал Тристрам, — если я отниму жизнь у столь отважного рыцаря!

Он помог ему подняться и подвел его к товарищам. Судьи поединка решили, что король Ирландии свободен от всех выдвинутых против него обвинений, и с почетом отвели к его шатру Тристрама. Король Аргий, переполненный благодарности, убедил Тристрама отправиться с ним в его королевство. Они вместе отплыли и вскоре оказались в Ирландии. Королева, забыв о своем желании отомстить за смерть брата, поблагодарила спасителя своего мужа. А как обрадовалась Изольда, узнав, что

отец обещал своему спасителю любую награду, какую тот ни попросит. Однако несчастный Тристрам, связанный жестокой клятвой, бросал на нее взгляды, полные отчаяния. Его благородная душа пыталась побороть любовные чувства. Он рассказал о своем обете и срывающимся голосом попросил прекрасную Изольду стать женой его дядюшки.

Аргий согласился, и скоро все было готово к отъезду Изольды. Бренгвейн, ее любимая служанка, должна была ее сопровождать. В день отъезда королева отвела служанку в сторонку, рассказала ей о взаимных чувствах друг к другу Тристрама и Изольды и, чтобы избежать беды, велела Бренгвейн подать королю Марку и Изольде в день их свадьбы сильное приворотное зелье, приготовленное одной могущественной феей.

Изольда и Тристрам отплыли вместе. Благоприятный ветер наполнил паруса, что обещало счастливое плаванье. Возлюбленные глядели друг на друга и не могли удержаться от тяжелых вздохов. Казалось, что огонь любви, полыхавший в их сердцах, иссушил и их губы. День был жаркий, они страдали от жажды. Первой призналась, что хочет пить, Изольда. Тристрам открыл бутылку с приворотным зельем, которую Бренгвейн неосторожно забыла на видном месте. Он налил из нее Изольде, а остальное выпил сам. Кубок, из которого они пили, лизнул пес Худайн. Корабль приплыл в Корнуолл, и Изольда вышла замуж за короля Марка. Старый монарх был рад получить такую невесту, и его благодарность Тристраму за это была безмерна. Он наделил его почестями и сделал камергером, тем самым обеспечив ему вход в покои королевы.

В разгар пиршества, которое было устроено при дворе после королевской свадьбы, появился неизвестный менестрель с необычного вида арфой. Но играть он соглашался, только если король Марк пообещает исполнить его желание. Король пообещал, и менестрель, который был не кем иным, как сарацинским рыцарем Паламедом, влюбленным в прекрасную Изольду, запел, аккомпанируя себе на арфе, о том, что просит во исполнение своего желания отдать ему Изольду. Король Марк не мог по закону рыцарства отречься от своего обещания. Леди села на своего коня и уехала со своим торжествующим воздыхателем. Излишне говорить, что Тристрам в это время отсутствовал и возвратился уже после их отъезда. Когда он узнал о том, что произошло, он схватил свою роту и поспешил к берегу, где Изольда и ее новый повелитель уже сели на корабль. Тристрам заиграл на роте, звуки которой достигли ушей Изольды, и та была так тронута, что сэръ Паламед решил вместе с ней сойти

на берег, чтобы увидеть таинственного музыканта. Тристрам не растерялся: он схватил за поводья коня Изольды и устремился с ней к лесу, успев сказать своему сопернику, что все, что тот обрел с помощью арфы, теперь потерял из-за роты. Паламед бросился в погоню, и казалось, что не избежать поединка, который бы обязательно завершился смертью одного из этих доблестных рыцарей. Но Изольда встала между ними и, обращаясь к Паламеду, сказала:

— Ты говорил, что любишь меня, поэтому, я думаю, ты не откажешь мне в моей просьбе.

— Леди, — ответил он, — я выполню любое ваше желание.

— Не вступай в поединок, а лучше отправляйся ко двору короля Артура и передай от меня привет королеве Гиневре. Скажи ей, что в мире существуют только две дамы, она и я, и два возлюбленных, ее и мой, и впредь никогда не появляйся там, где буду я.

Паламед разрыдался:

— О, леди, я, конечно, исполню вашу просьбу, но пусть в вашем сердце не будет злости на меня.

— Паламед, — ответила она, — не познать мне никогда радости, если я изменю своей первой любви.

Паламед после этих слов отправился восвояси. Возлюбленные же провели целую неделю в уединенном месте, после чего Тристрам вернул Изольду ее мужу, посоветовав ему в будущем делать другие подарки менестрелям.

Король встретил Тристрама с большой благодарностью, но в его сердце уже закралась ревность. Однажды Тристрам и Изольда находились вдвоем в покоях королевы. Один низкий и трусливый рыцарь по имени Андрет, служивший при дворе, стал подсматривать за ними через замочную скважину. Они сидели за столом и играли в шахматы, однако сама игра их не интересовала. Андрет привел короля, предварительно возбудив в нем подозрения. Он поставил короля так, чтобы ему было видно, чем они занимаются. Король, увидевший достаточно для того, чтобы его подозрения подтвердились, ворвался в покои с обнаженным мечом и готов был зарубить Тристрама, растерявшегося от неожиданности. Но Тристраму удалось уклониться от удара, обнажить меч и отбить нападение малодушного монарха, преследуя его из комнаты в комнату и нанося множественные удары мечом плашмя. Король же в это время призывал своих рыцарей спасти его. Однако они либо не хотели, либо не осмеливались вмешаться в ссору.

Доказательством огромной популярности легенды о сэре Тристраме является тот факт, что итальянские поэты Боярдо и Ариосто создали на ее основе образ двух волшебных источников, производивших противоположный эффект: один источник — любовь, другой — ненависть. Боярдо так описывал источник ненависти:

Вкруг фонтана стоят золотые скульптуры,
Алебастр золоченый, богатый и редкий.
И всегда наслаждаться цветущей натурой
Может каждый из рядом стоящей беседки.
Говорят, мудрый Мерлин фонтан этот создал,
Когда бравый Тристрам не добился Изольды,
Чтобы рыцарь печальный напился и просто
Все в фонтане забвенья оставил невзгоды
И о смерти забыл бы на долгие годы.

Но фонтан просто так на дороге не встретить,
Он тому лишь сумеет открыться однажды,
Кто готов все дороги и земли на свете
Обойти, утоляя лишь к подвигам жажду.

Тристрам в изгнании

После этого случая Тристрам был изгнан из королевства, а Изольду зачлчили в башню, которая стояла на берегу реки. Тристрам не мог уехать, не переговорив со своей любимой. Поэтому он спрятался в лесу и оставался там до тех пор, пока ему не пришла в голову мысль подавать ей знак с помощью веточек, которые он искусно остругивал и пускал по течению реки, так чтобы они проплывали под ее окном. Таким образом ему не раз удалось дать ей о себе знать. Тристрам обитал в лесу, пробавляясь дичью, которую ему приносил пес Худайн, ибо это преданное животное было непревзойденным охотником и хорошо понимало, что его хозяину нужно скрываться. Поэтому, гоняясь за дичью, пес никогда не лаял. В конце концов Тристрам уехал, оставив Изольде свою собаку на память.

Сэр Тристрам побывал во многих странах и, решаясь на самые опасные предприятия, покрыл себя славой, но это не приносило ему удовлетворения, поскольку он не мог соединиться со своей любимой Изольдой.

Но вот на земли короля Марка напали вожди соседних племен, и он был вынужден призвать на помощь своего племянника. Тристрам подчинился зову, встал во главе вассалов своего дяди и изгнал врагов из страны. Марк был ему благодарен, Тристрам вышел из немилости и мог наконец видиться с Изольдой, отчего он был на вершине счастья. Но беда вновь поджидала его.

Тристрам взял с собой друга по имени Фередин, который был сыном короля Британии. Молодой рыцарь увидел королеву Изольду и оказался во власти ее красоты. Зная о любви своего друга к королеве и о том, что эта любовь была взаимной, Фередин скрывал свои собственные чувства до тех пор, пока не стал чахнуть от любви. Ему казалось, что смерть его неминуема. Тогда он написал прекрасной королеве, что умирает от любви к ней.

Добрая Изольда из чувства сострадания к другу Тристрама отправила ему такой теплый и сочувственный ответ, что вернула его к жизни. Спустя несколько дней после этого Тристрам нашел ее письмо. Его душу охватила невероятная ревность: он чуть не убил Фередина, но тому в последний момент удалось спастись. Тогда Тристрам оседлал коня и отправился в лес, где без сна и пищи провел десять дней. Там его, лежащего почти без чувств рядом с источником, нашла некая девушка. Она узнала Тристрама и тщетно пыталась вывести его из оцепенения. Наконец, вспомнив о его любви к музыке, она принесла его арфу и заиграла на ней. Тристрам пришел в себя, и у него потекли слезы; он вдохнул полной грудью, взял у девушки арфу и запел балладу, прерывая пение тяжелыми вздохами.

Как я раньше пел чудесно —
От любви слагая песни,
А теперь тревожит даль
Только черная печаль.

О, любви вериги сладкие,
До нее мы с детства падкие,
Ты, любовь, прекрасный друг,
Оживляешь все вокруг.

Нежный враг, Изольда милая,
Пред моею встав могилою,

Обещай хоть там любить,
После смерти не забыть.

И на каменном надгробии
Рыцарь-странник и убогие —
Все прочтут: любил Тристрам
Так, что смерть он выбрал сам.

Тристрам, закончив петь, записал балладу и попросил девушку передать ее королеве.

Все время, пока не было Тристрама, королева Изольда оставалась безутешной. Она узнала, что причиной всему было злосчастное письмо, написанное ею Фередину. Чувствуя себя невиновной, она в отчаянии от последствий своего письма написала еще одно, в котором умоляла Фередина никогда больше ее не видеть. Несчастный влюбленный подчинился этому жестокому приказу. Он отправился в лес, где и умер от своей неразделенной любви в домике отшельника.

Изольда проводила дни в слезах, не зная, что с Тристрамом. Однажды ее ревнивый муж, незаметно войдя в ее покои, услышал, как она поет такую балладу:

Стенает голос мой в ночи.
И арфа жалостно кричит.
Любви хотелось нам такой,
Чтоб счастье залило рекой.

Тристрам! Как я хочу быть с ним,
Чтоб мукой не был он томим.
Ну как ты можешь быть вдали
От той, чья так душа болит?

Услышав эти слова, король впал в ярость, но Изольда была слишком поглощена своим горем, чтобы испугаться гнева короля.

— Ты подслушивал меня, — сказала она. — Да, я во всем сознаюсь. Я люблю Тристрама, и всегда буду его любить. Без сомнения, он мертв, и умер из-за меня. Я больше не хочу жить. И удар, который окончит мои мучения, я приму без малейшего сожаления.

Король был тронут печалью прекрасной Изольды, и, возможно, мысль о том, что Тристрам мертв, успокоила его. Он оставил королеву на попечение служанок, наказав им следить, чтобы она в таком состоянии ничего с собой не сделала.

Тем временем Тристрам, не зная даже, где находится, оказал большую услугу пастухам, убив великана-разбойника по имени Таулас, который повадился грабить их стада и наведываться в их хижины. В благодарность за это пастухи торжественно отвели Тристрама к королю Марку, чтобы тот вручил ему достойную награду. Неудивительно, что Марк не узнал в этом полураздетом, одичавшем человеке своего племянника Тристрама, но в благодарность за услугу, оказанную незнакомцем, он приказал, чтобы того привели в порядок, и поручил его заботам королевы и ее служанок. После такого ухода Тристрам быстро вернул себе покой и прежние силы. Поэтому, как говорит автор одного из романов о Тристраме, он стал еще красивее, чем прежде. Ревность короля Марка усиливалась по мере того, как к Тристраму возвращались силы и прежняя красота. Поэтому, несмотря на всю свою благодарность король вновь изгнал Тристрама из дворца.

Сэр Тристрам оставил Корнуолл и отправился в Лоэгрию (Англия) испытать свои силы. Однажды он оказался в большом лесу. Звук колокольчика указывал на то, что рядом с ним кто-то находится. Он пошел на звук и обнаружил отшельника, который поведал ему, что он находится в лесу под названием Армантес, принадлежащем фее Вивиане, Озерной Леди, которая, сгорая от любви к королю Артуру, нашла возможность заманить его в лес, где с помощью чар удерживала его в качестве пленника, лишив его памяти и заставив забыть даже, кто он и как его зовут. Отшельник также рассказал, что все рыцари Круглого стола отправились на поиски короля и что Тристраму теперь предстоит великие приключения.

Это вдохновило Тристрама на поиски. Долго ли, коротко ли, встретил он одного из рыцарей короля Артура, оказавшегося сенешалем сэром Каем, который захотел узнать, откуда родом повстречавшийся рыцарь. Тристрам ответил, что он из Корнуолла. Сэр Кай не преминул отпустить шуточку в адрес корнуолльского рыцаря. Тристрам решил оставить эту выходку без внимания и даже, как мог, подшутил над Каем, а встретив еще трех рыцарей, отказался от поединков и с ними. Вместе они провели ночь в каком-то аббатстве, где Тристрам терпеливо сносил шутки в свой адрес. Сенешаль сговорился со своими спутниками отправиться в путь рано утром, чтобы появиться вдруг перед корнуолльским

рыцарем где-нибудь по дороге и повеселиться, увидев, как тот испугается, когда его вызовут на смертельный поединок. На следующее утро Тристрам обнаружил, что остался в аббатстве в одиночестве. Он облачился в доспехи и продолжил свой путь. Вскоре он увидел сенешаля и трех рыцарей, которые преградили ему путь и стали настаивать на поединке. Тристрам долго отказывался, но в конце концов нехотя изготовился к бою. Он по очереди сразился с каждым из рыцарей и всех их поверг на землю вместе с конями. После этого он оставил их приходить в себя, сказав на прощание, чтобы они не забывали своего друга корнуольского рыцаря.

Тристрам отъехал совсем недалеко, как повстречался с дамой, которая кричала:

— Мой господин, поспеши вперед и не дай свершиться ужасному предательству!

Тристрам поспешил на помощь и скоро увидел, как на одинокого рыцаря набросились трое других и, повалив его на землю, уже пытались отстегнуть его шлем, чтобы отрубить голову.

Тристрам не стал мешкать, и от его первого удара копьем замертво пал один из нападавших. Оправившийся тем временем рыцарь успел подняться с земли и поразил мечом второго, а третий не стал дожидаться своей участи и бросился бежать. Спасенный рыцарь поднял забрало, и большая седая борода опустилась ему на грудь. Величие и достоинство этого рыцаря подсказали Тристраму, что перед ним не кто иной, как король Артур, и тот подтвердил его догадку. Тристрам уже был готов преклонить перед ним колена, но Артур заключил его в свои объятия, вопрошая, кто он и из какой земли. Однако Тристрам отказался назвать себя, объясняя это тем, что в интересах своего дела он должен оставаться неузнанным. В это мгновение дама, которая привела Тристрама на помощь, кинулась вперед, схватила короля за руку, сняла с его пальца кольцо, подаренное феей, и колдовство рассеялось. Артур, к которому вернулись разум и память, предложил Тристраму отправиться с ним во дворец, чтобы король смог воздать ему полагающиеся почести, но Тристрам отказался, согласившись только сопроводить его в замок и целым и невредимым передать на попечение рыцарей. Не успели они далеко отъехать, как им повстречался Эктор Окраинный, который приблизился к королю и поприветствовал его. Тот в свою очередь представил его Тристраму как одного из самых отважных рыцарей. Тристрам попрощался с королем, препоручив его надежному спутнику, и вновь отправился на поиски приключений.

Невозможно рассказать обо всех приключениях, которые выпали на долю Тристрама в этот период его жизни. Достаточно сказать, что он ни разу не опозорил рыцарского звания, спасая угнетенных, наказывая зло, отменяя несправедливые законы и борясь с несправедливостью. Своим рвением он хотел заглушить боль разлуки с любимой. Тем временем Изольда, разлученная с дорогим ее сердцу Тристрамом, проводила свои дни в тоске и печали. В конце концов, не удержавшись от искушения услышать какие-нибудь вести о любимом, она написала ему письмо и вручила его одной из своих служанок, племяннице верной Бренгвейн. Однажды Тристрам, уставший от странствий, решил отдохнуть неподалеку от лесного источника и вскоре уснул. Служанка королевы Изольды тоже оказалась около этого источника и признала коня Тристрама Пассебрюля, который пасся рядом, а вскоре увидела и его спящего хозяина. Был он худ и бледен, и весь его вид говорил о страданиях, которые он испытывал, находясь вдали от любимой. Она разбудила его и вручила ему письмо, которое обязалась доставить. Тристрам был очень рад получить весточку от любимой и хоть с кем-то поговорить о предмете своей любви. Он упросил служанку остаться с ним до конца рыцарского турнира, объявленного королем Артуром, и они отправились в замок Персида, отважного и верно-го рыцаря, который встретил девушку с большим радушием.

Тристрам сопровождал служанку королевы Изольды на турнир и посадил ее на балконе среди придворных дам королевы Гиневры. После этого он присоединился к участникам турнира. Никто не мог превзойти его ни в силе, ни в доблести. Ланселот был восхищен им и доволен, что лавры победителя этого дня достались такому доблестному и умелому рыцарю. Артур спустился с балкона, чтобы поприветствовать победителя, но скромный и преданный своей любимой Тристрам, довольный тем, что ему удалось завоевать награду в присутствии посланницы своей возлюбленной, удалился вместе с ней с турнира.

На следующий день турнир продолжился. Тристрам надел другие латы, чтобы его никто не смог узнать, но его выдала сила наносимых им ударов. Артур и Гиневра были абсолютно уверены, что перед ними тот же рыцарь, что увез приз вчерашнего дня. В Артуре проснулся ратный дух. Он считался лучшим рыцарем Круглого стола после Ланселота Озерного и сэра Гавейна. Незаметно от других он облачился в неприметные доспехи и присоединился к участникам турнира. Встретившись в поединке с Тристрамом, он сумел нанести ему удар, пришедшийся в седалище, а Тристрам, не признав в противнике короля, выбил его из

седла. Артур пришел в себя и, довольный тем, что испытал на себе силу таинственного рыцаря, обратился к Ланселоту с просьбой постоять за честь Круглого стола. Сэр Ланселот, выполняя просьбу монарха, напал на Тристрама, чье копьё к тому времени уже было сломано в предыдущих поединках. Однако по правилам этого турнира рыцарь, изломавший свое копьё, должен был продолжать поединок, сражаясь мечом и принимая на щит удары копья противника. Тристрам подставил щит, но смертоносное копьё Ланселота смогло его пробить. Тристрам получил рану в бок, в которой застряло обломившееся острие копья. Но, несмотря на это, Тристрам с такой силой ударил своего противника мечом по шлему, что тот раскололся и не сумел защитить голову. Рана оказалась неглубокой, но обильно потекшая из нее кровь стала заливать Ланселоту глаза, так что тот ничего не мог видеть. Тристрам, считая себя смертельно раненным, оставил поле боя, а Ланселот признался королю, что никогда в жизни не получал столь сильного удара.

Тристрам поспешил к своему оруженосцу Говерналу, который вытащил из раны металл, перевязал ее и, как мог, облегчил состояние рыцаря. И хотя Тристрам удалился в свой шатер, Артур с согласия всех рыцарей Круглого стола объявил его победителем второго дня. Теперь уже ни для кого не было секретом, что и вчерашний и нынешний победитель — один и тот же рыцарь. Говернал на расспросы сэра Ланселота и короля Артура отвечал, что этот рыцарь не кто иной, как сэр Тристрам из Лионессы, племянник короля Корнуолла.

Король Артур, желая наградить доблестного рыцаря и зная, что его дядя Марк несправедливо изгнал Тристрама из страны, решил воспользоваться такой возможностью и предложить победителю остаться при своем дворе, а все рыцари Круглого стола подтвердили, что не могли и мечтать о более достойном соратнике. Но предложение передавать было некому, поскольку Тристрам уже отбыл навстречу новым приключениям, а служанка королевы Изольды вернулась к своей госпоже.

Бой между сэром Тристрамом и сэром Ланселотом

Сэр Тристрам ехал по лесу и увидел, как один рыцарь бьется с девятью. Он подъехал к рыцарям и закричал, чтобы они прекратили это позорное побоище, нападая на одного. Ему ответил их предводитель

(его звали Брюс Безжалостный, и он считался самым подлым из всех живших тогда рыцарей):

— Сэр рыцарь, зачем тебе вмешиваться в наши дела? Если ты не глуп, то лучше иди, откуда пришел, подобру-поздорову.

— Жаль, — сказал в ответ сэр Тристрам, — если достойного рыцаря убьют трусы. Поэтому я готов помочь ему, как сумею.

С этими словами сэр Тристрам слез со своего коня, чтобы того не зарубили пешие. Он с силой махнул мечом направо, потом налево, да так, что каждым ударом поверг на землю одного рыцаря. Вскоре все нападавшие вместе с Брюсом Безжалостным бежали и закрылись в башне, так что сэр Тристрам не мог их достать. Тогда Тристрам вернулся к спасенному им рыцарю и увидел, что тот сидит под деревом и серьезно ранен.

— Добрый рыцарь, как ты себя чувствуешь? — обратился он к раненому.

— Сэр рыцарь, — ответил сэр Паламед, поскольку это был именно он, — благодарю тебя за твою доброту, ведь ты спас мне жизнь.

— Как зовут тебя? — спросил сэр Тристрам и услышал в ответ, что перед ним сэр Паламед.

— Неужели? — произнес сэр Тристрам. — Знай же, что ты — человек, которого я больше всего ненавижу на этом свете. Поэтому готовься, ибо я вызываю тебя на бой.

— Как тебя зовут? — спросил сэр Паламед.

— Меня зовут сэр Тристрам, и я твой заклятый враг.

— Может, и так, однако ты слишком много сделал для меня сегодня, чтобы я бился с тобой. Более того, ты не добудешь славы, победив меня, поскольку ты здоров и полон сил, а я ранен. Но если ты все-таки хочешь разделаться со мной, то назначь день, и я явлюсь, что бы ни случилось.

— Ты прав, — сказал сэр Тристрам, — поэтому встретимся на лугу у реки Камелот, где Мерлин воздвиг камень.

На том они и порешили. После этого они расстались и отправились в разные стороны. Сэр Тристрам пересек большой лес и оказался в долине, где стоял домик настоятеля монастыря, в обществе которого он провел с большим удовольствием для себя шесть дней.

После этого сэр Тристрам снова отправился в путь и поехал самым коротким путем к Камелоту, где стоял камень Мерлиниа. Прибыв туда, он стал осматриваться, ища сэра Паламеда, и увидел подъезжающего

к нему статного рыцаря, всего в белом, с затянутым щитом. Когда они оказались рядом, сэра Тристрам громко произнес:

— Здравствуй, сэра рыцарь. Рад, что ты держишь свое слово.

После этих слов они приготовили к бою свои щиты и копья и стали съезжаться с такой скоростью, на которую были способны их кони. Столкновение было настолько сильным, что и кони и всадники оказались на земле. Освободившись от коней, они изо всей силы ударили сияющими мечами, нанеся друг другу большие раны, из которых обильно хлынула кровь. Так они бились в течение четырех часов, не проронив ни слова. Наконец белый рыцарь заговорил:

— Сэр, ты бьешься лучше, чем все те рыцари, с которыми мне доводилось сражаться. Поэтому, если тебе это будет приятно, назови себя.

— Почему ты спрашиваешь мое имя? — спросил сэра Тристрам. — Разве тебя зовут не Паламед?

— Нет, славный рыцарь, — услышал он в ответ, — мое имя — сэра Ланселот Озерный.

— Ах, что же я наделал! — воскликнул сэра Тристрам. — Ведь ты человек, которого я больше всего люблю на этом свете!

— Прекрасный рыцарь, — произнес сэра Ланселот, — скажи мне, как тебя зовут?

— Мое имя — сэра Тристрам из Лионессы, — был ответ.

— Увы! Как же это произошло! — с горечью произнес сэра Ланселот, становясь на колено и вручая свой меч Тристраму.

Тот тут же опустился на одно колено и тоже протянул свой меч сэру Ланселоту. Так они выразили свое почтение друг к другу. После этого они отошли к камню, опустились на него, сняли шлемы и поцеловали друг друга сотню раз. Затем они снова сели на коней и отправились в Камелот. По пути им повстречались сэра Гавейн и сэра Гахерис, которые поклялись королю Артуру не возвращаться в Камелот до тех пор, пока не приведут с собой в замок сэра Тристрама.

— Можете возвращаться, — произнес сэра Ланселот, — ибо ваше странствие закончилось: я встретился с сэром Тристрамом. Вот он перед вами собственной персоной.

При этих словах сэра Гавейн обрадовался и произнес:

— Добро пожаловать, сэра Тристрам!

В этот момент появился король Артур, который, увидев, кто перед ним, подъехал к сэру Тристраму, взял его за руку и произнес:

— Сэр Тристрам, ты так же желанен при дворе, как и любой другой рыцарь.

После этого сэр Тристрам рассказал королю, что он оказался здесь, чтобы одолеть Паламеда, которого перед этим он спас от сэра Брюса Безжалостного и его девяти рыцарей. Выслушав рассказ, король Артур за руку подвел сэра Тристрама к Круглому столу. Тут же появилась королева Гиневра в окружении множества дам, и все в один голос произнесли:

— Добро пожаловать, сэр Тристрам!

— Добро пожаловать! — произнесли все рыцари.

— Добро пожаловать! — сказал король Артур. — Ведь ты один из самых лучших рыцарей, один из самых благородных и один из самых достойных, ибо тебе нет равных в охотничьих забавах, ты первейший в игре на охотничьем роге, в приемах обычной и соколиной охоты и лучше всех ты играешь на музыкальных инструментах. Поэтому ты самый достойный рыцарь, — закончил Артур, — и мы рады приветствовать тебя при своем дворе.

После этих слов король Артур сделал сэра Тристрама рыцарем Круглого стола и устроил такой богатый пир, какой трудно себе представить.

Сэр Тристрам — охотник

Авторы рыцарских романов часто говорят о Тристраме как о большом авторитете и образце для подражания во всем, что касается охоты. В «Королеве фей» Тристрам в ответ на расспросы сэра Калидора сообщает ему свое имя и рассказывает о своем происхождении, добавляя при этом:

Не проводил я юные года
Ни в лени, ни в скуке, ни в досуге,
А в благородном деле был всегда,
И были в нем и спутники и други.

И лучшие часы мои прошли
В охоте дикой, сверстникам на диво,
И всюду мои тропы пролегли,
И я считал себя в лесу счастливым.

Я знаю все про соколиный нрав,
Про то, как птиц к охоте приручают
И как, полет стремительный прервав,
Они добычу яростно встречают.
Так здешние леса нас привлекают.

Тристрам при Круглом столе

Знаменитый волшебник Мерлин использовал все свое мастерство, чтобы создать Круглый стол. Вокруг него располагалось тринадцать сидений в память о тринадцати апостолах. Но занимать можно было только двенадцать мест, которых удостаивались только самые славные рыцари. Тринадцатое считалось местом предателя Иуды. Оно всегда оставалось пустым. Его называли *опасным местом*, особенно после того, как его осмелился занять опрометчивый и надменный рыцарь-сарацин, а земля тут же разверзлась и поглотила гордеца.

Какая-то сверхъестественная сила вывела над каждым сиденьем имя рыцаря, которому оно предназначено. Освободившееся место мог занять только тот, кто превосходил по доблести своего предшественника, в противном случае невидимая сила изгоняла незаконного претендента. Это и было доказательством того, что новый рыцарь по праву занимает место погибшего члена ордена.

Одно из главных мест, ранее принадлежавшее Моронту-ирландцу, уже десять лет пустовало, но имя его все эти годы не исчезало над пустующим сиденьем, хотя сам он пал от меча Тристрама. Король Артур взял сэра Тристрама за руку и провел его к этому месту. Сразу же раздались сладостные звуки и воздух наполнился благовониями. Имя Моронта исчезло, а вместо него засияло имя Тристрама. Редкая скромность Тристрама подверглась серьезному испытанию, поскольку теперь по законам рыцарского ордена он должен был рассказать писцам, за какие военные подвиги он удостоился такой чести. Когда эта церемония завершилась, Тристрама поздравили все его соратники. Сэр Ланселот и Гиневра воспользовались случаем, чтобы заговорить с ним о прекрасной Изольде, и высказали пожелание увидеть ее в королевстве Лозгрия.

Пока Тристраму расточали почести и ласки при дворе короля Артура, душу Марка терзала ревность. Стоило ему только взглянуть на Изольду, как он вспоминал, что она любит Тристрама, и удачливость

племянника возбуждала в нем желание мести. Наконец он решился отправиться неузнанным в королевство Лоэгрию, напасть на Тристрама и убить его. Он взял с собой двух рыцарей, воспитанных при его дворе, которые, как он полагал, были преданны ему. Не желая оставлять Изольду в одиночестве, он повелел, чтобы она в компании двух служанок, среди которых была верная ей Бренгвейн, сопровождала его.

Достигнув окрестностей Камелота, он поделился своими планами с двумя бывшими при нем рыцарями, но они пришли в ужас. Более того, они заявили, что больше не могут оставаться на службе у короля и оставили его. А король Марк, подозревая, что они захотят явиться ко двору Артура и рассказать правду, решил опередить рыцарей, чтобы опровергнуть их обвинения. Оставив Изольду в аббатстве, он в одиночку отправился в Камелот.

Марк проехал совсем немного, как ему повстречалась группа рыцарей, служивших при дворе Артура. Он постарался объехать их, поскольку знал их обычай вызывать на поединок любого незнакомого рыцаря. Но было уже поздно. Они разглядели его доспехи, признали в нем корнуольского рыцаря и решили немного позабавиться. Случилось так, что с ними оказался Дагене, шут короля Артура, которому, несмотря на уродство и слабость тела, отваги было не занимать. Пока Марк приближался к ним, рыцари договорились, что Дагене представится сэром Ланселотом Озерным и вызовет корнуольского рыцаря на поединок. Они обрядили его в доспехи одного из рыцарей, который был болен, и отправили к перекрестку дорог, чтобы там он бросил вызов незнакомому рыцарю. Марк, увидев такого несерьезного противника, от поединка не отказался. Но когда карлик приблизился к нему и заявил, что его зовут сэр Ланселот Озерный, в сердце короля закрался страх, он пришпорил коня и ускакал прочь, преследуемый криками и веселым смехом.

Тем временем Изольда, оставшись в аббатстве со своей верной Бренгвейн и не найдя себе никакого занятия, тешила себя прогулками по лесу, окружавшему аббатство. Здесь, на берегу источника, спрятавшегося в тени деревьев, она мечтала о своем любимом, иногда под звуки арфы напевая баллады, напоминавшие ей о самых грустных или самых радостных минутах ее жизни. Однажды ее голос услышал презренный рыцарь Брюс Безжалостный и крадучись стал подбираться к ней. Она пела:

Сладкая тишь и тенистая прелесть, зелень природы,
Просите вы, чтоб мой дух изнуренный отдых воспринял,

Но для меня не бывает давно уже прежней погоды,
Множатся эхом лесным все печали отныне.
В этом лесу, что природы рука причесала,
Льется родник и водою цветы орошает.
Но для покоя журчанья воды мне так мало,
Льется из глаз моих боль, словно речка большая.
Где ты, мой рыцарь, где ты, мой рыцарь влюбленный?
Славный любовью, оружием славный и гордый,
Даже за Круглым столом остаешься ты непревзойденный,
Слушай, любимый Тристрам, эту песню Изольды.

Брюс Безжалостный, который, как и многие другие негодяи, уже испытал на себе силу оружия Тристрама, имел все основания его ненавидеть. Заслышав, как ненавистное ему имя произносит прекрасная певица, он с удвоенной яростью выскочил из своего укрытия и схватил невинную жертву. Изольда лишилась чувств, а Бренгвейн огласила воздух отчаянными криками. Брюс отнес Изольду туда, где он спрятал коня, но животное отвязалось и паслось на некотором расстоянии. Брюсу пришлось оставить свою прекрасную ношу, чтобы изловить коня. В это время мимо проезжал рыцарь, которого привлекли крики Бренгвейн. Он попросил ее объяснить, в чем дело, но та не смогла говорить и лишь показала глазами в сторону бесчувственно лежавшей на земле госпожи.

Тут вернулся Брюс, и Бренгвейн при виде его снова принялась кричать. Незнакомец сразу понял, что случилось. Он пришпорил коня и поскакал в сторону Брюса, который изготавился к поединку, но от первого же удара вылетел из седла и притворился мертвым. Незнакомый рыцарь оставил его лежать на земле и поспешил помочь женщинам. Воспользовавшись этим, Брюс сел на коня и ускакал.

Рыцарь тем временем подошел к Изольде, нежно поднял ее за голову, отвел в сторону упавшие на лицо золотистые волосы, взгляделся в лицо и, издав крик, упал без чувств. К ним подошла Бренгвейн, быстро привела в чувство свою госпожу, и уже вместе они попытались привести в себя бесчувственного воина. Они подняли его забрало и увидели, что перед ними сэр Тристрам. Изольда упала ему на грудь, и на его лицо полились ее слезы. Они-то своим теплом и заставили рыцаря очнуться. Открыв глаза, Тристрам понял, что он в объятиях своей любимой Изольды.

По одному из законов Круглого стола вновь принятому рыцарю предписывалось в течение десяти дней совершать подвиги, а остальные рыцари,

одетые в чужие латы, должны были появляться на его пути, чтобы испытать на себе его силу. Тристрам уже седьмой день находился в пути и успел встретить много славных рыцарей Круглого стола и с честью выйти из всех поединков. В течение оставшихся трех дней Изольда оставалась в том же аббатстве под защитой Тристрама, после чего в окружении служанок и в сопровождении своего возлюбленного отправилась в Камелот в надежде соединиться там с королем Марком.

Это чудесное путешествие подарило Тристраму и Изольде самые яркие впечатления в жизни. Тристрам облек их в стихи необычной формы, исполняемые под звуки арфы, которые французы впоследствии называли *триолетом*.

С прекрасной Изольдой, с любовью моей,
В пути не считаю деньков.
Готов я так ехать хоть тысячу дней
С прекрасной Изольдой, с любовью моей.
Во всем повинуюсь я радостно ей,
С прекрасной Изольдой, с любовью моей
Так ехать всегда я готов!

Со мною ты скачешь с рассвета в седле.
Быть может, успела устать?
Но нас зазывает безудержно лес,
И хочется дни проводить не в седле —
На лоне зеленом играть.
Но снова мы скачем с рассвета в седле.
Быть может, успела устать?

Они прибыли в Камелот, где их самым сердечным образом встретил сэр Ланселот. Изольду представили королю Артуру и королеве Гиневре, которые приветствовали ее как сестру. Поскольку король Марк находился под стражей, обвиненный двумя корнуольскими рыцарями, королеве Изольде не удалось соединиться со своим мужем, и сэр Ланселот разместил ее в своем замке Веселой Стражи, предоставив его в распоряжение своих друзей.

Король Марк, который должен был либо признать справедливость выдвинутых против него обвинений, либо снять их с себя, вызвав истцов на поединок, вскоре принял первое решение. Поскольку преступление

не было совершено, король Артур решил простить короля Марка, потребовав от него клятвы, что тот больше никогда не будет злоумышлять против своего племянника. В присутствии короля Артура и всего двора стороны удалось примирить, после чего король Марк с королевой Изольдой отправились домой, а Тристрам остался при дворе короля Артура.

Сэр Паламед и Тристрам

Однажды, находясь еще с прекрасной Изольдой в замке Веселой Стражи, сэр Тристрам захотел выехать из замка. Он был без доспехов, а из оружия имел только копье и меч. Проехав немного, он увидел двух сражающихся рыцарей, один из которых явно одерживал верх. Победителем оказался сэр Паламед. Когда он узнал сэра Тристрама, то вскричал:

— Вот мы и встретились, сэр Тристрам, и не разойдемся, пока не отомстим друг другу за свои обиды!

— Что до меня, — ответил сэр Тристрам, — то не найдется такого христианина, который бы мог похвалиться, что я от него бежал, и ты, хоть и сарацин, никогда обо мне такого не скажешь.

С этими словами сэр Тристрам съехался с сэром Паламедом и ударил его с такой силой, что сломал копье. Тогда он обнажил свой меч и нанес сэру Паламеду шесть ударов по шлему. Сэр Паламед, видя, что на сэре Тристраме нет лат, подивился его опрометчивости и безрассудству и сказал себе: «Если я сражусь с ним и одолею, то буду опозорен на весь свет». Тут сэр Тристрам закричал:

— Трусливый рыцарь, почему ты уклоняешься от боя со мной? Долго ли твоя кольчуга сможет выдерживать мои удары?

— Сэр Тристрам, — отвечал сэр Паламед, — ты же знаешь, что для меня бесчестье — сражаться с тобой, ибо ты незащищен, а я в доспехах. А теперь и ты ответь на мой вопрос.

— Спрашивай что хочешь, — сказал сэр Тристрам.

— Скажи мне, что бы ты, как настоящий рыцарь, сделал, если бы, будучи во всеоружии, повстречал меня без лат, как я повстречал тебя?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — произнес сэр Тристрам, — но, клянусь Господом, то, что я скажу, я скажу не из страха перед тобой. Потому что если бы случилось так, как ты говоришь, то тебе бы пришлось уехать, потому что я не стал бы биться с тобой.

— Вот так же и я не хочу сражаться с тобой, — ответил сэр Паламед, — поэтому лучше тебе продолжить свой путь.

— Что ж, у меня небольшой выбор — либо уехать, либо остаться. Однако, сэр Паламед, вот что меня удивляет: почему ты, такой славный рыцарь, до сих пор не крещен?

— Что до этого, — ответил сэр Паламед, — я не могу пока окреститься из-за обета, который я дал много лет назад. В глубине души я верю в нашего Спасителя и в его милосердную мать Марию. Однако мне осталось сразиться еще раз, после чего я уже с радостью смогу принять крещение.

— Зачем ждать? — воскликнул сэр Тристрам. — Тебе не нужно больше искать для себя поединка — вон поверженный тобой рыцарь: помоги мне надеть его доспехи, и тогда я помогу тебе исполнить твой обет.

— Как хочешь, — сказал сэр Паламед, — так и будет.

После этих слов они направили своих коней к побежденному рыцарю, который к тому времени уже сидел на пригорке. Сэр Тристрам приветствовал его и услышал в ответ слабое приветствие.

— Сэр, — сказал Тристрам, — прошу тебя дать мне на время все твои доспехи, поскольку я не вооружен, а должен биться с этим рыцарем.

— Сэр, — ответил раненый рыцарь, — я с охотой предоставляю их тебе.

После этого сэр Тристрам снял доспехи с сэра Галлерона, ибо именно так звали этого рыцаря, и тот, как мог, помог сэру Тристраму надеть их. Затем сэр Тристрам сел на коня и взял в руки копье сэра Галлерона. К этому времени сэр Паламед тоже успел изготавиться к поединку, и они стремительно съехались, ударив друг друга в самую середину щитов. Копье сэра Паламеда поломалось, а его конь от удара сэра Тристрама опрокинулся. Сэр Паламед освободился из-под коня и вытащил из ножен меч. Видя это, сэр Тристрам спешился и привязал своего коня к дереву. После этого они сошлись, как дикие звери, осыпая друг друга ударами. Так они бились более двух часов, и не раз после удара сэра Тристрама сэр Паламед оказывался на коленях, хотя ему самому удалось разбить щит Тристрама и ранить его. Наконец сэр Тристрам в ярости обрушился на сэра Паламеда и ранил его в плечо. При этом ему посчастливилось выбить меч из его рук. Если бы сэр Паламед наклонился, чтобы поднять меч, то сэру Тристраму ничего бы не стоило его

убить. Но вместо этого сэр Паламед остановился и лишь печально смотрел на лежащий рядом меч.

— Теперь у меня такое же преимущество перед тобой, какое только что было у тебя передо мной, — сказал сэр Тристрам. — Но ни при одном дворе ни один рыцарь никому не сможет сказать, что сэр Тристрам убил безоружного рыцаря, поэтому бери свой меч, и будем заканчивать наш поединок.

Тогда сэр Паламед сказал сэру Тристраму следующее:

— У меня нет желания продолжать этот бой, поскольку обида, которую я тебе нанес, не так уж велика, и, если ты не против, мы можем стать друзьями. Обиду я тебе нанес потому, что влюбился в Прекрасную Изольду, и даже сейчас могу подтвердить, что она несравненная среди всех женщин. За свою обиду ты нанес мне тяжкие удары, и на некоторые из них я сумел ответить. Поэтому прошу тебя, мой господин, сэр Тристрам, прости мне все нанесенные тебе обиды и отведи меня в ближайшую церковь. Сначала я исповедаюсь, а потом проследи, чтобы меня как должно окрестили. После этого поедem вдвоем ко двору моего господина короля Артура, чтобы там отметить Троицын день.

— Бери коня, — сказал сэр Тристрам, — и пусть будет так, как ты хочешь.

Они сели на коней, и сэр Галлерон отправился вместе с ними. Когда они приехали к церкви Карлайла, епископ распорядился наполнить большой сосуд водой, и после купели он исповедал сэра Паламеда, отпустил ему все грехи и окрестил, а сэр Тристрам и сэр Галлерон стали ему крестными отцами. Вскоре после этого они продолжили путь в Камелот. Король Артур и королева Гиневра собрали весь двор. И сам король, и его двор были рады, что сэр Паламед крестился. Затем сэр Тристрам вновь вернулся в замок Веселой Стражи, а сэр Паламед отправился своим путем.

Через некоторое время после описанных событий сэр Гавейн вернулся из Бретани и поведал королю Артуру, что приключилось с ним в Броселиандском лесу и как ему удалось поговорить с Мерлином, который настоятельно его просил убедить короля Артура без промедления отправиться на поиски Святого Грааля. Король Артур не смог сразу решиться, а сэр Тристрам не раздумывая вызвался ехать, надеясь в случае благополучного завершения этого святого дела получить отпущение всех грехов. Он немедленно отбыл в королевство Бретонское, рассчитывая встретиться там с Мерлином и узнать у него, куда нужно держать путь, чтобы достичь желаемого.

Смерть Тристрама и Изольды

Прибыв в Бретань, Тристрам узнал, что король Гоэль воюет с восставшим против него вассалом и терпит от него поражение. Лучшие королевские рыцари пали в последней битве, а сам король уже не знает, к кому обратиться за помощью. Помочь вызвался Тристрам, и помощь его была принята. Армия Гоэля, возглавляемая Тристрамом и воодушевляемая его примером, вскоре одержала полную победу. Король, преисполненный чувства благодарности, узнав, кем по рождению является сэр Тристрам, предложил ему в жены свою дочь. Принцесса отличалась красотой и изысканностью манер. Более того, ее звали так же, как и корнуольскую королеву. В рыцарских романах ее называли Изольда Белорукая, чтобы отличать ее от Изольды Прекрасной.

Как нам описать, какая борьба происходила в душе Тристрама? Он боготворил первую Изольду. Но его любовь к ней была безнадежной и омрачалась угрызениями совести. Более того, святое дело, на которое он отправился, требовало, чтобы он жил чистой, безгрешной жизнью. Казалось, сама судьба вручает ему прекрасную принцессу Изольду Белорукую как знак того, что его благочестивые намерения успешно осуществляются. Эти размышления и решили дело. Они поженились и провели несколько месяцев, тихо наслаждаясь своим счастьем при дворе короля Гоэля. Тристраму все больше и больше нравилось находиться в обществе Изольды. Однако внутреннее благородство не позволяло Тристраму забыть о том, что он дал клятву отправиться на поиски Святого Грааля, казалось даже, что чувство долга взяло верх над силой волшебного эликсира любви.

Война, поначалу затихшая, разгорелась с новой силой. Тристрам, как обычно, находился там, где было опаснее всего. После каждого боя враг отступал все дальше и наконец оказался окружен в своем главном городе. Атаку на город возглавил Тристрам. Когда он перелезл через городскую стену, в него попал камень, брошенный одним из защищавшихся. Удар пришелся в голову, и Тристрам без чувств свалился на землю.

Когда он пришел в себя, то сразу попросил, чтобы его отнесли к жене. Искушенная во врачевании принцесса никому не позволила дотронуться до своего любимого мужа. Она перевязала раны Тристраму, который благодарно поцеловал ее нежные руки, чувствуя, как его благодарность перерастает в горячую любовь. Поначалу казалось, что раны его

заживают благодаря уходу преданной жены, но вскоре стало ясно, что болезнь не сдается, а, наоборот, день ото дня усиливается.

Видя это, престарелый оруженосец Тристрама напомнил своему хозяйну, что принцесса Ирландии, впоследствии ставшая королевой Корнуолла, уже однажды вылечила его, когда надежды на исцеление почти не осталось. Тристрам призвал Изольду Белорукую и рассказал ей о том, как однажды его удалось излечить, и добавил, что королева Изольда сможет его спасти и не откажется приехать, стоит только за ней послать.

Изольда Белорукая согласилась с тем, чтобы Геснес, надежный человек и опытный мореплаватель, отправился в Корнуолл. Тристрам позвал его и вручил ему кольцо со словами:

— Передай его королеве Корнуолла и скажи, что Тристрам при смерти и просит ее помощи. Если тебе удастся ее уговорить, то подними белые паруса на своем судне, когда будешь возвращаться, чтобы, как только корабль появится на горизонте, мы знали, что тебе удалась твоя миссия. Но если королева Изольда откажется плыть с тобой, подними черные паруса — они будут означать мою неминуемую смерть.

Геснес справился со своим поручением. Случилось так, что короля Марка не было в столице, и королева с готовностью согласилась отправиться на корабле в Бретань. Геснес приготовил самые белые паруса, какие только смог найти, и отплыл в Бретань.

Тем временем раненый Тристрам с каждым днем все больше и больше впадал в отчаяние. Сил у него осталось так мало, что его уже нельзя было ежедневно выносить на берег моря, как это вошло в его привычку с тех самых пор, как он решил, что корабль уже должен был повернуть назад. Он позвал молодую служанку и поручил ей смотреть в направлении Корнуолла и сообщить, какого цвета будет парус у первого судна, которое станет приближаться к берегу.

Когда Изольда Белорукая согласилась с тем, чтобы послали за королевой Корнуолла, она еще не знала, что ей следовало бы опасаться новой встречи мужа с королевой, которая могла разрушить ее счастье. За последнее время она узнала много нового и поняла, что их свидание не принесет ей ничего хорошего. Она решила утаить весть о приезде королевы, но воспользоваться ее умением для лечения мужа, избежав, таким образом, опасных последствий их личной встречи. Когда корабль стал подходить к берегу, сияя на солнце своими белыми парусами, девушка по приказу своей госпожи сказала Тристраму, что судно идет под черными парусами.

Тристрама охватила невыразимая печаль, он горестно вздохнул, отвернулся и сказал:

— Увы, любимая, нам больше не суждено встретиться.

С этими словами он вверил себя Богу и сделал последний вздох.

Первое, что услышала королева Корнуолла, сойдя на землю, была весть о смерти Тристрама. Ее, почти бесчувственную, провели в покои, где лежал Тристрам, она обняла его тело и испустила дух.

Тристрам перед смертью попросил, чтобы его тело отправили в Корнуолл, а меч и написанное им письмо вручили королю Марку. Корабль доставил в Корнуолл тела Тристрама и Изольды вместе с мечом, который был вручен королю Марку. Тот расчувствовался при виде оружия, от которого погиб Моронт Ирландский и которое часто сохраняло жизнь ему самому и спасало от позора его королевство. В письме Тристрам рассказал историю с любовным напитком.

Марк распорядился, чтобы тела влюбленных похоронили в его собственной часовне. Из могилы Тристрама выросла лоза, которая, поднявшись по стене, опустилась на могилу королевы. Лозу обрезали трижды, но она от этого становилась только гуще, покрывая своей тенью могилы Тристрама и Изольды.

Спенсер рассказывает о сэре Тристраме в своей книге «Королева фей». В песне II книги VI сэр Калидор повстречал в лесу молодого охотника, который описан следующим образом:

Его он отличил и видеть в нем готов
Манеры и хороший внешний вид.
Не юношу семнадцати годов —
Высок собой и смело так глядит,
И благородство в том, как он стоит.
На нем сюртук простого лесника,
Зеленое сукно, шнурок серебряный,
А за плечами складки башлыка,
И рог на поясе — изящный, без изъяна.

На нем кордовской кожи башмаки,
Высокая шнуровка — признак звания,
Передавало мускульность руки
Охотничьего дротика дрожанье.

В другой руке нес острое копьё,
Которым поражают сердце дичи,
Медведь и лев и прочее зверье —
Все будет легкой для него добычей.

Сангрэаль, или Святой Грааль

Король-Рыбак

Отец и два старших брата Персеваля погибли, кто в бою, кто в поединке. И поскольку он остался единственной надеждой семьи, мать отправилась с ним в безлюдную местность, где он воспитывался, не зная ничего ни про оружие, ни про рыцарство. Из всего оружия у него было только «маленькое шотландское копьё», единственное положенное «господскому прекрасному полу», которое мать Персеваля брала с собой в лес. Он так хорошо научился владеть этим копьём, что мог не только добывать им дикого зверя, но и поразить летящую птицу. В конце концов Персевалем овладели мысли о воинской славе, особенно после того, как в лесу ему повстречались пять рыцарей, облаченных в доспехи. Тогда он спросил мать:

— Ответь мне, кто они?

— Это ангелы, мой сын, — ответила та.

— Клянусь всеми святыми, я пойду и стану ангелом, как они.

Персеваль вышел на дорогу и предстал перед рыцарями.

— Скажи мне, добрый юноша, — спросил один из них, — не видел ли ты рыцаря, проезжавшего по этой дороге сегодня или вчера?

Тот ответил, что он не знает, о чем его спрашивают, поскольку не знает, кто такой рыцарь.

— Он похож на меня, — ответил рыцарь.

— Если ты ответишь на мои вопросы, то и я отвечу на твои, — продолжил юноша.

— Я с удовольствием это сделаю, — сказал сэр Овейн, ибо именно так звали рыцаря.

— Что это? — спросил Персеваль, касаясь седла.

— Это седло, — последовал ответ рыцаря.

Так он спрашивал о каждой незнакомой ему вещи, которую видел у повстречавшихся ему людей, о лошадях, об оружии и о том, для чего

оно необходимо. Сэр Овейн отвечал ему обо всем без утайки, а Персеваль поделился известными ему сведениями.

После этого Персеваль вернулся к матери и сказал ей:

— Это были не ангелы, а благородные рыцари.

Услышав это, его мать упала в обморок, а Персеваль отправился туда, где стояли лошади для доставки в замок хвороста и провианта, и выбрал себе поджарого пегого коня, который показался ему самым сильным из всех стоявших в конюшне. Он взял тюк и сделал из него подобие седла, из лозы сплел конскую сбрую по образу той, что он видел на лошадях повстречавшихся рыцарей, после чего отправился к матери. Та уже пришла в себя после обморока и сказала:

— Мой сын, ты хочешь уехать?

— Да, с твоего благословения, — услышала она в ответ.

— Хорошо, отправляйся ко двору короля Артура, где находятся самые благородные, самые прекрасные и самые доблестные рыцари. Скажи королю, что ты — Персеваль, сын Пеленора, и попроси посвятить тебя в рыцари. Когда будешь проезжать мимо церквей, не забудь прочесть молитву «Отче наш». Когда увидишь мясо и питье и будет у тебя нужда в них, то можешь их взять. Когда услышишь чей-нибудь крик о помощи, особенно крик женщины, немедленно иди туда и сделай все, что будет в твоих силах. Если увидишь самоцвет, добудь его, ибо через это ты добудешь славу себе. Но легко отдай этот камень другому, ибо через это ты добудешь похвалу себе. Если увидишь красивую женщину, будь любезен с ней, ибо через это ты обретишь любовь.

После этого напутствия Персеваль оседлал коня и, взяв в руку несколько остро заточенных жердочек, отправился в путь. Он долго ехал через безлюдный лес, не имея ни еды, ни питья. Наконец он оказался на поляне, посреди которой стоял шатер. Решив, что это церковь, он произнес молитву «Отче наш». Он подъехал к шатру, вход в который оказался открыт, слез с коня и вошел внутрь. Глазам его предстала сидящая девушка с украшением на лбу и золотым обручем на руке. Персеваль сказал:

— Приветствую тебя, девушка, ибо мать сказала мне, что всякий раз, когда я встречу женщину, я должен почтительно поприветствовать ее.

Увидев в одном из углов шатра еду, две фляги, полные вина, и кусок кабаньего окорока на огне, он произнес:

— Моя мать говорила, что всякий раз, когда я увижу мясо и питье, я могу их взять.

Сказав это, он с жадностью принялся за еду, поскольку был очень голоден. Девушка сказала:

— Сэр, вам лучше уйти отсюда, ибо скоро придут мои друзья, которые могут сотворить зло над вами.

На что Персеваль ответил:

— Моя мать говорила: если увидишь самоцвет, то возьми его, — и с этими словами он снял у девушки с пальца кольцо и надел себе на палец, а взамен вручил ей свой собственный перстень.

После этого он сел на своего коня и уехал.

Персеваль ехал до тех пор, пока не добрался до двора короля Артура. Случилось так, что именно в это время какой-то неучтивый рыцарь нанес оскорбление королеве Гинсвре. А дело было так. Паж хотел передать королеве кубок с вином, но некий рыцарь ударил пажа по руке, отчего вино вылилось на лицо и корсаж королевы, и сказал: «Если кто-то достаточно смел, чтобы постоять за честь королевы, то пусть идет за мной на луг». После этого рыцарь сел на коня и отправился на луг, увозя с собой злополучный золотой кубок. Все присутствующие опустили головы, и никто не осмелился последовать за рыцарем, чтобы отомстить за обиду, нанесенную королеве. Ибо все решили, что нанести такое оскорбление королеве мог только тот, кто владеет магией или колдовством, и ни одному человеку не под силу его наказать. В это-то мгновение в зале на пегом коне со странной плетеной сбруей показался Персеваль. В центре зала стоял сенешаль сэр Кай.

— Скажи мне, высокий человек, кто здесь Артур? — спросил Персеваль.

— Зачем тебе Артур? — задал встречный вопрос сэр Кай.

— Моя мать велела мне отправиться к Артуру, чтобы он посвятил меня в рыцарское звание.

— Во имя всего святого, — заговорил сэр Кай, — для этого у тебя нет ни подходящих доспехов, ни подходящей лошади.

Но там была девушка, про которую говорили, что она провела целый год при дворе короля Артура, ни разу не улыбнувшись. Королевский шут* сказал, что девушка впервые улыбнется тогда, когда перед ней

* В те времена, когда писались рыцарские романы, шут был обязательной принадлежностью королевских дворов. Шут считался вторым украшением двора после карлика. Он носил белое платье и желтую шотландскую шапочку, в руках у него был колокольчик или погремушка. Несмотря на то что его называли шутом, его слова ценили и долго помнили, как если бы это были некие пророчества. — *Примеч. авт.*

предстанет тот, кто со временем сделается очень известным рыцарем. Теперь эта девушка подошла к Персевалю и, улыбаясь, сказала ему, что если он останется в живых, то станет одним из самых храбрых и прекрасных рыцарей.

— По правде, — сказал сэр Кай, — тебя ничему не научил целый год пребывания при дворе короля Артура в самом избранном обществе, если ты за это время никому не подарила своей улыбки, а теперь в присутствии короля Артура осмелилась назвать этого человека лучшим рыцарем.

Сказав это, он ударил ее в ухо, и она упала без чувств. Затем сэр Кай обратился к Персевалю:

— Отправляйся за рыцарем, который сейчас на лугу, побори его, возврати золотой кубок, вернись на его коне и в его доспехах — и станешь рыцарем.

— Я все сделаю так, как ты сказал, высокий человек, — ответил Персеваль.

Он развернул коня и направился к лугу. Там он увидел разъезжавшего взад-вперед рыцаря, всем своим видом выказывающего силу, неустрашимость и самодовольство.

— Скажи мне, — спросил рыцарь, — видел ли ты, чтобы кто-нибудь последовал за мной на этот луг из королевского двора?

— Высокий человек, который был там, — заявил Персеваль, — сказал, чтобы я явился сюда, победил тебя и забрал себе твой кубок, твоего коня и твои доспехи.

— Молчи! — вскричал рыцарь. — Отправляйся обратно ко двору и скажи, чтобы король Артур либо сам явился сюда, либо отрядил кого-нибудь сразиться со мной. И пусть поторопится, а то мне некогда ждать.

На это Персеваль ответил:

— Выбирай сам — волей или неволей, но я возьму твоего коня, твои доспехи и твой кубок.

Услышав это, рыцарь в гневе наехал на Персеваля и ударил древком копья между шеей и плечом.

— Ха-ха, — сказал Персеваль, — слуги моей матери никогда так не играли со мной, теперь я с тобой поиграю!

Сказав это, Персеваль швырнул в рыцаря одну из своих заостренных жердочек, и та попала рыцарю в глаз и вышла из затылка. После такой раны рыцарь замертво свалился на землю.

— По правде сказать, — говорил тем временем сэр Овейн, сын Уриена, сенешалю Каю, — было слишком неразумно послать этого

сумасшедшего против такого рыцаря, ибо он либо погибнет, либо сбежит. И это в любом случае будет позором для короля Артура и его воинов; поэтому я поеду и посмотрю, чем все закончилось.

Когда сэра Овейн приехал на луг, он увидел, что Персеваль тщетно пытается стащить доспехи с мертвого рыцаря и надеть их на себя. Сэр Овейн отстегнул рыцарские латы и помог Персевалю надеть их, после чего обучил его, как пользоваться стременами и шпорами, поскольку до этого Персеваль не знал их, а ездил верхом без седла, погоняя лошадь прутиком. Сэр Овейн хотел сопроводить Персевалю ко двору, чтобы там ему воздали полагающиеся почести, но тот сказал:

— Я вернусь ко двору только тогда, когда отомщу тому высокому за удар, который он нанес девушке. Однако заведи кубок и верни его королеве Гиневре, а королю Артуру скажи, что, где бы я ни был, я всегда буду его вассалом и буду служить ему верой и правдой.

Сэр Овейн вернулся ко двору и пересказал все виденное и слышанное Артуру, и Гиневре, и всем присутствующим.

Персеваль тем временем ехал дальше, пока перед ним не открылось озеро, на берегу которого стоял прекрасный замок. Здесь он увидел седого старика, сидевшего на бархатной подушке, тогда как его слуги ловили в озере рыбу. Когда седовласый старик увидел приближающегося Персевалю, он встал и отправился в замок. Персеваль поехал к замку, ворота его оказались открыты, и он въехал внутрь. Седовласый старик радушно принял его и предложил сесть на бархатную подушку подле себя. Когда настало время, были накрыты столы, подали мясо, и они приступили к трапезе. Когда с мясом было покончено, седовласый спросил, может ли Персеваль биться мечом.

— Я не умею, — ответил Персеваль, — но если меня научить, то, конечно, смогу.

После этого седовласый произнес:

— Я твой дядя по матери. Зовут меня Король-Рыбак*. Ты останешься со мной на некоторое время, чтобы обучиться хорошим манерам, обычаям разных стран, а также куртуазности и благородному обращению. При этом запомни следующее. Если увидишь что-нибудь, что вызовет у тебя удивление, не спрашивай ни о чем. Если никто не захочет тебе ничего пояснить, то позор падет не на тебя, а на меня, поскольку я твой учитель.

* Французское слово *rescheur* переводится и как «рыбак», и как «грешник». Эта двусмысленность обыгрывается в легенде.

Пока Персеваль и его дядя разговаривали, двое юношей вошли в зал, и в их руках были золотая чаша и огромное копьё, с острия которого на землю капала кровь. Когда все присутствующие увидели это, то стали плакать и причитать. Однако седовласый, как ни в чем не бывало, продолжал разговаривать с Персевалем. А так как он не стал ничего объяснять Персевалу, то и тот побоялся о чем-либо спрашивать. Чаша же, которую увидел Персеваль, была Святым Граалем, а копьё — священным копьём, и впоследствии Король-Рыбак с помощью этих священных реликвий перенесся в дальние страны.

Однажды вечером Персеваль отправился в долину и наткнулся там на жилище отшельника, у которого нашел радушный прием и ночлег. Когда он проснулся утром, то увидел, что за ночь выпало много снега и перед самым жилищем отшельника ястреб убил птицу. Шум, поднятый конем, вспугнул ястреба, и на его место прилетел, чтобы полакомиться, ворон. Персеваль стоял и сравнивал черноту ворона с чернотой волос дамы, которую он больше всего любил и волосы которой были черней гагата, белизну снега — с белизной ее кожи, которая была белей снега, а красную кровь — с румянцем ее щек, которые были еще краснее.

В это время Артур со своей свитой разыскивал Персевала и по случайности оказался в том же месте.

— Знаете ли вы рыцаря, который с большим копьём стоит на берегу ручья? — спросил король Артур.

— Господин, — ответил один из его свиты, — я поеду и узнаю, как зовут этого рыцаря.

И один из юношей, бывших с королем Артуром, подъехал к Персевалу и спросил, что он тут делает и как его зовут. Но Персеваль настолько был поглощен своими мыслями, что ничего не ответил. Тогда юноша ткнул Персевала копьём, и тот, обернувшись, сшиб юношу на землю. Когда юноша вернулся к королю и рассказал, как грубо с ним обошлись, сэр Кай сказал:

— Я сам поеду.

Он подъехал к Персевалу, поприветствовал его и не получил никакого ответа. Тогда он заговорил грубо и зло. На это Персеваль ткнул его копьём так, что тот свалился на землю, сломав себе руку и лопатку. Он остался беспомощно лежать на земле, а его конь вернулся, все время поднимаясь на дыбы.

Тогда сэр Гавейн, которого прозвали Златоустым за то, что он был самым учтивым при дворе короля Артура, произнес:

— Нехорошо так опрометчиво отвлекать почтенного рыцаря от его дум, ибо он размышляет либо о потере, которую он понес, либо о той, которую он любит сильнее всего. Если ты не возражаешь, мой господин, то я сам поеду, и если этот рыцарь уже вышел из своей задумчивости, то я его вежливо попрошу пойти и предстать перед тобой.

Персеваль, опершись на древко копья, продолжал думать о своем, когда сэр Гавейн подъехал к нему и сказал:

— Если ты, как и я, не имеешь ничего против, то я бы хотел с тобой поговорить. Кроме того, у меня есть послание тебе от короля Артура, который просит тебя прибыть к нему, и двое моих предшественников тоже были посланы им.

— Это правда, но они были невежливы со мной. Они напали на меня, а я не терплю, когда мне угрожают, — сказал Персеваль.

Потом он рассказал, какие мысли его одолевали, после чего Гавейн произнес:

— Мысли твои не назовешь неблагородными, поэтому нет ничего удивительного в том, что тебе не понравилось, когда тебя отвлекли от них.

Тогда Персеваль спросил:

— Скажи мне, есть ли среди королевской свиты сэр Кай?

— По правде говоря, есть. Это тот самый рыцарь, который последним сразился с тобой.

— Если честно, — сказал Персеваль, — то я совсем не раскаиваюсь в том, что сумел отомстить за обиду, которую он нанес улыбнувшейся девушке. — После этих слов Персеваль представился и спросил: — Как тебя зовут?

В ответ он услышал:

— Мое имя — Гавейн.

— Очень рад встрече с тобой, — ответил Персеваль, — ибо я всюду слышал о твоей удали и честности. Позволь мне называться твоим другом.

— Я не против, — был ответ, — но и мне не откажи в этом.

— С удовольствием! — ответил Персеваль.

После этого они вместе отправились к Артуру и приветствовали его.

— Смотри, господин, — произнес Гавейн, — это тот, кого ты так долго искал.

— Приветствую тебя, вождь, — сказал король Артур.

Тут к ним подошла королева со своими дамами, и Персеваль приветствовал их. Они были рады видеть его и поздоровались с ним. Артур же отнесся к нему с большим почтением и уважением, и все вместе отправились в сторону Каэрлеона.

Поиски Святого Грааля

Святой Грааль — это чаша, из которой наш Спаситель пил во время Тайной вечери. Считалось, что она была передана Иосифу Аримафейскому и тот привез ее в Европу вместе с копьем, которым солдат пронзил бок Спасителю. Из поколения в поколение один из потомков Иосифа Аримафейского становился хранителем этой бесценной реликвии, обещая всю жизнь быть чистым и в помыслах и в поступках. В течение долгого времени Святой Грааль был явлен для паломников, а само его присутствие приносило благодать той стране, в которой он хранился. Но однажды один из священнослужителей, которому было поручено хранить реликвии, забыл об обязательстве, налагаемом на него его должностью, и взглянул с вожделием на юную паломницу, чье одеяние случайно приоткрыло некоторые части ее тела, когда она вставала на колени перед ним. Священное копье тут же наказало святотатца, упав на него и при этом глубоко ранив. Волшебную рану нельзя было вылечить, поэтому этот хранитель Грааля получил прозвище Король-Грешник. Святой Грааль стал невидимым для приходивших поклониться ему паломников, и наступил «железный век», сменивший эпоху счастья, которое давало племенам Британии присутствие этой реликвии.

В повести о Мерлине мы уже говорили о том, как этот ясновидец и волшебник отправил королю Артуру послание, доставленное сэром Гавейном, в котором говорилось, что необходимо отыскать Святой Грааль и что рыцарь, которому окажется под силу эта священная миссия, уже родился и находится в подходящем для этого задания возрасте. Сэр Гавейн доставил это послание, и король стал думать, как лучше всего осуществить это предприятие. Был канун Троицы, и все рыцари Круглого стола собрались вместе в замке Камелот, как вдруг в разгар пира раздался раскат грома и ударила молния. Все посмотрели друг на друга и увидели, что стали красивее, чем прежде, а перед ними появились еда и питье, которые они больше всего любили. Весь замок наполнился

приятным ароматом, и появился Святой Грааль, покрытый белой парчой, чтобы оставаться для всех невидимым. Святой Грааль пересек зал и исчез. За все это время никто из присутствующих не проронил ни слова, а когда к ним вернулся дар речи, король Артур сказал:

— Мы должны возблагодарить Господа за то, что он явил нам сегодня.

После этих слов сэра Гавейн встал и поклялся, что через двенадцать месяцев и один день он отыщет Святой Грааль и не вернется до тех пор, пока не увидит его, поэтому должен поспешить. После этих слов сэра Гавейна почти все сидевшие за Круглым столом встали и повторили эту клятву. Услышав это, король Артур очень огорчился, поскольку знал, что никто из них не нарушит клятвы.

— Увы, — сказал он сэру Гавейну, — вы почти убили меня своей клятвой и данным обещанием, потому что лишаете меня самых лучших рыцарей, которые когда-либо собирались в каком бы то ни было королевстве мира. Ибо я знаю, что стоит вам уйти, и вы никогда больше не встретитесь друг с другом в этом мире.

Приключения сэра Галахада

В этот момент в зал вошел, ведя за собой молодого рыцаря, почтенный старец, который поприветствовал всех словами:

— Мир вам, почтенные господа, — и обратился к королю Артуру: — Сэр, я привел к вам молодого рыцаря королевской крови, потомка Иосифа Аримафейского; он сын леди Элейны, дочери короля Пеллея, который владеет одной из заморских стран.

Молодого рыцаря звали сэр Галахад, он был сыном сэра Ланселота Озерного, но воспитывался у своей матери при дворе короля Пеллея, своего деда, пока не достиг того возраста, когда смог держать оружие, после чего мать отправила его ко двору короля Артура в сопровождении святого отшельника. Сэр Ланселот, увидев своего сына, пришел в неопишуемый восторг. Сэр Борс сказал всем, кто был с ним рядом:

— Клянусь, этот молодой рыцарь добьется великой славы.

Во всем замке поднялся веселый шум, который достиг покоев королевы. Она произнесла:

— Хочу немедленно его увидеть, ведь этот рыцарь благороден, как и его мать.

Королева и ее дамы тут же нашли, что он во многом похож на своего отца. Он был пригож и скромн, как голубок, его манеры отличались таким изяществом, что на свете вряд ли бы удалось сыскать более галантного юношу. Король Артур сказал:

— Боже, сделай из него хорошего человека, ибо красивым Ты его уже сотворил.

После этого отшельник подвел молодого рыцаря к опасному сиденью, снял с него покрывало, и тут же проявились буквы, которые сложились в такую фразу: «Это место сэра Галахада, достойного рыцаря». Тогда отшельник усадил туда своего подопечного. Все рыцари Круглого стола немало удивились тому, что сэр Галахад сел на это место без всякого для себя вреда, и стали говорить:

— Именно благодаря ему мы сможем обрести Святой Грааль, ибо никому не удавалось сесть на это место и избежать беды.

На следующий день король сказал:

— Сейчас все рыцари Круглого стола отправятся на поиски Святого Грааля, и больше я никогда не увижу вас снова вместе. Поэтому вы все должны собраться на прибрежном лугу Камелота и провести последний рыцарский турнир.

По правде говоря, король просто хотел увидеть сэра Галахада в деле. По просьбе короля и королевы Галахад надел доспехи и шлем, но не взял никакого щита, несмотря на уговоры короля. Королева и все ее придворные дамы собрались в башне, чтобы оттуда наблюдать за турниром. Галахад выехал на середину луга и одно за другим сломал копья своих соперников. В этом он превзошел всех, кроме сэра Ланселота и сэра Персеваля. После этого король по просьбе королевы заставил его спешиться и представил его королеве, которая сказала:

— Ни разу еще не было двух столь похожих друг на друга людей, как он и сэр Ланселот, поэтому нет ничего удивительного в том, что он и в ловкости ему не уступает.

Затем король и королева отправились в церковь, и все рыцари последовали за ними. Когда служба закончилась, они снова надели шлемы, и наступила печальная минута расставания. Они ехали по улицам Камелота, а все — и богатые и бедные — плакали им вслед. Король даже отвернулся и от слез не мог произнести ни слова. Так все рыцари разъехались в разные стороны, и каждый выбрал себе путь по нраву.

Сэр Галахад ехал без щита, не встречая никого на своем пути, пока на четвертый день он не оказался около белого аббатства, где его

приняли очень радушно и провели в палаты. Там он увидел двух рыцарей — короля Багдемагуса и сэра Увейна, и эта встреча принесла ему много радости.

— Господа, — спросил сэр Галахад, — что привело вас сюда?

— Сэр, — ответили они, — нам сказали, что здесь есть щит, который может поднять только тот рыцарь, который достоин его. Но если за него возьмется тот, кто его не достоин, то с таким рыцарем случится несчастье.

Затем король Багдемагус добавил:

— Я не боюсь взяться за этот щит, и завтра вы все увидите.

Утром они проснулись и отстояли службу, затем король Багдемагус поинтересовался, где находится этот таинственный щит. Монах проводил их за алтарь, где висел щит белее снега, в центре которого был изображен красный крест. Король Багдемагус взял щит и вынес его из церкви. После этого он обратился к сэру Галахаду:

— Будь любезен, останься здесь, пока не услышишь, что со мной все в порядке.

После этих слов король Багдемагус и его оруженосец поскакали и успели проехать милю или две, когда им повстречался красивый рыцарь в белых доспехах и на белом коне. Он приближался к ним со скоростью, на которую только был способен его конь, копье его покоилось в упоре. Король Багдемагус нацелил свое копье на приближающегося рыцаря, но оно от удара сломалось, тогда как копье белого рыцаря разорвало кольчужный доспех короля и глубоко вошло в правое плечо, не прикрытое щитом, и король повалился с коня. После этого белый рыцарь развернул своего коня и ускакал. К королю Багдемагусу подъехал его оруженосец и спросил, тяжело ли он ранен.

— Рана у меня тяжелая, — ответил король, — и вряд ли мне удастся избежать смерти.

Оруженосец усадил его на коня и доставил в аббатство, где его бережно перенесли в покои, сняли доспехи, уложили в постель и осмотрели рану. Он долго лечился в аббатстве и с большим трудом выздоровел, а его оруженосец сразу же повесил щит на прежнее место.

На следующий день сэр Галахад взял щит и через некоторое время оказался в доме отшельника, где находился белый рыцарь. Они учтиво приветствовали друг друга.

— Сэр, — сказал Галахад, — не мог бы ты поведать мне тайну этого щита?

— Сэр, — отвечал белый рыцарь, — этот щит изначально принадлежал славному рыцарю Иосифу Аримафейскому, который перед смертью сказал, что никто из мужчин не сможет повесить на себя этот щит до тех пор, пока за ним не явится сэр Галахад, доблестный рыцарь, последний из его рода, которому суждено сотворить много великих подвигов.

Сказав так, белый рыцарь исчез.

Приключения сэра Гавейна

Отправившись из Камелота, сэр Гавейн изъездил много мест, пока не оказался в том аббатстве, где сэр Галахад взял себе белый щит. Там ему рассказали все, что произошло с сэром Галахадом.

— Как жаль, — сказал сэр Гавейн, — что я сразу не отправился этой дорогой. Тогда бы я встретился с ним, и мы вместе смогли бы совершить множество подвигов.

— Сэр, — заметил один из монахов, — ты ему плохая компания.

— Почему? — удивился сэр Гавейн.

— Да потому, сэр, — продолжил монах, — что ты грешен, а он благочестив. Сэр Гавейн, тебе нужно искупить грехи свои.

— Что я должен сделать? — спросил сэр Гавейн.

— То, что я тебе укажу, — услышал он в ответ.

— Нет, — сказал сэр Гавейн, — ничего я искупать не буду. Мы, рыцари, и так в своих странствиях терпим лишения и боль.

— Хорошо! — согласился монах и оставил его в покое.

И сэр Гавейн уехал.

Случилось, однако, так, что вскоре после этого сэр Гавейн и сэр Эктор ехали вместе и оказались в замке, где проводился большой рыцарский турнир. Сэр Гавейн и сэр Эктор присоединились к отряду, который казался им слабее, и вместе им удалось потеснить другую сторону. Но тут появился рыцарь с белым щитом, на котором был красный крест, и случилось так, что он оказался рядом с сэром Гавейном. Удар этого рыцаря был настолько силен, что меч расколол шлем сэра Гавейна, ранил его в голову, и сэр Гавейн упал с коня. Увидев это, сэр Эктор догадался, что рыцарь с белым щитом был сэром Галахадом, и понял, что биться с ним бессмысленно, к тому же сэр Эктор любил Галахада, которому приходился дядей. Тем временем сэр Галахад незаметно покинул всех, и никто даже не заметил, как он исчез. Сэр Эктор поднял сэра Гавейна и сказал:

— Сэр, сдаётся мне, что ваши поиски закончились.

— Закончились, — произнес сэр Гавейн. — Теперь уж я не гожусь для этого подвига.

После этих слов сэра Гавейна перенесли в замок, сняли с него доспехи и уложили на роскошное ложе. Рану его осмотрел приглашённый лекарь. Сэр Эктор и сэр Гавейн оставались вместе, поскольку сэр Эктор не хотел его покидать, пока он не выздоровеет.

Приключения сэра Ланселота

Сэр Ланселот ехал по темному лесу наугад, не разбирая дороги. Вдруг он увидел перед собой каменный крест. Сэр Ланселот огляделся и заметил старую часовенку. Он привязал к дереву коня, повесил на сук щит и направился к часовне, стараясь разглядеть через пролом в стене, что там внутри. Его глазам предстал прекрасный алтарь, богато украшенный шелковой тканью. Рядом стоял красивый подсвечник с шестью большими свечами. Сам подсвечник был сделан из серебра. Когда сэр Ланселот увидел все это, ему очень захотелось войти, однако, как он ни старался, ему так и не удалось найти вход в часовню. Он долго ходил кругом, охваченный страхом, потом вернулся к коню, снял с него седло и сбрую и пустил пастись, а сам, отстегнув доспехи и меч, лег рядом с крестом отдохнуть, подложив под голову щит.

Когда он так лежал в полусне, рядом с ним прошли две красивые белые лошади, между ними были укреплены носилки, на которых лежал больной рыцарь. Поравнявшись с крестом, носилки остановились, и сэр Ланселот услышал, как рыцарь сказал:

— О милостивый Господь, когда же эта печаль оставит меня и когда передо мной появится священный сосуд, чтобы я мог излечиться?

Рыцарь ещё долго жаловался, и сэр Ланселот слышал все его слова. Затем сэр Ланселот увидел, как перед крестом появился подсвечник с горящими свечами, однако никого, кто мог бы принести этот подсвечник, ему увидеть не удалось. Затем появился серебряный поднос, на котором был Святой Грааль. Тогда больной рыцарь сел и, подняв обе руки, произнес:

— Милостивый Господь, который в этом священном сосуде, внемли молям моим и избавь меня от этого тяжкого недуга.

И, помогая себе руками, он на коленях приблизился настолько, что смог прикоснуться к Граалю и поцеловать его. После этого он тут же

исцелился. Священный сосуд вновь вернулся в часовню вместе с подсвечником и свечами, и стало так темно, что сэр Ланселот больше ничего не смог увидеть.

После этого больной рыцарь поднялся и поцеловал крест. Тут же появился оруженосец с рыцарскими доспехами, осведомившийся, как чувствует себя хозяин. В ответ он услышал:

— Хвала Господу, мне стало хорошо, ибо с помощью священного сосуда мне удалось исцелиться. Но мне странно видеть здесь спящего рыцаря, которому не хватило ни вежливости, ни сил пробудиться, когда здесь был священный сосуд.

— Скорее всего, — продолжил оруженосец, — он отягощен каким-то смертным грехом, в котором он никогда не исповедовался.

С этими словами они уехали.

Когда сэр Ланселот пробудился, он заставил себя сесть и задумался над тем, было ли все, что он увидел, наяву или только приснилось. Он стал рассказывать, не зная, что делать. Наконец он произнес:

— Мой грех и моя порочность довели меня до великого позора, ибо раньше я искал земной славы и земных утех и всегда находил их; я всюду одерживал верх и побеждал — и тогда, когда был прав, и тогда, когда был не прав. А теперь я вижу, что мои старые прегрешения мешают моим священным поискам, поскольку я не мог ни действием, ни словом проявить себя, когда святая кровь явилась передо мной.

Так в сожалениях он провел целый день, слушая пение птиц.

Затем он все-таки оставил крест и устремился в чащу леса, где вскоре перед ним предстало жилище отшельника, где старец готовился к молитве. Когда тот совершил молитву, сэр Ланселот позвал его и попросил старца его исповедать.

— Я не против, — сказал почтенный старец, и рыцарь стал рассказывать ему всю свою жизнь, не утаив и то, как он многие годы безмерно любил королеву.

— Почти все свои боевые подвиги я совершал во имя королевы, и за нее я буду биться всегда, будь то правое дело или неправое. Я никогда не сражался только во имя Господа нашего, но и во имя славы земной, чтобы быть любимым еще больше; и при этом почти никогда не воздавал за то хвалу Господу. Умоляю тебя, наставь меня на путь истинный.

— Я наставляю тебя, — сказал отшельник, — если ты пообещаешь мне не видеться с королевой столько, сколько сможешь.

И сэр Ланселот пообещал никогда больше не видаться с королевой.

— Смотри, чтобы уста твои и душа были в согласии, — заметил старец, — и увидишь, что славы ты добудешь еще больше, чем прежде.

После этих слов старец наложил на сэра Ланселота епитимью, отпустил ему все грехи и оставил его в своем жилище на целый день, в течение которого сэр Ланселот каялся не переставая.

Приключения сэра Персевалья

Сэр Персеваль расстался со всеми и ехал, пока в полдень в долине не повстречалось ему человек двадцать вооруженных всадников. Когда они увидели сэра Персевалья, то стали наперебой спрашивать, откуда он, и услышали ответ:

— Я принадлежу ко двору короля Артура.

Тогда все закричали:

— Убить его!

Однако первого же человека, который бросился на него, сэр Персеваль сбил наземь так, что тот оказался под лошадью. После этого семь рыцарей одновременно ударили ему в щит, а остальные обрушились на его коня, и Персеваль оказался на земле. Они бы его убили или взяли в плен, если бы случайно не подоспел славный рыцарь Галахад, щит которого украшал красный крест. Когда он увидел, что столько рыцарей набросились на одного, он закричал:

— Пощадите этого рыцаря ради меня!

С этими словами он с копьем наизготовку во весь опор поскакал в сторону двадцати воинов, и от его удара ближайший к нему всадник повалился на землю вместе с лошадью. Когда копье Галахада сломалось, он выхватил меч и стал рубить направо и налево с такой силой, что любо-дорого было посмотреть. От каждого его удара одним нападавшим становилось меньше: кого он перебил, кого вынудил в страхе искать спасения в чаще леса, но он настигал их и там. Когда сэр Персеваль увидел, как сэр Галахад гонится за убежавшими, то очень пожалел, что его коня убили. Он не сомневался, что это был сэр Галахад, и закричал:

— О добрый рыцарь, остановись и позволь мне поблагодарить тебя, поскольку ты не дал совершиться несправедливости.

Но сэра Галахад ехал так быстро, что вскоре исчез из виду. Когда сэра Персеваль понял, что тот не повернет назад, он произнес:

— Сегодня я посрамлен, и нет несчастней рыцаря, чем я.

В такой печали он провел весь день, но, когда наступила ночь, он почувствовал, что силы покидают его, и лег отдохнуть. Он проспал до полуночи, а проснувшись, увидел перед собой женщину, которая спросила:

— Сэр Персеваль, почему ты здесь?

Тот ответил:

— Я не сделал ничего хорошего и ничего плохого.

— Если ты обещаешь выполнить мое желание, когда я тебя позову, — продолжала женщина, — то я дам тебе на время свою лошадь, которая отвезет тебя туда, куда ты хочешь.

Сэр Персеваль был так рад ее предложению, что пообещал исполнить любое ее желание.

— Тогда оставайся здесь и жди: я приведу тебе лошадь, — сказала женщина.

Прошло немного времени, и она вернулась вновь, ведя на поводу черного как смоль коня, увидев которого, сэра Персеваль подивился его стати и красоте. Рыцарь вскочил на коня и, пришпоривая, понесся во весь опор. За час с небольшим он проехал столько, сколько другой конь одолел бы за четыре дня. Вскоре перед ними оказался бурный поток, и конь несся прямо в него. Но, приблизившись к краю, сэра Персеваль засомневался, по силам ли ему будет преодолеть такую стремнину, и он осенил себя крестным знаменем. И как только он это сделал, конь сбросил его и прыгнул в рокошущий поток. Сэру Персевалу показалось, что вода в тот момент загорелась. Тогда сэра Персеваль решил, что это был враг рода человеческого, который мог обречь его на вечные муки. Тогда он обратился с молитвой к Господу нашему, чтобы тот уберег его от соблазна, и так в молитве провел всю ночь, пока не забрезжил день. Оглядевшись, он понял, что находится в пустынном месте, окруженном со всех сторон морем. Сэр Персеваль стал вглядываться в море и увидел плывущий к берегу корабль, который в скором времени встал у берега под скалой. Увидев это, сэра Персеваль поспешил к кораблю. Подойдя, он увидел, что корабль был украшен шелками, а на борту находилась женщина необыкновенной красоты, одетая в роскошные наряды, великолепнее которых он никогда не видел.

Завидев сэра Персевала, она приветствовала его, и он ответил ей тем же. Потом сэра Персеваль спросил, откуда она и к какому роду

принадлежит. Та ответила, что она знатного рода, но осталась без наследства, хотя раньше была самой богатой женщиной в мире.

— Милая дама, — вопрошал сэра Персеваль, — скажи, кто лишил тебя наследства, ибо я испытываю к тебе большое сострадание.

— Сэр, — ответила та, — мой враг — могущественный владыка. Раньше он хорошо относился ко мне, но, возгордившись его расположением ко мне и своей красотой, я грубо обошлась с ним. За это он лишил меня своего общества, а заодно и моего богатства. Я не знаю ни одного достойного рыцаря, ни одного достойного мужа, который бы мог постоять за меня. Поэтому, чувствуя, что ты достойный рыцарь, я умоляю тебя мне помочь.

Сэр Персеваль пообещал ей любую посильную помощь, и в ответ услышал слова благодарности.

Погода стояла жаркая, и она попросила одну из своих спутниц поставить шатер. Шатер был установлен на прибрежной гальке, и сэра Персеваля пригласили войти туда, чтобы отдохнуть от палящего зноя. Сэр Персеваль поблагодарил за приглашение, и дама сняла с него шлем и щит, после чего он погрузился в сон и долго спал. Когда он проснулся, то спросил, нет ли чего поесть, на что услышал утвердительный ответ, и вскоре появился стол, на котором были расставлены яства, о которых он даже мечтать не мог. Он также отведал такого крепкого вина, какого ему не приходилось пить раньше. Он несколько опьянел и овладел дамой и понял, что ничего более прекрасного в жизни не испытывал. После этого сэра Персеваль предложил ей свое сердце и стал умолять ее стать его женой. Однако она так решительно ему отказала, что ее отказ лишь разжег в нем страсть, и он еще настойчивей стал молить ее о любви. Когда же дама заметила, что сэра Персеваль опьянел еще больше, она ему сказала:

— Сэр Персеваль, я могу обещать тебе свою любовь лишь в том случае, если ты обещаешь мне во всем повиноваться и делать только то, что я тебе прикажу. Сможешь ли ты обещать мне это, ибо рыцари всегда держат свое слово?

— Да, — ответил тот, — клянусь тебе в этом всей своей душой!

Едва он произнес свою клятву, как увидел, что его меч лежит обнаженный, а на рукояти появился красный крест и распятие. Тогда он осенил себя крестным знаменем, и шатер тут же сложился, задымился и превратился в черное облако. Дама громко вскричала и поспешила на корабль, который тут же уплыл, подгоняемый ревушим ветром, а сэру

Персевалю казалось, что за уплывающим кораблем горела вода. После этого сэр Персеваль опечалился, назвал себя несчастным человеком, произнес: «Как же я чуть не обманулся!» — надел доспехи и пошел восвояси.

Приключения сэра Борса

Когда сэр Борс покинул Камелот, ему повстречался ехавший на осле священник. Тот спросил:

— Кто ты?

И сэр Борс ответил:

— Я — рыцарь, еду на поиски Святого Грааля и буду рад любому совету, где его искать.

Дальше они поехали вместе, и вскоре на их пути оказалось жилище отшельника. Священник упросил сэра Борса заночевать здесь. Сэр Борс слез с коня, снял с себя доспехи и стал просить священника, чтобы тот его исповедал. Они вошли в часовенку, и там сэр Борс исповедался. После этого они вместе ели хлеб и пили воду.

— А теперь, — сказал священник, — не ешь ничего, кроме того, что мы с тобой только что ели, пока не сядешь за стол, на котором будет Святой Грааль.

— Сэр, — спросил сэр Борс, — откуда ты знаешь, что мне придется сидеть за таким столом?

— Это мне хорошо известно, — ответил священник, — жаль только, что рядом с тобой будет сидеть всего несколько твоих друзей.

После этих слов сэр Борс произнес:

— Я согласен!

Выслушав его исповедь, священник подивился тому, какую чистую жизнь вел рыцарь и как он был крепок в вере своей.

Наутро, как только стало светать, сэр Борс отправился в путь и до полудня ехал по густому лесу. И тут приключилось с ним нечто необычное: там, где лесная дорога раздваивалась, он повстречал нескольких рыцарей, которые вели сэра Лионеля, его брата. Тот был гол и привязан к лошади, и шел со связанными спереди руками. В руках у каждого рыцаря были колючие ветви, которыми они стегали сэра Лионеля так, что и грудь его, и спина были в крови. Он же при этом шел молча, не издавая ни единого звука, и мужественно переносил все, что делали

с ним истязатели, как будто бы не чувствовал никакой боли. Сэр Борс уже собрался освободить своего брата, как вдруг увидел, что еще один рыцарь тащит благородного вида красивую женщину, кричавшую:

— Святая Мария! Помоги рабе своей! — Увидев сэра Борса, она взмолилась: — Всем, к чему обязывает тебя рыцарское звание, взываю к тебе: помоги!

Услышав эти слова, сэр Борс проникся к ней таким состраданием, что растерялся, не зная, что делать. «Если я приду на помощь этой женщине, то погибнет мой брат, чего я не могу допустить, а если я оставляю ее без помощи, то опозорю себя навеки», — подумал он. Затем он поднял к небесам глаза и, плача, произнес:

— Милостивый Господь, я, слуга твой, молю Тебя, сохрани жизнь моему брату, чтобы рыцари не смогли убить его, а я милостью Твоей и ради Пресвятой Девы спасу эту женщину.

После этих слов он прокричал рыцарю:

— Сэр рыцарь, убери руки свои от этой женщины, иначе погибнешь!

Услышав это, рыцарь положил женщину на землю, а сам взял щит наизготовку и вытащил меч из ножен. Сэр Борс нанес ему такой сильный удар в левое плечо, что от него не спасли ни щит, ни кольчуга, и рыцарь повалился на землю. Сэр Борс подошел к пленнице и сказал:

— На этот раз ты избавлена от этого рыцаря.

— А теперь, — сказала женщина, — умоляю, отвези меня туда, откуда похитил меня этот рыцарь.

— С удовольствием, — ответил сэр Борс, посадил ее на лошадь раненого рыцаря и отвез туда, куда она просила.

Там ее уже разыскивали двенадцать рыцарей, и, когда она им рассказала, как была спасена, все обрадовались и стали упрашивать сэра Борса отправиться к отцу этой женщины, который был могущественным лордом и был бы рад принять его у себя.

— К сожалению, я не могу себе этого позволить, ибо меня ждут великие дела, — сказал сэр Борс и, воззвав к Господу, отбыл.

После этого сэр Борс поскакал догонять сэра Лионеля, своего брата, стараясь найти его по следам лошадей. Так, сверяясь со следами, он ехал довольно долго, пока не поравнялся с человеком в монашеских одеждах, который сказал:

— Сэр рыцарь, кого ты ищешь?

— Сэр, — ответил сэр Борс, — я ищущу своего брата, которого не так давно на моих глазах избивали два рыцаря.

— О, сэр Борс, не утруждай себя его поисками, ибо он уже мертв. И с этими словами он указал ему на тело только что убитого человека, лежащее в густых зарослях.

Сэру Борсу показалось, что это сэр Лионель, и такая ужасная тоска охватила его, что он упал в обморок. Когда он снова пришел в себя, то произнес:

— Брат мой, раз судьба разлучила нас навеки, то мне уже никогда не изведать радости, и да поможет мне Тот, кого считал я владыкой своим!

Сказав это, он взял на руки тело и положил его на круп лошади, после чего спросил своего случайного спутника:

— Не скажешь ли, где здесь есть часовня, где можно похоронить покойного?

— Пойдем, — ответил монах, — здесь неподалеку есть одна.

Они сели на лошадей и ехали до тех пор, пока не увидели красивую башню, рядом с которой находилась небольшая часовня. Они оба спешили и положили тело в мраморную могилу.

Сделав все, как положено, сэр Борс поблагодарил своего спутника и уехал. Он скакал целый день, а на ночь решил остановиться у одной старухи. Утром он отправился в стоящий в долине замок и увидел около него крестьянина.

— Скажи, — обратился он к нему, — не слышал ли ты о каких-нибудь турнирах?

Крестьянин ответил, что скоро у замка как раз состоится большой турнир. Сэр Борс решил побывать там в надежде встретить кого-нибудь из своих друзей, которые так же, как он, отправились на поиски Святого Грааля. С этой мыслью он повернул к одинокому жилищу, стоявшему на краю леса. Подъехав к дому, он обнаружил там сэра Лионеля, который во всех доспехах сидел у входа в стоящую рядом часовню. Обрадованный сэр Борс соскочил с коня и произнес:

— Милый брат, откуда ты здесь?

— Не будь лицемерен, сэр Борс, — ответил сэр Лионель. — Ты оставил меня в минуту смертельной опасности, а сам бросился спасать даму, и после этого я не могу тебе пожелать ничего, кроме смерти, которую ты вполне заслуживаешь.

Понимая гнев своего брата, сэр Борс встал перед ним на колени, поклонился до земли, поднял вверх ладони и стал молить о прощении.

— Нет! — ответил сэр Лионель. — И если я тебя одолею, то не пощажу; поэтому садись на коня и защищайся, а если не успеешь, то пеняй на себя — я тебя атакую даже пешего, и пусть на мне будет позор, но тебе несдобровать, а остальное мне неважно.

Когда сэр Борс понял, что ему придется биться с собственным братом или погибнуть, он растерялся. Сердце его тоже ничего не могло ему подсказать, поскольку сэр Лионель был старшим братом, и сэру Борсу следовало повиноваться. Поэтому он преклонил колени перед самыми копытами коня сэра Лионеля и сказал:

— Милый брат, прости меня и не убивай.

Но сэр Лионель не обратил внимания на его слова, потому что нечистый овладел им и подговаривал убить брата. Когда он понял, что сэр Борс не поднимется и не будет с ним сражаться, то направил на него коня, и от удара копытами сэр Борс потерял сознание. Увидев это, сэр Лионель спешил, чтобы отрубить брату голову. Он схватил его за шлем и уже занес было меч, но тут рыцарь Круглого стола сэр Колгреванс, оказавшийся здесь по воле Господа нашего, подъехал и увидел, как сэр Лионель собирается отрубить своему брату голову. Этот рыцарь не только знал сэра Борса, но любил и уважал его. Сэр Колгреванс спрыгнул с коня, бросился к сэру Лионелю, схватил его за плечи и оттащил от сэра Борса, говоря:

— Сэр Лионель, неужели ты хочешь убить своего брата?

— А ты неужели решил остановить меня? Если так, то я сначала убью тебя, а потом и своего брата.

С этими словами он снова подбежал к сэру Борсу готовый отрубить ему голову, но сэр Колгреванс опять стал между ними и сказал:

— Если ты будешь упорствовать в этом, тебе придется иметь дело со мной.

Вместо ответа сэр Лионель нанес ему сильный удар мечом по шлему. Будучи отважным рыцарем, сэр Колгреванс вытащил свой меч и стал мужественно защищаться. Бой между ними продолжался так долго, что сэр Борс успел прийти в себя, с большим трудом поднялся и увидел, что сэр Колгреванс сражается из-за него с его братом. Это его сильно опечалило, ибо в случае победы сэра Колгреванса ему до конца жизни быть в печали, а если победит сэр Лионель, то весь позор ляжет на него.

Поэтому он поднялся, чтобы как-то разнять бойцов, но сил ему не хватило, и он лишь увидел, что сэр Колгреванс терпит поражение, поскольку сэр Лионель отличался высоким рыцарским искусством и умело теснил противника. Тогда сэр Колгреванс вскричал:

— О, сэр Борс, почему ты не придешь мне на помощь и не спасешь меня от смертельной опасности, ведь я лишь хотел избавить тебя от смерти?

После этих слов сэр Лионель сумел сбить его шлем и повалил противника наземь. Убив сэра Колгреванса, он подбежал к своему брату и как одержимый нанес ему такой удар, от которого сэр Борс согнулся и снова стал умолять своего брата:

— Милый брат, во имя Господа нашего, давай прекратим этот бой, ибо если я убью тебя или ты убьешь меня, то не будет победителю жизни после этого греха.

— Не проси меня о милости! — ответил сэр Лионель.

Услышав это, сэр Борс, рыдая, вытащил свой меч и сказал:

— Вручаю судьбу свою Господу нашему, ибо я защищаю жизнь свою от брата моего!

Сэр Борс уже занес меч свой над братом, как вдруг услышал голос:

— Беги, сэр Борс, и не смей касаться его.

После этих слов между ними опустилось волшебное огненное облако, из которого исходило пламя, и оба брата упали на землю и долгое время пролежали без чувств. Придя в себя, сэр Борс увидел, что его брат цел и невредим, и сам он чувствовал себя хорошо, если не считать ранее полученного ушиба, который он почитал Божьей карой. Очнувшийся сэр Лионель сказал своему брату:

— Брат, прости меня за все, что я совершил против тебя.

Сэр Борс ответил:

— Бог простит, и я прощу.

После своих слов сэр Борс вновь услышал голос:

— Сэр Борс, не мешкая, отправляйся прямо к берегу моря, ибо сэр Персеваль ожидает тебя там.

Сэр Борс поехал, выбрав самую короткую дорогу к морю. Вскоре он достиг аббатства, которое находилось недалеко от моря. Он провел в нем ночь, и во сне снова слышал голос, который велел ему отправиться к морю. Он встал, перекрестился, надел доспехи, оседлал коня, сел на него и через пролом в стене покинул аббатство. Вскоре он достиг берега моря. Там он увидел корабль, весь украшенный белой парчой.

Он взошел на корабль, но не увидел на нем никого. Тогда он решил лечь спать и проснулся, только когда забрезжил день. Перед ним посреди корабля стоял рыцарь в доспехах, но без шлема, и в нем он без труда узнал сэра Персеваля Галльского, и оба обрадовались этой встрече. Затем сэр Персеваль сказал:

— Единственный, кого нам теперь не хватает, это славный рыцарь сэр Галахад.

Продолжение приключений сэра Ланселота

Наступила ночь, и сэр Ланселот добрался до богатого и красивого замка. Вход в него был со стороны моря, и он никем не охранялся, не считая двух львов, стоявших по бокам и хорошо освещаемых луной. Вдруг сэр Ланселот услышал голос, звавший его войти в замок, чтобы найти там многое из того, что он желает. Он прошел через ворота и увидел двух львов, при виде которых он выхватил меч из ножен, но в тот же миг руку его пронзила такая боль, что меч упал на землю, и раздался голос:

— О неверующий, который больше полагается на силу меча, чем на силу Создателя!

Услышав это, сэр Ланселот ответил:

— Милостивый Господь, благодарю Тебя за великое милосердие, за то, что покарал за проступок мой, и я теперь знаю, что Ты принимаешь меня как слугу Своего.

После этого он перекрестился и направился ко львам, готовым напасть на него, но ничего не произошло, и он благополучно прошел между ними. Так он попал в замок, в котором не было ни открытых ворот, ни открытых дверей. Наконец он обнаружил чертог, в который вела закрытая дверь. Он попытался открыть ее рукой, но у него ничего не получилось. Тогда он прислушался, и до него донеслось такое сладкое пение, которое не могло принадлежать ни одному земному существу. Затем он вновь услышал голос:

— Возрадуйся и почти Отца небесного!

Тогда сэр Ланселот преклонил колени перед чертогом, убежденный, что именно там находится Святой Грааль. Затем он произнес:

— Милостивый и милосердный Господь наш, если я хоть раз что-либо сделал во благо Твое, то сжался и покажи мне хоть краешек того, что я ищущу.

После этих слов он увидел, как дверь стала открываться и чертог наполнился таким светом, словно в него снесли все факелы мира. Он вошел в двери чертога, и уже хотел пойти дальше, но голос остановил его:

— Стой, сэр Ланселот, не входи.

И он попятился, и в голове его возникла тяжесть. Он пристально поглядел внутрь чертога и увидел там серебряный стол и священный сосуд на нем, покрытый красной парчой, а над ним парило множество ангелов. В руках одного из них была горящая восковая свеча, а другой держал крест и алтарные украшения. Тогда, забыв обо всем от удивления и невыразимой благодарности, он шагнул внутрь чертога. Неожиданно он почувствовал огненное дыхание, которое с такой силой ударило его в лицо, что он повалился на пол, не имея сил подняться вновь. Тогда он ощутил, как множество рук прикоснулись к нему, вынесли из чертога, не нарушив его оцепенения, и оставили его там — по виду совсем мертвого. Утром, когда уже было светло и все проснулись, его нашли лежащим около входа в чертог. Люди осмотрели его и обнаружили, что сердце его бьется и что он еще жив. Но хотя он и не был мертв, ни встать, ни пошевелиться он не мог. Поэтому его подняли и отнесли в постель подальше ото всех, и там он провел много дней. Одни говорили, что он жив, другие считали, что он умер. Однажды один старец сказал:

— В нем больше жизни, чем во многих из вас, поэтому советую вам заботиться о нем до тех пор, пока Господь вновь не вернет его.

Через двадцать четыре дня он открыл глаза и, увидев вокруг себя людей, очень опечалился и спросил:

— Зачем вы разбудили меня, ибо мне было лучше во сне, чем сейчас!

— Что ты видел? — спросили его собравшиеся.

— Мне виделись такие чудеса, — ответил он, — что не описать и не представить.

Тогда они сказали:

— Сэр, поиски Святого Грааля завершились для тебя сейчас, и никогда ты не увидишь больше, чем видел.

— Благодарю Господа за ниспосланную мне великую милость, ибо я видел столько, сколько хотел.

После этих слов он поднялся и оделся, а когда его увидели собравшиеся, то подивились, признав в нем славного рыцаря сэра Ланселота. Через четыре дня он попрощался с владельцем замка и со всеми, кто там был, поблагодарив их за труды и заботу, а сам направился в Камелот, где встретился с королем Артуром и королевой Гиневрой, но многие

рыцари Круглого стола к тому времени уже погибли, и в живых осталось не больше половины. Весь двор обрадовался возвращению сэра Ланселота, а тот рассказал королю обо всех приключениях, которые случились с ним после его отъезда.

Продолжение приключений сэра Галахада

После того как сэр Галахад спас Персеваля от рук двадцати рыцарей, он поехал через огромный лес, в котором провел много дней. Затем он отправился к морю, и так случилось, что он заночевал в жилище отшельника. Тот был очень рад появлению у себя странствующего рыцаря. Когда они уже отдыхали, к домику пришла благородная женщина и постучалась в дверь. Старец пошел к двери, чтобы узнать, что ей нужно. Женщина сказала:

— Я хочу поговорить с рыцарем, который сейчас у тебя.

Галахад подошел к ней и спросил, что ей нужно.

— Сэр Галахад, — сказала она, — я хочу, чтобы ты надел доспехи и взял оружие, сел на коня и последовал за мной, ибо я покажу тебе то, что не удавалось видеть ни одному рыцарю.

Тогда Галахад вооружился и, вручив свою судьбу Господу Богу, отправился за дамой.

Она скакала так быстро, как позволяла ее лошадь, и скоро оказалась на берегу моря. Здесь они нашли корабль, где уже были сэр Борс и сэр Персеваль, которые закричали:

— Добро пожаловать, сэр Галахад! Мы ждали тебя.

Услышав это, Галахад спросил у дамы, кто там кричит.

— Сэр, — сказала она, — давайте оставим лошадей на берегу, а сами присоединимся к тем, кто на корабле.

Итак, они оказались на корабле, где их встретили с большой радостью, поскольку прибывшей дамой была сестра сэра Персеваля. Вдруг поднялся ветер и понес корабль в море, и так они плыли день, а потом еще один, когда корабль оказался между двух скал, чудесно избежав столкновения. Однако высадиться на берег им не удалось из-за водоворота, но там оказался другой корабль, и на него они могли пересечь без всякого риска.

— Поплывем, — сказала дама, — пока нам не встретятся приключения, поскольку именно этого хочет Господь.

После этих слов сэр Галахад перекрестился и проследовал на корабль, а за ним дама, сэр Борс и сэр Персеваль. Оказавшись на корабле, они увидели там серебряный престол, а на нем — Святой Грааль, покрытый красной парчой. Они выказали к увиденному свое почтение, а сэр Галахад долго молился Господу нашему, чтобы Тот позволил ему покинуть этот мир, когда он этого захочет, и услышал в ответ голос:

— Галахад, твое желание исполнится; и, когда ты попросишь о смерти своего тела, ты получишь ее, и тогда начнется жизнь души твоей!

Ветер нес их корабль, пока они не достигли города под названием Саррас. Тогда они взяли серебряный престол и понесли его, причем сэр Персеваль и сэр Борс несли его спереди, а сэр Галахад шел сзади. Так они и вошли в город. У городских ворот им встретился старик калека. Сэр Галахад попросил его помочь им нести их тяжелую ношу.

— Клянусь, вот уже десять лет, как я могу передвигаться только на костылях! — ответил калека.

— Забудь про это, вставай и покажи свою добрую волю, — произнес сэр Галахад.

Старик встал, попробовал шагнуть и обнаружил, что он стал здоровее прежнего. Тогда он подбежал к престолу и понес его со стороны сэра Галахада.

Когда они прибыли в город, случилось так, что местный правитель умер, и началась в городе смута, и не знали, кому быть следующим королем. Когда жители совещались, им был голос, который сказал, чтобы они сделали своим королем самого младшего из трех рыцарей, которые только что вошли в их город. Так с согласия всего города королем был провозглашен сэр Галахад. Когда его сделали королем, он повелел, чтобы для хранения священного сосуда сделали ларец из золота и украсили его драгоценными камнями. Каждый день все три спутника приходили к священному сосуду молиться.

Ровно через год, в тот самый день, когда сэр Галахад получил корону, он встал рано утром и вместе со своими соратниками отправился к священному сосуду. Там они увидели коленапреклоненного человека, над которым кружился сонм ангелов; человек позвал сэра Галахада и сказал:

— Подойди, слуга Господа нашего, и увидишь то, о чем давно мечтаешь.

Бренное тело сэра Галахада затрепетало, когда ему открылось божественное видение. Человек же продолжал:

— Ведомо ли тебе, кто я такой?

— Нет! — ответил сэра Галахад.

— Я Иосиф Аримафейский, которого Господь отправил к тебе, чтобы я стал твоим спутником.

Тогда сэра Галахад поднял руки к небесам и произнес:

— Всемиловитейший Господь, возьми жизнь мою, если она нужна Тебе.

Произнеся эти слова, сэра Галахад подошел к сэру Персевалу и сэру Борсу, поцеловал их и попрощался с ними. После этого он стал перед престолом на колени и принялся молиться. Неожиданно душа его отделилась от тела, и сонм ангелов понес его душу на небеса, и двое его спутников могли все это видеть. Они видели также, как в небесах возникла рука, хотя тела не было видно, и как она взяла корабль, на котором они приплыли, и подняла его на небо. С тех пор на земле не было ни одного человека, который бы мог сказать, что видел Святой Грааль.

Предательство сэра Агривейна

Когда сэра Персеваль и сэра Борс увидели, что сэра Галахад мертв, горю их не было предела. От отчаяния их спасла только крепость духа. После похорон сэра Галахада сэра Персеваль стал отшельником и поселился вдали от города, облачившись в монашеские одежды. Сэра Борс решил не оставлять его, но он не снял с себя светских одежд, поскольку не терял надежды вернуться в королевство Лоэгрию. Сэра Персеваль прожил отшельником один год и два месяца, ведя жизнь праведника, а затем покинул этот мир. Сэра Борс похоронил его рядом с его сестрой и сэром Галахадом, а сам надел доспехи и ушел из города Саррас, сел на корабль, отплывавший в Лоэгрию, и через положенное время он уже был в Камелоте целым и невредимым. Королевский двор охватила безмерная радость, потому что многие считали, что его уже нет в живых. Король пригласил лучших писцов, чтобы те записали все, что приключилось с тремя славными рыцарями. Сэра Борс рассказал им обо всем, что произошло с ним и его двумя приятелями, сэром Персевалем и сэром Галахадом. Сэра Ланселот поведал, как его глазам предстал Святой Грааль. Все это было записано в большие книги, и их положили на хранение в церковь Солсбери.

Король Артур и королева Гиневра обрадовались всем, кто смог вернуться домой, но больше всего они были довольны возвращению сэра Ланселота и сэра Борса. Сэр Ланселот, забыв о своем обещании, данном во время поисков Святого Грааля, вновь стал появляться в обществе королевы, и среди придворных поползли слухи об их отношениях. Особенно в этом усердствовал брат сэра Гавейна, сэр Агривейн, который вообще не умел держать язык за зубами. Случилось так, что сэр Гавейн со всеми своими братьями оказался в королевских покоях, и сэр Агривейн вдруг сказал:

— Странно, что мы не стыдимся того, как такого достойного рыцаря, каким является король Артур, позорит поведение сэра Ланселота и королевы.

На что сэр Гавейн ответил:

— Брат мой, сэр Агривейн, молю тебя и заклинаю, не заговаривай об этом в моем присутствии и знай, что я никогда не буду на твоей стороне.

— И мы тоже, — сказали сэр Гахерис и сэр Гарет.

— А я — с тобой, — отозвался сэр Модред.

— Странно, если было бы по-другому, — заметил сэр Гавейн, — тебе не привыкать к козням. Однако я еще раз предупреждаю, что лучше оставить эти разговоры, поскольку я знаю, к чему это все может привести.

— Пусть будет что будет, — сказал сэр Агривейн, — а я обо всем расскажу королю.

При этих словах появился король Артур.

— Братья, прошу вас успокоиться, — попросил сэр Гавейн.

— Как бы не так! — возразил ему сэр Агривейн.

— Я не хочу слушать твои рассказы и не желаю быть на твоей стороне, — повторил сэр Гавейн.

— И мы — тоже, — произнесли сэр Гарет и сэр Гахерис, после чего все они вышли, немало опечаленные.

Тогда сэр Агривейн рассказал королю все, что говорилось при дворе о поведении сэра Ланселота и королевы, и его рассказ очень опечалил короля. Но он не захотел верить услышанному и потребовал доказательств. Тогда сэр Агривейн решил устроить сэру Ланселоту и королеве ловушку и застать их врасплох. Для этой цели сэр Агривейн и сэр Модред подыскиали людей, но сэр Ланселот сумел бежать от них, зарубив при этом сэра Агривейна и ранив сэра Модреда. После этого сэр Ланселот

обратился к своим друзьям и рассказал им, что случилось. Затем все они удалились в лес, оставив при дворе соглядатаев, которые должны были доносить им обо всем происходящем.

Если сэру Ланселоту удалось бежать, то королева так и осталась во власти короля, который больше не сомневался в ее виновности. В те времена закон был суров, и женщин, совершавших такие преступления, сжигали на костре, независимо от их положения. Такая же участь ждала и королеву Гиневру. Король Артур обратился к сэру Гавейну:

— Прошу тебя, подготовься, надень самые лучшие доспехи и вместе со своими братьями, сэром Гахерисом и сэром Гаретом, доставь мою королеву к костру, на котором она должна принять смерть.

— Нет, мой благороднейший повелитель, — сказал сэр Гавейн, — этого я никогда не сделаю, ибо знаю, что не смогу видеть, как умирает королева, кроме того, я не хочу, чтобы про меня говорили, будто я виновен в ее смерти.

Тогда король приказал быть там сэру Гахерису и сэру Гарету, на что они ответили:

— Мы будем там, ибо ты приказываешь нам, но ни доспехов, ни оружия у нас не будет.

Итак, королеву повели и пригласили к ней духовника, чтобы она могла исповедаться, а среди собравшихся лордов и их жен многие стонали и плакали. Кто-то сообщил сэру Ланселоту, что королеве грозит смерть, и тогда он со всеми рыцарями, которые вокруг него были, напал на стражу, охранявшую королеву, и рассеял ее, а те, кто попытался сопротивляться, были убиты. В общей суматохе погибли сэр Гарет и сэр Гахерис, у которых не было ни лат, ни оружия. Сэр Ланселот увез королеву в свой замок Веселой Стражи.

Сэру Гавейну сообщили, что сэр Ланселот перебил рыцарей и увез королеву.

— Боже, — вскричал сэр Гавейн, — храни моих братьев!

Но было уже поздно, ибо сэр Гарет и сэр Гахерис были убиты.

— Увы, — сказал сэр Гавейн, — не будет мне в этой жизни больше радости!

После этих слов он упал, потерял сознание и долго лежал без чувств.

Когда сэр Гавейн пришел в себя, он с криком бросился к королю:

— О, дядя мой, король Артур, моих братьев убили!

От этой вести король заплакал, и плакали они оба.

— Мой король, мой повелитель, мой дядя, — произнес сэр Гавейн, — призываю тебя в свидетели и даю клятву рыцаря, что буду преследовать сэра Ланселота до тех пор, пока один из нас не убьет другого. Буду искать сэра Ланселота хоть в семи королевствах, но найду и убью его или сам паду от его руки.

— Тебе не нужно его искать, — ответил король, — по слухам, сэр Ланселот поджидает меня и тебя в замке Веселой Стражи, где ему удалось, как говорят, собрать много людей.

— Я охотно этому верю, поэтому, мой повелитель, собери своих людей, а я соберу своих, — произнес сэр Гавейн.

— Так тому и быть! — сказал король.

После этого он разослал письма и грамоты по всей Англии, сзывая всех своих рыцарей. К Артуру пришло много рыцарей, герцогов и графов, и ему удалось собрать большое войско. Прознав про это, сэр Ланселот тоже собрал всех, кого мог, и к нему прибыло много достойных рыцарей, чтобы защитить и его и королеву. Однако войско короля Артура было слишком большим, чтобы сэр Ланселот мог встретиться с ним на открытом поле. Кроме того, он не хотел воевать с королем. Поэтому Ланселот засел в своем хорошо укрепленном замке, снабженном необходимым провиантом. Подошедшие король Артур и сэр Гавейн осадили не только замок Веселой Стражи, но и город. Сэр Ланселот сам не хотел выезжать из замка и другим рыцарям не давал совершать вылазки, боясь за их жизнь. Так в осаде прошло много недель.

В один из дней, когда уже была пора собирать урожай, сэр Ланселот оказался на стене замка и решил оттуда поговорить с королем Артуром и сэром Гавейном.

— Господа, — сказал он, — все ваши усилия тщетны. Под этими стенами вы не добудете себе славы, а лишь покроете себя позором. Однако если я и мои доблестные рыцари выйдем из замка, то я сразу же положу конец войне.

— Выходи, — ответил король Артур, — если осмелишься, а я обещаю, что встречу тебя посреди поля.

На это сэр Ланселот ответил:

— Господь не позволит, чтобы я бился с самым благородным королем, из рук которого я получил рыцарское звание.

— Побереги свое красноречие, — был ответ короля Артура, — ибо я твой смертный враг и останусь им до конца дней своих!

Тут заговорил сэр Гавейн:

— За что ты убил моего брата сэра Гахериса, у которого даже не было оружия, чтобы защититься от тебя, и сэра Гарета, которого ты произвел в рыцари и который любил тебя больше, чем своих родичей? Поэтому знай, что я буду твоим врагом, покуда жив.

Когда сэр Борс, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель услышали этот разговор, то позвали к себе сэра Паламеда и его брата сэра Саффира, а также сэра Лавейна и многих других, и все вместе отправились к сэру Ланселоту и сказали ему:

— Господин сэр Ланселот, молим тебя, если ты хочешь, чтобы мы служили тебе, не держи нас больше в этих стенах, ибо ни твое красноречие, ни твое терпение не помогут тебе.

— Увы, — ответил сэр Ланселот, — мне не хочется выезжать из замка и сражаться.

После этого он вновь обратился к королю Артуру и сэру Гавейну, упрашивая их воздержаться от сражения, но они не вняли его словам. Тогда вся дружина сэра Ланселота выехала из замка в полном боевом порядке. И сэр Ланселот всячески убеждал своих рыцарей, чтобы они пощадили короля Артура и сэра Гавейна.

Тут от королевской рати выехал вперед сэр Гавейн, вызывая любого на поединок, и на его вызов откликнулся сэр Лионель. Сэр Гавейн с такой силой нанес удар сэру Лионелю, что тот упал с лошади и лежал как мертвый. После этого разгорелась сеча, и многие были в ней убиты, но при этом сэр Ланселот делал все, что мог, чтобы жертв со стороны королевской рати было как можно меньше. Зато король Артур старался настичь его и убить, но сэр Ланселот сдерживался и ни разу не ответил ударом на удар. Тогда сэр Борс напал на короля и выбил его ударом из седла. После этого он спешился, достал свой меч и спросил сэра Ланселота:

— Дозволишь ли ты мне покончить с войной? — имея в виду, что он хочет лишить жизни короля Артура.

— Нет, — ответил сэр Ланселот, — не смей больше прикасаться к нему, ибо я не стерплю, чтобы благороднейший король, который произвел меня в рыцари, был убит или опозорен.

С этими словами сэр Ланселот спешился, поднял короля и снова посадил его на коня, сказав:

— Повелитель мой Артур, именем Господа нашего умоляю: прекрати эту вражду!

Король Артур посмотрел на сэра Ланселота, и из глаз его полились слезы — настолько он был тронут благородством сэра Ланселота, равным которому не было на земле. После этого король молча уехал. Тогда враждующие стороны разошлись и стали хоронить своих убитых.

Однако война продолжилась, и слухи о ней прошли по всему христианскому миру и достигли ушей папы римского. Тот, памятуя о великих заслугах короля Артура и сэра Ланселота, отправил к ним своего посланника, выбрав для этой цели епископа Рочестерского, который в этот момент оказался при нем. Папа наказал ему отправиться к королю Артуру, вернуть ему королеву Гиневру и помирить его с сэром Ланселотом.

Благодаря этому епископу установился мир, который, правда, продлился всего лишь год: королеву Гиневру вернули Артуру, а сэр Ланселот отправился на свою родину. Для этого он и его люди погрузились в Кардифе на корабль и отплыли в Бенвик, который еще называют Байонной. Везде, где появлялся сэр Ланселот, его радостно встречали местные жители, а сам он разделял и щедро раздавал свои замки и города таким славным рыцарям, как сэр Лионель, сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Бламор, сэр Лавейн, и многим другим, пока у него самого не осталось владений меньше, чем у любого из них.

Прошел год, и король Артур с сэром Гавейном высадились с большим войском на землях сэра Ланселота, сжигая и опустошая все, что попадалось им на пути. Тогда сэр Борс сказал:

— Милорд сэр Ланселот, позволь нам встретиться с ними на ратном поле, и они проклянут тот час, когда ступили на нашу землю.

На это сэр Ланселот ответил:

— Я не хочу выезжать со своими рыцарями им навстречу, чтобы не проливать христианскую кровь. Поэтому останемся пока за крепостными стенами, но я отправлю к моему повелителю королю Артуру посланника с предложением заключить договор, ибо мир лучше, чем вечная вражда.

После этого сэр Ланселот отправил к королю Артуру даму с карликом, наказав ей добиться от короля прекращения войны. Итак, дама отбыла верхом на лошади, а карлик бежал сбоку от нее. Когда она добралась до шатра короля Артура, она слезла с лошади и тут же была встречена благородным рыцарем сэром Луканом, который был дворецким короля Артура. Он спросил ее:

— Милая дама, ты прибыла от сэра Ланселота Озерного?

— Да, — подтвердила та, — я приехала, чтобы поговорить с королем. На это сэр Лукан ответил:

— Мой господин, король Артур, готов помириться с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн никогда его не простит.

Сказав это, сэр Лукан проводил даму к королю, который сидел с сэром Гавейном в ожидании того, что им скажет приехавшая дама. Когда она пересказала им все, что ей было поручено, из глаз короля полились слезы, и все лорды готовы были заключить мир с сэром Ланселотом, и лишь сэр Гавейн был против. Он сказал:

— Мой господин и мой дядя, неужели ты это сделаешь? Неужели, пройдя такой трудный путь, ты повернешь назад? Если ты это сделаешь, то опозоришь себя на весь мир.

— Нет, — ответил король, — я сделаю так, как вы решите, но ответ этой даме передай ты, ибо я не могу говорить с ней от жалости.

Тогда заговорил сэр Гавейн:

— Милая дама, скажи сэру Ланселоту, что он напрасно старается склонить моего дядю к миру, а также скажи, что я, сэр Гавейн, клянусь, что, как велит мне вера в Господа нашего и мое рыцарское достоинство, буду преследовать его до тех пор, пока кто-нибудь из нас не будет убит.

С этим ответом даме пришлось вернуться, и, когда сэр Ланселот услышал его, по его щекам полились слезы.

Затем случилось так, что сэр Гавейн в полном вооружении, подъехал к воротам замка и громко закричал:

— Где же ты, рыцарь-предатель сэр Ланселот? Почему ты прячешься по норам и за стенами, как трус? Выходи, коварный рыцарь, и я отошщу за смерть трех моих братьев!

Все это слышали сэр Ланселот и рыцари, которые были рядом с ним. И они сказали ему:

— Сэр Ланселот, теперь ты должен защитить себя, как рыцарь, иначе позор падет на твою голову, ибо ты слишком долго бездействовал и слишком долго терпел.

Тогда сэр Ланселот закричал так, чтобы его услышал король Артур:

— Господин мой Артур, я слишком долго терпел и страдал от того, что делал ты и сэр Гавейн, а теперь я хочу постоять за себя, ибо сэр Гавейн обвинил меня в измене.

После этого сэр Ланселот вооружился, сел на коня и в сопровождении доблестных рыцарей выехал из города. Две рати стали друг против друга и договорились, что никто не приблизится к двум рыцарям и не

вступит в бой до тех пор, пока один из них не будет убит или не признает свое поражение.

Сэр Ланселот и сэр Гавейн разъехались на большое расстояние и понеслись во весь опор навстречу друг другу. Каждый сумел попасть в середину щита соперника, и каждый усидел в седле после удара, но кони их повалились. Тогда они вскочили, высвободившись из-под своих коней, обнажили мечи и стали яростно биться, нанося друг другу многочисленные раны и истекая кровью. Сэр Гавейн получил когда-то от одного святого человека дар, благодаря которому с утра и до полудня сила его утраивалась, а затем становилась прежней. Сэр Ланселот знал об этом, поэтому в первые три часа боя, когда сила сэра Гавейна прибывала, он лишь прикрывался щитом и берег собственные силы. За это время сэр Гавейн сумел нанести много столь сильных ударов, что наблюдавшие за поединком рыцари удивлялись, как сэр Ланселот сумел их вынести. Наконец наступил полдень, и у сэра Гавейна осталась только его собственная сила. Когда сэр Ланселот почувствовал, что может одолеть противника, он собрал все свои силы и стал в два раза чаще наносить удары, от одного из которых сэр Гавейн повалился набок. Тогда сэр Ланселот отступил, опустив оружие.

— Почему ты уходишь, лживый изменник? — произнес сэр Гавейн. — Вернись и добей меня, ибо, если ты не сделаешь этого, я снова буду биться с тобой, как только поправлюсь.

— С Божьей милостью я доживу до того дня, а сейчас запомни, что я никогда не ударю поверженного рыцаря.

С этими словами сэр Ланселот вернулся в город, а сэра Гавейна отнесли в королевский шатер, где принялись лечить его раны.

Осада продолжалась, а сэр Гавейн почти месяц пролежал в постели не вставая. Когда он уже почти выздоровел, до короля Артура дошли вести, которые потребовали его срочного возвращения в Англию со всем войском.

Смерть Артура

Сэр Модред, оставшийся править всей Англией, приказал написать письма, якобы пришедшие из-за моря, о том, что король Артур пал в битве. Потом он созвал парламент и короновал себя. Затем он взял королеву Гиневру и заявил, что женится на ней, но королева бежала от него и нашла

убежище в лондонском Тауэре. Сэр Модред осадил Тауэр, но, несмотря на все атаки, захватить его не мог. Тут до него дошли вести о том, что король Артур снял осаду с замка сэра Ланселота и возвращается домой. Тогда Модред созвал всех баронов, и к нему пришло много людей, которые поклялись повиноваться ему, что бы ни случилось. Модреду удалось собрать большое войско у Дувра, поскольку он слышал, что король Артур прибудет именно туда.

Сэр Модред стоял у Дувра со своим войском, когда туда со многими парусными судами и галерами прибыл король Артур. Сэр Модред ждал начала высадки. С кораблей стали спускать большие лодки и малые, в которых сидело множество рыцарей, и началась сеча, унесшая жизнь многих славных рыцарей с обих сторон. Однако король Артур сражался с такой отвагой, что никто не смог ему помешать высадиться. За ним шли его рыцари, которые бились так яростно, что Модред вскоре не выдержал и отступил, а затем бежал со своими людьми. Когда битва закончилась, король Артур приказал похоронить своих павших. В одной из лодок обнаружили почти мертвым славного сэра Гавейна. Король Артур отправился к нему, безмерно горюя.

— Дядя, — сказал сэр Гавейн, — вот и пришел мой смертный час. А все из-за моей поспешности и желания сражаться, ибо меня поразили в старую рану, которую нанес сэр Ланселот, и из-за нее я умираю. Если бы сэр Ланселот был с тобой, как в прежние дни, эта война, которой я стал причиной, никогда бы не началась.

После этих слов сэр Гавейн стал умолять короля Артура послать за сэром Ланселотом и относиться к нему лучше, чем к любому другому рыцарю. В полдень душа сэра Гавейна отлетела, и король повелел похоронить его в часовне дуврского замка. Там до сих пор можно видеть его череп со следами от раны, которую нанес ему сэр Ланселот.

Затем королю сообщили, что сэр Модред разбил свой лагерь у Баррендауна, и король отправился туда. Там состоялась великая битва, войско короля Артура сумело одержать верх, и сэр Модред со своими сторонниками бежал в Кентербери.

Тогда был назначен день битвы между королем Артуром и сэром Модредом, которые должны были встретиться в низине, неподалеку от Солсбери и морского побережья, чтобы сразиться вновь. Ночью, когда король спал, ему приснился странный сон. Он, как наяву, видел, что к нему пришел сэр Гавейн в сопровождении прекрасных женщин. Увидев его, король сказал:

— Добро пожаловать, сын моей сестры. Я думал, что ты мертв, а теперь вижу, что ты жив, и радости моей нет предела. Однако скажи мне, племянник, что за женщины пришли с тобой?

— Сэр, — отвечал сэр Гавейн, — это те женщины, за которых я сражался, когда был жив. И поскольку, сражаясь за них, я отстаивал правое дело, они в благодарность привели меня к тебе, чтобы я предупредил тебя о том, что если ты будешь завтра сражаться с сэром Модредом, то обязательно погибнешь. Поэтому заключи перемирие и предложи отложить бой на месяц, поскольку через месяц прибудет сэр Ланселот со своими доблестными рыцарями, чтобы спасти тебя и оказать тебе всевозможные почести. От его руки падет сэр Модред и все, кто сейчас находятся с ним.

После этих слов и сэр Гавейн, и все женщины, которые были с ним, исчезли. Король сразу приказал собрать всех благородных лордов и епископов и рассказал им о своем сне и о том, что ему сказал сэр Гавейн. После этого он послал своего дворецкого сэра Лукана и сэра Бедивера с двумя епископами, чтобы те заключили перемирие с сэром Модредом на один месяц и один день. Итак, они уехали и прибыли к сэру Модреду, который в конце концов согласился, пока король Артур жив, оставить за собой Корнуолл и Кент, а после его смерти править всей Англией.

Затем было оговорено, что король Артур и сэр Модред встретятся в присутствии своих войск, причем каждый приведет с собой по четырнадцать человек, которые и подпишут мирное соглашение. Уже отправляясь со своими рыцарями на переговоры, король Артур обратился к ним с такими словами:

— Если кто-то из вас увидит обнаженный меч, то поспешите и убейте каждого, кто окажет вам сопротивление, ибо я нисколько не доверяю изменнику сэру Модреду.

Сэр Модред держал перед своим войском такую же речь. Итак, они встретились и всё тщательно оговорили, потом принесли вино, и все стали пить. В этот момент из кустов выползла гадюка и укусила одного из рыцарей в ногу. Почувствовав укус, рыцарь посмотрел вниз, увидел змею и, не думая ни о чем дурном, выхватил меч и убил ее. Однако когда воины с обеих сторон увидели вынутый из ножен меч, то задули в трубы и рога и так зашумели, что трудно себе представить. Король Артур сел на коня и поскакал к своему войску, говоря:

— Какой несчастливый день!

Сэр Модред поступил так же. Никогда еще в христианском мире не было столь печальной битвы. Король Артур появлялся в разных местах сражения и бился, как подобает благороднейшему королю. Сэр Модред в этот день тоже не уронил своей чести и часто подвергал себя большой опасности. Так они бились целый день до тех пор, пока почти все благородные рыцари не были убиты и повергнуты наземь. Король Артур огляделся вокруг и увидел, что в живых у него осталось всего два рыцаря — дворецкий сэр Лукан и его брат сэр Бедивер, причем оба были сильно изранены.

Король Артур стал оглядывать поле битвы дальше и увидел сэра Модреда, опирающегося на свой меч среди груды мертвых тел.

— Подайте мне копье, — обратился король Артур к сэру Лукану, — ибо вижу я изменника, из-за которого случилась вся наша беда.

— Сэр, оставьте его, — ответил сэр Лукан, — ведь если вы переживете этот день, то обязательно отомстите ему. Помните, что вам сказал дух сэра Гавейна. А сейчас вам лучше уехать, поскольку победа все равно за вами. Если вы удалитесь, то на этом черный день в вашей судьбе закончится.

— Суждено ли мне жить или умереть, — произнес король Артур, — но ему сегодня не удастся ускользнуть из моих рук.

С этими словами король схватил обеими руками копье и поскакал к сэру Модреду с криком:

— Изменник, вот и настал твой смертный час!

Он направил копье под щит сэра Модреда, и оно пронзило его тело. Когда сэр Модред понял, что получил смертельную рану, он со всего маху ударил короля Артура занесенным уже мечом, который держал обеими руками. Удар пришелся на голову короля Артура, и он был такой силы, что и шлем и череп Артура раскололись. После чего сэр Модред упал замертво, а благородный Артур потерял сознание и повалился на землю. Его дворецкий сэр Лукан и сэр Бедивер подняли короля и бережно понесли его к часовенке, которая стояла на берегу моря. Когда король оказался там, ему стало легче. С поля боя донеслись крики, и сэр Лукан пошел посмотреть, что это за шум. Он увидел в лунном свете, что явились воры и грабители и обирают мертвых. Он вернулся и сказал королю:

— Я считаю, что нам лучше отнести вас в какой-нибудь город.

— Я не возражаю, — ответил король.

Он попробовал идти, но потерял сознание. Сэр Лукан подхватил его с одной стороны, а сэр Бедивер с другой. Когда сэр Лукан поднимал короля, он сам потерял сознание, поскольку был тяжело ранен. Сердце отважного рыцаря не выдержало, и, когда король Артур снова пришел в себя, он увидел, как на губах сэра Лукана пенится кровь.

— Как же мне печально видеть, — сказал король Артур, — что мой благородный герцог умирает, спасая меня. Он помогал мне даже тогда, когда сам нуждался в помощи больше, чем я, и ни разу не пожаловался: сердце его велело помогать мне.

После этих слов сэр Бедивер стал оплакивать своего брата.

— Оставь жалобы и стенания, ведь ты знаешь, что, если бы я остался в живых, я бы никогда не перестал горевать о том, что потерял сэра Лукана, но силы мои быстро меня покидают. Поэтому, — обратился король Артур к сэру Бедиверу, — возьми Экскалибур, мой добрый меч, и отправляйся с ним к берегу моря. Там брось его в воду, а когда вернешься, расскажи, что ты увидел.

— Мой господин, — сказал сэр Бедивер, — я сделаю все, как ты велишь.

Когда он шел к морю, то все время рассматривал меч, и увидел, что эфес и рукоять меча украшены драгоценными камнями. Тогда он сказал самому себе: «Какой смысл выкидывать такой дорогой меч в воду? От этого не будет никому пользы, а только один убыток». И он взял и спрятал меч под деревом. В положенное время он возвратился к королю, и тот спросил:

— Что ты видел?

— Сэр, — ответил сэр Бедивер, — я ничего не видел.

— Жаль, — сказал король Артур, — что ты обманул меня. Поэтому лучше поскорее вернись обратно и, если любишь меня, выброси этот меч. Сэр Бедивер вернулся, взял меч и уже был готов выбросить его, да снова подумал, что стыдно и грешно выбрасывать такой меч, поэтому он лишь перепрятал его. Он снова вернулся к королю и сказал, что сделал, как тот велел. Король опять спросил его:

— Что ты видел?

— Сэр, я ничего не видел, лишь море глубокое да волны на нем, — был ответ.

— Ах ты лживый предатель! — произнес король Артур. — Ты дважды обманул меня, хотя ты благородный рыцарь и дорог и мил мне. Поэтому иди снова и сделай так, как я прошу тебя, поскольку чем больше ты медлишь, тем ближе моя гибель.

Тогда сэра Бедивера опять пошел к мечу, бережно взял его и отправился к морю. Там он взял перевязь, накинул ее на рукоять и закинул меч так далеко в море, как только смог. В тот же момент из воды появилась рука, которая потянулась к мечу, поймала его на лету, трижды потрясла, взмахнула им, а затем и рука и меч исчезли в воде.

После этого сэра Бедивер вернулся к королю и рассказал ему все, что видел.

— Тогда помоги мне, — сказал король, — ибо я слишком замешкался здесь.

Сэр Бедивер посадил короля на спину и понес его к берегу моря. Когда они подошли к берегу, то увидели, как к ним быстро приближается ладья с множеством красивых женщин, среди которых была и королева, причем на всех были черные капюшоны. Завидев короля Артура, они стали плакать и причитать.

— Помоги мне подняться на борт, — попросил король Артур.

Там его встретили три печальные королевы, на колени одной из которых король положил свою голову. Одна из них сказала:

— Мой любимый брат, что ты так долго мешкал? Твоя рана на голове уже слишком остыла.

После этих слов весла ударили по воде, и ладья стала удаляться от берега, а сэра Бедивера все стоял и смотрел ему вслед. Опомнившись, он вдруг закричал:

— О мой король, неужели ты оставишь меня здесь одного среди врагов моих?

— Успокойся, — ответил король, — я уже никому не могу помочь, ибо отправляюсь на остров Авалон, чтобы залечить свою страшную рану.

Когда ладья исчезла из виду, сэра Бедивера стал рыдать и плакать. Потом он пошел в лес, и шел всю ночь, пока перед ним не оказалось жилище отшельника с маленькой часовенкой.

Сэр Бедивер вошел в нее и увидел, что на полу рядом со свежерытой могилой лежит отшельник.

— Сэр, — спросил Бедивер, — кто здесь погребен и о ком твои молитвы?

— Сын мой, — ответил отшельник, — я точно не знаю, но сегодня ночью пришли женщины, принесли покойника и попросили, чтобы я похоронил его.

— Да, — сказал сэра Бедивера, — это господин мой, король Артур.

Сказав это, сэр Бедивер потерял сознание. Когда он пришел в себя, то стал просить разрешения у отшельника, чтобы остаться с ним и проводить время в постах и молитвах. Отшельник ответил согласием, тогда сэр Бедивер надел на себя простые одежды и смиренно прислуживал отшельнику в постах и молитвах.

Что касается Артура, то больше о нем в книгах ничего не говорится и никаких точных сведений о его смерти нет, если не считать того, что он отплыл на ладье вместе с тремя королевами: одна была сестрой короля Артура, феей Морганой, вторая — Вивианой, Озерной Леди, а третья — королевой Северной Галлии. Это записано со слов сэра Бедивера, рыцаря Круглого стола.

Однако кое-кто считает, что король Артур не умер, но лишь скрылся, чтобы однажды вернуться и править Англией. Многие говорят, что на его могиле высечены такие строчки:

Nic jacet Arthurus, Rex quondam, Rexque futurus.

Здесь лежит Артур, король бывший и король будущий.

Когда королева Гиневра поняла, что король Артур убит, а вместе с ним погибли все благородные рыцари, она тайком убежала, а вместе с ней и пять дам. Они добрались до Олмсбери, где королева приняла постриг. Она носила белые с черным одежды, наложила на себя строгую епитимию, как подобает грешнице, и проводила время в постах и молитвах, совершая добрые дела. Со временем она стала настоятельницей и повелевала всеми монахинями. Теперь достаточно о ней, и пора вернуться к сэру Ланселоту Озерному.

Когда до сэра Ланселота дошли вести о том, что сэра Модреда сделали королем Англии и он начал войну против своего собственного дяди короля Артура, гневу его не было предела, и он сказал своим сородичам:

— Дважды предателем оказался этот сэр Модред! Жаль, что в свое время он избежал моей кары.

Сэр Ланселот со своими соратниками стал без промедления собираться в дорогу и грузиться на суда и галеры, чтобы плыть в Англию. Они добрались до Дувра, где сэр Ланселот высадился с большим войском. Там он сразу узнал, что король Артур убит.

— Какая жалость! — произнес сэр Ланселот. — Никогда еще я не слышал вести более печальной, чем эта!

После этого он созвал всех королей, герцогов, баронов и рыцарей и сказал им вот что:

— Уважаемые лорды, благодарю вас за то, что вы последовали в эту страну за мной, но мы пришли слишком поздно, и этого я никогда себе не прощу. Но поскольку это все-таки произошло, я отправлюсь один на поиски моей дамы, королевы Гиневры, поскольку я слышал, что она бежала куда-то на запад. Поэтому ждите меня здесь пятнадцать дней, и если я не появлюсь в этот срок, то можете отправляться со своими воинами назад в свои земли.

Итак, сэр Ланселот отправился на запад и провел в поисках много дней. Наконец на его пути оказался женский монастырь, и, когда он пересекал монастырский двор, его увидела Гиневра и упала в обморок. Когда она пришла в себя и смогла говорить, она попросила, чтобы сэра Ланселота позвали к ней. Сэр Ланселот явился, и она сказала:

— Сэр Ланселот, прошу тебя и умоляю во имя любви, которая когда-то была между нами, чтобы ты больше не встречался со мной. Лучше возвратись в свое королевство, найди себе жену и живи с ней в радости и любви. Не забывай и меня в молитвах своих, воздаваемых Господу, чтобы душе моей было покойно.

— Нет, моя повелительница, — произнес сэр Ланселот, — я никогда так не поступаю. Если ты по своему желанию выбрала себе судьбу, то и я выбираю такую же, чтобы радовать Господа и служить ему.

На этом они расстались со слезами и причитаниями. Дамы отвели Гиневру в ее келью, а сэр Ланселот сел на коня и, плача, уехал.

Долго ли, коротко ли, ему повстречалось жилище отшельника с маленькой часовенкой, небольшой колокол которой звонил к службе. Он подъехал к ней, спешился, привязал к воротам коня и отстоял службу. Служил эту обедню тот самый отшельник, у которого остался сэр Бедивер. Сэр Бедивер тут же узнал сэра Ланселота, и после службы они разговорились. Когда сэр Бедивер поведал свою историю, сердце сэра Ланселота чуть не разорвалось от горя. Затем он преклонил колени и попросил отшельника исповедать его и стать его братом. Отшельник согласился и надел на сэра Ланселота рясу, после чего тот стал служить Господу денно и ночью в постах и молитвах.

Огромное же войско оставалось под Дувром пятнадцать дней, как было назначено сэром Ланселотом, а затем сэр Борс повелел всем возвращаться домой. Сам же сэр Борс и с ним сэр Эктор Крайний, сэр

Бламор и многие другие решили обыскать всю Англию, но найти сэра Ланселота. Судьба распорядилась так, что сэр Борс оказался около часовни, где остался сэр Ланселот. Когда он увидел сэра Ланселота в монашеском одеянии, он стал умолять отшельника оставить его у себя. Тот надел на него рясу, и они стали жить вместе в молитвах и постах. Через полгода к ним присоединились и другие рыцари, которые наложили на себя епитимью на целых шесть лет.

Однажды ночью сэру Ланселоту было видение. Ему было велено поспешить в Олмсбери, но сказано, что к тому времени, когда он окажется там, королева Гинебра будет уже мертва. Рано утром сэр Ланселот поднялся и рассказал обо всем отшельнику. На что отшельник ответил:

— Сделай все так, как было тебе указано в видении.

Сэр Ланселот взял с собой семерых друзей, и пешком они все вместе отправились из Гластонбери в Олмсбери. Им предстояло преодолеть путь в тридцать миль. Прибыв в Олмсбери, они узнали, что королева Гинебра умерла всего лишь полчаса назад. Сэр Ланселот посмотрел на ее лицо, но не плакал, а только тяжело вздыхал. Он сам совершил над ней все обряды, читая ночью «Направь меня», а днем совершая службу. Подогнали запряженный лошадей катафалк, и сэр Ланселот со своими друзьями отправился за ним пешком из Олмсбери в Гластонбери. Там ее обернули в вожденные одежды и положили в мраморный гроб. Когда тело предали земле, сэр Ланселот лишился чувств и долго лежал без движения.

После похорон сэр Ланселот почти не ел, никогда не пил вина и все время находился в трауре. Через шесть недель он занемог. Тогда он послал за отшельником и своими верными друзьями и сказал:

— Совершите надо мной все, что положено христианину.

— В этом нет необходимости, — ответили отшельник и его соратники, — у тебя лишь сгущение крови, и завтра ты поправишься.

— Друзья мои, — произнес сэр Ланселот, — тело мое просится в землю, я знаю больше, чем могу сказать, поэтому соборуйте меня.

Когда он получил причастие и над ним совершили все обряды, полагающиеся христианину, он попросил, чтобы его отнесли в замок Веселой Стражи (правда, одни говорят, что это был Олнвик, а другие — что Бамборо).

— Жаль, что так получилось, но я поклялся, что мое тело похоронят в замке Веселой Стражи, — сказал сэр Ланселот.

Друзья его стали плакать и заламывать руки, и в ту же ночь сэр Ланселот скончался. Когда наутро сэр Борс и его друзья подошли к ложу, то обнаружили холодное тело. Он лежал, как будто улыбался, и вокруг него распространилось благоухание, которого они доселе никогда не вдыхали.

Те же дроги, на которых доставили тело королевы Гиневры, теперь везли тело сэра Ланселота в замок Веселой Стражи, а за ними шли его друзья и отшельник. В Веселой Страже его положили в церкви, где его отпевал хор и где над ним читались псалмы и молитвы. Лицо его оставили открытым, чтобы все могли проститься с ним. Посреди службы появился сэр Эктор Окраинный, который семь лет разыскивал своего брата сэра Ланселота по всей Англии, Шотландии и Уэльсу. Услышав пение в часовне Веселой Стражи, сэр Эктор Окраинный спешил и вошел внутрь. Все его сразу узнали, а сэр Борс подошел и рассказал, как умер его брат, сэр Ланселот. После рассказа сэр Эктор отбросил от себя щит, меч и шлем и подошел к брату. Посмотрев на его лицо, он зарыдал, и нет таких слов, чтобы описать его горе.

— Ах, сэр Ланселот, — сказал он, — вот ты лежишь передо мной, и теперь я смело могу сказать, что не было на земле рыцаря, который бы мог сравниться с тобой; ты был самым доблестным из всех рыцарей, носивших на щитах гербы; из всех сидящих на коне ты был самым преданным другом для тех, кто любил тебя; из всех грешных ты один умел так любить женщину; ты был самым добрым из всех, кто когда-либо держал меч. Ты был самым лучшим из всех, кто когда-либо назывался рыцарем. Ты был самым учтивым и самым нежным из всех, кто когда-либо сидел за одним столом с дамами. И ты был самым суровым к врагам, которые осмеливались направить на тебя свое копьё.

Всеобщая скорбь была безмерной, и слез никто не жалел. Так тело сэра Ланселота пролежало пятнадцать дней, после чего его похоронили с большими почестями.

Его друзья вместе с отшельником вернулись в свое жилище. Сэр Бедивер оставался там до самой своей смерти, а сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Бламор и сэр Блебер отправились в Святую землю. Эти четверо рыцарей совершили много подвигов, сражаясь с неверными. Там они и умерли в Страстную пятницу, как то было угодно Богу.

Так заканчивается эта прекрасная и интересная книга под названием «Смерть Артура», в которой повествуется о рождении, жизни и деяниях этого короля, а также о благородных рыцарях Круглого стола, их

чудесных похождениях и приключениях, о поисках Святого Грааля и, наконец, о смерти Артура, а также о печальной смерти и уходе из этого мира его рыцарей. Сия книга была пересказана по-английски сэром Томасом Мэлори, рыцарем; разделена на двадцать одну книгу и отдельные главы, а напечатана и переплетена в Вестминстерском аббатстве, в последний день июля года одна тысяча четыреста восемьдесят пятого от Рождества Господа нашего.

Saxton me fieri fecit*.

* Меня напечатал Кэкстон (лат.).

М а б и н о г и о н

Бритты

Считается, что древнейшими обитателями Британии была одна из ветвей великого племени, известного в истории как кельты. Прежнее название Уэльса — Камбрия возводят к слову «кимры», которым в уэльских преданиях называли людей, переселившихся с европейского континента. Это слово связывают со словами «киммерийцы» и «кимбры», которыми древнегреческие и римские историки называли варварские племена, занимавшие обширную территорию от Понта Эвксинского до северо-западной оконечности Европы.

Происхождение слов «Уэльс», «уэльский» спорно. Одни связывают его со словами «гэлл» или «гаэл», которыми называли тех, кто жил в лесу; другие, правда, считают, что в скандинавских языках слово «вэлш» означало «чужестранец» и применялось к бриттам теми, кто позднее совершал набеги на остров и подчинил себе его значительную часть, т. е. саксами и англами.

Британия принадлежала римлянам с момента вторжения Юлия Цезаря до их добровольного ухода с острова в 420 году, т. е. почти пять столетий. За это время наверняка должно было произойти смешение культур и институтов коренного и пришлого населения. Древние дороги, города и укрепления свидетельствуют о том, что римляне много сделали для развития страны. Старинные усадьбы и замки являются доказательством того, что у многих колонистов были и средства, и тяга к орнаментальному искусству. Тем не менее римляне насаждали свое влияние силой, но оно никогда не распространялось на весь остров. Северная часть

острова, которая теперь называется Шотландией, оставалась независимой, а его западная часть, включающая Уэльс и Корнуолл, была римской только номинально.

Завоевателям так и не удалось подчинить себе отдаленные части острова. В течение веков после вторжения саксов под предводительством Хенгиста и Хорса в 449 году весь западный берег Британии принадлежал коренному населению, которое вело непрекращающуюся борьбу с пришельцами.

Поэтому жители Уэльса и Корнуолла хвалятся тем, что Британия своими успехами обязана этнической чистоте именно этих регионов. Об этом нередко упоминается и в поэзии, например, когда Грей в стихотворении «Бард» пророчески назвал королеву Елизавету, принадлежащую к династии Тюдоров, валлийкой, сказав:

Даже взгляд выдает в ней принадлежность к бриттам —

а сравнивая принцев тюдоровской династии с норманнами, он восклицает:

Хвалю я вас, достойных королей, детей Британии хвалю!

Язык и литература Уэльса

Валлийский язык является одним из самых древних языков Европы. Валлийскую поэзию с большой долей вероятности можно датировать шестым веком. Язык, на котором она написана, настолько древний, что ученые расходятся в интерпретации многих поэтических текстов, но в целом весь корпус валлийской поэзии начиная с десятого века доступен для понимания тех, кто владеет современным языком.

До недавнего времени эти произведения оставались не востребовавшими в университетских и личных библиотеках, причем доступ к ним был настолько затруднен, что и речи не могло быть о том, чтобы их обнародовать. Ситуация изменилась после того, как были услышаны обращения лондонского скорняка Оуэна Джоунса к патриотизму местного дворянства. Он за свой счет собрал и опубликовал основные произведения валлийской литературы под названием «Мивирианская археология Уэльса». В этом ему помогали д-р Оуэн и другие уэльские ученые.

После того как Джоунс прекратил свою работу в этой области, интерес к ней угас, и такое состояние апатии продолжалось несколько лет. Д-р Оуэн попытался найти поддержку и издать «Мабиногион», т. е. прозаические валлийские сказания, но умер, не успев осуществить это предприятие. Публикация удалась только Шарлотте Гест. Легенды, которые рассматриваются в данной части книги, взяты именно из ее публикации, но эта тема более подробно была рассмотрена нами во вступительной главе к первой части.

Валлийские барды

Авторство самых ранних валлийских поэм приписывается Анейрину, который предположительно жил в первой половине шестого века, а также Талиесину, Ливарху Хену (Ливарху Старому) и Мирдину, или Мерлину, которые жили несколько позже. Подлинность приписываемых им поэм постоянно оспаривается, причем вопрос о том, сколько поэм не являются подделкой, остается открытым, хотя подлинность многих из них не вызывает сомнения. Поэма Анейрина под названием «Гододин» содержит много признаков подлинности. Анейрин принадлежал к северным бриттам, жившим в Стрэт-Клайде, благодаря которым населяемая ими территория называлась Камберленд, т. е. «земля кимров». В своей поэме он оплакивает поражение, которое его соплеменники потерпели от саксов в битве при Каттрете из-за того, что перед боем слишком много выпили медовухи. После этой битвы в живых остались только сам поэт и два его соратника. Часть этой поэмы была переведена Греем. Ниже мы приводим отрывок из этого перевода:

В долину Каттрета пошли за успехом
 Четыреста воинов, сияя доспехом.
 На шее у каждого — цепь наградная,
 Но их поджидала судьбина иная.
 Пред битвою мед — нехороший попутчик,
 И вин виноградных не пили бы лучше.
 Мечтали они загореться отвагой,
 Но лишь погубили себя этой влагой.
 Лишь Конан остался в живых с Аэроном
 На поле сраженья кроваво-зеленом,

Да мне лишь ничтожному дадено жить,
Чтоб смерть их оплакать и песню сложить*.

Более спорной является подлинность произведений Талиесина. Повествование о странствиях Талиесина содержит такое количество мифологических элементов, что это наводит на мысль о литературной подделке. Позже мы рассмотрим эту историю.

Триады

Триады — это необычная поэтическая форма, которая была очень популярна среди бардов Уэльса. Триады представляют собой перечисление трех людей, трех событий или трех явлений, объединенных в одно короткое предложение. Эта форма, очевидно разработанная для того, чтобы облегчить запоминание, была доведена в Уэльсе до такого совершенства, что заслуживает особого внимания. Триады — это очень древняя форма, и вряд ли в валлийском языке можно найти что-нибудь более древнее. Хотя сама форма отличается краткостью, в «Мивиррианской археологии» триады занимают сто семьдесят страниц, набранных в две колонки. Приведем несколько примеров, начиная с именных триад, одна из которых приписывается королю Артуру:

В сраженьях три героя у меня:
Мэл Длинный, Лир с дружиной
И Карадок, столп целого Уэльса.

Три главных барда острова Британии:
Мерлин Амброзий,
Мерлин, сын Морфина, которого звали Мерлин Дикий,
И Талиесин, предводитель бардов.

Три златоустых рыцаря при дворе короля Артура:
Гавейн, сын Гвиара,
Дридвас, сын Трифина,
И Эливлод, сын Мадага из Утера.

* Перевод К. Л.

Три самых главных праздника острова Британия:

Праздник Касваллаун — после изгнания Юлия Цезаря с острова,
Праздник Аврелия Амброзия, после того как он покорил саксов,
Праздник короля Артура, в Каэрлеоне на Уске.

Гиневра, дочь Лаодегана-гиганта,
Порочная в детстве и хуже в величье своем.

Далее следуют несколько назидательных триад:

Слышал, что пел Дремхидидд,
Древний страж крепостной стены?
Скажи лучше «нет», чем не сдержи обещанье.

Слышал, что пел Ленлеаг,
Вождь с золотыми браслетами?
Могила лучше жизни в нищете.

Слышал, что пел Гарселит,
Ирландец, — Следуй-за-мною-и-не-бойся?
Грех — это плохо, когда в нем упорствуешь.

Слышал, что пел Аваон,
Сын Талиесина, писавшего свои стихи?
Щека не скроет пламя сердца.

Слышал, что пел Лливарх,
Неустрасимый, отважный старец?
Привечай вежливо, даже если не хочешь дружить.

Леди Источника

Приключения Кинона

Король Артур находился в Каэрлеоне на Уске, и однажды в его покоях собрались Овейн, сын Уриена, Кинон, сын Клидно, Кай, сын Кинера, и Гиневра со своими служанками, которые занимались шитьем подле

окна. Посредине сидел король Артур в кресле из зеленого камыша*, застланного огненного цвета атласом, локоть его покоился на темно-красной атласной подушке.

Вдруг король Артур сказал:

— Если это вас не обидит, то я бы соснул немного в ожидании трапезы, а вы можете занять себя рассказами, и если хотите, то Кай принесет вам бутылку меда и что-нибудь закусить.

Сказав это, король уснул, а Кинон, сын Клидно, напомнил Каю о только что обещанном королем Артуром.

— Я тоже не прочь послушать обещанный рассказ, — ответил Кай.

— Нет, — возразил Кинон, — справедливее будет, если сначала будет исполнено то, что обещал король, а после этого мы расскажем тебе самое интересное из того, что знаем сами.

Каю пришлось отправиться сначала на кухню, а оттуда спуститься в подвал, где хранились меды. Он довольно быстро вернулся, неся бутылку с медом, золотой кубок и несколько вертелов, на которых скворчало мясо. Они съели мясо, запили его медом, после чего Кай сказал:

— Я готов послушать вашу историю.

Овейн, обращаясь к Кинону, сказал:

— Расскажи Каю историю, которую он бесспорно заслужил.

— Конечно, — ответил Кинон и начал свой рассказ.

Кроме меня, у моих отца и матери детей не было, а я был пылок и отважен. Я считал, что в этом мире все мне по силам, и когда понял, что в моей стране меня уже не ждут приключения, то собрался в дорогу и отправился странствовать по безлюдным и далеким землям. Однажды случилось так, что я оказался в долине, красивей которой не сыщешь в целом мире. Деревья в ней все были одной высоты, по долине бежала река, а на ее берегу виднелась тропинка. До полудня я шел по этой тропинке и после полудня продолжил свой путь, и уже к вечеру, оказавшись на самом краю долины, я увидел большой и красивый замок, рядом с которым протекал поток. Я приблизился к замку и увидел двух белокурых юношей с золотыми украшениями

* Использование зеленого камыша в помещениях Каэрлеопа на Уске не было чем-то необычным. Это был излюбленный материал наших предков, из которого они делали не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши. Обычай застилать пол камышом был широко распространен в Средние века в Англии и Франции. — *Примеч. авт.*

на лбу, они были в желтых парчовых одеяниях и с золотыми пряжками на ногах. В руках каждый из них держал лук из слоновой кости с тетивой, сделанной из сухожилий оленя; их стрелы и дротики были изготовлены из китового уса, а оперение — из павлиньих перьев. Концы дротиков были золотыми. У юношей были кинжалы с золотыми лезвиями и рукоятками из китовой кости. Они занимались тем, что стреляли в мишень.

Неподалеку от них стоял мужчина в самом расцвете сил, борода его была аккуратно подстрижена, он был одет в мантию из желтой парчи, державшуюся на плечах на золотом шнуре. На ногах его была обувь, плетенная из разноцветной кожи* и застегивающаяся на два золотых шарика. Завидев его, я подошел к нему и поприветствовал. Он был настолько галантен, что ответил на мое приветствие без промедления. Вместе мы направились в сторону замка. Все обитатели замка собрались в одном зале. Там были двадцать четыре девушки, вышивавшие парчу у окна. Должен отметить, Кай, что самая некрасивая из них была краше, чем любая девушка, которую ты когда-либо встречал на острове Британия, а наименее привлекательная из них была прелестнее королевы Гиневры, жены Артура, в тот день, когда она бывает краше всего, а именно на Пасху. Когда я появился, шестеро из них тут же поднялись, приняли от меня коня и помогли мне снять доспехи. Еще шестеро стали мыть мне руки в сосуде, и мыли их до тех пор, пока они не стали безупречно чистыми. Еще шестеро накрыли столы скатертями и поставили на них еду. Последние шестеро сняли с меня грязные одежды и надели вместо них другие. Так я оказался в безрукавке, дублете из тонкой льняной ткани, длинной рубашке, поддеве и мантии из желтой парчи, причем по всей мантии шла широкая золотая полоса. Под меня и вокруг меня они положили подушки и покрывала из красного льна. Я сел. Те шестеро, которые приняли моего коня, распрягли его так сноровисто, как будто были самыми искусными оруженосцами во всей Британии.

Затем они принесли серебряные чаши с водой для умывания и льняные полотенца зеленого и белого цвета. Я умылся. Прошло немного времени, и мужчина сел за стол, и я занял место рядом с ним.

* В оригинале стоит слово *Cordwal*, которое, очевидно, соответствует французскому *Cordouan*, т. е. «кордовская кожа» (цветная дубленая кожа), название которой происходит от города Кордова, где ее изготавливали. От названия этого города происходит и английское слово *cordwainer*. — *Примеч. авт.*

Рядом со мной на полу расположились все девушки, кроме тех, что прислуживали за столом. Стол был из чистого серебра, а скатерти на нем были льняными. Подали еду, и, должен заметить, Кай, на столе была вся снедь и все напитки, которые я когда-либо видел.

Пир шел своим чередом, и ни мужчина, ни девушки не проронили ни одного слова, но, когда мужчина заметил, что мне легче заговорить, чем что-либо съесть, он спросил, кто я такой. Я рассказал о себе и о цели моего путешествия, добавив, что хочу узнать, есть ли на свете кто-нибудь, кто смог бы одолеть меня, или я так и останусь непревзойденным. Мужчина посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

— Если это тебя не обидит, я покажу тебе того, кого ты ищешь.

Я сказал, что он может говорить обо всем, не стесняясь, на что он мне ответил:

— Переночуй сегодня здесь, а завтра вставай ни свет ни заря и следуй через долину до тех пор, пока не достигнешь леса. Когда немного углубишься в лес, то окажешься на тенистой поляне, посредине которой стоит курган. На вершине кургана ты увидишь черного человека большого роста. У него одна нога и один глаз посреди лба. Он — хранитель этого леса. Ты увидишь, что вокруг него пасется тысяча диких животных. Спроси у него, как выбраться с этой поляны, он тебе кратко ответит и покажет дорогу. Ты поедешь по этой дороге и найдешь того, кого ищешь.

Мне эта ночь показалась бесконечно долгой. Утром я встал, собрался, сел на коня и отправился прямо через долину к лесу. Через какое-то время я оказался на поляне. Черный человек был там. Он сидел на вершине кургана, а вокруг него было в три раза больше животных, чем сулил мне рассказ мужчины. Я попросил его показать мне дорогу, и он грубовато спросил, куда я собрался. Когда я рассказал ему, кто я такой и кого ищу, он ответил:

— Следуй по этой тропинке, и она тебя приведет к опушке, за которой ты увидишь широкую долину, а посреди нее — высокое дерево. Под ним есть источник, рядом с которым лежит мраморная плита, а на ней стоит серебряная чаша, прикованная к ней серебряной цепью, чтобы ее никто не унес. Возьми чашу и плесни из нее воду на мраморную плиту. Если после этого с тобой ничего не случится, то до конца жизни ты напрасно будешь искать приключений.

Я ехал до тех пор, пока не оказался на вершине горы, где все было так, как сказал черный человек. Я подошел к дереву и увидел

под ним источник, рядом с которым была мраморная плита с прикованной к ней серебряной чашей. Я взял чашу, набрал воды и плеснул ее на мраморную плиту. Не успел я это сделать, как раздался такой раскат грома, что от него закачались и земля и небо. После грома пошел дождь, причем хочу сказать тебе, Кай, что вряд ли такой дождь мог бы пережить хоть один человек или зверь. Я повернул коня боком к дождю и узкой частью щита прикрыл ему голову и шею, а широкой частью щита защитил свою голову и шею. Так мне удалось переждать дождь. Небо вскоре прояснилось, и с первыми лучами солнца на дерево прилетели птицы и запели. Воистину, Кай, это были звуки, прекраснее которых я не слышал ни до, ни после. И вот тогда, когда я совсем было заслушался птичьего пения, я услышал сварливый голос приближающегося ко мне человека, который сказал:

— О рыцарь, что тебя привело сюда? Какое зло я причинил тебе, что ты нападаешь на меня и мои владения? Знаешь ли ты, что все люди и звери в моих владениях, все, кого застал сегодняшний дождь, погибли?

После этих слов появился черный рыцарь на черном коне, одетый в черный бархат и с черным плащом поверх лат. Мы вступили в бой, и начало его было таким яростным, что в скором времени я был повержен. Тогда черный рыцарь подцепил своим копьём уздечку моего коня и так и исчез с двумя лошадьми, оставив меня лежать на земле. Он даже не потрудился взять меня в плен или забрать у меня оружие и доспехи. Я двинулся в обратный путь прежней дорогой, а когда достиг опушки, где сидел черный человек, поведал ему обо всем случившемся. Кай, поверь, я чуть не сторел от стыда, когда услышал его насмешки в мой адрес. Ночью я вернулся в тот же замок, где провел предыдущую ночь. Утром никто из обитателей замка даже не намекнул о моей вчерашней поездке к источнику, и я счел за лучшее об этом не вспоминать. К моему пробуждению уже был оседлан гнедой конь с алыми ноздрями. Я надел доспехи, поблагодарил всех и отправился домой на этом коне, который до сих пор стоит у меня в конюшне. Я не расстанусь с ним, даже если мне за него предложат лучшего коня Британии.

Поверь мне, Кай, ни один человек по доброй воле не рассказывал о вещах, столь для него позорных. Но, что еще более удивительно, я никогда не слышал ни об одном человеке, который бы знал об этом, но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что герой этого рассказа живет в королевстве Артура, но никто пока его не встречал.

Приключения Овейна *

— Не пора ли, — произнес сэр Овейн, — нам отправиться на поиски этого места?

— Что говорить об этом, если твои слова не всегда подтверждаются делом? — заметил Кай.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась королева Гиневра. — Кай, тебя стоит повесить за столь непочтительные речи в адрес такого человека, как Овейн!

— Клянусь, прекрасная госпожа, от тебя я слышал не меньше похвал, чем Овейн.

На этих словах Артур проснулся и спросил:

— Неужели я заснул?

— Да, господин, — ответил Овейн, — ты немного поспал.

— Не пора ли нам сесть за стол?

— Конечно пора, — вновь произнес Овейн.

Рог заиграл к умыванию, после чего король и все его придворные приступили к еде. Поев, Овейн отправился в свои покои и приготовил к путешествию своего коня и оружие.

Утром чуть свет он надел доспехи, сел на коня и отправился в дальние страны, лежащие за пустынными горами. Наконец он оказался в долине, о которой рассказывал Кинон, и понял, что это то, что он искал. Он отправился вдоль берега реки и ехал до тех пор, пока не увидел равнину и стоящий на ней замок. Подъехав, он увидел двух юношей, стрелявших из луков там же, как говорил Кинон, а неподалеку стоял мужчина в желтых одеждах, которому принадлежал этот замок. Не успел Овейн поприветствовать хозяина, как тот уже приветствовал его в ответ.

* Из всех персонажей, встречающихся в ранней британской истории, ни один не играет такой интересной или заметной роли, как герой этого рассказа. Его отец Уриен был принцем Регеда, куда раньше входили земли современного Камберленда и прилегающих к нему территорий. Благодаря своей отваге и рассудительности он часто оказывался героем произведений бардов. Он вдохновил Талиесина на написание нескольких од. Ему посвящена одна из триад, которая в переводе звучит так: «При дворе короля Артура были три рыцаря битвы: Кодур, граф Корнуольский, Ланселот Озерный и Овейн, сын Уриена. Вот чем они отличались: они никогда не оставляли боя — ни когда бились на копьях, ни когда на стрелах, ни когда на мечях. С того момента, когда они появились при дворе, Артур никогда не испытывал горечи поражения. Поэтому их называют Рыцарями Битвы». — *Примеч. авт.*

Овейн отправился в замок, а когда вошел в него, то увидел палаты, в которых сидели девушки, вышивавшие золотом парчу. Они были так красивы и так пригожи, что потрясли Овейна еще больше, чем Кинона. Они встали, чтобы встретить Овейна, и поступили с ним так же, как с Киноном. Еда, которую подали Овейну, доставила ему еще больше удовольствия, чем Кинону.

Когда пир был в самом разгаре, человек в желтых одеждах спросил у Овейна, что его сюда привело. Овейн все рассказал и добавил, что ищет рыцаря, который охраняет источник. Человек в желтых одеждах улыбнулся и сказал, что не расположен говорить об этом, так же как не хотел рассказывать Кинону. Тем не менее он поведал Овейну обо всем, и они отправились отдыхать.

На следующее утро Овейн обнаружил, что девушки уже оседлали ему коня. Он сел на него и отправился к опушке, где находился черный человек. Вид этого человека потряс Овейна еще больше, чем Кинона. Тем не менее Овейн расспросил о дороге и получил все разъяснения. Овейн, придерживаясь указанного пути, доехал до дерева, обнаружил под ним источник и плиту рядом с источником, на которой была чаша. Овейн взял чашу и плеснул воду на плиту. Сразу же раздался гром и пошел дождь, который показался Овейну намного страшнее, чем его описывал Кинон. После дождя небо прояснилось, сразу появились птицы, которые сели на дерево и запели. В тот момент, когда их пение показалось Овейну самым чарующим, он увидел, как к нему по долине скачет рыцарь. Он подготовился к встрече и схватился с рыцарем, не жалея сил. Сломав копья, они схватились за мечи и стали наносить друг другу удары. Неожиданно Овейн нанес такой удар рыцарю, что расколол и шлем, и подшлемник, и забрало, рассек кожу, и плоть, и кость, и лезвие меча вошло в мозг. Черный рыцарь понял, что получил смертельную рану, развернул коня и ретировался. Овейн стал преследовать его, но никак не мог приблизиться, чтобы дотянуться до черного рыцаря мечом. Вдруг Овейну открылся большой и красивый замок, и они оба подъехали к его вратам. Черному рыцарю дали войти, а на Овейна сверху упала решетка, которая ударила коня по хребту за седлом и разрубила его надвое. Колесики шпор Овейна и часть коня остались снаружи, а сам Овейн с головой коня застрял между двумя воротами. Внутренние ворота оказались закрытыми, и Овейн почувствовал себя в ловушке. Через окошечко в воротах он разглядел улицу, по обеим сторонам которой стояли дома. Его глазам предстала белокурая девушка с золотым

украшением на лбу. На ней были одежды из белой парчи, а на ногах — туфли из цветной кожи. Она подошла к воротам и захотела их открыть.

— Милая дама, — сказал Овейн, — мне так же затруднительно открыть ворота, чтобы выпустить тебя, как и тебе, чтобы освободить меня.

После этих слов он назвал свое имя и сказал, кто он.

— Воистину, — сказала девушка, — жаль, что тебя нельзя никак освободить, ибо любая девушка была бы готова тебе помочь, поскольку никто не умеет так услужить даме, как ты. Поэтому я сделаю все, что в моих силах, чтобы освободить тебя. Возьми кольцо и надень его на палец камнем внутрь, а затем сожми ладонь так, чтобы камня не было видно. До тех пор, пока будешь сжимать камень, ты останешься невидимым. Тех, кто придет за тобой, постигнет большое разочарование, поскольку они тебя не найдут. Я же буду ждать тебя у коновязи неподалеку. Там ты сможешь меня увидеть, хотя для меня ты останешься невидимым. Поэтому, когда подойдешь, положи свою руку мне на плечо, чтобы я знала, что ты рядом. Когда я пойду, ты следуй за мной не отставая.

После этих слов девушка ушла, а Овейн сделал все, что она сказала. Потом пришли люди из замка, чтобы схватить его и предать смерти, но были очень раздосадованы, увидев только половину лошадиного туловища. Овейн покинул свою ловушку, подошел к девушке и положил ей на плечо руку. Девушка пошла, и Овейн последовал за ней. Наконец они оказались у дверей большого и красивого дома, девушка открыла двери, и они вошли внутрь. Овейн огляделся и заметил, что все гвозди в этом доме были выкрашены в яркие цвета, а на всех плитках были всевозможные золотые изображения.

Девушка развела огонь, взяла чашу, налила воду и подала ее Овейну, чтобы тот смог умыться. Затем она поставила перед ним серебряный столик, украшенный золотом, и постелила желтую льняную скатерть. После этого она поставила на стол еду, и справедливости ради нужно сказать, что Овейн не знал таких блюд, которых бы не было на этом столе в изобилии, но приготовленная еда была намного лучше той, которую ему когда-либо где-либо приходилось пробовать. И вся посуда, из которой его угощали, была либо золотая, либо серебряная. Овейн ел и пил уже довольно долго, стало темнеть, и вдруг в замке поднялся шум. Овейн спросил, что происходит, и девушка сказала, что таким образом люди выражают свое почтение хозяину замка. Девушка стала готовить Овейну ложе, которое было достойно самого короля Артура.

Рано утром, когда стало светать, он снова услышал шум и скорбные крики. Он спросил девушку о причине, и та ответила, что люди несут в церковь тело хозяина замка.

Овейн поднялся, оделся и открыл окно дома, чтобы посмотреть на замок. Его глазам предстали толпы людей, которым не было ни конца ни края. Все были вооружены; он даже увидел много вооруженных женщин, которые ехали верхом или шли пешком. Много людей в церковном одеянии пели. Вдруг посреди толпы он заметил гроб, покрытый белым льняным покрывалом, вокруг гроба горели восковые свечи. Гроб несли только благородные люди, причем званием не ниже барона.

Никогда Овейн не видел столько людей, одетых в шелка* и парчу. За гробом шла дама с русыми волосами, которые спускались по плечам, и было видно, что они испачканы кровью. На ней было платье из желтой парчи, порванное во многих местах. На ногах у нее были туфли из цветной кожи. Было удивительно, как она не сломала себе руки — с такой силой она убивалась. Овейн подумал, что будь она в своем обычном убранстве, то она бы намного превзошла красотой всех дам, которых ему приходилось видеть. Она рыдала громче, чем кричали мужчины и выли трубы. Одного только взгляда на эту женщину Овейну оказалось достаточно, чтобы влюбиться в нее и перестать замечать все остальное.

Тогда он спросил у девушки, кто эта дама.

— Небеса свидетели, — ответила девушка, — она самая красивая, самая целомудренная, самая щедрая и самая знатная из женщин. Это моя госпожа, графиня, и зовут ее Леди Источника. Она жена того, кого ты вчера убил.

— Воистину, — сказал Овейн, — эту женщину я люблю больше всего!

— Воистину, — ответила девушка, — она тебя будет любить не меньше.

* До шестого века шелк попадал в Европу через серов, которые были предками современных бухарцев, поэтому на латинском языке эти ткани назывались серика (serica). В 551 г. два монаха доставили личинки шелкопрядов в Константинополь, но производство этой ткани ограничивалось пределами Греции до 1130 г., когда сицилийский король Рожер, возвращаясь из крестового похода, привез с собой из Афин и Коринфа несколько шелковых мастеров, которые организовали производство шелка в Палермо, откуда оно постепенно распространилось по всей Италии. В то время были известны такие виды шелковой ткани, как бархат, парча (которая называлась *samite*) и тафта (которую называли *sendal* или *sendall*). Иногда эти ткани расшивали золотом или серебром. — *Примеч. авт.*

После этих слов девушка накрыла Овейну стол, и тот признался себе, что никогда так вкусно не ел. Затем девушка отправилась в замок. Придя туда, она нашла там только скорбь и уныние. От печали графиня не могла никого видеть в своих покоях. Лунед, а именно так звали девушку, поздоровалась с ней, но графиня ей не ответила. Тогда девушка наклонилась к ней и спросила:

— Что с вами, что вы никому сегодня не отвечаете?

— Лунед, — ответила графиня, — что случилось с тобой, что ты не пришла разделить со мной мою печаль? Ты обидела меня, и это меня очень задело.

— Воистину, — сказала девушка, — я считала, что у вас больше здравомыслия, чем оказалось. Не стоит убиваться даже по хорошему человеку, если его уже не вернешь, как не стоит сожалеть о том, чем никогда не завладеешь.

Графиня ответила:

— Клянусь небесами, в мире нет человека, равного ему.

— Почему вы так уверены? Даже некрасивый мужчина может быть таким же, как он, или даже лучше его, — продолжала девушка.

— Клянусь небесами, что если бы мне не была так отвратительна мысль предать смерти того, кого я воспитала, то я бы отдала тебя палачу за такое сравнение. Поэтому я тебя изгоняю.

— Я рада, — ответила Лунед, — что хотя бы этим могу послужить вам, тогда как вы не ведаете, в чем ваша польза. Знайте, что первая из нас, кто захочет примирения, — я ли начну добиваться приглашения от вас, или вы по собственному желанию пошлете за мной, — первая же из нас накличет на себя беду.

С этими словами Лунед направилась к выходу, а графиня последовала за ней, но вдруг стала громко кашлять. Лунед обернулась и, увидев, что графиня жестом зовет ее, решила вернуться.

— По правде, — сказала графиня, — ты поступила жестоко, но если ты знаешь, что мне на пользу, то не скрывай это от меня.

— Хорошо, — ответила Лунед, — я скажу вам. Вы знаете, что без войны и оружия вы не сможете сохранить то, что имеете, поэтому, не мешкая, найдите того, кто сумеет защитить вас.

— Как я смогу его найти? — спросила графиня.

— Я скажу вам, — ответила девушка. — Вы сможете сохранить свои владения только в том случае, если сумеете защитить источник. А для этого вам нужен рыцарь, принадлежащий ко двору короля Артура.

Я отправлюсь к королю, и пусть настигнет меня кара, если я вернусь одна и не приведу с собой рыцаря, который сумеет охранять источник так же, как прежний его страж, или даже лучше.

— Это трудное дело, но раз ты обещала, то иди.

Лунед сделала вид, что отправляется ко двору короля Артура, а сама вернулась в дом, в котором она оставила Овейна, и скрывалась в нем столько времени, сколько было нужно, чтобы добраться до двора короля Артура и вернуться назад. Когда она сочла, что ей уже можно появиться, она надела на себя подобающие наряды и отправилась к графине. При виде ее графиня пришла в хорошее расположение духа и спросила, какие новости она принесла от королевского двора.

— Вас ждут прекрасные новости, — ответила Лунед, — ибо я заполучила то, что искала. Когда вы хотите, чтобы я представила вам рыцаря, который прибыл со мной сюда?

— Приведи его ко мне завтра, — сказала графиня, — а я распоряжусь, чтобы к этому времени собрался весь город.

От нее Лунед вернулась домой. На следующий день в полдень Овейн оделся в парчовые одежды желтого цвета, поверх которых была широкая кружевная лента из золота, на ногах у него была обувь из многоцветной кожи с золотыми застежками в виде львов. Вместе они проследовали в чертоги графини.

Графиня была очень рада их приходу. Не сводя глаз с Овейна, она произнесла:

— Лунед, непохоже, чтобы этот рыцарь преодолел большое расстояние.

— Что же в этом плохого, моя госпожа? — спросила Лунед.

— Я уверена, — продолжала графиня, — что именно этот человек лишил жизни моего господина.

— Тем лучше для вас, — сказала Лунед, — ибо вряд ли он мог бы убить вашего господина, если бы не оказался сильнее его. Как бы там ни было, а прошлое уже не изменишь.

— Отправляйся домой, — заявила графиня, — а я буду думать.

На следующий день она собрала всех своих подданных и сказала им, что графство осталось беззащитным и что его можно сохранить только силой оружия и с помощью воинского мастерства.

— Поэтому, — продолжала она, — предлагаю вам выбор: либо кто-то из вас должен стать моим мужем, либо позвольте мне самой найти себе мужа за пределами графства, чтобы он смог защитить мои владения.

Жители решили, что ей лучше найти мужа-чужестранца, после чего она послала за епископами и архиепископами, чтобы отпраздновать свой брак с Овейном, а мужская половина ее графства выразила свое почтение Овейну.

Овейн стал защищать источник копьем и мечом. Он делал это так: когда появлялся рыцарь, он побеждал его и требовал от него полный выкуп. Все средства, которые он получал таким образом, он потом делил между своими баронами и рыцарями, и ни одного владыку не любили так, как Овейна любили его подданные. Так продолжалось три года*.

Приключения Гавейна

Случилось так, что Гавейн однажды шел с королем Артуром и заметил, что тот очень печален. Гавейну захотелось избавить короля от грустных мыслей, и он спросил:

— О мой господин, что приключилось с тобой?

— Если честно, — ответил король, — меня печалит судьба Овейна, которого я не вижу уже три года; я не вынесу, если через год он не появится. Я убежден, что виной всему рассказ Кинона, сына Клидно, — именно из-за него я потерял Овейна.

— Тебе не нужно, — отвечал Гавейн, — собирать под свои знамена всех подданных, ибо я уверен, что ты сам и рыцари твоего двора сумеют отомстить за Овейна, если он был убит, или освободить его, если он был пленен, и вернуть домой.

Было решено сделать все так, как сказал Гавейн.

Артур и его воины стали собираться на поиски Овейна. Кинон, сын Клидно, вызвался быть проводником. Вскоре Артур прибыл в замок, где не так давно гостил Кинон. Когда он там появился, двое юношей все

* Существует древняя поэма, которая была опубликована среди поэм Талиесина под названием «Элегия, посвященная Овейну, сыну Уриена». В ней есть несколько прекрасных мест, а начинается она так:

Душа Овейна, сына Уриена,
Пусть Господь не оставит ее без призора!
Зеленая трава поверх владыки Регеда.

Бард, говоря о частых походах этого вождя, наводивших ужас на саксов, восклицал:

Как может Англия спать, когда такой свет сияет перед ее глазами? — *Примеч. авт.*

так же пускали стрелы в цель, а поодаль стоял человек в желтом. Когда желтый человек заметил Артура, он поприветствовал его и пригласил в замок. Артур принял его приглашение, и они все вместе вошли туда. И хотя при короле была огромная свита, замок был настолько велик, что их появление прошло почти незаметно. Как и прежде, девушки поднялись со своих мест, чтобы прислуживать гостям. Они очень старались, и люди короля признали, что никогда еще им так не прислуживали. Даже с пажамы, которые присматривали за лошадьми, и то обошлись так, что сам Артур готов был оказаться на их месте.

На следующее утро Артур отправился в путь в сопровождении Кинона, указывающего ему дорогу, и вскоре достиг того места, где сидел черный человек. Вид его удивил Артура больше, чем рассказ о нем. Они поднялись на лесистый склон, пересекли долину и дошли до зеленого дерева, под которым увидели родник, чашу и плиту. Тут к Артуру подошел Кай и сказал:

— Мой господин, я знаю смысл всего, что ты видишь, поэтому дозвожь мне плеснуть воду на плиту, чтобы первую опасность встретил я.

Артур не стал возражать.

Получив разрешение, Кай плеснул на плиту чашу воды, после чего сразу загредел гром, а затем пошел ливень. Такой бури никто из них никогда не видел. Когда дождь утих и небо прояснилось, они обнаружили, что на древе не осталось ни одного листочка. Затем прилетели птицы и уселись на древе. Их песни были намного слаще птичьего пения, которое им приходилось слышать до этого. Вдруг они увидели, что к ним на черном как уголь коне мчится рыцарь в одеянии из черной парчи. Ему навстречу выехал Кай, между ними завязалась битва, и вскоре Кай был повержен на землю. Черный рыцарь удалился, а Артур со своей дружиной стал на ночь лагерем.

Когда они утром проснулись, то увидели того же рыцаря с копьем, к которому был прикреплен флажок, означавший вызов на поединок. Вся дружина Артура выезжала по очереди померяться силами с рыцарем, и все они оказались побеждены. Тогда настала очередь самого Артура. Он надел доспехи и готов был вступить в бой, но услышал голос Гавейна:

— Мой господин, позволь сначала мне сразиться с ним.

Он выехал вперед, облаченный в парчовые одежды, подаренные ему в награду дочерью рангирского графа. В этом облачении его не узнала даже королевская дружина. Рыцари устремились навстречу друг другу

и бились весь день до вечера, и никто из них не сумел выбить соперника из седла. На следующий день они сломали свои копья, но одолеть друг друга не смогли.

На третий день они возобновили поединок, вооружившись особо прочными копьями. Их охватила ярость, и они ожесточенно бились до полудня. Каждый получил столь сильные удары копьем, что подпруги их коней лопнули, и рыцари скатились с коней на землю. Они тут же вскочили, выхватили мечи и продолжили поединок. Все, кто наблюдал за их поединком, сознавали, что никогда прежде им не приходилось видеть столь отважных и сильных воинов. Если бы уже наступила ночь, то вокруг все равно бы было светло — так блестело их оружие. Наконец черный рыцарь нанес удар, пришедшийся по шлему Гавейна, лицо его открылось, и черный рыцарь тут же узнал своего противника. Овейн произнес:

— Мой господин Гавейн, твои одежды не позволили мне признать тебя раньше. Возьми мой меч и мои доспехи.

В ответ Гавейн сказал:

— Овейн, ты победил, поэтому вот тебе мой меч!

Тут Артур заметил, что они мирно беседуют, и решил приблизиться к ним.

— Мой господин Артур, — сказал Гавейн, — вот Овейн, который одолел меня и не взял мой меч.

— Мой господин, — возразил Овейн, — это он одолел меня и не взял мой меч.

— Дайте мне свои мечи, — сказал Артур, — ибо ни один из вас не победил другого.

Овейн положил свои руки на плечи Артура, и они обнялись. Вся дружина бросилась к ним, чтобы приветствовать Овейна и обнять его. Объятия были столь крепкими, что кто-нибудь другой мог бы лишиться жизни.

Заночевали все вместе, а на следующий день Артур стал собираться в обратный путь.

— Мой господин, — сказал Овейн, — так не годится: мы не виделись три года, и все это время я готовил пир, ибо всегда знал, что ты придешь навестить меня. Оставайся со мной до тех пор, пока ты и твои спутники не стряхнут с себя дорожную усталость и не отстоят службу в церкви.

После этого все последовали в замок Леди Источника, и еда, которую готовили три года, оказалась съеденной за три месяца. Никому

из гостей не доводилось прежде присутствовать на таком веселом пиру. Артур стал готовиться к отъезду. Он отправил к графине послов, чтобы те убедили ее отпустить на три месяца Овейна, которого должна увидеть вся британская знать. И хотя графине было тяжело его отпускать, она дала свое согласие, и Овейн отправился с Артуром на остров Британия. Когда он вновь оказался среди своих родных и друзей, то вместо трех месяцев не смог с ними расстаться и в три года.

Приключение льва

Когда Овейн однажды сидел за столом и ел в городе Каэрлеоне на Уске в зал верхом на взмыленной лошади с завитой гривой въехала девушка*; уздечка и сбруя, открывавшиеся взгляду, были из чистого золота. На девушке было одеяние из желтой парчи. Она подошла к Овейну и сняла с его пальца кольцо:

— Пусть теперь все знают, что ты — обманщик, изменник, бесчестный юнец.

После этого она развернула коня и уехала.

Тут Овейн вспомнил о своем приключении, и его охватило сожаление. Когда закончился пир, он пошел в свои покои и всю ночь провел, готовясь к дороге. На следующий день он встал, но не поехал ни к королевскому двору, ни к Леди Источника, а отправился в далекие страны и пустынные горы. Он провел в пути столько времени, что одежда его

* Обычай въезжать верхом на коне в зал, где хозяин замка и его гости пировали за столом, часто упоминается в древних рыцарских романах и историях. Достаточно вспомнить прекрасный и незаконченный рассказ о Камбускане из Чосера:

Так вот, когда уж третье блюдо съели
И Камбускан игрою менестрелей
Пленительню слух свой услаждал,
Какой-то рыцарь у преддверья в зал
На медном скакуне вдруг появился.
На пальце перстень золотой светился,
В руке держал он зеркало высоко,
И обнаженный меч висел у бока.
К столу подъехал этот рыцарь вдруг,
И воцарилась тишина вокруг.
Все, кто присутствовал, — и стар и млад,
В него вперили изумленный взгляд.
(Перевод О. Румера). — Примеч. авт.

износилась, тело исхудало и сам он весь зарос волосами. Он жил среди диких зверей, ел с ними, так что они к нему привыкли. Но в конце концов он так ослабел, что не смог больше оставаться с ними. Тогда он спустился с гор в долину и вошел в сад, прекрасней которого не было на свете, а принадлежал он одной очень сердобольной даме.

Однажды дама и ее слуги отправились на прогулку к пруду, который находился посредине сада, и увидели, что там неподвижно лежит существо, отдаленно напоминающее человека. Они испугались его вида, однако приблизились к нему и дотронулись до него, чтобы убедиться, что человек еще жив. Тогда дама вернулась в замок, взяла сосуд с очень дорогим бальзамом и отдала его своей девушке со следующими словами:

— Возьми это, коня и одежду и отправляйся к тому человеку, которого мы нашли. Натри ему этим снадобьем грудь — там, где сердце, и если в нем все еще теплится жизнь, то он придет в себя — такова сила этого бальзама. Затем проследи, что он станет делать.

Девушка оставила госпожу, отправилась в сад, нанесла бальзам на грудь лежащего человека, оставила рядом с ним коня и одежду, а сама отошла чуть в сторону и спряталась в кустах, чтобы оттуда наблюдать за ним. Прошло немного времени, и она увидела, что человек пошевелился, поднялся, оглядел себя и устыдился своего неприглядного вида. Увидев коня и одежду, лежащую подле него, он оделся и с трудом взобрался на коня. Тут девушка вышла из своего укрытия и поприветствовала незнакомца. Затем они вдвоем отправились в замок, девушка провела его в прекрасные покои, зажгла огонь и оставила его одного.

В замке он провел три месяца, ибо столько ему потребовалось, чтобы вернуть себе прежние силы. Ему показалось, что он стал сильнее прежнего. Он даже оказал большую услугу даме в ее споре с соседом, после чего счел, что полностью расплатился за ее гостеприимство, и однажды уехал.

Когда он ехал по лесу, то услышал пронзительный крик, который повторился еще и еще. Он повернул на звук и оказался около большого крутого кургана со скалой, стоявшего посреди леса. В скале оказалась расщелина, а в ней — змея. Рядом с расщелиной стоял черный лев, и каждый раз, когда он делал попытку проникнуть в расщелину, змея принимала стойку и старалась на него напасть. Тогда Овейн обнажил меч и подошел поближе. Когда в очередной раз змея собралась напасть на льва, рыцарь разрубил ее мечом надвое. Он выгтер лезвие меча и решил

продолжить свой путь, но заметил, что лев идет за ним, играя и кружась вокруг, как охотничья собака, которую он воспитал.

Так они вдвоем шли целый день, пока не начало темнеть. Решив, что пора отдохнуть, Овейн слез с коня и отпустил его пастись на поросший редкими деревьями луг. Он развел огонь, и, когда пламя занялось, лев натаскал ему столько хвороста, что хватило бы на три ночи. Затем лев исчез, но через некоторое время вернулся, неся косылу. Он положил ее перед Овейном, и тот оттащил ее поближе к огню.

У костра он освеживал косылу, насадил куски мяса на кольшки, расставленные им вокруг костра, а остальное отдал льву. Овейн возился со всем этим, как вдруг услышал недалеко от себя стон, который повторился трижды. Он пошел на звук и оказался около скалы, в которой была пещера. Он заглянул в нее и спросил, кто так жалобно стонет. Голос из темноты ответил:

— Я — Лунед, служанка Леди Источника.

— Что же ты здесь делаешь?

— Я здесь заточена из-за одного рыцаря, который пришел от короля Артура, женился на графине, провел с ней некоторое время, а потом исчез. Два ее пажа злословили на его счет и назвали его изменником, тогда я сказала, что они не правы, что он вернется и накажет их обоих за злословие. Тогда они схватили меня и заточили в эту пещеру, сказав, что, если этот рыцарь не вернется к определенному дню, они предадут меня смерти. Так вот, этого дня осталось недолго ждать — он наступит завтра. А того рыцаря зовут Овейн, сын Уриена.

— И ты твердо уверена в том, что если бы этот рыцарь узнал обо всем, то обязательно пришел бы тебе на помощь?

— Я совершенно в этом уверена, — ответила девушка.

Когда мясо поджарилось, Овейн разделил его поровну между собой и девушкой, а потом лег и уснул. Ни один страж не охранял сон своего господина так, как в ту ночь лев охранял Овейна.

На следующий день пришли двое пажей со многими слугами, чтобы вывести Лунед из пещеры и предать ее смерти. Овейн спросил их, в чем они ее обвиняют, и пажи пересказали ему все то, что он услышал от девушки накануне ночью. Под конец они заявили, что, поскольку Овейн не явился, они поведут ее на костер. Выслушав их, Овейн сказал:

— Да, Овейн действительно доблестный рыцарь, и, если бы он знал, что девушка находится в такой опасности, он бы обязательно пришел

к ней на помощь. Но если вы согласны, чтобы я заменил его, то я готов сразиться с вами.

Юноши ответили ему согласием.

Они набросились на Овейна и стали сильно его теснить, но тут на помощь пришел лев и вместе они одолели пажей. Тогда они сказали ему:

— Мы договаривались сражаться только с тобой, а не с твоим зверем, которого нам трудней одолеть, чем тебя.

Овейн отвел льва в пещеру, где до этого была заключена Лунед, и заложил вход камнями. После этого он вновь вышел сразиться с юношами. Но у Овейна были не те силы, что раньше, и юноши опять стали его одолевать. Лев, завидев это, принялся рычать, потом раскидал камни и вырвался из пещеры. В мгновение ока он набросился на пажей и убил их обоих. Так Лунед была спасена от костра.

После этого Лунед и Овейн вернулись в замок Леди Источника. И Овейн отвез графиню ко двору короля Артура, где они счастливо прожили вместе до самой его смерти.

Герайнт, сын Эрбина

Артур часто держал свой двор в Каэрлеоне на Уске, где проводил семь дней на Пасху и пять на Рождество. Там же он встречал Троицу, поскольку до Каэрлеона было легко было добраться из любого его владения и по суше и по морю. Там собирались девять королей, плативших ему дань, с графами и баронами, которые всегда были зваными гостями на всех праздниках, если ничто не мешало им принять участие в пире. Когда он бывал со своим двором в Каэрлеоне, то праздничная служба велась в тринадцати церквях. И вот каково было их предназначение: одна церковь — для Артура с девятью королями и прочими зваными гостями; другая церковь — для Гиневры и ее дам; третья — для дворцового с челядью; четвертая — для франков и прочих воевод; девять оставшихся — для девяти вождей, первый среди которых, Гавейн, известный своей воинской славой и высоким происхождением, получал наибольшие почести. Никаких других порядков, кроме упомянутых нами, в отношении церквей не устанавливалось.

И вот во вторник после Духова дня в дворцовый зал, где пировал король, вошел высокий привлекательный юноша в парчовых одеждах и невысоких кожаных башмаках. Он встал перед Артуром и сказал:

— Приветствую тебя, господин.

— Да пребудут небеса с тобою, — ответил ему Артур, — добро пожаловать! Какие вести ты мне принес?

— Узнаёшь ли ты меня, господин? — спросил юноша.

— Нет, не узнаю, — ответил Артур.

— Я твой лесник из Дин-Форест, и имя мое Мадок, сын Тургадарна. Я встретил в лесу оленя, подобного которому никогда не видел.

— Что же в нем такого, — спросил Артур, — чего нет у других оленей?

— Он весь белый, господин, и выделяется среди своих сородичей гордым, царственным видом. Поэтому я пришел, чтобы услышать от тебя твой совет и твою волю, как поступить с этим оленем?

— Лучше всего, — сказал Артур, — отправиться завтра в лес и поохотиться на него, и пусть до вечера оповестят об этом всех во дворце.

И Арриферис, старший королевский егерь, и Ареливри, его главный помощник, и все другие были оповещены и стали готовиться к охоте.

Тогда Гиневра сказала Артуру:

— О господин, позволь мне завтра поехать с тобой на охоту и взглянуть на оленя, о котором говорил этот юноша.

— Что ж, — сказал Артур, — я с радостью возьму тебя с собой.

Тут заговорил Гавейн:

— Государь, если ты не против, позволь завтра тому, кто сразит оленя, будь то рыцарь или пеший воин, отсечь его голову и поднести ее в дар своей даме сердца или даме своего друга.

— И это я с радостью позволяю, — сказал Артур, — и пусть дворецкий знает, что его ждет наказание, если не все будет готово к завтрашней охоте.

И они провели вечер, весело пируя, слушая песни и предаваясь беседе, а когда пришло время, отправились спать. Наутро все встали, и Артур призвал к себе четырех пажей, охранявших его опочивальню, и это были Кадирнерт, сын Гандви, и Амбрю, сын Бедвора, и Амхар, сын Артура, и Гореу, сын Кустеннина. И они вошли, приветствовали Артура и помогли ему одеться. И Артур удивился, что Гиневра еще не поднялась с постели. Слуги хотели разбудить ее, но Артур сказал:

— Не тревожьте ее, пусть спит, если предпочитает сон охоте.

Артур вышел и услышал два сигнала рога — один донесся с того места, где жил старший егерь, а второй — оттуда, где жил его главный помощник. После чего все охотники подъехали к Артуру, а затем направились к лесу.

Артур уже покинул двор, когда Гиневра проснулась и позвала служанок, чтобы одеться. Она сказала им:

— Девушки, вчера я собиралась поехать на охоту. Пусть же одна из вас пойдет на конюшню и выберет лошадей, подходящих для дам.

Служанка пошла на конюшню, но нашла там лишь двух коней. Тогда Гиневра со служанкой сели на этих коней и поехали через Уск по дороге, на которой были видны свежие следы всадников и пеших. Так они ехали, пока не услышали громкий шум. Оглянувшись, они увидели скачущего за ними всадника на могучем коне. Это был белокурый голоногий юноша благородного вида; на боку его висел меч с золотой рукоятью, а одет он был в парчовые одежды; на нем был также шарф небесного цвета с золотыми яблоками на концах; обут же он был в туфли из лучшей кожи. Конь его несся быстро, но легко, горделиво вскинув голову. Он приблизился к Гиневре и приветствовал ее.

— Храни тебя Бог, Герайнт, — сказала она. — Почему ты не поехал на охоту со своим господином?

— Потому что не знал, когда он поедет, — ответил тот.

— Я тоже удивляюсь, — сказала она, — почему он уехал, не сказав мне ничего. О юноша, поистине, ты спутник, приятнее которого нет для меня во всем королевстве. Да и охота меня позабавит не меньше, чем их, — ведь мы отсюда услышим и звуки рога, и лай собак.

Они доехали до опушки леса и там остановились.

— Отсюда будет слышно, — сказала она, — когда собак пустят по следу.

И тут до них донесся стук копыт, они взглянули туда, откуда он раздавался, и увидели карлика на норовистом коне, раздувающим ноздри; в руке карлика был хлыст. Следом за карликом ехала дама на прекрасном белом коне, скакавшем ровно и грациозно. На даме было платье из золотой парчи. Рядом с ней на могучем коне ехал рыцарь, причем и всадник, и его конь были закованы в сверкающие тяжелые латы — и рыцарь, и конь, и латы — все было огромных размеров.

— Герайнт, — спросила Гиневра, — знаешь ли ты этого высокого рыцаря?

— Он мне незнаком, госпожа, — ответил Герайнт, — а его заморские доспехи мешают мне разглядеть его лицо.

— Иди, девушка, — велела Гиневра служанке, — и спроси у карлика, кто этот рыцарь.

И служанка подъехала к карлику и спросила его о рыцаре.

— Я не скажу тебе этого, — отвечал он.

— Раз уж ты столь неучтив, то я спрошу его сама.

— Клянусь, ты не сделаешь этого, — сказал карлик.

— Почему же? — удивилась она.

— Потому, что ты недостойна разговора с моим господином.

И когда служанка направила к рыцарю своего коня, карлик ударил ее хлыстом, бывшим у него в руке, по лицу и глазам, да так, что хлынула кровь. И служанка вернулась к Гиневре, жалуясь ей на полученное оскорбление.

— Поистине, — сказал Герайнт, — очень грубо обошелся с тобой этот карлик.

И рука его потянулась к мечу. Однако, подумав, он решил, что не добудет себе славы, убив карлика, а сражаться потом налегке с закованным в латы рыцарем было бы и вовсе глупо, и он сдержал свой порыв.

— Госпожа, — сказал Герайнт, — если ты позволишь, я последую за этим рыцарем до куда-нибудь, где можно будет купить или получить под залог доспехи, и сражусь с ним.

— Поезжай, — ответила королева, — но не вступай с ним в бой до тех пор, пока не достанешь хороших доспехов. Я же буду волноваться, пока не услышу от тебя вестей.

— Если останусь в живых, то дам о себе знать не позднее завтрашнего вечера, — сказал он и удалился.

Так они миновали дворец Артура в Каэрлеоне, переправились вброд через Уск и поехали по красивому, ровному, высокому хребту, пока не достигли города, на окраине которого виднелись крепость и замок. Когда рыцарь проезжал через город, все жители вышли приветствовать его. Герайнт же, войдя в город, заглядывал в каждый дом, надеясь встретить знакомых, но не узнал никого, и его никто не узнал, и никто не хотел дать ему оружие и доспехи ни за деньги, ни под залог. При том в каждом дворе он видел множество людей при оружии и лошадях. И все эти люди точили мечи, начищали щиты и доспехи и меняли подковы у лошадей. Рыцарь же со своей спутницей и карликом въехали в замок, стоявший в городе, и все люди в замке возрадовались. И на стенах и у ворот люди готовы были сломать себе шею, но поприветствовать въезжающих — такова была их радость.

Герайнт остановился, чтобы убедиться, что рыцарь остался в замке, а удостоверившись в этом, решил оглядеться. Недалеко от города он

увидел развалины старинного дворца, в котором был осыпавшийся от времени зал. Поскольку знакомых у него в городе не нашлось, он направился к этому старому дворцу. Подъехав ближе, он увидел седого старика в лохмотьях и засмотрелся на него. Тогда седой старик заговорил:

— О юноша, о чем ты задумался?

— Я задумался, — ответил Герайнт, — потому что не знаю, где провести ночь.

— Тогда входи, вождь, — сказал старик, — и все лучшее, что ты здесь найдешь, будет твоим.

Герайнт вошел, и старик повел его за собой в зал. Там Герайнт слез с коня, привязал его, а сам пошел наверх за седовласым старцем. В покоех он увидел сидевшую на подушке старуху, одетую в лохмотья. Герайнт подумал, что в юности она, вероятно, была красавицей. Рядом с ней сидела девушка в таком ветхом платье, что оно едва держалось на ней. Но, несмотря на бедную одежду, ему показалось, что он еще не встречал более пригожей, красивой и благородной девушки. Седовласый старик обратился к ней:

— Кроме тебя, у нас нет никого, кто мог бы позаботиться о лошади этого юноши.

— Я сделаю все, что смогу, — ответила девушка, — и для этого юноши, и для его коня.

И она помогла Герайнту раздеться, задала его коню сена и овса, после чего снова вернулась в верхние покои. И тогда старик сказал ей:

— Сходи в город и принеси все лучшие яства и напитки, что найдешь там.

— С удовольствием, господин мой, — сказала она.

И пока старик и Герайнт беседовали, девушка сходила в город и вернулась в сопровождении юноши, несущего кувшин с медом и четверть телячьей туши; она же несла ковригу хлеба и сладкие булочки. И она поднялась со всем этим в верхние покои.

— Мне не удалось достать ничего лучше, — пожаловалась она, — ибо никто уже не дает нам в долг.

— Что ж, этого вполне достаточно, — сказал Герайнт.

И все стали ждать, когда сварится мясо. Когда все было готово, они устроились за столом так: Герайнт сел между стариком и его женой, а девушка прислуживала им за ужином.

После еды Герайнт заговорил со стариком и спросил, кому принадлежит дворец, в котором они находятся.

— Это я выстроил его, — ответил старик. — Мне когда-то принадлежал весь этот город и замок, которые ты видел.

— О Господи, — удивился Герайнт, — как же ты потерял все это?

— Я потерял также целое графство, и вот как это случилось. Был у меня племянник, сын моего брата, собственностью которого я управлял, но ему так не терпелось завладеть ею, что он напал на меня и отобрал не только свое, но и все мои владения, кроме этого дворца.

— О господин, — спросил тогда Герайнт, — скажи мне, зачем прибыл сюда накануне рыцарь с дамой и карликом? К чему все готовятся и зачем чистят оружие?

— Я скажу тебе, — ответил старик. — Все готовятся к завтрашней забаве, которую затеял молодой граф. Вот как это будет: на лугу вкопают два столба и положат на них серебряную перекладину, на которую посадят ястреба. Этот ястреб и будет призом, и все, что ты видел в городе — и люди, и кони, и оружие, — все готовится к турниру. С каждым рыцарем должна присутствовать его дама сердца, поскольку без таковой ни один рыцарь не может биться за ястреба. Рыцарь же, которого ты видел, выигрывал турнир два года подряд, и если завтра он возьмет его в третий раз, то будет зваться Рыцарем Ястреба.

— О господин, — сказал Герайнт, — как мне быть с рыцарем, чей карлик оскорбил служанку Гиневры?

И он рассказал старику, как это все случилось. И тот сказал:

— Не так легко мне помочь тебе, ибо у тебя нет ни дамы, ни девушки, за которую ты бы сразился. Но я мог бы дать тебе доспехи и хорошего коня, если ты найдешь, что он лучше твоего.

— Господин, — сказал Герайнт, — да вознаградит тебя Бог. К коню своему я уже привык, а доспехи твои я приму; и завтра, когда наступит время турнира, если ты не возражаешь, я буду биться за твою дочь, и обручусь с ней, и буду жить с ней в любви всю свою жизнь, если останусь в живых после турнира.

— С радостью соглашаюсь, — ответил старик, — и раз уж ты решился, то твоего коня и доспехи нужно подготовить к завтрашнему утру, когда в поле выедет Рыцарь Ястреба, объявит о начале турнира и попросит свою даму сердца взять ястреба. А с тем, кто откажет ей в этом праве, он будет биться, чтобы отстоять ее право. Поэтому, — продолжал седовласый старик, — тебе нужно быть там, когда он бросит свой вызов, а мы все трое отправимся с тобой.

На том они и порешили.

Ночь они проспали, а утром еще затемно встали и начали собираться. Когда же рассвело, они вчетвером уже были на лугу. Там же был и Рыцарь Ястреба, который велел своей даме сердца взять ястреба.

— Не тронь его, — сказал Герайнт, — ибо есть здесь дама прекраснее тебя, и знатней, и пригожей, и у нее больше прав на приз, чем у тебя.

— Что ж, — сказал рыцарь, — если ты желаешь, чтобы этот ястреб достался ей, выходи биться со мной.

И Герайнт выехал в поле на коне, и сам он, и конь его были в тяжелых, ржавых, необычного вида доспехах, которые дал ему старик. И они съехались друг с другом и сломали копыя, и другие, и третьи, и сломали все копыя, что им дали, одно за другим. Когда верх начинал одерживать Рыцарь Ястреба, то граф и его приближенные кричали и ликовали, а седовласый старик с женой и дочерью печалились. И старик подавал Герайнту копыя, когда они ломались; Рыцарю Ястреба же копыя подавал его карлик. Наконец старик подошел к Герайнту и сказал ему:

— Вождь, вот это копые я держал в руках, когда принимал сан рыцаря, и с тех пор оно не ломалось, а острие его еще не затупилось.

Герайнт взял копые и поблагодарил седовласого старика. А карлик в это время поднес копые своему господину.

— Это копые не хуже, чем у твоего противника, — сказал он ему, — однако не забывай, что ни один рыцарь еще не держался так стойко в бою против тебя.

— Клянусь Богом, — воскликнул Герайнт, обращаясь к старику, — что если только я сейчас не погибну, то лучшим образом оно бы тебе и послужить не могло.

С этими словами он пришпорил коня и, издав предупреждающий крик, с такой яростью кинулся на рыцаря и нанес ему такой удар в середину щита, что щит разлетелся надвое, броня оказалась пробита, подпруга лопнула, и рыцарь свалился с коня вместе с седлом. Тогда Герайнт быстро спешился, в гневе обнажил меч и бросился на противника, который уже встал и тоже вынул свой меч. И они обрушили друг на друга такие удары, что искры сыпались от их доспехов, и так они бились до тех пор, пока пот и кровь не застлали им глаза. Наконец Герайнту удалось собрать все свои силы и так ударить рыцаря по темени, что шлем треснул и меч рассек ему кожу и плоть и дошел до кости.

Тут рыцарь упал на колени, выронил из рук меч и стал молить Герайнта о пощаде:

— Я искренне корю себя за излишнюю дерзость и гордыню, но пощади меня, чтобы я мог сам покарать себя за свои грехи и поговорить со священником.

— Я пощажу тебя, — сказал Герайнт, — при одном условии: ты немедленно отправишься к Гиневре, жене Артура, и попросишь у нее прощения за обиду, которую твой карлик нанес ее служанке. Поклянись, что ты не спешишься, пока не явишься к Гиневре и не повинись перед ней так, как сочтут нужным при дворе Артура.

— Я с радостью сделаю это, но откройся мне, кто ты?

— Я — Герайнт, сын Эрбина, а ты кто?

— Я — Эдирн, сын Нудда.

И сел рыцарь на коня и отправился прямо ко двору Артура, а впереди него ехали, плача и причитая, его дама сердца и карлик.

После этого к Герайнту пришли молодой граф и все его дружинники, они приветствовали его и пригласили в замок.

— Нет, — сказал Герайнт, — я не могу идти с вами, ибо должен быть там, где провел эту ночь.

— Раз уж ты не можешь принять мое приглашение, то пусть там, где ты должен быть, у тебя всего будет в изобилии. А еще я пришлю тебе бальзам, который залечит твои раны и избавит тебя от усталости и волнений.

— Да отблагодарит тебя Господь, — ответил Герайнт, — а я отправляюсь в свою обитель.

И он пошел туда, сопровождаемый старым графом Иниолом, его женой и дочерью. Когда они дошли до старого дворца, там уже были люди молодого графа, которые успели устлать покои соломой и развести огонь. Через некоторое время был готов бальзам, и Герайнт подошел, и ему омыли голову. Затем появился юный граф в сопровождении сорока самых знатных рыцарей из числа его людей и участников турнира. И он пригласил Герайнта в зал отобедать.

— А где граф Иниол с женой и дочерью? — спросил Герайнт.

— Они в верхних покоях, надевают платья, что прислал им граф, — ответил графский управляющий.

— Попросите девушку не надевать новое платье, а оставаться в том, в чем есть, пока она не появится при дворе короля Артура, чтобы сама Гиневра позволила выбрать ей платье, какое она пожелает.

И девушка не надела нового платья.

И все они вошли в зал, омыли руки и сели за стол. Вот как они сели: по одну сторону от Герайнта был молодой граф, а рядом с ним — граф

Иниол, по другую сторону — девушка и ее мать. Прочие же уселись согласно своим титулам и положению. И они ели и пили, и каждому достались всевозможные подарки. Затем между ними снова зашел разговор, и граф опять пригласил Герайнта к себе.

— Я не могу, клянусь Богом, — ответил Герайнт, — ибо завтра я отправлюсь ко двору Артура вместе с этой девушкой, и хватит об этом, поскольку граф Иниол беден и унижен; я же отправляюсь отсюда только для того, чтобы исправить его положение.

— Вождь, — сказал граф, — не по моей вине граф Иниол лишился владений.

— Но я клянусь, — сказал Герайнт, — что, если буду жив, он их получит.

— Вождь, что касается нашего спора с графом Иниолом, то я готов к примирению, и с охотой верну все, что ему причитается.

— Я прошу вернуть ему лишь то, чем он владел, и еще возмещение за те годы, что он прожил в бедности.

— Я с радостью отдам ему все это, — сказал граф.

— Тогда вели и всем людям, что некогда служили Иниолу, принести ему клятву верности.

И они так и сделали. И граф заключил мир с Иниолом и вернул ему замок, и город, и земли, и все, чего тот был лишен, до последнего яхонта.

И после этого Иниол сказал Герайнту:

— Вождь, вот девушка, за которую ты бился на турнире, отдаю тебе ее.

— Пусть она следует за мной ко двору короля Артура и пусть Артур и Гиневра распорядятся ею по своей воле.

На другой день они отправились ко двору Артура. Так рассказывает история о Герайнте.

Поведаем теперь о том, как Артур охотился на оленя. Когда охотников расставили по местам, собак по одной стали спускать на оленя и последней спустили самую быструю собаку — любимого пса Артура по кличке Кавалл. Он оставил всех остальных собак позади себя и погнал оленя назад. Когда олень повернул второй раз, он оказался перед Артуром, который бросился к нему, и прежде, чем все остальные смогли подоспеть, он уже отсек ему голову. Рог протрубил об окончании охоты, и все собрались вокруг оленя.

Тогда Кадириат подошел к Артуру и сказал ему:

— Господин, смотри: там Гиневра, а с ней никого, кроме служанки.

— Вели Гильдасу, сыну Кау, и всем придворным ученым мужам сопроводить Гиневру во дворец, — сказал Артур.

Так и было сделано.

После этого все отправились в обратный путь, споря, кому достанется голова оленя. Причем каждый считал, что только его дама сердца достойна этого трофея. Так в пререканиях они добрались до дворца. Когда же Артур с Гиневрой услышали эти споры, то Гиневра сказала Артуру:

— О господин, выслушай мой совет: вели не отдавать голову никому до возвращения Герайнта, сына Эрбина.

И она рассказала Артуру о том, в чем состояло поручение Герайнту.

— Да будет так, — сказал Артур.

Гиневра распорядилась, чтобы дозорные поднялись на башни и высматривали Герайнта. И после полудня они увидели человечка верхом на лошади, за которым следовала дама или девица, тоже верхом, а за ней — рослый рыцарь, но согбенный, с поникшей головой и в печали, а на нем были разбитые, ни на что не годные доспехи.

Прежде чем они приблизились к воротам, дозорный отправился к Гиневре и сказал, кого они увидели и как эти люди выглядят, добавив:

— Я не знаю, кто они.

— Зато я знаю, — ответила Гиневра. — Это тот самый рыцарь, за которым отправился Герайнт, и сдается мне, что он прибыл сюда не по своей воле. Это Герайнт настиг его и полной мерой воздал за обиду, нанесенную моей служанке.

При этих словах к Гиневре подошел привратник и сказал:

— Госпожа, у ворот стоит рыцарь в столь плачевном состоянии, что ничего подобного мне видеть не приходилось. Доспехи его имеют столь жалкий вид, и на них столько крови, что непонятно, какого они цвета.

— Знаешь ли, как его зовут? — спросила она.

— Да, ответил привратник, — он сказал, что его имя Эдирн, сын Нудда, но мне оно незнакомо.

— И я его не знаю, — сказала королева.

После этих слов Гиневра вышла к воротам, чтобы встретить его, и его пустили. Даже несмотря на присутствие неучтивого карлика, ей стало жаль рыцаря, когда она увидела его в таком состоянии. Эдирн приветствовал Гиневру.

— Храни тебя Бог! — ответила она.

— Госпожа, — сказал он ей, — Герайнт, сын Эрбина, лучший и достойнейший из всех твоих слуг, приветствует тебя.

— Встречался ли он с тобой? — спросила она.

— Да, — ответил он, — и это плохо кончилось для меня, но не по его вине, а по моей собственной. Он послал меня просить твоего прощения за обиду, которую мой карлик нанес твоей служанке. Свою же обиду он простил, решив, что уже отомстил мне тем, что победил и отправил сюда к тебе, госпожа.

— Скажи, рыцарь, где же он победил тебя?

— Там, где мы сражались за ястреба, в городе, что зовется ныне Кардифф. Он вызвал меня на поединок, чтобы завоевать любовь девушки, дочери графа Иниола. Мы с ним бились, и ты, госпожа, видишь, чем этот бой закончился.

— Сэр, — спросила она, — когда же Герайнт будет здесь?

— Я думаю, госпожа, что не позднее завтрашнего дня он прибудет сюда вместе с той девушкой.

Тут к ним подошел Артур, и рыцарь приветствовал его. Артур пристально посмотрел на рыцаря, дивясь его виду. Королю показалось, что рыцарь ему знаком, и он спросил:

— Это ты, Эдирн, сын Нудда?

— Да, господин, я, — ответил рыцарь, — только побежденный и весь израненный. — И он поведал Артуру о случившемся с ним.

— Если то, что я услышал, правда, — сказал Артур, — Гиневре следует простить тебя.

— Государь, — сказала Гиневра, — конечно, я могу простить его, если ты так хочешь, но помни, что оскорбление, нанесенное мне, равносильно оскорблению, нанесенному тебе.

— Тогда мы сделаем так, — сказал Артур, — поручим этого человека лекарям, а решение отложим до тех пор, когда будет ясно, выживет он или нет. Если выживет, то пусть мужи нашего двора решат, как с ним поступить, если же он умрет, то смерть такого юноши, как Эдирн, будет достаточной карой за обиду, нанесенную служанке.

— Ничего не имею против, — сказала Гиневра.

Артур же распорядился, чтобы позвали Моргана Туда, бывшего при дворе главным лекарем.

— Возьми Эдирна, сына Нудда, к себе, приготовь ему покои и лечи его так, как лечил бы меня, будь я ранен, и не пускай в эти в покои

никого, чтобы не досаждать ему, но можешь входить туда сам вместе со своими учениками, чтобы дать ему снадобья.

— Я с радостью все исполню, государь, — сказал Морган Туд.

Тогда спросил дворецкий:

— Государь, куда поместить эту девушку?

— К Гиневре и ее служанкам, — ответил Артур, и дворецкий повиновался.

На другой день Герайнт прибыл ко двору, и его увидел дозорный, поставленный Гиневрой на башне, дабы его прибытие не прошло незамеченным. И один из стражей пошел к Гиневре и сказал ей:

— Госпожа, мне кажется, приехал Герайнт с девушкой. Он сидит на коне в походном платье, а девушка одета в белое. Кажется, на ней льняное платье.

— Девушки, собирайтесь, — сказала Гиневра, — выходите встречать Герайнта и пожелайте ему радости.

Гиневра сама вышла встретить Герайнта и девушку, и, подъехав к ней, Герайнт приветствовал ее.

— Да пребудут небеса с тобой! — сказала она. — Добро пожаловать!

— О госпожа, — сказал он, — я только и думал, как отомстить за нанесенную тебе обиду, и вот девушка, благодаря которой твоя обида отмщена.

— Что ж, — сказала Гиневра, — пусть будет с ней милость Божья, мы все рады видеть ее, как и тебя.

Затем они отправились внутрь и спешились. Герайнт пошел в покои Артура и приветствовал его.

— Храни тебя Бог, — сказал Артур, — я рад тебя видеть. И поскольку ты одолел Эдирна, сына Нудда, надо полагать, съездил не зря.

— Не я виновен в том, что с ним случилось, а заносчивость Эдирна, сына Нудда, из-за которой мы не стали друзьями.

— Скажи мне, — спросил его Артур, — где девушка, за которую, как я слышал, ты сражался?

— Она удалилась с Гиневрой в ее покои.

И Артур пошел туда, чтобы взглянуть на девушку. И Артуру, и его рыцарям, и всем при дворе девушка пришла по душе. И все они решили, что если бы к такой красоте да еще и красивое платье, то перед ними оказалась бы красавица, равной которой им не приходилось видеть в жизни. И Артур сосватал ее Герайнту, и между ними был заключен союз, скрепляющий сердца. И по этому случаю Гиневра вручила

девушке одно из своих самых лучших платьев, и всем, кто ее видел, она казалась милой и пригожей. И весь этот день, и всю ночь они провели в пирах, и в пении, и в играх, а когда настало время, отправились спать. Постель для Герайнта и Энид приготовили в покоях, где спали Артур и Гиневра. И с этого момента она стала его женой. На следующий день король одарил всех, кому Герайнт был должен, богатыми дарами. Девушка же стала жить при дворе, и у нее появились друзья среди мужчин и дам, и никого не уважали больше, чем ее, на всем острове Британия.

И Гиневра сказала:

— Верно я решила, чтобы оленью голову не отдавали никому до возвращения Герайнта. Теперь ясно, кому следует отдать ее: Энид, дочери Иниола, прекраснейшей из дев. Не думаю, что кто-то станет оспаривать это, поскольку никто не испытывает к ней иных чувств, кроме любви и дружбы.

Все приветствовали это решение, в том числе и Артур. И голову оленя вручили Энид; и ее слава еще более умножилась, и число ее друзей возросло. Герайнт же возлюбил охоту, турниры и ратные состязания, и во всех он выходил победителем. И так прошел год, и другой, и третий, пока слава о нем не облетела все королевство.

И вот однажды, когда двор Артура находился в Каэрлеоне на Уске, к нему пришли почтенные и мудрые посланцы, искусные в речах, и приветствовали его.

— Храни вас Бог, — сказал Артур, — и да будет с вами милость Его. Откуда вы пришли?

— О государь, — сказали они, — мы из Корнуолла, и нас прислал к тебе Эрбин, сын Кустеннина, твой дядя, а дело у нас к тебе. Он приветствует тебя, как подобает дяде приветствовать племянника и как вас салу должно приветствовать господина. Он извещает тебя о том, что, достигнув преклонных лет, стал слаб и немощен, и соседи, узнав об этом, стали вторгаться в его пределы и хотят завладеть его землями. Поэтому Эрбин просит тебя, государь, чтобы ты отпустил к нему Герайнта, сына его, чтобы он защищал владения и восстановил их границы. Поэтому передает он ему, что лучше бы он проводил время, защищая свои границы, нежели теша себя бесполезными турнирами, хотя бы он и преуспевал в них.

— Хорошо, — сказал Артур, — оставьте дорожную кладь, поешьте, отдохните после трудного пути, и, прежде чем вы удалитесь, я дам вам ответ.

И они отправились трапезничать; Артур же подумал, как нелегко будет ему и всему двору расстаться с Герайнтом, но было бы несправедливо отказать ему в праве защищать свои земли и границы, которые уже не в силах был беречь его отец. Не меньше опечалилась и Гиневра со своими придворными дамами и служанками, которым предстояло лишиться общества Энид. И весь тот день, и всю ночь они пировали, и Артур поведал Герайнту, в чем суть дела и с чем приехали послы из Корнуолла.

— Воистину, государь, — сказал Герайнт, — хорошо ли, плохо ли твое решение, которое ты приготовил для послов, но я ему подчинюсь.

— Тогда выслушай мой совет, — сказал Артур. — Как ни печально мне лишиться тебя, ты должен вернуться в свои владения и защищать границы. Возьми с собой всех, кого пожелаешь, кого любишь больше всего из моего верного воинства, — всех своих друзей, товарищей и братьев по оружию.

— Да вознаградит тебя Господь, — ответил Герайнт, — я все сделаю, как ты велишь.

— О чем это вы тут беседуете? — спросила Гиневра. — Уж не о тех ли идет речь, кто будет сопровождать Герайнта в его земли?

— Да, — ответил Артур.

— Тогда я должна позаботиться о сопровождении для моей любимой дамы и о провизии для нее, — сказала она.

— Ты поступишь правильно, — сказал Артур.

Наступила ночь, и они отправились спать, а на следующий день посланцам разрешено было отбыть, и им сказали, что Герайнт поедет следом за ними. И на третий день Герайнт отправился в путь, и с ним было много людей: Гавейн, сын Гвиара, Риогонед, сын короля Ирландии, Ондьяв, сын герцога Бургундии, Гвилем, сын правителя Франции, Ховэл, сын графа Бретани, Персеваль, сын Эврока, Гвир, судья при дворе Артура, Бедвир, сын Бедрауда, Кай, сын Кинера, Одыяр Франк и Эдирн, сын Нудда. Герайнт сказал:

— Теперь со мной, пожалуй, достаточно рыцарей.

Так они отправились в путь. Никогда еще более достойная дружина не появлялась у реки Северн. На другом берегу Северна ее приветствовала вся знать Эрбина, сына Кустеннина, под предводительством названного отца Герайнта, а все дамы двора во главе с матерью Герайнта приветствовали его жену Энид, дочь Иниола. И все при дворе и во всей стране радовались приезду Герайнта, поскольку питали к нему большую

любовь, гордились той славой, которую он стяжал с тех пор, как покинул их, и тем, что теперь он вернулся, чтобы владеть своими землями и защищать их границы. И прибывшие направились ко двору и веселились там, и получили множество всевозможных даров, и много пили, и были довольны тем, как им прислуживают, и предавались всяческому играм. И тем же вечером вожди племен со всей страны пришли приветствовать Герайнта, и не было конца радости и веселью весь день и всю ночь. На рассвете следующего дня Эрбин поднялся и призвал к себе Герайнта, а с ним всех знатных мужей, сопровождавших его. И он сказал Герайнту:

— Я уже немощен и стар, и пока мог, я хранил мои владения для себя и для тебя. Ты молод, бодр и полон сил. Защищай теперь свои владения сам.

— По правде говоря, я считаю, что тебе еще рано вручать мне свои владения и отзывать меня от двора короля Артура.

— Такое время настало. Сегодня же все подданные присягнут тебе. И тогда Гавейн сказал:

— Лучше выслушай сегодня тех, кто ищет твоего покровительства, а присягать тебе они будут завтра.

И всех просителей собрали в одно место, и Кадириат выслушал их просьбы. И каждый говорил с чем пришел и получал желаемое. И люди Артура стали дарить подарки, а люди Корнуолла, видя это, последовали их примеру, и никто не раздумывал делать подарки, так велико было их желание дарить. И этот день, и вся эта ночь прошли среди всеобщей радости и веселья.

И на следующее утро Эрбин посоветовал Герайнту отправить посланцев к людям, чтобы узнать, готовы ли они принести ему присягу и не имеют ли они чего-либо против него. Герайнт послушался и отправил посланцев, задававших этот вопрос людям Корнуолла. И все они сказали, что будут счастливы присягнуть ему. Тогда Герайнт принял присягу тех, кто был в тот день при дворе. Днем позже рыцари Артура собрались уезжать, но Герайнт сказал им:

— Не торопитесь уезжать, друзья! Оставайтесь, пока все мои люди не принесут мне присягу.

И они оставались там, пока все не присягнули. Затем они направились ко двору Артура. Герайнт же вместе с Энид провожал их до Диганви, и там они расстались. Там Ондьяв, сын герцога Бургундии, сказал Герайнту:

— Поезжай сперва в отдаленные свои владения и проверь их границы; и если что не так, дай нам знать.

— Небеса вознаградят тебя за совет, — сказал Герайнт, — так я и сделаю.

И он поехал в самые отдаленные из своих владений в сопровождении опытных проводников и знатных мужей страны. И они показали ему все владения до самых дальних окраин.

Там Герайнт, как и прежде, когда он был при дворе короля Артура, часто участвовал в турнирах, побеждая многих храбрейших и сильнейших мужей, так что вскоре и здесь завоевал не меньшую славу, чем в других землях. При нем и двор его, и его приближенные, и другие знатные мужи обзавелись лучшими конями, лучшим оружием и лучшими драгоценными камнями, и он успокоился только тогда, когда слава о нем распространилась за пределы его владений. Добившись же этого и увидев, что никто не смеет противиться ему, он возлюбил утех и развлечения. И он любил свою жену, и постоянно пребывал с нею при дворе в пирах и увеселениях, и запирался с нею в покоях, и настолько начал пренебрегать всем остальным, что перестал ценить дружбу своих соратников, а потом забросил охоту и развлечения, и, наконец, сердца всей дружины отворотились от него. За спиной его стали раздаваться шепот и насмешки по поводу того, что он презрел мужскую дружбу и всему предпочел любовь к жене. Весть об этом дошла до Эрбина. Когда Эрбин услышал это, он позвал для разговора Энид и спросил, правда ли, что по ее вине Герайнт забыл о своих подданных и дружине.

— Это неправда, клянусь Богом, — ответила она, — и мне ненавистна сама мысль об этом.

И она не знала, что ей делать, ибо ей одинаково нелегко было и рассказать об этом Герайнту, и, оставив его в неведении, слушать то, что говорят за его спиной. Всем этим она была весьма опечалена.

Однажды летнее утро застало их в постели, а Герайнт лежал с краю. В их покое были застекленные окна*, и солнце, освещавшее постель,

* То неизменное восхищение, с которым древние авторы упоминали стеклянные окна, является достаточным доказательством того, что наши предки относились к стеклу как к предмету роскоши. Впервые стекло стали использовать в церковных постройках, и долгое время в других зданиях оно не встречалось. Считается, что в жилых домах стекло стало использоваться не раньше четырнадцатого века. — *Примеч. авт.*

пробудило Энид. Герайнт же крепко спал, и сползшее одеяло обнажило его торс и руки. Она посмотрела на него и, увидев, как он прекрасен, промолвила:

— Неужто из-за меня эти руки и это тело лишились доблести и воинской славы, которой были покрыты в былое время?

И слезы ее упали ему на грудь, и он проснулся. И, услышав ее слова, решил он, что она плачет от любви к другому, с кем мечтает быть. И эта мысль запала Герайнту, и он почувствовал гнев и позвал своего оруженосца. И тот пришел к нему.

— Вели скорее, — сказал Герайнт, — приготовить моего коня и доспехи. И ты вставай, — обратился он к Энид, — и одевайся, и распорядись приготовить себе коня, и надень худшее из своих платьев для верховой езды. Будь я проклят, если ты вернешься сюда прежде, чем узнаешь, лишился ли я силы и славы, о которых ты говорила. А если я действительно обессилел, тебе легче будет соединиться с тем, о ком ты мечтаешь.

И она встала, и надела свое самое скромное платье, и сказала:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, господин.

— Скоро поймешь, — ответил он.

После этого Герайнт отправился к Эрбину.

— Отец, — сказал он, — я уезжаю странствовать и не знаю, когда вернусь. Сможешь ты присмотреть за своими владениями до моего возвращения?

— Смогу, сын мой, — ответил тот, — но меня удивляет, что ты уезжаешь так внезапно. И кто поедет с тобой? Ведь ты не из тех людей, что могут странствовать по Лоэгрии в одиночку.

— Никто, кроме еще одного человека.

— Ну что ж, храни тебя Бог, сын, — сказал Эрбин, — и пусть недолго ты будешь странствовать по Лоэгрии в одиночестве.

И Герайнт пошел к своему коню, закованному в тяжелую броню иноземной работы. И он велел Энид сесть на ее коня и ехать впереди него на большом расстоянии.

— Что бы ты ни увидела и что бы ты ни услышала, — сказал он ей, — не подъезжай ко мне; и не говори ни слова, пока я сам не заговорю с тобой.

После этих слов они двинулись в путь, и он выбрал не легкую, проторенную дорогу, а глухую тропу, по которой ходили воры, разбойники да свирепые звери.

И вскоре они увидели большой лес, и углубились в него, и там встретили четырех вооруженных всадников. И эти всадники увидели их, и один из них сказал:

— Самое время нам завладеть двумя конями, и оружием, и девичей в придачу. Ведь мы легко одолеем одного рыцаря — да еще когда он повесил голову от невеселых дум.

Энид же услышала его слова, но, боясь гнева Герайнта, не знала, смолчать или сказать ему об этом. «Пусть уж лучше я погибну от руки моего мужа, — сказала она себе, — чем гнев Божий падет на меня, если я не скажу ему то, что услышала, и дам умереть столь бесславно». И она дождалась Герайнта и спросила его:

— Господин, слышал ли ты, о чем говорят те люди?

Он же поднял голову и в гневе посмотрел на нее:

— Я ведь велел тебе молчать! И хотя ты жаждешь, чтобы я пал от рук этих негодяев, я их вовсе не боюсь.

А в это время ближайший из них взял копьё наперевес и понесся на Герайнта. Но Герайнт встретил его, и рука его не дрогнула, и, уклоняясь от удара, он направил свое копьё в самую середину щита противника, так что щит его раскололся, и броня оказалась пробита, и копьё на целый локоть вошло ему в грудь, и он свалился мертвым с коня на землю. Тогда второй всадник, увидев смерть своего товарища, в гневе набросился на Герайнта, но тот одним ударом поверг его на землю, предав смерти, как и предыдущего. И третий кинулся на него, и Герайнт убил его так же. Таким же образом он убил и четвертого. Энид же устрашилась и опечалилась, видя все это. Герайнт спешился, и снял с убитых доспехи, и привязал их к седлам, и связал их коней вместе, и сел на своего коня.

— Слушай меня, — сказал он. — Возьми этих коней и гони их впереди себя; сама же езжай, как и раньше. И не говори мне ни слова, пока я первый не заговорю с тобой. Клянусь Богом, если ты нарушишь это условие, то пеняй на себя.

— Если это будет в моих силах, я исполню твое желание, — ответила она.

Энид отправилась, стараясь держаться впереди Герайнта, как он ей велел, а ему, несмотря на весь его гнев, было жаль, что такой прекрасной женщине приходится мучиться, управляясь со столькими лошадьми. Наконец они въехали в густой лес, и в этом лесу их настигла ночь.

— Послушай, Энид, — заговорил Герайнт, — пожалуй, нам уже не стоит двигаться дальше.

— Хорошо, — ответила она, — сделаем так, как ты хочешь, мой господин.

— Давай проведем здесь ночь, а когда рассветет, отправимся дальше.

— С радостью соглашаюсь, — сказала Энид.

Так они и поступили. Герайнт слез с коня, помог спешиться Энид и сказал:

— Я так устал, что сон валит меня с ног, поэтому прошу тебя покараулить коней и не спать.

— Хорошо, мой господин, — ответила она.

Он же, не снимая доспехов, уснул и проспал всю ночь, правда, в это время года ночи не бывают длинными. Когда Энид увидела рассвет, она подошла, чтобы посмотреть, спит ли Герайнт, и в этот момент он проснулся. Поднявшись, он сказал:

— Поезжай вперед и делай все, как я велел тебе вчера.

И они отправились в путь и ехали по лесу, пока не достигли безлесой равнины, на которой косари косили траву. Перед ними оказалась река, и кони стали пить из нее воду. Когда они снова взобрались на высокий берег, то увидели стройного юношу с сумкой на шее. Было ясно, что в сумке что-то лежит, но что, они понять не смогли. В руках у него был синий кувшин, сверху которого стояла миска. И юноша приветствовал его, и Герайнт ответил:

— Да будут милостивы к тебе небеса! Откуда ты будешь?

— Я из города, который стоит перед тобой. Мой господин, не обидит ли тебя, если я тоже спрошу, откуда ты прибыл?

— Нисколько не обидит, — отвечал Герайнт, — я прибыл из леса, который ты видишь перед собой.

— Ты не мог бы за сегодняшний день преодолеть весь лес, — заметил юноша.

— Нет конечно, — услышал он в ответ, — мы провели в лесу всю эту ночь.

— Могу представить, как вам было неудобно в лесу без еды и питья. Не отказывайтесь, угоститесь тем, что есть у меня, — сказал юноша.

— А что у тебя есть? — спросил Герайнт.

— Завтрак для козцов — немного хлеба, мяса и вина. Но если ты хочешь, господин, то козцам ничего не достанется.

— Я не против, — ответил Герайнт, — и пусть небеса возблагодарят тебя за это.

Герайнт спешился, а юноша помог слезть с лошади Энид. Они умылись и приступили к трапезе. Юноша разрезал хлеб, налил им вина и прислуживал им во всем. Когда они закончили есть, юноша поднялся и сказал:

— Господин, с твоего позволения остальное я отнесу кощам.

— Сначала иди в город, — сказал ему Герайнт, — и найди мне лучшее жилье, какое сможешь, и лучшую конюшню для этих коней. И выбери себе коня и доспехи, какие пожелаешь, в уплату за твои услуги и угощение.

— Да возблагодарит тебя Бог, господин, — сказал юноша, — этого хватило бы и за большую службу, чем та, что я сослужил тебе.

И юноша отправился в город и нашел там для Герайнта самое лучшее и удобное жилье. После чего он вместе с подаренным конем и доспехами пошел ко двору своего графа и рассказал ему эту историю.

— А сейчас, господин, я пойду к этому рыцарю и проведу его к себе.

— Ступай, — сказал граф, — и пусть его там хорошо примут.

И юноша пошел к Герайнту и сказал ему, что граф пригласил его, но Герайнт пошел в тот дом, что подыскал ему юноша. Там он увидел просторные покои с обитыми тканью стенами и щедро застланном соломой полом. Коней поместил в просторную конюшню, а Герайнту и его жене юноша принес много еды. Когда же они разделись, Герайнт обратился к Энид:

— Иди на другой конец покоев и не приближайся ко мне. Если хочешь, можешь позвать к себе хозяйку дома.

— Хорошо, господин, — отвечала она, — я сделаю все, как ты сказал.

Вечером пришел к нему граф с двенадцатью знатными рыцарями, и Герайнт встал и приветствовал его. И все они расселись согласно своему титулу, и граф, вступив в разговор, спросил Герайнта о цели его странствия.

— Нет у меня никакой цели, — ответил Герайнт, — еду куда глаза глядят, хочу душу потешить.

Тут граф пристально посмотрел на Энид, и ему показалось, что он никогда не видел девушки прекрасней и пригожей, чем она. И в сердце его запала мысль о ней, и он спросил Герайнта:

— Позволишь ли ты мне поговорить с той девушкой, ибо я вижу, что она скучает в одиночестве?

— С радостью, — ответил Герайнт, и граф подошел к ней и сказал:

— О дева, я вижу, что путешествие с этим человеком не радует тебя.

— Отнюдь, — ответила она.

— У тебя ведь нет ни пажей, ни служанок, — сказал граф.

— Воистину для меня стократ приятнее путешествовать с этим человеком, чем быть в окружении пажей и служанок, — ответила она.

— У меня к тебе предложение, — сказал он ей, — я отдам тебе все мое графство, если ты останешься со мной.

— Нет, клянусь Богом, — ответила она. — Этот человек — первый, кому я поклялась в верности своей, так как же я могу быть ему неверна?

— Я думаю, ты рассуждаешь неверно, — сказал граф. — Если я убью его, то заберу тебя и сделаю с тобой все, что захочу; когда же ты надоешь мне, я тебя выгоню. Если же ты останешься со мной по доброй воле, союз наш будет длиться, пока я жив.

Она подумала о том, что он сказал, и решила, что ей лучше его притворно обнадеежить, и она сказала:

— Господин, на меня не должна падать тень подозрения, поэтому приходи завтра и забери меня, словно я ничего об этом не знала.

— Так я и сделаю, — сказал он, встал и вышел вместе со своими людьми.

Она же ничего не сказала Герайнту об этом разговоре, боясь его гнева и того, что он окажется в неприятном положении.

И когда пришло время, они отправились спать, и она немного вздремнула, но в полночь поднялась и собрала все оружие и доспехи Герайнта, чтобы он мог их быстро надеть; и несмотря на то, что ей велел муж, она, преодолевая страх, приблизилась к постели Герайнта и тихо с опаской сказала ему:

— Господин, вставай и одевайся. Граф говорил со мной, и вот что он задумал.

И она рассказала ему обо всем. И хоть он был сердит на нее, но внял предупреждению, встал и оделся. Она же зажгла свечу, чтобы осветить ему.

— Поставь свечу, — сказал он, — и позови сюда хозяина дома.

Она пошла и привела хозяина, и Герайнт спросил его:

— Сколько я должен тебе?

— Я думаю, что не много, господин.

— Сколько бы я ни был тебе должен, возьми этих трех коней и три доспеха.

— Да возблагодарят тебя Небеса, господин, — сказал хозяин, — но мои услуги стоят меньше одного доспеха.

— Разве ты не желаешь стать богаче? — спросил Герайнт. — Лучше помоги мне выбраться из города.

— Я с удовольствием помогу тебе, — сказал хозяин, — но в какую сторону ты хочешь идти?

— Только не в ту, откуда пришел, — ответил Герайнт.

Хозяин постоялого двора шел с ними, пока этого хотели его гости. Потом Герайнт сказал, чтобы Энид, как прежде, ехала впереди, и они тронулись в путь, а хозяин отправился домой.

Герайнт и Энид ехали по широкой дороге до тех пор, пока до них не донеслись стенания, становившиеся все громче.

— Побудь здесь, — сказал Герайнт Энид, — а я посмотрю, что там происходит.

— Хорошо, — ответила Энид.

Герайнт поехал и оказался на поляне рядом с дорогой. Там стояли две лошади — одна с мужским седлом, другая — с дамским. На земле лежал мертвый рыцарь в доспехах, а над ним склонилась, горько плача, девушка, одетая в дорожное платье.

— О госпожа, что случилось с тобой? — спросил Герайнт.

— Я ехала со своим любимым мужем, и на нас напали три великана и убили его без всякой причины.

— Куда они отправились? — спросил он, и девушка ответила, что они ушли по большой дороге. Герайнт вернулся к Энид.

— Иди, — сказал он ей, — к той даме и жди моего возвращения.

И она опечалилась, услышав это, но все же пошла к даме, хотя и боялась, что никогда больше не увидит Герайнта.

Он же поехал за великанами и догнал их, а каждый из них был ростом с трех обычных человек и держал на плече громадную дубину. Герайнт напал на одного из них и ударил его копьем в грудь, быстро вытащил копье и таким же образом поразил другого. В это время третий повернулся к нему и ударил его дубиной так, что щит его разбился на куски и плечо оказалось повреждено. Тогда Герайнт обнажил меч и ударил им великана по темени, причем удар был такой силы, что рассек надвое и голову и шею великана, а сам великан пал замертво. Совершив это, Герайнт отправился к Энид. Но едва он увидел ее, как упал на

землю, словно мертвый. И Энид испустила крик горя и отчаяния и кинулась к нему. На ее крики явился граф Лимура со своей свитой. Он проезжал мимо и решил свернуть туда, откуда доносились крики. Граф спросил Энид:

— О, госпожа, что с тобой случилось?

— Рыцарь, — ответила она, — тот, кого я любила больше всех, погиб.

— А что случилось с тобой? — обратился он к другой даме.

— Тот, кого я любила больше всех, тоже убит.

— А кто же убил их? — спросил он.

— Какие-то великаны, — ответила дама, — убили моего любимого, а этот рыцарь поехал за ними, и вот он лежит, и ты видишь, в каком он состоянии.

Тогда граф велел похоронить мертвого рыцаря, а Герайнта, в котором еще теплилась жизнь, приказал доставить во дворец на носилках, смастеренных из щита, и лечить. И две дамы поехали с ними. И когда они приехали ко двору, Герайнта уложили в зале на скамью, стоявшую у стола. После этого все сняли дорожное платье и переоделись в обычное, и граф предложил Энид поменять одежду.

— Я не сделаю этого, клянусь Богом, — сказала она.

— Ах, госпожа, — сказал он ей, — зачем так убиваться?

— Я не могу иначе, — сказала она.

— Я сделаю так, что тебе не придется печалиться об этом рыцаре независимо от того, выживет он или умрет, — сказал он. — Только подумай: я предлагаю тебе великолепное графство и себя в придачу. Поэтому веселись и радуйся.

— Беру в свидетели Небеса, что не буду веселиться, пока жива.

— Пойдем к столу, — предложил он тогда.

— Клянусь Небесами, не пойду.

— Клянусь Небесами, ты пойдешь! — ответил граф, силой усадил ее за стол и пытался заставить есть.

— Я не буду есть, клянусь Богом, — сказала она, — пока этот человек, который лежит на носилках, не сможет есть так же, как ты.

— Это невозможно, — сказал граф. — Этот человек уже мертв.

— Я готова доказать обратное, — возразила она.

Тогда он предложил ей кубок с вином.

— Выпей, — сказал он, — и будешь относиться ко всему по-другому.

— Будь я проклята, — ответила она, — если выпью прежде, чем выпьет он.

— Воистину, — сказал граф, — вежливое обращение тебе только во вред.

С этими словами он ударил ее по уху. При этом она издала громкий и пронзительный крик и стала плакать так, как никогда не плакала в своей жизни, поскольку ей подумалось, что, если бы Герайнт был жив, он никогда бы не позволил ее ударить. Но надо же такому случиться, что от ее криков Герайнт пришел в себя и сел на скамье. Схватив меч, лежавший на щите, он подскочил к графу, нанес ему страшную рану, а затем разрубил его надвое так, что меч застрял в столе. Все сидевшие за столом разбежались, испугавшись не столько ожившего рыцаря, сколько мертвеца, который поднялся, чтобы изрубить их всех. После этого Герайнт повернулся к Энид и опечалился вдвойне: видя ее столь измученной, побледневшей и потерявшей свою привлекательность и сознавая, что она была не виновата.

— Госпожа, — спросил он, — знаешь ли ты, где наши кони?

— Я знаю, где твой конь, — ответила она, — но не знаю, где мой. Твой — в конюшне напротив.

Тогда он пошел в конюшню, сел на коня, поднял Энид с земли, посадил ее с собой, и они поехали. Им пришлось долго ехать между двух оград, пока на смену дню не пришла ночь, а потом они увидели за собой лес копий и услышали шум приближающейся дружины.

— Я слышу, что за нами кто-то гонится, — сказал он, — поэтому я спрячу тебя за ограду.

Сказав, он так и сделал. Вдруг он увидел скачущего к нему рыцаря и взял копье наизготовку. Увидев это, Энид закричала:

— О вождь, кто бы ты ни был, что за слава тебе одолеть мертвого!

— Бог мой, неужели это Герайнт? — удивился рыцарь.

— Да, клянусь Богом, это он, но кто ты такой? — спросила она.

— Я Гвифферт Малыш, — ответил он, — союзник твоего мужа и спешу к вам на помощь, узнав, что вы в беде. Поедем к зятю моей сестры, что живет неподалеку, и там тебя вылечат лучше, чем где-либо еще в этом королевстве.

— С радостью, — ответил Герайнт.

Энид пересела на лошадь одного из оруженосцев Гвифферта Малыша, и они поехали прямо ко двору барона, где их окружили радушием и вниманием. Утром следующего дня слуг отправили за лекарями, те

вскоре явились и лечили Герайнта до тех пор, пока он полностью не выздоровел. Пока лекари смотрели за Герайнтом, Гвифферт Малыш распорядился, чтобы оружие Герайнта привели в порядок, и оно стало лучше прежнего. А через полтора месяца Герайнт и Энид расстались с Гвиффертом Малышом, и Герайнт отправился в свои владения и правил там весьма успешно. Благодаря своей воинской славе и блеску двора он и Энид отныне всегда были окружены почетом и уважением*.

Пуйлл, принц Диведа

Однажды Пуйлл был в Нарберте, своем главном дворце, где для него и для множества его людей приготовили пир. После первой перемены блюд Пуйлл решил размять ноги и отправился на вершину кургана, который возвышался над дворцом; курган называли Горсед-Арберт.

— Господин, — сказал один из его людей, — странен этот курган, ибо любой, кто воссядет на него, не уйдет, не получив раны или тумачов либо не увидев какого-нибудь дива.

— Я не боюсь получить ни ран, ни тумачов, — ответил Пуйлл, — а вот что касается дива, то прямо сейчас готов пойти и сесть на вершине кургана.

Он пошел и сел на вершине кургана. И вдруг он увидел даму на большой белой, без единого пятнышка лошади, а на даме сияло золотом одеяние, а сама она появилась на большой дороге, что начиналась на вершине кургана.

— Люди мои, — спросил Пуйлл, — известна ли кому-нибудь из вас эта дама?

— Нет! — ответили они.

— Пусть кто-нибудь из вас пойдет ей навстречу и узнает, как ее зовут.

* Ни в одном рыцарском романе невозможно встретить более незатейливо и убедительно выписанного персонажа, чем Энид, дочь графа Иниола. Отдавая должное ее красоте и благородству, мы не знаем, чем восхищаться больше: тем терпением, с которым она переносила все выпавшие ей трудности, или ее верностью и любовью, которые в конце концов помогли ей преодолеть все невзгоды и подарили столь заслуженное ею счастье.

Образ Энид прекрасно выписан и отличается большой естественностью, отчего он намного трогательнее, чем образ Гризельды, которую, однако, Чосер наделил такими чертами, которые заставляют забыть неправдоподобности ее истории. — *Примеч. авт.*

Один из людей поднялся и отправился к дороге, чтобы повстречаться с дамой, но она проехала мимо него, и чем больше он ускорял свой бег, чтобы догнать ее, тем больше становилось между ними расстояние. Когда же этот человек понял, что без лошади ее не догнать, он вернулся к Пуйллу и сказал ему:

— Господин, вряд ли кто в этом мире сможет догнать ее пешком.

— И то правда, — ответил Пуйлл, — иди во дворец, найди там самую быструю лошадь и отправляйся за дамой.

Человек пошел во дворец, взял лошадь и поскакал. Вскоре он оказался на ровной, открытой долине и пришпорил коня, но чем быстрее скакал его конь, тем дальше от него оказывалась дама. Тогда он вернулся к Пуйллу и сказал:

— Господин, за этой дамой гнаться бессмысленно. Я не знаю в нашем королевстве ни одной лошади, которая бы была быстрее моей, но и на ней мне не догнать эту даму.

— Воистину здесь не обошлось без волшебства, — заметил Пуйлл, — лучше вернуться во дворец.

С этими словами они вернулись во дворец и провели в нем целый день.

На следующий день они развлекались как могли, пока не наступило время сесть за стол. Когда трапеза окончилась, Пуйлл спросил:

— Где все те, кто поднимался на вершину кургана?

— Мы здесь, господин, — ответили они.

— Тогда отправимся снова на вершину кургана и сядем там. А ты, — он обратился к пажу, — оседлай мне коня и поспеши с ним к дороге, да шпоры мои не забудь.

Юноша все исполнил, а они вновь поднялись на курган и сели на его вершине. Прошло совсем немного времени, как на той же дороге появилась дама, ехавшая так же, как вчера.

— Юноша, — сказал Пуйлл, — я слышу, как скачет эта дама; подведи мне коня.

Но не успел он вскочить в седло, как дама проехала мимо. Пуйлл устремился за ней. Он позволил коню скакать игриво, будучи уверенным, что вскорости ее нагонит. Однако расстояние между ними не уменьшалось. Он заставил коня нестись во всю прыть, но быстро понял, что даму ему не догнать. Тогда Пуйлл произнес:

— О девушка, ради того, кого ты любишь больше всего, подожди меня.

— С удовольствием, — ответила девушка. — А ты, видно, совсем не жалеешь коня, раз попросил меня об этом так поздно.

Итак, девушка остановилась и отбросила с лица покрывало, которое не давало видеть ее лица. Пуйлл понял, что красавицы, которых ему доводилось видеть, не идут в сравнение с той, на которую он смотрел.

— Госпожа, — сказал он, — не скажешь ли мне, куда ты едешь?

— Конечно скажу, — ответила девушка. — Я ехала, чтобы увидеть тебя.

— Воистину, — ответил Пуйлл, — для меня нет ничего приятнее слов, что я от тебя услышал. Тогда скажи мне, как тебя зовут?

— Я отвечу тебе, господин, — сказала девушка. — Я — Рианнон, дочь Хевейда, и меня хотят выдать замуж против моей воли. Но я не выйду замуж, ибо я люблю тебя, и у меня будет другой муж, только если ты ответишь мне отказом. Поэтому я приехала, чтобы узнать твое решение.

— Клянусь Небесами, — сказал Пуйлл, — вот мой ответ: если бы мне пришлось выбирать из всех девушек мира, то я выбрал бы тебя.

— Воистину, — сказала девушка, — если это твой ответ, то посватай меня, пока я не обручена с другим.

— Чем раньше я это сделаю, тем приятней мне будет, — сказал Пуйлл. — Я встречу с тобой, когда только пожелаешь.

— Я хочу, чтобы мы встретились в этот же самый день через двенадцать месяцев во дворце Хевейда.

— С удовольствием, — ответил Пуйлл, — я прибуду к тебе.

На этом они расстались, и он вернулся к своим людям и родственникам. И всякий раз, когда его пытались расспросить про девушку, он переводил разговор на другую тему.

Когда прошел год с их встречи, он распорядился, чтобы сто рыцарей собрались в дорогу и отправились с ним во дворец Хевейда. Так он появился при дворце и был встречен с большим радушием: собралось множество народу, начались увеселения, и по всему было видно, что к его приезду готовились. В его распоряжение был предоставлен весь двор.

Зал украсили, и все отправились пировать, и вот в каком порядке они сидели: Хевейд сел с одной стороны от Пуйлла, а Рианнон села по другую от него сторону, а все остальные расселись согласно своим титулам. Они пили, ели и беседовали, а когда после трапезы принесли вина, в зал вошел высокий рыжеватый юноша, имевший царственную осанку

и одетый в атласные одежды. Когда он вошел, то приветствовал Пуйлла и всех его спутников.

— Да пребудет с тобой Господь! — ответил Пуйлл. — Иди к нам и садись.

— Не могу, — ответил юноша, — поскольку я всего лишь проситель и должен выполнить поручение, с которым пришел.

— Проси чего хочешь, — ответил Пуйлл.

— Господин, — продолжил юноша, — у меня есть дело к тебе, и я прошу тебя о милости.

— О какой бы ты милости ни просил меня, я выполню все, что в моих силах.

— Ах! — воскликнула Рианнон. — Зачем ты дал такое обещание?

— Разве благородные люди, присутствующие здесь, не слышали данного мне обещания? — спросил юноша.

— Душа моя, о чем ты просишь? — спросил Пуйлл.

— Дама, которую я люблю больше всех, сегодня ночью станет твоей невестой; поэтому я пришел просить тебя отдать ее мне вместе с сегодняшним пиром.

Пуйлл молчал, поскольку понял, как опрометчиво дал обещание.

— Молчи сколько хочешь, — сказала Рианнон, — еще никто так бездарно не распоряжался своим умом, как ты.

— Госпожа, — заговорил он, — я же не знал, кто он.

— Так знай же: это тот самый человек, за которого меня хотели выдать замуж против моей воли. Его зовут Гваул, сын Клуذا, человека могущественного и богатого. Поэтому раз уж ты обещал, то отдай меня ему, чтобы позор не пал на твою голову.

— Госпожа, мне непонятен твой ответ. Я никогда не соглашусь сделать так, как ты сказала.

— Отдай меня ему, — продолжала она, — а я устрою так, что никогда не буду принадлежать ему.

— Как же тебе это удастся? — спросил Пуйлл.

И она поведала ему все, что было у нее на уме, и беседа их затянулась. Не выдержав, Гваул произнес:

— Господин, я хочу получить ответ на свою просьбу.

— Поскольку я обещал тебе выполнить все, что в моей власти, то бери ее, — ответил Пуйлл.

— Душа моя, — сказала Рианнон, обращаясь к Гваулу, — этот пир я обещала мужам Диведа, приближенным, а также нашим войнам. И я не

могу позволить, чтобы его отдали кому-либо. Ровно через год здесь будет устроен пир в твою честь, чтобы я могла стать твоей невестой.

Итак, Гваул отправился в свои владения, а Пуйлл возвратился в Дивед. Оба еле дождались дня, когда должен был состояться обещанный пир во дворце Хевейда. Гваул, сын Клуда, отправился на пир, устраиваемый в честь него, и приехал во дворец, где был торжественно встречен. Пуйлл, правитель Диведа, вместе с сотней рыцарей приехал в сад, как ему велела Рианнон. Пуйлл был одет в грубые, потрепанные одежды, а на ногах у него были огромные старые башмаки. Когда он узнал, что гости поели и приступили к вину, то отправился в зал. Он приветствовал Гваула, сына Клуда, и мужчин и женщин его свиты.

— Да благословят тебя Небеса! — сказал Гваул. — Я дружески приветствую тебя.

— Господин, да вознаградят тебя Небеса, — сказал Пуйлл, — у меня к тебе дело.

— Говори, и если оно правое, я не откажу тебе.

— Конечно правое, — продолжал Пуйлл. — Я беден, и прошу тебя лишь о том, чтобы ты разрешил мне наполнить мясом этот кожаный мешочек.

— Разумная просьба, — услышал он в ответ, — пусть наполнят его мешочек едой!

Сразу же множество слуг вскочили и стали наполнять мешок едой, однако, сколько они ни клали мяса, мешок все был пуст.

— Душа моя, — спросил Гваул, — твой мешок когда-нибудь наполнится?

— Клянусь Небесами, — он будет пуст до тех пор, пока кто-нибудь, у кого есть земли и другие владения, а также сокровища, не влезет в мешок и не начнет уминать положенную в него еду обеими ногами, приговаривая: «Уже достаточно в тебя положено!».

После этих слов к Гваулу, сыну Клуда, обратилась Рианнон:

— Быстрее полезай!

— Уже лезу! — ответил Гваул.

Он поднялся и залез обеими ногами в мешок. Пуйлл быстро поднял края мешка так, что накрыл Гваула с головой. Быстрым движением он затянул на мешке узел и протрубил в рог. В тот же миг в зал вошли его рыцари. Они схватили воинов Гваула и заключили их в местную темницу. Пуйлл сбросил с себя тряпье, старые башмаки и ветхую одежду. А каждый его рыцарь, входя в зал, ударял по мешку и спрашивал:

— Что в нем?

— Барсук, — звучал ответ.

Вот так они и играли с мешком: каждый бил по мешку ногой или древком копья, — и с тех пор пошла игра «барсук в мешке»*.

— Господин, — раздался голос из мешка, — послушай, я не хочу, чтобы меня убили в мешке.

Хевейд ответил:

— Он прав и достоин того, чтобы ты его выслушал.

— Хорошо, я поступлю с ним так, как ты посоветуешь, — ответил

Пуйлл.

— Тогда вот мой совет, — сказала Рианнон. — Пришло время тебе одарить просителей и менестрелей. Пусть он заплатит им вместо тебя. — Она показала на мешок. — Возьми только с него обещание, что он никогда не попытается отомстить тебе за то, что ты с ним сделал. А для него то, что случилось, уже будет достаточным наказанием.

Человек в мешке опять заговорил:

— Я все исполню, как вы хотите.

— Я согласен со всем, что здесь было сказано, — произнес Пуйлл, — тем более что это советы Хевейда и Рианнон. Ищи себе поручителей, — обратился он снова к человеку в мешке.

— Мы ручаемся за него, — сказал Хевейд, — до тех пор, пока за него не поручатся его люди, когда их освободят.

На этих условиях Гваула выпустили из мешка, а его людей из темницы.

— Да, долго еще с меня не сойдут все синяки. Я прощаюсь и отправляюсь к себе, а вместо себя оставляю своих людей, которые во всем смогут заменить меня, когда тебе это потребует.

— Хорошо, — ответил Пуйлл, — пусть так и будет.

И Гваул отправился в свои владения.

Зал тут же привели в порядок и накрыли столы для Пуйлла, его дружины и придворных, и, когда все было готово, все уселись за столы. За этими же столами они сидели двенадцать месяцев назад в такой же вечер. Они ели и пировали и всю ночь провели в веселье

* «Барсук в мешке» — игра, в основе которой лежат женские уловки, цель которых — поставить мужчину в неудобное положение. Кое-где в англоязычных странах в нее играют до сих пор. В обиходе «барсук в мешке» — это ситуация, схожая с той, когда любовнику предлагают спрятаться в шкафу, потому что «муж пришел».

и покое. Наступило время сна, и все отправились спать, а Пуйлл и Рианнон пошли в приготовленные для них покои.

На следующее утро, когда развиднелось, Рианнон сказала:

— Мой повелитель, вставай и начинай одаривать менестрелей. Никому не отказывай из тех, кто придет просить твоей милости.

— Пусть так все и будет, — ответил Пуйлл, — и сегодня, и завтра, и до тех пор, пока будем пировать.

Итак, Пуйлл поднялся, попросил тишины и объявил, что все просители и менестрели могут сами указать, какие дары им нравятся. Так и сделали и продолжили пировать, и пока длился пир, никому ни в чем отказа не было. Когда пир подошел к концу, Пуйлл сказал Хевейду:

— Мой господин, с твоего разрешения завтра я отправлюсь в Дивед.

— Конечно, — ответил Хевейд. — Да благословит тебя Господь! Назначь, когда Рианнон должна будет следовать за тобой.

— Ради всего святого, дозвожь нам отправиться завтра вместе.

— Такова твоя воля? — спросил Хевейд.

— Да, — ответил Пуйлл.

На следующий день они отправились в Дивед и прибыли во дворец под названием Нарберт, где уже приготовились к их встрече. К ним явилось множество местной знати и самые благородные дамы со всех сторон, и не было ни одной из них, которая бы не получила от Рианнон богатый подарок — браслет, кольцо или драгоценный камень. И они правили страной в благополучии и достатке год за годом.

Бранвен, дочь Ллира

Бендигейд Вран, сын Ллира, стал королем всего острова, короновавшись в Лондоне. Однажды он был в Харлехе, что в Ардудви, где он держал двор. Он сидел на скале Харлеха, любуясь морем. С ним вместе были его брат Манавидан, сын Ллира, а также братья по линии матери, Нишен и Эвнишен, и много знати, которая всегда находится рядом с королем. Его два брата по линии матери были сыновьями Эйросвидда. Один из них был добрым юношей и имел благородное сердце; он умело налаживал отношения между родственниками и мирил их даже тогда, когда они были в ссоре. И звали этого юношу Нишен. Другой же норовил

братьев своих поссорить даже тогда, когда они меньше всего желали раздоров. Когда они так сидели, то увидели, что со стороны Южной Ирландии к ним плывут тринадцать судов, причем благодаря попутному ветру они быстро приближались.

— Вижу корабли, — сказал король, — которые вот-вот пристанут к берегу. Пусть мои люди вооружатся и выйдут навстречу, чтобы узнать, с чем они прибыли.

Так все и было сделано, и когда люди короля вышли к морю и рассмотрели корабли вблизи, то признались себе, что прекрасней этих кораблей им никогда видеть не приходилось. Над ними развевались великолепные атласные флаги. Когда один из кораблей вышел вперед, над его бортом поднялся щит, перевернутый нижним концом вверх, что было знаком мирных намерений. Корабли приблизились настолько, что можно было вести разговор. Затем с корабля спустили лодки, которые направились к берегу. Приплывшие люди приветствовали короля. Стоя на вершине скалы, он мог слышать вновь прибывших и произнес:

— Благослови вас Господь и добро пожаловать! Кому принадлежат все эти корабли и кто стоит над вами?

— Повелитель, — ответили они, — приплыл Матольх, король Ирландии, и все корабли принадлежат ему.

— Зачем он пришел и высадится ли он на берег? — спросил король.

— Он хочет вступить с тобой в союз, правитель, — ответили ему, — и собирается просить руки Бранвен, дочери Лира, и если ты не против, то Остров Сильных* и Ирландия смогли бы стать союзниками и только бы выиграли от этого.

— Отлично, — сказал король. — Пусть Матольх сходит на берег, и мы с ним будем держать совет.

Этот ответ передали Матольху, и тот подтвердил желание встретиться. Он высадился на берег и был радушно встречен. Вечером во дворце собралось множество народу — и дружина Матольха, и придворные короля. На следующий день они держали совет, и было решено отдать Бранвен Матольху. Теперь она становилась одной из трех самых знатных дам острова, но красивее ее не было никого в мире.

* Остров Сильных — одно из названий Британии в валлийском языке. — *Примеч. авт.*

Местом, где она должна была стать его невестой, выбрали Аберфро. И они отправились туда, и за ними последовало войско. Матольх и его дружина плыли на кораблях, а Бендигейд Вран со своими воинами отправился по суше, и вскоре все прибыли в Аберфро. Там начался пир, и все сели за стол. Сидели же они в таком порядке: король Острова Сильных и Манавидан, сын Лира, с одной стороны, Матольх — с другой, а Бранвен, дочь Лира, села рядом с ним. И сидели они не в доме, а под шатрами. Нет такого дома, в котором бы поместился Бендигейд Вран. Начался пир, потом принесли напитки, и началась беседа. Когда же всем уже хотелось больше спать, чем пировать, люди разошлись на отдых, и Бранвен стала женой Матольха.

На следующее утро они проснулись, и все придворные и вожди соби-
рались и принялись выстраивать коней и слуг и выстроили их до самого моря.

Так уж случилось, что Эвнишен, самый скандальный человек, о котором мы уже говорили, случайно оказался в том месте, где стояли кони Матольха, и спросил, чьи они.

— Это кони Матольха, короля Ирландии, который женился на Бранвен, твоей сестре, вот чьи они.

— Как они посмели распорядиться такой девушкой, как Бранвен, не спросив на то моего согласия, ведь она — моя сестра. Никто не смог бы мне нанести большего оскорбления!

После этих слов он подлез под конское брюхо и отрезал коням Матольха губы до самых зубов, уши до самого основания и хвосты короче некуда. Так он искалечил коней и сделал их непригодными.

До Матольха дошла весть о том, что кони его изуродованы так, что больше пользоваться ими невозможно.

— Воистину, правитель, — сказал один из его людей, — это оскорбление тебе, и иначе его рассматривать нельзя.

— Мне совершенно непонятно, зачем за меня выдали столь знатную и любимую всеми родичами девушку, а потом нанесли мне такое оскорбление.

— Повелитель, — сказал другой человек из его свиты, — что сделано, то сделано, что тут гадать? Нам осталось только сесть на корабли и уплыть отсюда.

И Матольх отправился на корабль.

Бендигейд Вран услышал о том, что Матольх покидает двор не прощаясь, и отправил к нему посланцев, чтобы узнать, почему он это

делает. Посланцами были: Иддик, сын Анарауда, и Хевейд Хир. Им удалось нагнать Матольха и спросить, почему он так поступил.

— По правде сказать, мне вообще не стоило приезжать сюда. Меня здесь оскорбили так, как никто никогда не оскорблял!

— Поверь, повелитель, если такое и случилось, то не по воле королевского двора; ни у кого даже в мыслях не было оскорблять тебя, — сказали посланцы, — и если такое произошло, то в этом больше оскорбления для Бендигейда Врана, чем для тебя.

— Наверное, все так, как вы говорите, но оскорбления назад не возьмешь.

С этим посланцы вернулись к Бендигейду Врану и сказали, какой ответ им дал Матольх.

— Пожалуй, мы ничем не сможем смягчить его сердце, чтобы он уехал от нас с миром.

— Повелитель, может, отправить к нему еще одно посольство? — сказали посланцы.

— Я так и сделаю, — ответил король. — Поднимайтесь, Манавидан, сын Ллира, и Хевейд Хир, идите за ним и скажите, что за каждого искалеченного коня он получит достойную замену. А кроме того, скажите, что за нанесенную ему обиду он получит серебряный посох с него ростом, а также золотую чашу с его голову. Покажите ему также того, кто это сделал, и убедите его, что это было сделано против моей воли. Добавьте, что сделал это мой брат, поэтому мне трудно будет предать его смерти. Пусть он также придет и встретится со мной, и тогда мы сможем восстановить мир между нами так, как он этого захочет.

Послы отправились к Матольху и повторили ему все, что им было поручено, в самом дружеском тоне, и он выслушал их.

— Мужи, — сказал он, — я должен созвать совет.

Обсудив все, его люди пришли к выводу, что если они откажутся от такого предложения, то ничего, кроме еще большего позора на свою голову, они не получат, да и возмещение, предлагаемое за нанесенное оскорбление, тоже было немалым. Поэтому они решили принять предложение и мирно вернулись во дворец.

Все шатры и навесы были сразу приведены в порядок и составлены в виде зала; все расселись по отведенным им местам и приступили к еде, а Матольх и Бендигейд Вран завели беседу. Увидел Бендигейд Вран, что его собеседник сейчас не так весел, как прежде, и решил, что он недоволен размером полученного за обиду выкупа.

— О муж, — сказал Бендигейд Вран, — что-то ты сегодня не весел. Если ты недоволен полученным выкупом, то можешь добавить к нему все, что пожелаешь, а завтра я тебе это дам в уплату за покалеченных коней.

— Владыка, — ответил тот, — да вознаградят тебя Небеса!

— Пожалуй, к выкупу я добавлю еще и котел, у которого есть одно замечательное свойство: если в него поместить только что убитого человека, то на следующий день он вновь станет жив-здоров, только навсегда останется нем.

Тут благодарностям Матольха не было конца, и веселье вновь вернулось к нему.

Всю ночь они провели в беседах, и их развлекали менестрели, и вино лилось рекой, а когда же им сон показался сладостней, чем бодрствование за столом, они решили отправиться на отдых. Так в веселье прошел пир, а когда он закончился, Матольх отправился в Ирландию, и Бранвен была с ним. На тринадцать кораблях они отплыли из Абер-Маней и взяли курс на Ирландию. В Ирландии их ожидала пышная встреча, поскольку все были рады их возвращению. И не было ни одного знатного мужа или знатной дамы, которые бы не посетили Бранвен и не подарили бы ей пряжку, кольцо или большой драгоценный камень, считая это за большую честь. И эти подарки она получала весь год, наслаждаясь почетом и дружеским к ней расположением. В положенное время у нее родился сын, которому дали имя Гверн, сын Матольха, и отправили его на воспитание к лучшим людям Ирландии.

На второй год в Ирландии пошли разговоры о том, как Матольха оскорбили в Уэльсе, и о той плате, которую он получил за изувеченных лошадей. Его сводные братья и все его окружение открыто высказывали свое недовольство и говорили, что не будут знать покоя до тех пор, пока не отомстят за нанесенное ему оскорбление. В отместку они решили выгнать Бранвен из покоев, в которых она жила с Матольхом, заставить ее кухарить, и чтобы мясник каждый день после того, как он разделает мясо, подходил к ней и бил ее в ухо. Вот такое они придумали для нее наказание.

— Повелитель, — говорили люди Матольху, — запрети кораблям, паромам и рыбацким лодкам плавать в Уэльс, а всех, кто приплывет к нам из Уэльса, заключай в темницу, чтобы они не смогли вернуться назад и рассказать об этом.

Так он и сделал, и продолжалось все это целых три года.

А Бранвен вырастила скворца в крышке от квашни, научила его разговаривать и рассказала птице, как выглядит ее брат. Затем она написала письмо о своих злоключениях и о том, как ее унижают, привязала его под крыло скворцу и отправила птицу в сторону Уэльса. И та долетела до острова и в конце концов нашла Бендигейда Врана в Каэр-Сегионте, что в Арвоне, где он обсуждал свои дела. Птица села ему на плечо и распустила перья так, чтобы можно было увидеть письмо и чтобы все поняли, что это домашний скворец.

Бендигейд Вран взял письмо и стал его читать. Прочитав его, он очень опечалился, узнав, какие беды терпит Бранвен. Он тут же разослал гонцов во все концы острова, чтобы собрать всех жителей. К нему прибыло сто сорок человек знати, и он им пожаловался на то, как страдает его сестра. И вот они стали держать совет и решили, что отправляются в Ирландию, оставляя дома лишь семь рыцарей, главным из которых должен был стать Карадок *, сын Врана.

Бендигейд Вран со всей дружиной, о которой мы говорили, отправился в Ирландию, и случилось так, что посреди моря его корабли оказались на мели. Свинопасы Матольха, бывшие на берегу, видели это и поспешили к своему повелителю с новостями.

— Приветствуем тебя, повелитель, — сказали они.

— Да защитит вас Господь, — ответил Матольх, — с какими новостями пожаловали?

— Повелитель, чудны наши новости. Мы видели в море лес в том месте, где раньше не было ни единого дерева.

— Это действительно чудо, — ответил он, — а что еще вы видели?

— Мы видели, — ответили ему свинопасы, — гору за этим лесом, а на вершине этой горы была большая гряда, и с каждой стороны этой гряды было по озеру. Причем и лес, и гора, и все остальное двигалось.

— Я считаю, — ответил Матольх, — что никто не сможет разгадать это чудо, кроме Бранвен.

Послали за Бранвен.

— Госпожа, — сказали посланцы, — как ты думаешь, что это такое?

— Это люди с Острова Сильных, которые пришли, узнав, как тяжело мне живется.

— Что это за лес, который виден в море? — спросили они.

* Caractacus. — Примеч. авт.

— Это рей и мачты их кораблей, — был ее ответ.

— Хорошо, — сказали они, — а что это за гора высится над кораблями?

— Это мой брат Бендигейд Вран, — ответила она, — сел на мель и переходит море вброд.

— А что это за гряда с озерами по обе стороны?

— Глядя на ваш остров, он разгневался, и его глаза по обе стороны носа превратились в озера.

Воины и вожди Ирландии спешно собрались, чтобы держать совет.

— Владыка, — сказали ближайшие соседи Матольха, — мы можем принять только одно решение. Ты должен передать королевство Гверну, сыну Бранвен, которая приходится сестрой Бендигейду Врану, как плату за то, как несправедливо ты обращался с Бранвен. Тогда он помиритя с тобой.

И на совете было решено отправить с этим послов к Бендигейду Врану, чтобы избавить страну от разорения. Так удалось добиться примирения. Матольх распорядился, чтобы Бендигейду Врану и его дружине построили огромный дом. Ирландцы вошли в этот дом с одной стороны, а люди Острова Сильных — с другой. И как только все расселись, между ними установилось согласие, и мальчику передали все бразды правления. Когда мир был заключен, Бендигейд Вран позвал к себе мальчика, а от Бендигейда Врана мальчик пошел к Манавидану, и всем он был люб. От Манавидана мальчика позвал Эйросвид, и к нему мальчик пошел с большой охотой.

— Почему мой племянник, сын моей сестры, не подошел ко мне? — спросил Эвнишен. — Даже если бы мальчик не был королем Ирландии, я бы все равно приласкал его.

— С удовольствием отпущу его к тебе, — сказал Бендигейд Вран, и мальчик радостно пошел к Эвнишену.

— Клянусь Небесами, — сказал Эвнишен, — невысказанное убийство я совершу сейчас!

Он встал, схватил Гверна и прежде, чем кто-либо в доме успел остановить его, бросил мальчика в огонь. Когда Бранвен, сидевшая между братьями, увидела своего сына в огне, она хотела броситься за ним в пламя, но Бендигейд Вран помешал ей, удержав ее одной рукой, а другой прикрыв ее щитом. Тут поднялся крик и шум, все мужи принялись вооружаться. Пока воины искали свое оружие, Бендигейд Вран прикрывал щитом Бранвен. И началась сеча.

Ирландцы развели огонь под волшебным котлом и бросили в него столько мертвых тел, сколько он смог вместить. На следующий день из котла вышли готовые к сражению воины, только никто из них не мог говорить. Когда Эвнишен увидел, что некому оживить погибших воинов Острова Сильных, он в сердцах сказал:

— Жаль, что я накликал на людей Острова Сильных такую беду. Будь я проклят, если все не исправлю.

И он лег между мертвых ирландских воинов, подошли два ирландца и, думая, что это их соплеменник, подняли его и бросили в котел. Тут он уперся в стенки котла руками и ногами, напрягшись изо всех сил, так что расколол котел на четыре части, но при этом сердце его тоже разорвалось.

Так получилось, что люди Острова Сильных одолели противника, но праздновать было некому, поскольку в живых осталось только семь человек, а сам Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. В живых остались Придери, Манавидан, Талиесин и четверо других.

Бендигейд Вран приказал, чтобы ему отрезали голову.

— Возьмите мою голову и аккуратно отнесите ее на Белую гору в Лондоне, где и похороните лицом к Франции. И пока она будет там лежать, никакой враг не ступит на землю нашего острова.

Оставшиеся в живых отрезали ему голову, и все семеро отправились в путь. Восьмой с ними была Бранвен. Они пришли в землю Абер-Алоу и решили отдохнуть. Бранвен посмотрела в сторону Ирландии, потом в сторону Острова Сильных в надежде разглядеть эти земли.

— Как жаль, — сказала она, — лучше бы мне не родиться. Из-за меня пострадали два острова.

Сказав это, она издала стон, и ее сердце перестало биться. Ей вырыли четырехугольную могилу и похоронили ее на берегу Алоу.

Затем семеро отправились дальше, неся с собой голову. На пути им встретилось множество народу, и Манавидан спросил:

— Есть ли какие новости?

— Нет, — ответили ему, — если не считать того, что Касваллаун *, сын Бели, завоевал Остров Сильных и коронован королем в Лондоне.

— Что случилось с Карадоком, сыном Врана, и семью рыцарями, которые остались вместе с ним на острове?

* Cassivellaunus. — *Примеч. авт.*

— Пришел Касваллаун к ним и убил шестерых из них, отчего сердце Карадока не выдержало и разорвалось.

Семеро же продолжили свой путь в Лондон, где погребли голову на Белой горе, как велел им Бендигейд Вран *

Манавидан

У Пуйлла и Рианнон был сын, которого они назвали Придери. Когда он вырос, его отец Пуйлл умер. Придери женился на Кигве, дочери Гвина Гляя.

К этому времени Манавидан вернулся с войны из Ирландии и обнаружил, что его кузен забрал у него все владения, и эта новость пришла ему не по душе.

— Горе мне! — воскликнул он. — Все, что у меня осталось, — это я сам, и нет у меня ни дома, ни места, где можно приклонить голову.

— Повелитель, — сказал Придери, — не стоит так печалиться. Твой кузен — король Острова Сильных, и хотя он поступил по отношению к тебе несправедливо, у тебя никогда не было права на эти земли и владения.

— Ты прав, — ответил тот, — но, хотя этот человек и приходится мне кузеном, никто не сможет заменить моего брата Бендигейда Врана на его месте, и я никогда не буду счастлив с ним под одной крышей.

— Нужен ли тебе совет постороннего? — спросил Придери.

— Я слушаю тебя со вниманием, — был ответ, — и что же ты хочешь мне посоветовать?

— Мне принадлежат семь наделов, — сказал Придери, — в которых проживает моя мать Рианнон. Я выдам ее за тебя замуж, и вместе с ней ты получишь семь наделов; и хотя у тебя не будет других земель, кроме этих, лучших тебе не найти. Владейте ими вместе с Рианнон в свое удовольствие, и если даже ты пожелаешь другие земли, от этих ты не сможешь отказаться.

— Я никогда не откажусь от них, вождь, — ответил он. — Да возблагодарят тебя Небеса за твою дружбу! Я готов прямо сейчас ехать вместе с тобой, чтобы увидеть Рианнон и твои владения.

* Существует триада, посвященная тому, как голову погребли под Белой башней Лондона в качестве оберега от вторжения. Артур из гордыни вырыл голову, предпочитая защищать остров силой собственного оружия. — *Примеч. авт.*

— Тебе все понравится, — ответил Придери, — я уверен, что никогда еще ты не встречал дамы, которая бы могла вести разговор так, как это делает Рианнон, а когда она была в расцвете лет, не было женщины красивей ее. Даже сейчас никто не скажет, что она некрасива.

Они отправились в дорогу и после долгого пути прибыли в Дивед. Рианнон и Кигва устроили им пир. Манавидан и Рианнон сели и стали беседовать, и чем дольше длилась их беседа, тем сильнее Рианнон располагала его к себе. Он почувствовал, что никогда еще жизнь не сводила его с такой учтивой и красивой женщиной.

— Придери, — сказал он, — я хочу, чтобы все было так, как ты сказал.

— О чем вы говорите? — спросила Рианнон.

— Госпожа, — ответил Придери, — я обещал тебя в жены Манавидану, сыну Ллира.

— Я не буду этому противиться, — сказала Рианнон.

— И я очень рад, — добавил Манавидан. — Пусть Небеса вознаградят того, кто свел меня с таким прекрасным другом!

И еще до окончания пира Рианнон стала его женой.

— Пируйте здесь дальше, — сказал Придери, — а я должен отправиться в Англию, чтобы присягнуть Касваллауну, сыну Бели.

— Господин, — сказала Рианнон, — Касваллаун находится в Кенте, поэтому ты можешь еще пировать с нами и подождать, когда Касваллаун будет ближе.

— Хорошо, попируем и подождем, — ответил Придери, и пир продолжился.

Потом они объехали весь Дивед, занимаясь охотой и проводя время в свое удовольствие. Путешествуя по Диведу, они радовались тому, что нет в мире земли, более пригодной для проживания, для охоты, для сбора меда и для рыбной ловли. И все четверо так сдружились, что готовы были не расставаться даже на ночь.

Их веселье все еще было в разгаре, когда Касваллаун прибыл в Оксфорд, и Придери отправился туда, чтобы принести ему присягу. Там его встретили с большим радушием и высоко оценили его поступок.

Когда Придери вернулся, он и Манавидан возобновили пиры и развлечения и накрыли столы в Нарберте, поскольку там находился главный дворец. Когда слуги еще ели, Придери и Манавидан с женами, покончив с едой, отправились погулять и вместе со свитой поднялись на Горсед, курган Нарберта. Когда они достигли его вершины, раздался

сильнейший удар грома, после чего началась буря и опустился такой густой туман, что ничего нельзя было разглядеть. Когда туман рассеялся, вокруг стало светло, но там, где прежде пасся скот и стояли дома, было пусто — ни домов, ни животных, ни дыма, ни огня, ни людей, ни их жилищ, только пустой безлюдный дворец, стоящий посреди такой же безлюдной пустыни. И все их спутники пропали — никого не осталось, кроме наших четырех героев.

— Царица Небесная! — воскликнул Манавидан, — куда подевалась вся свита вместе с моей дружиной? Давайте пойдем и посмотрим.

Итак, они пошли в замок, но не обнаружили там никого, тогда они вошли в зал, потом в опочивальни, но нигде никого не было; не было никого и в погребе, где хранились меды, и в кухне. Все вокруг в мгновение ока обезлюдело. Тогда они стали объезжать все свои земли и владения и входить в дома и жилища, но не встретили никого, кроме диких зверей. Когда у них закончилась пиршественная еда и все другие съестные запасы, они стали питаться тем, что давала им охота, а также медом диких пчел.

И вот однажды утром Придери и Манавидан проснулись, чтобы отправиться на охоту. Они спустили собак и пошли за ними. Несколько собак бежали рядом с ними и вдруг бросились в кусты, но тут же выскочили оттуда со вздыбленной шерстью.

Тогда Придери сказал:

— Давай подойдем к кустам и узнаем, что там.

Они подошли, и им навстречу поднялся белый вепрь. Охотники спустили на него собак, но он вышел из кустов и, чуть попятившись от охотников, занял боевую стойку, встречая собак и никуда не убегая, пока люди не подошли к нему ближе. Тогда он снова попятился и побежал. Люди погнались за ним и вскоре оказались рядом с прекрасным замком, стоявшим на том месте, где еще недавно не было не то что стен — даже камня. Вепрь забежал в замок, а собаки устремились за ним. Когда вепрь и собаки скрылись в замке, люди подивились, не зная, откуда он взялся. С вершины Горседа они принялись осматривать окрестности, стараясь услышать собачий лай. Но сколько они там ни стояли, они не услышали ни лая собак, ни других звуков.

— Повелитель, — сказал Придери, — я отправлюсь в замок, чтобы узнать, что случилось с собаками.

— Что ты, — ответил Манавидан, — было бы безумием идти в замок, который ты до этого даже не видел. Я тебе советую вообще

в него не входить, поскольку тот, кто заколдовал эту землю, тот и создал этот замок.

— Клянусь, что не могу так легко расстаться со своими собаками, — ответил Придери и, вопреки совету Манавидана, отправился в замок.

Когда он вошел в ворота, то не обнаружил там ни людей, ни зверей, ни вепря, ни собак, ни домов, ни жилищ. Единственное, что он разглядел, был стоявший посредине замка фонтан, украшенный мрамором, а на вершине мраморной плиты красовалась золотая чаша, от которой в небо уходили золотые цепи, которым не было видно конца.

Его привлекла красота золотых изделий и замысловатая форма чаши, поэтому он потянулся к ней и взял ее в руки. Как только она оказалась в его руках, он почувствовал, что его ладони накрепко приклеились к чаше, а ноги приросли к мраморной плите, на которой она стояла. Все его восхищение сразу прошло, и он остался стоять молча и неподвижно.

Манавидан прождал Придери почти до сумерек и, не зная, что произошло с ним и с собаками, решил вернуться во дворец. Как только он пришел, Рианнон посмотрела на него и спросила:

— Где твой спутник и твои собаки?

— Послушай, что произошло со мной, — ответил Манавидан и рассказал обо всем.

— Да, плохим ты спутником оказался и хорошего спутника потерял, — ответила Рианнон.

Сказав это, она вышла из дворца и направилась к замку по пути, указанному Манавиданом. Ворота замка оказались открытыми. Ничего не боясь, она вошла внутрь и увидела там Придери, обнимавшего чашу.

— О господин, что с тобой? — спросила она и направилась к Придери.

Подойдя к нему, она прикоснулась к чаше, и руки ее тут же прилипли, а ноги приросли к плите, и она не могла выговорить ни единого слова. Тут совсем стемнело, над их головами прогремел гром, после чего опустился туман и замок исчез, а вместе с ним Придери и Рианнон.

Когда Кигва, дочь Гвина Глоя, увидела, что во дворце остались только она да Манавидан, она опечалилась настолько, что ей уже было все равно — умрет она или нет. Манавидан увидел это и сказал:

— Ты не права, если печалишься от страха передо мной. Призываю Небеса в свидетели, что нет дружбы более чистой, чем та, которая

возникла между нами, и что она останется такой, пока этого хотят Небеса. Объявляю тебе, что, будь я моложе, я поклялся бы в этом Придери, и тебе в этом клянусь, поэтому тебе нечего бояться.

— Пусть небеса наградят тебя, — ответила Кигва, страх ушел из ее сердца, и она успокоилась.

— Я думаю, госпожа, — сказал Манавидан, — что нам не стоит оставаться здесь: мы уже потеряли собак и не сможем охотиться. Давай отправимся в Англию, поскольку там нам будет легче прокормить себя.

— Хорошо, господин, давай так и сделаем.

И они отправились в Англию.

— Господин, — спросила Кигва, — каким ремеслом ты хочешь заниматься? Выбери то, которое тебе больше всего подходит.

— Ничем не хочу так заниматься, — ответил он, — как шить обувь.

— Господин, — возразила она, — такому знатному человеку, как ты, не пристало заниматься этим ремеслом.

— Что поделаешь, — ответил он.

— Но я не обучена этому делу, — сказала Кигва.

— Ничего, я научу тебя сапожному ремеслу. Мы не будем заниматься выделкой кожи, а будем покупать готовую и шить из нее обувь.

Долго ли, коротко ли, они добрались до английского города Херефорд и там стали сапожничать. Манавидан начал с того, что купил кордовскую кожу, лучше которой не было в городе, договорился с самым лучшим в городе златокузнецом, который начал делать для его башмаков застежки и золотить их, а Манавидан подмечал, как он это делает, пока не освоил это искусство. Так он стал одним из трех мастеров в городе, которые делали золоченую обувь. Причем его туфли и сапоги покупали охотнее. И когда другие сапожники заметили, что прибыли их стали падать (ибо Манавидан кроил обувь, а Кигва ее шивала), они собрались вместе, держали совет и решили убить соперников. Однако тех предупредили и даже рассказали, как сапожники собираются их убить.

— Господин, неужели мы будем дожидаться, когда с нами расправятся эти невежи?

— Нет, — ответил он, — мы возвратимся в Дивед.

И они отправились в путь.

Манавидан решил взять с собой в Дивед немного пшеницы. Они достигли Нарберта и собрались там обосноваться. Давно Манавидан не чувствовал себя таким счастливым, как при виде Нарберта и его

окрестностей, где он охотился с Придери и Рианнон. Он приоровился ловить рыбу и охотиться на оленей в самых укромных местах. Он распахал небольшой участок земли и засеял одно поле, потом второе и третье. Нигде и никогда в мире хлеб не всходил лучше, чем на его земле. Пшеница на его полях быстро росла и день ото дня наливалась все больше.

Одно время года сменяло другое, и наконец наступила пора урожая. Манавидан отправился посмотреть пшеницу на одном из своих участков и понял, что она созрела.

— Я начну жать ее завтра, — сказал он.

Вечером он вернулся в Нарберт, а утром, еще затемно, отправился в поле жать пшеницу. Но, придя на поле, он увидел только голую солому. Все колосья были аккуратно срезаны и убраны. Это его очень удивило. Он отправился на второе поле, и там пшеница тоже уже созрела, и он решил, что уберет ее завтра. Наутро он пришел с намерением начать жатву, но обнаружил только голую солому.

— О святые Небеса, — воскликнул, — тот, кто решил известить меня со света, и страну готов известить.

После этих слов он отправился на третье поле, и его глазам представила пшеница, ядренней которой он не видел. «Будь я проклят, если не останусь караулить пшеницу на ночь. Тот, кто унес урожай с двух полей, придет и на это, и я хотя бы узнаю, кто он», — решил Манавидан. Он поведал Кигве, что произошло, и она спросила:

— Что ты намерен делать?

Он ответил:

— Пойду и буду караулить поле всю ночь.

И он отправился в поле.

В полночь он услышал какой-то шорох в пшенице и разглядел, что на поле наступает полчище мышей, крупнее которых он никогда не видел, и их было столько, что не сосчитать. Каждая мышь взбиралась на стебель, перегрызала его и исчезала с колосом, причем на каждый стебель приходилось по мышши. И не успел он опомниться, как они обобрали все поле.

Рассердившись, Манавидан бросился на мышей, но поймать их было не легче, чем мошкарку или птицу небесных, и лишь одна хоть и торопилась, но бежала так, что пеший человек мог ее без труда догнать. Он погнался за этой мышью, поймал ее и посадил в перчатку, которую тут же завязал бечевою. С этой мышью он отправился во дворец.

Он прошел в зал, где сидела Кигва, разжег там огонь, а перчатку с мышью повесил на крючок.

— Что у тебя там, господин? — спросила Кигва.

— Вор, — ответил он.

— Что это за вор такой, если он помещается в перчатке? — спросила она.

Тогда он ей рассказал о нашествии мышей на последнее их поле и о том, что произошло на его глазах.

— Одна из мышей оказалась не такой проворной, как остальные, и вот теперь сидит в перчатке. Завтра я ее повешу.

— Господин, — заговорила она, — это прекрасно, но думаю, что такому достойному человеку, как ты, не к лицу вешать грызунов.

— Да я готов их всех перевешать, если бы только смог их изловить, поэтому ту, которую я поймал, обязательно повешу.

— По правде говоря, у меня нет причин жалеть эту мышь, просто я боюсь, что о тебе пойдет дурная слава. Поэтому поступай как хочешь, мой господин.

После этого разговора он отправился на курган Нарберта, взяв мышь с собой. На вершине кургана он принялся устанавливать две рогатины. За этим его застал школяр, одетый в старые и ветхие одежды. Последний раз Манавидан видел здесь живое существо семь лет назад, если не считать тех четверых, что остались после опустившегося тумана, двое из которых уже успели пропасть.

— Мой господин, — сказал школяр, — добрый тебе день!

— Да ниспошлют тебе Небеса свою благодать. Откуда ты, ученый человек? — произнес Манавидан.

— Я был певчим в Англии. А почему ты меня спрашиваешь?

— Потому что уже целых семь лет я не видел здесь ни одного человека, если не считать четверых, один из которых — я сам.

— По правде говоря, мой господин, я иду через эту землю в свою страну. А чем это ты занимаешься, мой господин?

— Я собираюсь повесить вора, который ограбил меня, — ответил он.

— И что это за вор? — спросил школяр. — Я вижу у тебя в руках только маленькую мышь и думаю, что человеку твоего положения не пристало заниматься таким делом. Лучшепусти ее восвояси.

— Клянусь Небесами, я ее поймал в тот момент, когда она обворывала меня, поэтому я поступаю с ней как с вором и повешу ее.

— Господин, чем позорить себя таким недостойным делом, лучше возьми у меня фунт, который я скопил, собирая милостыню, и отпусти зверька.

— Нет, не отпущу, — был ответ, — и тем более не продам.

— Как хочешь, мой господин, — ответил школяр и пошел своей дорогой.

Когда Манавидан укладывал поперечину на две установленные рогатины, он увидел, что к нему приближается священник на лошади, покрытой попоной.

— Добрый день тебе, господин, — произнес священник.

— Да ниспослают тебе Небеса свою благодать! — ответил Манавидан. — Будь благословен, странник!

— И ты будь благословен, — ответил священник. — Но скажи, чем это ты занят?

— Вешаю вора, которого я поймал, когда он грабил меня, — ответил он.

— И что же это за вор? — задал вопрос священник.

— Существо, которое больше всего походит на мышь. Она обворовала меня, и я ее застал за этим занятием, поэтому я поступлю с ней так, как поступают с вором.

— Господин, — сказал священник, — хочешь, я выкуплю у тебя это животное, чтобы не видеть, как ты с ним расправляешься?

— Клянусь Небесами, я не собираюсь ее ни продавать, ни отпустить на свободу.

— Ты прав, господин, оно ничего не стоит, но, может быть, лучше я дам тебе три фунта и ты отпустишь мышь, чтобы не пачкать руки?

— Я не отпущу ее ни за какие деньги, клянусь Небесами. Ее должно повесить, и она будет повешена.

После этих слов священник продолжил свой путь.

Манавидан уже начал затягивать петлю на шее у мыши, чтобы ее повесить, как увидел, что к нему приближается епископ со своей свитой, вьючными лошадьми и слугами. Епископ сам подошел к нему и жестом остановил мышиную казнь.

— Приветствую тебя, епископ, — произнес Манавидан.

— И тебе благословение Небес! — ответил епископ. — Чем это ты занимаешься?

— Вешаю вора, которого я поймал, когда тот обворовывал меня, — ответил он.

— Разве в твоих руках не мышь?

— Да, — ответил он, — именно она обворовала меня.

— Понятно. Раз я пришел в тот момент, когда ей грозила смерть, я готов выкупить ее у тебя и дам тебе семь фунтов, чтобы только не видеть, как такой достойный человек возится со столь ничтожным животным. Отпусти ее на свободу, и я дам тебе деньги.

— Бери Небеса в свидетели, я не отпущу ее.

— Если ты не хочешь отпустить ее за такие деньги, то я готов дать тебе за нее двадцать четыре фунта.

— Даже за такие деньги я не хочу ее отпускать.

— Если ты не отпустишь ее за эти деньги, то возьми всех лошадей, которых ты видишь в долине, и семь выюков с семью лошадьми, на которых эти выюки.

— Нет, — ответил Манавидан, — я не согласен.

— Раз ты не хочешь отпустить мышь даже за такой выкуп, тогда назови свою цену.

— Я хочу, чтобы Рианнон и Придери были освобождены, — сказал Манавидан.

— Считай, что это уже исполнено.

— Но этого мало, чтобы я освободил мышь.

— Чего же ты еще хочешь?

— Хочу, чтобы были сняты чары со всех семи наделов Диведа.

— И это твое желание будет исполнено, только отпусти мышь.

— Нет, я отпущу ее только тогда, когда узнаю, что это за мышь.

— Это моя жена.

— Зачем она пришла ко мне?

— Чтобы обворовать тебя, — был ответ. — Я Ллойд, сын Килведа. Это я заколдовал все семь наделов Диведа, чтобы отомстить за Гваула, сына Клуذا, который был моим другом. Придери я тоже заколдовал, чтобы отомстить за Гваула, сына Клуذا, за игру «барсук в мешке», сыгранную с ним Пуллоном, сыном Аувина. Когда мои родичи узнали, что ты вернулся домой и решил здесь обосноваться, они попросили меня превратить их в мышей, чтобы лишить тебя урожая. Они ходили одну ночь и другую и унесли все зерно с первых двух твоих полей. На третью ночь ко мне пришла моя жена со своими дамами и попросила, чтобы я и их превратил в мышей, что я и сделал. Но моя жена была нездорова, иначе ты бы не смог ее догнать. Но раз уж так произошло и она оказалась пойманной, то я освобожу для тебя Рианнон и Придери и сниму чары со всех наделов Диведа, лишь бы ты освободил ее.

— Нет, я все равно не хочу отпускать ее.

— Чего же ты еще хочешь?

— Я хочу, чтобы во всех семи наделах Диведа не осталось больше колдовства и чтобы в будущем Диведу не грозили никакие чары. Более того, чтобы никто больше не мстил за это ни Придери, ни Рианнон, ни мне.

— Все это будет исполнено. Ты поступил очень разумно, что попросил об этом и отвел от себя беду.

— Да, я опасался коварства и попросил об этом.

— Отпусти теперь мою жену на свободу.

— Нет, — ответил он, — я сделаю это не раньше, чем увижу Придери и Рианнон рядом со мной совершенно свободными.

— Смотри, вот они идут! — услышал он в ответ.

Тут появились Придери и Рианнон. Манавидан поднялся, чтобы поприветствовать их. Он поздоровался и сел рядом с ними.

— О вождь, — взмолился епископ, — ну теперь-то освободи мою жену, ведь ты получил все, о чем просил.

— Вот теперь я ее отпускаю, — сказал он и отпустил мышь на свободу.

Епископ прикоснулся к ней волшебным жезлом, и мышь превратилась в молодую женщину, красивее которой никто из них до этого не видел.

— Оглядишься вокруг, — сказал епископ, — и ты увидишь, что на твоей земле трудятся люди, как в самые лучшие времена.

Манавидан поднялся и посмотрел вдаль. Он увидел, что все поля обработаны, на лугах пасется скот и кругом стоят жилища.

На этом заканчивается первая часть Мабиногион.

Об этом сюжете восхитительно сказано в письме поэта Саути*, написанном Джону Рикману** 6 июня 1802 года:

«Ты прочтешь Мабиногион, но прежде я хочу поговорить с тобой вот о чем. В последнем, самом странном и в чем-то арабском рассказе о мыши упоминается нищий школяр, который позволяет датировать это

* Роберт Саути (1774—1843), английский поэт, литератор из ближайшего окружения У. Вордсворта и С.-Т. Колриджа.

** Джон Рикман (1771—1840) был известным ученым, занимавшимся математической статистикой, противник теории Мальтуса и автор идеи проведения переписи населения каждые десять лет.

произведение. Но где кимры набрались такой фантазии, которая породила это сказание? Волшебный фонтан с цепями, которые свешиваются с небес, роднит эту историю с „Тысячью и одной ночью”. Я поражен тем фактом, что подобная литература существовала в Уэльсе. Происхождение этого рыцарского романа невозможно объяснить, и все в нем происходит совсем не так, как в других произведениях того же жанра. Это целый новый мир литературы, и если на основе анализа языка это произведение можно датировать двенадцатым или тринадцатым веком, то я все-таки думаю, что в основе его лежит значительно более древняя мифология, возможно даже принесенная с Востока первыми поселенцами или завоевателями».

Килух и Ольвен

Килид, сын принца Келидона, решил жениться по любви, и жену, которую он выбрал, звали Голейдид, дочь принца Анлауда. Когда они поженились, их подданные начали молиться о рождении наследника. Вскоре у супругов благодаря людским молитвам родился сын, которого они называли Килух.

После этого мать мальчика, Голейдид, дочь принца Анлауда, заболела. Она позвала к себе мужа и сказала:

— Я уже не поправлюсь, и ты приведешь себе другую жену. Конечно, жена — это дар Божий, но будет плохо, если твоя новая женитьба повредит сыну. Поэтому обещаю тебе, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет куст шиповника с двумя цветками.

И он дал ей такое обещание. Потом она попросила ухаживать за ее могилой каждый год, чтобы она не зарастала сорняками. Королева умерла, и каждое утро король посылал слугу к могиле узнать, не появились ли на ней какие-нибудь ростки. К концу седьмого года обещания, данные королеве, забылись.

Однажды король отправился на охоту и решил побывать на могиле, чтобы посмотреть, не пора ли ему жениться. И король увидел шиповник. И когда он увидел это, он собрал совет, чтобы узнать, где ему искать жену. Один из советников сказал:

— Знаю я одну женщину, которая тебе во всем подойдет. Это жена короля Догеда.

И они решили заполучить эту королеву. Они убили короля, забрали его жену и завоевали все его земли. После этого Килид женился на вдове короля Догеда, сестре Испададена Пенкаура.

Однажды мачеха сказала Килуху:

— Хорошо бы тебе завести жену.

— Я еще не в том возрасте, чтобы жениться, — ответил юноша.

Тогда она заявила ему:

— Тебе уготовано судьбой не иметь другой жены, кроме Ольвен, дочери Испададена Пенкаура.

Юноша покраснел, и любовь к девушке охватила все его тело, хотя он никогда ее не видел. Его отец спросил:

— Что с тобой и что тебя мучает?

— Моя мачеха сказала мне, что я не женюсь до тех пор, пока не получу Ольвен, дочь Испададена Пенкаура.

— Это нетрудно, — ответил его отец, — ведь Артур твой кузен. Поезжай к нему, пройди воинский постриг и проси, чтобы он исполнил это твое желание.

И юноша отправился в путь на скакуне с пятнистой головой, четырех зим от роду, с сильными ногами, красивыми копытами, с уздечкой на голове в виде золотой цепочки и с дорогим позолоченным седлом на спине. В руках у юноши были два серебряных копья — острых, с наконечниками из закаленной стали, три эля длиной *, причем эти копья входили в тело по спирали, заставляя рану кровоточить так неудержимо, как не стекает роса с тростниковых листьев в июне, когда она обильней всего. На бедре у него был меч с позолоченной рукоятью, лезвие тоже было украшено позолотой в форме креста, напоминавшего небесную молнию. Боевой рог у него был сделан из слоновой кости. Перед ним бежали две серые пятнистые охотничьи собаки в украшенных рубинами ошейниках шириной от лопаток до самых ушей. Та, что бежала справа, была привязана с левой стороны, а та, что бежала слева, была привязана наперехлест с правой стороны; и обе собаки, как две крачки, резвились около него. Четыре копыта его скакуна каждый раз выбивали четыре комка земли, которые, как ласточки, взлетали то выше, то ниже головы всадника. На юноше был накинут пурпурный плащ, в каждом углу которого было золотое яблоко ценой в сто коров. На его сапогах от колена до кончиков пальцев и на его шпорах было столько золота, сколько

* Эль — здесь: старинная мера длины, равная 45 дюймам, т. е. примерно 1,14 м.

стоят триста коров. При этом бег его скакуна был так стремителен, что ни одна травинка не успевала согнуться под ним, когда он скакал к воротам Артурова замка.

У ворот юноша произнес:

— Есть ли здесь привратник?

— Есть, — раздался ответ, — но если ты не с миром пришел, то теплого приема не жди. Я служу привратником Артура каждый год первого января.

— Открывай ворота!

— Нет, не открою!

— Почему?

— Потому, что нож уже воткнут в мясо, в рог налито вино и в зале все давно пируют. И никто в это время не может войти в замок, кроме разве что сына короля какой-нибудь большой страны или мастера, принесшего свое творение. Однако твои собаки и конь не останутся без еды, а для тебя будет вареное мясо с перцем, да сладкое вино, да веселые песни, и принесут тебе еду на пятьдесят человек в палаты для гостей, где едят сыны других стран, которым не позволено быть при дворе короля Артура. Дама взобьет тебе постель и усладит твой слух пением. А завтра рано утром, когда откроются ворота замка для толпы, которая собралась сегодня, тебя пропустят первым, и ты сможешь занять любое место, какое захочешь, за столом, где пирует Артур, от верхнего края стола до нижнего.

На это юноша ответил:

— Это мне не подходит. Будет лучше, если ты откроешь ворота. Если же ты не вступишь меня, то опозоришь своего господина и накличешь беду на себя. Трижды мои люди прокричат у этих ворот так страшно, как никто еще не кричал.

— Можешь шуметь сколько хочешь, — ответил привратник Глеввид, — но, раз это нарушает закон Артура, тебя никто не впустит до тех пор, пока я не переговорю с Артуром.

После этих слов Глеввид отправился в зал. И Артур спросил у него:

— Что нового у ворот?

— Я прожил полжизни, — сказал Глеввид, — и ты прожил столько же. Я был до этого в Каэр-Се и Ассе, в Сахе и Салахе. В Лоторе и Фоторе, и я был в Большой и Малой Индии, я был в Европе и Африке, а также на островах Корсики, и я был рядом с тобой, когда ты завоевывал Грецию на востоке. Девять верховных правителей, доблестных

мужей, мы видели здесь, но никто из них не вел себя с таким достоинством, как тот, кто стоит сейчас у ворот.

Сказал тогда Артур:

— Не пристало держать на ветру да под дождем такого достойного человека, как ты говоришь.

Кай добавил:

— Даю руку на отсечение, если ты последуешь моему совету, то не нарушишь из-за этого человека законов королевского двора.

— Не то ты говоришь, благословенный Кай, — продолжил Артур. — Для нас честь принять того, кто к нам обращается, и чем радушнее мы будем, тем больше нас будут уважать, восхвалять и славить.

После этих слов Глеввид отправился к воротам и открыл их перед Килухом, и хотя перед воротами полагалось спешиться, тот не спешил-ся, а въехал, как был, на своем скакуне. А потом сказал:

— Приветствую тебя, единодержавный правитель этого острова. Равно приветствую и тех, кто ниже всех, и тех, кто выше всех, равно приветствую я и гостей, и воинов, и вождей твоих. И каждого я приветствую не меньше, чем тебя самого. Пусть же доброта твоя, слава твоя и величие твое будут непревзойденными на всем этом острове.

— И тебе привет, — ответил Артур, — садись между двух моих воинов, и пусть тебя развлекает менестрель, и пока ты будешь с нами, тебе будут возданы почести, как королю, рожденному быть на троне. А когда я стану одаривать всех присутствующих в моем дворце, ты получишь подарок первым.

На это юноша отвечал:

— Я пришел не для того, чтобы есть и пить, а для того, чтобы ты исполнил мою просьбу. И если ты исполнишь ее, то благодарности моей не будет конца, и я буду восхвалять тебя повсюду. А если ты не исполнишь ее, то я разнесу хулу о тебе по всему свету, по всем местам, куда дошла весть о тебе.

— Раз ты не остаешься с нами, вождь, — ответил Артур, — я исполню любое твое желание, о каком ты только попросишь, чего бы это ни касалось и где бы это ни находилось: там ли, где ветер сушит, дождь мочит, солнце вращается, море омывает берега и простирается суша, — не проси только моего корабля Придвена, моей мантии, моего меча Калибурна, моего копья Ронгомманта и моей жены Гиневры. Клянусь Небесами, я буду рад исполнить любое твое желание, только скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты благословил мои волосы, — ответил он.

— Я исполню это.

И Артур взял золотой гребень и ножницы с серебряными ушками и расчесал его волосы. Артур спросил, как зовут юношу:

— Поскольку ты пришелся мне по сердцу, я уверен, что ты — моей крови. Поэтому скажи мне, кто ты.

— Конечно скажу. Я — Килух, сын Килида, сына принца Келидона, и Голейдид, дочь принца Анлауда, была моей матерью.

— Так и есть, — ответил Артур, — ты мой кузен. Я исполню любую твою просьбу, с какой только ты обратишься ко мне.

— Поклянись в этом Небесами и своим королевством.

— С удовольствием поклянусь.

— Тогда прошу тебя, добудь мне Ольвен, дочь Испададена Пенкаура, чтобы она стала моей женой, и о том же я прошу твоих воинов. Прошу об этом Кая и Бедвира, Гвина, сына Нудда, Гадви, сына Герайнта, принца Флеуддура Флама, Иону, короля Франции, Селя, сына Сельги, и Талиесина, главного барда, Герайнта, сына Эрбина, Гаранвина, сына Кая, Амрена сына Бедвира, Ола, сына Ольвида, Бедвида, епископа, Гиневру, первую даму, ее сестру Гвенхвивер, Морвед, дочь Уриена, Гвенлиан Дег, прекрасную девицу, Крейдилан*, дочь Ллуда, вечную девственницу, Эваэдан, дочь Кинвелина-получеловека**.

Ко всем обратился Килух с просьбой исполнить его желание.

Тогда сказал Артур:

— О вождь, я никогда не слышал о девушке, которую ты назвал, как не слышал и о ее родичах, но я с радостью отправлю гонцов на ее поиски. Дай мне только время, чтобы ее найти.

* Крейдилан — это не кто иная, как Корделия в «Короле Лире» Шекспира, чей отец в валлийских источниках называется то Лиром, то Ллудом. Во всех старинных хрониках сообщается о ее преданности престарелому отцу, но при этом не говорится, что она обречена оставаться с ним до скончания веков, а Гвин, сын Нудда, короля фей, и Гвитир, сын Грейдиола, борются за нее каждый год в первый день мая, и тот, кому повезет стать победителем, получает ее в жены. — *Примеч. авт.*

** В Уэльсе есть притча о получеловеке, которую вспоминают, чтобы сказать о силе привычки. В ней рассказывается о том, как Артур встречается с эльфом, который сначала появляется в виде крохотного, непонятного существа, а приближаясь, начинает расти до тех пор, пока не превращается наполовину в человека, и тогда вызывает короля на поединок. Считая, что перед ним слабое существо и что поединок с таким соперником не принесет ему славы, король отказывается от боя и откладывает его до тех пор, пока получеловек (Привычка) не становится таким сильным, что королю требуются вся мощь, чтобы его одолеть. — *Примеч. авт.*

На что юноша ответил:

— С удовольствием дам тебе сроку целый год, начиная с этого вечера.

После чего Артур отправил гонцов во все концы своих владений, наказав им найти девушку. В конце года все гонцы Артура вернулись, узнав о девушке не больше, чем о ней было известно в первый день. Тогда Килух сказал:

— Каждый получил все, что пожелал, кроме меня. Я уезжаю и честь твою, Артур, увожу с собой.

Кай ему ответил:

— Торопись, вождь. Уж не хочешь ли ты обидеть Артура? По-едем вместе, и мы не оставим тебя до тех пор, пока ты не признаешься, что такой девушки нет, или пока она не станет твоей женой.

После этих слов Кай поднялся. Тогда Артур позвал Бедвира, который никогда не отказывался от приключения, если в нем принимал участие Кай. В быстроте не было ему равных на всем острове, кроме самого Артура. И хотя он был однорук, на поле битвы не уступал и трем воинам.

И позвал Артур Кинделига-проводника, сказав:

— Отправляйся вместе с этим вождем, — ибо не было лучше проводника ни в его родном краю, ни в тех землях, где он никогда не был.

А еще он позвал Гурира Гвалстата, поскольку тот знал языки.

И он позвал Гавейна, сына Гвиара, поскольку тот никогда не возвращался, не достигнув своей цели.

И позвал Артур Менеу, сына Тейргведа, на тот случай если они окажутся в стране дикарей, чтобы он воспользовался чарами и сделал так, чтобы они всё видели, оставаясь сами для всех невидимыми.

Они странствовали до тех пор, пока не оказались на большой равнине, где возвышался огромный замок, краше которого не было в целом мире. Подойдя к замку, они увидели большое стадо овец. На вершине холма сидел пастух и наблюдал за стадом. На нем была накидка из овечьих шкур, а рядом с ним — сторожевая собака больше, чем девятигодовалый конь.

Тогда Кай сказал:

— Гурир Гвалстат, пойд и поприветствуй этого человека.

— Кай, — ответил тот, — я не намерен идти дальше, чем ты.

— Хорошо, давай пойдём вместе.

Тогда Менеу сказал:

— Не бойтесь, я заколдую собаку так, что она никому вреда не причинит.

Итак, она поднялись на курган, где был пастух, и сказали ему:

— Как поживаешь, пастух?

— Живу и вам того желаю, — ответил тот.

— Чьих овец ты пасешь и кому принадлежит этот замок?

— Неужели вы не знаете, что это замок Испададена Пенкаура?

А вы-то сами кто будете?

— Мы послы Артура, пришли сватать Ольвен, дочь Испададена Пенкаура.

— О несчастные! Ради всего святого, откажитесь от этой затеи, поскольку все приходившие за этим не возвращались живыми.

Сказав это, пастух поднялся. И когда он вставал, Килух вручил ему золотое кольцо. Вернувшись домой, пастух отдал кольцо своей жене, чтобы она его сохранила. Она взяла протянутое ей кольцо и сказала:

— Откуда это у тебя? И не говори, что ты его получил в наследство.

— О жена, — ответил пастух, — того, кому принадлежало это кольцо, ты увидишь сегодня вечером.

— И кто же это? — продолжала допытываться жена.

— Килух, сын Килида от Голейдид, дочери принца Анлауда, и он пришел просить руки Ольвен.

И когда она услышала это, то возрадовалась оттого, что племянник, сын ее сестры, идет к ней, и опечалилась, поскольку не знала никого, кто, придя с такой просьбой, остался бы в живых.

Мужи подошли к воротам пастушьего жилища. Услышав их шаги, жена пастуха выбежала навстречу, чтобы радушно их встретить. Кай вытащил полено из поленицы. Она же бросилась к ним с объятиями, но, когда ее руки уже были готовы сомкнуться вокруг гостей, Кай успел между ними вставить полено, и она сжала его так, что оно согнулось в кольцо.

— О женщина, — сказал Кай, — если бы ты обняла меня с такой силой, то не знать бы мне больше сладость женских объятий.

После этого они все собрались в доме, и их стали угощать, а потом началось всеобщее веселье. И тут жена открыла каменный сундук, стоявший у той стены, где был дымоход, и из него появился кудрявый белокурый юноша. Гурир сказал:

— Жаль прятать такого юношу. Но я знаю: не его вина, что ему приходится прятаться.

— Это мой последний, — сказала женщина, — всех остальных моих детей, а их у меня было двадцать три, убил Испадарден Пенкаур, и я боюсь, что и этого сына постигнет та же участь.

Тогда Кай сказал:

— Позволь ему стать моим спутником, и его никто не убьет, пока я жив.

И они стали есть. И женщина спросила их:

— С чем вы пришли сюда?

— Мы пришли просить Ольвен стать женой этого юноши.

Тогда женщина сказала:

— Небесами заклинаю, пока никто из замка вас не видел, возвращайтесь, откуда пришли.

— Клянемся Небесами, что не вернемся до тех пор, пока не увидим девушку. Не приходит ли она сюда, чтобы мы здесь могли ее увидеть?

— Она приходит сюда каждую субботу, чтобы вымыть голову, и всегда оставляет в тазу свои кольца, но ни разу еще от нее не явился посланец, чтобы их забрать.

— Придет ли она, если за ней послать?

— Бог свидетель, что я не оскверню свою душу и не предам тех, кто доверяет мне. Я могу послать за ней, если вы поклянетесь мне всеми святыми, что не причините ей вреда.

— Мы клянемся, — сказали они.

После этого за Ольвен послали, и она пришла. Девушка была одета в огненно-красные одежды, а вокруг ее шеи сверкало ожерелье из красного золота с изумрудами и рубинами. Ее волосы сияли золотом ярче, чем цветы раkitника*, ее кожа была белее морской пены, а ее руки и пальцы были нежнее, чем цветы анемона, обрызганные струями полевого родника. Глаза обученного сокола не столь ярки, как были ее глаза. Ее грудь была белее белоснежного лебедя, а румянец щек был ярче самых

* Авторы рыцарских романов любили описывать светлые волосы и бледность своих героинь. Эта манера сохранялась в течение долгого времени, а упоминание светлых волос являлось признаком образованности автора. Даже когда в моду вошли парики, они были светло-русые. Таков был цвет волос галлов и их германских завоевателей, и им еще долго пришлось привыкать к смуглой красоте испанских и итальянских соседней. — *Примеч. авт.*

красных роз. Любой, кто ее видел, сразу проникался к ней любовью. Там, где ступала ее нога, тут же вырастал белый цветок клевера, поэтому ее звали Ольвен*.

Она вошла в дом и села рядом с Килухом на переднюю скамью. Как только юноша увидел ее, он сразу ее узнал и сказал ей:

— О девушка, ты та, которую я давно люблю. Пойдем со мной, и пусть все говорят что хотят о тебе и обо мне. Прошло уже много дней с тех пор, как я полюбил тебя.

— Я не могу так поступить, поскольку поклялась отцу своему самой верой, что не уйду без его благословения, ибо жизнь его закончится в тот момент, когда я обручусь. Чему быть, того не миновать. Но я хочу дать тебе совет, если ты готов к нему прислушаться. Иди и проси моей руки у отца. Сделай то, что он попросит, и тогда я буду твоя. Но если ты ему в чем-нибудь откажешь, то мне уже никогда не быть твоей, и хорошо, если ты сам сможешь уйти живым и невредимым.

— Если получится, то обещаю тебе так и поступить, — ответил он.

Она вернулась в свои покои, а Килух с рыцарями поднялись и отправились за ней в замок. Молча они зарубили девять стражей, стоявших на девяти воротах. И убили они девять сторожевых псов, которые не успели даже залаять. И наконец вошли в зал.

— Небеса и люди приветствуют тебя, Испададен Пенкауур, — сказали они.

— А вы зачем явились?

— Мы пришли просить твою дочь Ольвен для Килуха, сына Килида, сына принца Келидона.

— Где вы, мои пажи и слуги мои? Поднимите мне брови с глаз, чтобы я смог видеть, каков он, мой зять. — Слуги открыли ему глаза, и он продолжал: — Приходите завтра, и я дам вам ответ.

Они поднялись, чтобы уйти, а Испададен Пенкауур схватил один из трех отравленных дротиков, что лежали рядом с ним, и бросил его вслед уходящим. А Бедвир поймал его и метнул обратно, попав Испададену Пенкауру прямо в колено. И тот произнес:

— Будь проклят ты, непочтительный зять! Теперь я с трудом смогу ходить, и мне никогда не удастся залечить эту рану. Это отравленное железо жалит меня, как овод. Будь проклят тот кузнец, который его выковал, и та наковальня, на которой его сделали! Острее этого железа не бывает.

* Букв. «белый след».

Эту ночь они опять провели в доме пастуха. На следующий день, когда развиднелось, они вооружились, отправились в замок и вошли в зал со словами:

— Испададен Пенкауэр, отдай нам свою дочь, а мы заплатим за нее и за двух ее родственниц полагающийся выкуп.

На это великан ответил:

— Еще живы четыре ее прабабки и четыре ее прапрадеда, и я не могу с ними не посоветоваться.

— Пусть будет так, — ответили они, — а мы уходим трапезничать.

Когда они поднялись, он схватил второй дротик, лежавший подле него и бросил его им вслед. И Менеу, сын Тейргведа, перехватил его на лету и бросил обратно, и дротик ранил великана прямо в грудь.

— Будь проклят ты, непочтительный зять! Это железное острие жалит меня, как лошадиная пиявка. Будь проклят тот горн, где калили это железо, и тот кузнец, который его ковал! До чего же оно острое! Теперь всякий раз, когда я буду взбираться на гору, я буду страдать от одышки и боли в груди. И еда теперь будет мне ненавистна.

После этого они отправились вкушать пищу.

На третий день они вновь вернулись во дворец. И Испададен Пенкауэр сказал им:

— Не пускайте в меня больше дротики, если не хотите умереть. Где мои слуги? Поднимите мне брови, которые застыт мои глаза, ибо хочу я видеть, каков он, мой зять.

Слуги подошли, и, когда они подняли ему брови, Испададен Пенкауэр взял третий отравленный дротик и бросил его в гостей. Но Килух поймал его и бросил назад с большой силой, и острие попало великану прямо в глаз.

— Будь проклят ты, непочтительный зять! До конца жизни теперь не видеть мне уже так же хорошо. Всякий раз, когда я буду идти против ветра, глаза мои будут слезиться, а может быть, и голова моя станет болеть и кружиться при каждой новой луне. Как укус бешеной собаки, болит моя рана от этого отравленного железа. Будь проклят тот огонь, в котором его ковали!

И они отправились на трапезу.

На следующий день они снова пришли во дворец и сказали:

— Не бросай в нас больше дротики, если не хочешь терпеть боль, унижение и муки, которые испытываешь сейчас, а то и больше.

Килух сказал:

— Отдай мне свою дочь, но если ты не захочешь этого сделать, то погибнешь.

— Где тот, кто просит руки моей дочери? Подойди поближе, чтобы я смог тебя рассмотреть.

И они поставили для Килуха кресло, чтобы он мог сесть лицом к лицу с великаном. Испададен Пенкауэр сказал:

— Это ты просишь за себя мою дочь?

— Я, — ответил Килух.

— Хочу, чтобы ты пообещал обходиться со мной справедливо. И когда я получу то, что назову, ты получишь мою дочь.

— С радостью обещаю тебе это, — ответил Килух, — только скажи, чего ты хочешь.

— Сейчас узнаешь, — ответил тот. — Видишь красную вспаханную землю?

— Вижу!

— Когда я впервые встретился с матерью Ольвен, девять мер* льна было посеяно на этой земле, но ничего до сих пор не проросло — ни белого, ни черного. Хочу, чтобы ты засеял льном эту землю, чтобы, когда лен вырастет, из него можно было сделать белую накидку на голову моей дочери, которую бы она надела в день своей свадьбы.

— Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно мне не по плечу.

— Если ты выполнишь это задание, тебе будет дано еще одно, которое ты не сможешь выполнить. Хочу, чтобы в ночь свадьбы для нас играла арфа Тейрту. Эта арфа играет и замолкает по желанию человека. Ее владелец не отдаст ее по своей воле, а заставить его отдать арфу тебе не удастся.

— Я легко справлюсь и с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно мне не по плечу.

— Если ты справишься с этим заданием, тебя будет ждать еще одно, которое ты выполнить не сможешь. Я хочу, чтобы моим охотником стал Мабон, сын Модрона. Его отняли у матери, когда ему было всего три дня от роду, и никто не знает, где он сейчас, жив или мертв.

— Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно мне не по плечу.

* В данном случае девять мер — примерно три метрических центнера.

— Если ты справишься с этим заданием, тебе придется выполнить еще одно, с которым тебе не совладать: принести мне двух волчат волчицы Гаст Римхи. Удержать их сможет лишь поводок, сплетенный из бороды разбойника Диллуса Варвауга, да и то если волосы вырвать из бороды живого разбойника. Но живой он не даст глумиться над собой, а если он умрет, то поводок из его бороды разорвется.

— Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно мне не по плечу.

— Если ты справишься с этим заданием, то тебе придется выполнить еще одно — принести мне меч великана Гвернаха. По своей воле он его никогда не отдаст, а заставить его отдать тебе не удастся.

— Я легко справлюсь с этим заданием, хотя ты думаешь, что оно мне не по плечу.

— Если ты справишься и с этим заданием, тебя ждет такое, которое ты не исполнишь. Тебе придется преодолеть все трудности, провести в поисках много ночей без сна, и если ты не исполнишь все мои задания, то не видать тебе моей дочери никогда, а сам ты лишишься жизни.

— У меня будут кони и друзья-рыцари, и мой повелитель и родич Артур поможет мне достать все, что ты перечислил. Поэтому я получу твою дочь, а ты лишишься жизни.

— Отправляйся, и никто с тебя не взъщует платы за еду и за наряды моей дочери, пока ты добываешь все, что я назвал. И когда ты справишься с этими чудесами, то получишь мою дочь себе в жены.

Весь день до самого вечера они ехали и вдруг увидели огромный замок, больше которого в мире не было. И вдруг из этого замка вышел черный человек ростом выше трех обычных людей. Они заговорили с ним и спросили:

— О муж, скажи, чей это замок?

— Ну до чего же вы глупы, ибо все в мире знают, что это замок великана Гвернаха.

— Как принимают в этом замке случайных гостей и путников?

— О вождь, да защитят тебя Небеса! Никто не возвращается живым из этого замка и никто не может в него зайти, кроме ремесленника, принесшего свои изделия.

Выслушав это, они направились к воротам. Подойдя к воротам, Гурир Гвалстат спросил:

— Есть ли здесь привратник?

— Есть! Но зачем ты его зовешь?

— Открывай ворота!

— Нет, не открою!

— Это почему же ты не откроешь?

— Потому, что нож уже воткнут в мясо, а вино налито в рог, и пир в полном разгаре в зале великана Гвернаха, и, кроме ремесленников, принесших труды ремесла своего, вход сегодня всем запрещен.

— Я, — сказал Кай, — ремесленник и пришел со своим мастерством.

— А в чем же ты мастер?

— Я лучший в мире полировщик мечей, — ответил Кай.

— Тогда я пойду к хозяину и сообщу вам его ответ.

Привратник отправился к великану, и тот спросил:

— Есть ли новости у ворот?

— Есть, — ответил привратник. — У ворот стоят люди, которые хотят войти в замок.

— Спросил ты у них, могут ли они чем-нибудь похвалиться?

— Я спросил, и один из них ответил, что он самый лучший полировщик мечей в мире.

— Тогда он нам нужен, ибо я уже давно ищу того, кто смог бы отполировать мой меч, но пока никого не нашел. Пусть этот человек войдет, если он мастер своего дела.

Привратник с этим вернулся и открыл ворота. И Кай вошел и поприветствовал великана Гвернаха. Ему подали стул и посадили напротив Гвернаха. И Гвернах сказал ему:

— О муж, правду ли мне сказали, что ты можешь полировать мечи?

— Я хорошо знаю, как это делается, — ответил Кай.

После этих слов ему принесли меч Гвернаха. И Кай вытащил из рукава голубое точило и спросил, как полировать — чтобы меч получил белый или голубой отлив.

— Делай так, как если бы это был твой собственный меч, — был ответ.

После этого Кай отполировал одну половину лезвия и взял меч в руки.

— Нравится? — спросил он у хозяина.

— Отдам все, что есть в моих владениях, за то, чтобы вторая половина была отполирована так же, как первая. Однако странно, что у такого человека, как ты, нет спутников.

— О благородный господин, у меня есть спутник, но он не искушен в моем искусстве.

— А кто он?

— Пусть привратник пойдет к воротам, и я скажу, как его можно узнать. Острие его копья слетает с древка, напивается крови из раны ветра и вновь опускается на древко.

Ворота открылись, и вошел Бедвир. И Кай сказал:

— Бедвир очень искусен, хотя и не знает моего ремесла.

Среди оставшихся за воротами замка пошли разговоры, поскольку никто не знал, что будет с Бедвиром и Каем, ушедшими в замок. И молодой человек, который был с ними, единственный сын пастуха, тоже вошел в замок и захотел провести всех оставшихся, но они предпочли затаиться.

Меч к этому времени был уже отполирован, и Кай передал его в руки великана Гвернаха, чтобы узнать, насколько тот доволен его работой. Великан сказал:

— Работа выполнена хорошо, и я ею вполне доволен.

Тогда Кай сказал:

— Твой меч ржавеет от ножен. Дай мне их, и я заменю в них деревянные вкладыши на новые.

И он взял ножны в одну руку и меч в другую и стал перед великаном, делая вид, что вставляет меч в ножны, но вместо этого взмахнул мечом, ударил им великана по шее и отсек ему голову одним ударом. После этого пришедшие взяли в замке все, что хотели, — и товары, и драгоценные камни, — а затем вернулись ко двору короля Артура, принеся с собой меч великана Гвернаха.

Когда они рассказали королю, как они преуспели, Артур произнес:

— Хорошее начало.

После этого они держали совет, решая, за каким из чудес им следует отправиться теперь. Один сказал:

— Лучше всего отправиться на поиски Мабона, сына Модрона, но его не найти, если сначала мы не отыщем Эйдоэля, сына Аэра, его родственника.

Тогда Артур и его воины поднялись, чтобы отправиться на поиски Эйдоэля. Они ехали, пока не оказались у замка Гливи, где Эйдоэля держали в качестве пленника. Сам Гливи стоял на башне замка, и он спросил:

— Артур, чего ты требуешь от меня, если моего в этой крепости ничего не осталось, нет у меня здесь ни радости, ни увеселений, ни пшеницы, ни овса. Поэтому не старайся причинить мне ущерб.

На что Артур ответил:

— Я прибыл не карать тебя, а лишь освободить узника, которого ты держишь.

— Я выдам тебе моего пленника, хотя не хотел выдавать его никому; прими с ним мою помощь и поддержку.

Спутники сказали Артуру:

— Государь, отправляйся домой, незачем тебе идти со своей дружиной ради столь малого дела, как это.

На что Артур ответил:

— Тебе, Гурир Гвалстат, сподручнее на это отправиться, поскольку ты знаешь все языки и тебе ведомы повадки птиц и зверей. Тебе, Эйдоэль, тоже следует идти с этими людьми на поиски твоего кузена, а что касается тебя, Кай, и тебя, Бедвир, то я надеюсь, что, какую бы цель вы себе ни поставили, вы ее всегда достигнете. И это дело совершите для меня.

И они отправились в путь и ехали, пока не добрались до Самки Дрозда из Гилгури. И Гурир приблизился к ней и спросил:

— Скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого украли, когда ему было всего три ночи от роду и когда он лежал под боком у матери?

Самка Дрозда ответила:

— Когда я впервые прилетела сюда, на этом месте стояла кузнечная наковальня, и с того времени никто на ней не работал, только я стучала по ней клювом каждый вечер. Теперь то, что от нее осталось, не больше орешка. Но за все это время я ни разу не слышала о человеке, про которого вы спрашиваете меня. Но раз вы посланцы Артура, я все равно хочу вам помочь. Здесь есть племя животных, которое было до меня, и я готова вас туда проводить.

И они отправились туда, где жил Олень из Рединвра.

— Послушай, Рединврский Олень, мы, посланцы Артура, пришли к тебе, ибо не знаем животного старше тебя. Скажи, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого украли у матери, когда ему было всего три ночи от роду?

Олень ответил:

— Когда я впервые пришел сюда, вокруг была долина без единого дерева, кроме небольшого росточка дуба, который с тех пор успел превратиться в дерево с сотней ветвей и умереть, так что от него сейчас ничего не осталось, кроме высохшего пня. И все это время я был здесь, но ни разу не слышал про человека, о котором вы спрашиваете. Но раз вы посланцы

Артура, то я провожу вас туда, где живет существо, которое появилось на свет до меня и старше которого нет в целом мире, к тому же никто в этом мире не странствует столько, сколько он. Это Орел из Гверн-Абуи.

Гурир сказал:

— Орел из Гверн-Абуи, мы, посланцы Артура, пришли к тебе узнать, известно ли тебе что-нибудь о Мабоне, сыне Модрона, которого украли у матери, когда ему было всего три ночи от роду?

Орел ответил:

— Я издавна живу здесь, и когда я впервые сюда явился, тут была скала, с вершины которой я каждый вечер клевал звезды, но с тех пор она вся развалилась от старости, и от нее осталось не больше одной пяди. Все это время я был здесь, но ни разу не слышал про человека, о котором вы меня спрашиваете. Но однажды я отправился на поиски пищи к самому Лин-Лиу. И когда я прилетел туда, то нацелил свои когти на лосося, решив, что его мне хватит надолго, но он утащил меня под воду, и я с трудом смог от него освободиться. После этого я заключил с ним мир, вытащил из его спины пятьдесят острог и избавил его от страданий. Если он не слышал ничего о том человеке, про которого вы спрашиваете, то я не знаю, кто может вам помочь. Тем не менее я готов показать вам то место, где он живет.

Они отправились туда, и Орел сказал:

— Лосось из Лин-Лиу, я пришел к тебе с посланцами Артура спросить, не знаешь ли ты чего о Мабоне, сыне Модрона, которого забрали у матери, когда ему было три ночи от роду?

— Я скажу все, что мне известно. С каждым приливом я поднимаюсь вверх по реке до самых стен Глостера, где пребывает столько зла, сколько не встретишь больше нигде; и чтобы вы сами смогли увидеть все своими глазами, пусть двое из вас отправятся туда, встав по одному на каждое мое плечо.

После этого Кай и Гурир Гвалстат взошли на плечи Лосося и так доплыли до стен темницы, из которой доносились плач и стенания. Тогда Гурир спросил:

— Кто это стенает в доме из камня?

— Увы, я Мабон, сын Модрона, которого держат здесь в узилище, и не было еще в мире пленения более ужасного, чем мое.

— Есть ли у тебя надежда освободиться за выкуп из золота или серебра, или за богатые дары, или силой оружия?

— Я могу надеяться лишь на освобождение силой оружия.

Тогда они ушли и вернулись к Артуру и рассказали ему, где заточен Мабон, сын Модрона. Артур собрал воинов со всего острова, и они отправились к Глостеру, туда, где в темнице сидел Мабон. Пока воины атаковали замок, Кай и Бедвир плыли на плечах Лосося. И Кай проломил стену, и проник в темницу, и вынес на своих плечах узника, пока между воинами шло сражение. И Артур вернулся домой, а вместе с ним и освобожденный Мабон.

Однажды, гуляя по горам, Гурир Гвалстат услышал печальный крик. Тогда он бросился туда, откуда он раздавался, и увидел горящий торфяник и муравейник, почти окруженный огнем. Тогда он выхватил меч, срезал им муравейник у самой земли и тем самым не дал ему сгореть. Муравьи сказали ему:

— Прими от нас благословение Небес и получи то, что ни один человек не сможет тебе дать, а мы дадим.

И они принесли ему девять мер семян льна, которые Испададен Пенкауэр требовал от Килуха. Они принесли все, кроме одного семени, которое хромой муравей доставил еще до конца дня.

Тогда Артур спросил:

— Какое из чудес мы должны искать теперь?

— Лучше всего нам направиться на поиски щенков волчицы Гаст Римхи.

— Известно ли, где она? — спросил Артур.

— Она в Абер-Кледдифе.

Тогда Артур отправился к дому Трингада, что в Абер-Кледдифе, и спросил, знает ли тот что-нибудь про волчицу.

— Она часто режет мои стада, а живет она внизу, в пещере, что в Абер-Кледдифе.

Тогда Артур на своем корабле Придвен отправился по морю, а все остальные его рыцари пошли берегом охотиться на волчицу. Они окружили ее и двух ее волчат, взяли их и унесли с собой.

Когда Кай и Бедвир сидели на сигнальном камне, установленном на вершине Плинлиммона, подул очень сильный ветер. Они стали оглядывать окрестности и увидели вдали густой дым. Кай сказал:

— Даю руку на отсечение, это дым от разбойничьего костра.

Они направились туда и сумели подойти так близко, что разглядели разбойника Диллуса Варвауга, жарившего на огне дикого вепря.

— Смотри, вот он, величайший разбойник, которому удалось уйти от кары Артура, — сказал Бедвир Каю. — Ты знаешь его?

— Конечно знаю, — ответил Кай, — это Диллус Варвауг, и ни один поводок не удержит волчат Гаст Римхи, кроме того, что будет сделан из бороды человека, которого ты здесь видишь. Но и этого мало. Поводок нужно сделать, выщипав бороду разбойника деревянными щипцами, пока он жив, поскольку, если он умрет, поводок из его бороды порвется.

— Как ты думаешь, что мы должны сделать?

— Пусть он сначала наестся до отвала и уснет.

Все оставшееся время они мастерили щипцы. Когда Кай убедился, что разбойник крепко уснул, он вырыл у его ног яму, нанес ему сильнейший удар и столкнул в тесное узилище. Потом они выщипали деревянными щипцами всю его бороду, а после убили его. Затем они отправились в путь, прихватив с собой поводок, сделанный из бороды Диллуса Варвауга, и передали его в руки Артура.

Так они собрали все, что потребовал Испададен Пенкауру от Килуха. Взяв все, они отправились к его двору. И Килух сказал Испададену Пенкауру:

— Ну теперь-то твоя дочь моя?

— Она твоя, — был ответ, — но за это тебе нужно благодарить не меня, а Артура, который все сделал вместо тебя.

После этих слов пастух Гореу, сын Кустеннина, чьих братьев истребил Испададен Пенкауру, убил его, схватил за волосы и выволок за собой во двор, где отрубил ему голову и насадил ее на кол крепостной стены. Затем они взяли все, что было в замке, в том числе и все сокровища. В эту же ночь Ольвен стала женой Килуха и прожила с ним до конца своей жизни.

Талиесин

Гвидно Гаранир правил Гваэлодом, который раскинулся на берегу моря. Ему принадлежала запруда для ловли рыбы на косе между Диви и Аберистуитом, недалеко от его собственного замка. Накануне каждого майского праздника запруда приносила улов не меньше чем на сто фунтов. У Гвидно был единственный сын по имени Эльфин, самый неудачливый и бесталаный юноша. Это очень печалило его отца, который считал, что сын родился в недобрый час. Как-то раз совет решил, что Гвидно должен отправить своего сына на запруду, чтобы

узнать, может ли удача хоть раз улыбнуться ему, и чтобы на полученные деньги он смог начать свое дело. И было это двадцать девятого апреля.

На следующий день, когда Эльфин отправился посмотреть, сколько рыбы в запруде, он увидел, что она пуста, не считая зацепившегося за шест кожаного мешка. Тогда работник, следивший за запрудой, сказал Эльфину:

— Раньше мы не страдали от твоего невезения, а теперь ты спугнул нашу удачу: раньше запруда в канун мая всегда приносила нам улов не меньше чем на сто фунтов, а сегодня в ней нет ничего, кроме кожаного мешка.

— Может, здесь будет улов на сто фунтов, — ответил Эльфин, показывая на мешок.

И вот они достали кожаный мешок, и рыбак, который его развязал, увидел лобик ребенка, красивее которого он никогда не видел; тогда он сказал:

— Смотрите, сияющее чело!

На валлийском языке это звучит как *талиесин*.

— Так наречем же его Талиесином! — сказал Эльфин.

Он взял мешок в руки и, оплакивая свое невезение, понес мешок с ребенком, как котомку. Он заставил своего коня идти осторожно и не пускал его рысью и вез мальчика так бережно, что тот ехал, словно в самом мягком кресле в мире. В это время ребенок сочинил Утешение, в котором восхвалял Эльфина, причем Утешение было таким, каким вы его можете здесь прочесть:

Добрый Эльфин, хватит плакать!
 Никогда не видел Гвидно
 Столь удачного улова.
 Нет причины для печали.
 Всюду Божье провиденье,
 Даже маленький и слабый,
 Здесь по воле волн явившись,
 Я нужней трехсот лососей
 В лихолетье тебе буду.

Так появилось первое стихотворение, сочиненное Талиесином, в котором он утешал Эльфина, говоря, чтобы тот не сокрушался ни о потере

улова в запруде, ни о том, что все сочтут, будто улова не было из-за него. Тогда Эльфин спросил дитя, кто он — человек или дух. И вот какую песню он услышал в ответ:

Я пригож, хоть мал собою,
Да к тому же я — способный,
Но меня в мешке швырнули
В океан безбрежный, море,
Но из волн и с горных высей
К нам идет всегда богатство,
Если Бог того захочет.

Так Эльфин вместе с Талиесином добрался до дома своего отца Гвидно. Гвидно спросил, богат ли был улов, на что Эльфин ответил, что он выловил то, что лучше любой рыбы.

— И что же это такое? — спросил Гвидно.

— Бард! — ответил Эльфин.

Тогда Гвидно сказал:

— Какой от него прок?

На что ответ дал сам Талиесин:

— От меня к нему придет столько богатства, сколько никогда не приходило в твою запруду.

Гвидно спросил:

— Как ты, такой маленький, уже можешь говорить?

Талиесин ему ответил:

— Я умею говорить лучше, чем ты — спрашивать.

— Ну давай послушаем, что ты умеешь говорить, — промолвил Гвидно, после чего Талиесин запел:

Мне в мыслях открылось: я трижды рождался,
В груди моей — знания целого мира,
Мне ведомо все, что случилось, что будет.

Эльфин передал свою ношу жене, и та ухаживала за ребенком с нежностью и любовью. С тех пор богатство Эльфина только росло вместе с любовью и благосклонностью короля. До тринадцати лет Талиесин жил с ним. А когда ему исполнилось тринадцать, Эльфин отправился по приглашению отмечать Рождество к своему дяде, Маэлгану Гвинеде,

который на праздник держал двор в замке Диганви открытым для всех своих князей земных и духовных со всеми их дружинами и челядью. Один из них поднялся и спросил:

— Есть ли в целом мире король более могущественный, чем Маэлган, или такой, которого Небеса наделили бы столькими добродетелями, как его — статью и красотой, скромностью и могуществом и благородством души?

Никто из присутствовавших не стал с этим спорить, и все сошлись на том, что Небеса наградили его еще одним непревзойденным даром — королевой, которая и красотой, и добродетелью, и мудростью, и скромностью своей превосходила всех благородных дам и девиц в целом королевстве. Сказав это, они стали по очереди задавать вопросы: есть ли у кого отважней дружина, или красивее и быстрее кони и охотничьи собаки, или искуснее и мудрее барды, чем у Маэlgана.

Когда восхвалениям короля и его достоинств пришел конец, Эльфин вдруг сказал:

— Хотя только король может тягаться с королем, хочу заметить, что моя жена так же добродетельна, как и все дамы королевства, но у меня есть бард, который искуснее, чем все королевские барды, вместе взятые.

Не прошло много времени, как королю сообщили о хвастовстве Эльфина, и тот распорядился бросить племянника в темницу и держать там до тех пор, пока он не сможет убедить короля в добродетельности своей жены и мудрости своего барда.

После того как Эльфин оказался заключенным в башню и прикован к стене цепью (некоторые, правда, полагают, что это была серебряная цепь, поскольку в узнике текла королевская кровь), король отправил своего сына Руна, чтобы тот разузнал, как себя ведет жена Эльфина. Нужно сказать, что Рун был самым безнравственным человеком в мире, и не было ни одной жены или девушки, с которой он был бы почтителен. Пока Рун спешил к жене Эльфина, чтобы опозорить ее, Талиесин рассказал своей госпоже, что король заточил в темницу его господина и что Рун спешит к ней, чтобы покрыть ее позором. Поэтому он убедил свою госпожу нарядить в ее платье одну из девушек-кухарок, что благородная дама с удовольствием сделала, надев на руки служанки самые лучшие кольца, которые были у нее и ее мужа.

Талиесин посоветовал своей госпоже посадить эту переодетую служанку за стол, когда наступит время ужина, а сам сделал так, чтобы

служанка выглядела как ее госпожа, а госпожа — как служанка. И когда они сели ужинать в таком виде, неожиданно в дом Эльфина явился Рун, которого радушно встретили, поскольку многие слуги хорошо его знали; они провели его в комнату госпожи, и служанка, одетая госпожой, поднялась, чтобы его приветствовать. После этого она продолжила ужинать, и Рун ужинал вместе с ней. Время шло, и Рун начал позволять себе шутки в отношении служанки, которая все еще притворялась госпожой. Вскоре она так опьянела, что уснула прямо за столом. Это Рун подсыпал в ее кубок порошок, от которого она заснула так крепко, что не почувствовала даже, как он отрезал ей мизинец, на котором был перстень Эльфина с печаткой, который он незадолго перед этим прислал в знак своей любви. И Рун вернулся к королю с перстнем-печаткой и пальцем, отрезанным так, что дама даже не заметила этого, упившись до бесчувствия.

Король, услышав об этом, несказанно обрадовался и послал за своими советниками, которым рассказал всю историю от начала до конца. Он распорядился, чтобы Эльфина привели к нему из темницы, и стал обвинять его в хвастовстве, говоря:

— Эльфин, да будет тебе известно, что очень глупо верить в добродетель своей жены, находясь от нее дальше, чем ты ее видишь. Ты можешь сам убедиться в порочности своей жены. Смотри: вот ее палец, а на нем твой перстень, а палец ей отрезали прошлой ночью, когда она опьянела и уснула.

На это Эльфин ответил так:

— С твоего позволения, о могущественный король, я не могу отрицать, что это мой перстень, поскольку он известен очень многим, но что касается пальца, на который он надет, то он отрезан не от руки моей жены, поскольку на этом пальце есть три признака, по которым он не может принадлежать моей жене. Во-первых, этот перстень сваливался у моей жены даже с большого пальца, тогда как на этот мизинец его с трудом можно надеть. Во-вторых, сколько я знаю свою жену, еще ни разу она не легла спать в субботу, не подстригши ногти, а ты сам видишь, что ноготь на этом мизинце не подстригался уже целый месяц. В-третьих, рука, которой принадлежал этот палец, месила ржаное тесто всего лишь три дня назад, а я могу заверить твое величество, что моя жена ни разу не месила ржаное тесто за все время своего замужества.

Король был очень разгневан тем, как Эльфин отстаивал добродетельность своей жены, поэтому распорядился, чтобы его снова отправили

в темницу, сказав, что его освободят только тогда, когда он сможет подтвердить свое хвастовство и доказать мудрость своего барда и добродетельность своей жены.

Тем временем его жена и Талиесин в доме Эльфина не унывали. Талиесин рассказал, как их господин вновь оказался в тюрьме, но просил госпожу не печалиться, поскольку он отправляется ко двору Маэлгана, чтобы освободить Эльфина. Попрошавшись с госпожой, он отправился к королевскому двору и застал короля в зале за торжественным ужином, который был в те дни обычным делом у королей и принцев накануне больших праздников. Войдя в зал, Талиесин сел в самом незаметном углу, рядом с тем местом, где обычно собирались барды и менестрели, выступавшие перед королем во время праздников и получавшие награды. И вот барды и герольды стали взывать о награде, воздавая хвалу власти и могуществу короля, и когда они проходили через тот угол, в котором прятался Талиесин, тот выпятил губы и сыграл на них пальцем: «Блерум! Блерум!» Но никто из проходящих мимо не обратил на него внимания. Они приблизились к королю и склонились, как подобает, в почтительном поклоне, но не смогли произнести ни слова, а лишь играли пальцем на вытянутых губах: «Блерум! Блерум!» — как это только что сделал мальчик. Это удивило короля, но он решил, что все они просто перепили крепких напитков. Поэтому он приказал одному из своих лордов, прислуживающих за столом, чтобы тот подошел к бардам и напомнил им, где они находятся и как в таком месте подобает себя вести. И это лорд с удовольствием сделал. Однако они упорствовали в своей глупости. Тогда король еще и еще раз отправлял к ним людей и пригрозил вывести их из зала. Наконец он отправил одного из своих оруженосцев, велел надавать тумаков предводителю бардов по имени Хейнин Вард; оруженосец взял метлу и ударил ею барда по голове так, что тот свалился со своей скамьи. После этого бард опустился на колени и пополз к королю, моля его о прощении и говоря, что всему виной не недостаток знаний, не опьянение, а присутствие в зале какого-то духа. И он сказал вот что:

— О почтенный король, да будет известно твоему величеству, что не от крепости питья твоего, не от его количества мы остаемся немые, а оттого, что действует на нас некий дух, который сидит вон в том углу в образе ребенка.

После этого король приказал оруженосцу доставить ребенка к нему, и оруженосец отправился туда, где сидел Талиесин, и подвел его к королю,

и тот спросил его, кто он и откуда пришел. В ответ король услышал вот такие стихи:

Я предводитель бардов Эльфина,
А родом я из страны летних звезд,
Я был в Азии с Ноем в его ковчеге,
Я видел, как рушились Содом и Гоморра,
Я был в Индии, когда строили Рим,
А сюда я пришел на развалины Трои.

Когда король и его знать услышали эту песню, они очень удивились, поскольку никогда не слышали ничего подобного от столь юного создания. Узнав, что это бард Эльфина, король попросил Хейнина, своего первого и мудрейшего из бардов, ответить Талиесину и посостязаться с ним. Но когда тот подошел, то смог только сыграть на губах: «Блерум!» Тогда король послал за остальными двадцатью четырьмя бардами, и те пришли, но сделать могли только то же, что и их предводитель. Тогда Маэлган спросил мальчика Талиесина, какое дело привело его сюда, и тот ответил стихами:

Эльфин, сын Гвидно,
Находится в стране Артро
За тринадцатью замками
За то, что хвалил своего учителя.
Поэтому я, Талиесин,
Верховный бард Запада,
Освобожу Эльфина от золотых оков.

Затем он спел всем загадку:

Скажи мне, какое допотопное существо
Сильнее всех,
Без плоти, без костей,
Без вен, без крови,
Без головы, без ног;
Оно не будет ни старше, ни моложе,
Чем тогда, когда родилось.
Видишь, как море белеет,

Когда впервые оно приходит,
Когда приходит оно с юга,
Когда бьется в берег.
Оно в поле, оно в лесу,
Но глаз никогда не видит его,
Одно Существо создало его
Мощным взрывом,
Чтобы свершить месть
Над Маэлганом Гвинедом.

Пока он так пел, подул сильный ветер, и король и вся его знать решили, что замок вот-вот рухнет на их головы. Тогда король распорядился, чтобы немедленно привели Эльфина из темницы и поставили его перед Талиесином. Говорят, что Талиесин пропел еще одну песню, и оковы упали с ног его господина.

После этого Талиесин призвал жену Эльфина и показал, что на ее руках все пальцы на месте. Вот так он освободил своего господина из темницы и защитил невинность своей госпожи. В гулкой тишине никто из бардов не осмеливался произнести ни слова. Очень рад был Эльфин, и очень рад был Талиесин.

Английские рыцари в историческую эпоху

Робин Гуд из Шервудского леса

На нашем острове просторном найдется вряд ли кто-нибудь,
Кто не слышал про Робин Гуда или про Джона Малыша.
О них слагаются легенды, их вспоминают славный путь,
И век за веком будут слушать о них рассказы, не дыша.
Нет, не забыты будут Скарлок, Зеленый Джордж, и Мач, и Тук,
Что успевал и помолиться, и кубок поднести ко рту*.

*Дрейтон***

Любой прочитавший роман «Айвенго» при упоминании Ричарда-Крестоносца сразу вспомнит о Робин Гуде, благородном разбойнике из Шервудского леса, и его шайке веселых лучников. В дальнейшем мы вернемся к этому, а теперь, если читатель простит нас за сухость исторического изложения, предшествующего более интересной и образной истории сказителя, мы начнем с того, что такой педантичный любитель древностей, как Ритсон***, считает правдивым и заслуживающим доверия в истории Робин Гуда.

Робин Гуд родился в Локсли, графство Ноттингем, в царствование короля Генриха II, то есть примерно в 1160 году от Рождества Христова. Он был выходцем из благородной семьи, и его настоящее имя — Роберт Физут (Fitzoath), которое в просторечии приобрело форму Робин Гуд.

* Перевод К. Л.

** Майкл Дрейтон (1563—1631), поэт английского Ренессанса.

*** Джозеф Ритсон в 1832 г. издал двухтомное «Собрание древних стихов, песен и баллад», посвященных Робин Гуду.

Его часто именовали графом Хантингтонским — титул, на который он, по крайней мере к концу своей жизни, претендовал. По рассказам, в молодости он отличался необузданным и сумасбродным нравом, из-за чего он либо промотал наследство, либо был его лишен, а сам был объявлен вне закона за долги. Поэтому по необходимости или по собственному выбору он предпочел укрыться в лесах, которыми изобиловало королевство, особенно в северной его части. Вот из этих лесов он часто беспокоил Барнсдейл в графстве Йорк, Шервуд в графстве Ноттингем и, как считают некоторые, Пломптон-Парк в Камберленде. Здесь его разыскали и присоединились к нему разного рода люди, оказавшиеся в подобных обстоятельствах, которые стали считать его своим предводителем и подчинялись ему во всем. После многих лет, в течение которых им удавалось сохранять некоторую независимость, не повинуюсь ни королю, ни судьям, ни городским властям, было издано воззвание, в котором за живого или мертвого Робин Гуда объявлялось довольно большое вознаграждение, однако и оно, как и другие меры, не дало никакого результата. В конце концов возраст начал давать о себе знать, и однажды, заболев, он решил излечиться кровопусканием, для чего обратился к настоятельнице женского монастыря в Кирлее, графство Йорк, которая приходилась ему родственницей (женщины, особенно монахини, в те времена значительно лучше разбирались в хирургии, чем теперь). Она же предательски позволила ему истечь кровью и умереть. Случилось это 18 ноября 1247 года, на тридцать первом году правления короля Генриха III, и если дата рождения Робин Гуда верна, то было ему тогда *семьдесят семь лет. Он был погребен недалеко от своего дома, под деревьями, а на могиле его был водружен камень с соответствующей надписью.*

Некоторые авторы считают, что Робин Гуд не жил в эпоху короля Ричарда I, среди них есть и такие, которые полагают, что Шервудскому лесу он предпочитал другие места. Однако рассказы, которые мы отобрали, повествуют о Робин Гуде из Шервудского леса и короле Ричарде Львиное Сердце.

Малыш Джон

В шайке Робин Гуда помощником был Джон по прозвищу Малыш. Малышом его прозвали не из-за роста — он был двухметровым великаном, а по причине, о которой мы расскажем позднее. Вот как Робин Гуд, с которым Малыш стал очень близок, встретился с ним.

Робин Гуд со своей шайкой охотился, и охота была никудышной. Тогда он сказал:

— У нас уже несколько дней не ладится охота, поэтому я отправляюсь один. И если мне будет грозить опасность, которую я не смогу миновать, то я протрублю в рог, чтобы вы знали, что я в беде, и пришли мне на помощь.

С этими словами он попрощался и ушел. Проходя через ручей по длинному мосту, он как раз посредине повстречал незнакомца. Никто из них не захотел уступать дорогу. Рассерженный Робин Гуд взял стрелу и натянул лук, готовясь выстрелить.

— Ты действительно удалец, — сказал незнакомец, — если готов выстрелить из своего большого лука в человека, у которого ничего нет, кроме посоха.

— Ты прав, — ответил Робин, — поэтому я кладу свой лук и беру палку, чтобы проверить, так ли ты хорош, как твои речи.

Сказав это, Робин отправился в чащу и вернулся с небольшим дубком.

— Теперь, — сказал он, — мы с тобой на равных, поэтому давай поиграем на этом мосту, и если один свалится в воду, то второй, стало быть, победил.

— С превеликим удовольствием! — сказал незнакомец. — И уж поверь, что я не поддамся.

И они стали биться на своих палках. Первым нанес удар Робин Гуд, причем удар был такой силы, что в противнике кровь закипела, и треск от их палок стоял такой, словно они молотили зерно на току. В конце концов незнакомец так ударил Робина по темечку, что разбил ему голову и хлынула кровь. Но это лишь разозлило его, и он напал на незнакомца с такой яростью, словно решил покончить с ним раз и навсегда. Но, разъярившись, он пропустил такой удар, что свалился с моста и оказался в воде. Незнакомец стал громко насмехаться над ним, крича:

— Ну и где ты теперь, удалец-молодец?

На это Робин ответил:

— Ты действительно молодец, и сегодня я с тобой больше связываться не буду. Поэтому давай будем считать, что наш поединок закончился и ты победил.

Сказав так, он побрел к берегу, вытащил рог и затрубил так, что эхо разнеслось по всей долине. На этот звук вышли пятьдесят добрых

молодцев, все одетые в зеленое, и направились к Робин Гуду. Один из них, по имени Уильям Стьюкли, спросил:

— Что случилось, атаман? Ты весь до нитки промок.

— Ничего особенного, просто этот парень на мосту столкнул меня в воду.

Услышав это, люди Робин Гуда уже готовы были искупать незнакомца, но Робин не разрешил им этого делать.

— Никто здесь тебя не обидит, друг, — произнес он. — Это всё мои стрелки, целых шестьдесят девять человек, и если ты захочешь стать одним из нас, то знай, что ты всегда будешь сыт и одет, как подобает мужчине. Каков твой ответ?

— С превеликим удовольствием, — ответил незнакомец. — Вот моя рука. Меня зовут Джон Литтл, и я буду верным и надежным товарищем.

— Его имя нужно поменять, — сказал Уильям Стьюкли. — Назовем его Малыш Джон, а я стану его крестным отцом.

Итак, они взяли двух жирных оленей, крепкого эля и отметили наречение Малыша Джона, который был выше семи футов ростом и не меньше одного эля в поясе.

Брат Тук

После этого Робин Гуд учредил день веселья для себя и всех своих товарищей. И в этот день заключались пари на то, кто победит в различных соревнованиях. Одни состязались, кто дальше прыгнет, другие — кто дальше метнет бревно, третьи — кто быстрее пробежит пять миль. Но были соревнования, которые особенно радовали Малыша Джона — кто натянет самый тугой лук и кто метче выстрелит.

— Посмотрим, — сказал Малыш Джон, — кто из вас сможет убить оленя, кто оленюху, а кто матерого оленя с расстояния пятьсот футов.

После этих слов они все, возглавляемые Робин Гудом, отправились прямехонько в лес, в котором, как они знали, водилось много дичи. Уильям Скарлок, у которого был самый тугой лук, убил оленя, а Малыш Джон довольствовался неотелившейся жирной оленюхой, причем метко отправленная стрела попала ей прямо в сердце. Сын мельника Мидж попал в матерого оленя с расстояния более пятисот футов. Увидев, что олень упал, Робин Гуд легонько хлопнул Миджа по плечу и сказал:

— Да пребудет с тобой Господня милость. Я бы проскакал пятьсот миль, чтобы найти тебе равного.

Уильям Скарлок при этих словах произнес:

— Атаман, зачем скакать так далеко? Тут неподалеку есть куртальный монах*, который за сотню фунтов выстрелит на любое расстояние, которое ты сам или Мидж предложите. Он опытный человек и сможет натянуть очень тугой лук. Он сможет посостязаться и с вами, и со всеми остальными.

— Это правда, Скарлок? — спросил Робин Гуд. — Клянусь Господом нашим, я не буду ни есть, ни пить, пока не увижу монаха, о котором ты говоришь.

Собравшись в путь, он взял с собой Мальша Джона и пятьдесят лучших лучников, которых разместил в подходящем, как ему показалось, месте. После этого он спустился в долину, где увидел идущего по берегу монаха. Как только монах его заметил, он тут же взял широкий меч, круглый щит, а на голову надел шлем, ибо не знал, кто к нему приближается, и на всякий случай приготовился защищаться. Робин Гуд подъехал к нему, спешил, привязал коня к росшему неподалеку деревцу и, умоляюще глядя на монаха, сказал:

— Перенеси меня на другой берег, или расстанешься с жизнью.

Монах, ни слова не сказав в ответ, взял Робин Гуда и понес на спине через реку. И хотя было глубоко, с уст его не сорвалось ни единого слова. Выйдя на берег, он бережно опустил Робин Гуда на землю и сказал:

— Теперь твоя очередь нести меня через реку, смельчак, или я заставлю тебя раскаяться во всем.

Робин Гуд, чтобы ответить учтивостью на учтивость, молча посадил монаха на спину и перенес его на противоположный берег, бережно опустив на землю. После чего повернулся к нему и повторил то, что сказал в первый раз: либо монах перенесет его на другой берег, либо расстанется с жизнью. Монах опять ничего не сказал в ответ, лишь улыбнулся и понес Робин Гуда через реку. Дойдя до середины потока, он сбросил Робин Гуда с плеч и сказал:

— А теперь, смельчак, выбирай: будешь тонуть или поплывешь?

* «Куртальный монах», по мнению д-ра Стьюкли, «это кордельер, причем это слово происходит от cord, „веревка“, которой подпоясывались монахи и которую использовали для самобичевания». Он добавляет, что «они принадлежали к ордену францисканцев. Нашего монаха, однако, так называли из-за его куртальных собак, т. е. дворняжек, как их теперь называют». — *Примеч. авт.*

Робин Гуд, весь мокрый, встал на ноги, бросился в воду и поплыл к кусту ракитника, а монах поплыл к стоявшей неподалеку иве. Доплыв, Робин Гуд взял в руки лук и одну из своих самых лучших стрел и выстрелил в монаха, который заслонился от нее стальным щитом и произнес:

— Стреляй, смельчак, и если ты готов стрелять, пока долгий летний день не кончится, то я готов простоять до заката неподвижной мишенью.

— Так я и сделаю, — сказал Робин Гуд и стал пускать стрелу за стрелой до тех пор, пока в его колчане не осталась всего одна стрела.

Тогда он отложил лук в сторону и достал меч, которым он всего два дня назад поразил трех человек. И вот они стали сходитьсь — один с мечом в руке, а другой со щитом. Круглый стальной щит не пропускал ни одного удара — ни в голову, ни по ногам, ни в бок. Соперники бились долго, прибегая и к ложным замахам, и к захватам, и стискивая друг друга руками, и им было стыдно оттого, что они бились так долго и никто не мог ударить по-настоящему. Они стали чаще наносить удары, они били с маху и рубились, они все были в ссадинах и в поту. Наконец Робин Гуд попросил монаха остановиться и дать ему возможность протрубить в рог.

— Тебе, чтобы протрубить, нужно передохнуть и выровнять дыхание, — сказал монах, — а то мы бьемся целых пять часов, если верить часам аббатства у источника.

Робин Гуд снял с пояса рог и протрубил три раза. Тут же явилось пятьдесят здоровенных молодцев с луками, готовых помочь Робин Гуду. Монах очень удивился и спросил:

— Чьи это люди?

— Это мои люди! — ответил Робин Гуд. — И что тебе с этого?

— До чего ж ты неучтив! — заметил монах. — В ответ на мою любезность окажи мне свою.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Робин Гуд.

— Ты протрубил в рог трижды, так позволь мне хотя бы трижды свистнуть, — произнес монах.

— Ничего не имею против, — ответил Робин Гуд, — не прошу себе, если откажу тебе в такой любезности.

После этих слов монах поднес кулак к своему рту и три раза свистнул так громко, что все вокруг отозвалось эхом. Не успело оно стихнуть, как появились пятьдесят три огромные сторожевые собаки, у которых шерсть на спине стояла дыбом (что выдавало их свирепый нрав) и которые тут же встали за спиной Робин Гуда и его товарищей.

— Вот по собаке на каждого твоего человека, — произнес монах, — и две против тебя.

— Нечестная игра! — сказал Робин Гуд, который сразу оказался между двух собак — одна была спереди, а другая сзади, которые хотя и не укусили его, поскольку его быстрый меч мог бы разделаться с ними, но сумели надвое разорвать его накидку.

Тут люди Робин Гуда стали так отчаянно отбиваться от собак, что их свирепость поутихла, они отступили и продолжали лишь лаять издали. Мальш Джон отбивался с таким проворством и сноровкой, что монах спросил, как его зовут. В ответ он услышал:

— Я тебе скажу правду, а не ложь. Я тот, кого зовут Мальш Джон и я заодно с Робин Гудом, который сражался с тобой сегодня на протяжении пяти часов, и если ты ему не подчинишься, то тебя найдет вот эта стрела.

Монах, понимая, что численный перевес не на его стороне и что ему не справиться со всеми, решил договориться с Робин Гудом. Тот выдвинул следующие условия: монах покинет долину источника и аббатство у источника, присоединится к Робин Гуду и будет жить в месте, расположенном неподалеку от Ноттингема, где за каждую службу по воскресеньям в течение всего года будет получать золотой, а за службу по церковным праздникам — новую одежду. Монах на это согласился, и договор скрепили печатью. Так храбрость Робин Гуда и его вольных стрелков заставила монаха подчиниться после семи долгих лет его пребывания в долине источника, где никакая сила не могла поставить его на колени.

Однако брат Тук оказался единственным священником, с которым Робин Гуд был на дружеской ноге. Обычно церковники, как, например, герой следующей баллады, епископ Херефордский, платили ему. Мы приводим эту балладу как образчик подлинной истории о Робин Гуде, дошедшей до нас с 1245 года.

ПРИЕМ, ОКАЗАННЫЙ РОБИН ГУДОМ,
МАЛЫШОМ ДЖОНОМ И ИХ ПРИЯТЕЛЯМИ
ЕПИСКОПУ ХЕРЕФОРДСКОМУ
В ВЕСЕЛОМ БАРНСДЕЙЛЕ

Есть те, что рады рассказам о Робин Гуде,
Есть те, что рады баронским сказам,
А я о том, как у епископа из Херефорда,
Робин все денежки вынул сразу.

Случилось в веселом Барнсдейле это,
Там к лесу — лес, и там к роще — роща.
В одной из них епископ из Херефорда
Решил в тени отдохнуть подольше.

«Убьем оленя, — придумал Робин, —
А у дороги поджарим мясо,
И коль епископ пути не сменит,
То постараемся мы не напрасно».

В пастушьи платья они оделись —
Сам Робин Гуд да с шестью стрелками.
И вот епископ из Херефорда
Как поравнялся, так тут и замер.

«Что здесь такое? — спросил епископ. —
Кому готовите стол богатый?
И в королевском лесу без спросу
Кто вам позволил стрелять сохатых?»

«Да пастухи мы, — ответил Робин, —
Весь год овец мы пасем вот этих,
А нынче праздник, и мы решили
Жарким из дичи его отметить».

«Смелы без меры, — сказал епископ, —
Не долго вашей веревке виться,
Пошли со мною, пока вы живы,
Пока король не решил явиться».

«Прости! Прости нас! — ответил Робин. —
Я умоляю — прости скорее,
Ведь столько жизней забрать — жестоко,
Коль разодет ты, то будь добрее».

«Нет вам прощенья, — сказал епископ, —
И я прощать вас не собираюсь.
Я лишь велю поспешить за мною,
Пока король не явил вам ярость».

Тогда наш Робин из-под лохмотьев
Достал свой рог, прислонившись к дубу,
И, став ногой на пенек соседний,
Уже готовил к сигналу губы.

Сигнал из рога раздался громко,
И звуком множилась вся округа,
И тут из лесу шесть дюжин сразу
Стрелков явилось стоять за друга.

И, поприветствовав Робин Гуда,
Да так, что зрелище было славным,
Наш Джон Малыш удивленно бросил:
«Зачем ты подал сигнал условный?»

«Да вот, епископ из Херефорда,
Он нас прощать ни за что не хочет».
«Сруби ему голову с плеч и выбрось,
Раз нам он с тобою такое прочит».

«О, вы простите, — епископ молит, —
И не судите меня так строго,
Ведь если б знал я, что с вами встречусь,
Я бы поехал другой дорогой».

«Тебе прощенья от нас не будет, —
Ответил Робин, — и не дождешься.
Так лучше вместе пойдем в Барнсдейл —
Веселый город, куда ты рвешься».

И взял за ручку прелата Робин,
И так отвел его он в Барнсдейл.
Где все они пировали долго
И пили всё — от вина до эля.

«Пусть посчитают, — сказал епископ, —
Мы тут наели-напили много».
«А ты отдай мне кошель свой толстый», —
Малыш наш Джон говорит вдруг строго.

И расстилает Малыш Джон плащик,
Что на епископе был в тот вечер,
И высыпает аж триста фунтов,
Перетряхнув у него все вещи.

«Я думаю, денег нам хватит, Робин, —
Сказал Малыш, — раз уж жадность губит,
Мы за епископа здесь заплатим,
Хоть он не нас — это точно! — любит».

И взял за ручку прелата Робин,
Велел музыкантам: «Прибавьте жару!»
И в сапогах заплясал епископ,
Он рад был жизни, хотя и старей.

Робин Гуд и состязание стрелков

Говорят, что он уже в Арденнском лесу и с ним веселое общество: живут они там, будто бы, как в старину Робин Гуд английский... и время они проводят беззаботно, как бывало в золотом веке*.

Шекспир. Как вам это понравится

Как уже говорилось, некоторые сочинители баллад так далеко уходили от истины, что представляли Робин Гуда как разбойника, жившего в эпоху Генриха VIII**, причем несколько историй рассказывают о том, что королева Екатерина заступилась за отважного разбойника перед своим мужем***. Как бы там ни было, известно, что Робин

* Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

** Генрих VIII (1491—1547) — английский король.

*** Похоже, именно такой точки зрения придерживается автор, у которого мы позаимствовали следующее описание жизни нашего героя, чтобы показать, как расходятся исследователи даже по такому важному вопросу, как годы жизни нашего героя.

«БЛАГОРОДНОЕ РОЖДЕНИЕ И СЛАВНЫЕ ДЕЛА РОБИН ГУДА

Робин Гуд был родом из благородной семьи графа Хантингтонского, и, будучи объявленным вне закона королем Генрихом VIII за многие проступки и нарушения закона,

Гуд, выступая на стороне королевы, победил в состязании королевских лучников. Вот как это случилось.

Как-то раз Робин Гуд отправил подарок королеве Екатерине, который ей так понравился, что она решила быть милостивой к благородному разбойнику до конца своих дней. Однажды королева уединилась в своих покоях, призвала пажа, повелела ему отправиться в Шервудский лес, что в графстве Ноттингем, и найти там Робин Гуда, поскольку лучники королевы должны были состязаться с лучниками короля и королева хотела попросить Робин Гуда и его стрелков выступить на ее стороне против лучников короля.

Паж отправился в Ноттингем и всю дорогу спрашивал, где можно найти Робин Гуда, однако никто не смог дать ему точного ответа. Тогда он остановился в одной из таверн Ноттингема. И вот, сидя в таверне, он попросил, чтобы ему принесли рейнского вина, которое он и выпил за здоровье королевы. Вдруг он увидел, что рядом с ним сидит йомен в зеленой одежде с большим луком в руках. Этот йомен повернулся к пажу и спросил:

— Что привело тебя, мой юный друг, в эти северные края, как я полагаю, из Лондона?

Юноша ответил, что ему нужно отыскать Робин Гуда, о котором он расспрашивал всех встречных, и спросил йомена, не может ли тот чем-нибудь помочь.

он собрал вокруг себя таких же отважных и никому не повинующихся людей, как и он сам, причем все они обитали в лесах графства Ноттингем. Они все находились в его подчинении, и в случае необходимости по сигналу его рога ему на помощь могло явиться не менее пятидесяти человек. Больше всего он был привязан к человеку по прозвищу Малыш Джон, потому что тот хотя и происходил из низов, но никому не уступал ни физической силой, ни силой духа. Он никого не принимал к себе на службу, не вызвав его на поединок. Он подвергал новичка всевозможным испытаниям, чтобы проверить его отвагу и сноровку и понять, на что он годится. Вот по этой причине он часто возвращался домой израненный и побитый, но при этом он не только не держал зла на человека, с которым сражался, а, наоборот, начинал его больше уважать. Многие писали прошения королю с просьбой о его помиловании, которые король (памятуя о множестве преступлений, совершенных им и его друзьями) оставлял без внимания. И даже сам лично в окружении внушительной охраны пытался пробраться в лес и поймать Робин Гуда, чтобы предать его заслуженному наказанию. В конце концов при содействии и посредничестве королевы Екатерины королевский гнев удалось обуздать, и он помиловал знаменитого разбойника, чтобы тот мог провести последние дни своей жизни в собственном доме неподалеку от Ноттингема, окруженный всеобщей любовью и уважением». — *Примеч. авт.*

— Конечно могу, — ответил незнакомец, — и если ты завтра поутру оседлаешь коня, то я смогу показать тебе и Робин Гуда, и всех его вольных стрелков.

Итак, на следующее утро паж посадили на лошадь и сопроводили в лес, где показали место обитания Робин Гуда и его вольных стрелков. Паж упал на колени и сказал Робин Гуду:

— Королева Екатерина приветствует тебя в моем лице и в знак своего расположения посылает тебе это кольцо. Она просит тебя отправиться в Лондон, где состоится состязание, в котором, по ее разумению, ты должен принять участие.

Выслушав гонца, Робин Гуд снял с себя зеленый плащ и отдал его пажу, чтобы тот передал его королеве как знак его согласия, добавив, что и он, и все его стрелки обязательно придут без промедления.

После этого Робин Гуд одел всех своих стрелков в зеленые плащи, а сам надел алый. На каждом была черная шляпа с белым пером. Вот в таком виде Робин Гуд и все его стрелки прибыли в Лондон. Робин Гуд встал на колени перед королевой, и та поприветствовала и его, и всех его людей. Соревнование между лучниками королевы и короля должно было состояться на следующий день на Финсберийских полях.

Первыми браво промаршировали лучники короля, а затем появился Робин Гуд и его лучники, выступавшие на стороне королевы. Расставили мишени, и король с королевой побились об заклад, чьи лучники победят. Заклад же состоял из ста больших бочек рейнского вина, трехсот бочек отличного английского пива и трехсот жирных оленей. После этого королева спросила, есть ли среди рыцарей короля те, кто готов перейти на ее сторону, но таких не оказалось. Они лишь переговаривались между собой, что не могут ставить на незнакомцев, тогда как лучников короля и их искусство они знают, особенно Клифтона. Клифтон был лучником короля и большим бахвалом. Выйдя, он воскликнул:

— Господин мой король, не отмеряй нам расстояние до цели — наши стрелы и до солнца и до луны долетят!

Но несмотря на эти хвастливые слова, Робин Гуд победил его в стрельбе. И королева попросила епископа из Херефорда поддержать ее лучников. Но тот поклялся своей митрой, что и ломаного пенни не даст за лучников королевы, поскольку не знает их.

— Сколько же вы поставите против нас, — спросил Робин Гуд, — если считаете, что мы так плохо стреляем?

— Воистину, — ответил епископ, — ставлю против вас все деньги, которые найдутся в моем кошель.

И он предъявил свой кошелек, висевший у него на боку.

— Что же у тебя в кошельке? — спросил Робин Гуд.

Епископ высыпал все из кошелька на землю и сказал:

— Пятнадцать золотых — это же целых сто фунтов.

Тогда Робин Гуд высыпал на землю рядом с закладом епископа содержимое своего мешочка.

После этого началась стрельба. Первые три выстрела не выявили победителя — лучники и короля и королевы стреляли одинаково.

— Всё определяют следующие три выстрела, — сказал король.

Первыми стреляли королевские лучники, потом Робин Гуд, Малыш Джон и сын мельника Мидж стреляли за королеву. И каждый из них попал ближе к центру ивовой мишени, чем королевские лучники. Так лучники королевы победили лучников короля. Королева Екатерина попросила по этому случаю, чтобы король выполнил ее желание, и король согласился.

— Прошу тебя, позволь лучникам обеих сторон свободно передвигаться — свободно выходить из дому и приходить домой, свободно появляться в Лондоне, чтобы повеселиться.

— Я разрешаю это, — ответил король.

— Тогда добро пожаловать, Робин Гуд, — сказала королева, — и ты, Малыш Джон, и ты, Мидж, сын мельника, и все остальные ваши товарищи.

— Это Робин Гуд? — спросил король. — Я слышал, что он был убит в драке на севере нашей страны.

Епископ тоже спросил:

— Это что, Робин Гуд? Если б я знал об этом, то я бы ни за что не стал биться об заклад. Однажды воскресным вечером он схватил меня, крепко привязал к дереву и заставил петь молитву для себя и всей его братии.

— И правильно сделал — чтобы отмолить мою душу, нужно много месс.

После этих слов Робин Гуд и его вольные стрелки удалились, а когда срок обещанной им неприкосновенности истек, они вернулись в Шервудский лес.

Робин Гуд и нищий

Робин Гуд, однажды раздобывший много денег у ноттингемского шерифа, купил себе крепкого мерина. Как-то он ехал на нем в Ноттингем и повстречал нищего. Робин Гуд был в веселом расположении духа и готов был подшутить над кем угодно. Увидев, что у нищего к заплатанной одежде приколоты разного вида мешочки, он подъехал к нему и, поздоровавшись, спросил, откуда тот родом. Нищий ответил, что он из графства Йорк и хочет, чтобы Робин Гуд ему что-нибудь подал.

— Подать тебе! — воскликнул Робин Гуд. — Почему я, бедный лесничий, должен что-то подавать такому толстому мошеннику, как ты? Или ты хочешь, чтобы моя палка погуляла по твоей спине?

— Успокойся, успокойся! — произнес нищий. — Давай сразимся на палках, и я ставлю содержимое всех своих мешочков, если ты победишь.

После этих слов Робин Гуд спешился и стал биться, но нищий так ловко защищался своим посохом, что Робин Гуд при всем своем мастерстве никак не мог достать нищего палкой, а сам он при этом на себе испытал, что посох у его противника прочнее железа, тогда как собственная голова точно не железная. Он в этом убедился, когда нищий нанес ему удар сбоку по голове, причем удар был такой силы, что Робин не смог отразить, и из головы ручьем хлынула кровь. Когда же Робин Гуд увидел, что за этим ударом последовал другой, еще большей силы, и что каждый удар лишь приближает его к смерти, он закричал, чтобы нищий попридержал руку, на что тот ответил, что он это сделает лишь тогда, когда Робин Гуд уступит ему своего коня, меч и все денежные, которые имеются у него в кармане.

— Хотя такой обмен несправедлив, — ответил Робин Гуд, — но на этот раз я на него согласен.

Когда они вошли в Ноттингем, на нищем было платье джентльмена, а Робин Гуд шагал в нищенском залатанном рубище с несколькими висевшими на нем кошелями. Случилось так, что в этот день должны были повесить трех монахов за то, что они убили оленя в королевском лесу. Робин Гуд, узнав об этом, ничего не сказал и отправился к дому шерифа, где у дверей его остановил молодой человек и спросил, что ему нужно. Робин Гуд ответил, что он пришел просить не еды и не питья, а чтобы ему отдали жизни этих несчастных, которых должны сегодня повесить. Но молодой человек ответил, что это невозможно, поскольку

по закону сегодня они все должны заплатить за убийство королевского оленя, и что их уже нет в городе — их повели к месту казни.

— Я должен немедленно отправиться к ним, — сказал Робин Гуд и, прибыв на место, увидел, что многие оплакивают этих трех приговоренных к повешенью.

Робин Гуд всех успокоил и заверил, что казнь не состоится. Он затрубил в свой рог, и через мгновение появилось около ста отважных лучников, которые быстро освободили узников, убили палача и ранили многих из стражи шерифа. После этого они забрали с собой приговоренных к повешенью за убийство королевского оленя, которые были так рады тому, что им спасли жизнь, что остались среди вольных стрелков Робин Гуда.

Робин Гуд и король Ричард

Король Ричард, прослышав о деяниях Робин Гуда и его стрелков, немало удивился и захотел посмотреть на них собственными глазами. Поэтому он с дюжиной своих лордов отправился в Ноттингем, где решил остановиться. Во время своего пребывания в Ноттингеме король и его лорды переоделись монахами и отправились к аббатству у источника, неподалеку от Барнсдейла. По дороге они попали в засаду, устроенную Робин Гудом и его разбойниками. Робин Гуд принял короля, который был выше остальных, за аббата. Поэтому он подошел к нему, взял коня за узду и остановил его.

— Именно против таких мошенников, как ты, — сказал он, — мне приходится бороться.

— Но, — ответил король, — мы посланники короля, который недалеко отсюда ждет, чтобы поговорить с тобой.

— Боже храни короля, — ответил Робин Гуд, — и всех его доброжелателей, и пусть будет проклят любой, кто не признаёт его власти.

— Ага, — сказал король, — ты проклинаешь самого себя, поскольку ты изменник!

— Не будь ты посланником короля, ты бы пожалел о своих словах. Я за короля жизни не пожалею. И я никогда не причинял вреда ни одному честному и порядочному человеку, а лишь тем, кто наживается, воруя у других. Никогда в своей жизни я не обижал ни хлебопашца, ни охотника, и вся моя ненависть направлена против священников,

которые в наши дни забрали себе большую власть. Но я рад, что встречал тебя здесь. Пойдем со мной, и я тебе покажу наше лесное гостеприимство.

Король и его лорды стали дивиться, какое гостеприимство Робин Гуд имеет в виду. Но Робин Гуд взял королевского коня под уздцы и повел его к своему шатру.

— Я поступаю с вами так, потому что вы посланцы короля, и если бы у вас было столько золота, сколько порой бывает у меня, то с ним бы ничего не случилось, потому что это золото короля Ричарда.

Сказав это, он достал рог и затрубил в него что есть мочи. На сигнал из леса вышли сто десять стрелков Робин Гуда, и каждый преклонил перед ним колени. «Какое прекрасное зрелище, — подумал король, — ибо они относятся к нему с большей почитательностью, чем мои слуги ко мне. Вот что двор может почерпнуть из лесной жизни». Для короля и его лордов был накрыт обед, и король признался себе, что он никогда ничего вкуснее не едал. Затем Робин Гуд, подняв кружку эля, предложил выпить за здоровье короля. И они выпили за здоровье короля и одну кружку, и вторую, и третью.

После обеда все взяли луки и показали королю такое мастерство, что король вынужден был признаться, что лучших стрелков он не видел даже в чужих землях. Тогда он сказал Робин Гуду:

— Если бы я мог вымолить тебе прощение у короля Ричарда, стал бы ты служить королю во всем?

— С большим удовольствием, — ответил Робин Гуд, и все остальные его стрелки повторили то же самое.

После этого король открылся им и сказал:

— Я — король, ваш суверен, и вот сейчас стою перед вами.

При этих словах Робин Гуд и все его стрелки упали на колени, но король поднял их и сказал, что прощает их всех до единого и что все они должны поступить к нему на службу. После этого король вернулся в Ноттингем и вместе с ним вернулся Робин Гуд и все его люди — к великой радости горожан, которым они в течение долгого времени сильно досаждали.

Отправились в Лондон они тогда —
Робин Гуд и все его люди,
Был он в Лондоне пэром в былые года,
И теперь господином будет.

Смерть Робин Гуда

Однако Робин Гуд снова вернулся в Шервудский лес, где и встретил свою смерть. Случилось это так. Однажды он был ранен и покинул поле боя вместе с Малышом Джоном. Отойдя на безопасное расстояние, Робин Гуд сказал ему:

— Я больше не могу сделать ни одного выстрела — слишком велика моя рана. Поэтому я отправляюсь к моей кухне-настоятельнице, что живет неподалеку, в Кирклей-Холл, она умеет пускать кровь, и я быстро выздоровею.

На этом Робин Гуд расстался с Малышом Джоном и пошел к Кирклей-Холлу. Когда он добрался туда, силы почти оставили его, но он все-таки смог громко постучать в дверь. Его кухня сначала позволила войти путнику и лишь потом разглядела, что перед ней ее кузен Робин Гуд, и изобразила на своем лице радость. Он сказал:

— Видишь, как я слаб. Поэтому умоляю, пусти мне кровь, чтобы я смог побыстрее выздороветь.

Кухина взяла его за руку и отвела в верхнюю комнату, где уложила на кровать и пустила ему кровь. Однако бесчестная женщина, отворив вены, не перевязала их потом, и жизнь стала уходить из Робин Гуда. Он же, поняв, что последние силы покидают его, решил сбежать, но не смог, потому что дверь была закрыта, а окно находилось так высоко, что выпрыгнуть из него он не сумел бы. Тогда, видя, что он обречен на смерть, Робин Гуд дотянулся до своего рога, который лежал рядом на кровати. Поднеся рог к губам, он трижды протрубил, но очень слабо, хотя старался изо всех сил. Малыш Джон, который неподалеку сидел под деревом, услышал сигнал и сказал:

— Наверное, Робин умирает, поскольку звук его рога очень слаб.

Он поднялся и бросился бежать в сторону Кирклей-Холла. Когда он прибежал, то увидел, что дверь заперта, но он выломал ее и нашел Робин Гуда. Подойдя к его кровати, он упал на колени и сказал:

— Прошу тебя, выполни всего лишь одно мое желание — разреши мне сжечь дотла весь Кирклей-Холл и весь женский монастырь.

— Нет, — ответил Робин Гуд, — не могу я выполнить твое желание, ибо никогда в своей жизни я не причинял зла женщинам или мужчинам в обществе женщин, поэтому и после своей смерти я не могу позволить, чтобы свершилось такое. Лучше выполни мое желание — дай мне мой лук, и я пущу стрелу, и похорони меня в том месте, где ты ее

найдешь. Вырой для меня просторную могилу, чтобы мне в ней было не тесно лежать. Положи мою голову на зеленую дернину, а мой большой лук рядом со мной.

Мальш Джон обещал сделать все, о чем просил Робин Гуд. Так его и похоронили — на расстоянии пущенной стрелы от Кирклей-Холла.

Чевн-Чейс

Жил в Нортумберленде Перси,
Он клятву пред Богом дал,
Что он в горах охотиться будет,
Где Чевн есть перевал
И где угодья Дугласа.
Вот так он всем сказал.

*Перси. Памятники старинной
английской поэзии **

Не менее популярной, чем Робин Гуд, для творцов баллад была тема битвы при Чевн-Чейс. Эта битва была одной из многих, причиной которых был постоянный пограничный конфликт между шотландцами и англичанами. Однажды граф Дуглас, крупный шотландский приграничный землевладелец, вторгся в Нортумберленд. В ответ на нанесенную обиду лорд Перси совершил набег на шотландский Твид.

Может показаться, что виновником битвы при Чевн-Чейс был граф Перси. На самом деле неважно, кто начал ссору в данном случае. Вражда существовала длительное время, и нужно было не так много, чтобы конфликт вспыхнул с новой силой.

БАЛЛАДА О ЧЕВН-ЧЕЙС

Господь, храни нам короля
И сохрани нас тоже.
Охоты страшной в Чевн-Чейс
Никто забыть не может.

* Знаменитый сборник древнеанглийской поэзии, опубликованный в 1765 г. епископом Томасом Перси (1729—1811).

Граф Перси с гончими пошел,
Чтобы добыть оленя,
Но пыл охотничий его
Достоин сожаленья.

Отважный граф Нортумберленд,
Поклялся он пред Богом,
В шотландских землях провести
Три дня в охоте с рогом.

Хотел добыть он в Чеви-Чейс
Оленей самых лучших,
Но Дуглас, граф шотландский, все
Узнал — такой вот случай.

Он графу Перси обещал
Испортить всю охоту,
Но граф английский смелым был
И он сказал: «Чего там! —

Я лучших лучников возьму
С собой полторы тыщи,
И новобранцев-новичков
Никто среди них не сыщет».

И в понедельник, лишь с утра
Зарозовели дали,
Пустил он гончих, чтобы те
Оленей к нему гнали.

К полудню удалось добыть
Им больше ста оленей,
После обеда вновь стрелять
Звало их нетерпенье.

Дозоры зоркие в лесу
Их с тыла охраняли,
И звуку каждому они
Внимательно внимали.

Неслись собаки по лесам,
Чтобы загнать оленя,
И шум охоты разлился
Повсюду в это время.

Пошел лорд Перси посмотреть,
Кто вновь попался в сети.
Его граф Дуглас обещал
Здесь, в этом месте, встретить.

«Но если я решу, что он
Не хочет появиться,
То предпочту его не ждать,
А лучше удалиться».

Граф Дуглас все-таки пришел,
И с ним пришли в доспехах
Две тыщи с копьями бойцов,
Добытчиков успеха.

Из Тивидейла там бойцы,
И люди с Твид-реки,
Лорд Перси, видя их, сказал:
«Нам биться не с руки.

Но делать нечего, друзья,
Господь нам храбрость дал,
И не случилось, чтобы нас
Шотландец побеждал.

И я коня сегодня в бой
Направлю своего
Туда, где Дуглас, чтоб в бою
Вонзить копьё в него».

Граф Дуглас едет впереди
На белом скакуне,
И все доспехи у него
Сияют, как в огне.

«Ну, покажись скорее мне,
Кто так, без разрешения,
Решил охотиться и бить
Стрелой в лесу оленя?»

И благородный Перси-лорд
Не стал пред ним теряться
И отвечал, что здесь ему
Негоже представляться

И что готов он кровь пролить,
Чтобы валить оленей,
Но Дуглас-граф ему сказал:
«Сегодня не до прений,

Сегодня кто-нибудь из нас
В бою погибнуть должен,
Мы оба графы, только мне
Мой титул все ж дороже.

Но верь мне, Перси, ни к чему
От нашей личной ссоры
Другим, безвинным, погибать
До срока в эти поры.

Уж лучше мы с тобой вдвоем
Сойдемся, чтобы биться».
Ответил Перси: «Не могу
С тобой не согласиться».

Но юный сквайр Визерингтон
Вдруг произнес в пылу:
«Мне будет стыдно рассказать
Об этом королю.

Я не смогу стоять один
Вдали от вашей свары.
О да, вы — графы, но и я
Пока остался сквайром.

Я буду биться, как смогу,
Пока смогу стоять,
Пока я меч могу держать,
Я буду воевать».

И наши лучники тогда
Английские взялись,
И на шотландцев стрелы их
Разяще пролились.

Граф Дуглас выдержать сумел
Удар огромной силы —
Не дрогнул он, не побежал —
В нем честь и доблесть были.

Свое он войско разделил
На три больших отряда,
И всех копейщиков его
Остерегаться надо.

За то, чтоб в рог трубить в лесу,
Оленей гнать на выстрел,
Рубились графы что есть сил;
Их был удар неистов.

Немало лучников легло
От ран шотландских копий,
Но англичан не дрогнул строй,
Хоть велся бой жестокий.

И, луки побросав свои,
Они мечи схватили
И по доспехам и щитам
Рубили что есть силы.

Враг наседал со всех сторон,
Но строй стоял, не дрогнув,
Мужей достойных много там
Смерть встретили, не охнув.

О Боже, силы нет смотреть
И слушать крики, Боже,
Как те кричат, кто здесь упал
И встать уже не может.

И вот два графа все ж сошлись,
Как коготь впился в коготь,
Как львы, что жертву поделить
В лесу никак не могут.

Их поединок долгим был —
Мечи булатной стали
Терзали плоть, их пот иссяк,
И кровью истекали.

И молвил Дуглас: «Уступи,
Лорд Перси, я без лести —
Король шотландский наградит
Тебя по-королевски.

Я отступного дам тебе
И буду всем кричать,
Что рыцаря отважнее
Не довелось встречать».

Граф Перси произнес в ответ:
«Я сделки не люблю,
Шотландец не родился тот,
Кому я уступаю».

И в этот миг английский лук
Послал стрелу, которой
Граф Дуглас тяжело ранен был,
Сказав пред смертью скорой:

«Мои веселые стрелки,
Сражайтесь что есть сил.
Лорд Перси видел, как меня
Его стрелок сразил».

И умирающего вдруг
Граф Перси взял за кисть
И сожалеет, что вот так
Мечты его сбылись.

О Боже, как случилось так,
Что славный рыцарь вдруг
Упал, сраженный, только меч
Не выпустил из рук.

Среди шотландцев рыцарь был,
И, видя, как погиб
Граф Дуглас, он сказал: «За все
Должны платить враги».

То Хью Монтгомери сказал,
С копьем наперевес
Он на удалом скакуне
Сам в гуцу драки лез.

Пробился он сквозь строй врагов,
Отметив смертью путь,
И ненавистное древко
Вонзил он Перси в грудь.

Удар такую силы был,
Что не найти слова —
Копье торчало из спины
На локоть или два.

Так оба графа полегли,
Простим им их вину.
Лучник увидел: Перси мертв,
И лук свой натянул.

Сэр Хью Монтгомери сражен,
Он недвижим лежит.
На оперение стрелы
Из сердца кровь бежит.

Весь день сражение велось,
И на закате дня,
Когда вечерни пробил час,
Булат блестел, звеня.

С отважным Перси был убит
Сэр Джон из Эгертона,
Сэр Роберт Ратклиф и сэр Джеймс —
Отважней нет барона.

Погиб сэр Джордж, погиб сэр Джеймс,
То — рыцари без страха,
Ральф Рэби тоже был убит —
Поклонимся мы праху.

А юный сквайр Визерингтон
Уж лучше б был убит:
Он бился на земле без ног,
Являя страшный вид.

Граф Дуглас пал и вместе с ним
Сэр Хью Монтгомери,
Сэр Чарльз Мюррей — был ранен он,
Скончавшись до зари.

Еще один был Чарльз Мюррей —
Племянник старика.
Погиб сэр Лэм — нашла его
Разящая рука.

Лорд Максвелл тоже был сражен,
Как хроники гласят.
Из всех шотландцев в том бою
Осталось пятьдесят.

Не больше было англичан,
Оставшихся в строю,
А тем, кто пал при Чеве-Чейс,
Я славу пропою.

Пришло наутро много вдов
Своих мужей обмыть —
Слезами горькими из глаз
Их всех не оживить.

Они несли назад домой
Мужей своих тела,
И целовали всех, пока
Земля их не взяла.

До Эдинбурга слух дошел,
Что был хотя и прав,
Но неожиданно сражен
Стрелой был Дуглас-граф.

Король Шотландии сказал:
«Печально! Верь не верь,
Мне никого не отыскать
Отважнее теперь».

И в Англии король узнал,
Что там, у Чевы-Чейс,
Лорд Перси пал от рук врагов,
Не посрамивши честь.

Король сказал: «Теперь он там,
На небесах, в раю,
А я себе таких, как он,
Пять сотен наберу».

И отомщу шотландцам я
За лорда Перси смерть,
Чтоб позабыли, как сюда
Идти или смотреть».

И клятву страшную свою
Исполнил вскоре он,
Когда шотландцев истребил
В бою при Хамблдон.

И в этой ссоре не один
В бою конец нашел,
Все оттого, что Перси-лорд
Охотиться пошел.

Господь, спаси нам короля,
И нас не брось в беде,
И сделай так, чтоб больше знать
Не ссорилась нигде.

Битва при Оттербурне

Случилось как-то в день Петров,
Когда светлеют лица,
Бесстрашный Дуглас в Англию
Отправился молиться.

Еще одна знаменитая битва в пограничных конфликтах между Англией и Шотландией произошла при Оттербурне*. Этот город расположен в Нортумберленде, и при нем, как и в битве при Чеве-Чейс, померились силами семейства Дугласов и Перси. Граф Дуглас в этой битве погиб, а сэр Генри Перси по прозвищу Хотспер был взят в плен. История, изложенная в нашей книге, основана на работах прекрасного специалиста по эпохе рыцарства Жана Фруассара.

Перейдем сразу к шотландскому набегу, в котором Дугласы вместе с графом Марча и Данбара, а также с графом Морэем проникли в Англию, достигнув города Дарема, а теперь возвращались в Шотландию.

Три шотландских лорда, осуществив все то, ради чего затевалась экспедиция в Дарем, остановились перед Ньюкаслем на три дня, которые прошли в бесконечных боевых стычках. Сыновья графа Нортумберленда благодаря своей отваге одержали много славных побед на копьях. Граф Дуглас сошелся в долгом поединке с сэром Генри Перси и, к большому неудовольствию этого последнего и других англичан, отбил вымпел. Граф Дуглас сказал:

* Битва при Оттербурне состоялась в 1388 г.

— Я заберу этот знак твоей доблести с собой в Шотландию и помещу его на башне моего замка в Далкейте так, чтобы он был виден изда-лека.

— Господь с тобой, граф Дуглас, — ответил сэр Генри, — ты не сможешь его даже вывезти из Нортумберленда, так что хвастаться тебе им не удастся.

— Тогда тебе придется прийти сегодня ночью и забрать его. Я укреплю этот вымпел перед моим шатром и посмотрю, сможешь ли ты его добыть.

Поскольку было уже поздно, стычки закончились, и стороны разошлись по своим лагерям, чтобы снять доспехи и отдохнуть. Всего было вдоволь, особенно мяса. Шотландцы выставили усиленную стражу, памятуя о словах, сказанных сэром Генри Перси, из которых следовало, что ночью их лагерь будет атакован. Однако их ждало разочарование, поскольку сэр Генри Перси решил отложить нападение.

Утром шотландцы свернули свой лагерь перед Ньюкаслем и, отправившись домой, подошли к городу и замку под названием Понклау, владельцем которого был сэр Раймонд де Лаваль, один из самых доблестных рыцарей Нортумберленда. Они подошли к замку примерно в четыре часа утра и, узнав, что владелец находится в замке, стали готовиться к осаде. Все было сделано так умело, что вскоре замок был взят, а его владелец пленен. Предав замок и город огню, шотландцы отправились к Оттербурну, который отстоял на восемь английских лиг* от Ньюкасла, и там стали лагерем. В тот день они воздержались от нападения, но на следующее утро их трубы зазвучали, и они стали готовиться к атаке, выдвинувшись к замку, который был достаточно хорошо укреплен и надежно защищен болотами. Их атака была такой продолжительной и такой безуспешной, что все устали, и раздался сигнал к отступлению. После отступления предводители отрядов собрались на военный совет. Большинство высказалось за то, чтобы завтра свернуть лагерь и отправиться домой, не возобновляя осады замка, а затем объединиться со своими соплеменниками в соседнем Карлайле. Однако граф Дуглас отменил это решение своей властью и сказал:

— Раз сэр Генри Перси грозился отнять у меня призовой вымпел, завоеванный в честной борьбе под Ньюкаслем, то я останусь здесь на два-три дня, и мы возобновим осаду замка, поскольку он должен быть

* Одна лига — примерно 14,5 км.

взят. Это лишь добавит нам славы, и за это время мы посмотрим, осмелится ли он прийти за своим вымпелом. Если он придет, то нам нужно подумать об обороне.

Все согласились с тем, что сказал граф Дуглас, не только ради славы, но и потому, что граф Дуглас был главным среди них. Выразив ему свое почтение, все разошлись по своим местам. Из стволов и ветвей были построены надежные укрытия, все укрепились, как могли. Обоз и слуг разместили перед болотом, расположенным по дороге в Ньюкасл, а скот, который они гнали, был укрыт среди болотных хлябей.

Теперь пора вернуться к сэру Генри и сэру Ральфу Перси, которые были всерьез огорчены тем, что граф Дуглас отвоевал у них вымпел под Ньюкаслем. Более того, их мучил позор, потому что сэр Генри не сдержал своего слова, когда поклялся, что его вымпел никогда не будет увезен из Англии, о чем он не преминул уведомить всех рыцарей, которые были с ним под Ньюкаслем. Англичане решили, что войско под предводительством Дугласа — это только авангард шотландских войск и что основная армия скоро подойдет. Именно по этой причине рыцари, имевшие большой военный опыт и лучше разбиравшиеся в военной тактике, резко возражали против предложения сэра Генри Перси преследовать шотландцев. Они говорили:

— Сэр, война сопряжена с большими потерями; если даже граф Дуглас отбил у вас вымпел, то он достался ему дорогой ценой, поскольку он пришел за ним к вашим воротам и был встречен как полагается. В другой раз вы одержите победу и возьмете у него столько же, если не больше. Мы говорим так потому, что и вы знаете, и мы знаем, что в этот раз Шотландия выставила все свое войско. Мы же не настолько сильны, чтобы предложить им бой, и, может быть, эта стычка — всего лишь ловушка, чтобы выманить нас из города. И если в их войске, как утверждают, сорок тысяч человек, то они легко нас возьмут в окружение и сделают с нами все, что захотят. Лучше потерять вымпел, чем погубить двести — триста рыцарей и сквайров и оставить наш дом беззащитным.

Такие речи несколько умили желание братьев Перси сражаться, поскольку они не могли послушаться совета. Но тут они получили другие новости от рыцарей и сквайров, которые следили за передвижением шотландцев и знали их численность и месторасположение. Известие принесли рыцари, которые пересекли всю страну, где прошли шотландцы, поэтому они могли передать своим лордам вполне достоверные сведения. Вот что они говорили:

— Сэр Генри и сэр Ральф Перси, мы пришли, чтобы сказать вам, что мы следовали за шотландскими войсками и изучили местность, где они сейчас находятся. Сначала они остановились у Понклау и взяли в плен сэра Раймонда де Лавалья в его замке, оттуда они отправились к Оттербурну и провели под его стенами ночь. Мы не знаем, что они делали утром, но похоже, что они готовятся остаться там на длительный срок. Мы точно знаем, что в их армии не больше трех тысяч человек.

Сэр Генри Перси, услышав это, возрадовался и воскликнул:

— На коней! На коней! Ибо клянусь Господом Богом и моим господином и отцом, что этой же ночью верну себе вымпел и разобью шотландцев в их лагере!

Узнав об этом, рыцари и сквайры в Ньюкасле решили присоединиться.

В городе со дня на день ожидали епископа из Дарема, поскольку он слышал о вторжении шотландцев и о том, что они стоят под городом, где сыновья графа Нортумберленда готовятся дать бой. Епископ собрал, сколько смог, людей и поспешил на помощь, однако сэр Генри Перси не стал его дожидаться, а с шестьюстами рыцарями и сквайрами при поддержке более чем восьми тысяч пехотинцев вышел в поход, рассчитывая, что его силы будет достаточно, чтобы разгромить шотландцев, у которых было триста копий и две тысячи прочих воинов. Закончив сборы, они вышли из Ньюкасла после обеда и строгим строем, но не очень быстро из-за пехоты отправились той же дорогой, по которой перед этим прошли шотландцы в сторону Оттербурна, находящегося всего в шести коротких лигах.

Шотландцы ужинали, а некоторые уже успели лечь спать, устав от ратных трудов после осады замка, которую они решили возобновить по холодку с утра, и тут подошли англичане, которые приняли хижины, построенные для слуг, за жилища их господ. Они попытались прорваться в лагерь, который, однако, был надежно защищен, все время выкрикивая: «Перси! Перси!» Как и полагается, вскоре раздался сигнал тревоги, и шотландцам повезло, что англичане сначала напали на слуг и их атака не стала внезапной. Шотландцы, ожидавшие англичан, подготовились должным образом; пока лорды надевали доспехи, пехота по приказу вступила в бой, чтобы помочь слугам. Когда рыцари надели доспехи, они выступили под цветами трех главных баронов, каждый из которых имел свою задачу в битве. К этому времени сумерки стали сгущаться, но было еще достаточно светло, ибо сияла луна и был месяц август, когда погода еще балует теплом и безоблачностью.

Когда шотландцы полностью подготовились к бою и построились, они молча покинули свой лагерь, но не напали на англичан, а пошли по склону соседней горы. Весь день накануне они изучали окрестности, говоря: «Если придут англичане, чтобы напасть на наш лагерь, то мы будем делать то-то и то-то», — и все предусмотрели, чтобы избежать поражения. Ибо для тех, кто ожидает ночного нападения, важно продумать наперед, как обороняться, и просчитать вероятность победы или поражения. Англичане легко одолели слуг, однако, когда они продвинулись вглубь лагеря, их встретили свежие силы, готовые к обороне. Шотландцы в это время, пройдя по склону горы, внезапно с боевыми кличами обрушились на фланг противника. Для англичан, которые, правда, успели перестроиться и укрепили часть своего войска, это было большой неожиданностью. Боевые кличи Перси и Дугласа звучали со всех сторон.

Разгорелась яростная битва; напор копий был таким сильным, что многие сразу оказались на земле. Англичане, которых было больше и которым не терпелось победить противника, держались тесным строем и заставили шотландцев отступить, хотя к этому времени были почти разбиты. Граф Дуглас, который был молод и стремился прославиться ратными подвигами, приказал своему знаменосцу выдвинуться со знаменем вперед и кричать: «Дуглас! Дуглас!» Сэр Генри и сэр Ральф Перси, возмущенные тем, что молодой Дуглас напал на них и отвоевал их вымпел, и желавшие встретиться с ним в поединке, поспешили к тому месту, где раздавался этот клич, сами выкрикивая: «Перси! Перси!» Два знамени встретились, и многие подвиги совершились. Англичан было больше, и они бились так яростно, что им удалось потеснить шотландцев. Сэр Патрик Хепберн со своим сыном, которого звали так же, как отца, прославили свое рыцарское звание и свою родину, доблестно сражаясь под знаменем Дугласа. Если бы не они, то знамя могло оказаться у англичан. Их доблесть принесла славу не только им, но и легла благородной тенью на всех их потомков.

Рыцари и сквайры обеих сторон были полны решимости биться до тех пор, пока у них будут силы держать копьё. Никто не знал здесь трусости; благородные юноши Англии и Шотландии являли беспримерную храбрость и отвагу. Воины обеих сторон бились так тесно, что лучники боялись стрелять, и схватка перешла в рукопашную, в которой никто не хотел уступать противнику. Шотландцы вели себя самым достойным образом, поскольку англичане превосходили их числом втрое. Но это не значит, что англичане бились хуже, ибо они были готовы скорее умереть или попасть

в плен на поле боя, чем спастись бегством. Итак, знамена Дугласа и Перси встретились, и воины, сражавшиеся под каждым из этих знамен, делали все возможное, чтобы победить. Однако англичане в этой битве были настолько сильнее, что шотландцев удалось оттеснить. Граф Дуглас, преисполненный мужества, видя, как его соплеменники отступают, храбро взял обеими руками боевой топор и, стремясь сплотить воинов вокруг себя, бросился в самую гущу противника, нанося во все стороны сильнейшие удары, которые никто не мог выдержать; противник расступался перед ним, поскольку ни шлемы, ни латы не могли защитить от ударов его боевого топора. Так он продвигался, подобный Гектору, в надежде отвоевать позиции и добиться победы собственной доблестью, пока не оказался перед тремя наставленными на него копьями. Одно поразило его в плечо, второе — в живот, а третье — в бедро. Он не смог отразить эти копья и упал на землю, тщетно отбиваясь. И уже не поднялся. Некоторые рыцари и сквайры устремились за ним, но не все, ибо хотя на небе была луна, но уже совсем стемнело. Три английских копейщика догадывались, что им удалось поразить очень знатного воина, но они и не подозревали, что это был граф Дуглас. Если бы они знали, кто стал их жертвой, их радость была бы неопишуемой и они стали бы биться с удвоенной отвагой. Тогда победа, безусловно, была бы на их стороне. Шотландцы тоже не знали о своей потере до самого окончания битвы, в противном случае они бы впали в отчаяние и наверняка потерпели бы поражение.

Я расскажу, что случилось с графом Дугласом потом. Как только он упал, голову ему разбили боевым топором, копьё вонзили еще глубже в бедро, и почти все английское войско прошло по нему, не обратив на него никакого внимания и даже не представляя, что здесь лежит их главный враг. На другом краю поля доблестно сражался граф Марча и Данбара; много работы задали англичане тем шотландцам, которые устремились за Дугласом. В конце концов им удалось сразиться с двумя Перси. Граф Морэй бился так доблестно, преследуя англичан, что они не знали, как противостоять его натиску. Из всех битв, которые были описаны в этой истории, как маленьких, так и больших, эта битва была самой грамотной и самой жестокой, ибо не было ни одного воина, рыцаря или сквайра, который бы не проявил отваги, сражаясь врукопашную с противником. В чем-то она напоминала битву при Кошерели*, которая

* В битве при Кошерели, которая состоялась в мае 1364 г., Карл Злой (Наваррский), претендовавший на Бургундию, был разбит Дюгекленом.

так же долго и горячо обсуждалась. Сыновья лорда Нортумберленда, сэр Генри и сэр Ральф Перси, возглавившие поход, вели себя в бою как достойные рыцари. С сэром Ральфом едва не случилось то же, что и с графом Дугласом: оказавшись в гуще противника, он был окружен и тяжело ранен; почти бездыханный он сдался шотландскому рыцарю Джону Максвеллу, который сражался под знаменем графа Морэя и принадлежал к его дому.

Рыцарь попросил пленника назвать свое имя, поскольку было темно и он не мог его узнать. Сэр Ральф потерял так много крови из-за ран, что сумел лишь выговорить, что он — сэр Ральф Перси.

— Хорошо, — ответил рыцарь, — сэр Ральф, теперь вы — мой пленник, меня зовут Максвелл.

— Я согласен, — ответил сэр Ральф, — только прошу вас позаботиться обо мне, ибо я серьезно ранен, и все мои набедренные и ножные латы полны крови.

И шотландский рыцарь был с ним крайне внимателен. Услышав неподалеку клич Морэя, он заметил графское знамя и направился к нему. Сэр Джон обратился к графу Морэю и произнес:

— Милорд, позвольте передать вам в качестве пленника сэра Ральфа Перси, но пусть о нем позаботятся, ибо он опасно ранен.

Граф очень обрадовался и ответил:

— Максвелл, ты сегодня недаром надел рыцарские шпоры.

После этого он поручил пленника своим людям, которые хорошо перевязали его раны. Битва все еще не утихала, и никто не знал, кто одержит верх, поскольку с обеих сторон было много пленных и много спасенных, имен которых я не знаю.

Молодой граф Дуглас этой ночью являл чудеса отваги. Когда его повергли на землю, вокруг него была большая толпа, и он не смог подняться еще и потому, что рана в голове оказалась смертельной. Его люди держались как можно ближе к нему; тут же подошли его кузены — сэр Джеймс Линдсей, сэр Джон и сэр Уолтер Синклеры, а также другие рыцари и сквайры. Рядом с графом оказался отважный рыцарь, который не отходил от него. Он был капелланом, но в тот час сменил свое занятие на ратный труд. Всю ночь он следовал за графом, вооруженный боевым топором, и не раз помогал ему отбиться от англичан. Такое поведение было оценено его соплеменниками и способствовало его церковной карьере, поскольку в том же году он стал архидьяконом и каноником Абердина. Его звали сэр Уильям из Норт-Бервика. По правде говоря, он словно был

создан для сражений, но в этом бою получил серьезное ранение. Когда вышеупомянутые рыцари добрались до графа Дугласа, он пребывал в мрачном состоянии духа, так же как и один из его рыцарей, сэр Роберт Харт, который всю ночь сражался с ним бок о бок, а теперь лежал рядом, получив пятнадцать ран от копий и другого оружия.

Сэр Джон Синклер спросил графа:

— Кузен, как ты себя чувствуешь?

— Неважно, — ответил тот. — Слава Богу, что лишь немногие из моих предков умирали в покоях или в постели. Поэтому прошу тебя отомстить за мою смерть, ибо чувствую, что она неминуема, и сердце мое с каждой минутой бьется все слабее. Ты, Уолтер, и ты, сэр Джон Синклер, поднимите мое знамя, поскольку точно знаю, что оно лежит на земле с тех пор, как убит мой знаменосец — Дэвид Кемпбелл, этот отважный сквайр, который отказался сегодня принять рыцарство из моих рук, хотя по отваге и верности он равен самым доблестным рыцарям, ибо он продолжал кричать: «Дуглас! Дуглас!» — не различая своих и чужих, поскольку если бы враги узнали правду, то они бы несказанно возрадовались.

Оба брата Синклера и сэр Джон Линдсей подчинились его приказам. Знамя было поднято и клич «Дуглас!» зазвучал вновь. Их люди, оставшиеся позади, услышав часто повторяющийся клич «Дуглас!», воспряли духом и с такой отвагой ударили копьями, что англичане отступили, причем многие из них были убиты или повергнуты на землю. Шотландцы, отбросившие таким образом противника дальше того места, где лежал мертвый граф Дуглас, испутивший дух сразу же, как только отдал последнее приказание, собрались под его знаменем, которое нес сэр Джон Синклер. От повторяющегося клича «Дуглас!» число шотландцев росло, и вскоре под знаменем собралось большинство рыцарей и сквайров. Сюда же пришли графы Морэй и Марч со своими людьми и знаменами. Когда все собрались и увидели, что англичане отступают, битва разгорелась еще жарче, чем прежде.

По правде говоря, англичанам было труднее, чем шотландцам, поскольку этим вечером они пришли форсированным маршем из Ньюкасла-на-Тайне, который находился в восьми английских лигах отсюда, чтобы встретиться с шотландцами, и, значит, большинство из них еще до боя устали. Шотландцы, наоборот, успели отдохнуть, что давало им определенные преимущества, как и показали результаты битвы. Своим последним натиском они так рассеяли англичан, что те уже не смогли

собраться, и шотландцы оттеснили их далеко от того места, где лежал на земле граф Дуглас. Сэр Генри Перси во время этой атаки имел несчастье попасть в руки лорда Монтгомери, одного из самых доблестных рыцарей Шотландии. Они долго бились, ни в чем не уступая друг другу, но и без особого успеха, поскольку с обеих сторон не было ни рыцаря, ни сквайра, который не бился бы в тот момент с равным себе по силам противником. В конце концов лорду Монтгомери удалось пленить сэра Генри.

Эдвард Черный Принц

«ICH DIEN» *

Последним героем английского рыцарства, с которым мы познакомимся в этой книге, будет Эдвард Черный Принц **. Для того чтобы показать, каким было рыцарство той эпохи и каков был характер этого самого рыцарственного из всех английских принцев, мы расскажем о битвах при Креси и Пуатье ***.

Битва при Креси

Англичане, разделенные на три отряда и сидевшие на земле, увидев приближение противника, бесстрашно встали и врезались в их ряды. Первыми это сделали люди принца, чьи лучники были построены по типу крепостной решетки, или бороны, а за ними находились воины в доспехах. Графы Нортумберленд и Арундел, которые командовали вторым отрядом, заняли хорошую позицию на фланге, чтобы в случае необходимости оказать принцу помощь.

Да будет вам известно, что короли, графы, бароны и другая знать Франции не признавали регулярного порядка, а наступали один за другим или в любом другом порядке по их усмотрению. Как только король Франции **** завидел англичан, его кровь закипела, и он закричал своим маршалам:

* Я служу (нем.).

** Эдвард Черный Принц — сын Эдуарда III, принц Уэльский.

*** Ниже рассказывается о двух крупных сражениях эпохи Столетней войны: при Креси (1346) и при Пуатье (1356), которые принесли победу английским войскам.

**** Имеется в виду Филипп VI.

— Прикажите генуэзцам идти вперед и начать бой, во имя Господа нашего и святого Дени.

Генуэзских арбалетчиков было порядка пятнадцати тысяч, но они устали, пройдя перед этим пешком шесть лиг с полной боевой выкладкой и с арбалетами на плече. Они сказали своему коннетаблю, что не способны сейчас на подвиги. Граф Алансон, заслышав это, произнес:

— Вот что получаешь, когда связываешься с такими мерзавцами — их никогда нет, когда они нужны.

В этот миг начался сильный дождь с грозой и ужасным затмением солнца, а перед тем, как этому случиться, над войсками со страшным шумом пролетела огромная стая воронья. Вскоре, однако, прояснилось и засияло яркое солнце, но французам оно светило в глаза, а англичанам — в затылок. Генуэзцев все-таки удалось построить, они двинулись на англичан и для устрашения противника издали боевой клич, на который англичане не обратили никакого внимания. Тогда они закричали снова и продвинулись чуть вперед, но англичане даже не пошевелились. Клич раздался в третий раз, и генуэзцы взяли арбалеты наизготовку и начали стрелять. Английские лучники сделали шаг вперед и стали пускать стрелы так часто и яростно, что казалось, будто пошел снег. Когда генуэзцы испытали на себе смертоносность этих стрел, которые пробивали их доспехи и щиты, а то и срезали тетиву арбалетов и валяли их с ног, они быстро развернулись и побежали с поля боя. У французов было много конных воинов в богатых доспехах, которые должны были прийти на помощь генуэзцам. Увидев отступление, французский король закричал:

— Убейте этих мерзавцев: от них никакого толку, только мешают нам продвигаться!

Тогда французские латники бросились догонять бегущих и убивать их.

Англичане продолжали стрелять так же энергично, как и раньше. Некоторые стрелы долетали до пышно разодетой кавалерии, убивая многих и нанося раны. Это привело к тому, что конники врезались в ряды генуэзцев и падали среди них, производя замешательство и панику, после которой их никто не смог собрать вместе. Так был убит отважный король Богемии. Его звали Карл Люксембургский, и он был сыном доблестного короля и императора Генриха Люксембургского. Заслышав сигнал к бою, он стал спрашивать, где его сын, тоже Карл. Свита отвечала ему, что они не знают, но уверены, что он сражается. Король тогда сказал им:

— Господа, вы все мои подданные, мои друзья, а сегодня еще и братья по оружию, поэтому, ибо я слеп, отведите меня в гущу боя, чтобы я смог нанести хотя бы один удар своим мечом.

Рыцари отвечали, что они готовы хоть сейчас отвести его вперед, а чтобы не потерять его в сутолоке, они связали поводья всех своих лошадей вместе, а короля оставили впереди, чтобы он смог исполнить свое желание и выехать навстречу врагам. Карл Богемский, который уже подписывался как король Германии и имел свой герб, бодро вступил в бой, но, когда увидел, что битва оборачивается против французов, бежал, не разбирая дороги. Его отец, король, бился в окружении противника, орудуя мечом; и он, и его спутники отважно сражались. Они глубоко продвинулись в гущу врагов и все погибли. Наутро их тела обнаружили лежащими на земле, а их коней — связанными уздечками.

Граф Алансон двигался на англичан ровным строем, чтобы вступить в сражение с ними, так же как это делал на другом краю поля граф Фландрский. Эти два дворянина со своими воинами, двигаясь рядом с лучниками, подошли к отряду принца и отважно вступили в бой. Французский король очень хотел отправиться туда, где развевались его знамена, но путь ему преграждали лучники. В этот день он подарил сэру Джону Айно красивую черную лошадь, на которую тот посадил своего рыцаря-знаменосца. Эта лошадь побежала и стала носиться по английским порядкам, а на обратном пути споткнулась, упала в яму и серьезно ранила седока. Он бы погиб, если бы не его паж, который повсюду следовал за ним и поспешил на помощь, когда увидел, что его господин не может встать. Ему еще повезло, потому что англичане в тот день не были расположены брать пленных. Паж спешился и помог ему подняться, но вернуться тем же путем, каким он прибыл сюда, ему не удалось из-за строя сражавшихся.

Эта битва, которая состоялась в субботу между Бруа и Креси, была очень жестокой и кровавой. В тот день было совершено множество боевых подвигов, о которых ранее никогда не слыхивали. Ближе к вечеру многие французские рыцари и сквайры потеряли своих суверенов. Они рассыпались по всей долине, атакуя англичан маленькими группами. Все они вскоре были перебиты, ибо англичане в тот день не хотели ни уступить, ни даже слышать о выкупе.

Чуть раньше отдельные части французов, германцев и савойцев пробились сквозь отряд лучников принца и вступили в бой с латниками, но на помощь принцу своевременно пришел второй отряд, без которого ему

пришлось бы туго. Первый отряд, видя тяжесть своего положения, отправил рыцаря к королю Англии*, который расположился на холме около ветряной мельницы. Прибыв к нему, рыцарь сказал:

— Сэр, граф Уорик, лорд Стаффорд, лорд Реджинальд Кобем и другие соратники вашего сына яростно атакованы и просят, чтобы вы с вашим отрядом пришли им на помощь, ибо, если число французов возрастет, принцу придется слишком тяжело.

Король ответил:

— Неужели мой сын убит, потерял лошадь или так серьезно ранен, что не может постоять за себя?

— Конечно нет, слава Богу, — промолвил рыцарь, — но он ведет такой жаркий бой, что нуждается в вашей помощи.

Король ответил:

— Тогда, сэр Томас, возвращайся к тем, кто послал тебя, и скажи им, чтобы они сегодня больше ко мне никого не отправляли, что бы ни случилось, и не ожидали меня до тех пор, пока мой сын жив. Скажи им также, чтобы они позволили моему сыну добыть себе славу, ибо, если это в милости Божьей, я хочу, чтобы вся честь и доблесть сегодняшнего дня достались ему и тем, кому я его доверил.

Рыцарь вернулся к лордам и пересказал им королевский ответ, который их так воодушевил, что они даже раскаялись, что обратились к нему с такой просьбой.

К позднему вечеру у короля Франции оставалось в целом не более шестидесяти человек. Сэру Джону Айно, бывшему в их числе, пришлось даже пересадить короля на другую лошадь, поскольку ту, что была под ним, убила попавшая в нее стрела. Он сказал королю:

— Сэр, отступите, пока у вас есть такая возможность, и не подвергайте себя излишней опасности. Если вы проиграете эту битву, то сможете победить в другой.

После этих слов он взял королевскую лошадь под уздцы и силой повел ее прочь. Король ехал до тех пор, пока не показалась крепость Бруайе, ворота которой были закрыты, поскольку было уже темно. Король повелел, чтобы к нему привели коменданта. Тот появился на крепостной стене и спросил, кто его спрашивает в такой неурочный час. Король ответил:

— Открывай, открывай, это удача Франции.

* Имеется в виду Эдуард III.

Комендант, услышав голос короля, немедленно сошел вниз, открыл ворота и опустил мост. Король въехал в крепость, но с ним было всего пять баронов: сэр Джон Айно и еще четверо. Король не стал там задерживаться, а, отдохнув, около полуночи отправился со своими спутниками дальше в сопровождении проводников, хорошо знавших местность. Когда начало светать, он подъехал к Амьену, где и остановился. В эту субботу англичане не стали нарушать строй ради погони за отступающими, а остались на поле боя в прежнем порядке, выставив стражу и приготовившись защищать себя в случае нападения. К вечеру битва была завершена.

Когда субботней ночью англичане перестали слышать боевые кличи, призывы собраться вокруг знамени и имена своих военачальников, они сочли, что битва выиграна и что они победили. Они развели огромные костры и сделали множество факелов, чтобы разогнать ступившийся мрак ночи. Тогда король Эдуард возвратился из своего форта, где он за весь день ни разу даже не надел шлема, и со всем своим отрядом пошел навстречу принцу Уэльскому, заключил его в объятия и расцеловал, сказав при этом:

— Милый сын, Господь наделил тебя стойкостью, ты мой сын, ибо сегодня ты самым убедительным образом доказал свою верность, и ты достоин быть сувереном.

Принц низко поклонился, воздав подобающие почести своему отцу и королю. Англичане в течение всей ночи не переставая благодарили Господа за счастливый исход этого дня, не устраивая при этом беспорядков, поскольку король запретил все беспорядки и шум.

В битве при Креси Черный Принц прославился, однако наивысшим достижением в его жизни была победа при Пуатье — битва, которую он выиграл самостоятельно со своим собственным войском, когда его отец Эдуард III находился не во Франции, а в Англии. По Бретонскому миру, заключенному после этой битвы, Франция уступила Англии несколько провинций, которые Эдуард добавил к своим владениям в Гиени, создав отдельное королевство, которым управлял до самой своей смерти. Он так и не взшел на английский престол, а Эдуарду III наследовал его сын, Ричард II.

Битва при Пуатье

Воскресным утром король Франции *, которому не терпелось сразиться с англичанами, распорядился, чтобы в его шатре отслужили торжественную мессу, а он и четверо его сыновей причастились. Когда служба закончилась, к нему подошли французские бароны и другие знатные лица, у которых по соседству были надель, чтобы принять участие в совете. Они долго спорили, и наконец было принято решение, что армия должна выдвинуться в долину и что каждый барон должен возглавить свой отряд под своим знаменем и наступать во имя Господа и святого Дени. После этого зазвучали военные трубы, все изготавились, сели на коней и направились в ту часть долины, где развеялся на ветру королевский стяг. Здесь можно было увидеть самых знатных особ Франции, богато одетых, в сияющих латах, со знаменами и вымпелами. Весь цвет французского дворянства. Ни один рыцарь, ни один оруженосец не решился остаться дома, боясь позора и порицания. По совету коннетабля и маршалов войско было разделено на три отряда по шестнадцать тысяч латников, каждый из которых уже доказал свою отвагу. Герцог Орлеанский командовал первым отрядом, в котором было тридцать шесть знамен и вдвое больше вымпелов. Второй возглавлял герцог Нормандский и двое его братьев — Луи и Жан. Третьим отрядом командовал король Франции.

Когда формировались эти отряды, король призвал к себе сеньоров Юстаса де Рибомона, Жана де Ланда и Жискара де Божо и сказал им:

— Подойдите как можно ближе к английскому войску, чтобы определить его состояние, численность и то, как лучше с ним сразиться — в конном или пешем строю.

Рыцари удалились, чтобы выполнить приказ короля. Король сел на белого коня, выехал во главу армии и произнес:

— Парижане, шартрезцы, руанцы и орлеанцы, вашим именем пугали англичан, угрожая, что при встрече с вами им несдобровать; вы сами рвались сразиться с ними, и сегодня ваше желание исполнится. Я поведу вас на англичан, и мы увидим, как вы отомстите за все беды и несчастья, на которые они вас обрекли. Будьте уверены, что мы не уклонимся от битвы.

* Имеется в виду Иоанн II Добрый.

Те, кто слушал его, ответили:

— Сир, если на то будет Божья воля, мы без страха встретимся с ними.

В этот момент возвратились три рыцаря и, пробившись сквозь толпу, подъехали к королю, который спросил, с какими новостями они явились.

— Сир, мы внимательно изучили англичан. По нашим оценкам, в их рядах примерно две тысячи латников, четыре тысячи лучников и пятнадцать тысяч пехотинцев. У них очень хорошая позиция, но мы думаем, они не смогут составить более одного отряда. Тем не менее они расположились очень удачно, укрепили дорогу, проходящую по краю, и разместили вдоль нее своих лучников, так что их не миновать, потому что это единственный подступ для атаки. Другой дороги нет, а эта так узка, что по ней смогут проехать не более четырех всадников в одну шеренгу. В конце этой дороги, среди виноградников и терновника, где нельзя пройти ни конным, ни пешим строем, расположены пешие латники, а перед ними диагональю построены лучники таким образом, что одолеть их будет нелегко.

Король спросил, как, по их мнению, следует атаковать англичан.

— Сир, — ответил Юстас де Рибомон, — только в пешем строю, при этом триста наиболее опытных воинов должны будут прорваться через строй лучников, после чего вашим отрядам следует быстро атаковать англичан в пешем строю, вступить в рукопашный бой и доблестно сражаться. Это лучший совет, который я могу дать, и если кто-то может предложить что-нибудь лучше, то пусть скажет.

Король ответил:

— Так тому и быть.

И в сопровождении двух своих маршалов он поехал по отрядам отбирать триста лучших рыцарей и оруженосцев, пользующихся самым большим авторитетом в армии, причем каждый должен был быть хорошо вооружен и иметь хорошего коня. Вскоре был сформирован отряд германцев, которые должны были оставаться в конном строю в распоряжении маршалов. Ими командовали графы Зальцбурга, Нейдо и Нассау. Король Иоанн был в королевских доспехах, и еще девятнадцать человек были вооружены так же, как он.

Когда отряды короля Франции построились и каждый дворянин встал под свое знамя и получил указания, поступил приказ, чтобы все воины, вооруженные копьями, укоротили их до полутора метров, чтобы

увеличить маневренность, и сняли шпоры. Когда французы были готовы выдвинуться навстречу противнику, кардинал Перигора, который рано утром покинул Пуатье, верхом подъехал к королю, склонился перед ним и сказал, что он готов отправиться к принцу Уэльскому, чтобы заключить мир между ним и французским королем. На это король ответил:

— Мы ничего не имеем против, поэтому поспешайте.

Кардинал вновь сел на коня и поспешил к принцу. Но, хотя он провёл все воскресенье, разъезжая между армиями, ему не удалось выговорить условия, одинаково приемлемые для короля и для принца Уэльского. Весь тот день французы оставались в своем лагере, приятно проводя время, поскольку не имели недостатка в провизии, тогда как англичане, наоборот, не только во всем нуждались, но и не знали, куда отправиться за фуражом, поскольку были плотно окружены французами, и любая вылазка для них была сопряжена с опасностью. В это воскресенье они наделали много холмов и ям, в которых можно было бы безопасно разместить лучников.

Утром понедельника принц и его армия снова были в полной готовности, как и накануне. Французы к рассвету тоже построились. Кардинал, вновь вернувшийся этим утром, подумал, что мог бы примирить обе стороны, но французы ответили ему, что он может возвращаться когда хочет и пусть не докучает своими договорами или примирениями. Когда кардинал увидел, что его труды напрасны, он *попрощался с королем Франции и направился к принцу Уэльскому*, которому сказал:

— Достойный сын, делай все, что в твоих силах, поскольку битва неминуема, так как мне не удалось склонить к миру короля Франции.

Принц ответил, что он и его войско желают того же и что победа будет за тем, кто прав. Кардинал после этого попрощался и вернулся в Пуатье.

Армия принца была построена так, как донесли королю Франции три вышеупомянутых рыцаря, за исключением того что по его распоряжению несколько доблестных рыцарей оставались верхом, так же как и отряд, приписанный к французским маршалам, а триста латников расположились на вершине холма, который был не очень высок и не очень крут, но с его вершины можно было зайти во фланг отрядам герцога Нормандского, который лично находился у подножия. Это были единственные изменения, которые принц внес в план битвы. Сам он

оставался с основным отрядом посреди виноградников в полной боевой готовности и с лошадьми, стоявшими рядом на тот случай, если они понадобятся. Они укрепили и огородили наиболее слабые части своего обоза.

Когда принц Уэльский увидел, что с отъездом кардинала ему уже не договориться о мире на почетных для себя условиях, что битва неминуема и что король Франции презирает и его самого, и его армию, он обратился к своим войскам с такими словами:

— Мои отважные соратники, не беда, что мы численно уступаем нашему противнику. Не следует унывать по этому поводу, ибо победа не всегда за теми, кого больше, но за теми, кого хочет наделить победой Всемогущий Господь. Если нам повезет и мы победим, то завоюем великую славу и почет во всем мире; если же произойдет обратное и мы погибнем, то останутся мои отец и братья, и у всех у вас есть родственники или добрые друзья, которые сумеют отомстить за нашу смерть. Поэтому я призываю вас сражаться мужественно, ибо если это во власти Божьей и святого Георга, то вы увидите, что я сегодня буду биться как настоящий рыцарь.

Таковыми словами и доводами принц воодушевил своих воинов; то же по его приказу сделали и маршалы, подняв боевой дух всей армии. Сэр Джон Чандос решил быть рядом с принцем, чтобы охранять его и давать ему советы, и ни разу за весь этот день, какими бы ни были обстоятельства, он не покинул свой пост.

Лорд Джеймс Одли также долгое время находился рядом с принцем, но, видя, что столкновение с противником неминуемо, он сказал принцу:

— Сэр, я всегда верно служил вашему отцу и вам и буду верен вам до конца дней своих. Дорогой сэр, сегодня я должен вам признаться, что дал себе клятву, что если мне придется участвовать в битве вместе с вашим отцом или любым из его сыновей, то я всегда буду впереди всех, сражаясь лучше всех, или умру. Поэтому прошу совершенно искренне как награду за ту службу, которую я сумел сослужить, отпустить меня, чтобы я смог исполнить данную клятву.

Принц протянул ему руку и сказал:

— Сэр Джеймс, Господь дарует вам это право — быть сегодня самым доблестным рыцарем.

После этого рыцарь удалился и занял свое место во главе отряда, оставив при себе только четырех сквайров для охраны. Лорд Джеймс

был благоразумным и доблестным рыцарем, и по его совету армия была построена в боевой порядок, а лорд Джеймс двинулся вперед, чтобы сразиться с отрядом маршалов. Юстас д'Амбретикур, сев на коня, вставил копье в упор, поправил щит и, пришпорив коня, поскакал к этому отряду. Немецкий рыцарь, решив, что Юстас покидает армию, оставил свой отряд, которым командовал граф Йохан Нассау, и понесся навстречу Юстасу. Они столкнулись с такой силой, что оба оказались на земле. Немец получил рану в плечо и не смог встать так же быстро, как Юстас, который, оказавшись на ногах и восстановив дыхание, поспешил к лежащему на земле рыцарю. Однако пятеро немецких латников подбежали к нему, сбили с ног и сделали своим пленником. Они отвели его в обоз графа Нассау, который не обратил на него никакого внимания. Вряд ли они даже взяли с него клятву пленника, а лишь привязали вожжами к телеге.

Обе стороны вступили в бой, и отряд маршалов оказался впереди тех, кто должен был сломить отряд лучников, и двинулся по дороге, обстреливаемой с обеих сторон. Лучники, выждав, пока отряд пройдет достаточно далеко, начали стрелять в него из больших луков так скоро-висто, что кони, страдая от нестерпимой боли, причиняемой острыми стрелами, разворачивались и в бешенстве сбрасывали всадников, которые сразу же становились беспомощными. Те же, кто падал на землю, в общей сумятице не могли больше встать, поэтому отряд маршалов так и не приблизился к отряду принца. Однако нескольким особо хорошо вооруженным рыцарям и сквайрам удалось пробиться вперед и, благодаря своим коням, смять край лучников, но, несмотря на все их усилия, подойти к отряду принца они тоже не смогли. Лорд Джеймс Одли, сопровождаемый четырьмя своими сквайрами, обнажил меч и занял позицию далеко впереди отряда. Он совершал настоящие чудеса. Его желание биться с врагом было так велико и так далеко он врзался в его ряды, что сразился с самим маршалом Франции Арнольдом д'Андрегеном под его знаменем, и после продолжительного боя маршалу сильно досталось. Отряд маршалов был почти полностью истреблен стрелами лучников и пришедшими им на подмогу латниками, которые спешили к тем, кто падал на землю, и добивали их ради удовольствия. Арнольд д'Андреген был взят в плен, но не лордом Джеймсом Одли и его сквайрами, ибо этому рыцарю некогда было в тот день брать пленных, он лишь рубился и преследовал неприятеля. В другом месте под своим знаменем сражался Жан Клермон, который, будучи сбит на землю и не имея сил подняться,

не смог договориться о выкупе и был убит. Прошло совсем немного времени, и отряд маршалов был полностью разгромлен. Он стал отступать так быстро, что остальная армия, не имея возможности двигаться вперед, начала напирать на отряд герцога Нормандского, который шел широко и с фронта имел редкую шеренгу. Но скоро и тыл его оказался таким же редким, поскольку, узнав о поражении отряда маршалов, рыцари герцога сели на коней и ускакали. В этот момент подошли англичане, спустившиеся с холма. Они верхом в сопровождении лучников проскакали мимо всех отрядов и напали на один из флангов под командованием герцога Нормандского. Говоря по правде, английские лучники оказали армии неоценимую услугу, ибо они стреляли так быстро и так точно, что французы не знали, как увернуться от разящих стрел. Благодаря этому англичанам удавалось медленно продвигаться вперед, оттесняя противника. Когда английские латники поняли, что первый отряд разгромлен, а второй, под командованием герцога Нормандского, сломал строй и стал уязвим, они вскочили на коней, которых держали в готовности неподалеку, и как только все были верхом, раздался клич: «Святой Георг за Гиень!» Услышав это, сэр Джон Чандос сказал принцу:

— Сэр, а теперь скачите вперед, ибо мы победили. Видно, Господь захотел отдать победу в ваши руки. Отправимся же к нашему противнику, королю Франции, ибо всё будет решаться именно там, где он находится. Я хорошо знаю, что его гордость не позволит ему бежать, и он будет ждать нас, если того хочет Господь и святой Георг. Но с ним придется побороться, а вы обещали быть сегодня достойным рыцарем.

На это принц ответил:

— Джон, отправляйтесь вперед. Сегодня я не повернусь спиной к противнику и не покину первых рядов сражающихся. — После этого он обратился к сэру Уолтеру Вудленду, своему знаменосцу: — Знамя вперед, во имя Господа и святого Георга!

Рыцарь повиновался команде, и принц напал на отряд герцога Афинского. Битва была жестокой, ибо многие оказались повержены. Французы, которые сражались большими группами, кричали: «Монжуа Сен-Дени!»*, а англичане отвечали им: «Святой Георг за Гиень!»

* Монжуа Сен-Дени — боевой клич французов в Средние века, воззывающий к святому Дионисию — покровителю Франции.

Затем принц сразился с германским отрядом под командованием графа Зальцбургского, графа Нассау и графа Нейдо, разгромил его и обратил в бегство. Английские лучники стреляли так хорошо, что никто не осмеливался появиться в пределах досягаемости их стрел, и они убили многих, кто не смог предложить выкуп. Все перечисленные выше графы были тут убиты, а также многие бывшие с ними рыцари и оруженосцы. В суматохе Юстаса д'Амбретикура спасли его же люди, снова посадив на лошадь. Он еще много совершил в этот день подвигов и взял в плен несколько человек.

Когда люди герцога Нормандского увидели, что к ним быстро приближается войско принца, они стали думать о том, как спастись. Сыновья короля, герцог Нормандский, граф Пуатье и граф Турена, еще слишком юные, сразу вняли словам старших. А вот Жискар д'Англя и Жан де Сэнтре, бывшие рядом с графом Пуатье, вместо того чтобы бежать, устремились в самую гущу боя. Трое сыновей короля, как им посоветовали, ускакали галопом в сопровождении более чем восьмидесяти копейщиков, которые даже не видели противника, и направились в Шавиньи.

В это время королевский отряд в строгом боевом порядке готовился встретить англичан — в дело пошли мечи, боевые топоры и другое оружие. Король Франции и его младший сын Филипп атаковали отряд маршалов, графов Уорика и Суффолка, причем в этой схватке участвовало много знатных воинов с обеих сторон.

Лорд Джеймс Одли в сопровождении своих четырех оруженосцев всегда находился в самом пекле битвы. Он получил несколько серьезных ран, в том числе в голову и лицо, но пока мог дышать, он продолжал сражаться и двигался только вперед. Он не остановился ни разу, пока весь не покрылся кровью. Тогда, уже в конце битвы, четверо оруженосцев вывели его из сечи, очень слабого и израненного, чтобы он смог передохнуть и перевести дыхание. Они аккуратно сняли с него доспехи, чтобы осмотреть раны, перевязать их и защитить самые опасные из них.

Часто бывает, что удача в войне и любви превосходит все ожидания и похожа на чудо. По правде говоря, эта битва, произошедшая неподалеку от Пуатье, в долинах Бовуар и Мопертюи, была очень кровавой и жестокой. Было совершено много подвигов, которые остались неизвестными, обе стороны понесли большие потери. Король Иоанн показывал чудеса храбрости. Вооруженный боевым топором, он сражался и защищал

себя, и если бы хоть четвертая часть его войска вела себя так же, то победа досталась бы ему. Граф Танкарвиль, стремившийся пробиться сквозь толпу, был пленен рядом с королем. То же произошло и с Жаком де Бурбоном, графом Понтье, и Жаном д'Артуа, графом О. Преследование продолжалось до самых ворот Пуатье, где произошла кровавая битва и погибло много людей и коней, поскольку горожане закрыли ворота и никому не давали войти. На дороге перед воротами началась такая бойня, что многие стали сдаваться, только увидев англичан. Поэтому некоторые английские лучники взяли по четыре, пять и даже по шесть пленников.

Желание пленить короля привело к усилению атаки, и те, кто был рядом с ним и знал его в лицо, кричали: «Сдавайся, или ты покойник!» В этом месте битвы оказался молодой рыцарь из Сент-Омера, который был на жаловании у короля Англии. Его звали Дени де Морбек, и он в течение пяти лет был на стороне англичан, поскольку в ранней молодости его изгнали из Франции за совершение убийства во время драки в Сент-Омере. Этому рыцарю повезло оказаться рядом с королем Франции, когда тому приходилось особенно нелегко. Он, обладая недюжинной силой, пробился через толпу и на прекрасном французском обратился к королю:

— Сир, сдавайтесь!

Король, оказавшийся в отчаянной ситуации, повернулся к рыцарю и спросил:

— Кому я должен сдаться? Кому? Где мой кузен, принц Уэльский? Когда я увижу его, то буду говорить с ним.

— Сир, — произнес рыцарь Дени, — его здесь нет, поэтому сдайтесь мне, и я препровожу вас к нему.

— Кто ты такой? — продолжал король.

— Сир, меня зовут Дени де Морбек, рыцарь из Артуа. Я служу английскому королю, потому что не могу служить Франции, которая отобрала у меня все, чем я владел.

Тогда король вручил ему перчатку с правой руки и сказал:

— Я сдаюсь вам.

Вокруг была толпа и сутолока, и многие пытались крикнуть: «Я взял его!» Ни король, ни его младший сын Филипп не могли сдвинуться с места, сжимаемые со всех сторон.

Принц Уэльский, отважный как лев, был доволен тем, как шло сражение в тот день. Сэр Джон Чандос, который был рядом с ним все это

время и ни разу не отошел от него, даже для того, чтобы взять пленного, в конце битвы произнес:

— Сэр, вам лучше остановиться здесь и водрузить свое знамя на этот куст, чтобы ваше рассыпавшееся войско смогло вновь собраться, ибо я не вижу ни французских знамен, ни вымпелов, ни отрядов, способных хоть на какое-нибудь сопротивление. Кроме того, вам нужно немного остыть, поскольку я вижу, что вы излишне разгорячены.

После этого знамя принца было водружено на высоком кусте, заиграли менестрели, зазвучали трубы и валторны. Принц снял шлем, а рыцари, которые были при его персоне, поставили небольшой шатер темно-красного цвета, и принц вошел в него. Ему и бывшим с ним рыцарям принесли вино. Число их постоянно возрастало, ибо многие из них возвращались после погони за противником и останавливались здесь со своими пленниками.

Как только оба маршала вернулись, принц спросил, что им известно о короле Франции. Они ответили:

— Доподлинно, сэр, неизвестно, но мы считаем, что он либо убит, либо взят в плен, поскольку он до конца оставался со своим отрядом.

Принц, обращаясь к графу Уорику и лорду Кобему, сказал:

— Прошу вас сесть на коней, объехать поле и по возвращении дать мне точные сведения о короле.

Два барона не мешкая сели на коней, оставили принца и отправились к небольшому холму, откуда можно было оглядеть окрестности. С этого места они увидели толпу пеших латников, которые двигались очень медленно. Король Франции был среди них, и ему грозила большая опасность, поскольку французы и гасконцы отбили его у рыцаря Дени де Морбека и спорили, кому он должен достаться. Самый здоровый из них вопил: «Это я его взял!», — а другие не соглашались, крича: «Нет, он наш!» Король, осознавая грозящую ему опасность, говорил:

— Господа, господа, умоляю вас препроводить меня и моего сына с должным почтением к моему кузену принцу Уэльскому, и не спорьте о том, кто пленил меня, ибо у меня достаточно средств, чтобы всех вас озолотить.

Эти и другие слова, произносимые королем, на время успокаивали толпу лишь затем, чтобы она тут же начинала спорить вновь, создавая вокруг себя великий шум. Когда два барона увидели это, они спустились с холма и, пришпорив коней, поскакали навстречу. Подъехав, они

спросили, в чем дело. Им ответили, что это король Франции, взятый в плен, и что более десяти рыцарей и сквайров спорят, кому принадлежит честь его пленения. Оба барона, применив силу, пробрались сквозь толпу, приказав всем расступиться. Именем принца они велели всем держаться на расстоянии и не двигаться без приказа под страхом смерти. Все отступили от короля, а бароны, спешившись, подошли к нему с должным почтением и спокойно препроводили его к принцу Уэльскому.

Когда граф Уорик и лорд Реджинальд Кобем покинули принца по его приказу, как об этом было уже сказано, он стал спрашивать собравшихся вокруг него, знают ли они что-нибудь о судьбе лорда Джеймса Одли.

— Да, сэр, — отвечали некоторые из них, — он тяжело ранен и лежит неподалеку на соломенной подстилке.

— Клянусь, мне горько оттого, что он получил такую тяжелую рану, — ответил принц.

— Узнайте, можно ли его перенести сюда, а если нет, то я сам отправлюсь, чтобы повидать его.

Два рыцаря тут же оставили принца и, придя к лорду Джеймсу, рассказали ему о том, как сильно принц хочет его видеть.

— Тысячу раз благодарю принца, — ответил лорд Джеймс, — за то, что он вспомнил такого бедного рыцаря, как я.

После этого он призвал восьмерых своих слуг, которые отнесли его на подстилке туда, где находился принц. Принц склонился над ним и обнял его со словами:

— Дорогой лорд Джеймс, считаю своим долгом воздать тебе хвалу за ту отвагу, которую ты проявил сегодня, сражаясь лучше всех нас и еще раз доказав, что ты — самый доблестный рыцарь.

Лорд Джеймс ответил:

— Милорд, ваше право говорить все, что вы хотите, но с сожалением должен признать, это не так. Если я и был в первых рядах, служа вам, то это только потому, что я исполнял свою клятву, поэтому я не заслуживаю такой похвалы.

— Сэр Джеймс, — отвечал ему принц, — я и все остальные считаем тебя самым храбрым рыцарем в этой битве. А чтобы подвиги твои не забылись и чтобы ты смог и дальше множить свою славу в бою, назначаю тебя отныне и навеки своим рыцарем с годовым доходом в пятьсот марок, которые я буду тебе выплачивать из доходов от моих владений в Англии.

— Сэр, — сказал лорд Джеймс, — с Божьей помощью я заслужил от тебя такие почести.

С этими словами он покинул принца, поскольку был очень слаб, и слуги отнесли его назад в палатку. Только они удалились, как в шатер принца вошли граф Уорик и Реджинальд Кобем и представили короля Франции. Принц приветствовал его низким поклоном и устроил его со всеми удобствами, какие только мог предоставить, а в этом он знал толк. Он приказал, чтобы принесли вино, пряности, которые он сам предложил королю в знак своего расположения.

Так 19 сентября 1356 года была выиграна эта битва в долинах Мопертюи, что расположены в двух лигах от города Пуатье. Она началась около девяти часов утра и закончилась к полудню. Однако англичане все еще продолжали преследовать противника, и принцу пришлось водрузить свой флаг на высокий куст, чтобы его люди начали возвращаться. Но и после вечерни не все англичане вернулись. Говорили, что погиб весь цвет французского рыцарства, что король и его сын сеньор Филипп, семнадцать графов и бесчисленное количество баронов, рыцарей и оруженосцев были взяты в плен, а на поле боя осталось от пяти до шести тысяч тел. Когда все англичане собрались, то оказалось, что пленников в два раза больше, чем их самих. Поэтому решено было получить со всех выкуп прямо на месте, чтобы не рисковать. Так и было сделано, и пленники могли убедиться в английской и гасконской учтивости, поскольку многих из них освободили под обещание вернуться до Рождества в Бордо и заплатить выкуп.

Когда все собрались под свои знамена, был отдан приказ возвратиться в лагерь, который располагался недалеко от поля боя. Кое-кто уже начал снимать доспехи и складывать оружие и помогал сделать то же самое пленникам, с которыми обходились весьма любезно, поскольку, как бы ни обстояло дело с выкупом, пленники оставались в полном распоряжении победителей. Легко можно предположить, что все, кто сопровождал принца, не были обойдены ни славой, ни богатством, ни выкупом со своих пленников, ни золотой и серебряной посудой, ни драгоценными камнями, ни сундуками, забитыми до отказа тяжелыми от золотых и серебряных украшений поясами и меховыми мантиями. Никто даже не взглянул ни на доспехи, ни на палатки, ни на другие вещи, ибо французы вырядились на битву так, словно были уверены в победе.

Когда лорда Джеймса Одли снова принесли в палатку после того, как он подобающим образом отблагодарил принца за его подарок, он

сразу же послал за своим братом сэром Питером Одли и за всеми, кто приходился ему родственником. Затем он послал за своими четырьмя оруженосцами, которые весь день находились рядом с ним, и, обращаясь ко всем, сказал:

— Джентльмены, милорд принц великодушно пожаловал мне содержание в размере пятисот марок в год за службу, которую я считаю незначительной. Здесь перед вами четыре оруженосца, которые всегда служили мне верой и правдой, особенно в сегодняшней битве. Всей славой, которую я снискал нынче, я обязан им и их отваге, за что я и хочу их вознаградить. Поэтому я передаю в их руки дар в размере пятисот марок, которыми мой господин, принц, решил вознаградить меня, в той же форме и на тех же условиях, на которых они достались мне. Я отказываюсь от этих денег в их пользу без права изменить свое решение.

Рыцари посмотрели друг на друга и сказали:

— Благородному лорду Джеймсу к лицу делать такие подарки. — И, не сговариваясь, добавили: — Пусть Господь Бог не забудет твоего поступка! Мы всегда готовы свидетельствовать, что ты сделал этот дар по своей воле, когда бы нас о том ни спросили.

После этого все ушли и отправились к принцу Уэльскому, который собирался дать ужин в честь французского короля из его же собственных припасов, поскольку у французов всего было вдоволь, а теперь вся провизия попала в руки англичан, многие из которых не пробовали хлеба уже три дня.

Когда наступил вечер, принц Уэльский дал ужин в своем шатре в честь французского короля, а также в честь принцев и баронов, которые оказались пленниками англичан. Принц посадил французского короля и его сына сеньора Филиппа за находящийся на возвышении и богато накрытый стол, за этим же столом оказалось несколько французских сеньоров самого высокого положения. Остальные рыцари и оруженосцы были размещены за другими столами. Принц сам прислуживал королю и прочим, выказывая крайнюю скромность, и отказывался сам сесть за стол, несмотря на все уговоры, мотивируя это тем, что ему не место за столом такого могущественного короля и такого отважного мужа. Являя свое благородство, он также добавил:

— Дорогой сир, пусть не портит вам аппетит то обстоятельство, что Всемогущий Господь не позволил вашим мечтам исполниться сегодня; не сомневайтесь в том, что мой господин и отец окажет вам все почести

и выразит свою дружбу, насколько это будет в его силах, и уладит дело с выкупом так, что вы навеки останетесь друзьями. По моему мнению, вы должны быть рады тому, что судьба в этой битве распорядилась не так, как вы хотели, ибо за сегодняшний день вы прославились своей доблестью, превзойдя ею всех рыцарей, сражавшихся за вас. Я говорю это, дорогой сир, не для того, чтобы польстить вам, ибо все свидетели с нашей стороны единодушно считают, что вы были лучшим и заслуживаете приз и венок победителя за смелость.

После этой речи все наперебой стали воздавать ему хвалу, и французы сказали, что принц говорил искренне и благородно и что он станет одним из самых достойных принцев в христианском мире, если Господь продлит его годы, чтобы он шел по пути славы.

Легенды о Карле Великом

Как Агрикан со всеми северными странами
Осадил Альбракку, как говорится в романах;
Город Галафрона, чтобы потом овладеть
Прекрасной дочерью Анжеликой,
Любимой многими доблестными рыцарями,
Как языческими, так и пэрами Шарлеманя.

Мильтон. Потерянный рай

Помимо образования, которое дают школы и колледжи, есть и другие знания, без которых такое образование всегда будет неполным. Имеется в виду знание классической литературы. В изысканном обществе молодому человеку больше могут понадобиться знания в сфере художественного вымысла, чем осведомленность о научных открытиях или философских рассуждениях.

В эпоху, когда интеллектуальный мрак распространился по всей Западной Европе, в Италии появилось целое созвездие прекрасных писателей. Это Пульчи (р. 1431), Боярдо (р. 1434) и Ариосто (р. 1474), выбравшие для своих произведений романтические сказочные сюжеты, которые в течение многих веков передавались в творениях бардов и в легендах монахов-хроникеров. Эти сказки упорядочены, украшены авторской фантазией, усилены собственными выдумками и отмечены печатью бессмертия. Можно с уверенностью сказать, что до тех пор, пока будет существовать цивилизация, эти произведения сохранят свое место среди самых почетных творений человечества.

В двух предыдущих работах («Эпоха сказок» и «Эпоха рыцарства») автор этой книги попытался поделиться с современным читателем знаниями классической и средневековой литературы, которые необходимы для понимания образов, встречающихся в художественных произведениях и в устной речи. В этом разделе ставится та же задача. Как и раньше, автор претендует на большее, чем простая развлекательность. Он стремится познакомить читателя с сюжетами, которыми пользовались

великие поэты Италии. Эти знания необходимы молодому человеку, если он хочет называться высокообразованным.

Читая эти романы, мы не можем не заметить, как авторы используют одни и те же древнейшие образы из поколения в поколение. Сирены из мифов об Одиссее превращаются в сирену, очаровывающую Орландо, а Кирка становится волшебницей Алкиной. Тему источников любви и ненависти можно найти в мифе о Купидоне и Психее; приворотными чарами обладает зелье в легенде о Тристраме и Изольде и волшебный цветок из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Читатель может и без нашей помощи найти еще множество таких примеров.

Источники, из которых мы взяли наши истории, — это прежде всего творения перечисленных выше итальянских поэтов, «Рыцарские романы» графа де Трессана и некоторые немецкие сборники народных сказок. Некоторые главы заимствованы из книги итальянской поэзии в переводе Л. Ханта. С одной стороны, он прекрасно справился со своей задачей и повторять его не имеет смысла, а с другой — без этих сюжетов наша книга окажется неполной.

Те, кто исследовал корни сказаний о Карле Великом и его современниках, считают, что народная традиция приписала Карлу Великому помимо его собственных деяний подвиги Карла Мартелла и, возможно, других Карлов. Это действительно была исключительная эпоха, и если у нашего читателя хватит терпения и он не перейдет к чтению художественных произведений, о которых мы ему рассказываем, а предпочтет сначала ознакомиться с реальной историей, то обнаружит, что она так же захватывающа, как и произведения поэтов.

В век, который пришел после 600 года, страны, граничившие с родиной Спасителя на востоке и юге, еще не обрели его религию. В Аравии все еще процветало идолопоклонство, напоминавшее религию персов, которые поклонялись солнцу, луне и звездам. В Мекке в 571 году родился Мухаммад, который в сорокалетнем возрасте провозгласил себя пророком Господа, стоящим настолько выше Христа, насколько Христос был выше Моисея. Постепенно обретая множество учеников, он решил распространить свою религию силой оружия. Энергия его последователей в сочетании со слабостью соседних стран позволили ему и его преемникам распространить власть арабов и религию Мухаммада на все страны к востоку до самого Инда, к северу до Ирана и Малой Азии, на запад до Египта и южного побережья Средиземного моря, а затем и на значительную часть Испании. Все это произошло в течение ста лет после хиджры, т. е. бегства Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году, с которого мусульмане ведут отсчет времени, подобно тому как мы это делаем от рождества Христова.

Из Испании сарацинам (как назывались последователи Мухаммада) дорога открывалась во Францию, завоевание которой в случае успеха означало бы покорение всей Европы и уничтожение христианства на всей земле. Нужно сказать, что христианство в то время еще не было мировой религией и не проникло в страны, которые мы сегодня считаем лидерами цивилизации. Значительные территории Германии, Британии, Дании и России оставались языческими или варварскими.

В это время во Франции правил еще не имевший королевского титула первый из всех замечательных Карлов, о которых мы будем рассказывать, — Карл Мартелл, дед Карла Великого. Сарацины из Испании совершали набеги на Францию в 712 и 718 годах и возвращались с огромной добычей. В 725 году Анбесса, который в то время был сарацинским правителем Испании, пересек Пиренеи с многочисленной армией и штурмом взял укрепленный город Каркассон. Это вторжение произвело такой ужас, что значительная часть страны подчинилась завоевателям и было назначено мусульманское правление провинцией, которое обосновалось в Нарбонне. Анбесса, однако, получил смертельную рану в одном из боев, и сарацины, не сумевшие продвинуться дальше, вернулись в Нарбонну.

В 732 году сарацины снова вторглись во Францию под предводительством Абд аль-Рахмана, стали быстро продвигаться по берегам Гаронны и осадили Бордо. Город был взят штурмом и отдан на разграбление войскам. Завоеватели двинулись дальше и распространились по территории Орлеана, Осера и по бассейну Сены. Однако передовые отряды были неожиданно отозваны их повелителем, который, узнав о богатом аббатстве Св. Мартина Турского, собрался разграбить его и уничтожить.

Карл поначалу ничего не предпринимал против сарацин, ибо та часть Франции, куда они вторгались, лежала вне его владений и составляла отдельное королевство под названием Аквитания, королем которой был Эд. Но со временем Карл оценил опасность нашествия и приготовился ему противостоять. Абд аль-Рахман продвигался в сторону Тура, когда сведения о приближении Карла во главе армии франков заставили его отступить к Пуатье, чтобы занять более выгодную позицию для сражения.

Карл Мартелл созвал войска со всех своих владений и во главе армии, которую вряд ли когда-нибудь до того видела Франция, пересек Луару, скорее всего у Орлеана, где к нему присоединились остатки

аквитанской армии, и в октябре 732 года приблизился к арабам. Сарацины, скорее всего, были осведомлены о том, с каким серьезным противником им придется столкнуться, и впервые этих грозных завоевателей охватили сомнения. В течение семи дней две армии стояли друг против друга, не решаясь напасть, но в конце концов Абд аль-Рахман дал сигнал к бою, и огромное сарацинское войско устремилось на франков. Но первая линия тяжеловооруженных франков осталась стоять как скала, и сарацины весь день безрезультатно пытались хоть как-то их поколебать. Наконец около четырех часов пополудни, когда Абд аль-Рахман готовил новую тщетную попытку прорвать оборону франков, в тылу сарацин раздался ужасный шум. Это был король Эд, который со своими аквитанцами напал на лагерь противника, вынудив того бросить главные силы на защиту уже награбленного. В этот момент всеобщего замешательства линия франков пошла в наступление и, сметая все на своем пути, устроила настоящее побоище в стане врага. Абд аль-Рахман делал безуспешные попытки собрать свое войско, но, когда он вместе с наиболее отважными военачальниками пал под ударами христианских мечей, его армия разбежалась, ища убежище в своем огромном лагере, выбив оттуда Эда и его аквитанцев. Было уже поздно, и Карл, не рискуя атаковать лагерь в темноте, отвел свою армию и заночевал в долине, рассчитывая с рассветом начать бой снова.

Когда забрезжил день, франки построились в боевой порядок, но враг не появился, а когда наконец они решились приблизиться к лагерю сарацин, то оказалось, что в нем никого нет. Сарацины воспользовались ночной темнотой и отступили в Испанию, побросав все награбленное добро, которое теперь попало в руки франков.

Так закончилась славная Турская битва, в которой было убито множество сарацин и погибло всего полторы тысячи франков. За эту победу Карл получил прозвище Мартелл («молот»).

Сарацины, несмотря на это чувствительное поражение, продолжали удерживать земли на юге Франции, но Пипин, сын Карла Мартелла, унаследовавший его державу и получивший титул короля, успешно отбил у них все укрепленные города, и в 759 году, захватив их столицу Нарбонну, прекратил тем самым существование их державы во Франции.

Шарлемань, или Карл Великий, наследовал своему отцу Пипину на троне в 768 году. Этот принц хотя и был героем множества рыцарских легенд, все-таки больше знаменит как реальное лицо, нежели как

художественный образ. Будем ли мы его рассматривать как воина, создателя законов, покровителя учености или как человека, цивилизовавшего варварские народы, — он в равной мере достоин нашего восхищения. Таков он в истории, но в рыцарских романах он часто предстает слабым и капризным, жертвой предателей советников и игрушкой в руках бунтарей баронов, от воинского искусства которых зависело его положение на троне. Его исторический образ, бесспорно, правдив, поскольку он сохранился в авторитетных документах и подтверждается происходившими в то время событиями. На вершине своего могущества французская империя занимала территории нынешних Франции, Германии, Швейцарии, Голландии, Бельгии и значительной части Италии.

В 800 году Карл Великий, находясь в Риме, куда он пришел с войском, чтобы защитить папу римского, был возведен понтификом в императора Запада. В Рождество Карл вошел в собор Св. Петра так, словно хотел просто поприсутствовать вместе со всеми на торжественной службе. Когда он поравнялся с алтарем и склонился в молитве, папа вышел вперед и возложил на его голову золотую корону, и в тот же момент римляне закричали: «Долгой жизни и побед Карлу Августу, которого Господь короновал великим и умиротворяющим императором римлян!» После этого папа простерся перед ним и воздал ему все полагающиеся почести в соответствии с ритуалом, установленным еще древними императорами, завершив обряд священным помазанием.

Карл Великий в основном вел войны против язычников и варварских народов, известных как саксы и населявших Голландию и область вокруг Ганновера. Он также совершал походы против испанских сарацин, но его войны с сарацинами происходили вне Франции, как пишут авторы рыцарских романов, — в Испании. Он вошел в Испанию, перейдя через восточные Пиренеи, и легко захватил Барселону и Памплону. Однако Сарагосса отказалась открыть перед ним городские ворота, и он вынужден был вступить в переговоры, получив в итоге значительную сумму золотом за свое возвращение за Пиренеи.

На обратном пути он со своей армией преодолел горы, пройдя через долины Ангуи, Эно и Ронсеваль. Когда Карл Великий наступал, глава этих земель встретил его как верный вассал, а теперь, когда армия возвращалась, он собрал всех диких горцев, племена которых признавали его как верховного правителя, и они вместе заняли вершины, мимо которых должна была проходить армия франков. Основная часть армии прошла свободно, не встретив сопротивления и не подозревая об опасности,

однако арьберггард, который несколько поотстал и был перегружен добычей, оказался яростно атакован на перевале Ронсеваль и полностью уничтожен. Несколько славных вождей франков пропали без вести во время этого сражения, среди них назывался и Роланд, или Орландо, который владел болотистой местностью, составлявшей пограничную часть Бретани. В более поздние времена его имя прославилось, а эпизод, описывающий бой на перевале Ронсеваль и гибель Роланда, стал сюжетом многих рыцарских романов.

Хотя после этого похода были и другие военные столкновения между армией Карла Великого и сарацинами, они не имели большого значения и обычно проходили на испанской земле. Поэтому историческая основа, на которой строили свое повествование авторы рыцарских романов, практически отсутствует, при том что Карлу Великому приписывают многие деяния более позднего и более раннего времени.

Существует, однако, летопись, которая в течение длительного времени рассматривалась как подлинная и приписывалась реймскому архиепископу Турпену, реальному персонажу, жившему в эпоху Карла Великого. Она известна под названием «История Карла Великого и Орландо». Сегодня она однозначно рассматривается как некое собрание народных преданий, записанных доверчивым и не очень разборчивым монахом, который посчитал, что сделает свою книгу более авторитетной, если укажет в качестве ее автора известного и уважаемого человека. О епископе Турпене в книге говорится следующее:

Турпен, архиепископ Реймса, друг и секретарь Карла Великого, прекрасно знающий церковную и светскую литературу, гениально владеющий прозой и поэтическим языком, защитник бедных, возлюбленный Господа нашего в жизни и слове, который часто врукопашную сражался с сарацинами на стороне императора, он сводит деяния Карла Великого в одну книгу и живет, не зная забот, при Карле и его сыне Людовике до восьмьсот тридцатого года.

Названия некоторых глав в книге архиепископа Турпена очень красноречивы: «О стенах Памплоны, которые рухнули сами по себе», «О войне святого Факунда там, где копия растут» (некоторые христиане втыкали вечером свои копия вертикально в землю перед замком, а к утру на них вырастала кора и тянулись во все стороны ветви), «Как солнце стояло неподвижно три дня и как были убиты четыре тысячи сарацин».

«История» Турпена, вероятно, является источником сказочных приключений, которые более поздние поэты и авторы рыцарских романов связывали с Карлом Великим и его палдинами, или пэрами. Однако Ариосто и другие итальянские поэты заимствовали из других источников и придумывали сами различные сюжеты с теми же героями, прикрываясь таким авторитетом, как «старый добрый Турпен», хотя в его «Истории» нет даже намека на подобные события. И чем невероятнее или, лучше сказать, невозможнее их сюжеты, тем чаще они цитируют «архиепископа», дополняя своими свидетельствами его бесспорную правдивость.

Среди крупнейших итальянских поэтов, которые воспевали приключения пэров Карла Великого, были Пульчи, Боярдо и Ариосто. Такие герои, как Орlando, Ринальдо, Астольфо, Гано и другие, очень похожи друг на друга и отличаются лишь приключениями, которые им приписываются. Боярдо рассказывает нам о любви Орlando, Ариосто — о его разочарованиях, приведших к помешательству, Пульчи повествует о его смерти.

Ожье Датчанин — это реальный персонаж. Исторические источники, так же как и литературные, представляют его могущественным феодалом, который, будучи язычником из Дании, принял христианство и поступил на службу к Карлу Великому, затем восстал против императора и был отправлен в ссылку. Впоследствии он встал во главе шайки, состоявшей преимущественно из норманнов, которые грабили Францию, когда у власти были беспомощные преемники Карла Великого. Описание, которое дал Карлу Великому древний хроникер, в пересказе Ожье настолько живописно, что мы не можем не привести его здесь. Карл Великий шел, чтобы осадить Павию. В этом городе находился король ломбардов Дидье, который предоставил Ожье убежище. Когда они узнали, что к городу приближается король, они взобрались на высокую башню, откуда можно было обозревать окрестности.

Сначала они увидели приближавшиеся штурмовые машины, достойные армий Дария и Юлия Цезаря.

— Это Шарлемань! — сказал Дидье.

— Нет, — ответил Ожье.

Затем ломбардец увидел огромное множество воинов, которые заполнили всю долину.

— Вот теперь это Шарлемань со всем своим войском! — воскликнул Дидье.

— Нет, это еще не он, — возразил Ожье.

— На что же нам надеяться, — продолжал король, — если он придет с войском, которое больше этого?

Наконец появился Карл; его голову закрывал стальной шлем, на руках были стальные перчатки, а грудь и плечи защищала стальная кираса, в левой руке было железное копье, а в правой руке — меч. Те, кто шел перед монархом, те, кто шагал по бокам, и те, кто был сзади него, — все были в одинаковых доспехах. Сталь заполнила поля и дороги, железные наконечники отражали солнечные лучи. Эту сталь изготовили люди, чьи сердца были крепче этой стали. Блеск оружия навел страх на улицы города.

Образ Карла Великого, раскрывающийся в военном аспекте, был бы неполным без рассказа о нем «в условиях мира». Один из величайших современных историков, Ф. Гизо*, сравнил славу Карла Великого с ярко вспыхнувшим метеором, который неожиданно появился из мрака варварства и так же неожиданно исчез во мраке феодализма. Однако свет этого метеора не угас, и вся последующая цивилизация неизменно заимствовала то, что в свое время было заслугой великого императора франков. Его рука видна в законотворчестве того времени и в практике применения законов; он поддерживал священничество, которое было единственным невоенным интеллектуальным классом, в его спорах с воинствующими и посягающими на его права баронами; он был любящим отцом и внимательно следил за обучением детей — как сыновей, так и дочерей. Мы остановимся немного подробнее на том, как он поощрял ученость.

Он требовал приглашать ученых из Италии и других стран, чтобы восстановить общественные школы во Франции, которые пострадали от продолжительной смуты, предшествовавшей его правлению. Он хорошо платил этим ученым, а многих из них приближал к себе, удостаивая их своей дружбой. Среди таких людей самым знаменитым был англичанин Алкуин**, называвший себя Горацием. Еще один ученый принял имя Августина, а третий — Пиндара. Карл Великий, который знал

* Гизо, Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский государственный деятель, историк.

** АЛКУИН (АЛКВИН) (730—804) — ученый англосаксонского происхождения. Занимаясь распространением и популяризацией античного искусства и науки, Алквин заложил основу так называемого Каролингского возрождения.

наизусть все псалмы и стремился, по его выражению, стать *королем, угодным Богу*, получил от ученого братства имя Давид.

О том, каким уважением он пользовался в других странах, свидетельствует хотя бы тот любопытный факт, что знаменитый арабский халиф Гарун аль-Рашид, который по характеру и поведению не многим отличался от Карла Великого, направил к нему свое посольство. Послы помимо множества дорогих подарков привезли с собой часы, которые оказались первым инструментом подобного рода в Европе и вызывали неизменное восхищение. Они были сделаны в виде здания с двенадцатью стенами и двенадцатью дверями. Эти двери образовывали ниши, в которых находились маленькие статуэтки, и каждая ниша соответствовала определенному часу. Когда часы начинали бить, дверца соответствующей ниши открывалась, из нее появлялось соответствующее часу количество фигурок, которые размеренно маршировали вокруг башни. Часы приводились в движение водой, а бой производили бронзовые шары, которые падали на цимбалы из того же металла. Число ударов определялось количеством воды, которая попадала в сосуд, выпускающий шары.

Карлу Великому наследовал его сын Людовик, имевший хорошие намерения, но бывший слабым правителем, при котором все тщательно созданное Карлом Великим дало трещины. Людовику наследовали два Карла — бездарные принцы, чье неумное, а порой тираническое поведение приводило к событиям, которые частично были приписаны самому Карлу Великому.

Презрение к законам и неповиновение со стороны палатинов Карла, которое часто описывается в романах, — это тоже признак деградирующей империи, но ни в коем случае не характеристика Карла Великого.

Пэры, или паладины

Двенадцать самых блестящих рыцарей Карла Великого считались пэрами, поскольку между всеми ними царило полное равенство*; они были также известны под именем паладинов, что означает, что они были вхожи во внутренние покои и были друзьями короля**. Авторы рыцарских романов не всегда включают в их число одних и тех же рыцарей. Тем не менее вот кто среди них был известен больше всего: Орландо, или Роланд (первый вариант имени — итальянский, второй — французский), любимый племянник Карла Великого; Ринальдо из Монтальбана, кузен Орландо; Намо, герцог Баварский; король Бретани Соломон; архиепископ Турпен; Астольфо Английский; Ожье Датчанин; волшебник Малагиги; и Флорисмарт, друг Орландо. Были и другие персонажи, которых иногда называли паладинами, но тогда их число будет больше двенадцати. Паладином следует считать и самого Карла Великого, а Ганелона, или Гано, из Майнца, ставшего предателем и главным врагом всех паладинов, высоко ценил обманутый король, который оказался жертвой его интриг.

Мы познакомим наших читателей с несколькими знаменитыми пэрами, а про остальных расскажем по мере того, как они будут появляться в нашем повествовании. Начнем с Орландо.

* Французское слово pair (пэр) имеет также значение «равный».

** Слово «паладин» восходит к латинскому palatinus, «придворный».

Орландо

Милон, или Милоне, рыцарь, происходивший из знатного семейства и являвшийся дальним родственником Шарлеманя, тайно женился на Берте, сестре императора, и был изгнан за это из Франции и отлучен от церкви самим папой. После долгих и трудных странствий, во время которых им пришлось нищенствовать и перебираться от места к месту пешком, Милон и его жена оказались в итальянском городе Сутри, где они нашли убежище в пещере. Вот в этой пещере и родился Орландо. Его мать осталась там, живя благодеяниями местных сердобольных крестьян, а его отец в поисках славы и богатства отправился в чужие земли. Орландо рос среди крестьянских детей, отличаясь от них силой и учтивостью. Одним из его ровесников был Оливье, значительно превосходивший его по положению, поскольку он был сыном правителя этого города. Между юношами существовала вражда, которая однажды переросла в драку, и Орландо побил своего соперника, но, несмотря на это, между ними возникла крепкая дружба, которая продолжалась всю жизнь.

Орландо был так беден, что иногда ходил полуголым. Поскольку он был любимцем всех ребят, то четверо из них однажды принесли немного ткани, чтобы сделать ему одежду: двое принесли белую ткань, а еще двое — красную. Впоследствии Орландо использовал эти цвета на четырех полях своего герба.

Когда Шарлемань отправился в Рим, чтобы получить императорскую корону, он решил пообедать среди народа в Сутри. Орландо и его матери в тот день нечего было есть, и Орландо, внезапно появившись на королевском пиршестве и увидев обилие всевозможных яств, схватил у слуг первое попавшееся блюдо и дал с ним деру, несмотря на их попытки его остановить. Император, которому рассказали об этом случае, вспомнил о знаке, который получил во сне, и приказал привести юношу. За ним отправились три рыцаря, которых Орландо хотел было встретить у входа в грот с огромной дубиной, но мать удержала его. Когда они узнали от нее, из какого она рода, то упали к ее ногам и обещали вымолить для нее прощение у императора. Это им легко удалось. Орландо был обласкан императором и отправился с ним во Францию, счастливый оттого, что у него теперь была поддержка самого могущественного короля и всего христианского мира*.

* Совершенно очевидно, что Шекспир заимствовал из этого источника сюжет для своей пьесы «Как вам это понравится». Имена героев пьесы — Орландо, Оливье, Роланд — говорят сами за себя. — *Примеч. авт.*

Роланд и Феррагус

Орландо, или Роланд, особенно отличился в поединке с Феррагусом. Феррагус был великаном, причем таким толстокожим, что удар меча не оставлял на нем даже следа. Великан бился очень просто: он поднимал своего противника и уносил его прочь, несмотря на все попытки того освободиться. Сноровки Орландо хватало только на то, чтобы уворачиваться от рук Феррагуса, но сколько он ни старался ранить великана, у него ничего не получалось. Устав от долгого боя, Феррагус попросил передышки, и когда перемирие было принято, он лег и тут же уснул. Во сне ему ничто не угрожало, поскольку нападение на противника при таких обстоятельствах противоречило всем законам рыцарства. Но Феррагусу было очень неудобно спать без подушки, тогда Орландо пожалел его и положил ему под голову камень. Когда великан проснулся и увидел, что сделал Орландо, злоба его прошла, и он стал не без хвастовства, присущего подобным персонажам, рассказывать о себе. Между делом он сказал Орландо, что тот зря старается поразить его мечом, поскольку его кожа неуязвима везде, кроме одного места, и при этих словах он показал рукой на середину своей груди. Узнав про это, Орландо в новом бою добился победы, поразив его как раз туда, куда Феррагус указал. Велика была радость в лагере христиан, и много хвалебных слов было сказано в адрес паладина-победителя императором и всем его войском.

В другой раз Орландо одолел могучего сарацинского воина и взял у него в качестве трофея меч Дуриндану. Знаменитое оружие когда-то принадлежало всем известному принцу Гектору Троянскому. Это было настоящее произведение кузнечного искусства: меч был настолько прочен и так закален, что никакая броня не могла выдержать его удар.

Как, не узнав друг друга,
бились Роланд и Оливье

Герэн де Монглав правил Веной и был вассалом Карла Великого. Он поссорился со своим сувереном, и Карл осадил его город, собрав богатую добычу на соседних землях. Герэн был престарелым воином, и оборону города он доверил четверем своим сыновьям и двум внукам, которые считались одними из самых отважных рыцарей того времени. После двух

месяцев осады Карл Великий получил сведения о том, что король Испании Марсилий вторгся во Францию и, не встречая сопротивления, быстро продвигается по южным провинциям. Узнав об этом, Карл посоветовался со своими пэрами и решил предоставить свою ссору с Герэном Божьему суду, устроив поединок между двумя рыцарями, которых каждая сторона выберет по жребию. Герэн и его сыновья приняли это предложение. Записки с именами четырех его сыновей, его самого, поскольку он не мог позволить себе уклониться, а также с именами двух его внуков, которые тоже решили испытать судьбу, были положены в шлем. Было вытянуто имя Оливье, и ему, самому младшему из внуков, было доверено право выступить в поединке и подвергнуть себя опасности. Он с радостью принял жребий, считая для себя почетным защищать честь семьи. Сторону Карла Великого в поединке представлял Роланд, причем ни он, ни Оливье не знали, с кем им придется сразиться в поединке.

Они встретились на островке посреди реки Роны, а воины от каждого лагеря построились по ее берегам, чтобы посмотреть на поединок. При первом же столкновении копья разлетелись в щепки, но оба воина усидели в седле, даже не шелохнувшись. Они спешили и обнажили свои мечи. И настолько противники были равны, что никто не мог предсказать результат поединка. В течение двух часов рыцари наносили и отражали удары, нападали и защищались, не выказывая усталости и не давая сопернику заставить себя врасплох. Наконец Орlando нанес такой сильный удар по щиту Оливье, что меч Дуриндана глубоко вошел в него, и Орlando не смог его вытащить. В тот же самый момент Оливье нанес мощнейший удар по кирасе Орlando, и его меч обломился у самой рукояти. Так оба воина оказались безоружными. В ту же секунду они бросились друг на друга, стремясь повергнуть соперника на землю, но, не сумев этого сделать, оба схватились за шлемы друг друга, пытаясь стащить их с головы. Обоим это удалось, и они с открытыми лицами предстали друг перед другом. Роланд тут же узнал Оливье, а Оливье — Роланда. Опешив на мгновение, они бросились обнимать друг друга.

— Я побежден, — сказал Роланд.

— Я уступаю, — ответил Оливье.

Люди на берегу не знали, как к этому отнестись. Перед ними стояли два недавних соперника, держа друг друга за руки, и всем было ясно, что поединок закончился. Рыцари собрались вокруг них и единогласно заключили, что соперники должны поделить славу поровну. Были те,

кто роптал и считал, что поединок не выявил победителя, но их урезонил Ожье Датчанин, который громко провозгласил, что было сделано все, что требуется для защиты чести, и что он будет на этом настаивать, кто бы ему ни возражал.

Ссора с Герэном и его сыновьями осталась неразрешенной, на четыре дня было установлено перемирие, и за это время усилиями герцога Намо, с одной стороны, и Оливье — с другой, стороны удалось примирить. Шарлемань в сопровождении Герэна и его доблестной семьи отбыл, чтобы встретиться в бою с Марсилием, который уже спешил, отступая, пересечь границу.

Ринальдо

Ринальдо был одним из четырех сыновей Аймона, который женился на Айе, сестре Шарлеманя. Таким образом, Ринальдо приходился племянником Шарлеманю и кузеном Орландо.

Достигнув возраста, когда в руки можно взять оружие, Ринальдо скоро прославился в войне с сарацинами, которых Шарлемань и его доблестные рыцари изгнали из Франции. В ратных подвигах Ринальдо стремился уподобиться Орландо. В поисках славы он странствовал неподалеку от Парижа и вдруг однажды увидел под деревом прекрасного коня со всей сбруей и притороченными к седлу латами. Ринальдо надел латы и сел на коня, но не взял с собой меч. Когда-то, когда он вместе с братьями был возведен императором в рыцари, он поклялся, что опояшет себя только тем мечом, который добудет в поединке с каким-нибудь знаменитым рыцарем.

Ринальдо отправился в Арденнский лес, радуясь выпавшим на его долю приключениям. Но едва он оказался в лесу, как ему повстречался согнувшийся под тяжестью лет старичок, который сказал, что здесь живет дикий, необъезженный конь, который топчет всех и всё на своем пути. Напасть на него или даже просто повстречаться с ним, продолжил старичок, означает неминуемую смерть. Ринальдо не только не испугался, но даже захотел побороться с животным. Этим конем был прославившийся впоследствии Баярд. Когда-то он принадлежал Амадису Галльскому. После смерти этого героя конь оказался под защитой магии волшебника, который предсказал, что, когда пройдет время заклинания, коня объездит рыцарь из рода Амадиса и не менее отважный, чем он.

Чтобы заполучить волшебного коня, его нужно укротить силой или ловкостью, ибо стоит его только уложить на землю, как он сразу станет послушным и кротким. Обычно конь пребывает в пещере на границе леса, однако горе тому, кто осмелится приблизиться к нему, если, конечно, такой человек не наделен недюжинной силой и большой отвагой, каких не бывает у смертного. Сказав это, старичок удалился. На самом деле он был волшебником Малагиги, кузеном Ринальдо, который, чтобы помочь молодому рыцарю в его странствиях, так своевременно снабдил его конем и латами, а потом поведал, как овладеть конем, равного которому нет в целом мире.

Ринальдо поскакал в гущу леса и провел много дней в поисках Баярда, но не обнаружил даже его следов. Однажды он встретил сарацинского рыцаря, с которым он, прежде чем познакомиться, по обычаю сошелся в поединке. Этого рыцаря звали Изолье, и он тоже странствовал в поисках Баярда. Ринальдо превзошел его в бою, и удар его был такой силы, что Изолье долго оставался без чувств. Когда он пришел в себя и был готов биться дальше, проходивший мимо крестьянин (это был Малагиги) остановил их поединок, сообщив, что конь, которого они ищут, совсем рядом, и посоветовал им объединить свои усилия и обуздать коня вместе, поскольку он потребует от них всех сил без остатка.

Ринальдо и Изолье, сдружившись, вместе отправились усмирять коня. Они нашли Баярда и долго любовались из-за деревьев его силой и красотой.

Ярко-гнедой масти (отсюда и его имя Баярд *), с серебряной звездочкой на лбу и белой задней ногой, поджарый, с точеной мордой, могучей и широкой грудью, прямыми жилистыми ногами, с густой гривой, спадающей с его крутой шеи, — он стремглав проносился по лесу, невзирая на камни, кусты и деревья, топча все, что оказывалось на его пути, и ржал, выражая свою непокорность.

Первым он заметил Изолье и бросился к нему. Тот встретил его копьём, но свирепое животное разнесло копьё в щепки и не замедлило движения ни на мгновенье. Испанец ловко отскочил в сторону, уступая дорогу несущемуся урагану. Баярд остановился и вновь развернулся к рыцарю, который к этому времени уже вытащил меч из ножен, надеясь больше укротить коня и считая это невозможным.

* От французского *bai doré* — «золотисто-гнедой».

Баярд бросился на него, яростно вставая на дыбы то с одной стороны, то с другой. Рыцарь ударил его мечом прямо в звездочку, украшавшую лоб коня. Но удар оказался бесполезным, и он со стыдом подумал, что, наверное, ударил слишком слабо. Он не знал, что шкура животного была настолько прочной, что даже самый острый меч не оставил бы на ней отметины.

Меч еще раз опустился со свистом, нанеся еще более сильный удар, однако неистовый конь хоть и склонил голову под оружием, но в следующее мгновение ударил с такой силой, что язычник упал на землю без признаков жизни.

Ринальдо, увидев, как Изолье упал, и решив, что тот погиб, устремился к коню и нанес ему кулаком мощнейший удар в скулу, и алая кровь залила всю пасть животного. Но быстрее, чем стрела вылетает из лука, конь повернулся к Ринальдо и попытался схватить его руку зубами.

Рыцарь отступил и тут же нанес новый удар кулаком в лоб. Баярд извернулся и лягнул так, что мог бы потрясти гору. Ринальдо был начеку и не позволял коню коснуться его ни головой, ни копытами. Он старался держаться сбоку от коня, но все-таки сделал один неверный шаг и получил такой удар копытом, что почти потерял сознание. Второй такой удар наверняка погубил бы его, но конь бил наугад, поэтому второй раз промахнулся, а в следующий момент Ринальдо уже оправился от полученного удара. Борьба продолжалась до тех пор, пока копыто Баярда случайно не застряло между ветвями дуба. Ринальдо ухватился за застрявшую ногу и, собрав все свои силы, бросил коня на землю.

Как только Баярд коснулся земли, весь его норов исчез. Только что наводивший ужас, он превратился в доброго и покорного коня, не потеряв при этом своего достоинства.

Паладин похлопал его по шее, потом по груди, пригладил его гриву, при этом конь ржал, и было видно, что ему нравится, как его ласкает хозяин. Ринальдо, видя, что животное полностью укрощено, взял седло и прочее конское снаряжение с другого коня и украсил этими трофеями Баярда.

Ринальдо стал одним из самых блистательных рыцарей при дворе Карла Великого; можно сказать, самым блистательным, если не считать Орландо. Однако он не всегда во всем повиновался императору, как следовало бы, и каждый его проступок усугублялся еще и интригами Гано, герцога Майнцского, который был злейшим врагом Ринальдо и всего его дома.

Однажды Ринальдо вызвал серьезное неудовольствие Карла Великого и был отлучен от двора. Видя, что ему уже не удастся вернуть расположение монарха, он отправился в Испанию и поступил на службу к сарацинскому правителю Иво. Его братья, Алардо, Риккардо и Рикьярдетто, уехали вместе с ним и служили сарацину так верно, что достигли при его дворе больших высот. Иво дал им земли в горах, на границе Франции и Испании, а всю округу передал под власть Ринальдо. В горах было много мрамора, правитель предоставил братьям рабочих, и они построили для Ринальдо замок, окруженный высокими стенами, которые делали его неприступным. Возведенный из белого камня на мраморном выступе, замок сиял как звезда. Ринальдо назвал его Монтальбан. В нем он собирал своих друзей, многие из которых, так же как и он, были изгнанниками, давал им провизию, а те взамен несли службу по охране замка. Однако иногда друзья Ринальдо претупали закон, ибо замок снабжался недостаточно, поэтому вскоре о Ринальдо и его людях прошла дурная слава, что они, не довольствуясь тем, что им давали, многое брали силой. Поэтому Монтальбан часто называли разбойничьим гнездом, а его защитников — гарнизоном побирушек.

Гнев Шарлеманя скоро иссяк, и к тому моменту, о котором повествует наша история, Ринальдо и его братья полностью вернули себе расположение императора, причем во время всех войн с сарацинами и язычниками никто из его рыцарей не служил ему с таким рвением и преданностью, как они.

Турнир

Был месяц май, и была Троица. Шарлемань решил устроить пышное празднование и созвал на него, помимо своих паладинов и вассалов короны, всех иностранцев — как христиан, так и сарацин, которые в то время оказались в Париже. Среди гостей был король Грандонио из Испании, сарацин Феррау с глазами как у орла, племянники императора Орландо и Ринальдо, герцог Намо, англичанин Астольфо — самый красивый из всех живущих, волшебник Малагиги и коварный Гано из Майнца, который умело втирался в доверие императора, затевая против него всевозможные интриги.

Шарлемань сидел на возвышении среди своих вассалов и паладинов, радуясь, что их так много и они так сильны. Все сидели и пировали,

наслаждаясь музыкой, как вдруг в зал вошли четыре великана, а с ними дама несравненной красоты в сопровождении всего одного рыцаря. На празднестве было много дам, которые считались красавицами, но только до тех пор, пока не явилась эта, затмив их всех. Христианские рыцари не сводили с нее глаз, все язычники толпились вокруг нее, а она, поглядев на всех с такой нежностью, которая могла бы тронуть даже камень, обратилась к императору с такими словами:

— Высокочтимый повелитель, слава о вас и о ваших достойных рыцарях пересекает моря, и потому смею надеяться, что два пилигрима, которые пришли издалека, чтобы взглянуть на вас, не напрасно проделали этот путь. И прежде, чем я открою вам причину, которая привела нас сюда, знайте же, что этот рыцарь — мой брат Умберто, а я его сестра Анджелика. Мы узнали, что на сегодня назначен турнир, и мой брат, принц, приехал, чтобы доказать свою отвагу и сказать, что любой из рыцарей, которые здесь собрались, может встретиться с ним в поединке и что он готов биться со всеми ими по очереди у лестницы Мерлина, у Соснового источника. Его условия таковы: рыцарь, который будет повержен на землю, не может продолжать поединок, а становится пленником моего брата, если же мой брат будет побежден, он уедет из страны, а я достанусь победителю в качестве приза.

Теперь нужно признаться, что эта Анджелика и ее брат, называвший себя Умберто, но чье настоящее имя было Аргалий, были детьми Галафрона, короля Катая, который отправил их истребить христианское воинство с помощью волшебного копья, которым был вооружен Аргалий и которое повергало любого, к кому прикасалось. Кроме того, у Аргалия был волшебный конь, скакавший быстрее ветра. У Анджелики было кольцо, которое защищало от любой магии, а взятое в рот, делало своего владельца невидимым. Таким образом, Аргалий рассчитывал победить и взять в плен любых рыцарей, которые осмелятся сразиться с ним, а чары Анджелики должны были подвигнуть рыцарей на то, чтобы вступить в безнадежный для них поединок, кольцо же могло помочь ей в случае чего бежать.

Закончив свою речь, Анджелика встала перед королем на колени в ожидании ответа, и все смотрели на нее с восхищением. Орlando проникся к ней особым чувством, он затрепетал и не мог совладать с собой. Каждый рыцарь в зале испытывал то же самое, включая даже седовлавого герцога Намо и самого Шарлеманя.

Некоторое время все молча стояли, любуясь прекрасным созданием. Неистовый юноша Феррау еле сдержался, чтобы не отнять ее у великанов и бежать с ней. Ринальдо покраснел как пламя, а Малагиги, который с помощью своего волшебства обнаружил, что незнакомка говорит неправду, глядя на нее, тихо бормотал: «Какое лживое создание! Я сыграв с тобой такую шутку, что тебе не придется хвалиться тем, что ты явилась сюда».

Шарлемань, чтобы удержать ее как можно дольше подле себя, все медлил с ответом, потом задал ей несколько вопросов, на которые она дала ясный ответ, и условия поединка были приняты.

Когда она ушла, Малагиги сверился со своей волшебной книгой и понял, что задумал подлый и неверный король Галафрон. Поэтому он вознамерился найти девушку и помешать ее замыслам. Он поспешил к назначенному месту, где и обнаружил принца и его сестру спящими в прекрасном шатре, тогда как четыре великана стояли на страже. Малагиги взял свою волшебную книгу и прочел из нее заклинание, и сразу же четыре великана уснули крепким сном. Вытащив меч (поскольку он был «опоясанным» рыцарем), волшебник осторожно подошел к девушке с намереньем тут же с ней разделаться, но, залюбовавшись ее красотой, он опустил оружие, сочтя, что его заклинание подействовало на нее тоже и она не сможет проснуться. Но кольцо, которое она носила, защитило ее от чар, и то ли легкий шум, то ли что другое разбудило девушку. Она громко закричала и бросилась будить своего брата. Используя свои знания магии, они связали волшебника и, завладев его книгой, обратили ее заклинания против него самого. Затем они призвали целую толпу демонов и велели им отнести пленника к королю Галафрону, в его огромный город Альбракку. Демоны доставили его, и он был заточен в скалу на дне моря.

Пока это все происходило, в Париже не утихали споры, поскольку Орlando настаивал на том, чтобы ему первому участвовать в поединке у лестницы Мерлина. Но с этим не соглашались другие желающие заполучить Анджелику, оспаривая его право на первенство. Шум удалось прекратить обычным для такого случая способом: было предложено бросить жребий. Первым оказался Астольфо, вторым — сарацин Феррау, а третьим — Грандонио. После них шли Берлингьери и Ото, за ними — сам Карл, тогда как возмущенному Орlando не повезло, и его очередь оказалась в четвертом десятке рыцарей.

Астольфо, которому выпало сразиться первым, был красив собой, отважен и богат. Однако то ли от безрассудства, то ли от недостатка

мастерства ему не везло в поединках, и его часто выбивали из седла. К этому он относился с улыбкой и тут же вскакивал на коня, пытаясь еще раз испытать судьбу, но вряд ли с большим успехом.

Астольфо, нарядившийся для поединка, вступил в бой с Аргалием и тут же был повержен на землю. Он уже проклинал свою судьбу, но был отчасти вознагражден добротой Анджелики, которую тронули его молодость и красота, и она позволила ему входить в ее шатер и распорядилась, чтобы к нему относились с уважением.

Неистовый Феррау стал испытывать судьбу вторым, но так же быстро был выбит из седла, однако он не захотел мириться со своей неудачей и, крича: «Плевал я на правила, установленные императором!» — бросился с мечом на Аргалия, который был вынужден спешиться и тоже взяться за меч. Однако он сделал это так неумело, что вскоре уже просил о пощаде, а затем слушал, как Феррау делает предложение его сестре. Красавице, однако, совсем не хотелось выходить замуж за грубого, дикого видом человека. Она была так оскорблена этим предложением, что, быстро шепнув брату, чтобы он ждал ее в Арденнском лесу, она с помощью магического кольца скрылась с глаз обоих. Увидев это, Аргалий сел на своего волшебного коня и ускакал в указанном направлении. Феррау погнался за ним, а Астольфо, оставшись один, взял себе заколованное копье вместо своего, сломанного в поединке, не подозревая даже, какое сокровище ему досталось. После чего он решил вернуться на турнир. Шарлемань, обнаружив, что девушка и ее брат исчезли, распорядился продолжить турнир так, как это предполагалось ранее. Как и следовало ожидать, Астольфо с помощью своего заколованного копья выбил из седла всех, кто выехал против него, к удивлению своих побежденных соперников и своему собственному.

Паладин Ринальдо, узнав, как закончился поединок между Феррау и незнакомцем, поскакал за прекрасной беглянкой, сгорая от любви и нетерпения. Орландо, заметив его исчезновение, ринулся вдогонку, и вскоре все трое оказались в Арденнском лесу, стараясь отыскать ту, что была невидима.

Нужно сказать, что в этом лесу было два источника. Один создал волшебник Мерлин для Тристрама и прекрасной Изольды*; этот источник славился тем, что зелье, приготовленное на его воде, заставляло выпившего его тут же забыть о своей любви и даже преисполниться

* См. рассказ о них в разделе «Сказания средневековой Англии». — *Примеч. авт.*

отвращением к тому, кого еще недавно боготворил. Второй источник обладал совершенно противоположным свойством: зелье, приготовленное на его воде, возбуждало любовь к первому встречному. Случилось так, что Ринальдо оказался у первого источника и, желая немного остыть, слез с коня и одним глотком избавился и от своей жажды, и от своей любви. Более того, любовь к Анджелике сменилась у него ненавистью; не желая больше искать ее и чувствуя усталость, он нашел тенистый и цветущий уголок, где лег и крепко уснул.

Вскоре появилась и Анджелика, но поскольку она шла в другом направлении, то оказалась у второго источника, из которого она и поспешила утолить жажду. Пройдя дальше, она наткнулась на спящего Ринальдо. Любовь сразу охватила ее, и она больше не смогла сделать ни шагу.

На лугу повсюду росли лилии и дикие розы. Анджелика, не зная, что делать, стала собирать цветы, а потом положила их один за другим на лицо спящего. Тот проснулся и, увидев, кто перед ним, вяло ответил на ее приветствие, сел на коня и ускакал прочь. Напрасно красавица бежала и звала его, тщетно вопрошая, чем заслужила такое презрение. Ринальдо исчез, оставив ее одну в отчаянии, и она в слезах вернулась туда, где нашла спящего Ринальдо, опустила на землю и от усталости и печали тоже заснула.

Пока Анджелика спала, судьба привела туда же Орlando. Во сне девушка была так красива, что ни представить, ни тем более описать невозможно. Орlando стоял так, словно его перенесли в волшебную страну.

— Я на земле, — воскликнул он, — или в раю?! Наверное, я сплю, и все это мне снится.

Однако вскоре он убедился, что это не сон, причем подтверждение явилось самым неприятным образом. Феррау, который убил Аргалия, прибыл, сгорая ревностью, и начавшийся поединок тут же разбудил спящую.

Испугавшись того, что предстало ее глазам, она поспешила к своему коню и, пока соперники бились друг с другом, исчезла в лесу. Бой продолжался до тех пор, пока не явился посланник, который передал Феррау, что король Марсилий, его суверен, оказался в затруднительном положении и призывает его на помощь в Испанию. Услышав это, Феррау предложил перенести поединок, на что Орlando, мечтавший только о том, чтобы догнать Анджелику, тут же согласился. Феррау вынужден был отправиться вместе с посыльным в Испанию.

Орlando тщетно искал прекрасную беглянку. С помощью волшебства она уже вернулась в свою страну.

Однако мысли о Ринальдо не покидали ее ни на минуту, поэтому она решила освободить Малагиги и с его помощью завоевать сердце Ринальдо и, если можно, вернуть любовь, которую тот испытывал к ней. Поэтому она освободила Малагиги, своими руками избавив его от оков и вернув ему волшебную книгу. Она пообещала ему любые почести и награды при условии, что он приведет Ринальдо к ее ногам.

С помощью своей книги Малагиги призвал демона, оседлал его и удалился. Прибыв на место, он заманил Ринальдо на волшебную лодку, которая сама привезла их на остров, где стоял волшебный Веселый замок. Весь остров напоминал сад. В его западной части, ближе к морю, стоял дворец, построенный из мрамора, такой чистый и гладкий, что в его стенах отражалось все, что было вокруг. Ринальдо сошел на берег и тут же встретил девушку, которая пригласила его войти внутрь. Дом был одинаково красив и внутри и снаружи. Множество комнат в нем были украшены лазурью и золотом, а на стенах висели картины. Девушка повела рыцаря в покои, расписанные различными сюжетами; из покоев был выход в сад через арку из хрустальных колонн с золотыми капителями. Там он увидел несколько женщин, трое из которых пели, еще одна играла на дивно звучащем инструменте, а остальные танцевали вокруг них. Когда женщины увидели, как он входит, они завели вокруг него хоровод, а затем одна из них сладким голосом произнесла:

— Сэр рыцарь, столы накрыты, и время для пира настало.

После этих слов женщины, продолжая танцевать, вывели его на лужайку перед покоями, где стоял накрытый стол, на котором была ска-терть из тонкого золотого полотна, а сам стол помещался в беседке из алых роз, рядом с которой бил фонтан.

За столом уже сидели четыре женщины, которые встали и усадили Ринальдо во главу стола в украшенное жемчугами кресло. Конечно, это его поразило. Началась трапеза, и было множество яств и изысканных вин, таких же приятных на вкус, как и ароматных, подаваемых в кубках, украшенных драгоценными камнями. Когда же пир подошел к концу, издали донеслись звуки арфы и лютней, и одна из женщин сказала рыцарю на ухо:

— Этот дом и все, что ты в нем видишь, твое. Он был построен только для тебя, и строила его королева. Каким же счастливым ты должен чувствовать себя оттого, что она тебя любит, ведь она — самая красивая женщина в мире. И зовут ее Анджелика.

Как только Ринальдо услышал это имя, он почувствовал такое отращение, что поднялся с изменившимся лицом и, не слушая, что говорит ему женщина, бросился бежать через сад и остановился только тогда, когда достиг места, где сошел на берег. Лодка все еще была на берегу. Он прыгнул в нее, и она оттолкнулась и поплыла, хотя в ней никого, кроме Ринальдо, не было. Он не мог управлять ею, а она, как будто рассерженная чем-то, быстро плыла куда-то, пока не пристала к далекому берегу, поросшему мрачным лесом. Там Ринальдо, окруженный магией совсем другого свойства, чем та, которой он совсем недавно сопротивлялся, оказался в западне.

Западня была устроена при замке, называвшемся Альтарипа, в котором висели человеческие головы, а стены были выкрашены в красный цвет человеческой кровью. Пока паладин оглядывался, на краю ловушки появилась отвратительного вида старуха, которая сказала, что его бросят чудовищу, которое не разоряет окрестности только тогда, когда его снабжают человеческой плотью. Ринальдо ответил:

— Будь что будет, но позволь мне остаться при моем оружии, и тогда я ничего не боюсь.

Старуха в ответ только рассмеялась. Ринальдо оставался в яме всю ночь, а утром его отвели к логову чудовища. Это был двор, окруженный высокой стеной. В нем Ринальдо закрыли вместе с чудовищем, и страшная схватка началась. Ринальдо не успел даже разглядеть размеров этого чудовища, как оно уже сорвало страшными когтями с него доспех и кольчугу. Ринальдо уже решил, что настал его последний час, и стал оглядываться в поисках пути к бегству. Он увидел, что в одном месте из стены примерно на высоте трех метров торчало бревно. Совершив почти невероятный прыжок, он дотянулся до бревна и повис поперек него. На нем он просидел несколько часов, и все это время чудовище пыталось дотянуться до него. Вдруг в небе послышался звук, словно бы летела птица, и он увидел, как Анджелика приземлилась на другой конец бревна. Она что-то протягивала ему, ласково говоря с ним. Но только он услышал ее голос, как попросил, чтобы она ушла, и отказался от ее помощи. В довершение он сказал, что если она не уйдет, то он сам спрыгнет к чудовищу, и пусть свершится то, что написано у него на роду.

Анджелика, ответив, что лучше простится с жизнью, чем вызовет его недовольство, удалилась. Но перед тем как исчезнуть, она бросила чудовищу пирог из воска, который сама приготовила, и раскинула вокруг него сеть. Чудовище схватило приманку и, почувствовав, что его

зубы склеились от воска, стало в ярости прыгать и скакать и вскоре запуталось в силках так, что не могло двинуть ни одной конечностью.

Ринальдо, увидев, что у него появился шанс, спрыгнул чудовищу на спину, сжал его шею и не ослабил своей хватки до тех пор, пока не убедился, что оно мертво.

Осталось преодолеть еще одно препятствие: стены были очень высоки, и единственным выходом оставалось окно на самом верху, забранное решеткой, прутья которой ему бы никогда не удалось сломать. В отчаянии он схватил напильник, который оставила Анджелика, и с его помощью освободился.

О других приключениях Ринальдо мы расскажем в следующих главах.

Осада Альбраки

В то самое время, когда Шарлемань держал открытый двор и проводил большой рыцарский турнир, в его владения вторгся могущественный монарх, который к тому же был настолько отважен и силен в битве, что никто не мог ему противостоять. Звали его Градассо, а королевство его называлось Серикана. И как это обычно случается с великими и богатыми, которые желают того, чего у них нет, а теряют то, что имеют, так и этот король не мог найти покоя без меча Дуринданы, который принадлежал Орландо, и коня Баярда, на котором ездил Ринальдо. Чтобы заполучить их, он решил пойти войной на Францию, для чего собрал большое войско.

Он двинулся через Испанию и, выиграв несколько сражений у короля Марсилия, быстро приближался к Франции. Хотя Марсилий был сарацином и врагом Шарлеманя, тот решил помочь ему в этой тяжелой ситуации из соображений общей опасности и с согласия своих пэров отправил Ринальдо с большим войском против Градассо.

Градассо с боями медленно, но верно приближался к Франции. Однако, желая быстрее достичь своей цели, он вызвал Ринальдо на пеший поединок со следующими условиями: если победит Ринальдо, то Градассо вернет всех пленных и возвратится в свою страну, а если победит Градассо, то ему достанется Баярд.

Вызов был принят, и поединок наверняка бы состоялся, если бы не искусство Малагиги, который как раз в это время вернулся из королевства Анджелики с единственной целью — сделать так, чтобы Ринальдо

взглянул с любовью на прекрасную принцессу, которая умирала от любви к нему. Малагиги выманил Ринальдо из войска, обернувшись Градассо, и, отступая, заманил его в лодку, вовлекая его тем самым в водоворот приключений, о которых мы уже рассказывали.

Войско, оставленное под началом Рикьярдетто, который приходился братом Ринальдо, вскоре соединилось с Шарлеманем и всеми его пэрами, но потерпело сокрушительное поражение, в результате чего император и многие его паладины оказались в плену у Градассо, который тем не менее не стал злоупотреблять победой, а взял Шарлеманя за руку, усадил рядом с собой и сказал, что сражается только ради чести. Он отказывался от всех завоеваний при условии, что император отдаст ему коня Баярда и меч Дуриндану, которые являются собственностью его вассалов, причем конь уже и так должен быть отдан ему, поскольку Ринальдо не вышел на поединок, как было оговорено.

Баярд после исчезновения своего хозяина оставался на попечении Рикьярдетто и был отправлен в Париж, где в отсутствие Шарлеманя всем заправлял Астольфо. Он встретил с негодованием требование прислать Баярда и через герольда ответил, что ни за что не отдаст коня своего родственника Ринальдо без поединка и что если Градассо хочет получить жеребца, то Астольфо согласен встретиться с ним в поле.

Градассо был немало удивлен таким ответом, поскольку Астольфо не успел еще прославиться как отважный поединщик, поэтому Градассо с удовольствием согласился на поединок с ним на тех же условиях, что и с Ринальдо. Бой состоялся, как и было оговорено. Волшебное копье в руках Астольфо совершило еще одно чудо, и Градассо — ужасный Градассо — был выбит из седла.

Он сдержал слово и выпустил всех пленников, а войско повернул домой, но снова поклялся сам себе, что не успокоится до тех пор, пока не добудет у Ринальдо его коня, а у Орlando меч, или погибнет в одном из поединков.

Шарлемань, несказанно благодарный Астольфо, готов был приблизить его к себе и воздать ему всяческие почести, но Астольфо отказался, предпочтя отправиться на поиски Ринальдо, которому он хотел вернуть коня, и с этими намерениями он уехал из Парижа.

Теперь мы должны вернуться к Орlando, которого мы оставили созерцающим спящую красавицу, которая тем не менее сбежала, когда он бился с Феррау. Безуспешно проискав ее долгое время в лесу, он решил

поехать ко двору ее отца. Покинув лагерь Шарлеманя, он долго ехал на восток, расспрашивая всех встречных, не слышали ли они что-нибудь о прекрасной беглянке. После множества приключений он оказался на пересечении нескольких дорог. Встретив там гонца, он стал расспрашивать его о новостях. Гонец сказал, что его отправила Анджелика, чтобы упросить Сакрипанта, короля Черкессии, прийти на помощь ее отцу Галафрону, который был осажден в своем городе Альбракке татарским царем Агриканом. Этот Агрикан был отвергнутым женихом девушки, которую теперь пришел добывать оружием. Орландо, узнав, что он лишь в одном дне пути от Альбракки, поспешил туда, уверенный, что теперь ему удастся увидеть Анджелику.

На пути ему попался мост, под которым, пенясь, текла река. На мосту оказалась девушка, которая преподнесла ему кубок, сказав, что всякий пересекающий реку по этому мосту получает в подарок кубок. Орландо принял его и осушил до дна, и тут разум его помутился и он забыл и зачем едет, и кто он такой. Под воздействием этого напитка он последовал за девушкой в прекрасный дворец. Там он оказался среди множества рыцарей, не известных ни ему, ни друг другу. Если бы все они не отпили из Кубка Забвения, то обнаружили бы, что хорошо знают друг друга.

Астольфо, как и собирался, отправился на поиски Ринальдо в роскошных одеждах и с прекрасным снаряжением. Он прибыл в Черкессию и обнаружил там огромное войско, стоявшее лагерем под командованием Сакрипанта, короля этой страны, который вел своих воинов на помощь Галафрону, отцу Анджелики. Сакрипант, пораженный появлением Астольфо и красотой его коня, принял его очень радушно и попытался переманить его к себе на службу, но Астольфо, возгордившись своими последними победами, с пренебрежением отклонил это предложение и продолжил свой путь. На короля Сакрипанта рыцарь произвел такое сильное впечатление, что он не захотел отпускать его так просто и, отбросив все королевские церемонии, отправился за ним в погоню.

Астольфо на второй день своего пути повстречал незнакомого рыцаря, которого, как оказалось, звали Флорисмарт. Он был хозяином замка Лесная Башня, отважный рыцарь, один из лучших, странствовавший в компании молодой красивой девушки, которую звали Флорделида. Астольфо бросил рыцарю вызов и потребовал либо отдать девушку, либо доказать право на нее силой оружия. Флорисмарт принял вызов,

и рыцари стали съезжаться. Флорисмарт был выбит из седла, а его конь упал замертво, тогда как Баярду столкновение не причинило никакого вреда.

Флорисмарт был так расстроен своей неудачей и опечаленным видом девушки, что вытащил меч и уже готов был вонзить его себе в грудь. Но Астольфо схватил его за руку и сказал, что сражается только ради славы и готов вернуть ему девушку.

Пока Флорисмарт и Флорделида клялись ему в вечной благодарности, появился король Сакрипант, которому сразу захотелось завладеть и девушкой одного рыцаря, и конем и оружием другого, и он вызвал обоих на поединок. Астольфо встретил соперника ударом копья и сразу же выбил его из седла. После этого он отдал королевского коня Флорисмарту, а короля заставил добираться до войска пешком.

Друзья продолжили путь, и Флорделида заметила, что они приближаются к водам забвения, и посоветовала либо повернуть назад, либо поехать в другую сторону. Но рыцари ее не послушались и вскоре оказались на мосту, где был захвачен в плен Орландо.

Как и раньше, на мосту появилась девушка с заколдованным кубком, но предупрежденный Астольфо с отвращением отказался от него. Тогда девушка бросила кубок наземь, и к небу вознеслось пламя, которое сделало мост непроходимым. В тот же момент на двух рыцарей напало множество воинов, знакомых и незнакомых, которые, потеряв память, слепо встали на защиту своей темницы. Среди них был и Орландо, увидев которого Астольфо не захотел с ним сражаться и исчез с поля боя, благодаря стремительности и силе Баярда.

Флорисмарт тем временем, понимая грозящую ему опасность, был вынужден подчиниться и выпил волшебную воду, тут же став пленником, как и все остальные. Флорделида, оставшаяся без спутников, пошла прочь, решив во что бы то ни стало освободить возлюбленного. Астольфо направил свой путь в осажденную Агриканом Альбракку. Его очень приветливо встретила Анджелика, и он стал одним из защитников города. Желая как можно быстрее отличиться, он однажды ночью в одиночку отправился в лагерь Агрикана, своим волшебным копьем повергая его воинов направо и налево. Но тут его окружило множество врагов, и он оказался в плену у Агрикана.

Освобождение, однако, пришло скоро. В один прекрасный день горожане и солдаты увидели с городских стен облако пыли, за которым разглядели всадников, скакавших к лагерю осаждавших. Это оказалось

войско Сакрипанта, которое тут же вступило в бой с армией Агрикана, чтобы через его лагерь пробиться к осажденному городу. Однако Агрикан, оседлавший Баярда, отнятого у Астольфо, но не вооружившись золотым копьем, о волшебных свойствах которого он не подозревал, совершал чудеса храбрости и сумел сплотить свое разбежавшееся под неожиданным ударом войско. Но и Сакрипант призывал воинов драться, не жалея жизни, а его самого воодушевляла прекрасная Анджелика, которая стояла на городских стенах.

Оттуда она и увидела поединок между двумя предводителями, Агриканом и Сакрипантом. В этом бою ее защитник уже потерпел было поражение, но тут черкесцы разорвали кольцо осаждавших. Тяжело раненный Сакрипант воспользовался общей суматохой и нашел убежище в городе, где его радушно встретила и бережно перевязала Анджелика.

Битва продолжалась; черкесцев в конце концов обратили в бегство, и те, оказавшись прижатыми к городским стенам, искали спасения за его воротами. Анджелика приказала опустить мост, и отступавшие хлынули в город. Агрикан, замешавшись в толпе черкесцев и катайцев, тоже бросился в город, но когда надвратная решетка опустилась, он оказался в западне.

Поначалу все испытывали перед ним такой страх, что держались поодаль, но когда стало понятно, что здесь с ним почти никого нет, отступавшие повернулись и окружили его со всех сторон. Хотя казалось, что его уже ничто не спасет, пришло избавление в виде обстоятельства, которое только что грозило ему гибелью. Воины Анджелики побросали свои посты на стенах, чтобы посмотреть на него, и в этот момент его воины ворвались в город через разрушенную стену, которая оказалась без присмотра.

Вот так Агрикан был спасен, город взят, а его жители изрублены мечами. Анджелика и несколько рыцарей, защищавших ее, включая и Сакрипанта, укрылись в цитадели, которая была выстроена на скале.

Эта крепость была неприступной, но в ней почти не было еды и других припасов. В такой ситуации Анджелика объявила всем, кто оказался с нею, о своем желании отправиться за помощью. Пообещав вернуться как можно скорей, она исчезла с помощью кольца, которое носила на пальце. Сев на коня, девушка пересекла все линии противника и на рассвете была уже далеко.

Случилось так, что ее путь пролегал рядом со злосчастным Мостом Забвения, и когда она приблизилась к нему, то увидела горько плачущую

девушку. Это была Флорделида, чей возлюбленный Флорисмарт, как мы уже говорили, разделил судьбу Орlando и многих других, став жертвой волшебницы с кубком. Она рассказала о своих несчастьях Анджелике и стала умолять ее сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти ее возлюбленного и остальных узников. Анджелика воспользовалась своими возможностями и незамеченной проникла в замок, когда двери его открылись, чтобы впустить новую жертву. После чего она легко сняла чары с Орlando и прочих, прикоснувшись к ним своим талисманом. Но Флорисмарта здесь не было. Он сдался Фалерине, которая была более могущественной чародейкой, и все еще находился в заточении. Анджелика попросила спасенных ею узников помочь ей вернуть королевство, и они все вместе отправились в Альбракку.

Прибытие Орlando и его спутников — всего их было девять, — самых блестящих рыцарей Франции, сразу изменило ход войны. Как только появлялся великий паладин, перед ним тут же склоняли и флаги и штандарты. Агрикан тщетно пытался собрать свое войско. Его по пятам преследовал Орlando, не давая ему ни с кем объединиться. Татарский царь решил применить уловку. Он повернул коня и сделал вид, что в отчаянии бежит. Орlando бросился за ним, как того и хотел Агрикан, устремившийся в лес, где был источник.

Место это было очень красивым, и Агрикан спешил, чтобы освежиться в источнике, но при этом не снял ни шлема, ни доспехов. Орlando, который следовал за ним, воскликнул:

— Такой смелый, а бежишь! Как ты можешь уклоняться от поединка и думать, что спасешься?

Татарский царь, как только увидел противника, уже был в седле и, когда паладин закончил говорить, тихим голосом произнес:

— Бессспорно, ты — самый лучший рыцарь, с которым я когда-либо встречался, и для твоего же блага я готов не трогать тебя, если ты не станешь мешать мне собирать мои войска. Я сделал вид, что бегу, чтобы выманить тебя с поля боя. Если ты настаиваешь на поединке, то я должен буду сразиться и убить тебя, но клянусь солнцем в небесах, что не хочу этого. Я был бы очень опечален твоей смертью.

Граф Орlando был очень тронут такой учтивостью и сказал:

— Чем благороднее ты хочешь проявить себя, тем печальнее мне сознавать, что если ты погибнешь, не познав истинной веры, то будешь обречен в мире ином. Хочешь, я дам тебе совет, как спасти сразу и тело и душу? Прими крещение и отправляйся куда пожелаешь.

Агрикан ответил:

— Я полагаю, что ты — паладин Орландо. Если так, то мне бы не хотелось упустить шанс сразиться с тобой и стать королем рая. Не говори больше со мной о мире ином, ибо твои проповеди напрасны. Пусть каждый из нас постоит за себя, а меч будет нам судьей.

Сарацин вытащил меч и смело двинулся на Орландо. Поединок начался и был очень долгим и упорным, оба бойца показывали чудеса сноровки. Говорят, что их бой продолжался с полудня до ночи. Увидев на небе звезды, Орландо первым попросил передышки.

— Что нам делать, — спросил он, — ведь уже стемнело?

Агрикан не задумываясь ответил:

— Давай отдохнем на этом лугу, а с рассветом возобновим поединок.

Как решили, так и сделали. Каждый привязал своего коня и лег на траву недалеко друг от друга так, что их можно было принять за друзей, — Орландо лег у источника, а Агрикан под сосной. Была чудная ночь, и, поскольку они беседовали, прежде чем уснуть, лучший рыцарь христианского мира сказал, глядя на небесную твердь:

— Как чудесно это зрелище: Бог создал все это — и луну из серебра, и звезды из золота, и дневной свет, и солнце, и все на радость людям.

— Мне кажется, ты опять хочешь поговорить о вере, — сказал татарский царь. — Сразу хочу тебе сказать, что я в этом не разбираюсь и этому не обучался. Когда я был мальчиком, мне не пришлось учиться. Я настолько ненавидел учение, что пробил голову человеку, который должен был меня учить, и это так потрясло остальных, что никто не осмеливался показать мне книгу. Поэтому мое детство прошло так, как оно должно было проходить, — верховая езда, охота и военное искусство. Какой смысл в том, чтобы целый день корпеть над книгой? Мой девиз — рыцарь должен биться, а монах молиться.

— Согласен, что для дворянина главное — это владеть оружием, — возразил Орландо, — но это не означает, что он должен презирать знания. Наоборот, знание украшает все прочие его добродетели, как цветы служат украшением этого луга; то же можно сказать и о познании Творца — человек, не ведающий о Нем, все равно что бревно, камень или дикий зверь.

— Ученый или не ученый, — сказал Агрикан, — если хочешь показаться воспитанным, то не заставляй меня говорить о том, в чем ты

разбираешься лучше меня. Если хочешь спать, я желаю тебе спокойной ночи, а если хочешь говорить, то говори лучше о сражениях или о красивых женщинах. Да, кстати, скажи мне, пожалуйста, уж не тот ли ты Орландо, который прославился на весь свет? И что привело тебя в эти края? Ты влюблялся хоть раз? Думаю, что да, поскольку быть рыцарем и не влюбляться — это все равно что быть мужчиной без сердца в груди.

Граф ответил:

— Да, я тот Орландо, и я влюблен. Любовь заставила меня бросить все и отправиться в эти дальние края, а если быть кратким, то мое сердце в руках дочери короля Галафрона. Ты пришел против него с мечом и огнем, чтобы захватить его замки и земли, а я пришел, чтобы помочь ему, желая только заслужить благодарность его дочери и получить ее прекрасную руку. Больше меня ничего не волнует в этой жизни.

Когда татарский царь Агрикан услышал, что говорит его соперник, и узнал, что это действительно Орландо, влюбленный в Анджелику, его лицо изменилось от печали и ревности, хотя в темноте этого видно не было. Сердце Агрикана забилося так сильно, что ему показалось, что он вот-вот умрет.

— Хорошо, — сказал он Орландо, — забрезжит свет, и мы продолжим наш поединок, и один из нас останется убитым лежать здесь на земле. У меня есть предложение или, лучше сказать, просьба. Я так сильно люблю ту же девушку, что молю тебя, оставь ее мне, и я не перестану благодарить тебя, тут же сниму осаду и прекращу войну. Мне невыносимо знать, что кто-то другой сможет любить ее, а я буду жить и видеть это. К чему нам убивать друг друга? Уступи ее, и ни одна живая душа не узнает об этом.

— Я никогда, — ответил Орландо, — не даю обещаний, которые не могу выполнить. Более того, если бы я сейчас дал тебе такое обещание и поклялся бы его сдержать, то все равно не сдержал бы его. Так же точно ты мог бы попросить меня вырвать у себя ноги или глаза, ибо я скорее не буду дышать, чем перестану любить Анджелику.

Агрикан, едва сдержавшись, позволил ему договорить и тут же, негодую, вскочил на коня, хотя была еще полночь.

— Оставь ее, — сказал он, — или умри!

Орландо, увидев, что неверный встает, и ожидая от него предательского удара, тоже не мешкая вскочил на коня.

— Никогда! — воскликнул он. — Я никогда бы не бросил ее ни по своей, ни по чужой воле. Добивайся ее другим способом.

Яростно столкнулись их кони на том лугу ночью. Ужасны были удары, которые они наносили друг другу в лунном свете. Агрикан сражался неистово; Орlando был спокойней. И в этот раз бой продолжался не менее пяти часов, начало светать, когда татарский царь нанес своему противнику точный и страшный удар. Щит раскололся надвое, словно был сделан из дерева, и хотя Орlando не был ранен, поскольку он был заговорен, удар сотряс его так, словно прошелся по всем суставам его тела.

Но только тела, а не его души. Ответный удар его был настолько силен, что не только щит раскололся, но и вся кольчуга на его противнике разошлась на мелкие кусочки, и у него оказалось сломано три ребра сразу.

Агрикан заревел как лев, поднял свой меч еще более яростно, чем раньше, и нанес такой удар по шлему паладина, какого тому еще не случалось получать ни от одного смертного. На мгновение он потерял сознание, его глаза перестали видеть, в ушах зазвенело, а его испуганный конь был готов бежать прочь. Он стал клониться вниз, но само движение заставило его поднять голову и прийти в себя.

«Какой стыд! — подумалось ему. — Как я смогу вновь посмотреть в лицо Анджелике! Я, знаменитый Орlando, уже несколько часов не могу одолеть одного-единственного человека! Если бой на этом закончится, я уйду в монастырь и никогда больше не возьму в руки меч».

Орlando шептал это сквозь сжатые губы и стиснутые зубы, и могло показаться, что у него изо рта и ноздрей вместо дыхания вырывалось пламя. Он взял обеими руками свой меч Дуриндану и опустил его на плечо Агрикана так, что оружие пробило кирасу, приостановившись лишь у бедра, разрубило луку седла, хотя она была сделана из кости и железа, и повалило и всадника и коня на землю. Агрикан повернулся белый как смерть, чувствуя, что наступает его конец. Он смиренно попросил Орlando подойти к нему поближе и сказал:

— Я верю в Того, кто умер на кресте. Окрести меня, прошу тебя, в источнике, пока я еще в сознании. Я прожил несправедную жизнь, но когда наступил мой смертный час, я не хочу бунтовать против Господа. Пусть Тот, кто пришел в этот мир, чтобы спасти всех остальных, спасет и меня!

И у могущественного царя полились слезы из глаз, хотя он был горд и жесток.

Орландо быстро слез с коня, сам весь в слезах. Он бережно взял короля на руки и уложил его на мрамор возле источника, они оба плакали, и Орландо попросил у него прощения, окрестил его водой источника и преклонил колени и молился Господу за него, соединив молитвенно ладони.

Потом он умолк и, взглянув на царя и увидев, что его лицо изменилось, а тело стало холодным, оставил его здесь, на мраморе, как он был, в доспехах, положил рядом с ним его меч и водрузил на его голову корону.

Приключения Ринальдо и Орландо

Мы оставили Ринальдо, когда он, одолев чудовище, ушел из замка Альтарипа и пешком продолжил свои странствия. Вскоре он встретил плачущую девушку, которая на вопрос о причине своей печали рассказала, что она ищет кого-нибудь, кто мог бы сразиться, чтобы спасти ее возлюбленного, плененного вместе с Орландо и многими другими подлой колдуньей. Девушкой была Флорделида, возлюбленная Флорисмарта, и Ринальдо вызвался помочь, заверяя, что добьется своего если не отвагой, так умением. Флорделида настояла на том, чтобы Ринальдо взял ее коня, на что он согласился при том условии, что девушка сядет позади него.

Когда они ехали через лес, до них донесся странный шум, и Ринальдо, успокоив девушку, поехал посмотреть, что происходит. Вскоре он увидел великана, стоящего у входа в пещеру с огромной дубиной в руках, такого страшного, что его вид мог бы испугать даже самого отважного воина. Рядом с пещерой на цепи сидел грифон, который вместе с великаном был поставлен здесь стеречь прекрасного коня, который когда-то принадлежал Аргалию. Этот конь был волшебным, ибо никто не мог его превзойти в резвости, скорости и красоте. Он презирал корм, который ели другие жеребцы, будь то зерно или трава, и питался только воздухом. Звали его Рабикан.

Волшебный конь, оказавшись на свободе, после того как его хозяина убил Феррау, вернулся в свою родную пещеру и находился там под охраной великана и грифона. Как только Ринальдо приблизился, великан набросился на него с дубиной. Ринальдо отражал удары великана, и даже нанес ему один ответный, который, не будь великан таким толстокожим,

закончил бы поединок. Однако великан хотя и получил рану, но смог отбежать и спустить с цепи грифона. Эта птица-чудовище взмыла в воздух и сверху напала на Ринальдо, который изловчился и нанес птице ужасную рану. Но у птицы остались еще силы, и она вновь накинулась на Ринальдо, который защищался как мог, а девушка, глядя на их бой, дрожала от страха.

Битва продолжалась, с приближением ночи становясь все более ужасной, и Ринальдо решил, что пора ее заканчивать. Он упал, притворившись, что обессилел от множества ран, а когда грифон приблизился к нему, резким движением отрубил ему крыло. Птица хотя и упала, но все равно старалась когтями разорвать доспехи Ринальдо, но тот, уже больше от отчаяния, чем с надеждой, взмахнул мечом, и этот удар добил птицу.

После этого Ринальдо вошел в пещеру и увидел там прекрасного коня в полном снаряжении. Он был весь угольно-черный, если не считать маленькой звездочки на лбу и белой задней ноги. В скорости ему не было равных, однако по силе он уступал Баярду. Ринальдо сел на Рабикана и выехал на нем из пещеры.

Проезжая, он заметил беглеца из войска Агрикана, который рассказал о рыцаре, сражавшемся на стороне Анджелики, и так его описал, что Ринальдо сразу признал в нем Орландо, не понимая, однако, как тому удалось освободиться. Он решил отправиться к месту боя, и Флорделида, которая надеялась, что Флорисмарт окажется вместе с Орландо, согласилась поехать вместе с ним.

Пока все это происходило, татарская армия после смерти Агрикана оказалась разгромленной. Король Галафрон, прибывший с войском, чтобы защитить свою столицу Альбракку, напал на вражеский лагерь, все сметая на своем пути. Ринальдо, который к этому времени добрался до места, смотрел на все как простой наблюдатель, когда его заметил Галафрон. Король сразу узнал коня Рабикана, которого он отдал Аргалию, когда отправлял его с этим роковым поручением в Париж. Решив, что человек, сидящий на Рабикане, убийца его сына, Галафрон подъехал к Ринальдо и ударил его что было сил. Ринальдо не замедлил нанести ответный удар, и королю пришлось бы туго, если бы не люди, бывшие вместе с ним, которые окружили его и развели бойцов.

У Ринальдо же не осталось выбора, и он присоединился к врагам Анджелики. Это его нисколько не огорчило, поскольку, испив воды из источника ненависти, он уже был настроен против нее.

Битва продолжалась несколько дней подряд без видимых успехов. Ринальдо встречался в поединках с лучшими рыцарями со стороны Анджелики и побеждал их одного за другим. Наконец он встретился с Орландо, и оба рыцаря начали бранить друг друга за сделанный ими выбор, а затем завязался жестокий бой. Орландо был верхом на Баярде, который изначально принадлежал Ринальдо, затем достался Агрикану, а от того перешел к Орландо как приз за победу в поединке. Баярд не захотел биться против своего хозяина, и Орландо пришлось бы худо, но тут Ринальдо, завидев, что Астольфо, который из любви к нему перешел на его сторону, оказался в тяжелом положении, забыл про Орландо и бросился выручать своего друга. Ночь не позволила возобновить поединок, но был принят уговор продолжить бой на следующее утро.

Но Анджелика, продолжая вздыхать по Ринальдо, не хотела, чтобы он снова подвергал свою жизнь такой опасности. Она обратилась к Орландо и сказала, что будет принадлежать ему, если он выполнит ее просьбу. Тот не раздумывая согласился, и она послала его уничтожить сад колдуньи Фалерины, в котором томилось много доблестных рыцарей.

Орландо уехал на своем коне Брильядоро, оставив Баярда в наказание за его поведение накануне. Анджелика, чтобы успокоить Ринальдо, отослала ему Баярда, но Ринальдо не тронул ее поступок, как и все прежние проявления ее доброты.

Когда Ринальдо узнал, что Орландо уехал, он уступил мольбам возлюбленной Флорисмарта и решил выполнить свое обещание и спасти ее любимого от чар злой колдуньи. Так получилось, что и Ринальдо и Орландо отправились за одним и тем же, не подозревая, что едут рядом друг с другом.

Замок Фалерины был защищен рекой, через которую был перекинут мост. Его охранял разбойник, который вызывал всех проходящих по мосту на бой. Он обладал такой силой, что до сих пор никто не мог его одолеть, о чем свидетельствовали доспехи множества рыцарей, которые он как трофей сложил на берегу реки. Ринальдо сразился с ним, но так же безуспешно, как и те, что были до него: страж моста нанес ему сильнейший удар железной палицей, от которого он свалился на землю. Но когда негодяй подошел к нему, чтобы снять с него доспехи, Ринальдо схватил его, и страж, не зная, как освободиться, прыгнул вместе с Ринальдо в озеро, в котором они оба исчезли из виду.

Тем временем Орlando, выполняя обещание, данное Анджелике, ехал совершать тот же самый подвиг. Проезжая по лесу, он увидел вооруженного до зубов всадника, который сторожил привязанную к дереву и горько рыдающую девушку. Орlando бросился спасать ее, но рыцарь остерег его, сказав, что девушка заслужила свою участь за грехи. В подтверждение своих слов он перечислил несколько ее проступков, которые девушка тут же стала отрицать. Орlando, поверив ей, одолел рыцаря и, освободив девушку, отправился дальше, посадив ее на круп лошади.

Когда они так ехали, появилась еще одна девушка на белом коне, которая предупредила Орlando о грозящей им впереди опасности и о том, что сад колдуньи уже рядом. Орlando обрадовали эти вести, и он спросил, не может ли она ему подсказать, как в этот сад попасть. Девушка ответила, что в сад можно войти только на восходе солнца, и рассказала, что нужно сделать, чтобы проникнуть туда. Она ему также дала книгу, в которой был изображен сад и все, что в нем находилось, и было указано, где стоит дворец коварной колдуньи, в котором она уединяется, чтобы совершать свои колдовские дела. Сейчас, например, она пыталась создать меч, перед которым было бы бессильно колдовство. Меч этот, сказала девушка, нужен ей, чтобы погубить рыцаря по имени Орlando, потому что, как она прочла в книге судьбы, он идет, чтобы разрушить ее сад. Рассказав все это, девушка удалилась.

Орlando, решив, что его предприятие лучше отложить до утра, лег и вскоре уснул. Увидев это, подлая женщина, которую он освободил и которая давно уже решила бежать к своему любовнику, села на Брильядоро и ускакала, увезя с собой Дуриндану.

Когда Орlando проснулся, его негодованию, как это легко представить, не было предела. Но, будучи настоящим рыцарем, он не мог свернуть с избранного пути. Он отломил от вяза огромный сук, которым решил воспользоваться вместо меча. Когда стало всходить солнце, он направился к воротам сада, которые сторожил дракон. Нанеся дракону несколько ударов, он убил его и вошел в сад, ворота которого тут же закрылись, отрезая ему путь к отступлению. Оглядевшись, он увидел живописный источник, который струился к реке, и посредине этого источника стояла женская фигура, на лбу которой было написано:

Идите вдоль ручья и наконец
Придете в заколдованный дворец.

Идя по берегу ручья и любуясь прелестями сада, Орlando дошел до дворца и, войдя в него, увидел одетую в белое хозяйку с короной на голове. Она любовалась своим отражением в лезвии волшебного меча. Орlando схватил ее прежде, чем она успела сбежать, отнял у нее оружие и, крепко держа ее за длинные волосы, спадавшие на спину, пригрозил ей немедленной смертью, если она не отпустит всех своих пленников и позволит ему удалиться. Однако слова Орlando ее не испугали, и она ничего ему не ответила. Он же, видя, что ее не сломить ни угрозами, ни уговорами, решил привязать ее к березе и выполнить свое поручение.

Он вспомнил о подаренной ему книге и обнаружил в ней выход в южной стороне, но чтобы до него добраться, нужно было преодолеть озеро, в котором жила сирена с таким чарующим голосом, что никто не мог устоять перед ним. Однако в книге сообщалось, как защититься от такой напасти. Следуя указаниям, Орlando по дороге собрал множество цветов, росших повсюду, и набил ими шлем и заткнул уши. После этого он решил проверить, слышит ли пение птиц. Убедившись, что, хотя он видит, как птицы раскрывают клювы, раздувают зобы и распушают перья, никаких звуков до него не доносится, он, довольный своей защитой, отправился к озеру. Оно было небольшим, но глубоким и таким чистым и спокойным, что можно было разглядеть его дно.

Не успел он дойти до берега, как воды забурили и посредине озера всплыла сирена и запела таким чудесным голосом, что все живые существа устремились к озеру, чтобы послушать ее пенье. Орlando ничего не слышал, но, неспособный противостоять волшебству, нырнул с берега в воду. Сирена подплыла к нему, чтобы лишить его жизни. Но Орlando схватил ее за волосы, и хотя она стала петь еще громче (пение было ее единственным оружием), он отрубил ей голову. Затем, как было велено книгой, он намазал всего себя ее кровью.

Хранимый талисманом, он сразился со всеми чудищами, которые явились защищать сад и его хозяйку, и снова оказался там, где ему удалось схватить колдунью, которая так и стояла, привязанная к березе. Однако все вокруг изменилось. Сад исчез, и Фалерина, еще недавно бывшая высокомерной, стала просить его сжалиться над ней, утверждая, что от ее жизни зависят жизни множества других. Орlando обещал сохранить ей жизнь, если она отпустит всех своих пленников.

Это, однако, оказалось трудной задачей. Пленники находились не у нее, а у более могущественной колдуньи, феи Морганы, известной как Озерная Леди. Одна мысль о том, чтобы пойти против нее, заставила Фалерину побледнеть. Сообщив ему об опасностях такого предприятия, она отвела его туда, где жила Моргана. Чтобы попасть к ней, ему нужно было одолеть уже известного стража моста, успевшего победить и пленить многих рыцарей, последним из которых оказался Ринальдо. Страж этот был безжалостным грубияном, и звали его Арридано. Моргана дала ему непробиваемые волшебные доспехи и сделала так, что его сила росла тем больше, чем сильнее был его соперник. Никому еще не удалось победить Арридано, потому что он был очень вынослив и мог свободно дышать под водой. Поэтому он утаскивал рыцаря под воду, а потом появлялся, победно держа его доспехи в руках.

Пока Фалерина повторяла свои предупреждения и советы, Орlando заметил, что среди трофеев негодяя находятся и доспехи Ринальдо. Забыв об их недавней ссоре, он решил отомстить за друга. Загородив проход, Арридано дал понять Орlando, что не позволит ему пройти, и начался бой, во время которого Фалерина смогла сбежать. Страж моста, убедившись вскоре, что он уступает Орlando в бою, решил прибегнуть к своей обычной хитрости и нырнул вместе с ним в озеро. Достигнув дна, Орlando обнаружил, что он находится совсем в другом мире, на сухом лугу, вода плещется над его головой и через ее толщу проникают солнечные лучи, а само озеро стоит как хрустальная стена. Здесь бой продолжился, но у Орlando был волшебный меч, которого до сих пор ни у одного рыцаря не было. Он был закален Фалериной так, чтобы на него не действовало никакое колдовство. Имея такое оружие и превосходя своего противника в сноровке и скорости, Орlando быстро с ним справился.

Затем Орlando поспешил подняться наверх и пошел по воде, которая расступалась перед ним (таково было свойство волшебного меча), и вскоре оказался на берегу, где увидел поле, все усыпанное драгоценными камнями, как небо звездами.

Орlando пересек поле, не тратя времени на собиpание камней, разбросанных вокруг него. Затем он достиг цветущего луга с растущими на нем деревьями, которые были покрыты плодами и цветами и всем, что только может радовать глаз.

Посреди луга был источник, и рядом с ним лежала спящая Моргана. Это была красивая дама, одетая в бело-красные одежды, лоб ее украшала длинная прядь волос, тогда как затылок был лысый.

Пока Орlando стоял, молча любясь ее красотой, он услышал, как какой-то голос произнес: «Если хочешь справиться, схвати волшебницу за челку». Но тут его внимание привлекло совсем иное, и он не внял совету. Вокруг него вдруг появилось множество башен, стягов и колонн, дворцов с балконами и окнами, длинных аллей — другими словами, столько архитектурных чудес, сколько раньше ему не приходилось видеть. Пока он стоял, глядя во все глаза, все виденное им медленно таяло и наконец полностью исчезло*.

Придя в себя от удивления, он снова обернулся к источнику. Фея проснулась, поднялась и с легкостью листка принялась танцевать вокруг источника в такт незамысловатой песенке:

Если хочешь без напасти
 Все иметь и жить в раю —
 Хочешь денег, хочешь власти —
 Дерни челочку мою.

А не сможешь дернуть челку,
 Не посмеешь стать смелей
 Или будешь думать долго —
 Что ж, тогда не сожалей.

Пропев это, фея скрылась на цветочном лугу за высокой и неприступной горой. Орlando преследовал ее, несмотря на колючки и скалы, но вскоре небо стало темнеть, и на Орlando обрушились буря, молнии и град.

Когда Орlando бросился в погоню, из пещеры появилась бледная худая женщина, вооруженная хлыстом, которая, пристроившись сзади, стала наносить ему сильнейшие удары. Ее звали Покаяние, и она поведала ему, что ее обязанность — наказывать тех, кто не прислушивается к голосу благоразумия и упускает удачу.

Орlando, взбешенный таким наказанием, обернулся к своей мучительнице, но справиться с ней не сумел, ибо с равным успехом он мог молотить руками воздух. Поняв, что сопротивляться бесполезно, он

* Это поэтическое описание явления, которое, как сообщалось, часто можно наблюдать в Мессинском проливе, между Сицилией и Калабрией. Называется оно фата-моргана или мираж. — *Примеч. авт.*

продолжил преследование феи. Он нагнал ее и попытался схватить за бело-красное одеяние, но это ему никак не удавалось. Наконец, изловчившись, когда она на мгновение обернулась к нему, он ухватил ее за челку. В тот же миг буря стихла, небо стало голубым, а Покаяние вернулось в свою пещеру.

Орlando потребовал от Морганы ключи от темницы, и фея, притворившись послушной, вручила ему серебряный ключик, предупредив, что с ним нужно обращаться осторожно, ибо если сломается замок, то и он, и все остальные погибнут. Услышав это, Орlando надолго задумался и понял, что

Не всяк влюбленный, что к даме держит путь,
Сумеет ключик счастья повернуть.

Продолжая крепко держать фею за челку, Орlando отправился к темнице, повернул ключ, после чего никаких обещанных неприятностей не произошло, и освободил всех узников.

Среди них были Флорисмарт, Ринальдо и много других отважных рыцарей Франции. Моргана исчезла, а рыцари, ведомые Орlando, направились по дороге, которой он пришел сюда. Вскоре они достигли поля сокровищ. Ринальдо, оказавшись посреди огромного богатства, вспомнил о своем несчастном гарнизоне в замке Монтальбан и не смог устоять перед соблазном прихватить с собой побольше драгоценностей. Особенно ему понравилась золотая цепь, украшенная бриллиантами, которую он надел на себя, несмотря на предупреждения Орlando. Только он это сделал, как налетел вихрь и откинул его от ворот обратно внутрь сада. Так повторилось и раз, и два, и три, и наконец Ринальдо, уступив скорее необходимости, чем уговорам друзей, выбросил свой трофей.

Вскоре они дошли до моста и беспрепятственно перешли по нему на другую сторону, где по гербам отыскивали отнятые у них доспехи. Здесь каждый рыцарь облачился в свои латы, и все, кроме паладинов и их соратников, отправились каждый своей дорогой. Один из спасенных рыцарей, датчанин Дудон, сообщил кузенам, что Моргана взяла его в плен, когда он ехал к ним с посланием от Шарлеманя. Орlando даже слушать не стал о том, что его призывает император, и, влекомый своим чувством к Анджелике, отправился к ней в Альбракку в сопровождении верного Флорисмарта. Ринальдо, Дудон, Ирольдо, Прасильдо и другие взяли путь на запад.

Вторжение во Францию

Аграмант, африканский король, собрал всех своих королей-вассалов на совет. Он напомнил им о том, какой урон нанесла ему Франция, о том, что его отец погиб в битве с Шарлеманем и что его молодые годы раньше не позволяли ему смыть позор поражений, теперь же он предлагает им начать войну против Франции.

Собрино, его мудрейший советник, был против этого вторжения, считая, что оно несвоевременно, но Родомонт, молодой и вспыльчивый король Алжира, назвал Собрино трусом и сказал, что сам он горит нетерпением начать войну. Король Гараманта, уважаемый за свой возраст и известный своими пророчествами, вмешался и сказал, что предприятие их обречено, если только король не призовет сначала на свою сторону молодого рыцаря, которому судьбой начертано стать достойным противником лучших рыцарей Франции. Это молодой Роджеро, который ведет свою родословную от троянского Гектора. Сейчас этот принц находится на горе Карена, где Атлант, его приемный отец и могущественный волшебник, держит его взаперти, узнав с помощью своей магии, что потеряет его навсегда, если позволит общаться с остальным миром. Для того чтобы разбить чары Атланта и вернуть Роджеро в мир, нужно достать кольцо, которое принадлежит Анджелике, принцессе Катая, и является талисманом против всякого колдовства. Если добыть это кольцо, то все будет хорошо, но без него поход обречен на неудачу.

Родомонт с презрением отнесся к словам старого предсказателя, и другие последовали бы его примеру, если бы не одно обстоятельство, которое произвело сильное впечатление на совет: предсказатель, отягощенный годами, скончался, пытаясь доказать справедливость своего предсказания. Потрясенный совет решил отложить войну до того времени, когда удастся заполучить Роджеро в их ряды.

Тогда король Аграмант провозгласил, что готов отдать королевство тому, кто добудет кольцо Анджелики. И вот карлик Брунелло, самый умелый вор во всей Африке, заявил, что не вернется без этого кольца.

Для осуществления своего плана он отправился в королевство Анджелики и вскоре достиг стен Альбракки в то время, когда осадившая город армия стояла лагерем перед городской крепостью. Поскольку все внимание гарнизона было поглощено шедшей внизу битвой, он взобрался на стену, тихонько подкрался к принцессе, стянул с ее пальца кольцо

и незамеченным покинул город. Он поспешил к берегу моря и, найдя готовое к отплытию судно, взошел на его борт. Вскоре он прибыл в Бизерту, что в Африке. Там он нашел Аграманта, с нетерпением желавшего овладеть талисманом, который разрушит колдовство Атланта, чтобы поскорее заполучить Роджеро. Карлик, встав на колени перед королем, вручил ему кольцо, и тот, обрадованный, сделал Брунелло королем Тингитаны.

Всем теперь не терпелось отправиться на поиски Роджеро. Целая кавалькада двинулась в путь и через положенное время была у горы Карена.

У ее подножия лежала плодородная зеленая долина, которую орошала широкая река. Отсюда был виден красивый сад на вершине горы, в котором находился дом Атланта. Однако кольцо, которое делало видимым невидимое и позволило Аграманту и его спутникам обнаружить этот райский уголок, не могло помочь им войти в сад. Скала была такой крутой и гладкой, что даже Брунелло не смог на нее взобраться, хотя пытался сделать это несколько раз. Но он не отчаялся и, получив согласие Аграманта, устроил в долине у горы рыцарский турнир для всех присутствовавших придворных и рыцарей. Это было сделано для того, чтобы выманить Роджеро из своего убежища, и замысел, нужно сказать, удался.

Роджеро присоединился к турниру, и король Аграмант подарил ему прекрасного скакуна Фронтини и великолепный меч. Узнав от Аграманта о том, что тот собирается напасть на Францию, он с радостью согласился отправиться в поход.

Тем временем Родомонт, которому невмочь было ждать, когда Аграмант закончит все приготовления к войне, собрал сколько мог воинов и высадился с ними на берегу Франции, в нескольких сражениях разгромив христиан. Перед этим, однако, Гано, или Ганелон (как его иногда называли), изменник и заклятый враг Орландо и других племянников Шарлеманя, вступил в предательские сношения с Марсилием, сарацинским королем Испании, которого он пригласил во Францию. Воодушевленный таким оборотом дела, Марсий с армией пересек границу Франции и соединился с Родомонтом. Так обстояли дела, когда Ринальдо и другие рыцари, вняв призыву императора, переданному Дудоном, возвращались во Францию.

Когда они прибыли в Буду, что в Венгрии, то узнали, что король этой страны Оттачьеро отправляется с армией на помощь Шарлеманю.

Обрадовавшись приезду Ринальдо, он передал под его начало своего сына и все свое войско. Вскоре войско подошло к границам Франции и, объединившись с войском ломбардского короля Дезидерия, приблизилось к Провансу. Не успели объединенные силы углубиться в этот прекрасный край, как услышали за холмами дробь барабанов и звуки труб, что могло означать только бой между отрядами, ведомыми Родомонтом, и силами христиан. Стоя на горе, Ринальдо смотрел, как умело сражается Родомонт. Тогда он оставил войско на попечение друзей, а сам с копьем наперевес помчался к Родомонту. Удар оказался столь сокрушительным, что Родомонт был выброшен из седла. Но Ринальдо, не желавший пользоваться своим преимуществом, ускакал, оставил Баярда в обозе и вернулся, чтобы продолжить бой пешим.

За это время битва стала всеобщей, венгров разбили, и вернувшийся Ринальдо, к своему разочарованию, узнал, что Оттачьеро ранен, а Дудон попал в плен. Пока он искал Родомонта, чтобы продолжить поединок, снова послышались трубы и барабаны. Это появился Шарлемань с основным войском в боевом порядке.

Родомонт, увидев это, сел на коня Дудона, оставил пешего Ринальдо и ускакал, чтобы сразиться с новым противником.

Аграмант в сопровождении Роджеро к этому времени уже завершил высадку и со всеми своими силами соединился с Родомонтом. Роджеро, мечтая отличиться в бою, сеял ужас везде, где только появлялся, побеждая многих славных рыцарей Франции. Наконец судьба свела его с Ринальдо, который, не завершив, как мы знаем, поединок с Родомонтом и не имея возможности его догнать, потому что был без коня, кричал вслед своему противнику, чтобы тот вернулся и закончил бой. Роджеро тоже был без коня и, увидев христианского рыцаря, жаждущего вступить в поединок, предложил себя вместо прежнего соперника. Ринальдо, сразу поняв, что перед ним мавританский принц, который является достойным соперником, без колебаний согласился на бой. Сначала битва была упорной, но равной, однако в конце концов войско неверных стало одолевать христиан, и армия Шарлеманя повсеместно беспорядочно отступала. Двое поединщиков оказались разделенными и теми, кто отступал, и теми, кто их преследовал, и Ринальдо поспешил вернуть себе коня. Но в суматохе Баярд отвязался, и Ринальдо последовал за ним в густой лес, окончательно потеряв Роджеро.

Роджеро, который тоже искал своего коня, наткнулся на двух воинов, схватившихся в смертельном поединке. Хотя он не знал, кто перед

ним, он понял, что один из них язычник, а другой христианин, и, движимый чувством великодушия, сказал:

— Пусть тот из вас, кто поклоняется Христу, сделает передышку и послушает, что я скажу. Войско Карла разбито и бежит, поэтому если ты хочешь поспешить за своим повелителем, то не мешкай.

Христианский рыцарь оказался не кем иным, как Брадамантой — женщиной-воином, ни в чем не уступавшей лучшим рыцарям-мужчинам, — ее поразила эта весть, и она была готова прекратить поединок и покинуть поле боя. Однако Родомонт, который бился с ней, был против этого. Роджеро, возмущенный такой неучтивостью, стал настаивать на том, чтобы она ушла, и случилось так, что он занял ее место в бою с Родомонтом.

Их сражение было прервано возвращением Брадаманты. Не сумев остановить отступающих и не желая переключивать поединок на чужие плечи, она вернулась, чтобы продолжить бой. Она появилась в тот момент, когда ее защитник нанес своему противнику такой удар, от которого тот выпустил из рук и меч и уздечку. Роджеро, не желавший воспользоваться беззащитным положением противника, ускакал, тогда как конь Родомонта стал носить по полю своего бесчувственного седока.

Брадаманта подъехала к Роджеро, еще больше оценив его мужество, когда увидела, что он не стал добивать противника. Она просила извинить ее за то, что она исчезла, оставив Роджеро наедине с ее противником, но объяснила свой отъезд долгом перед императором. Пока они разговаривали, Родомонт пришел в себя и подъехал к ним. Его намерения изменились, ни с кем сражаться он не собирался, поскольку, как он сказал, соперник «уже победил его своей учтивостью». На этом он попрощался с Роджеро, поднял свой меч и ускакал прочь.

Брадаманта тоже собралась ехать, и Роджеро настоял на том, чтобы проводить ее, хотя еще не догадывался, что перед ним — женщина.

По дороге она спросила, как зовут ее нового спутника. Роджеро рассказал, откуда он и из какой семьи. Он поведал, что Астианакс, сын троянского Гектора, образовал на Сицилии Мессинское королевство. От него пошли две ветви, которые дали начало двум славным фамилиям. Из одной ветви вышли такие короли, как Пипин и Шарлемань, а из другой — Реджио в Италии.

— Я происхожу из той ветви, к которой принадлежит Реджио, — сказал он. — Моя мать, которую выгнала из дома война, умерла, подарив мне жизнь, и я был взят на попечение мудрым волшебником, который учил меня военному делу и охоте в условиях пустыни.

Закончив свой рассказ, Роджеро стал ждать такой же учтивости от своей спутницы, и та без затей рассказала, что она принадлежит к семейству Клермон и является сестрой Ринальдо, чья слава, может быть, известна Роджеро. Он был весьма тронут ее рассказом, попросил ее снять шлем, и был весьма доволен тем, что предстало его взору.

Поглощенные друг другом, они не заметили, как к ним подобралась беда. Отряд, который был размещен в лесу для перехвата отступающих христиан, выскочил на них из засады, и Брадаманта, которая была без шлема, тут же была ранена в голову. Роджеро пришел в ярость и вместе с Брадамантой, которая успела надеть шлем, принялся расправляться со своими противниками. Вдвоем они очистили от них всю округу, но потерялись, и Роджеро, бросив погоню, скакал по горам и долам в поисках недавно обретенной и тут же потерянной им девушки.

По дороге он повстречал двух рыцарей и просил их помочь ему, описав, какие доспехи у воина, которого он ищет, но из ревности не упомянув, что это девушка.

Это произошло уже вечером, и они вместе ехали всю ночь, а когда забрезжил день, один из спутников спросил Роджеро, по какому праву на его щите троянский герб. Роджеро рассказал о себе и в свою очередь спросил у вопрошавшего, почему у него на доспехах изображение Гектора. Незнакомец ответил:

— Меня зовут Мандрикардо, я сын татарского царя Агрикана, которого предательски убил Орlando. Я сказал *предательски*, потому что в честном бою он бы не смог этого сделать. Из-за него я приехал во Францию, чтобы отомстить за отца и вернуть меч Дуриндану, поскольку этот славный меч должен принадлежать мне, а не ему.

Когда рыцари стали спрашивать, какое у него право на Дуриндану, он им поведал следующую историю.

— До смерти моего отца я был праздным и безрассудным юношей. Однако это событие заставило меня действовать и побудило к мести. Решив, что всего смогу добиться сам, я отбыл без слуг, без коня и без доспехов. Странствуя в одиночку пешком, я однажды увидел шатер, поставленный рядом с источником. Я вошел в него, предвкушая приключение. Внутри я увидел девушку необычайной красоты, которая рассказала, что источник — это дело рук феи, которая живет в замке, стоящем неподалеку. В нем она хранит сокровище, которое многие рыцари хотели добыть, но тщетно, причем одним это стоило жизни, а другим — свободы. Сокровище это — доспехи троянского принца Гектора, которого предательски убил

Ахилл. Здесь не хватало только меча Дуринданы, который достался королеве Пентесилее и от нее переходил к ее потомкам, пока не дошел до Альмонта, которого убил Орlando и завладел его мечом. Остальные доспехи были спасены Энеем, от которого их получила фея в награду за оказанную ею услугу. «Если ты достаточно смел, чтобы попытаться их получить, — сказала девушка, — то я могу стать тебе проводником».

Продолжая рассказ, Мандрикардо поведал, что предложение ему очень понравилось и что, получив от девушки коня и доспехи, он в ее сопровождении отправился навстречу приключениям.

Пока они ехали, она рассказала ему о предстоящих опасностях. Доспехи стерегут прежние неудачные претенденты на эту награду. Все они — пленники феи и поочередно охраняют доспехи от всех пришельцев. За разговором они и не заметили, как въехали в замок, украшенный позолоченным алебастром. На лужайке перед ним на коне сидел вооруженный рыцарь, который был не кем иным, как Градассо, королем Сериканы, который, возвращаясь домой после неудачного нападения на Францию, оказался во власти феи и должен был выполнять ее приказы. Увидев его, Мандрикардо опустил забрало и взял копье наизготовку. Градассо тоже был готов к бою, и они оба пришпорили коней и понеслись навстречу друг другу. Они оказались достойны друг друга: после первого удара их копья разлетелись в щепки, и они стали биться на мечах. Бой был продолжительным и шел с переменным успехом, пока Мандрикардо не собрался закончить его в свою пользу. Он швырнул свои доспехи в Градассо, обхватил его, и они оба упали на землю. Мандрикардо, однако, оказался сверху и, пользуясь своим преимуществом, заставил Градассо признать себя побежденным. В этот момент вмешалась девушка, которая поздравила победителя и как могла утешила побежденного.

Мандрикардо и девушка прошли к воротам замка, которые никто не охранял. Когда они вошли, то увидели, что с золотого пиллястра свисает щит. На нем был изображен белый орел на голубом фоне, как память о птице Юпитера, которая унесла Ганимеда, этот фригийский цветок. Пониже были выгравированы следующие строчки:

Тот этот щит сумеет взять,
Кто силой Гектору под стать.

Девушка сошла с коня и почтительно склонилась перед доспехами. Татарский царь склонил голову с такой же почтительностью, затем,

подойдя к щиту, коснулся его своим мечом. Тут же все содрогнулось, и дверь, через которую он вошел, закрылась. Зато открылись следующие двери, за которыми расстиралось поле с золотыми колосьями. Девушка подсказала, что у него нет пути назад и что он должен сжать урожай, а затем вырвать с корнем дерево, которое растет посреди этого поля. Мандрикардо, ничего не ответив, стал срезать колосья мечом. Но не успел он сделать и трех взмахов, как заметил, что каждое упавшее растение тут же превращается в ядовитое и злобное животное, готовое на него напасть. По совету девушки он бросил в стаю животных камень, и случилось чудо: звери набросились друг на друга и вскоре изорвали себя на части. Мандрикардо не стал удивляться чуду, а продолжил свое дело. Он обхватил ствол и пытался отчаянно вырвать дерево из земли. При каждой попытке на него дождем сыпались листья, превращавшиеся в хищных птиц, которые тут же нападали на рыцаря с ужасным криком. Но, не обращая на них никакого внимания, он тащил и тащил дерево, и наконец оно поддалось. Тут же пронесся ветер, раздался гром, и птицы улетели.

Но неожиданно появился новый противник: из ямы на месте вырванного дерева вылезла ужасная змея и обвилась вокруг ног Мандрикардо. Удача и на этот раз оказалась на его стороне: запутавшись в кольцах змеи, он упал в яму, и змея погибла под тяжестью его тела.

Придя немного в себя и убедившись, что змея мертва, Мандрикардо решил осмотреться, куда он упал. Перед ним были отделанные драгоценными металлами чертоги, освещаемые горящим углем. В центре стоял стол из слоновой кости, на котором, как ему показалось, распростерся рыцарь в доспехах. Но самого рыцаря там не оказалось — это были доспехи из драгоценных металлов, когда-то принадлежавшие Гектору. Все оказалось на месте, кроме меча. Когда Мандрикардо стоял, любясь доставшимся ему трофеем, за его спиной открылась дверь и в нее вошло несколько танцующих девушек, которые, разобрав латы по одному предмету, проводили его к тому месту, где висел щит. Там восседала сама фея. Перед ней его одели в латы, которые он добыл, а он дал клятву, что не будет носить другого меча, кроме Дуринданы, которую ему нужно добыть, победив Орlando, и тем самым полностью собрать доспехи Гектора.

Мандрикардо, закончив свой рассказ, повернулся к Роджеро и предложил силой оружия решить, кто из них достоин носить символы троянского рыцаря.

У Роджеро не было никаких возражений против этого, если не считать того, что его соперник был без меча. Мандрикардо тут же настоял на том, что это не должно стать помехой, поскольку клятва не позволяет ему пользоваться мечом до тех пор, пока он не найдет Дуриндану.

Не успел он произнести эти слова, как появился новый соперник в лице Градассо, который теперь был спутником Мандрикардо. Он стал доказывать, что у него больше прав на Дуриндану, поскольку из-за нее он решился на вторжение во Францию (о чем мы уже говорили). Это породило спор между татарским царем и королем Сериканы. Пока они пререкались, появился рыцарь в сопровождении девушки, которому Роджеро поведал причину спора. Рыцарем оказался Флорисмарт, а девушкой — Флорделида. Флорисмарту удалось примирить спорщиков, сообщив им, что он может их сопроводить к Орландо, который является владельцем Дуринданы.

Градассо и Мандрикардо тут же заключили перемирие, чтобы идти с Флорисмартом. С ними отправился и Роджеро.

По пути им повстречался карлик, который попросил у них помощи ради его дамы, которую унес колдун на крылатом коне. И как ни хотелось им откладывать поиски меча, но и отказать в просьбе они не могли. Поэтому Градассо и Роджеро поехали с карликом, а Мандрикардо настоял на том, чтобы в сопровождении Флорисмарта и Флорделиды продолжить путь к лагерю Шарлеманя, где находился Орландо.

Колдун Атлант, который вырастил Роджеро и питал к нему самые теплые чувства, с помощью магии узнал, что лишится своего воспитанника, который под влиянием Брадаманты, девушки из королевской семьи, с которой его сведет случай, примет христианскую веру. Дабы не дать свершиться тому, что было начертано на небесах, он решил применить всю магию, на которую был способен, чтобы подчинить своей воле Роджеро. С помощью послушных ему демонов он построил в Пиренейских горах на недостижимой высоте замок и, чтобы сделать его прекрасной обителью для своего воспитанника, заманивал туда всех рыцарей и девушек, которые волей случая оказывались неподалеку от замка. Здесь, в земном раю, все они должны были забыть о славе и о своем долге и беззаботно наслаждаться жизнью.

Именно колдун послал карлика, чтобы заманить к себе рыцарей.

Но нам пора вернуться к Ринальдо, которого мы оставили, когда прервался его поединок с Родомонтом. В поисках своего противника и с намерением довести поединок до конца он въехал в Арденнский лес,

где, как он подозревал, исчез Родомонт. Увлеченный поисками, он вдруг с изумлением увидел маленького ребенка, танцующего голым, а рядом с ним трех девушек, не уступающих ему в красоте. Пока он любовался этим зрелищем, мальчик подошел к нему и, кинув в него цветы, сбросил его с коня. Ринальдо еще не упал, как танцоры схватили его и стали таскать, хлеща цветами до тех пор, пока он не потерял сознание. Когда он пришел в себя, к нему подошли и сказали, что таким образом он был наказан за непочтение к той силе, перед которой все должны падать ниц. Ему также сообщили, что для того, чтобы излечить полученные раны, ему следует испить из источника любви. С этими словами они его оставили.

Ринальдо, избитый и израненный, кое-как дотащился до источника, который оказался рядом, и стал жадно пить из него воду, вкуса которой он не понимал. Ему она сначала казалась сладкой, а затем в ней почувствовалась горечь. Приложившись несколько раз к источнику, он почувствовал себя лучше и заметил, что силы возвращаются к нему. Когда он полностью пришел в себя, то понял, что находится в том месте, где когда-то его разбудила Анджелика, забросав цветами, а он так обидел ее, убежав.

За этим воспоминанием пришло осознание того, как жестоко он поступил. Сожалея о своей неблагодарности, он вскочил на Баярда, намереваясь немедленно отправиться в страну Анджелики и у ее ног вымаливать прощение.

А теперь вернемся к тому моменту, когда паладины, узнав от Дудона, что Шарлемань призывает их на защиту Франции, повиновались приказу, за исключением Орlando, который не нашел в себе сил подчиниться и отправился к Анджелике. Добравшись до Альбракки, он обнаружил, что она со всех сторон окружена. Он, однако, пробрался в цитадель и рассказал Анджелике обо всех своих приключениях с момента, когда они расстались, до того дня, когда он направился сюда, а Ринальдо и остальные поспешили на помощь Шарлеманю. Анджелика в свою очередь рассказала, в каком печальном состоянии находится гарнизон и какими силами располагают осаждающие. Она закончила свой рассказ тем, что стала умолять Орlando вызволить ее отсюда и сопроводить во Францию. Орlando, не подозревая, что ею движет тайная любовь к Ринальдо, с радостью откликнулся на ее просьбу, и они стали оговаривать все подробности побега.

Оставив в крепости зажженные огни, они под покровом ночи успешно пробрались через лагерь неприятеля. Испытав множество приключений,

они добрались до морского побережья и сели на корабль, отправлявшийся во Францию. Корабль благополучно достиг берега, и наши странники высадились в Провансе и продолжили свой путь по суше. Однажды, изнемогая от жары и усталости, они решили спрятаться в Арденнском лесу. Судьба привела Анджелику к источнику презрения, из которого она с жадностью выпила воды.

Отправившись дальше, граф и девушка повстречали странствующего рыцаря. Им оказался не кто иной, как Ринальдо, который уже отправился на поиски Анджелики, чтобы испросить у нее прощения за свою бесчувственность и утолить свою вновь вспыхнувшую страсть. От удивления и радости он поначалу не мог говорить, а когда пришел в себя, то весело приветствовал девушку, не сомневаясь в ее взаимных чувствах, и предложил ей перейти под его покровительство. Однако Анджелика с негодованием отвергла его предложение, а Орlando, возмущенный таким посягательством на его права, предложил решить спор силой оружия.

Испуганная начавшимся поединком, Анджелика бросилась в лес и вскоре оказалась в долине, уставленной палатками. Это был лагерь Шарлеманя, который возглавлял резервное войско, спешившее на помощь тем, кто сейчас сражался с Марсилием. Узнав из рассказа девушки о поединке, Карл с трудом смог развести двоих кузенов, а затем поручил баварскому герцогу Намо присматривать за Анджеликой как за виновницей ссоры, пообещав ей, что она достанется тому, кто лучше покажет себя в предстоящей битве.

Однако этим планам и надеждам не суждено было сбыться: христианская армия потерпела поражение повсюду и бежала, преследуемая сарацинами. Анджелика, равнодушная к обоим своим кавалерам, села на коня и скрылась в лесу, радуясь тому, что ее ужас сменился вновь обретенной свободой. Она остановилась в густой роще, где дул нежный ветерок и росли молодые деревца, питаемые двумя прозрачными ручейками, которые нежно журчали там, где сливались их воды. Считая, что Ринальдо уже достаточно далеко, и изнемогая от усталости и летней жары, она с наслаждением посмотрела на бережок, заросший цветами так, что за ними не было видно земли, и как будто приглашавший ее слезть с коня и отдохнуть. Она спешила, пустила коня пастись и набираться сил в высокой траве, росшей по берегам ручейков. Затем в этом уютном уголке леса, заросшем по краю розами и боярышником, она забылась крепким сном.

Ей не удалось выспаться, поскольку ее разбудил приближающийся топот. Она поднялась и увидела вооруженного рыцаря на коне, который подъезжал к берегу ручья. Не зная, стоит ей опасаться этого рыцаря или нет, она почувствовала, как ее сердце учащенно забилось. Она раздвинула листья, чтобы лучше разглядеть подъехавшего, боясь при этом дышать, чтобы не выдать себя. Рыцарь сел на цветущий берег ручья и, уронив голову на руки, надолго задумался. Затем, прервав тишину, он стал жаловаться, перемежая слова сожаления тяжелыми вздохами. По его щекам ручьем текли слезы, а его грудь, похоже, терзал тайный огонь.

— К чему сожалеть! — воскликнул он. — Жестокая судьба! Одни торжествуют, а я пребываю в бесконечных страданиях! Лучше тысячу раз умереть, чем носить такую позорную и тяжкую ношу!

Анджелика к этому времени уже разглядела незнакомца и узнала в нем Сакрипанта, короля Черкессии, одного из самых достойных своих кавалеров. Этот принц прибыл за Анджеликой из своей страны, лежащей там, где начинается день, и дошел до Франции, где, к ужасу своему, узнал, что она находится на попечении паладина Орlando и что император пообещал отдать ее тому из своих племянников, кто проявит больше отваги в бою.

Пока Сакрипант рыдал, Анджелика, которая уже давно устала сидеть на жестком мраморе, решила, что нет ничего плохого в том, чтобы воспользоваться его помощью в такой тяжелой ситуации, как у нее. Твердо зная, что никогда не согласится на то, чтобы он стал ее мужем, она в то же время считала, что должна подать ему хотя бы лучик надежды в награду за услугу, которую он может ей оказать. Она, как Диана, неожиданно вышла из зарослей и сказала:

— Да сохраняют тебя боги и избавят твою голову от тяжелых мыслей обо мне!

Затем она рассказала ему, что с ней произошло с тех пор, как они расстались во дворце ее отца, и как она воспользовалась защитой Орlando, чтобы бежать из осажденного города. В этот момент опять раздался конский топот и звон чьих-то доспехов, и Сакрипант, возмущенный тем, что их прервали, надел шлем, сел на коня и взял копье наизготовку. Он увидел рыцаря с шарфом и плюмажем ослепительно-белого цвета. Сакрипант встретил его не по-доброму и, когда рыцарь был еще далеко, вызвал его на поединок. Тот, не удосужившись ответить на сердитые слова, просто изготовился к бою. Их кони, прищпоренные одновременно, полетели навстречу друг другу как ураган. От удара копий

их щиты разлетелись, и только прочные кирасы спасли им жизнь. Оба коня ошалели от столкновения, но незнакомый рыцарь шпорой смог привести своего коня в чувство. Конь сарацинского короля упал замертво, придавив собой хозяина. Белый рыцарь, видя своего противника в таком положении, решил не продолжать поединок, поскольку и так добыл себе славы, и уехал своей дорогой, и был уже за милю от Сакрипанта, когда тому удалось выбраться из-под коня.

Как пахарь, у которого прямо в упряжи молния убила быка, стоит и не может промолвить ни слова, лишь молча сожалея о потере, так и Сакрипант стоял, испытывая смешанные чувства, переживая страшное унижение оттого, что потерпел поражение на глазах у Анджелики. Он рычал и вздыхал не столько от полученных синяков, сколько оттого, что его так унизили перед дамой. Принцесса сжалась над ним и утешила как могла.

— Не стоит сожалеть, мой повелитель, — сказала она, — все произошло лишь оттого, что твоя лошадь устала — для такого поединка ей нужно было больше отдохнуть и поесть. Да и твой соперник этим ничего не достиг, поскольку ускакал, даже не решившись на второй поединок.

Пока она так успокаивала Сакрипанта, появился гонец с мешком и рогом. Подъехав к Сакрипанту, гонец поприветствовал его и спросил, не видел ли он рыцаря с белым щитом и белым плюмажем на шлеме.

— Больше чем видел, — ответил Сакрипант, — этот рыцарь поверг меня на землю. Но теперь у меня хотя бы есть надежда узнать, кто это был.

— Это я тебе могу сказать, — ответил гонец, — знай же, что тебя выбила из седла дама, столь же искусная в военном деле, сколь и отчаянная. Славу победы отняла у тебя прекрасная и знаменитая Брадаманта.

После этих слов гонец продолжил свой путь, оставив Сакрипанта в еще большем расстройстве. Молча он сел на коня Анджелики, посадив девушку позади себя, и отправился на поиски более надежного убежища. Но не успели они проехать и двух миль, как в лесу снова раздался шум, и они увидели прекрасного и могучего коня в изукрашенной золотом богатой сбруе, который перескакивал через ямы и ломал ветви, мешавшие его мощному бегу.

— Я не верю своим глазам, — сказала Анджелика, — ибо этот конь — Баярд. Интересно, откуда он узнал, что мы, сидя вдвоем на чахлой лошадке, так нуждаемся в нем?

Сакрипант спешился, подошел к Баярду и попытался взять его за уздечку, но конь увернулся и нанес ему несколько мощных ударов, которые могли бы разрушить мраморную стену. После этого Баярд подошел к Анджелике с таким видом, как подходит ласковая и любящая собака к своему хозяину после долгой разлуки. Ибо он помнил, как она ласкала его и даже кормила в Альбракке. Она левой рукой взяла его под уздцы, а правой стала трепать его гриву. Прекрасное животное, наделенное живым разумом, казалось, полностью покорилось. Сакрипант улучил момент и оседлал коня, а Анджелика слезла с крупа своей лошади и пересела опять в седло.

Посмотрев туда, откуда доносился шум боя, Сакрипант увидел Ринальдо. Этот герой теперь любил Анджелику больше жизни, она казалась робким журавликом рядом с ястребом.

Источник, из которого отпила воды Анджелика, произвел на прекрасную королеву такое действие, что она в смятении попросила Сакрипанта не ждать приближения Ринальдо, а скорее бежать вместе с ней.

— Неужели я так низко пал в твоих глазах, что ты думаешь, будто я не смогу тебя защитить? Разве ты забыла битву при Альбракке, когда я, защищая тебя, один бился с Агриканом и всеми его рыцарями?

Анджелика ничего не ответила и не знала, что делать. Но Ринальдо был уже так близко, что бежать было бесполезно. Он грозно надвигался на черкесского короля, потому что узнал своего коня.

— Подлый вор, — закричал он, — слезай с коня, иначе ты поплачешься за то, что украл его у меня. Оставь мне и принцессу, поскольку было бы грешно оставлять такую красивую девушку и такого коня в твоих грязных руках.

Король Черкессии, возмущенный таким оскорблением, воскликнул:

— Ты врешь, подлец, называя меня вором. Это имя больше подходит тебе, чем мне. Это правда, что нет никого красивее этой дамы и никого лучше этого коня. Подойди, и мы посмотрим, кто из нас достоин владеть всем этим.

Сакрипант и Ринальдо набросились друг на друга, не жалея сил, при этом один бился пешим, а другой верхом на коне. Однако это не давало никакого преимущества сарацинскому королю, ибо он управлялся с этим конем не лучше юного пажа, не обученного верховой езде. Верный конь слишком любил своего хозяина, чтобы хоть как-то ему навредить, поэтому не слушался руки Сакрипанта, не давая ему наносить серьезные

удары: так, когда Сакрипант посылал его вперед, Баярд пятился назад, опускал голову, выгибал шею, взбрыкивал и вставал на дыбы, другими словами, делал все, чтобы сбросить рыцаря с себя. Сакрипант, понимая, что ему не совладать с конем, улучил момент, поднялся в седле и спрыгнул на землю. Когда конь перестал быть ему помехой, он продолжил поединок уже в более равных условиях. В нападении и защите они были равны. Когда один замахивался, другой, пригибаясь, защищался, и так они кружили, нанося друг другу удары и отражая их. Наконец Ринальдо бросился на черкесца и нанес ему удар такой силы, что его прекрасный меч Фусберта разрубил щит Сакрипанта, несмотря на то что тот был сделан из кости и покрыт толстым слоем хорошо закаленной стали. Рука сарацина лишилась защиты и была почти обездвижена этим ударом. Анджелика, видя, что победа достается Ринальдо, не стала больше ждать. Развернув свою лошадь, она стремглав ускакала, и, несмотря на то что крутой спуск был устлан галькой, она все-таки спустилась в низину, до дрожи боясь, что ее преследует Ринальдо. В самом низу она увидела старого отшельника с развевающейся седой бородой, чей вид говорил о большом благочестии.

Отшельник, высушенный долголетием и постом, медленно передвигался на худом осле. Охваченная страхом, принцесса умоляла его спасти ей жизнь и сопроводить к какому-нибудь порту, где можно было бы сесть на корабль и покинуть Францию, чтобы даже не слышать ненавистное имя Ринальдо.

Старый отшельник оказался волшебником. Он успокоил Анджелику и обещал защищать ее от всех напастей. После этого он достал книгу и не успел прочесть и страницу, как появился во всем послушный ему гоблин в образе землекопа и сказал, что ждет их распоряжений. Получив их, он перенесся туда, где два рыцаря все еще вели свой поединок, и смело встал между ними.

— Скажите-ка на милость, — сказал он, — что достанется тому, кто победит в этом поединке? Приз, за который вы бьетесь, уже вам не принадлежит, ибо Орландо, не приложив к этому никаких стараний, уже везет принцессу Анджелику в Париж. Вам бы лучше поспешить за ними, поскольку если они достигнут Парижа, то тогда вам ее уже никогда не видать.

Услышав это, соперники поняли, что их одурачили, и молча согласились с тем, что, сражаясь, они дают их сопернику возможность посмеяться над ними. Ринальдо, подойдя к Баярду, вздохнул от обиды и,

вспыхнув, дал страшную клятву, что если он победит Орландо, то вырвет его сердце. Затем, сев на Баярда и прищпорив его, он оставил пешего короля Черкессии одного в лесу.

Пусть вам не покажется странным, что Баярд, еще недавно не позволявший никому даже тронуть его уздечку, стал таким послушным, ибо у прекрасного животного был почти человеческий ум. Он сбежал от своего хозяина только для того, чтобы навести его на след Анджелики и помочь вернуть ее. Он видел, как принцесса бежала с поля боя, пока Ринальдо пешим бился в поединке. Тогда он заставил своего хозяина идти за ним, не подпуская его близко, чтобы в конце концов привести к Анджелике. Но сейчас Баярд, как и его хозяин, обманутый гоблином, позволил Ринальдо сесть на него и стал ему служить как прежде. Охваченный гневом Ринальдо погнал его в Париж. И конь летел хотя и медленней мысли, но быстрее ветра. Горя от нетерпения схватиться с Орландо, Ринальдо этой ночью позволил себе спать всего несколько часов. На следующее утро перед ним уже был большой город, под стенами которого император Карл собрал разрозненные отряды своего войска. Ожидая нападения со всех сторон, император распорядился усилить древние укрепления и построить новые, окружив их широкими и глубокими рвами. Его стремление одержать победу над противником заставило его искать союзников. Карл надеялся с помощью англичан выставить новое войско, и, увидев Ринальдо, он сразу решил отправить его послом в Англию просить поддержки. Нельзя сказать, что Ринальдо обрадовало это поручение, но он повиновался императору и не позволил себе потратить хотя бы один день на свои сердечные дела. Он поспешил в Кале и, не теряя ни минуты, отплыл в Англию, страстно желая поскорее выполнить поручение и вернуться во Францию.

Брадаманта и Роджеро

Брадаманта — рыцарь с белым плюмажем и белым щитом, о чьем неожиданном появлении и поединке с Сакрипантом мы уже рассказывали, — разыскивала Роджеро, с которым ее разлучила случайность в самом начале их знакомства. После сражения с Сакрипантом Брадаманта поехала через лес в надежде встретить Роджеро и в конце концов оказалась около прекрасного источника.

Воды этого источника текли через широкий луг. Над ними склонились старые деревья, и путешественники, привлеченные приятным журчанием, останавливались здесь, чтобы передохнуть и спастись от жары. Брадаманта, обведя взглядом все красоты этого места, увидела в тени дерева склонившегося рыцаря, которого, казалось, снедала горькая печаль.

Брадаманта подъехала к нему и спросила о причине его печали.

— Увы, мой повелитель, — ответил тот, — я оплакиваю молодого и прекрасного друга, мою жену, которую у меня украл злодей, — лучше сказать, демон, — который на крылатом коне спустился с небес, схватил ее и, несмотря на ее крики, унес в свое логово. Я преследовал его, преодолевая скалы и ущелья, пока мой конь мог меня нести, а сейчас он ожидает смерти.

Он добавил, что ему уже пытались помочь два рыцаря, случайно встреченные по пути, и что один из них Градассо, сарацинский король, а другой — мавр Роджеро, но обоих одолел своей магией волшебник, и оба лишь умножили ряды пленников, которые содержатся в неприступном замке на вершине горы. При упоминании имени Роджеро Брадаманта вспыхнула от счастья, но тут же испытала совсем противоположное чувство, когда услышала, что ее возлюбленный томится в темнице чародея.

— Сэр рыцарь, — сказала она, — не впадай в отчаяние, сегодняшний день может оказаться счастливее для тебя, чем ты думаешь, если ты проводишь меня к замку, где скрывают от тебя ту, которую ты оплакиваешь.

Рыцарь ей ответил:

— После того как я потерял то, что составляло смысл моей жизни, у меня нет причин его дорожить, и я сделаю так, как ты просишь, однако предупреждаю тебя об опасностях, которые тебя ожидают. И если ты не сможешь их одолеть, то не пеняй на меня.

Так, за разговором, они отправились к замку, но их догнал гонец из лагеря Шарлеманя, который был послан за Брадамантой, чтобы вернуть ее в войско, которое в ней очень нуждалось, поскольку она могла поднять боевой дух воинов и противостоять продвижению мавров.

Печальный рыцарь, которого звали Пинабель, таким образом узнал, что перед ним Брадаманта, принадлежащая к роду Клермон, с которым его Майнцский род уже долгое время враждовал. С этого момента

предатель только и думал, как избавиться от общества Брадаманты, поскольку он считал, что от нее ему ничего хорошего ждать нельзя и что она наверняка его убьет, если узнает, к какому дому он принадлежит. Ибо он судил о ней по себе и, зная за собой грехи, ждал, что ему за них воздастся тем же.

Брадаманта, несмотря на требование вернуться в войско, не могла бросить своего возлюбленного в неволе и решила сначала закончить то дело, ради которого она здесь оказалась. Пинабель показывал дорогу, и вскоре они оказались в лесу, посреди которого возвышалась крутая гора. Пинабель, который думал только о том, как ему отделаться от Брадаманты, предложил забраться на гору, чтобы с высоты поискать убежище на ночь. Под этим предлогом он оставил Брадаманту, вскарабкался на гору и нашел там небольшую щель в скале, которая расширялась и заканчивалась просторной пещерой. Тем временем Брадаманта, боясь потерять своего проводника, следовала за ним по пятам. Изменник, видя, что ему никак от нее не избавиться, задумал новую хитрость. Он сказал, что только что видел в пещере молодую красивую девушку, чье дорогое платье выдавало ее высокое положение, и что она плакала и причитала, моля о помощи, но не успел он спуститься, как появился разбойник и утащил ее вглубь пещеры.

Брадаманта, готовая всему верить и исполненная отваги, тут же прониклась историей, придуманной предателем. Желая помочь девушке, она огляделась, чтобы найти хоть что-то, что помогло бы ей спуститься, и увидела вяз, ветви которого свешивались вниз. Мечом она отрубила самую большую и прочную ветку и просунула ее в отверстие. Она попросила Пинабеля крепче держать толстый конец ветви, а сама, цепляясь руками за более мелкие ветви, спустилась вниз.

Предатель засмеялся, глядя, как она спускается вниз, и насмешливо спросил:

— Умешь ли ты прыгать? — а потом с нескрываемым злорадством отпустил ветвь и проводил взглядом исчезающую в глубине пещеры Брадаманту. — Как я жалею, что не все твое племя оказалось там, внизу, вместе с тобой, — прошипел он и добавил: — Чтоб вы здесь и подошли все вместе.

Однако отвратительным планам Пинабеля не удалось сбыться: сучья и листья ветки затормозили ее падение, и Брадаманта приземлилась лишь слегка поцарапанная и потрясенная неожиданным падением, но готовая к новым испытаниям.

Как только Брадаманта пришла в себя, она огляделась и увидела дверь, через которую вошла во вторую пещеру, шире и выше первой. Она была похожа на подземный храм. Ее украшали и своды ее поддерживали колонны из чистейшего алебастра, в центре стоял простой алтарь, светильник, свет от которого, отраженный алебастровыми стенами, мягко ложился на все вокруг.

Брадаманта, охваченная религиозным чувством, подошла к алтарю и, упав на колени, стала возносить молитвы и благодарить Спасителя ее жизни, прося его о заступничестве. Через мгновение открылась маленькая дверца, из которой вышла женщина — босая, в свободном одеянии и с распущенными волосами. Она обратилась к Брадаманте по имени и сказала следующее:

— Отважная и добрая Брадаманта, знай же, что это силы небесные привели тебя сюда. Дух Мерлина, чье последнее земное пристанище было здесь, предупредил меня о твоём приходе и о той судьбе, которая тебя ожидает. Этот знаменитый грот, — продолжала она, — создан волшебником Мерлином, и здесь покоится его прах. Ты, наверное, слышала, как этот мудрец и виртуозный чародей окончил свои дни. Став жертвой коварной Озерной Леди, Мерлин выполнил ее просьбу и сам заточил себя живьем в гробницу, не имея силы разрушить произнесенное ею заклинание, и ему пришлось пробыть здесь всю оставшуюся жизнь. Его дух парит над этим местом и не покинет его до того часа, когда последняя труба не созовет всех мертвых на суд. Он отвечает на вопросы тех, кто приходит к его гробнице, и, если тебе повезет, ты можешь услышать его голос.

Брадаманта, дивясь ее словам и всему увиденному, не могла понять, во сне это с нею происходит или наяву. Смутившись, она опустила глаза, покраснела и произнесла:

— Кто я такая, чтобы со мной разговаривал столь великий прорицатель?

Тем не менее, довольная, она последовала за жрицей, которая привела ее к гробнице Мерлина. Она была построена из прочного камня, который переливался, как огонь. Лучи, исходявшие из камня, хорошо освещали это мрачное место, куда не проникал солнечный свет, однако было непонятно, сам ли камень сияет, или это отблеск лучей от лежащих повсюду талисманов и оберегов.

Брадаманта не успела переступить порог этого места, как дух чародея приветствовал ее твердым и ясным голосом:

— Да свершатся мечты твои, о целомудренная и благородная дева, будущая мать героев, гордости Италии, слава о которых разнесется по всему миру. Великие полководцы и знаменитые рыцари будут среди твоих потомков. Им предстоит защищать Церковь и возвращать своей стране белую славу. Принцы, не уступающие в мудрости Августу и мудрецу Нуме, вернут на землю золотой век*. Чтобы эти благородные судьбы свершились, тебе нужно выйти замуж за прекрасного Роджеро. Поспеши, чтобы освободить своего суженого, и смешай с дождной пылью того, кто коварством вырвал его у тебя и сейчас удерживает в цепях!

После этих слов Мерлин исчез, поручив Мелиссе — так звали жрицу — научить девушку, как ей вести себя дальше.

— Завтра, — сказала та, — я отведу тебя в замок на скале, где томится Роджеро. Я не покину тебя до тех пор, пока мы не пройдем через этот дикий лес. Я буду показывать тебе дорогу, чтобы ты не заблудилась.

На следующее утро Мелисса повела Брадаманту, минуя скалы и пропасти, перебираясь через бурные реки и преодолевая трудные перевалы; все это время она рассказывала девушке, что нужно делать, чтобы достичь желаемого:

— Мало того что этот неприступный замок нельзя взять силой, но и крылатый конь волшебника тоже будет тебе мешать. Но ты должна знать и то, что у волшебника есть щит, который излучает такой яркий свет, что все, кто посмотрит на него, обязательно ослепнут. Не пытайся при этом закрыть глаза, ибо тогда ты не сможешь отражать его удары и дашь ему преимущество. Только не бойся, я научу, что тебе нужно будет делать. У маврского принца Аграманта есть кольцо, украденное у индийской королевы, которое снимает все заклинания. Аграмант, зная, что Роджеро ему нужнее, чем все остальные воины, пожелал освободить его от власти чародея и для этого отправил Брунелло, самого ловкого и умного из своих слуг, чтобы тот выкрал волшебное кольцо. И сейчас он выполнил это поручение. Но, прекрасная Брадаманта, поскольку я хочу, чтобы именно ты прославилась тем, что высвободила из неволи своего будущего супруга, слушай, что я буду говорить. Следуй по дороге,

* Это пророчество введено здесь Ариосто для того, чтобы восхвалить благородный дом Эсте, к которому принадлежали принцы его родины, герцогства Феррарского. — *Примеч. авт.*

которая идет вдоль морского берега, пока не дойдешь до постоянного двора, куда незадолго до твоего прихода придет сарацин Брунелло. Ты его сразу узнаешь по фигуре: он ростом меньше четырех футов, у него огромная голова, косые глаза, мертвенно-бледный цвет лица, его густые брови срослись с клочковатой бородой. Кроме того, на нем будет костюм гонца, по которому ты тоже сможешь его узнать. Тебе будет легко завести с ним разговор, если ты скажешь, что ты — рыцарь, который хочет вызвать чародея на поединок. Но только веди себя так, чтобы он не начал подозревать, что ты что-то знаешь про волшебное кольцо. Я не сомневаюсь, что он захочет проводить тебя в замок чародея. Прими его предложение, но иди так, чтобы оказаться позади него, когда появится бриллиантовый купол замка. Затем не колеблясь убей его, поскольку этот негодяй не заслуживает жалости, и возьми его кольцо. Но только не дай ему догадаться о своих намерениях, иначе он положит в рот волшебное кольцо и, сразу став невидимым, скроется с твоих глаз.

Так, ведя между собой беседу, мудрая Мелисса и прекрасная Брадаманта дошли до города Бордо, где полноводная река Гаронна впадает в море. Нежно обнявшись, они расстались. Брадаманта, которая не думала ни о чем, кроме своего дела, поспешила на постоянный двор, куда за несколько мгновений до нее прибыл Брунелло. Юная героиня узнала его без труда. Она подошла к нему и стала задавать вопросы, на которые он отвечал беззастенчивой ложью. Брадаманта, со своей стороны, скрывала от него, что она девушка, христианка, и не сказала, из какой она страны и к какому роду принадлежит. Вдруг на постоялом дворе послышались крики.

— О Царица Небесная! — воскликнула Брадаманта. — Что могло случиться?

Вскоре она узнала причину суматохи. Хозяин, его чада и домочадцы, все стояли, подняв голову, и смотрели в небо, словно там пролетала комета или происходило полное затмение солнца. Но там происходило нечто еще более невероятное: рыцарь в богатых доспехах, восседавший на крылатом коне, в стремительном полете рассекал воздух. Крылья странного скакуна были широко распластаны и покрыты разноцветными перьями. Отполированные доспехи рыцаря сияли как радуга. Вскоре и конь и всадник скрылись за вершинами гор.

— Это чародей, — сказал хозяин постоялого двора, — волшебник, которого часто видят путешествующим по воздуху. Иногда он летает так высоко, что кажется, будто он странствует между звезд, а иногда

почти касается земли. Ему принадлежит волшебный замок где-то на вершинах Пиренеев. Многие рыцари хотели показать свою храбрость и уходили, чтобы сразиться с ним, но никто из них не возвращался. Поэтому можно предположить, что они потеряли либо жизнь, либо свободу.

Брадаманта, обращаясь к хозяину, спросила:

— Не можете ли вы показать мне проводника, который бы отвел меня к замку этого чародея?

— Клянусь, вам не придется долго искать, — сказал, перебивая, Брунелло. — Во-первых, у меня все записано, а во-вторых, я сам могу вас сопроводить туда.

Брадаманта с благодарностью приняла его предложение.

У хозяина постоянного двора оказалась приличная лошадь, которую Брадаманта выторговала у него, и на следующее утро с первыми лучами солнца они отправились в узкую долину, причем Брадаманта следила за тем, чтобы ее провожатый сарацин Брунелло всегда был впереди.

Они достигли вершины Пиренеев, откуда можно было сразу созерцать Францию, Испанию и два моря. С этой высоты они снова спустились по трудной дороге в глубокую низину. Посреди этой долины возвышалась одинокая гора, которую образовывали неприступные отвесные скалы. На вершине этой горы был замок, окруженный бронзовой стеной. Брунелло сказал:

— Это темница, в которой чародей держит своих пленников. Без крыльев туда не добраться; поэтому хозяин замка пользуется крылатым конем, чтобы оказаться в замке, который служит ему и домом и темницей.

Брадаманта, узнавшая достаточно, решила, что наступило время завладеть кольцом, но она не могла убить беззащитного человека. Неожиданно схватив Брунелло, она привязала его к дереву и сняла кольцо, которое он носил на одном из пальцев. Крики и уговоры коварного сарацина не тронули девушку. Она отправилась к подножию скалы, на которой стоял замок, и, чтобы вызвать чародея на поединок, протрубила в рог, прокричав в придачу, что это вызов.

Чародей явился без промедления верхом на своем крылатом коне. Брадаманта была и удивлена и обрадована, что у человека, которого описывали как невероятно страшного, не оказалось ни копья, ни дубины, ни какого-нибудь другого опасного оружия. Он имел лишь щит, затянутый тканью, на одной руке, а в другой руке держал открытую

книгу. Что касается крылатого коня, то он был из тех животных, что водятся в Рифейских горах. Как у грифона, у него была голова орла, когтистые лапы и крылья, покрытые перьями. Все остальное его тело было конским. Это странное животное звалось Гиппогриф.

Наша героиня атаковала чародея, когда он приблизился, ударив его в бок с такой силой, что это был бы смертельный удар, но рассекла только воздух. Видя безуспешность своей атаки, она слезла с коня, словно ей сподручней было биться пешей. Чародей приготовился использовать свое единственное оружие, сняв покров с волшебного щита, который всегда лишал противника чувств. Брадаманта, доверяя своему кольцу, следила за всеми движениями противника, и, когда он стал снимать покрывало со щита, она упала на землю, притворившись, будто на нее подействовало это волшебное оружие, а на самом деле стремясь таким образом заставить чародея спешиться и подойти к ней.

Случилось так, как она хотела. Когда чародей увидел, что она лежит на земле, он заставил своего коня приземлиться, спешился, закрепил щит на луке седла и подошел к ней, чтобы связать. Внимательно следившая за ним Брадаманта вскочила, как только он подошел достаточно близко, крепко схватила его, бросила наземь и той же цепью, которую приготовил для нее чародей, крепко сковала его так, чтобы он уже не смог оказать сопротивление.

Чародей в отчаянии воскликнул:

— Возьми мою жизнь, юноша!

Но Брадаманта не спешила исполнить его желание. Ей хотелось узнать, зачем чародей использовал столь сильную магию, чтобы построить здесь такую неприступную крепость, и она потребовала ответа.

— Увы! — ответил чародей, и по его щекам потекли слезы. — Он мне нужен не для того, чтобы хранить добычу или совершать преступления. Я построил его лишь для того, чтобы сохранить жизнь молодого рыцаря, которого я очень люблю, ибо магия помогла мне узнать, что он примет христианство и вскоре после этого будет предательски убит. Этого юношу зовут Роджеро, и он самый красивый и самый учтивый рыцарь. Это я, несчастный Атлант, растил его с самого детства. Жажда славы увлекла его отсюда и привела к Аграманту, который тогда вторгся во Францию. Я же, привязанный к Роджеро крепче, чем бывают привязаны к своим детям родители, замыслил вернуть его в эту обитель, чтобы уберечь от злой судьбы. Для этой цели я решил заманить его сюда так же, как я хотел это проделать с тобой и как мне это удалось

со множеством других рыцарей и дам, которых я собрал в моем замке. Я хотел облегчить моему воспитаннику пребывание в замке, создать для него общество, в котором ему было бы приятно проводить время и не хотелось бы думать о таких вещах, как война и слава. Но увы, все мои старания оказались напрасны. И все-таки я прошу тебя: возьми все, что хочешь, только оставь мне моего любимого воспитанника. Возьми этот щит, возьми моего крылатого коня, освободи столько своих друзей, сколько найдешь среди моих пленников, освободи их всех, наконец, но оставь моего любимого Роджеро. А если ты захочешь взять и его, то возьми тогда и мою жизнь, которая после этого потеряет для меня всякий смысл.

Брадаманта ответила:

— Старик, не надейся тронуть меня своими речами. Я пришла затем, чтобы освободить Роджеро. Неужели ты надеешься удержать его здесь силой в безделье, чтобы спасти его от той судьбы, которую ты предвидишь. Никчемный старик! Как ты можешь предсказать его судьбу, если ты даже не знаешь своей собственной? Ты хочешь, чтобы я взяла твою жизнь. Нет, моя рука и моя душа противятся этому твоему желанию.

Сказав это, она потребовала, чтобы чародей отвел ее в замок. Все пленники были освобождены, хотя некоторые из них в глубине души сожалели, что их вольготная жизнь закончилась. Брадаманта и Роджеро встретились с несказанной радостью.

Они спустились с горы туда, где состоялся поединок. Там они нашли Гиппогрифа, к седлу которого был приторочен волшебный щит. Брадаманта подалась вперед, чтобы взять коня за уздечку. Конь, казалось, ждал ее, но только она захотела дотронуться до него, как он расправил крылья и улетел на соседнюю вершину. Когда она повторила свою попытку, случилось то же самое. Роджеро и другие освобожденные рыцари разбрелись по холмам, чтобы поймать коня, и в конце концов он позволил Роджеро взять себя под уздцы. Бесстрашный Роджеро не побоялся вскочить в седло и дать коню шпоры, отчего тот проскакал галопом какое-то расстояние, а потом расправил крылья и взмыл в воздух. Только что соединившаяся со своим возлюбленным Брадаманта огорчилась, видя, как он вновь удаляется от нее. Роджеро, который не знал, как управлять крылатым конем, летел куда придется. Гиппогриф устремился на запад, рассекая воздух так, как режет воду только что построенный корабль, в паруса которого дует попутный ветер.

Астольфо и колдунья

Роджеро летел на спине Гиппогрифа через земли и моря, не зная, куда приведет его этот долгий путь. Научившись немного управлять животным, он начал снижаться, как только показалась земля. Когда конь достаточно снизился, Роджеро спрыгнул и привязал его к миртовому дереву. Неподалеку среди цветов, кедров и пальм струил свои воды источник. Положив рядом щит и шлем, Роджеро с удовольствием вдыхал свежий воздух и утолял жажду в источнике. Нет ничего удивительного в том, что он устал, — ведь полет его длился так долго. Но только он решил отдохнуть, как увидел, что Гиппогриф, которого он привязал за уздечку к миртовому дереву, чем-то очень напуган и пытается освободиться. Он так бился, что с мирта осыпалась листва и покрыла всю землю вокруг.

От миртового дерева донеслись звуки, похожие на потрескивание горящих поленьев. Сначала звуки были тихими, но затем они стали усиливаться, и наконец послышался голос, который сказал:

— О рыцарь, если твое сердце добротой своей не уступает твоей красоте, умоляю, освободи меня от этого мучающего меня животного. Не стоит отягощать мою участь, ибо я и так страдаю достаточно.

Роджеро при первых звуках этого голоса повернулся к мирту, подбежал к нему и замер в изумлении, поскольку голос исходил из самого дерева. Он тут же отвязал коня и с удивлением, смешанным с сожалением, произнес:

— Кто бы ты ни был — смертный или дух этого леса, — прошу тебя, прости мне мою произвольную ошибку. Если бы я знал, что за этой грубой корой скрывается существо, обладающее чувствами, то никогда бы не дал обидеть тебя скакуну. Пусть небо и воздух залечат то, что я сделал. Со своей стороны обещаю именем царицы моего сердца сделать все, что ты попросишь, чтобы загладить свою вину.

При этих словах мирт, показалось, вздрогнул от корней до макушки, и Роджеро заметил, что по коре заструилась жидкость, напоминающая слезы. Так бывает, когда в огонь кладут полено. Затем мирт произнес:

— Твои слова так добры, что я готов поведать тебе, кем я когда-то был и как стал миртом. Меня зовут Астольфо, я двоюродный брат Орландо и Ринальдо, чья слава облетела весь мир. Я сам когда-то был одним из самых храбрых паладинов Франции и по рождению должен был занять английский трон после моего отца Ото. Возвращаясь

с Востока вместе с Ринальдо и другими отважными рыцарями, чтобы помочь оружием великому императору Франции, мы достигли места, где на берегу моря стоял замок, принадлежавший могущественной колдунье Алкине. Чтобы позабавиться, она отправилась на берег порыбачить, а мы смотрели, как благодаря своему волшебству она без крючка и лески вытаскивала из моря все, что хотела. Недалеко от берега виднелась спина кита — такая широкая и неподвижная, что напоминала собой остров. Алкина посмотрела на меня и захотела похитить. Обратившись к нам, она сказала: «Сейчас как раз наступило время, когда из моря на берег соседнего острова выходит прекрасная русалка. Она поет так сладко, что от звуков ее голоса даже море успокаивается. Если хотите ее послушать, отправляйтесь со мной туда». Сказав это, Алкина указала на рыбу, которую мы все приняли за остров. Я поспешил последовать за колдуньей и, нисколько не раздумывая, пустил коня в плавь и выбрался на спину рыбы. Напрасно Ринальдо и Дудон подавали мне знаки, чтобы я был осторожней, — Алкина, улыбаясь, взяла меня и повела за собой. Только мы взобрались на спину кита, как животное пришло в движение, расправило свои плавники и быстро поплыло, разрезая воду. Я понял свою ошибку, но было уже поздно. Алкина остудила мой гнев и предсказала, что все, что она делает, пойдет мне на благо. Долго ли, коротко ли, мы оказались на острове, где поначалу все делалось так, чтобы я смирился со своей судьбой и чтобы дни мои проходили без всяких забот. Но вскоре Алкина, насытившись своей победой, стала ко мне безразличной, затем я ей стал надоедать, и в конце концов она решила от меня отделаться и превратила в то, что ты сейчас видишь, причем она не раз поступала так со своими возлюбленными, превращая их то в оливковые деревья, то в пальмы, то в кедр. Некоторые же становились источниками, скалами и даже дикими зверями. И ты, учтивый рыцарь, случаем занесенный на этот заколдованный остров, смотри, чтобы она не одолела тебя, а то и ты станешь деревом, ручьем или скалой.

Роджеро немало удивился этому рассказу. Астольфо добавил, что значительная часть острова находится под властью Алкины. С помощью своей сестры Морганы ей удалось забрать почти все наследство у третьей сестры, Логестиллы, которой изначально по завещанию отца принадлежал весь остров. Но Логестилла была скромной и мудрой, тогда как ее сестры были лживы и сладострастны. Ее империя отделена от их владений заливом и горной грядой, и это единственное препятствие, которое не позволяет Алкине захватить оставшееся.

На этом Астольфо закончил свой рассказ, и Роджеро, зная, что он приходится кузеном Брадаманте, сказал, что с радостью помог бы ему, но поскольку это было не в его силах, то он стал утешать Астольфо как мог. После этого он расспросил его, как пройти ко дворцу Логестиллы и не попасть в руки Алкины. Астольфо посоветовал поехать налево, хотя дорога там была плохая и скалистая. Он предупредил, что путь его будет достаточно опасным, поскольку целые стаи чудовищ будут мешать ему проехать. Их удерживает колдовской силой Алкина, которой они служат, не давая никому убежать из ее владений. Роджеро поблагодарил мирт и стал готовиться в дорогу.

Он хотел сесть на крылатого коня и одолеть горы верхом на нем, но не был уверен, достаточно ли он научился управлять Гиппогрифом, чтобы еще раз решиться на путешествие по воздуху. К тому же у него не было никакой еды. Поэтому он взял коня под уздцы и пошел с ним рядом пешком по дороге, которая вела к владениям двух сестер.

Не прошел он и двух миль, как увидел перед собой прекрасный город Алкины. Он был обнесен золотой стеной, которая, казалось, достигала небес. Знаю, многие могут подумать, что стена была не из настоящего золота, а из вещества, полученного алхимическим путем. Но это не имеет никакого значения. Я считаю, что стена была золотая, поскольку она сияла, как золотая.

К городским воротам вела широкая и ровная дорога, а от нее отделялась узкая и ухабистая, которая терялась в горах. Роджеро без колебаний выбрал узкую тропинку, но не успел он по ней пойти, как путь ему преградила целая стая чудовищ.

Нет ничего смешнее и необычнее, чем войско хобгоблинов. Некоторые из них имели от шеи до ног туловище человека, но головы у них были или обезьяньи, или кошачьи. Старики и старухи отвратительного вида сновали как безумные туда-сюда. На некоторых были изодранные звериные шкуры, один пытался скакать на лошади без уздечки, другие гарцевали на ослах и коровах. Остальные же ловко хватались за хвосты животных, на которых восседали их товарищи. Одни трубили в рог, другие размахивали виными кубками; многие были вооружены вертелами и вилами. Один, казавшийся главарем, отличался огромным животом и большой жирной головой. Он восседал на черепахе, которая никак не хотела ползти в нужном направлении.

Одно из этих чудовищ, только слегка походившее на человека, хотя шея, уши и нос у него были собачьи, стало яростно лаять на Роджеро,

пытаясь не пустить его по этому пути и направить на дорогу, ведущую к веселому городу, но отважный рыцарь воскликнул:

— Я буду не я, если не возьмусь за меч!

И с этими словами он обрушил свой меч прямо на морду чудища. То хотело ответить ударом копья, но Роджеро оказался для него слишком проворным и успел еще раз ударить его мечом так, что лезвие вышло из спины на целую ладонь. Паладин, дав выход своему гневу, стал наносить удары направо и налево, разрубая кого до плеч, кого до пояса. Но противник был слишком многочисленный, и Роджеро, чтобы очистить себе дорогу, нужно было иметь не меньше рук, чем Бриарею.

Если бы Роджеро снял покров со щита, который был приторочен к луке седла, он бы быстро справился с чудовищами, но он не воспользовался им то ли потому, что забыл про него, то ли потому, что больше доверял своему мечу. Когда ему стало совсем трудно, он вдруг увидел, что из городских ворот выехали две девушки, чей внешний вид выдавал их высокое положение и благородный характер. Обе были верхом на единорогах, которые белизной своей шкуры превосходили горностаю. Они ехали в сторону луга, где Роджеро так отважно сражался с хобгоблинами, которые вдруг отступили при приближении всадниц. А те всё приближались и приближались, протянув в его сторону руки, и молодой рыцарь зарделся, оттого что был разгорячен боем и отличался природной скромностью. Он поблагодарил их за помощь и, не имея сил отказаться от приглашения, отправился с ними в город.

Величественный и красивый вход в город был украшен портиком с четырьмя мощными колоннами, вырубленными из целого алмаза. Были ли этот алмаз настоящий или наколдованный, я не знаю, но выглядел он как алмаз, и ничто не могло радовать глаз больше.

На пороге и между колоннами было множество красивых девушек, которые играли и резвились. Они разом бросились встречать Роджеро и сопровождали его во дворец, который больше напоминал рай.

Именно так следует называть это место, где часы пролетали незаметно, а наслаждения бесконечно сменяли друг друга. Ни пресыщения, ни неудовлетворенности, ни, главное, ощущения возраста никогда не возникало у его обитателей. Единственные чувства, которые они испытывали, — это нега и веселье. Казалось, что они пили и никак не могли напиться вдоволь из кубка счастья. Две девушки, которым Роджеро был обязан освобождением от хобгоблинов, отвели его в покои своей госпожи. Прекрасная Алкина поднялась и приветствовала его с достоинством

и в то же время учтиво. Весь ее двор окружил паладина и уделил ему самое лестное внимание. Замок поражал не столько величием, сколько очарованием своих обитателей. Это были мужчины и женщины, не уступавшие друг другу в красоте, молодости и изяществе. Но всех затмевала сиятельная Алкина — как солнце на небе затмевает звезды. Восхищению молодого воина не было предела. Все, что рассказывал ему мирт, казалось ему подлой клеветой. Откуда он мог знать, что под улыбками и кажущейся искренностью скрывается подлая ложь и измена? Он не сомневался, что Астольфо заслужил свою участь, а может быть, и более суровое наказание. Он считал, что весь его рассказ порожден разочарованием и жадной мести. Но мы не должны слишком поспешно осуждать Роджеро, ибо он уже был во власти магии.

Все сели за стол, и тут же раздались мелодичные звуки лир и арф, наполнившие воздух восхитительными мелодиями. Один за другим поэты стали декламировать стихи, и все вместе создало атмосферу, сравнимую с королевским пиром. Коварная колдунья использовала все, чтобы очаровать паладина и привязать его к этому месту, решив, что, когда он ей надоест, она превратит его, как и других, во что ей заблагорассудится. Все последующие дни были похожи один на другой. В приятных развлечениях, охоте, танцах или сельских играх время проходило незаметно, чередуясь с приятным отдыхом в купальне или со сном.

Пока Роджеро вел легкую и обеспеченную жизнь, Шарлемань и Аграмант сражались за судьбу империи. Но я не могу долго рассказывать о нем, ибо в то время прекрасная и отважная Брадаманта, как слепая, бродила по свету в надежде вернуть себе Роджеро.

Скажу лишь, что, тщетно разыскивая его в городах и весях, она не знала, куда ей держать путь, но в смерть Роджеро ей не верилось. Если бы такой герой погиб, то весть об этом прокатилась бы от Гидаспа * до самой дальней реки на западе. Но не зная, находится ли он на земле или в воздухе, Брадаманта, отчаявшись, решила вернуться в пещеру Мерлина и спросить его, куда ей нужно держать путь.

Не успела она об этом подумать, как появилась волшебница Мелисса. Эта целомудренная и добродетельная чародейка с помощью магии узнала, что Роджеро проводит время в удовольствиях и праздности, забыв о доблести и о своем суверене. Ей была невыносима сама мысль

* Гидасп (Hydaspes) — древнегреческое наименование реки Джелам (Битаста, Бехта) — левого притока Инда.

о том, что человек, рожденный быть героем, потратит свои годы на постыдное безделье и запомнится потомкам как человек, опозоривший свое имя; она понимала, что нужно сделать все, чтобы вернуть его на путь добродетели. Мелиссой двигала не слепая любовь к прекрасному паладину, которую питал к нему воспитатель Атлант, мечтавший только о том, чтобы сохранить ему жизнь. Именно старый колдун направил Гиппогрифа на остров очаровательной Алкины, чтобы там его любимец забыл о чести и перестал мечтать о славе.

При виде Мелиссы лицо Брадаманты осветилось радостью, а в душе вновь вспыхнула надежда. Мелисса, ничего не скрывая, рассказала ей, как Роджеро оказался в сетях Алкины. Брадаманту охватили печаль и ужас, но добрая волшебница успокоила ее, рассеяла ее страхи и пообещала, что через несколько дней приведет паладина к ее ногам.

— Дочь моя, — сказала она, — дай мне, пожалуйста, кольцо, которое ты носишь на пальце и которое может разрушить любую магию. Я не сомневаюсь, что с его помощью мне удастся проникнуть в замок, где лживая Алкина держит Роджеро в заточении, и я смогу победить злодейку и освободить его.

Брадаманта без раздумий передала ей кольцо и положилась на нее. Мелисса с помощью магии призвала огромную кобылицу, всю черную, как гагат, кроме одной гнедой ноги. Оседлав животное, Мелисса поскакала так быстро, что на следующее утро уже была у обители Алкины.

Здесь она приняла образ старого чародея Атланта, добавив себе росту на одну ладонь и дородности. Подбородок она спрятала за густой бородой, а всю кожу покрыла морщинами. Она заговорила его голосом, переняла его манеры и принялась искать Роджеро, надеясь застать его в одиночестве. Наконец она увидела его, раздетого в богатые одежды из шелка и золота, на шее у него висело украшение из драгоценных камней, а его руки, некогда грубые от бесконечных тренировок, были украшены браслетами. Весь его вид свидетельствовал об изнеженности, и казалось, что от прежнего Роджеро у него осталось только имя — такую власть обрела над ним колдунья.

Мелисса в образе его старого воспитателя предстала перед ним, сделав суровое и серьезное лицо.

— И это, — сказала она, — и есть плод всех моих трудов, это для того я кормил тебя мозгом медведей и львов, учил тебя в юные годы, как одолеть дракона и как, подобно Гераклу, передуть всех змей, а вместо этого получил изнеженного Адониса? Неужели я зря проводил

время, наблюдая звезды, гадая на еще теплых внутренностях животных, бросал кости, высчитывал место рождения, чтобы убедиться, что ты рожден для величия? Кто мог подумать, что ты превратишься в раба коварной колдуньи? О Роджеро, узнай эту Алкину, разгадай ее магию, чтобы суметь противостоять ей. Возьми это кольцо, надень его на палец, вернись к ней и посмотри, как она выглядит без колдовства.

Эти слова смутили Роджеро, он покраснел, опустил глаза и не знал, что ответить. Мелисса улучила момент, надела ему на палец кольцо, и Роджеро сразу превратился в прежнего паладина. Как могло такое с ним произойти! От стыда он не мог посмотреть в глаза своему воспитателю, но когда он все-таки это сделал, перед ним оказалась жрица Мелисса, которая благодаря кольцу предстала в своем настоящем обличье. Она объяснила, что пришла сюда, чтобы спасти его, рассказала о печали, которая снедала Брадаманту, и о ее неустанных поисках Роджеро.

— Прекрасная амазонка, — сказала она, — посылает тебе кольцо, которое способно разрушить любую магию. Она бы и свое сердце вынула и передала через меня, если бы оно могло помочь больше, чем это кольцо.

Мелиссе больше ничего не нужно было говорить. Любовь Роджеро к Алкине была лишь результатом колдовства и пропала сразу, как только он надел кольцо. Вместо любви у него возникло такое же сильное чувство ненависти. Он не видел в Алкине ничего, кроме ее пороков, и только негодовал на то, как она умела притворяться.

Увидев на сей раз Алкину, он удивился настолько же, насколько был возмущен. Защищаясь кольцом от действия ее магии, он видел ее такой, какой она была на самом деле, — уродливым чудовищем. Все ее прелести оказались результатом колдовства, которое скрывало уродство. На самом деле она была старше, чем Гекуба или Сивилла Кумская, но чары, которыми она владела и которые к нашему времени уже утеряны, позволяли ей представлять обаятельной и привлекать к себе очарованием молодости. Роджеро теперь видел все это, но, руководствуясь советами Мелиссы, ничем не выдал своего удивления, под каким-то предлогом вернул себе доспехи, которых он давно не видел, повесил на пояс свой верный меч Балисардо и взял щит Атланта, до времени закрытый покрывалом.

Затем в конюшне Алкины он выбрал себе коня, не вызвав у Алкины никаких подозрений. По совету Мелиссы он оставил Гиппогрифа,

за которым она обещала присмотреть и сделать его более послушным. Коня, которого он взял, звали Рабикан, и он раньше принадлежал Астольфо. После этого он вернул кольцо Мелиссе.

Не успел Роджеро далеко отъехать, как ему повстречался один из охотников Алкины, у которого на руке был сокол, а рядом бежала собака. Охотник был верхом на могучем коне и смело подъехал к паладину, повелительно вопрошая, куда тот собрался. Роджеро решил не останавливаться и не отвечать, тогда охотник, будучи уверен, что перед ним беглец, сказал:

— Что, если я с моим соколом остановлю тебя?

Произнеся эти слова, он выпустил сокола, с которым в скорости не мог сравниться даже Рабикан. После этого охотник соскочил с коня, и птица, открыв клюв, устремилась на Роджеро со скоростью стрелы. Охотник тоже бежал так, словно его нес ветер или огонь, и собака бежала так же быстро, как и Рабикан. Роджеро понял, что избежать боя не удастся, он остановился и обратил свой взор на преследователей, но меч был бесполезен против таких противников. Надменный охотник набросился с оскорблениями и ударил Роджеро хлыстом, который оказался единственным его оружием. Собака вцепилась ему в ногу, а конь нацелился на него своими копытами. В это же время сокол кружил над головами Роджеро и Рабикана, атакуя их клювом и когтями, поэтому конь от испуга стал неуправляемым. В это мгновение в долине раздались звуки труб и цимбалов. Это Алкина бросила все свое войско в погоню за беглецом. Роджеро понял, что больше времени терять нельзя, и, к счастью, вспомнил о волшебном щите Атланта, который висел у него за спиной. Он снял с него покрывало, и чудо свершилось. И охотник, и собака, и лошадь тут же упали, а дрожащие крылья сокола больше не могли держать его в воздухе, и птица свалилась на землю. Роджеро, освободившись от преследователей и оставив их приходить в себя, поскакал дальше.

Тем временем Алкина, собрав все свои силы, бросилась из дворца в погоню за беглецом. Воспользовавшись ее отсутствием, Мелисса, защищенная кольцом, обыскала все ее покои. Она разрушала один за другим все колдовские предметы, которые находила, ломала печати, сжигала фигурки и развязывала колдовские узлы. Затем, поспешив в поля, она расколдовала всех ее жертв, обращенных в деревья, ручейки, камни и животных, — все сразу получили свободу, поклялись в вечной благодарности своей избавительнице и бросились искать спасения в королевстве Логестиллы, откуда разъехали по домам.

Астольоfo оказался первым, кого освободила Мелисса, поскольку Роджеро очень ее об этом просил. Она помогла ему отыскать его доспехи, особенно волшебное копьe с золотым наконечником, которое некогда принадлежало Аргалию. Волшебница села вместе с ним на крылатого коня, и вскоре они оказались у замка Логестиллы, где к ним через некоторое время присоединился Роджеро.

В этой обители друзья провели некоторое время в оживленном общении с мудрой Логестиллой и ее двором, а затем разъехались: Роджеро — на Гиппогрифе, с кольцом и щитом; Астольоfo со своим золотым копьем — верхом на Рабикане, самом быстром из всех скакунов. Логестилла подарила Роджеро конский мундштук и уздечку, с помощью которых Гиппогрифом было легче управлять. Астольоfo получил от нее волшебный рог, который звучал только тогда, когда всякое иное оружие было бесполезным.

Морское чудовище

Мы оставили прекрасную Анджелику тогда, когда она, бежав от сражавшихся за нее Сакрипанта и Ринальдо, повстречала старика отшельника. Мы помним, что она попросила отшельника помочь ей добраться до побережья и оставить и Францию, и Европу, чтобы никогда больше не видеть Ринальдо, которого она теперь ненавидела. Притворившийся отшельником коварный колдун, зная, что помощь Анджелике будет негодна его ложным богам, сделал вид, что выполнит ее желание. Он дал ей коня, в которого посредством своей магии вселил дьяволенка, и, посадив на него Анджелику, показал ей, куда нужно ехать, чтобы попасть на морское побережье.

Анджелика поскакала, ничего не подозревая, но, когда она подъехала к морю, дьявол, вселившийся в коня, велел ему кинуться прямо в волны. Анджелика тщетно пыталась повернуть его назад, к берегу, — животное плыло не останавливаясь, пока, почти уже к ночи, не скинуло свою ношу на какой-то песчаный берег. Оказавшись одна в этом ужасном пустынном месте, Анджелика сначала сидела неподвижно, скрестив руки и глядя на небеса, потом, проливая потоки слез, воскликнула:

— Жестокая судьба, неужели ты еще не весь свой гнев излила на меня? Если нет, то заверши все разом: пусть я стану добычей кровожадного зверя или покончи со мной, как считаешь нужным. Я буду только благодарна тебе, если ты прекратишь мою жизнь и мои несчастья.

Устав от свалившихся на нее бед, она заснула на песке.

Прежде чем рассказать о том, что произойдет, мы должны познакомить вас с тем местом, куда попала несчастная девушка. В море, которое омывает берега Ирландии, есть остров под названием Эбуда. Его когда-то многочисленное население почти все было истреблено гневом Протея, так что сейчас на нем проживало всего несколько человек. Это божество возмутилось тем, что не получало тех почестей, которые воздавались ему здесь раньше, и наслало на остров страшное морское чудовище, чтобы оно пожрало их. Набеги чудовища были столь ужасны, что все жители острова бежали в свою столицу, чтобы за ее стенами найти спасение. В своем несчастье они обратились к оракулу за советом, и тот сказал, что для того, чтобы усмирить гнев морского чудовища, ему в жертву нужно принести самую красивую девушку, которую только можно сыскать на этом острове.

Случилось так, что в тот день, когда был объявлен совет оракула и оглашен печальный указ искать самую красивую девушку острова, чтобы принести ее в жертву чудовищу, несколько рыбаков шли по берегу и увидели спящую Анджелику во всей ее красе.

О слепой случай, который слишком многое решает в человеческой жизни, неужели на растерзание ужасному чудовищу можно отдать красоту, за обладание которой короли бились друг с другом? Увы, прекрасная Анджелика обречена стать жертвой этих ужасных островитян.

Ее разбудили жители Эбуды, и до тех пор, пока Анджелика не взшла на их ладью, она не знала своей судьбы. Ветер наполнял парус, и ладья быстро плыла в порт. Там все, кто взглянул на нее, решили, что лучше жертвы самому Протею не найти. Кто может описать крики и муку этой несчастной девушки, укоры, которые она обращала к небесам, когда ее известили о том, что ее ждет? Я не могу, поэтому позвольте мне перейти к более счастливой главе нашей истории.

Роджеро оставил дворец Логестиллы и полетел на своем крылатом скакуне выше гор в сторону запада. Ему было легко управлять Гиппогрифом благодаря уздечке, которую он получил от Мелиссы*. Стремясь поскорее отыскать Брадаманту, он радовался тому, как под ним быстро мелькают города и страны и открываются прекрасные виды. Наконец он достиг берегов Англии и увидел огромную армию, которая во всем своем блеске была готова выступить и победить. Он заставил

* В предыдущей главе Роджеро получает уздечку от Логестиллы.

Гиппогрифа опуститься неподалеку, и вскоре его окружили зеваки, рыцари и солдаты, которые впервые видели такое чудо. Роджеро узнал от них, что отборное войско, которое стояло перед ним, отправлялось на помощь французскому императору в ответ на просьбу, переданную знаменитым Ринальдо, который прибыл сюда в качестве посла своего дяди Карла Великого.

К этому времени любопытство английских рыцарей было отчасти удовлетворено видом спокойно стоящего Гиппогрифа, а Роджеро, чтобы еще больше поразить их и доставить им удовольствие, вновь сел на животное, пришпорил его и взмыл в воздух со скоростью метеора. Он летел все дальше на запад, пока не увидел побережье Ирландии. Там он заметил прекрасную девушку, которая была прикована цепью к скале, выступающей далеко в море. Каково же было его удивление, когда, снизившись, он понял, что перед ним Анджелика. Как раз перед этим ее отвели к скале, приковали и оставили ждать появления морского чудовища, которое должно было выйти из моря и пожрать ее. Подойдя ближе, Роджеро воскликнул:

— Чьи жестокие руки, чья варварская душа, какой ужасный случай наложили на тебя эти цепи?

Анджелика ответила потоком слез, потому что поначалу не могла произнести ни слова. Затем дрожащим голосом она поведала ему, зачем ее здесь приковали. Не успела она договорить, как из моря донеслось ужасное рычание. Вскоре появилось огромное чудовище; часть его туловища возвышалась над морем, а часть была скрыта от глаз. Анджелика, чуть живая от страха, впала в отчаяние.

Роджеро с копьем наизготовку пришпорил своего Гиппогрифа, покачал навстречу чудовищу и нанес ему удар. Ужасное существо не было похоже ни на что на земле. Его массивное тело колыхалось и переваливалось, и ничто в нем не выдавало животное, кроме головы, глаз и рта, снабженного огромными, как у вепря, клыками. Копье Роджеро попало ему как раз между глаз, однако его чешуя оказалась крепче камня и железа. Рыцарь, видя бесплодность своего первого удара, приготовился нанести второй. Зверь, увидев на воде тень крыльев Гиппогрифа, забыл про свою добычу и решил наброситься на то, что было ближе. Роджеро воспользовался этим и, уворачиваясь от зубов, наносил удар за ударом, но чешуя казалась непробиваемой. Чудовище било хвостом по воде, пока пена не накрыла Роджеро и его скакуна с головой, и рыцарь перестал понимать, находится ли он в воде или в воздухе. Он начал опасаться,

что крылья Гиппогрифа намокнут и он не сможет поднять его в воздух. В этот момент Роджеро вспомнил о волшебном щите, который был у него приторочен к седлу. Но боясь, что Анджелика тоже лишится чувств от магии щита, он передумал. Тут он вспомнил, что у него есть кольцо, данное ему Мелиссой, силу которого он недавно испробовал. Он поспешил к Анджелике и надел кольцо ей на палец. Затем, сняв покрывало, он повернул сияющий щит в морду отвратительному зверю. Щит подействовал мгновенно. Чудище лишилось чувств и перестало двигаться, покатилося в море и распласталось спиной на воде. Роджеро уже хотел было вонзить копье в ту часть туловища монстра, которая теперь оказалась открытой, но Анджелика стала умолять, чтобы он освободил ее от цепей, пока чудище лежит без чувств. Роджеро, тронутый ее мольбами, поспешил сделать, как она просила, освободил ее и усадил позади себя на Гиппогрифа. И тот, подняв пыль, устремился в воздух. Роджеро, чтобы дать девушке передохнуть после стольких переживаний, решил приземлиться, и вскоре они уже были на берегу Бретани. По берегу тянулася густой лес, в котором пело множество птиц. Посреди леса протекал прозрачный ручей, питая своей влагой зеленый луг. Неподалеку возвышался небольшой холм. Роджеро посадил Гиппогрифа на луг, слез с него и помог спуститься Анджелике.

Когда волнение в груди Анджелики немного улеглось, она опустила глаза и увидела на своем пальце волшебное кольцо, со свойствами которого она была хорошо знакома, ибо это было то самое кольцо, которое у нее украл сарацин Брунелло. Она сняла его с пальца и положила себе в рот. Быстрее, чем мы можем об этом сказать, Анджелика исчезла с глаз палладина. Роджеро стал поспешно оглядываться вокруг, но потом вспомнил о кольце, которое он надел ей на палец. Обиженный тем, как с ним обошлась Анджелика, он воскликнул:

— Неблагодарная красавица, так-то ты ответила на мое благородство! Уж не хочешь ли ты украсть кольцо, которое я мог бы тебе подарить? Я бы с удовольствием отдал его тебе, стоило лишь попросить.

Произнеся эти слова, он стал, как слепец, искать ее, выставив вперед руки в надежде найти на ощупь то, что нельзя было видеть глазами. Но делал он это напрасно, потому что вероломная красавица была уже далеко.

Понимая, что она всем обязана своему избавителю, Анджелика все-таки сначала решила раздобыть одежды, еды и хоть немного отдохнуть. Вскоре она увидела домик пастуха и, войдя в него невидимой, нашла

в нем все, что ей было нужно, чтобы облегчить свое положение. В доме жил старый пастух, который пас табун кобылиц. Немного отдохнув, Анджелика выбрала в табуне одну кобылицу, села на нее и тут же вспомнила о своем давнишнем желании поскорее вернуться в свой дом на востоке, и ради этой цели она бы с удовольствием приняла покровительство Орlando или Сакрипанта, чтобы спокойно проехать через земли, которые отделяли ее от родины. Мечтая встретить кого-нибудь из этих двоих, она тронулась в путь.

Тем временем Роджеро, потеряв надежду увидеть Анджелику, вернулся к дереву, к которому он привязал Гиппогрифа, но, к своему ужасу, увидел, что животное порвало уздечку и исчезло. Потеря коня вместе с предыдущей потерей повергли его в глубочайшее уныние. Опечаленный, он надел латы, забросил на спину свой щит и пошел куда глаза глядят. Вскоре он оказался на опушке густого, бескрайнего леса.

Пройдя немного, он уловил справа какой-то шум и, прислушавшись, различил звон оружия. Он пошел в ту сторону, откуда доносился шум, и увидел двух воинов, бившихся не на жизнь, а на смерть. Один из них был благородного вида рыцарь, а другой — великан. Рыцарь с трудом защищался от ударов тяжелой дубины великана, отражая их мечом и щитом. Роджеро стоял и смотрел на поединок, не считая себя вправе вмешаться, но какое-то тайное чувство говорило ему, что нужно выступить на стороне рыцаря. Вдруг он увидел, что дубина великана опустилась прямо на голову рыцаря и тот распластался на земле. Великан бросился к рыцарю, чтобы окончательно разделаться с ним, и сорвал с него шлем. К своему ужасу, Роджеро увидел перед собой Брадаманту. С криком: «Остановись, негодяй!» — он выскочил, обнажив свой меч. Великан, не обратив на него никакого внимания, схватил Брадаманту, взвалил ее себе на плечи и побежал с ней в лес.

Роджеро бросился за ним, но длинные ноги великана несли его так быстро, что паладин боялся потерять его из виду. Наконец лес закончился, и Роджеро увидел богатый дворец, построенный из мрамора и украшенный статуями, которые высекла рука настоящего мастера. Великан вбежал в золотые двери дворца, и Роджеро последовал за ним. Но, оглядевшись, он не увидел ни великана, ни Брадаманты. Он бегал из покоя в покой, призывал своего трусливого противника появиться и вступить в поединок, но не услышал ответа и не увидел ни великана, ни его добычу. Во время своих бесплодных поисков он встретил, но не узнал Феррау, Флорисмарта, короля Градассо, Орlando и многих других,

кто, так же как и он, оказался в западне в заколдованном замке. Это была новая задумка колдуна Атланта, который таким образом решил вернуть себе Роджеро, а также пленить всех тех, кто хоть как-то угрожал его жизни. Роджеро принял за Брадаманту бесплотный фантом. Прекрасная дама на самом деле была далеко отсюда и с беспокойством ожидала, когда вернется ее любимый.

Император отдал под ее начало город Марсель с его гарнизоном, который она доблестно защищала от нападения язычников. Однажды перед ней неожиданно появилась Мелисса. Не дожидаясь вопросов, она сразу сказала:

— Не бойся за Роджеро, он жив и верен тебе больше, чем когда бы то ни было. Но он опять потерял свободу: ужасный колдун снова сумел пленить его. Если хочешь освободить его, садись на коня и следуй за мной.

Она рассказала, что колдуну удалось обмануть Роджеро, заставив его поверить, что Брадаманте угрожает опасность.

— И против тебя, — продолжала Мелисса, — он использует тот же прием. Ты очутишься в лесу, а потом увидишь дворец. Тебе покажется, что перед тобой Роджеро, а на самом деле это будет сам колдун. Но не дай себя обмануть, просто вонзи в него свой меч. Верь мне, убив его, ты освободишь не только Роджеро, но множество других отважных рыцарей Франции, которых колдун с помощью магии увел из лагеря их суверена.

Брадаманта не мешкая надела латы и села на коня. Мелисса сопровождала ее в нелегком странствии через поля и леса, скрашивая путь разговорами о том, что было всего интересней Брадаманте. Когда наконец они оказались у леса, Мелисса еще раз повторила Брадаманте все, что та должна сделать, и попрощалась, боясь, что колдун заметит ее и будет настороже.

Брадаманта проехала около двух миль и увидела Роджеро, которого теснили два страшных великана. Пока она колебалась, раздался его голос, зовущий на помощь. В тот же миг она забыла обо всем, что говорила ей Мелисса. «Неужели я должна не верить собственным глазам и ушам?» — спросила она себя и поспешила на помощь Роджеро. Тот бежал, преследуемый двумя великанами, и Брадаманта вбежала вслед за ним в заколдованный замок. И конечно, когда внутри она не нашла ни Роджеро, ни великанов, то поняла, что тоже стала пленницей, и мысль о том, что она находится в плену вместе со своим возлюбленным, ее не

утешала. Она увидела много людей, мужчин и женщин, но не узнала никого. Они тоже ее не узнали — такова была их общая участь. Каждому в результате изощренного колдовства все встречные казались великанами, или карликами, или даже четвероногими животными, поэтому ни разговоров, ни знакомств между ними не было.

Продолжение приключений Астольофо и начало приключений Изабеллы

Бежав от жестокой Алкины, Астольофо после недолгого пребывания у добродетельной Логестиллы решил вернуться на родину. Логестилла предоставила ему самый лучший корабль, который был в ее флоте, чтобы он смог добраться до материка. При расставании она подарила ему книгу, в которой говорилось, как преодолеть любую магию, и которую она просила всегда держать при себе, хотя бы из уважения к дарительнице. Кроме того, она вручила ему то, что не под силу было сделать ни одному смертному, хотя подарок выглядел скромно и представлял собой с виду обычный рог.

Астольофо, защищенный ее подарками, поблагодарил прекрасную фею, попрощался с ней и отправился во Францию. Плавание прошло благополучно, и, прибыв в нужный порт, он расстался с моряками и продолжил путешествие посуху. По дороге он встречал много разбойничьих шаяк, зверей и ядовитых змей, но стоило ему протрубить в рог, как все они тут же разбегались.

Высадившись во Франции и пройдя многие провинции на своем пути к войску, однажды, проезжая по лесу, он увидел родник и слез с коня, чтобы напиться. Когда он нагнулся над ручьем, молодой деревенский парень выскочил из кустов, сел на Рабикана и ускакал. Нужно сказать, что это была новая проделка колдуна Атланта. Астольофо, услышав шум, повернул голову, но обнаружил лишь пропажу. Он бросился вдогонку за вором, который не пришпоривал коня, а ехал так, чтобы все время быть на виду. Когда лес кончился, Астольофо увидел, как вор и конь скрылись в стоявшем неподалеку замке. Астольофо последовал за ними и без труда проник во двор замка, где принялся искать вора с его конем, но никого не нашел; спросить тоже было не у кого. Подозревая, что против него применили магию, он вспомнил об имеющейся у него книге, почитал ее и понял, что его подозрения вполне обоснованны. Кроме

того, он узнал, что ему делать. Ему нужно было поднять камень, который служил порогом. Под ним лежал дух, который должен был тут же воспользоваться свободой, и тогда в замок может войти любой. Астольфо попытался сдвинуть камень. Тогда колдун снова решил применить свое искусство. В замке было много пленников, и колдун сделал так, что каждому из них Астольфо предстал в разном обличье: одни видели в нем зверя, другие — великана, третьи — стервятника. Поэтому все напали на него, и тут бы пришел Астольфо конец, да вспомнил он о своем роге. Он протрубил всего один раз, и от ужасного звука бежали все рыцари и колдун вместе с ними, как голуби, услышавшие выстрел охотника. Тут Астольфо снова взялся за камень и наконец перевернул его. Нижняя поверхность камня вся была испещрена магическими знаками, которые рыцарь стер, как велела книга. Не успел он это сделать, как весь замок с его стенами и башнями исчез как дым.

Среди освобожденных им рыцарей и дам кроме Роджеро и Брадаманты оказались Орландо, Градассо, Флорисмарт и многие другие. При звуке рога они все побежали — и рыцари и кони, — кроме Рабикана, которого Астольфо удалось удержать, несмотря на охвативший животное ужас. Как только звук рога стих, Роджеро тут же узнал Брадаманту, которую он ежедневно встречал во время их заточения, но не мог узнать из-за чар, наведенных колдуном. Нет нужды описывать, с какой радостью они все узнали друг друга и принялись рассказывать, что с каждым произошло с того момента, как они расстались. Роджеро решил воспользоваться случаем и сделал Брадаманте предложение, которое она с радостью приняла, но на пути к их свадьбе оказалось одно препятствие — они были разной веры.

— Если хочешь жениться на мне, — сказала Брадаманта, — то проси, как положено, моего отца, герцога Аймона, и откажись от своего жепорока и прими христианскую веру.

Роджеро уже и сам давно собирался это сделать. Поэтому он с радостью принял все условия и сказал, что они не медля должны отправиться в аббатство Вайомброза, башни которого виднелись вдали. Они повернули своих коней в нужную сторону, и мы предоставим им самим отыскать свой путь.

Не знаю, помнят ли еще мои читатели, что в тот момент, когда Роджеро спас Анджелику от ненасытного чудовища, она положила в рот волшебное кольцо и стала невидимой. И тут же Гиппогриф сбросил уздечку и полетел к своему бывшему хозяину, чтобы занять свое привычное

место в конюшне. Там и нашел его, к своей радости, Астольфо. Видя, как на нем летал Роджеро, он тоже захотел облететь на коне весь мир и сверху посмотреть, как живут разные народы. Он слышал от Логестиллы, как управлять конем, и видел, какую она надела на его голову уздечку. Поэтому из всех уздечек, которые были в конюшне, он выбрал самую подходящую и тут же приладил на Гиппогрифа седло Рабикана. Казалось, ничто не мешало его скорому отъезду. Но тут он вспомнил, что ему нужно передать Рабикана кому-нибудь на попечение, с кем бы тот был в безопасности и кто в случае необходимости отдал бы его обратно. Пока он раздумывал, кто бы мог для этого подойти, появилась Брадаманта, расставшаяся по дороге в Вайомброзу с Роджеро, которого увели срочные дела. Поэтому она возвращалась теперь в Монтальбан, договорившись, что Роджеро приедет туда. Так своей прекрасной кузине Брадаманте Астольфо доверил и коня Рабикана, и свое золотое копье, которое бы ему только мешало во время полета. Брадаманта обещала беречь и коня и копье, поэтому Астольфо, попрощавшись, взмыл в воздух.

Среди тех, кого Астольфо спас из замка колдуна, был и Орlando. Поехав куда глаза глядят, рыцарь через день пути оказался в лесу и остановился у подножия горы. Удивленный светом, который струился из расщелины в скале, Орlando пошел на него и обнаружил на склоне горы узкий проход, который вел в большую пещеру.

Орlando привязал коня, а затем, раздвигая мешавшие идти кусты, ступая с камня на камень, достиг наконец какого-то подобия пещеры. Войдя внутрь, он увидел молодую и красивую девушку, на лице которой прочел большую тревогу. Ее единственной спутницей была старуха, грозно и возмущенно взиравшая на девушку. Учтивый паладин уважительно поприветствовал женщин и поинтересовался, что за варвар заточил их в таком месте.

Девушка ответила, то и дело всхлипывая:

— Хотя я не сомневаюсь, что после моего рассказа мужлан, который держит меня здесь, будет относиться ко мне еще хуже, поскольку эта женщина не преминет ему рассказать обо всем, но я не хочу ничего от тебя скрывать. И почему я должна бояться его гнева? Если он даже убьет меня, то о большей награде я не могу и мечтать. Меня зовут Изабелла, я дочь короля Галиции, но лучше сказать, что мои родители — несчастье и печаль. Я была молодой, богатой, скромной и тихой. Что

еще нужно было для того, чтобы моя судьба была счастливой? Но вот я здесь — нищая, униженная, несчастная и обреченная, как я думаю, на еще большие страдания. Год назад мой отец сообщил, что готовит большой турнир в Байонне, на который съехалось множество рыцарей со всех концов земли. Среди них был и Зербино, сын шотландского короля, который побеждал во всех поединках и затмил красотой и доблестью всех участников. Перед тем как покинуть галицийский двор, он сообщил о своем желании жениться на мне. Я согласилась и сказала, чтобы он просил моей руки у отца. Но я была мусульманка, а Зербино — христианин, и мой отец не дал согласия на наш брак. Принца призвал домой отец, чтобы он возглавил армию, идущую на помощь французскому императору, и принц уговорил меня выйти за него замуж тайно и уехать с ним в Шотландию. Он распорядился, чтобы мне приготовили галеру, начальником на которую он назначил Одерика, бискайца, знаменитого своими подвигами на суше и на море. В назначенный день Одерик привел галеру в то место на берегу моря, где отдыхал мой отец, и я поднялась на борт. Со мной было несколько домашних слуг, и все вместе мы покинули родину. В начале путешествия дул легкий попутный ветер, но через несколько часов разразилась буря. Непонятно, почему мы не спустили парус, и ветер понес нас на скалистый берег. Не видя другого способа спастись, Одерик посадил меня в лодку, в которую сел сам с несколькими своими людьми, держа курс к берегу. Несмотря на множество опасностей, мы все-таки достигли берега, и я, как только ощутила под ногами твердую землю, тут же упала на колени и стала благодарить Провидение за спасение. Берег, на который мы высадились, показался необитаемым. Мы не обнаружили ни жилища, где бы можно было укрыться от непогоды, ни дороги, которая бы могла привести к более уютному месту. Перед нами была высокая гора, основание которой уходило в море. Именно здесь подлый Одерик, несмотря на мои слезы и мольбы, продал меня шайке пиратов, которые сочли, что я могу стать хорошим подарком их повелителю, султану Марокко. Эта пещера — их логово, где они собираются держать меня под присмотром этой женщины до тех пор, пока у них не появится возможность увезти меня отсюда.

Не успела Изабелла окончить свой рассказ, как в пещеру вошли вооруженные люди. Увидев принца Орландо, один из них сказал:

— Какую птичку мы поймали, даже не расставляя сетей. — Затем, обращаясь к Орландо, он добавил: — Очень правильно с твоей

стороны, друг, было прийти сюда в таких роскошных латах, о которых я как раз мечтал.

— Хочешь — плати! — ответил Орlando, и с этими словами выхватил из костра огромную головню и ударил ею наглеца по голове, так что тот без признаков жизни распростерся на земле.

Посреди пещеры стоял большой стол, за которым пираты трапезничали. Орlando поднял его и швырнул в разбойников, столпившихся у входа. Половина упали с пробитыми головами и сломанными конечностями. Остальные бросились бежать так быстро, как только могли.

Оставив логово и его обитателей на волю судьбы, Орlando взял с собой Изабеллу, и они вместе путешествовали несколько дней без всяких приключений.

Однажды они увидели группу людей, которые, как казалось, вели пленника, связанного по рукам и ногам. Пленник был очень привлекательным молодым дворянином. На его охранниках были знаки принадлежности к дому графа Ансельма, который стоял во главе коварного Майнцского рода. Орlando попросил Изабеллу подождать, а сам поехал вперед, чтобы узнать, куда направляется эта процессия. Подъехав ближе, он спросил у старшего, кто этот узник и какое преступление он совершил. Тот сообщил ему, что их узник — убийца, рукой которого коварно был убит сын графа Ансельма — Пинабель. При этих словах пленник воскликнул:

— Я не убийца, я даже не был причиной его смерти.

Орlando, который знал жестокую и безжалостную натуру всех глав Майнцского рода, не нужно было дополнительных доказательств того, что перед ним — невинная жертва. Он приказал главному отпустить жертву, а услышав оскорбительный ответ, сбил его с ног ударом копья и несколькими устрашающими ударами разогнал весь отряд, оставив отметины тем, кто не успел увернуться.

После этого Орlando поспешил развязать узника и помог вернуть ему латы, которые его тюремщики успели себе присвоить. Затем он подвел его к Изабелле, которая как раз подъехала к месту событий. Как описать ту радость и изумление, с которыми Изабелла узнала в юноше своего мужа Зербино, а он — ту, которую считал давно погибшей среди волн. Они обнялись и заплакали от счастья. Разделяя с ними их ликование, Орlando тоже радовался, сознавая, что он посодержал такому счастливому исходу. Принцесса рассказала Зербино, что для нее сделал

этот знаменитый паладин. Зербино бросился к его ногам, благодаря за то, что он дважды оказался его спасителем.

Пока все обменивались словами благодарности, в подлеске послышался шум, который заставил обоих рыцарей опустить забрала и быть настороже. Но что прервало их радостную беседу, мы узнаем в следующей главе.

Медоро

В это время во Франции происходили ужасные события. Сарацины и христиане убивали друг друга в бесконечных войнах. Однажды Ринальдо напал на колонну неверных, разбил ее и рассеял и вдруг оказался лицом к лицу с рыцарем, на котором были доспехи (случайно или нет, это не имеет значения) с гербом Орландо. Это был Дардинель, молодой и отважный принц Зумары, и Ринальдо, видя, как тот сеет вокруг себя смерть, подумал: «Этот цветочек лучше вырвать сейчас, пока он не вымахал во весь рост».

Ринальдо двигался вперед, и перед ним все расступались: христиане — чтобы дать ему дорогу, а язычники — чтобы не попасть под удар его меча. Оказавшись лицом к лицу с Дардинелем, Ринальдо грозно воскликнул:

— Юноша, тот, кто дал тебе этот благородный щит, сделал тебе опасный подарок. Хочу посмотреть, как ты будешь защищать цвета этого герба — красный и белый. Если ты не сможешь этого сделать в поединке со мной, то как ты собираешься отстаивать их в поединке с Орландо?

Дардинель ответил:

— Скоро ты узнаешь, что я смогу защитить герб на моих латах и покрыть их новой славой. Никто не сможет сорвать их с меня, пока я жив.

Сказав это, Дардинель с поднятым мечом бросился на Ринальдо.

Смертельный ужас сковал души сарацин, когда они увидели, как он атакует их принца — как лев молодого бычка. Первый удар нанес Дардинель, но его оружие отскочило от шлема Мамбрино, не оставив на нем даже следа. Ринальдо усмехнулся и сказал:

— Сейчас узнаем, каков будет мой удар, — и с этими словами его жестокий меч вонзился в середину кирасы с такой силой, что проткнул тело несчастного Дардинеля и вышел из спины на целую ладонь.

Жизнь Дардинеля вытекла из раны вместе с кровью, и его тело беспомощно опустилось на землю. Как цветок, вырванный плугом из земли, вянет и опускает головку, так и Дардинель смертельно побледнел и скончался, а вместе с ним рассеялись и надежды славного народа.

Как воды, сдерживаемые запрудой, растекаются во все стороны, когда запруда прорвана, так и мавры, видя, что Дардинеля нет и им теперь не с кого брать пример, бросились врассыпную. Ринальдо, не любивший легких побед, не стал преследовать бегущего врага, он мечтал о том, чтобы вступить в поединок с отважным воином. В это же время другие паладины устроили среди мавров резню. Сам Карл, Оливье, Гвидо и Ожье Датчанин повсюду сеяли смерть в рядах противника.

Казалось, что неверные были обречены на поголовную гибель в тот день. Но мудрый король Марсилий кое-как сумел навести порядок в своих войсках. Он собрал из бегущих воинов отряд и стал организованно отступать в свой лагерь, хорошо укрепленный валами и рвами. Сюда и устремились отступающие, и вскоре в лагере собрались все остатки маврского войска.

Этой ночью император смог бы полностью разбить противника, но, не желая рисковать и бросать свое и без того уставшее войско в атаку на хорошо укрепленный лагерь, он расположил войска вокруг лагеря и приготовился к осаде. Ночью мавры смогли подсчитать свои потери. Их шатры наполнились плачем. Кто оплакивал погибшего брата, кто — друга; многие страдали от полученных ран, и все трепетали, думая о том, что судьба приготовила для них.

В лагере было два молодых мавра, оба незнатного происхождения, которые явили собой образец верности, редкий в истории человечества. Клоридан и Медоро отправились со своим принцем Дардинелем на войну с Францией. Клоридан был отважным охотником и сочетал в себе силу и энергичность. Медоро был просто молодым человеком с юношеским румянцем на щеках. Из всех сарацин ни в ком не было такой грации и красоты. Его светлые волосы только подчеркивали темные блестящие глаза. Оба друга находились в дозоре на укреплениях. Почти в полночь они в унынии осматривали поле боя. Медоро со слезами на глазах говорил о своем добром принце Дардинеле, и ему невыносима была сама мысль о том, что тело принца останется лежать, лишенное погребальных почестей.

— Мой друг, — сказал он, — неужели тело нашего принца должно стать добычей волков и воронов? Я, вспоминая, как он меня любил,

готов жизнью пожертвовать, чтобы он был погребен как подобает. Я хочу, мой друг, найти его тело на поле боя и похоронить. Думаю, что мне удастся незамеченным пройти через лагерь короля Карла, ибо, сдается мне, там все спят. Если мне не суждено будет вернуться, то ты, Клоридан, расскажешь всем, что мной двигали благодарность, которую я питаю к принцу, и верность ему.

Клоридан был удивлен и одновременно тронут преданностью юноши. Он любил его и как мог пытался отговорить его от этого предприятия. Но Медоро готов был либо выполнить задуманное, либо умереть.

Клоридан, не сумев разубедить его, сказал:

— Я тоже пойду с тобой, Медоро, чтобы помочь тебе в этом благородном деле. Мне честь дороже жизни, поэтому, мой дорогой друг, неужели ты думаешь, что я смогу жить, если с тобой что-нибудь случится? Лучше я погибну от руки нашего врага, чем скорбя оттого, что потерял тебя.

Когда юноши сменились с поста, они без сопровождающих отправились в лагерь христиан. Все было тихо, догорали костры. Не боясь атаки сарацин, уставшие за день или сморившиеся от выпитого вина воины спали вповалку посреди разложенного оружия и снаряжения. Клоридан остановился и сказал:

— Медоро, я не могу покинуть этот лагерь, не отомстив за смерть нашего принца. Будь осторожен, смотри, чтобы никто не мог неожиданно напасть на нас; я же собираюсь своим мечом прорубить дорогу через лагерь наших врагов.

Сказав это, он вошел в шатер, где спал Альфей, который всего год назад присоединился к войску Карла и считал себя великим врачом и астрологом. Однако его наука подвела его, поскольку он думал, что умрет в своей постели в преклонном возрасте, а судьба распорядилась иначе. Клоридан вонзил ему меч в сердце. Затем пали грек и немец, которые заигрались в кости. Они ожидали какого угодно расклада, но о таком и подумать не могли. Затем Клоридан обратился к несчастному Грийону, чья голова мирно покоилась на подушке. Наверное, ему снилась пирушка, с которой он только что вернулся, ибо, когда Клоридан отрубил ему голову, из раны потекло вино, смешанное с кровью.

Двое молодых мавров могли бы так же точно проникнуть и в шатер Карла Великого, но, предполагая такую возможность, его паладины разбили вокруг свои шатры и по очереди стояли в дозоре. Поэтому мавры, полагая, что в императорском окружении все сразу спать не могут, не

пошли к его шатру. Они могли бы уйти с большой добычей, но у них была другая цель. Они пересекли лагерь и наконец достигли поля битвы, где щиты, копья и мечи валялись среди тел бедных и богатых, простых воинов и принцев, конских трупов и луж крови. Ужасная картина бойни не давала им никакой надежды раньше утра найти того, кого они искали, но им помог неясный свет луны.

Медоро обратил свой взор к светилу и произнес:

— О богиня, которой наши отцы поклонялись в трех ипостасях, ты, которая имеешь власть в небесах, на земле и в преисподней, ты, которая чаще других нимф охотишься на диких зверей, прошу тебя, сделай так, чтобы я увидел то место, где лежит мой дорогой повелитель, и чтобы всю оставшуюся жизнь я мог следовать тем примерам милосердия и любви, которые он подавал.

То ли случайно, то ли в ответ на молитву Медоро облака разошлись и на землю полился лунный свет, яркий, как дневной. Лучи словно специально высветили то место, где лежал принц Дардинель. Медоро со слезами и с обливающимся кровью сердцем узнал его по гербу с красными и белыми полями на щите.

Сдерживая слезы и громкий плач, не потому, что он боялся за свою жизнь — она ему сегодня была не дорога, — а потому, что не хотел, чтобы лишний шум помешал им сотворить их благочестивое дело, он предложил своему другу унести тело Дардинеля на плечах, чтобы разделить бремя дорогих останков.

Сгибаясь под драгоценной ношей, они шли торопливо, заметив, что свет звезд меркнет и тени ночи скоро рассеются под лучами утра. И как раз в это время Зербино, которого чувство долга заставило уйти из лагеря в поисках убегающего противника, появился в лесу, где были эти юноши. Несколько рыцарей из его свиты увидели их. Клоридан, заметив воинов и видя, что они рассыпались по полю так, словно собирались ловить добычу, предложил Медоро положить тело и спастись бегством. Он снял с себя ношу, думая, что Медоро сделает то же самое, но добрый юноша слишком горячо любил своего принца, чтобы бросить его тело. Поэтому он понес его один как мог, тогда как Клоридан бежал. Рядом оказался лес, заросший так, словно в нем никогда никого, кроме диких зверей, не было. Несчастный юноша, сгибаясь под телом своего мертвого повелителя, кинулся в заросли.

Когда Клоридан остановился, подумав, что за ним никто не гонится, он вдруг обнаружил, что Медоро с ним нет.

— Как же так получилось, дорогой Медоро, что о своей безопасности я подумал, а о твоей — нет! — произнес он.

После этих слов он решил вновь вернуться туда, откуда бежал. Приблизившись к тому месту, он услышал конский топот и бряцанье оружия. Вскоре он увидел пешего Медоро в окружении воинов. Зербино, их начальник, приказал схватить его. Несчастный Медоро пытался спрятаться то за дубом, то за скалой, не выпуская из рук свою скорбную ношу. Клоридан, не зная, как ему помочь, но готовый пожертвовать своей жизнью, если Медоро будет грозить смерть, взял стрелу, вложил ее в лук и пустил в христианского рыцаря. Стрела пробила кирасу, и мертвое тело соскользнуло с коня на землю. Остальные посмотрели в ту сторону, откуда прилетела стрела. Еще один рыцарь, пытавшийся у других узнать, откуда был сделан выстрел, не успел произнести до конца свой вопрос, как вторая стрела попала ему в горло, и глаза его навсегда перестали видеть белый свет.

Зербино, разгневанный смертью двух своих товарищей, подбежал к Медоро, схватил его за золотистые кудри и потащил, чтобы убить. Но при виде столь молодого и красивого юноши у него в душе шевельнулась жалость. Он остановил свою руку, занесенную для убийства. Юноша заговорил умоляющим голосом:

— О сеньор, прошу тебя, не лишай меня жизни до тех пор, пока я не похороню тело моего повелителя. Не бойся, я не буду досаждать тебе больше никакими просьбами. Жизнь мне не дорога. Я хочу умереть сразу же, как только совершу этот священный обряд. После этого делай со мной что хочешь. Пусть мои члены станут добычей птиц и зверей, но только дай мне сначала похоронить моего принца.

Медоро произнес это с такой кротостью и нежностью, что его слова могли бы растрогать даже каменное сердце. Зербино тоже был тронут до глубины души. Он уже был готов произнести слова сострадания, как один из его подчиненных, забыв об уважении к командиру, вонзил копье в грудь молодому мавру. Зербино, возмущенный такой жестокостью, обернулся, чтобы наказать негодяя, но тот предусмотрительно исчез.

Клоридан, который видел, как упал Медоро, больше не мог прятаться. Он выскочил из своего убежища, отбросив лук, с мечом в руке, думая только о том, чтобы отомстить за смерть Медоро и умереть самому. В одну минуту он был изранен так, что ему хватило сил лишь на то, чтобы подползти к телу Медоро и умереть, обнявшись с ним. Свита

Зербино оставила тела и бросилась догонять своего командира, который, разъяренный поступком убийцы Медоро, не мог этого так оставить и уехал.

Клоридан умер, а Медоро, несмотря на то что потерял много крови, был еще жив, когда подоспела помощь.

В этот момент к павшим рыцарям подошла молодая девушка. Одетая она была как простолюдинка, но в ней было видно благородство, а красота ее была неземной. Все в ее облике свидетельствовало о доброте и добродетели. Это была не кто-нибудь, а Анджелика, принцесса Катая.

Когда, как мы уже рассказали, Анджелика вернула себе волшебное кольцо, она, зная ему цену и упиваясь той силой, которую ей давало кольцо, путешествовала повсюду, ничего не боясь и не думая больше о том, что ей может понадобиться защита графа Орландо или Сакрипанта. Она ругала себя за то, что когда-то хотела выйти замуж за Ринальдо. По правде сказать, она возгордилась так, что решила, будто на земле нет мужчины, достойного ее руки.

Движимая состраданием при виде раненого юноши и тронутая до слез услышанной историей, она вспомнила все то, чему училась в Индии, где свойствам цветов и искусству врачевания обучают даже принцесс. Прекрасная принцесса побежала на соседний луг и собрала целебные растения, способные остановить кровь. Встретив по дороге верхового, который искал сбежавшую лошадь, она упростила его доставить раненого в более безопасное место.

Анджелика перетерла растения между двумя камнями и наложила их своими прекрасными руками на рану Медоро. Лекарство вернуло немного сил раненому, который прежде, чем покинуть лес, настоял, чтобы тела его друга и повелителя предали земле. Затем, отдав себя в руки своих спасителей, он позволил, чтобы его подняли на лошадь и доставили в дом пастуха. Это был красивый деревенский дом, стоявший возле леса, и все в нем было сделано уютно и с умом. Здесь пастух жил со своей женой и детьми. Благодаря уходу Анджелики рана Медоро скоро закрылась, и он выздоровел.

О граф Ринальдо, о король Сакрипант! К чему все ваши достоинства и вся ваша слава? Помогло ли вам ваше благородство? О несчастный могущественный король Агрикан! Если бы ты восстал из мертвых, смог бы ты снести, что тебе предпочли простого, незнатного воина? А ты, Феррау, и все остальные, кто сотню раз рисковали своей жизнью

ради этой неземной красоты, как вы бы перенесли то, что она отвергла всех вас, чтобы ответить на любовь скромного Медоро?

Здесь, под низкими сводами жилища пастуха, разгорелось пламя Гименя в душе надменной принцессы. Жена пастуха стала у них посаженной матерью, а сам пастух и его дети — свидетелями, и она обвенчалась со счастливым Медоро.

После свадьбы Анджелика, желая передать Медоро все земли, которые до сих пор принадлежали ей, отправилась с ним на восток. Во все время странствий она не расставалась с браслетом, сделанным из золота и украшенным драгоценными камнями. Его подарил ей граф Орlando. Не имея ничего, чем можно было бы отблагодарить пастуха и его жену за их доброту и преданность, она сняла со своей руки браслет и отдала его им, после чего новобрачные отправились туда, где горы отделяют Францию от Испании, в надежде дожидаться в Барселоне судна, которое отвезет их на восток.

Безумие Орlando

Потеряв Анджелику, Орlando снял с себя парадные доспехи и переделался в черные, более подходящие для охватившего его отчаяния. В этом одеянии он устроил такую резню среди язычников, что обе армии дивились неизвестному рыцарю. Не участвовавший в битве Мандрикардо, услышав о неизвестном рыцаре, решил сам проверить, так ли тот хорош, как о нем говорят. Это он прервал радостную встречу Зербино и Изабеллы, когда они благодарили Орlando, который помог им обрести друг друга.

Мандрикардо несколько мгновений разглядывал их, а потом обратился прямо к Орlando со следующими словами:

— Ты, наверное, тот человек, который мне нужен. Я иду по твоему следу уже больше десяти дней. Слава о тебе привела меня сюда, ибо я хочу помериться с тобой силами. Судя по твоему шлему и доспехам, это ты устроил бойню в рядах нашего войска. Однако мне твои приметы ни к чему, я бы тебя из сотни узнал по тому, как ты орудуешь мечом.

— Я уважаю твою отвагу, — сказал Орlando, — такое желание могло родиться только у смелого и благородного человека. Если тебя привело сюда стремление видеть меня, то, будь это возможно, я показал бы тебе даже самую душу. Я подниму забрало, чтобы ты мог

удовлетворить свое любопытство, но после этого, думаю, тебе захочется проверить, соответствует ли мое умение моему внешнему виду.

— Давай! — сказал сарацин. — Мое первое желание было увидеть тебя и познакомиться с тобой. А теперь переходим ко второму.

Орландо, оглядев Мандрикардо, удивился, не заметив при нем ни меча на поясе, ни палицы, притороченной к седлу.

— Чем ты будешь биться, если сломаешь копьё? — спросил он.

— Пусть тебя это не заботит, — ответил Мандрикардо, — я многих рыцарей повергал на землю только тем оружием, которое ты видишь. Знай же, что я поклялся не носить меча до тех пор, пока не добуду себе знаменитый меч Дуриндану, которым владеет паладин Орландо. Этот меч является частью доспехов, которые сейчас на мне. Бесспорно, что меч был похищен, но как он попал в руки Орландо, я не знаю. Когда я его найду, я заставлю его дорого заплатить за это. Я ищу его также для того, чтобы отомстить за смерть короля Агрикана, моего отца, которого он коварно убил. Я уверен, что он убил его предательски, поскольку такого воина, каким был мой отец, нельзя победить в открытом бою.

— Ты лжешь! — вскричал Орландо. — И все, кто так говорит, тоже лгут. Орландо — это я. Я тот, кого ты ищешь. Да, я убил твоего отца, но это произошло в честном поединке. Смотри, вот он, меч, и ты получишь его, если окажешься достоин. Хотя он принадлежит мне по праву, я не буду пользоваться им в этом бою. Смотри, я вешаю его на дерево, и ты станешь его владельцем, только если лишишь меня жизни, и никак иначе.

После этих слов Орландо вытащил Дуриндану и повесил ее на ветку соседнего дерева. Оба рыцаря, одинаково горя негодованием, сначала разъехались, а потом поскакали навстречу друг другу, опустив поводья. Каждый нанес удар копьем, но ни тот ни другой даже не шелохнулись в седле. Их копья разлетелись в щепки, и единственным оставшимся у них оружием были обломки копий, которые они крепко сжимали в руках. Тогда оба рыцаря в железных латах вынуждены были биться палками, как мужланы, решающие спор о меже между наделами или о том, кому принадлежит родник.

В руках столь могучих бойцов и палки скоро не выдержали, и им пришлось биться на кулаках. В таком бою больше страдает тот, кто наносит удар, чем тот, кто его получает. Они боролись, как Геракл с Антеем. Мандрикардо, оказавшись более горячим, чем Орландо, бросил

поводья, чтобы выбить своего противника из седла. Более спокойный Орландо ждал этого, и одной рукой он противостоял Мандрикардо, а другой сдернул поводья с головы его коня. Сарацин тянул Орландо изо всех сил, что у него были, но Орландо как клещами сжимал ногами коня. Наконец усилия Мандрикардо привели к тому, что подпруга у Орландова коня лопнула, и всадник сполз на землю, немного оглушенный падением. Грохот доспехов так испугал коня Мандрикардо, что он, будучи без уздечки, понес, не разбирая, по кустам, камням и ямам. Конь несся что было сил вместе с хозяином, который в ярости и кричал на него, и бил его кулаками, чтобы остановить, но тем самым лишь подстегивал его стремительный галоп. Проскакав так не менее трех миль, они оказались в глубокой яме, которая прервала их путь. Никто не постелил им соломки, поэтому, хотя и с синяками, они были рады тому, что остались живы.

Оказавшись на ногах, Мандрикардо сразу схватил коня за гриву, но, поскольку уздечки не было, не смог его долго держать. Он стал оглядываться вокруг, чтобы найти хоть что-нибудь, что могло бы сойти за уздечку, и тут судьба решила ему помочь, поскольку из кустов появился крестьянин с уздечкой, который искал здесь свою сбжавшую лошадь.

Орландо быстро починил подпругу и снова сел на коня. Он ждал больше часа, не появится ли сарацин. Так и не увидев его, он начал сердечно прощаться с Зербино и Изабеллой, но те захотели отправиться вместе с ним на поиски Мандрикардо. Однако отважный паладин не хотел этого допустить. Он даже помыслить не мог о том, чтобы разыскивать соперника в сопровождении друга, которого могли бы счесть его защитником. Поэтому, попросив их передать Мандрикардо, если они его встретят, что Орландо намерен пробыть в этом лесу три дня, а потом отправиться в лагерь Шарлеманя, он снял с ветки меч Дуриндану и отправился в том направлении, куда убежал конь сарацина. Но животное от страха так петляло и путало свои следы, что после двух дней поиска Орландо решил бросить эту затею.

К середине третьего дня паладин набрел на живописный берег ручья, который, извиваясь, бежал по цветущему лугу. Высокие деревья со сросшимися кронами образовывали тенистый шатер над лесным источником и приятно смягчали дневную жару. Здесь любили останавливаться пастухи, чтобы утолить жажду и переждать полуденный зной. Наполненный цветами воздух, казалось, возвращал им силы. Несмотря на то

что на Орландо были латы, он тоже почувствовал эту свежесть. Он остановился в этом уютном лесном уголке, где, казалось, все располагало к отдыху. Однако он не мог бы выбрать для себя убежище хуже этого. Именно здесь ему суждено было провести самые несчастные минуты в своей жизни.

Он осмотрелся и отметил про себя все прелести этого места. Потом он заметил, что на деревьях вырезаны надписи, и подошел поближе, чтобы их рассмотреть. Каково же было его удивление, когда он прочел имя Анджелики. Затем он нашел имя Медоро, написанное рядом. Паладину показалось, что это ему снится. Он стоял пораженный — как птица, которая собиралась взлететь, но обнаружила, что ее лапки застряли в силках.

Орландо пошел вдоль ручья и на одном из его изгибов обнаружил подобие пещеры, образованной камнями в горе. Извивающийся плющ и дикий виноград украшали вход в нее.

Несчастный паладин, войдя в пещеру, увидел свежую надпись, которая оказалась стихами, написанными Медоро по случаю его брака с прекрасной принцессой. Орландо попытался убедить себя, что стихи воспевают какую-то другую Анджелику, а что касается Медоро, то это имя было ему незнакомо. Солнце уже садилось, и Орландо сел на коня и продолжил свой путь. Скоро он увидел крышу домика, из трубы которого шел дым. Он слышал лай собаки и мычание скота. Подъехав к этому бедному жилищу, он решил в нем переночевать. Завидев его, обитатели дома предложили ему свои услуги. Один взял коня, другой — щит и кирасу, третий — золотые шпоры. Это оказался тот дом, куда принесли раненого Медоро; дом, где Анджелика выходила его, а потом вышла за него замуж. Пастух, бывший тут хозяином, любил рассказывать историю этой любви, и не упустил случая поведать о ней во всех подробностях несчастному Орландо.

Закончив рассказ, он вышел и вскоре вернулся, неся браслет, который благодарная Анджелика оставила ему на память о себе. Это отказался тот самый браслет, который ей в свое время подарил Орландо.

Это был последний удар, сразивший несчастного паладина. Горя негодованием, он никак не мог понять, почему эта неблагодарная и жестокая принцесса отказала ему — самому знаменитому, самому непобедимому из всех паладинов Франции. Ему, кто спасал ее от самых страшных опасностей. Ему, кто ради нее решался на самые тяжелые поединки. И после всего этого она предпочла сарацина. Гордость благородного

графа была сильно задета. Возмущенный, негодующий, охваченный неуправляемым гневом, он бросился в лес, пронзительно крича.

— Нет! Нет! — восклицал он. — Я не тот, за кого меня принимают. Орlando умер. Я лишь странствующий дух несчастного графа, который сейчас переживает адские муки!

Орlando всю ночь шел через лес куда глаза глядят, и к утру судьба привела его к источнику, где Медоро вырезал роковую надпись. Увидев ее во второй раз, разгневанный паладин достал меч и соскоблил буквы с камня.

Злосчастная пещера! Больше ты не будешь привлекать своей тенью и прохладой, не придется тебе больше служить пристанищем для пастухов и их стад. А ты, свежий и чистый источник, — и тебе не избежать гнева Орlando. Он принялся швырять в ручей ветки и стволы деревьев, которые он вырывал с корнем, обломки скал, которые он откалывал, траву с корнями и землей, дерн и кусты, чтобы забить источник и испортить его некогда светлые воды. Наконец, уставший от своего неистового труда, взмокший от пота, запыхавшийся Орlando упал на землю и пролежал без чувств три дня и три ночи.

На четвертый день он поднялся и стал сдирать с себя доспехи. Он скинул шлем и отбросил щит, стал рвать и швырять в разные стороны кольчугу и одежду, и их клочья разнесло по лесу. В конце концов он совсем помешался, причем его безумие было столь сильным, что он не пощадил даже меч. Но ему не нужны были ни Дуриндана, ни доспехи, чтобы являть настоящие чудеса. Ему хватало и недюжинной силы. Одним рывком он вырвал с корнем сосну. Потом он без разбора стал выдергивать из земли все, что ему попадалось на пути: дубы, березы, тополя, — и скоро весь древний лес стал напоминать опушку возле болота, где птицеловы расставляют свои силки. Пастухи, услышав страшный шум в лесу, бросив свои стада, побежали посмотреть, что происходит. Либо несчастливая звезда, либо грехи привели их сюда. Им бы бежать при виде человека, обладающего такой силой, в гнев. Но от страха они не могли соображать, и безумный Орlando хватал их и разрывал на части с такой легкостью, словно отряхивал яблоки с дерева. Схватив одного из них за пятку, он стал размахивать им как дубиной. Пастухи бросились бежать, и вряд ли бы им это удалось, но тут безумец набросился на их стада. Крестьяне, побросав плуги и бороны, залезли на коньки крыш и вершины скал, боясь забираться на дубы и сосны. С высоты они с трепетом смотрели на то, что творит гнев несчастного Орlando.

Руками, зубами, ногтями, ногами он хватал, раздирал и терзал коров, овец и свиней. Только самым быстроногим животным удалось спастись.

Когда наконец все от ужаса разбежались, он вошел в один из домов, который покинули обитатели, и нашел себе немного еды. Долгое время голодавший, он вдруг почувствовал страшный аппетит и принялся хватать все, что было съедобно, — коренья, желуди, хлеб, сырое и вареное мясо, и все это не глядя глотал.

Снова выйдя из дому, обезумевший Орландо стал гоняться за всем, что только могло двигаться. Ему было все равно, кто перед ним: люди или животные. Иногда он нападал на оленей и ланей, иногда — на вепрей и волков. Он убивал их голыми руками, разрывал на части и пожирал их плоть.

Так он бродил от одного места к другому по всей Франции, постоянно рискуя жизнью, но Провидение всегда странным образом спасало его. Но теперь мы должны покинуть Орландо, чтобы узнать, что случилось с Зербино и Изабеллой после того, как мы с ними расстались.

Принц и его прекрасная невеста по просьбе Орландо оставались в течение трех дней недалеко от места поединка, чтобы в случае, если Мандрикардо вернется, сказать ему, где и когда Орландо хочет встретиться с ним повторно. Через три дня они забеспокоились и отправились на поиски Орландо. Его следы привели их в тот лес, где деревья были исписаны именами Анджелики и Медоро. Они заметили, что эти надписи кто-то пытался уничтожить, и увидели, как была обезображена пещера и забит мусором источник. Но что их озадачило и расстроило больше всего, так это найденные ими латы Орландо и его шлем, который некогда принадлежал знаменитому Альмонту. Услышав конское ржание, Зербино повернулся и увидел Брильядору, уздечка которого все еще лежала на луке седла. Он принялся искать Дуриндану и увидел знаменитый клинок лежащим неподалеку на траве без ножен. Он нашел также куски других доспехов и обрывки одежды Орландо, разбросанные по всей поляне.

Зербино и Изабелла стояли в немом удивлении и печали, не зная, что думать, и вряд ли догадываясь о том, что произошло на самом деле. Если бы на доспехах или клочьях одежды была кровь, можно было бы подумать, что Орландо убит, но они ничего подозрительного не обнаружили и оставались в полном неведении, пока не появился молодой деревенский паренек, который хотя и трясся все еще от того, что увидел, сидя на вершине скалы, поведал им все о печальных событиях.

Зербино с глазами, полными слез, бережно собрал разбросанные доспехи. Изабелла тоже слезла с лошади, чтобы помочь ему в этом невеселом деле. Когда они собрали целиком все дорогое снаряжение, то повесили его как трофей* на сосну, а чтобы прохожие не тронули его, сделали приписку: «Это доспехи паладина Орландо».

Отдав эту дань уважения Орландо, только они вновь сели на коней, как появился рыцарь и спросил, что значит этот трофей. Принц Зербино рассказал обо всем, что произошло, и Мандрикардо, а это был именно он, бросился к сосне, схватил меч Орландо и сказал, что никто его за это не осудит, поскольку меч должен принадлежать ему, и что он берет свое там, где видит, и добавил:

— Совершенно ясно, что Орландо, боясь продолжать со мной поединок, притворился безумным, чтобы под благовидным предлогом вернуть мне меч.

Зербино пылко воскликнул:

— Не прикасайся к мечу и не думай завладеть им без боя. Если это правда, что на тебе доспехи Гектора, значит, ты добыл их нечестным путем, а не доблестью оружия.

И тут же они устремились друг на друга в невероятной ярости. Воздух наполнился лязгом и звоном. Зербино благодаря ловкости и осмотрительности поначалу уворачивался от ударов Дуринданы, но в конце концов пропустил страшный удар, который пришелся ему в шею. Он упал на землю, а татарский царь со своей добычей ускакал прочь.

Зербино и Изабелла

Больше, чем от полученной раны, Зербино страдал оттого, что татарский царь уехал с мечом, но он потерял столько крови, что не мог подняться и остался лежать там, где упал. Изабелла, которая не знала, куда бежать за помощью, лишь плакала над ним и сетовала на свою тяжкую долю. Зербино сказал:

— Если бы я мог оставить тебя, моя любимая, в каком-нибудь безопасном месте, мне не страшно было бы и умереть, но одна мысль, что я покидаю тебя без защиты, печалит меня.

* Имеется в виду обычай древних греков развешивать доспехи поверженного противника как знак победы.

Она ответила:

— Даже не думай покидать меня, мой ненаглядный, — наши души никогда не расстанутся. Твой меч поможет мне последовать за тобой.

Последние слова Зербино, однако, заставили ее отказаться от этой мысли, и она решила жить и помнить о нем. Изабелла со слезами клялась быть верной ему до конца жизни.

Когда он перестал дышать, Изабелла закричала так, что ее голос услышал почтенный отшельник, который сразу поспешил к ней. Он стал успокаивать и утешать ее, просил уповать на Господа и наконец убедил ее всю оставшуюся жизнь посвятить вере.

Поскольку она даже помыслить не могла о том, чтобы оставить тело своего мужа, то с помощью отшельника его положили на коня и отвезли к ближайшему жилищу, где удалось сделать гроб, в котором тело можно было перевозить. Отшельник собирался проводить свою спутницу в монастырь, который находился на расстоянии всего нескольких дней пути. Там Изабелла решила провести остаток своих дней. Так они ехали день за днем, выбирая самые глухие дороги, поскольку вся местность кишела вооруженными людьми. Однажды путь им преградил рыцарь. Им оказался Родомонт, король Алжира, который только что покинул лагерь Аграманта, разгневанный приемом, который ему оказала Доралиса. Увидев красивую даму и ее благочестивого спутника, а с ними коня, который вез зашитую в черное ношу, он спросил, куда они идут. Изабелла рассказала ему о своем горе и о том, что решила оставить мир и всю оставшуюся жизнь посвятить вере и памяти друга, которого потеряла. Родомонт презрительно рассмеялся и сказал, что ее намерения абсурдны, что ее красота должна радовать других, а не прятаться за стенами монастыря и что он сам готов заменить ее друга. Монах, который вмешался, чтобы прекратить этот нечестивый разговор, был тут же прерван, а когда он снова попытался возразить, рыцарь схватил его и швырнул со скалы в море. Там бедный монах утонул.

Родомонт, избавившись от отшельника, снова обратился к молодой даме, не помнившей себя от страха, и стал признаваться ей в любви, называя ее своим сердцем, своей жизнью, своим светочем. Оставив свою грубость, он смиренно умолял ее пойти с ним в его убежище, находящееся неподалеку. Это оказалась разрушенная часовня, которую покинули монахи, гонимые лихолетьем, и которой завладел Родомонт. Изабелла, которой оставалось лишь повиноваться, последовала

за ним, размышляя, как бы сбежать и соблюсти клятву верности своему погибшему супругу. Наконец она произнесла:

— Если, мой господин, ты позволишь мне уйти и исполнить мой обет и мое желание, о котором я уже говорила, то я дам тебе то, что дороже ста женских сердец: я знаю такую траву, — и я заметила ее по пути, — которая, если ее правильно приготовить, даст такой сок, что если натереть им тело, то ни меч, ни огонь не причинят ему вреда. Я хочу сегодня приготовить этот эликсир, и ты, убедившись в его волшебных свойствах, будешь доволен больше, чем если бы тебе подарили всю Европу.

Родомонт, услышав это, сразу пообещал выполнить все, о чем она просила, — так велико было его желание стать таким же неуязвимым, каким некогда был Ахилл. Изабелла нарвала без разбору каких-то трав, затем сварила их, совершив над ними тайные заклинания, и, наконец, объявила, что зелье готово, и вызвалась проверить его свойства на себе. Она намазала себе шею и грудь этим варевом, а затем предложила Родомонту ударить ее изо всех сил мечом и посмотреть, сможет ли он ее ранить. Язычник, который, пока она готовила зелье, не раз прикладывался к вину и уже не очень хорошо соображал, что делает, вынул меч и ударил девушку в шею, снеся ее прекрасную голову с белоснежных плеч.

Несмотря на всю свою грубость и бесчувственность, этот рыцарь-язычник стал горько плакать, сожалея о содеянном. В память о девушке он решил совершить нечто, что могло бы сравниться с ее подвигом верности любимому. Отовсюду он созвал рабочих, которые возвели вокруг часовни башню, а в ней сделали гробницу, в которой и погребли тела Зербино и Изабеллы. Через речку, которая текла рядом, он построил мост не больше двух ярдов шириной, на котором не было ни перил, ни ограждения. На вершине башни был поставлен страж, который при приближении кого-нибудь к мосту должен был извещать об этом своего хозяина. Тогда Родомонт выходил и предлагал прибывшему рыцарю сойтись в поединке на мосту, который был так узок, что любой случайный шаг в сторону грозил падением в реку. Он поклялся охранять мост до тех пор, пока у него не окажется тысяча доспехов побежденных рыцарей, чтобы он мог создать из них трофей в память о его несчастной жертве и ее муже.

Через десять дней мост был готов, но башня еще строилась. И за это время многие рыцари, искавшие короткую дорогу либо жаждавшие приключений, пытались пройти по мосту, но все без исключения теряли здесь или доспехи, или жизнь, или и то и другое вместе. Одни погибали

от копья Родомонта, другие падали в воду. Однажды, когда Родомонт стоял, подгоняя своих рабочих, на мосту появился охваченный безумием Орландо. Родомонт крикнул ему:

— Стой, деревенщина! Не смей ступить на этот мост — он не для таких, как ты, сделан!

Орландо не обратил внимания на эти слова и двинулся по мосту. В этот момент подъехала благородная дама. Это была Флорделида, которая разыскивала Флорисмарт. Несмотря на странный вид человека на мосту, она признала в нем Орландо. Родомонт, который не привык, чтобы его словами пренебрегали, схватил безумца, но, к своему удивлению, почувствовал, что сам оказался в объятиях, из которых непросто освободиться. «Откуда у дурака столько сил?» — процедил он сквозь зубы. Флорделида остановилась, чтобы посмотреть, что будет дальше. На ее глазах два могучих воина пытались сбросить друг друга с моста в воду. Наконец Орландо поднял противника, одетого в доспехи, над собой и уже было бросил его, но не успел освободиться сам от захвата противника, и они оба полетели в воду. От их падения побежали высокие волны. Здесь у Орландо появилось преимущество: он был гол и плавал как рыба. Вскоре он вылез из воды и, безразличный к похвалам и ругани, даже не остановился, а пошел дальше. Родомонт из-за тяжести лат с трудом выбрался на берег. Пока он барахтался в воде, Флорделида спокойно прошла по мосту.

После долгих странствий она наконец вернулась в Париж и здесь нашла то, что искала. Флорисмарт после падения Альбракки тоже вернулся сюда. Радость встречи была омрачена известием Флорделиды об ужасной судьбе Орландо, который, как она видела, упал с Родомонтом в реку. Флорисмарт, любивший Орландо как брата, решил немедленно в сопровождении девушки отправиться на поиски Орландо, чтобы доставить его куда-нибудь, где бы он мог получить надлежащее лечение. Через несколько дней они оказались у моста, который сторожил татарский царь. Как обычно, прозвучал вызов, который был принят, и рыцари стали съезжаться, чтобы схватиться друг с другом на мосту. При первом же столкновении оба коня упали и, так как мост был узок, не смогли снова встать. В результате кони полетели в воду вместе со своими всадниками. Родомонт, который знал реку, вскоре уже был на берегу, а Флорисмарта течение отнесло вниз, где он с трудом выбрался на берег, который оказался болотом. Флорделида, наблюдавшая за поединком с моста, видя тяжелое положение Флорисмарта, воскликнула:

— Ах, Родомонт, ради любви к той, которой ты таким образом отдаешь дань, сжался надо мной и не убивай этого рыцаря. Пусть он лишь отдаст свои доспехи для твоего трофея, и поверь, более славных доспехов у тебя еще не было.

Ее разумные речи и мольба дошли до сердца язычника, которого трудно было тронуть, и он протянул руку увязшему в грязи рыцарю и помог ему выбраться на твердую землю. Однако он пленил его, а доспехи добавил к своему трофею. Флорделида с тяжелым сердцем удалилась.

Теперь мы должны вернуться к Роджеро, с которым мы расстались, когда новое дело помешало ему добраться до монастыря и принять крещение, чтобы жениться на Брадаманте. На обратном пути он встретился с Мандрикардо, и у них опять разгорелся спор о том, имеет ли тот право носить доспехи с гербом Гектора. После жаркого спора они решили, что их должен рассудить король Аграмант, для чего они отправились в лагерь сарацин. Там они повстречали Градассо, у которого тоже был спор с Мандрикардо. Этот воин претендовал на меч Орландо, не признавая право на него Мандрикардо, который утверждал, что подобрал меч, брошенный хозяином. Король Аграмант напрасно старался примирить спорщиков и наконец признал, что спор нужно решать поединком с одним из претендентов, на кого укажет судьба. Жребий выпал биться Роджеро одновременно и за себя и за Градассо. Начались великие приготовления к поединку. В назначенный день он состоялся на глазах Аграманта и всего его войска. Победил Роджеро, и Мандрикардо, который добыл себе доспехи Гектора, выстоял против Орландо и убил Зербино, на сей раз расстался с жизнью. Градассо получил в качестве награды Дуриндану, которая теперь была уже не так ему дорога, поскольку была добыта не им, а другим рыцарем.

Роджеро хотя и одержал победу, был тяжело ранен и много недель пролежал, не вставая, в лагере Аграманта, в то время как Брадаманта, не зная об этом, напрасно ждала его в Монтальбане, где он обещал появиться через пятнадцать, ну в крайнем случае через двадцать дней, надеясь за это время с почетом уйти со службы сарацинского полководца. Прошли двадцать дней, потом еще месяц, но не было ни Роджеро, ни вестей о том, почему он задерживается. Наконец один странствующий рыцарь поведал ей о славном поединке и о тяжелом ранении Роджеро. Он сказал также — и это больше всего взволновало Брадаманту, —

что за Роджеро ухаживает молодая и красивая женщина-воин по имени Марфиса и все войско ждет, что, как только рыцарь поправится, будет их свадьба.

Опечаленная такими новостями Брадаманта хотя и поверила им только наполовину, решила отправиться в путь и сама во всем удостовериться. Она села на Рабикана — коня, принадлежавшего Астольфо, которого тот оставил на ее попечение, а также взяла золотое копьё брата, правда не догадываясь о его волшебном свойстве. Снарядившись, она поскакала в сторону Парижа, где стояло войско сарацин.

Марфиса, чье отношение к раненому Роджеро вызвало ревность Брадаманты, была его сестрой. Она, как и Роджеро, воспитывалась колдуном Атлантом с самого раннего детства, но еще ребенком ее выкрало арабское племя. Взятая в семью вождя, она рано научилась скакать на коне и владеть оружием. В лагере Аграманта она появилась с единственной целью — увидеть и испытать отвагу и удаль воинов из обоих лагерей, особенно тех, слава о которых распространилась по всему свету. Прибыла она как раз во время последнего поединка. Имя Роджеро и те подробности его истории, которые ей удалось узнать, заставили ее предположить, что победитель в поединке — ее родной брат. Дальнейшие расспросы не оставили сомнений в их кровном родстве, и с этого момента Марфиса полностью посвятила себя уходу за своим вновь обретенным братом.

Роджеро рассказывал ей наедине то, что ему удалось узнать от Атланта о родителях. Их отец, тоже Роджеро, был христианским рыцарем и завоевал сердце Галасиеллы, дочери африканского султана и сестры Аграманта. Он обратил ее в христианскую веру и тайно женился на ней. Султан, разгневанный поступком дочери, отправил ее мужа в ссылку, а ее саму с малолетними детьми, Роджеро и Марфисой, посадил в лодку и пустил ее плыть по воле ветра и волн. Вот из этой лодки их и спас чародей Атлант. Услышав это, Марфиса воскликнула:

— Как ты допустил, брат, что наши родители так долго остаются неотмыщенными и как ты можешь служить сыну тирана, который так надругался над ними?

Роджеро ответил, что всю правду он узнал совсем недавно, когда уже был на службе у Аграманта, от которого получил рыцарское звание, и что он лишь ждет удобного момента, чтобы с честью оставить службу и вернуться в веру своих родителей. Марфиса приветствовала его решение и сообщила, что хочет принять христианство вместе с ним.

Мы оставили Брадаманту, когда она, сев на Рабикана и вооружившись копьем Астольфо, отправилась в путь, желая сама узнать причину долгого отсутствия Роджеро. Однажды ей встретилась девушка с благородными манерами, красивая, но очень печальная. Это была Флорделида, искавшая рыцаря, который смог бы освободить ее господина и отомстить за него. Флорделида заметила приближавшегося воина и по его внешнему виду решила, что это как раз тот, кто ей нужен.

— Любезный рыцарь, — сказала она, — хватит ли у вас отваги и доброты, чтобы сразиться за меня со злобным и жестоким воином, который пленил моего мужа, а меня заставил странствовать и просить о милости?

Тут она рассказала, что произошло на мосту. Брадаманта, которая всегда была готова совершить благородное дело, с радостью согласилась и в тот же момент почувствовала, что Роджеро для нее потерян навсегда.

На следующий день обе девушки прибыли к мосту. Страж заметил их приближение и сообщил об этом своему господину, который облачился в латы и выехал навстречу. Как обычно, он сказал, чтобы первый всадник оставил своего коня и доспехи как жертвоприношение гробнице. Брадаманта спросила, по какому праву он заставляет невинных расплачиваться за свое преступление. При этом она добавила:

— Твоя жизнь и твой доспех будут самым лучшим приношением на ее гробницу, а я, женщина-воин, возьму и то и другое.

С этими словами она взяла копье наизготовку, пришпорила коня и поскакала навстречу противнику. Король Родомонт поспешил к ней. Поединок продолжался всего мгновение: золотое копье сделало свое дело, и грозный мавр, снискавший громкую славу на турнирах, лежал, распластавшись на мосту.

— Ну, и кто из нас проиграл? — спросила Брадаманта.

Однако Родомонт, потрясенный тем, что его одолела женщина, не мог и не хотел отвечать. Молчаливый и печальный, он поднялся и удалился, велел, правда, одному из оруженосцев освободить всех пленников. Они были давно отправлены в Африку. Среди пленников помимо Флорисмарта были Сансонне и Оливье, оказавшиеся у моста в поисках Орlando и оба потерпевшие поражение в поединке.

Брадаманта, одержав победу, отправилась в лагерь христиан, и в положенное время прибыла туда. В лагере она скоро узнала тайну, которая породила в ней столько неприятных мыслей. Роджеро и его красивая

и отважная сестра Марфиса были настолько известны, что о них любили поговорить даже в стане противника. Поэтому Брадаманта даже без лишних расспросов вскоре знала все, что ей хотелось.

Вернемся теперь к Градассо, которого победа Роджеро сделала обладателем Дуринданы. Ему теперь оставалось только найти коня Ринальдо и довести до конца их поединок, который Малагиги прервал с помощью магии. Градассо искал встречи с Ринальдо, и тот не заставил себя долго ждать. Поскольку поединок шел за обладание Баярдом, они решили биться пешими. Бой длился очень долго, и Ринальдо, знакомый с тем, какими опасными бывают удары Дуринданы, делал все, чтобы отразить их или уклониться от них. Градассо замахивался изо всех сил, но меч рассекал только воздух, а те редкие удары, что достигали цели, приходились плашмя и не причиняли вреда.

Так они бились довольно долго, не сводя друг с друга глаз, как вдруг их внимание привлек странный шум. Они обернулись и увидели, что на Баярда напала какая-то чудовищная птица. Может, это была и не птица, но она казалась таковой, а о том, где они водятся, мне удалось прочитать только в книге Турпена. Я считаю, что это была все-таки не птица, а злой дух, вызванный из преисподней заклинаниями Малагиги, который должен был прервать поединок. Было ли чудовище духом или птицей, не важно, только оно налетело прямо на Баярда и стало бить его крыльями по морде. Из-за этого жеребец вырвался и как бешеный понесся по долине, преследуемый птицей. Наконец он добежал до леса и скрылся там из виду.

Ринальдо и Градассо, видя, что Баярд сбежал, договорились продолжить поединок после того, как конь найдется. Градассо сел верхом и поскакал по следам Баярда в лес. Раздосадованный Ринальдо остался на месте, поскольку Градассо обещал вернуться, если найдет коня. После долгих поисков он его действительно нашел, ибо ему повезло, и он услышал лошадиное ржание. Так он стал обладателем двух сокровищ, ради которых он со своей армией покинул родину и вторгся во Францию. Он не забыл об обещании вернуть Баярда туда, где они расстались с Ринальдо. Но он все время повторял себе: «Я его заполучил. Ринальдо плохо меня знает, если думает, что я сам отдам ему коня. Если Ринальдо хочет вернуть коня, пусть отправляется в Индию и ищет его там, как я искал его во Франции». Повторяя эти слова, он поспешил в Арль, где стоял его флот. Там, обладая заветным мечом и конем, он приказал флоту поднять паруса, и его корабли отплыли на родину.

Астольофо в Абиссинии

Когда мы последний раз видели жаждущего приключений паладина Астольофо, он только начинал свое путешествие по всем странам мира, от которого хотел получить массу удовольствия. Наши читатели знают, что ни орел, ни сокол не летают так быстро, как Гиппогриф, на котором летел Астольофо. Поэтому, держа путь на юго-восток, он в скором времени оказался в той части Африки, где берет свое начало великая река Нил. Там он приземлился и оказался неподалеку от столицы Абиссинии, которой правил Сенап, чьи богатства и могущество были неописуемым. Его дворец отличался бесподобной роскошью. Даже засовы, петли и замки на воротах были сделаны из золота. Нужно сказать, что в этой стране золото использовали там, где у нас применяется железо. Очень часто для украшения там берется горный хрусталь, из которого делают все колонны. Различные драгоценные камни — рубины, изумруды, сапфиры и топазы — используются в орнаментах зданий, стены и потолки которых украшаются жемчугами.

Именно в этой стране производятся знаменитые благовония, которые кое-где встречаются в Иудее, в той местности, которая называется Гилеад. Это родина мускуса, серой амбры и различных смол, которые так высоко ценятся в Европе. Говорят, что султан Египта платит монарху этой страны большую дань, чтобы тот не перекрыл Нил, что вполне в его силах, и не заставил его течь в другом направлении, тем самым лишив Египет источника плодородия.

К моменту прибытия Астольофо этот монарх находился в большой тоске. Несмотря на несметные богатства и все то, что производила его страна, ему грозила смерть от голода. Он был жертвой стаи отвратительных птиц, называемых гарпиями. Каждый раз, когда он садился есть, эти твари налетали на него и хватали, рвали и разбрасывали когтями все, что было на столе, переворачивали сосуды, пожирали еду, а все остальное оскверняли своим гадким прикосновением. Говорят, что это было наказанием королю за то, что в молодости, возгордившись, он дерзнул вторгнуться со своей армией в райский уголок земли, расположенный на вершине горы, с которой берет свое начало Нил. Но это было не единственным его наказанием. Ко всему прочему, он еще и ослеп.

Прибыв во владения этого монарха, Астольофо поспешил засвидетельствовать ему свое почтение. Король Сенап встретил его очень радушно и распорядился, чтобы в его честь был устроен роскошный пир.

Когда все гости уселись за стол и Астольфо занял почетное место по правую руку от короля, послышались ужасные крики гарпий, которые принялись кружить над столами, хватая еду с блюд и переворачивая все ударами своих широких крыльев. Тщетно гости пытались поразить их ножами и тем оружием, которое у них было. Астольфо выхватил меч и стал наносить этим существам удар за ударом, но безрезультатно — словно их тела были сделаны из пакли.

Наконец Астольфо вспомнил о своем роге. Сначала он предупредил короля и его гостей, чтобы они заткнули уши, а затем затрубил в рог. Испугавшиеся его звука гарпии улетели так быстро, как только их несли крылья. Паладин, оседлав Гиппогрифа, стал их преследовать, трубя в рог всякий раз, как оказывался вблизи них. Птицы направились к горе, у подножия которой была пещера, считавшаяся входом в преисподнюю. В нее, как к себе домой, и влетели эти птицы. Завидев, что они скрылись внутри, Астольфо не стал их преследовать дальше, а спешил и огромными валунами и стволами деревьев завалил вход в эту пещеру. После этого никто и никогда не видел, чтобы они летали.

Совершив этот подвиг, Астольфо освежился, искупавшись в источнике, чистые и прозрачные воды которого струились в расщелине между камней. Отдохнув немного, он захотел взобраться на эту гору. Гиппогриф быстро донес его до вершины, которая оказалась совершенно плоской.

Посреди нее стоял прекрасный дворец, стены которого сияли так, что этого блеска не выдержали бы глаза ни одного смертного. Астольфо направил крылатого коня к чудесному зданию и некоторое время изучал дворец и его окрестности. Казалось, что природа и искусство соревновались между собой, чтобы лучше его украсить.

Приблизившись к дворцу, Астольфо увидел, что к нему направляется почтенного вида человек, чтобы его поприветствовать. Он был одет в долгополые белоснежные одежды, а на его плечах была алая мантия, свисавшая до самой земли. Белая борода доставала ему до пояса, а волосы такого же цвета лежали на плечах. Его глаза так сияли, что Астольфо показалось, что он мог бы быть жителем небесной обители.

Добродушно улыбаясь, мудрец смотрел на паладина, спешившегося в знак уважения, а потом произнес:

— Благородный рыцарь, знай же, что ты божественным промыслом оказался в этом земном раю. Твоя смертная сущность не смогла бы подняться на такую высоту и достичь этой обители блаженных, если бы

это не было угодно Небесам, которые хотят научить тебя, как помочь Карлу и отстоять славу нашей святой веры. Я готов дать тебе необходимые советы, но позволь сначала пригласить тебя немного отдохнуть. Я думаю, что тебе не помешает перекусить после такого долгого путешествия.

Вид почтенного человека привел паладина в восхищение, но его удивление исчезло, когда он узнал, что это тот из апостолов Господа нашего, которому Он сказал: «Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду»*.

Святой Иоанн подвел Астольфо к остальным. Там были патриарх Енох, пророк Илия, все они не умерли, а были взяты из нижнего мира в горний, чтобы пребывать в мире и радости посреди вечной весны до тех пор, пока не будет провозглашен конец света.

Трое жителей земного рая встретили Астольфо с большой теплотой. Отвели его в прекрасные покои и позаботились о Гиппогрифе, дав ему пищу, к которой он привык, а Астольфо угостили такими фруктами, что тот сразу простил наших предков за то, что они совершили грех, вкусив от них без позволения.

Силы вернулись к Астольфо не только благодаря этим прекрасным плодам, но и потому, что ему удалось хорошо выспаться и подняться с первыми лучами солнца. Как только он вышел из своих покоев, он сразу же встретился с нашим возлюбленным апостолом, который уже разыскивал его. Святой Иоанн взял его за руку и поведал ему многое из того, что было и что будет. Помимо всего прочего, он сказал:

— Сын мой, позволь мне сказать, что сейчас происходит во Франции. Орlando, известнейший принц, который при рождении получил столько силы и отваги, сколько не было дано ни одному смертному, поднявшийся, как древний Самсон, и ставший защитником истинной веры, проявил самую низкую неблагодарность, позволив себе оставить лагерь христиан, когда тот больше всего нуждался в его помощи и оружии, и броситься за сарацинской принцессой, на которой он хотел жениться, хотя она и пренебрегла им. В наказание у него был отнят разум, поэтому он бегаёт голый по всей земле, по горам и долам, совершенно безумный. Наказание ему было отмерено длиной в три месяца, и поскольку этот срок уже истекает, ты был доставлен сюда, чтобы узнать, как можно вернуть разум Орlando. Да, тебе придется вместе со мной совершить путешествие, причем нам предстоит покинуть землю и подняться на луну,

* Иоанн 21:22.

поскольку именно там мы найдем лекарство против безумия паладина. Хочу, чтобы мы отправились в путь сегодня вечером, как только луна появится над нашими головами.

Едва солнце опустилось за море и луна явила свой сияющий диск, святой появился на колеснице, которую он использовал для путешествия среди звезд, и была она точь-в-точь такой, на какой поднимается в небо пророк Илия. Святой помог Астольфо сесть рядом с ним, взял вожжи, что-то сказал рысакам, и те понесли его вверх с невероятной быстротой.

Наконец они достигли большого континента луны. Ее поверхность была сделана из блестящей стали, но кое-где были пятна, словно бы от ржавчины, не такие яркие. Паладин был поражен тем, что земля со всеми ее морями и реками выглядит такой маленькой на большом расстоянии.

В этом новом для него краю принц обнаружил реки, озера, равнины, холмы и луга. Много красивых городов и замков украшали ландшафт. Он видел также бескрайние леса и слышал в них звуки рога и лай собак, из чего он сделал вывод, что это нимфы заняты охотой.

Удивляясь всему увиденному, рыцарь последовал за святым в долину, поразившую его своим изобилием. Удивляться было чему, поскольку в эту долину попадало все то, что растрчивалось на земле либо по вине человека, либо по велению времени и случая. Речь идет не о королевствах и не о сокровищах. Они все — игрушка в руках фортуны, которые она раздаст, вращая свое колесо. Мы говорим о вещах, которые судьба не может ни дать, ни отнять. Такие, как репутация: о человеке, бывшем притчей во языцех, через какое-то время никто и не вспомнит. Здесь были также бесчисленные обеты и молитвы, произнесенные, чтобы получить невозможное, вздохи и слезы влюбленных, время, потраченное на игры, одевание, безделье и пустой отдых, намерения ленивых, беспочвенные задумки, интриги и заговоры — вот этим всем и была заполнена долина.

Астольфо не терпелось понять смысл всего того, что он увидел. Среди прочего его внимание привлекла высокая гора из надутых пузырей, откуда доносились невнятные шумы. Святой объяснил, что это династии ассирийских и персидских царей, которые когда-то считались чудом на земле, а теперь оказались забыты.

Астольфо не смог сдержать смех, когда святой сказал ему:

— Все эти крючья из серебра и золота — дары подхалимов своим князьям в надежде получить взамен что-нибудь более существенное.

Он также показал ему гирлянды цветов, в которых были скрыты силки, — это лезть и низкопоклонство, за которыми скрывается ложь. Но смешнее всего были кузнечики, разрывавшие свои легкие стрекотанием.

— Это, — пояснил святой, — сонеты, оды и посвящения, написанные продажными поэтами в адрес великих людей.

Паладин посмотрел на то, что казалось лужицей сбежавшего молока.

— Это, — сказал святой, — благотворительность, совершенная испуганными скрягами на смертном одре.

Чтобы перечислить все, что было в долине, нам потребуется много времени. Там в изобилии были и низость, и жеманство, и ложные добродетели, и скрытые пороки.

Среди всего этого Астольфо разглядел и свои бесцельно прожитые дни и необдуманные поступки, о которых он предпочел бы не вспоминать. Среди всех этих растрат самой большой была потеря того, что, как считают люди, у них в изобилии и о чем они никогда не просят в молитве. Это здравый смысл. Этот товар находился здесь в виде летучей жидкости, готовой в любой миг испариться. Поэтому она хранилась в плотно закрытых сосудах. На одном из таких фиалов было написано: «Разум паладина Орlando».

Все бутылочки были подписаны, и одну из них святой дал прямо в руки Астольфо. Приглядевшись, тот понял, что это его собственная бутылочка. Она была заполнена больше чем наполовину. Он был удивлен, обнаружив фиалы с умом тех, кто считался мудрым человеком. Как, оказывается, легко потерять разум! Одни лишаются его, поддаваясь страстям, другие — преодолевая бури и невзгоды в поисках богатства, третьи — доверяясь своему сердцу по пустыкам. Как можно было догадаться, фиалы с умом астрологов, изобретателей, метафизиков и, конечно, поэтов были полны до краев.

Астольфо взял свою бутылочку, поднес ее к носу и вдохнул все ее содержимое. Турпен уверяет нас, что впоследствии Астольфо долгое время вел себя как мудрый человек. Но, как замечает архиепископ, похоже, что часть драгоценной жидкости снова оказалась в фиале. Паладин взял также бутылочку, которая принадлежала Орlando. Она была достаточно большой и почти полной.

Прежде чем покинуть область планет, Астольфо был отведен к зданию, которое стояло на берегу реки. Ему показали огромный зал, заполненный тюками шелка, льна, хлопка и шерсти тысячи разных оттенков.

Среди них были яркие и матовые и совсем черные. В одном углу зала сидела старуха и скручивала нити из этих куделей. Когда она заканчивала свою работу, появлялась еще более древняя старуха и относила моток к остальным. Третья женщина пряла, выбирая нити различных оттенков. Паладин спросил, что все это значит. Святой ответил:

— Эти старухи — Парки, которые ткут, отмеряют и обрывают нить жизни смертных. Пока нить в мотке не закончилась, смертный может наслаждаться светом дня. Но природа и смерть не дремлют и закрывают глаза тех, чья нить в мотке закончилась.

На каждом мотке были бирки из золота, серебра или железа с именем того, кому он принадлежит. Быстрый и проворный, несмотря на годы, старик беспрестанно бегал, набирал в фартук эти бирки и выбрасывал их в воду реки, которая называлась Лета. Подбежав к берегу, старичок опускал свой фартук, и бирки падали на дно реки. Часть их какое-то время оставались на плаву, но таких было не больше одной из тысячи. Бесчисленные птицы: ястребы, вороны и стервятники — кружились над рекой с громкими криками и пытались вытащить из воды бирки с именами, но бирки оказывались слишком тяжелыми для этих птиц, и те, подхватив, тут же роняли их в реку забвения. Но два белоснежных лебедя вытащили несколько таких бирок и вернулись с ними к берегу, где прекрасная нимфа взяла их из клювов и отнесла в храм, который стоял на вершине холма. Там она положила их навечно в священную колонну, на которой стояла статуя Бессмертия.

Астольфо был потрясен увиденным и попросил своего проводника все ему объяснить. Тот ответил:

— Старик — это Время. Имена останутся бессмертными, только если старик не выбросит бирки с ними в реку забвения. Шумные птицы, которые безуспешно пытаются сохранить некоторые бирки, всего лишь лъстецы, нахлебники и продажные рифмоплеты, которые стараются спасти от забвения имена их никчемных патронов. Но все тщетно: они лишь ненадолго могут отсрочить их судьбу, ибо река забвения все равно поглотит их. Лебеди, которые с гармоничными звуками относят некоторые имена в храм Вечной Памяти, — это великие поэты, спасающие от забвения, которое хуже смерти, тех, кто, по их мнению, достоин бессмертия. Такие лебеди встречаются очень редко. Пусть монархи отличают эту породу и заботятся о ней, если случится так, что они появятся в их эпоху.

Война в Африке

Когда Астольфо опустился на землю с драгоценным фиалом, святой Иоанн показал ему растение с волшебными свойствами, которым нужно было только коснуться глаз короля Абиссинии, чтобы он вновь обрел зрение.

— Оказав ему эту услугу, — сказал святой, — после того, что ты уже освободил его от гарпий, ты побудишь его дать тебе армию, чтобы с ней ударить в тыл африканцам и заставить их вернуть свои войска из Франции для защиты своего собственного дома.

Он также рассказал ему, как безопасно провести войско через огромные пустыни, где даже караваны иногда погибают под тучами песка. Астольфо поблагодарил святого за многочисленные советы, получил его благословение и снова сел на Гиппогрифа, чтобы лететь в равнинную страну.

Ориентируясь на Нил, он вскоре прибыл в столицу Абиссинии и нашел Сенапа. Король несказанно обрадовался, когда вновь услышал голос героя, который избавил его от гарпий. Астольфо прикоснулся к его глазам растением, принесенным из земного рая, и зрение вернулось. Благодарность короля была безграничной. Он потребовал назвать награду и обещал дать ее, какой бы она ни была. Астольфо попросил себе армию, с которой можно было бы отправиться на помощь Шарлеманю, и король не только предоставил ему сто тысяч человек, но и вызвался возглавить их.

В ночь накануне выступления армии Астольфо сел на крылатого коня и отправился к горе, откуда появляется южный ветер, поднимающий пески Нубийской пустыни и закручивающий их в огромные облака. Паладин, следуя совету святого Иоанна, захватил с собой кожаный мешок, который он ловко приладил горлышком к тому месту, откуда появляется этот ужасный ветер. С первыми солнечными лучами ветер стал подниматься из пещеры, чтобы заняться своей обычной дневной работой, и был пойман в мешок, который Астольфо надежно завязал. Довольный своей добычей, он вернулся к армии, возглавил ее, и марш начался. Абиссинцы без всяких трудностей пересекли огромные пространства песка, которые отделяют их страну от королевств Северной Африки, ибо у пойманного южного ветра сил теперь хватало на то разве, чтобы задуть свечу.

Сенап был опечален, что не смог предоставить кавалерию, поскольку его страна, богатая верблюдами и слонами, совсем не имела лошадей.

Святой предвидел эту трудность и научил Астольфо, как с ней справиться. Теперь Астольфо воспользовался этими советами. Достигнув места, откуда открывался вид на большую долину и море, он выбрал из своего войска тех, кто был умнее и сноровистей других. Разбив их на эскадроны и построив у подножия горы, Астольфо сам поднялся на нее для осуществления своего грандиозного плана. На вершине он нашел большое количество щебня и гальки. Он стал сбрасывать их со склона горы, и камни, по мере того как катились вниз, увеличивались в размере, у них появлялись туловище, ноги и узкая морда. Затем они начали ржать, скакать, носиться по всей долине. Одни лошади были гнедые, другие чалые, третьи — в яблоках. Воины у подножия горы ловили лошадей, причем делать это было нетрудно, поскольку благодаря чуду на лошадях были предусмотрены и сбруя и седла. Так в распоряжении Астольфо оказался прекрасный кавалерийский корпус численностью не менее (как сообщает архиепископ Турпен) восьмидесяти тысяч. С этой армией Астольфо подчинил себе всю страну и вскоре появился под стенами столицы Аграманта, которая называлась Бизерта, и осадил ее.

Теперь мы должны вернуться к лагерю Шарлеманя, который был разбит неподалеку от Арля, куда отступили сарацины, потерпев поражение в ночной атаке, которой командовал Ринальдо. Аграмант получил известия о том, что в его страну вторгся новый противник — абиссинцы и что Бизерта может оказаться в их руках. Он собрал совет из своих командиров и решил отправить посольство к Карлу с предложением разрешить их конфликт, выставив по одному воину с каждой стороны. Пусть они сойдутся в поединке, и от его исхода будет зависеть, кто кому платит выкуп, и на этом война должна закончиться. Шарлемань, не зная о благоприятных для него событиях, которые произошли в Африке, сразу же согласился, и Ринальдо был назначен поединщиком со стороны христиан.

Сарацины выбрали для поединка Роджеро, которого в лагере сарацин удерживала только честь, ибо разум его уже открылся для принятия христианской веры, согласившись с доводами Брадаманты. Поэтому он готов был покинуть лагерь неверных и присоединиться к христианам при первой возможности. Но его честь не позволяла ему этого сделать, пока его бывшие соратники находились в опасности. Так в ожидании проходили его дни, и он был несказанно удивлен, когда услышал, что его назначили на поединок, в котором он должен отстаивать дело сарацин против христиан, и что его противником будет Ринальдо, брат Брадаманты.

Пока Роджеро приходил в себя от этого известия, Брадаманта тоже впала в глубокое отчаяние, услышав о предстоящем поединке. Если погибнет Роджеро, она больше никому не отдаст своего сердца, а если Небеса решат наказать Францию в лице ее защитника, то Брадаманте придется оплакивать своего горячо любимого брата и навсегда расстаться с возлюбленным.

Пока прекрасная девушка предавалась этим грустным мыслям, перед ней неожиданно появилась волшебница Мелисса.

— Ничего не страшись, дочь моя! — сказала она. — Я найду способ прервать поединок, который тебя так печалит.

Тем временем Ринальдо и Роджеро готовились к сражению. Поскольку выбор оружия был за Ринальдо, тот решил, что бой будет пешим с применением только боевых топоров и кинжалов. Местом поединка должно было стать поле между лагерем Шарлеманя и стенами Арля.

Не успел еще заняться день, как герольды уже начали отмерять границы ристалища. Вскоре из города выступили африканские войска. Впереди был Аграмант в блестящих доспехах, украшенных, как было принято у мавров. Он восседал на гнедом коне с белой звездочкой на лбу. Роджеро шел сбоку от него в окружении лучших воинов из сарацинского стана, которые несли его доспехи и оружие. Шарлемань, со своей стороны, покинул укрепления, выстроил войска полукругом и стоял в окружении своих пэров и паладинов. Некоторые из них несли доспехи Ринальдо. Знаменитый Ожье Датчанин нес шлем, который Ринальдо взял у Мамбрино. Герцог Баварский Намо и Соломон Бретонский держали два топора, одинаковые по весу, изготовленные по этому случаю.

Обе стороны с особой торжественностью поклялись соблюдать условия поединка. Было решено, что если одна из сторон предпримет попытку помешать поединку, то оба поединщика обращают свое оружие против той стороны, которая нарушила условия. Оба монарха согласились с тем, что боец, представляющий нарушившую правила сторону, освобождается от своих обязательств перед ней и волен перейти в стан противника.

Когда все приготовления были закончены, монархи и их свиты вернулись к своим войскам, и поединщики остались один на один. Два витязя прошли заранее отмеренное расстояние навстречу друг другу и сошлись посредине. Они одновременно обрушились друг на друга, и воздух загудел от их ударов. От боевых топоров летели искры, зрители были поражены, с какой сноровкой они осыпали друг друга ударами.

Роджеро, ни на миг не забывая, что перед ним брат его невесты, не мог нанести смертельную рану. Он лишь отбивал те удары, которые направлялись против него. Ринальдо же, наоборот, хоть и высоко ценил Роджеро, но на удары свои сил не жалел, поскольку искренне стремился победить ради себя, ради своей страны и ради своей веры.

Сарацины вскоре поняли, что их боец сражается слабо и не наносит Ринальдо столь же сильных ударов, какие получает от него. То, что он уступает, было настолько очевидно, что на лице Аграманта можно было прочесть тревогу и стыд. Мелисса, которую можно назвать самой умной из всех когда-либо живших волшебниц, улучила момент и приняла образ грубого и горячего Родомонта, который в то время отсутствовал в лагере сарацин. Подойдя к Аграманту, она сказала:

— Как же неблагоприятно ты поступил, повелитель, выставив молодого, неопытного рыцаря против одного из самых лучших воинов Франции! Уверен, что ты не подумал о славе своего оружия и о судьбе своей империи! Но еще не поздно. Разорви скорее договор, который может привести тебя только к поражению. — Сказав это, она обратилась к воинам, которые стояли рядом: — Друзья! За мной! Под моим началом каждый из вас будет стоять десятка этих жалких христиан.

Аграмант, обрадованный появлением Родомонта на своей стороне, дал свое согласие, и сарацины в один миг схватили свои копья, пришпорили коней и поскакали на французов. Мелисса, убедившись, что ее уловка удалась, исчезла.

Ринальдо и Роджеро, видя, что перемирие нарушено и обе армии готовы начать бой, остановили поединок, их воинственный пыл мгновенно утих, и они решили не принимать участия в битве ни на чьей стороне до тех пор, пока не поймут, кто первым нарушил договор. Оба повторили свое обещание покинуть ту сторону, которая поступила вероломно.

Тем временем христиане, оправившись от неожиданности, встретили сарацин с отвагой, которая лишь удвоилась из-за вероломства их врагов. Гвидо Дикий, брат и соперник Ринальдо, сыновья Оливье Грифон и Аквилан, чьи имена уже многократно воспевались в стихах, отбили атаку сарацин и после яростной сечи заставили их укрыться за стенами Арля.

Теперь мы вернемся к Орландо, которого мы оставили творящим насилие за насилием в своем безумном неистовстве. Однажды путь ему преградила река. Он переплыл ее, поскольку плавал, как выдра, и на

другом берегу увидел крестьянина, который поил коня. Несмотря на сопротивление хозяина, Орlando вскочил на коня и бешено гнал его до тех пор, пока не достиг морского побережья, где Испания отделяется от Африки узким проливом. Появившись на берегу, он увидел отчаливший корабль, на палубе которого толпился народ. В руках у всех были стаканы, и, похоже, они пили за расставание с землей, а кораблик весело плыл, подгоняемый попутным ветром.

Безумный Орlando закричал, чтобы они остановились и взяли его на борт. Но люди, не желая, чтобы в их компании оказался сумасшедший, не ответили на его просьбу. Паладин, который не мог снести такого обращения, загнал лошадь тумачами в море и заставил ее плыть за кораблем. Несчастное животное скрылось в воде по самую морду, но раз Орlando захотел, то коню пришлось везти его в Африку.

Вскоре Орlando потерял корабль из виду: расстояние и морские волны не давали его увидеть. Он заставлял коня плыть вперед до тех пор, пока тот не выдохся и не погрузился на дно морское. Орlando это несколько не смутило, он принялся грести своими сильными руками, выдохами разгоняя воду и держа голову над волнами. К счастью, море было спокойным, иначе непобедимый Орlando обязательно бы погиб. Однако не зря говорится, что дуракам везет, поэтому и в этот раз фортуна спасла его, и он выбрался на берег недалеко от Сеуты. Он долго шел по берегу, пока не набрел на лагерь, разбитый чернокожей армией Астольфо.

Случилось так, что перед его приходом, не зная о присутствии абиссинской армии, сюда пристал корабль с узниками, которых Родомонт пленил на мосту, и тут пленники и их конвой быстро менялись местами. Счастливые пленники обрели свободу, а сторожа отправились гребцами на галеры. Поэтому Астольфо быстро оказался в окружении христианских рыцарей, но не успел он обменяться приветствиями с друзьями, как в лагере послышался шум, нараставший с каждой минутой.

Астольфо и его соратники взяли оружие, сели на коней и поскакали туда, где раздавался шум. Представьте себе удивление Астольфо, когда он увидел, что вся суматоха вызвана одним-единственным человеком, который был абсолютно наг и черен от грязи и солнца. При этом он обладал такой силой и был так неистов, что опрокидывал всех, кто пытался остановить его.

Астольфо, Дудон, Оливье и Флорисмарт уставились на него в изумлении. Хоть и с трудом, но они его все-таки узнали. Астольфо, которому было известно о тяжком состоянии Орlando от святого, узнал его

первым. Когда паладины обступили его, он принялся молотить их кулаками с такой силой, что, не будь они в доспехах или будь у него в руках оружие, им бы пришлось туго. И так Дудон и Астольфо остались лежать на песке. Но тут Флорисмарт обхватил его сзади, а Сансонне и кто-то еще схватили его за ноги, и наконец общими усилиями его удалось связать веревками. Орlando отвели к морю и сначала хорошо вымыли. После этого Астольфо завязал ему рот так, чтобы он мог дышать только через нос, взял драгоценный фиал, открыл и поднес ему прямо под ноздри. Орlando вдохнул все содержимое фиала за один раз. О чудесное лекарство! Паладин мгновенно пришел в себя и вернул себе разум. Он чувствовал себя так, словно очнулся от ночного кошмара, в котором ему виделись чудища, желавшие разорвать его на куски. Он был смирен, молчалив и сконфужен и удивился, увидев себя обнаженным, связанным и лежащим на берегу моря. Через какое-то время он узнал своих друзей и заговорил с ними так приветливо, что они поспешили развязать его и принести ему одежду. Затем они стали утешать его, уговаривая приободриться и постараться забыть о том ужасном состоянии, в котором он пребывал.

Орlando, вновь обретя разум, избавился также и от своей привязанности к принцессе Катая. Его сердце вздрагивало теперь не при воспоминании о ней, а от желания поскорее совершить подвиг и вернуть себе былую славу. Астольфо готов был передать ему командование армией, но Орlando отказался, не желая отнимать славу у друга. В остальном у них не было никаких разногласий, они привыкли во всем советоваться друг с другом. Они договорились провести общую атаку на Бизерту и стали ждать подходящего момента, когда их планы нарушили новые события.

Аграмант понес такие потери в кровавой битве, разгоревшейся после того, как было нарушено перемирие, что счел бессмысленным оставаться во Франции. Поэтому вместе с Собрино, самым храбрым и самым верным из своих вождей, он решил вернуться домой, отправив в обратный путь остатки своих войск. Корабль, который вез Аграманта и Собрино, подошел к берегу там, где стояла лагерем у Бизерты армия Астольфо. Обнаружив это, Аграмант приказал капитану держать курс на восток, поскольку он надеялся найти убежище у короля Египта. Но погода испортилась, и он по совету своих спутников высадился на небольшой остров, лежащий между Сицилией и Африкой. Там он нашел Градассо, воинственного короля Сериканы, который вернулся из Франции, завладев Баярдом и Дуринданой, и теперь добирался к себе домой.

Короля, бывшие союзниками под стенами Парижа, нежно обнялись. Градассо с сожалением узнал о невзгодах, обрушившихся на Аграманта, и предложил ему в помощь себя и свои войска. Он не советовал обращаться в Египет за помощью.

— Вспомни о великом Помпее *, — сказал он, — и забудь про этот берег. Мой план состоит в следующем: я хочу вызвать Орlando на поединок. Владея таким мечом и скакуном, я одолею Орlando, будь он даже сделан из стали и бронзы. Избавившись от него, мы легко одолевем абиссинскую армию. Мы поднимем против них мусульман по другую сторону Нила, арабов, персов и халдеев, что заставит Сенапа вернуть армию, чтобы защитить свою родную землю.

Аграмант одобрил это предложение во всем, кроме одного.

— Это я должен сразиться с Орlando и по соображениям чести не уступлю это дело другому.

— Давайте поступим иначе, — сказал старый воин Собрино. — Я не хочу оставаться простым зрителем поединка. Лучше отправим на берег Африки трех оруженосцев и вызовем Орlando и любых двух его соратников и сойдемся с ними в тройном поединке на острове Лампедуза.

Совет был принят, немедля были отправлены три оруженосца, которые передали предложение христианским рыцарям.

Орlando был рад вызову и щедро одарил оруженосцев. Он был полон решимости найти Градассо и заставить его вернуть Дуриндану, которой тот завладел. Своими спутниками для двух других поединков он выбрал верного друга Флорисмарта и его кузена Оливье.

Три рыцаря сели на корабль и поплыли с попутным ветром. На следующее утро справа от них показался остров, где должны были состояться поединки. Орlando и два его спутника сошли на берег и разбили шатер. Аграмант поставил свой шатер напротив.

На следующее утро, как только Аврора подсветила края горизонта, воины с обеих сторон вооружились и сели на коней. Они заняли свои позиции друг против друга, опустили копья, вставили их в упор, прищипорили коней, и каждый поскакал навстречу своему противнику. Орlando встретил атаку Градассо. Паладин даже не шелохнулся, но его

* Знаменитый полководец и политик Помпей Великий Гней (106—48 гг. до н. э.) возглавлял борьбу против Юлия Цезаря, стремившегося к единовластию, и проиграл ему решающее сражение при Фарсале, после чего бежал в Египет, где был убит по приказу царя Птолемея XIII, не желавшего ссориться с Цезарем.

конь не выдержал ужасного удара Баярда. Он присел, зашатался и, попятившись, упал. Орlando попытался поднять его, но не смог. Тогда он взял щит и вытащил из ножен свой знаменитый меч Балисардо. Тем временем Аграмант и отважный Оливье бились в равном бою, а Флорисмарт сумел выбить из седла короля Собрино. Заставив своего противника спешиться, он не стал биться до полной победы, а поспешил к Градассо, который поверг Орlando. Видя, что они сошлись в бою, Орlando не стал вмешиваться, а с поднятым мечом бросился к Собрино и одним ударом лишил его чувств и обездвижил. Сочтя его мертвым, он поспешил на помощь своему любимому Флорисмарту. Этот отважный паладин и конем и оружием уступал своему противнику и мог лишь отражать удары или уклоняться от ужасной Дуринданы. Орlando, желая ему помочь, немного замешкался, лоя и оседлав коня короля Собрино, а затем с поднятым мечом поскакал на Градассо. Тот, раздосадованный появлением второго противника, вызвал его на бой и ударил своим мечом. Однако он неверно рассчитал расстояние, и меч только коснулся кольчуги противника, не проткнув ее. Орlando, в свою очередь, ударил мечом Балисардо, который, опускаясь, ранил Градассо в лицо, грудь и бедро, а если бы тот был чуть ближе, то рассек бы его надвое. В это время Собрино пришел в себя и, хотя был тяжело ранен, встал на ноги и осмотрелся, решая, как помочь своим друзьям. Видя, что Аграмант уступает Оливье, он вонзил свой меч в брюхо коня Оливье. Конь упал, подмяв под себя своего хозяина. Нога рыцаря оказалась захлестнута, и он никак не мог освободиться. Флорисмарт, увидев, что друг в опасности, смял своим конем Собрино и обрушился на Аграманта. Между ними шел бой на равных, ибо, хотя Аграмант и сидел на Брильядоро, который был лучше простого коня Флорисмарта, он не мог биться в полную силу, поскольку был серьезно ранен Оливье.

Но самым яростным был поединок между Орlando и Градассо. Дуриндана в руках Градассо разрубала все, на что обрушивалась, но Орlando, зная, какую опасность представляет собой это оружие, искусно уклонялся от ударов. Тем временем Градассо, получивший множество ран, истекал кровью; его ярость и неосторожность росли с каждой минутой. В отчаянии он взял меч двумя руками и нанес сильнейший удар по шлему паладина, на мгновение оглушив его. Орlando выпустил поводья из рук, и испуганный конь понес его по лугу. Градассо бросился было за ним вдогонку, но увидел, что Флорисмарт готовится нанести

смертельный удар Аграманту, сброшенному с коня. Когда Флорисмарт, уже уверенный в победе, занес свое оружие, подъехавший Градассо вознил ему меч в бок. Флорисмарт упал с коня, орошая землю кровью.

Как раз в тот момент, когда это свершилось, Орlando пришел в себя. Охваченный гневом и печалью, он, вознеся яростно Балисардо, ударил Аграманта, который оказался ближе, и снес ему голову с плеч. При виде случившегося храбрость впервые покинула Градассо, и он почувствовал близость смерти. Он уже не смог защититься, когда Орlando обрушил на него свое оружие. Меч попал ему под ребро и на ладонь вышел с другой стороны.

Так под ударом меча самого известного паладина Франции пал самый отважный воин сарацинского войска. Словно презрев свою победу, Орlando спрыгнул с лошади и побежал к своему другу Флорисмарту, обнял его и залился слезами. Флорисмарт еще дышал. Он смог даже сказать несколько слов на прощанье:

— Дорогой друг, не забывай меня, молись за меня и... стань братом Флорделиде.

Произнеся ее имя, он скончался.

Превозмогая печаль, Орlando осмотрелся, ища своего второго спутника и погибших врагов. Оливье лежал, придавленный лошадью, тщетно пытаясь выбраться из-под нее. Орlando с большим трудом освободил его. Затем он поднял с земли Собрино и, бережно неся, передал его оруженосцу так, как если бы это был его собственный брат. Этот грозный воин отличался беспримерным милосердием к поверженному врагу. Он взял Баярда и Брильядоро, а также гербы побежденных рыцарей. Все остальное снаряжение и тела погибших он оставил их слугам.

Кто может описать горе Флорделиды, когда она не увидела среди вернувшихся воинов Флорисмарта и он не подбежал к ней, как делал всегда при возвращении. По выражению лиц пришедших она поняла, что его убили. От одной этой мысли она лишилась чувств, не успев даже задать вопрос. Когда она пришла в себя и узнала, что ее самые мрачные предчувствия оправдались, она стала бранить себя за то, что дала ему уехать без нее.

— Я бы могла своим криком спасти его от этого коварного удара или броситься между ним и противником, чтобы отдать свою ничтожную жизнь за него. Но если бы я даже не спасла его, то смогла бы услышать его последние слова и поцеловать его в последний раз.

Так она плакала, и никто не мог ее успокоить.

Роджеро и Брадаманта

После того как поединок с Ринальдо, о котором мы уже рассказывали, был прерван, Роджеро не знал, как ему поступить. Условия поединка требовали, чтобы он оставил Аграманта, нарушившего договор, и перешел к Шарлеманю. Кроме того, его любовь к Брадаманте подсказывала, что так и нужно поступить. Однако нежелание оставлять своего суверена и принца в тяжелый для него час не позволило ему этого сделать. Поэтому, сев на корабль, отплывающий в Африку, он решил отправиться в армию сарацин. Но этому не суждено было случиться, поскольку поднялась буря и корабль налетел на скалы. Команда попрыгала в лодку, но ее тоже скоро поглотили волны, и Роджеро вместе с остальными вынужден был спасаться вплавь. Преодолевая волны, Роджеро подумал, что это грех — так долго откладывать свое обращение в христианство, и поклялся самому себе, что если он выберется на землю и спасется, то сразу же окрестится. Его клятва была услышана, и он спасся. Он выбрался на берег, где ему на помощь сразу же пришел благочестивый отшельник, чья обитель находилась рядом с морем. От него Роджеро принял крещение, проведя предварительно несколько дней в его обществе, деля с ним его скромную пищу и слушая наставления в христианской вере.

Пока все это продолжалось, Ринальдо, который разыскивал Градассо, чтобы вернуть себе Баярда, услышал про великие дела, творившиеся в Африке. Он прибыл слишком поздно и смог лишь оплакать с друзьями смерть Флорисмарта и порадоваться за их победу над сарацинскими рыцарями. После смерти своего короля африканцы перестали сопротивляться, Бизерта пала, и христианским рыцарям осталось только распустить свое войско и вернуться домой. Астольфо попрощался со своей абиссинской армией и отправил ее назад, отягощенную богатой добычей. При этом он не забыл отдать мешок, в котором были заключены ветры, и войско вновь без приключений пересекло пустыню, а мешок был открыт только тогда, когда они были уже недалеко от родного дома.

Орландо вместе с Оливье, который нуждался в помощи хирурга, и Собрино, которому оказывалось должное внимание, сели на быстроходное судно, отправлявшееся на Сицилию. С ними же находилось тело Флорисмарта, которое Орландо собирался похоронить в христианской земле. Так же как Сансонне и другие христианские воины, Ринальдо

присоединился к ним. По прибытии на Сицилию состоялись похороны с соблюдением всех правил и религиозных обрядов. Флорисмарта оплакивали все, кто знал его или слышал о его заслуженной славе. Затем все снова отправились в путь, держа курс на Марсель. Однако рана Оливье не закрывалась, ему становилось все хуже, и его страдания очень печалили друзей, которые стали совещаться, что им предпринять. Тогда слово взял капитан:

— Неподалеку есть остров, на котором посреди моря в одиночестве живет святой отшельник. Говорят, что каждый, кто попадет сюда, не уйдет от него без помощи. Он готовит чудесные лекарства, и если обратиться к этому святому человеку, то он обязательно вылечит рыцаря.

Орландо велел капитану держать курс на этот остров, и скоро судно стало на якорь около одинокой скалы. Рыцаря бережно перенесли в лодку, и команда переправила его к жилищу отшельника. Это был тот самый отшельник, у которого после кораблекрушения нашел приют и крестился Роджеро. Он и сейчас пребывал здесь, проводя время в изучении религии и в раздумьях.

Святой человек радушно встретил Орландо и его спутников и спросил, зачем они пожаловали. Узнав, что им нужна помощь для человека, который пострадал за христианскую веру и терпит мучения от полученной раны, он сейчас же принялся его лечить. Лекарства его были просты, но действие их усиливалось возносимыми им молитвами. Вскоре *паладин перестал чувствовать боль, а через несколько дней нога его была почти в порядке. Собрино, увидев чудо, сотворенное монахом, тут же забыл о своем лжепророке и с легким сердцем обратился к истинному Богу. Он попросил, чтобы его немедленно окрестили. Отшельник исполнил его просьбу и молитвами вылечил и его. Христианские рыцари были рады его обращению в христианскую веру так же сильно, как они радовались выздоровлению Оливье. Больше всех был рад Роджеро, вера и благочестие которого росли день ото дня.*

Роджеро был известен многим христианским рыцарям, но даже Ринальдо не знал его в лицо, хотя и бился с ним в поединке. Собрино их познакомил, и каково же было ликование всех, когда они узнали, что человек, знаменитый своей доблестью и учтивостью, перестал быть язычником и их врагом, а сделался защитником веры. Все столпились около рыцаря, стараясь пожать ему руку или обнять. Особенно радовался Ринальдо, который лучше всех знал, чего стоит Роджеро.

Прошло немного времени, и Роджеро поведал своему другу о желании соединить свою судьбу с его сестрой, и Ринальдо тут же согласился на помолвку. Однако неведомые паладину силы уже воздвигали препятствия на этом пути.

Весть о славе, красоте и доблести Брадаманты достигла ушей греческого императора Константина, который направил Шарлеманю просьбу отдать племянницу за его сына и наследника престола Льва. Ее отец, герцог Аймон, решил не давать согласия, не посоветовавшись с Ринальдо, который пока отсутствовал.

Наши воины тем временем готовились к путешествию. Роджеро тепло попрощался с добрым отшельником, который научил его истинной вере. Орlando вернул Роджеро коня и доспех, которые по праву принадлежали ему, и даже не захотел оставить у себя меч Балисардо, который он честно добыл у колдуньи.

Получив благословение отшельника, все сели на корабль. Корабль плыл быстро, и вскоре уже показался Марсель.

Астольфо, распустив свои войска, сел на Гиппогрифа и за один перелет оказался сначала над Сардинией, потом над Корсикой, а затем, немного повернув влево, пролетел над Провансом и приземлился недалеко от Марселя. Здесь он сделал то, что ему поручил святой: он снял с Гиппогрифа сбрую и отпустил его на все четыре стороны, освободив навсегда от седла и уздечки. Рог потерял все свои волшебные свойства после посещения луны.

Астольфо оказался в Марселе в тот же день, когда туда прибыли Орlando, Ринальдо, Оливье, Собрино и Роджеро. Карл уже прознал о поражении сарацинского короля и о том, что произошло после этого. Когда ему доложили о приближении славных рыцарей, он отправил им навстречу самых знатных особ, а сам с остатками двора, королями, герцогами, пэрами, королевой и множеством красивых дам выехал из Арля для торжественной встречи.

Обменявшись взаимными приветствиями, Орlando и его друзья выставили вперед Роджеро и представили его королю. Они сказали, что он — сын Роджеро, герцога Рисы, и один из самых славных христианских воинов, которого по воле злого рока выкрали и воспитали в ложной вере среди сарацин. Но сейчас Божьим провидением он обрел новую веру и готов занять место своего отца среди самых отважных защитников трона и церкви.

Роджеро спешил и склонился в почтительной позе перед императором. Шарлемань попросил его снова сесть на коня и ехать рядом

с ним. Триумфально и празднично кавалькада тронулась назад к городу. Улицы были украшены гирляндами цветов, с домов свешивались дорогие гобелены, а цветы дождем сыпались на головы победителей из рук дам и молодых девушек с каждого балкона и из каждого окна. При всеобщем ликовании император проехал к королевскому дворцу, где много дней он праздновал со своими вельможами, и не было конца турнирам, веселью, танцам и песням.

Когда Ринальдо сказал своему отцу, герцогу Аймону, что он обещал свою сестру Роджеро, отец возмутился, поскольку в душе уже видел дочь замужем за сыном греческого императора. Ее мать, Беатрис, тоже просила дочь отказать безродному рыцарю и стать женой того, кто делает ее императрицей великого Леванта. Но Брадаманта, которой чувство долга не позволило сразу отвергнуть просьбу матери, не смогла обещать то, к чему не лежало ее сердце, и в ответ только вздохнула. Когда же она осталась одна, из ее глаз полились слезы.

Тем временем Роджеро, возмущенный тем, что кто-то хочет украсть у него невесту, решил найти греческого принца и вызвать его на поединок. Для этого он надел доспехи, но вместо своих геральдических знаков взял белого единорога на кровавом поле. Он выбрал надежного оруженосца и, потребовав, чтобы тот не называл его Роджеро, отправился в путь. Он пересек Рейн, потом австрийские графства, потом Венгрию и по берегу Дуная достиг Белграда. Перед городом он увидел императорские стяги и белые шатры, в которых было полно воинов. Дело в том, что император Константин осадил город, чтобы освободить его от вторгшихся туда болгар.

Между лагерем императора и войском болгар протекала река, и как раз в то время, когда там появился Роджеро, произошла стычка между греками и болгарами за водоем. Греков оказалось в четыре раза больше, и они отогнали болгар стремительной атакой. Увидев это, Роджеро, движимый ненавистью к греческому принцу, врезался в середину отступающих и приказал им остановиться. Первым делом он по дорогим доспехам высмотрел предводителя греков, оказавшегося племянником императора, которым тот дорожил так же, как своим сыном. Копье Роджеро пронзило его щит и доспехи, и бездыханный воин упал на землю. Он сразил еще одного воина, и греки от изумления и страха остановились, тогда как болгары, воодушевленные подвигом рыцаря, сплотились, повернулись и бросились догонять убежавших греков. Принц Лев был далеко от этого места, но с высокого холма видел в подробностях, как

резко изменилась судьба боя по воле одного-единственного человека. Он не мог не изумиться отваге и умению, с которыми это было сделано. По геральдическим знакам он понял, что рыцарь не принадлежит к болгарской армии, хотя и помогает ей. Несмотря на то что честь принца пострадала, он не испытывал ненависти к незнакомцу, поскольку восхищение в нем пересилило гнев. К этому времени греки вновь оказались у реки и, преодолевая ее вброд или вплавь, бежали, оставляя в руках болгар много пленных. Роджеро, узнав от пленных, что принц Лев находится недалеко, вниз по течению реки, поскакал туда, но принц успел перебраться на другой берег и разрушить за собой мост. День подходил к концу, и уставший Роджеро стал искать ночлег. Он нашел небольшую хижину, лег там и вскоре крепко уснул. Случилось так, что некий рыцарь, лишь чудом избежавший смертельного удара Роджеро, тоже решил остановиться здесь на ночь. Увидев герб, он понял, кто перед ним, быстро связал спящего и утром доставил его в цепях к императору. Потом его показали сестре императора Теодоре, матери молодого рыцаря, который пал под ударом копья Роджеро. Она отправила его в темницу, а сама стала придумывать смерть, которая была бы достаточно мучительной, чтобы удовлетворить ее чувство мести.

Брадаманта тем временем, стремясь освободиться от слишком назойливой опеки родителей, попросила Шарлеманя выполнить ее желание, на что тот согласился и даже дал свое королевское слово. Просьба ее состояла в том, чтобы ее не принуждали к браку, пока не найдется жених, который одолеет ее в поединке. Тогда император объявил о проведении турнира, сказав:

— Тот, кто хочет жениться на дочери герцога Аймона, должен выступить с мечом против этой дамы и биться с рассвета и до заката, и если за это время он не будет побежден, то дама достанется ему.

Герцог Аймон и герцогиня Беатрис хотя и были недовольны тем, как обернулось дело, привезли свою дочь ко двору и стали ждать дня, на который был назначен турнир. Брадаманта, не находя того, кого любила всем своим сердцем, терзала себя догадками, почему его нет. Самой мучительной для нее оказалась мысль о том, что он уехал, чтобы привыкнуть жить без нее, ибо он знал, что ее отец и мать были против их женитьбы, и боялся это оспорить. Но как бы заняло девичье сердце, если бы она узнала, что в это время испытывал ее суженый!

Его бросили в темницу, куда не проникал солнечный свет, где он вынужден был страдать от оков и получать самую скудную и грубую

пищу. Нет ничего удивительного в том, что в сердце его поселилось отчаяние, и он стал мечтать о смерти как об избавлении от страданий. Но однажды ночью (или днем, поскольку и днем и ночью для него было одинаково темно) его разбудил свет факела, и он увидел, как два человека вошли в его узилище. Это был принц Лев со своим слугой, который пришел, как только ему стала известна печальная судьба этого храброго рыцаря, чью отвагу он, восторгаясь, видел на поле боя.

— Рыцарь, — сказал он, — твоя доблесть настолько пленила меня, что я готов пожертвовать своей безопасностью, чтобы помочь тебе.

— Бесконечно благодарю тебя, — ответил Роджеро, — жизнь, которую ты мне даришь, я готов вернуть тебе по первому зову и обязуюсь всегда служить тебе.

Тогда принц назвал себя и увидел, как волна противоречивых чувств охватила Роджеро. Пленник получил свободу, ему вернули коня и доспехи.

Тем временем шли слухи о том, что король Карл объявил, что тот, кто хочет получить руку Брадаманты, должен сразиться с ней мечом и копьем. Это новость опечалила греческого принца, поскольку он знал, что в бою уступает ей. После недолгих раздумий он решил воспользоваться услугами французского рыцаря, чье имя ему было пока неизвестно, и выставить его вместо себя биться с Брадамантой. Такое предложение повергло Роджеро в отчаяние. Однако для него хуже смерти было отказать своему спасителю в самой первой его просьбе. Слишком поспешным оказалось обещание Роджеро сделать все, о чем его попросит принц Лев. Им овладело горькое отчаяние, но он скорее бы принял смерть, чем изменил своему обещанию. Ему казалось, что лучше бы ему погибнуть. Но как это сделать? Он уже начинал представлять, что станет для виду сопротивляться Брадаманте и легко позволит ее мечу пронзить его тело, ибо нет более желанной смерти, чем от руки любимой. Но это ему тоже не подходило, ибо, если он не добьется девушки для греческого принца, его долг останется неоплаченным. Он обещал, что поединок будет настоящим, а не показным. Он должен сдержать слово, и он гнал от себя все остальные мысли.

Молодой принц с большой свитой, в которой был и Роджеро, отправился в путь. Они прибыли в Париж, но Лев предпочел не въезжать в город, а разбить шатры под его стенами и через послов уведомить Карла о своем прибытии. Монарх был рад и засвидетельствовал свое почтение визитами и дарами. Принц рассказал о цели своего приезда

и просил императора передать девушке, которая отказывается выходить замуж за того, кто сражается хуже ее, что либо она станет его женой, либо он погибнет от ее меча.

Роджеро провел ночь перед поединком как преступник, ожидающий на рассвете расплаты за свои преступления. Он решил биться только на мечах и пешим, поскольку не хотел, чтобы Брадаманта видела его коня Фронтинно, которого она легко бы узнала. Также он не хотел пользоваться мечом Балисардо, поскольку против этого волшебного меча не устояла бы никакая броня, и приготовил к поединку тупой меч. На Роджеро были одежды принца Льва и его щит с золотым двуглавым орлом. Принц позаботился, чтобы его самого в это время никто не видел.

Брадаманта тем временем готовилась к поединку совсем иначе. Она не тупила, а точила меч и, если б могла, вложила бы в него всю горечь, которую испытывала. Когда наступило время, у нее по венам разлился настоящий огонь, и она с нетерпением ожидала звука трубы. По сигналу она обнажила меч, который обрушился на ее любимого Роджеро. Но как умело возведенная стена или скала выдерживает натиск непогоды, так и Роджеро, защищенный доспехами, которые некогда носил троянский принц Гектор, выдерживал удары, попадавшие по шлему, кирасе и бокам. Искры летели от его доспехов при прямых и боковых ударах, которые сыпались, как град на крышу деревенского дома. Но Роджеро со свойственным ему мастерством либо уклонялся от ударов, либо допускал только те, которые наверняка бы выдержала его броня. Он думал лишь о том, как защитить себя, не нанося ответных ударов. Так прошел целый день, и чем ближе солнце клонилось к западу, тем большее отчаяние овладевало девушкой. Но одновременно с этим она становилась все яростнее и наносила удары с удвоенной силой, как мастер, который видит, что день клонится к вечеру, а работа еще не закончена. О несчастная девушка! Знала бы она, кого собирается убить! Жаль, что она не могла догадаться, что перед ней Роджеро, единственный человек, который составлял весь смысл ее жизни. Если бы она знала, то дала бы убить себя, поскольку он был для нее дороже собственной жизни.

Король Карл и все пэры, считавшие, что сражается греческий принц, наблюдая за тем, сколько силы и умения показывают бойцы и как рыцарь, не стремясь нападать, защищается, не переставали восхищаться и говорили, что соперники, конечно, стоят друг друга.

Когда солнце село, Шарлемань подал сигнал к окончанию боя, и Брадаманта была отдана принцу Льву в жены. Расстроенный Роджеро вернулся в шатер. Там Лев снял с него шлем и расцеловал в обе щеки.

— Отныне я весь к твоим услугам, потому что благодарности моей нет границ.

Роджеро ответил что-то невнятное, снял с себя геральдику принца, снова надел своего единорога на красном поле и побыстрее ушел из шатра. Когда наступила полночь, он встал, оседлал Фронтину и уехал, предоставив коню выбирать направление. Он ехал всю ночь в глубокой печали и призывал смерть, поскольку считал, что она единственная может освободить его от страданий. Наконец он въехал в лес и забрался в самые дебри. Там он снял с Фронтину сбрую и позволил ему пастись на воле. Затем он упал на землю и зарыдал так жалобно, что даже дикие звери и птицы, — а больше его никто не мог слышать, — прониклись к нему сочувствием.

В не меньшей печали была и Брадаманта. Она решила не выходить замуж и нарушить слово, данное родственникам, двору и самому Шарлеманю, а если ничего нельзя будет изменить, то умереть самой. Но облегчение пришло оттуда, откуда его никто не ждал. Марфиса, сестра Роджеро, которая в боевом искусстве ни в чем не уступала Брадаманте, знала все про их любовные отношения и переживала не меньше, видя, какие опасности грозят их союзу. «Они уже давно соединили свои сердца взаимными клятвами, — сказала она себе, — и разве нужны еще какие-нибудь обязательства перед небесами?» Полная таких мыслей, она предстала перед Шарлеманем и поведала, что была свидетельницей того, как Брадаманта и Роджеро обменялись клятвами, которые дают друг другу, вступая в брак. Она сказала также, что между ними есть договоренность, что с момента клятвы они не являются больше свободными и не могут отказаться друг от друга, чтобы взять другого супруга. Свои слова она готова была доказать в поединке с принцем Львом или любым другим человеком.

Шарлемань, крайне озадаченный этим обстоятельством, приказал привести к нему Брадаманту и пересказал ей все, что только что поведала отважная Марфиса. Брадаманта не подтвердила, не опровергла сказанное, а лишь молча опустила голову. Герцог Аймон был взбешен и отказался признать их договор на том основании, что он был заключен тогда, когда Роджеро еще не был крещен, и, значит, не имел силы.

Но Ринальдо и добрый Орландо думали иначе, поэтому Шарлемань сомневался, чью сторону занять. И тут снова заговорила Марфиса:

— Поскольку никто не может взять в жены эту девушку до тех пор, пока мой брат жив, пусть принц встретится с Роджеро в смертельном поединке и пусть на ней женится тот, кто останется в живых.

Эта речь пришлось по нраву императору, и принц тоже принял эти условия, рассчитывая с помощью неизвестного воина снова оказаться победителем в поединке. Было объявлено, что Роджеро должен явиться и защитить свое право, а Лев, со своей стороны, прилагал все усилия, чтобы найти рыцаря с единорогом.

Тем временем Роджеро, будучи в полном отчаянии, уже который день лежал на земле в лесу без пищи и призывал смерть. Здесь его и нашел один из посланцев принца Льва, но, не сумев сдвинуть его с места, вернулся к своему хозяину, который находился неподалеку. Когда Лев сам приблизился к нему и услышал слова рыцаря, он понял, что причиной его отчаяния была любовь. Склонившись, принц обнял рыдающего рыцаря и мягко, как только мог, сказал:

— Прошу тебя, открой мне причину твоей печали, ибо почти любую печаль можно излечить. Меня огорчает, что ты скрываешь от меня свое несчастье, ибо я привязан к тебе такими узами, какие никто порвать не сможет. Скажи мне, отчего ты печалишься, и мы посмотрим, нельзя ли помочь тебе богатством, искусством, коварством, силой или убеждением. Если нет, то, пока мы не перепробуем все средства, умирать не стоит.

Он говорил с таким чувством, что Роджеро поддался на его уговоры. Не сразу обретя дар речи, он наконец произнес:

— Мой господин, когда ты узнаешь, кто я на самом деле, ты поймешь, что для меня самое лучшее — умереть. Знай же, что я и есть тот самый Роджеро, ненавидеть которого у тебя много причин и который так ненавидел тебя, что отправился ко двору твоего отца, чтобы лишить тебя жизни. Я решился на это, потому что мне была невыносима мысль, что моя невеста может достаться тебе. Но поскольку человек предполагает, а Бог располагает, то твое великодушие заставило меня забыть ненависть к тебе, и сделало твоим другом навеки. Тогда ты попросил, чтобы я добыл для тебя Брадаманту, а это для меня было равносильно тому, как если бы ты попросил у меня сердце или душу. Ты знаешь, верно ли я служил тебе или нет. Девушка твоя, бери ее в жены с миром. Но я не хочу, чтобы это произошло, пока я жив. Пусть тебя успокоит моя смерть,

ибо клятвы, которые мы дали друг другу, позволят ей законно выйти замуж за другого, только если меня уже не будет в живых.

Добрый Лев был так потрясен этими словами, что долго стоял, не проронив ни слова. Губы его не шевелились, взгляд застыл, и он казался изваянием. Когда он узнал, что неизвестный рыцарь — это Роджеро, он проникся к нему еще больше, чем прежде, и чувствовал его несчастье, как если бы пережил все сам. Поэтому, а также потому, что он считал себя сыном императора, которого можно превзойти в чем угодно, только не в учтивости, он сказал:

— Роджеро, если бы я только знал в тот самый день, когда твоя беспримерная доблесть повернула мое войско вспять, что ты — Роджеро, я бы сразу стал твоим другом, ибо я сделался им, даже не зная, как зовут моего противника. Но я все равно рад, что спас тебя из темницы Теодоры. И если я тогда спасал тебя с радостью, то с еще большей радостью возвращаю тебе дар, которого ты сам себя лишил, передав его мне. Девушка по праву принадлежит тебе больше, чем мне, и, хотя я знаю ее достоинства, я скорее отдам ее и даже свою жизнь, лишь бы не причинять горя такому рыцарю, как ты.

Это и многое другое в таком же духе он успел сказать, и наконец Роджеро проговорил:

— Я снова хочу жить, и, значит, ты мне даришь жизнь во второй раз, и второй раз я готов ее отдать за тебя.

Но потребовалось несколько дней, чтобы Роджеро обрел силы и вернулся ко двору императора. Там уже было болгарское посольство, которое разыскивало рыцаря с единорогом, чтобы предложить ему трон вместо их погибшего в битве царя.

И вот тогда принц Лев, ведя за руку Роджеро, одетого в искореженные доспехи, в которых он сражался с Брадамантой, предстал перед королем.

— Смотрите! — сказал он. — Вот тот воин, который выдержал труднейший поединок с рассвета до заката. Он пришел требовать награды за этот бой.

Король Шарлемань и его пэры стояли ошеломленные, поскольку все были уверены, что с Брадамантой сражался сам греческий принц. Тут вперед вышла Марфиса и сказала:

— Раз здесь нет Роджеро, который не пришел отстаивать свое право, то я вместо него выступаю против любого, кто будет мне возражать.

Она сказала это с такой яростью и презрением, что принц решил больше не тянуть и снял с головы Роджеро шлем со словами: «Смотрите, он здесь!» Никто не сможет описать удивление и радость Марфисы! Она подбежала и обняла брата за шею, не давая приблизиться к нему никому из его друзей — ни Шарлеманю, ни Ринальдо с Орландо и Дудоном, ни остальным, кто толпился вокруг него, желая по-братски расцеловать. Многие бросились сообщить радостную весть Брадаманте, которая лежала вся в слезах в своих девичьих покоях. Ее сердце, которое только что нехотя билось, от этой новости так заколотилось, что Брадаманта чуть не умерла от радости. Герцог Аймон и герцогиня Беатрис сразу дали свое согласие на брак и вручили свою дочь отважному Роджеро на глазах у всей честной компании.

Тут подошли болгарские послы и, опустившись на колени перед Роджеро, стали просить его вернуться с ними на их родину, где в Адрианополе его ждут царская корона и скипетр. К ним присоединился принц Лев, который от имени своего отца сказал, что между ними будет заключен мир. Роджеро дал свое согласие, и ни одна из добродетелей, которыми был так богат Роджеро, не могла расположить к нему герцогиню Беатрис больше, чем то, что к ее зятю отныне будут обращаться как к суверенному монарху.

Битва при Ронсевале

После изгнания сарацин из Франции Шарлемань повел свою армию в Испанию, чтобы наказать короля этой страны Марсилия за то, что тот вступил в союз с африканскими сарацинами в последней войне. Войну Шарлемань выиграл, и Марсилий вынужден был платить Франции большую дань. Наши читатели помнят Гано (или Гана, или Ганелона), которого мы упоминали в ранних главах как одного из старых придворных Шарлеманя и злейшего врага Орландо, Ринальдо и всех их друзей. Он имел большое влияние на Карла, будучи одного с ним возраста и благодаря давней дружбе. Конечно, у него были и положительные качества: он был смел и проникателен, но завистлив, лжив и коварен. Ган уговорил Карла отправить его послом к Марсилию, чтобы организовать выплату дани. При прощании он несколько раз обнял Орландо и так старался казаться любящим всех и искренним, что его лицемерие было очевидно всем, кроме престарелого монарха. Ган проникновенно обратился

к Оливье, но тот презрительно улыбнулся прямо ему в лицо, про себя подумав: «Говори что хочешь, но я знаю, что ты лжешь». Все остальные присутствовавшие там палadini думали так же и не раз говорили об этом императору. Они считали, что Гана нельзя отправлять послом в Испанию, но Карл остался глух к их доводам.

Марсилиий встретил Гана с большими почестями. Король в сопровождении своих вельмож проделал пятнадцать миль из Сарагоссы, чтобы встретить его и торжественно препроводить в город. Там в течение нескольких дней проходили лишь балы, игры да рыцарские турниры; женщины кидали цветы французским рыцарям, жители кричали: «Франция! Монжуа и Сен-Дени!»

После первых церемоний король и посол постепенно начали понимать друг друга. Однажды они сидели в саду у фонтана. Вода была такой прозрачной и спокойной, что в ней отражалось все вокруг. Место было окружено фруктовыми деревьями, листья которых подрагивали под дуновением ветерка. Они сидели и, казалось, говорили о пустяках. Ган, не глядя королю в лицо, вел беседу, следя за выражением королевского лица по отражению в воде. Марсилиий был не менее искусен в беседах и каждый раз, обращаясь к Гану, смотрел ему прямо в лицо. Он начал с жалоб, говоря с Ганом не как с послом, а как с близким другом. Он сожалел о том, что Карл своим вторжением в его пределы нанес ему большой ущерб и даже хочет отобрать у него страну и отдать ее Орландо. Затем, как бы невзначай, он произнес, что если бы Орландо умер, то от этого многие хорошие люди только выиграли бы.

Ган тяжело вздохнул, словно ему были не по нраву королевские слова, но, не в силах более сдерживаться, он поднял голову, и его лицо вспыхнуло от пришедшего ему на ум коварства. Он воскликнул:

— Каждое сказанное тобой слово — сущая правда. Он должен умереть, но умереть должен и Оливье, который нанес мне оскорбление при дворе. Разве же это подлость — наказывать обидчиков? Я уже все спланировал и все уладил с их недалеким повелителем. Орландо придет к твоей границе, к Ронсевалу, чтобы получить дань. Карл будет ждать в предгорьях. Орландо приведет с собой лишь небольшой отряд. Ты же, когда будешь с ним встречаться, тайно собери позади себя всю свою армию. Когда ты его окружишь, дань не уйдет от тебя.

Когда новый Иуда произносил последние слова, что-то изменилось в погоде. Небо вдруг потемнело, раздался гром, молния рассекла

лавровое дерево сверху донизу, а рожковое дерево, под которым сидел Ган и на котором, по преданию, повесился Иуда Искарот, уронило Гану на голову свой стручок.

Марсилий и Ган восприняли это как нехорошее предзнаменование и испугались. Но собравшиеся прорицатели развеяли их страхи, сказав, что лавровое дерево оборачивает знамение против императора, потомка Цезаря; однако один из них снова заставил Гана испугаться, сказав, что он не понял значения Иудина дерева и что, может быть, посол сам все разъяснит. Ган задохнулся от гнева; у короля же злоба оказалась сильнее здравого смысла, и он приготовился идти к Ронсевалю во главе всех своих сил.

Ган написал Карлу, что Марсилий смиренно и покорно готов передать дань в руки Орландо и что императору хорошо бы пойти навстречу и встретить его в своем лагере после выплаты дани. Он подробно перечислил все, что будет выплачено в качестве дани и какие дары будут следовать вместе с ней. Добрый император ответил, что очень доволен стараниями посла и что все будет сделано так, как тот хочет. Его двор, однако, не избавился от подозрений, хотя и не думал, что, заставив Карла появиться в окрестностях Ронсевалея, Ган хочет сдать его в руки Марсилия, погубив перед этим Орландо.

Орландо же сделал все так, как ему велел его суверен. Он отправился к Ронсевалю в сопровождении небольшого отряда воинов, не подозревая о том, какое ужасное предательство его там ожидает. Тем временем Ган поспешил назад во Францию, чтобы в присутствии Карла никто не мог его ни в чем обвинить и чтобы самому довести до конца свое предательство. Марсилий, который уже однажды обжегся и готов был теперь дуть на воду, для надежности стянул к перевалу Ронсеваль целых три войска, которые в случае неудачи должны были поспешить на выручку друг другу и после нападения на паладина взять хотя бы численным перевесом. По совету Гана он взял с собой много вина, чтобы у обреченных воинов было хорошее настроение, ибо изменник сказал:

— Чем веселее будет вначале, тем больше вероятности, что пирующие окажутся без оружия. Однако не забудь об одной вещи: среди людей, прибывших с Орландо, будет мой сын Болдуин, и ты должен позаботиться, чтобы он остался в живых.

— Я дам ему одежду со своего плеча, — сказал король, — пусть он наденет ее перед битвой и ничего не боится, поскольку мои воины получают приказ его не трогать.

Радостный Ган отправился во Францию. Он предстал перед императором и всем двором с благой вестью, и престарелый император, расчувствовавшись, даже расплакался.

Добрый волшебник Малагиги заподозрил, что здесь что-то не так:

— Нет Ринальдо, который сейчас просто необходим. Я должен найти его, а также Рикьярдетто и послать за ними не мешкая.

Малагиги с помощью своей магии вызвал мудрого, ужасного и жестокого духа, которого звали Аштарот.

— Скажи мне всю правду, где Ринальдо? — обратился Малагиги к духу.

Демон посмотрел на паладина и ничего не ответил, а лишь нахмурился.

Волшебник нахмурился еще больше и сказал, чтобы Аштарот пугал кого-нибудь другого своим видом и что если он сейчас ничего не скажет, то ему придется использовать другие средства принуждения. Испуганный демон наконец развязал язык и сказал:

— Ты не сказал, что ты хочешь знать о Ринальдо.

— Я хочу знать, что он сейчас делает и где он.

— Он покоряет и обращает в христианство народы на востоке и западе, — сказал демон, — а сейчас он вместе с Рикьярдетто находится в Египте.

— А что задумали Ган и Марсилий? — спросил Малагиги. — И что из этого выйдет?

— Я не знаю, — сказал демон, — я не присутствовал при их разговоре, а кроме того, мы, падшие духи, ничего не знаем про будущее. Могу лишь сказать, что, судя по знакам и кометам на небесах, затевается что-то ужасное — что-то очень страшное, коварное и кровавое — и что за это Гану будет уготовано место в аду.

— Через три дня, — закричал волшебник, — доставь Ринальдо и Рикьярдетто к перевалу Ронсеваль. Сделаешь это, и я обещаю, что больше тебя призывать не стану.

— А если они не поверят мне? — спросил дух.

— Войди в коня Ринальдо и доставь его независимо от того, будет он тебе доверять или нет.

— Будет сделано, — ответил демон.

Произошло землетрясение, и Аштарот удалился.

Марсилий уже начал действовать, чтобы уничтожить Орландо. Он направил к нему своего вассала короля Бланшардэна с вином и другими

роскошными дарами. Сдержанный, но учтивый герой принял их и разделил между всеми, как того хотел предатель. После этого Бланшардэн, объяснив, что спешит приветствовать Шарлеманя, вернулся и встал во главе второго войска, как ему велел его сеньор. Король Фальсерон, чьего сына Орlando убил в бою, возглавил первое войско, а король Балугант — третье. Марсилий посвятил их в свои планы и попросил позаботиться о сыне их друга Гана, которого они смогут отличить по королевской накидке, уже отправленной ему Марсилием. Он добавил, что это единственная христианская душа, которую нужно пощадить.

Тем временем сын Гана и несколько паладинов, которые не доверяли язычникам, старались все время держаться ближе к Орlando и оказались вместе с ним в этой роковой долине. Поэтому справиться с небольшим христианским войском, имеющим такого отважного предводителя и таких смелых рыцарей, было не так-то просто. Ринальдо, — увь! — второй защитник христианского мира, волею судеб в это время был далеко. Паладины тщетно просили Орlando остерегаться предательства и отправить более многочисленный отряд. Великий защитник веры не впускал подозрение в свое доброе сердце. Он отказался звать кого-либо на помощь, посчитав, что она будет лишней. Кроме того, он решил в точности следовать распоряжениям своего повелителя. Однако это не значит, что в его душе не было опасений. Его благородное и никогда не унывающее сердце было полно недобрых предчувствий. Опасения друзей беспокоили его, хотя он не подавал виду. Возможно, у него было предчувствие скорой смерти, но он считал, что не должен это показывать. Кроме того, нужно было торопиться: вот-вот должны были привезти дань. Часто великие события происходят по стечению незначительных по своей сути обстоятельств.

Король Марсилий с данью должен был прибыть на следующий день. Оливье отправился на разведку, чтобы увидеть, как будет приближаться мирная процессия испанского королевского двора. Он поднялся на ближайший высокий холм и увидел первую армию Марсилия, уже проходящую по перевалу.

— О проклятый Ган! — вскричал он. — Вот, оказывается, что ты нам приготовил!

Оливье пришпорил коня и поскакал вниз с горы к Орlando.

— Ну что, — воскликнул герой, — какие у тебя новости?

— Плохие новости, — сказал кузен, — такие, о которых ты еще вчера ничего не хотел слышать. Марсилий со своим войском идет сюда, а с ним — тьма тьмущая.

Паладины собрались вокруг Орландо и советовали ему протрубить в рог, чтобы призвать помощь. Не ответив, он сел на коня и вместе с Сансонне поскакал на вершину горы.

Как только он увидел, что творится вокруг, его охватила печаль. Он посмотрел вниз, в долину Ронсеваль, и сказал:

— О несчастная долина! Кровь, которая здесь сегодня прольется, увековечит твое имя горькой славой.

Небольшой лагерь Орландо пришел в негодование. Все стали незамедлительно вооружаться. Правда, нужно было немного: надеть и застегнуть шлем и сесть на коня. Архиепископ Турпен ходил от шеренги к шеренге, благословляя и вдохновляя Христово воинство. Орландо собрал своих военачальников на совет. Он долго сидел в печальном молчании, терзаясь тем, что привел людей погибать в Ронсевале. Потом сказал:

— Если бы я мог представить, что король Марсилий так коварен, этот день бы не наступил никогда. Он обменивался со мной тысячью любезностей и множеством добрых слов. Мне казалось, что если мы и были раньше злейшими врагами, то теперь превратились в настоящих друзей. Я считал, что любой человек при определенных обстоятельствах может быть добродетельным, кроме тех негодяев, которые из-за низости сердца не могут простить тех, кто им прощал. Но я никогда не причислял испанского короля к таким людям. Умрем же, если нам дано умереть, не посрамив нашей чести и достоинства, чтобы про нас могли сказать, что враг сломил только нашу плоть. Я не протрубил в рог отчасти потому, что считал это недостойным нас, а отчасти потому, что наш господин вряд ли успеет спасти нас, даже если услышит сигнал рога.

Сказав это, Орландо вскочил на коня с криком: «Вперед, на сарацин!» Но когда он обернулся назад, то слезы залили его лицо, и он сказал:

— О Святая Дева, не думай обо мне, грешном Орландо, но позаботься о других Твоих слугах!

К этому времени в долине поднялось огромное облако пыли и ее огласил барабанный бой. Это появлялась первая армия язычников. Ржали лошади, и в воздухе развевались тысячи стягов. Армию вел король Фальсерон, сказавший своим военачальникам: «Никто из вас даже пальцем не смеет тронуть Орландо, потому что он принадлежит мне. Я должен отомстить за смерть моего сына. Это дело мы должны с ним решить сами».

— Друзья, — сказал Орландо, — бейтесь каждый за себя, а святой Михаил постойт за нас всех! Среди нас нет плохих рыцарей.

И он имел все основания так сказать, потому что с ним был весь цвет французского рыцарства, кроме Ринальдо и Рикьярдетто, — все остальные были как на подбор: друзья и неизменные спутники Орlando.

Остановившись, командиры маленького войска и большой армии смотрели друг на друга, выбирая себе противника, после чего рыцари взяли копыя наизготовку и поскакали навстречу друг другу, разделяясь на отдельные пары поединщиков.

Первым двинулся Астольфо. Он съехался с Арлотто из Сори и тут же отправил своего противника из седла на землю, а его душу на небо. Оливье схватился с Мальпримо и, хотя пропустил от него чувствительный удар, вонзил свое копые ему в самое сердце.

Фальсерона устрасил этот удар. «Воистину, — подумал он, — это чудо». Рана оказалась серьезной, и Оливье не мог атаковать сарацин. Зато сам Орlando и весь его отряд устроили такую сечу, что поднялся неописуемый шум. Лязг стали был так силен, что казалось, будто кто-то настезь открыл двери кузницы Вулкана. Фальсерон увидел Орlando, который несся, словно разорвавший цепи Люцифер, и тут же отказался от своей мысли справиться с героем в одиночку. Наоборот, он положился на волю богов, а сам решил дожидаться другого удобного случая для отмщения. Но Орlando уже обратился к нему с такими словами:

— Это ты, предатель? Пора нам закончить нашу давнюю ссору.

Копье Орlando уже устремилось к Фальсерону с такой быстротой и с такой ловкостью, что пронзило его сердце, отчего тот принял мгновенную смерть, и тут же вышло обратно, при этом сам Фальсерон даже не пошевелился в седле. Наш герой промчался вперед, не заметив результатов своего мастерского удара, поэтому развернул коня и дотронулся мечом до Фальсерона, и тот тут же упал на землю.

Когда язычники увидели, что их предводитель мертв, они решили со страху бежать и отдать победу паладинам, но бежать им было некуда, поскольку Марсилиий расставил свои войска по кругу, как сеть, поэтому бегущие напрасно повернулись спиной к противнику. Орlando въехал в самую их гущу, и повсюду его удары как молния обрушивались на шлемы врагов. Оливье снова был в строю рядом с Вальтером и Болдуином, Авино и Аволио. Архиепископ Турпен сменил распятие на копые и гнал перед собой на гору целое стадо неверных.

Но как в меньшинстве сладить с противником? Марсилиий вводил все новые и новые силы. На одного паладина приходилась тысяча врагов. Почему так медлят кони Ринальдо и Рикьярдетто?

Кони не медлили, просто судьба оказалась быстрее волшебства. Аштарот, представ перед Ринальдо, поведал, кто он такой и зачем его послали, и вместе со своим слугой Сквернословом они вошли в коней Ринальдо и Рикьярдетто. Кони заржали, зафыркали и поскакали, направляемые демонами, потом поднялись в воздух и полетели над пирамидами, потом пересекли пустыню и достигли Испании в тот момент, когда Марсилий вводил в бой свое третье войско. Оба паладина оказались прямо посреди сарацин и создали такую неразбериху, что Марсилий, наблюдавший за боем с вершины горы, подумал, что его воины набросились друг на друга. Орlando тоже заметил паладинов и, решив, что это могут быть только его кузены, бросился им навстречу, чтобы поприветствовать. Трудно выразить всеобщий восторг, когда рядом с ними оказался еще и Оливье. После нескольких произнесенных второпях объяснений все снова бросилось на врага, которому, казалось, не было счета.

Орlando, пролагавший себе к Марсилию кровавый путь, нанес удар по голове какого-то юноши, и его шлем хотя выдержал удар, но свалился с головы. Орlando уже был готов нанести второй удар, как юноша воскликнул:

— Стой! Ты любил моего отца. Меня зовут Бужафор.

Паладин никогда не видел Бужафора, но он был так похож на своего старого доброго отца, что Орlando опустил меч.

— О Бужафор, — сказал он, — я действительно люблю твоего отца, но что заставило его сына биться против его друзей?

Рыдания мешали говорить Бужафору, но он все-таки произнес:

— Мой сеньор и хозяин Марсилий заставил меня быть здесь, но я только притворялся, что сражаюсь, а сам не задел ни одного христианина. Тебя окружает предательство. Даже на Болдуине накидка, которую он получил от Марсилия, чтобы все знали, что это сын его друга Гана, и не нападали на него.

— Надевай-ка шлем, — сказал Орlando, — и делай то, что делал до сих пор. Никогда друг отца не станет врагом его сыну.

Разгневанный герой принялся разыскивать Болдуина, который уже спешил ему навстречу, дружески улыбаясь.

— Странно, — сказал Болдуин, — я выполняю свой долг как могу, но никто не хочет сражаться со мной. Я рублю всех направо и налево, но не понимаю, почему даже самые стойкие язычники бегут от меня.

— Сними свою накидку, — сказал презрительно Орландо, — и ты сразу найдешь ответ, если, конечно, ты хочешь его знать. Твой отец продал нас Марсилию — всех, кроме своего обожаемого сына.

— Если мой отец, — сказал Болдуин, торопливо сбрасывая с себя накидку, — такой подлец, то я, если останусь в живых, воткну ему свой меч прямо в сердце. Я не предатель, Орландо, и ты оскорбил меня, сказав это. Не думай, что я смогу жить обесчещенным.

Болдуин пришпорил коня и поскакал в гущу битвы, не дожидаясь ответа Орландо, который уже жалел о сказанном, понимая, что юношу охватило отчаяние.

Битва пошла еще яростнее, чем прежде. За одного паладина погибало двадцать язычников, но паладины тоже гибли. Сансонне свалился на землю, сраженный дубиной Грандонио; у Вальтера д'Амульона было сломано плечо. Погиб Астольфо, и, мстя за его смерть, Орландо пролил на этом месте море сарацинской крови. Несчастный Бужафор встретился с Ринальдо, и, прежде чем успел объяснить, каким образом он сражается на стороне сарацин, на его голову обрушился удар такой силы, что он упал на землю и потерял дар речи. Орландо, прорубая себе дорогу к тому месту, где бой был яростнее всего и откуда раздавались самые громкие звуки, увидел бедного юношу Болдуина, сына Гана, из груди которого торчали два копья.

— Теперь я не предатель, — еще успел сказать он и скончался.

Орландо было очень горько оттого, что он стал причиной его смерти, и из глаз его хлынули слезы. Неудача постигла Оливье. Кровь, лившаяся у него из головы, застлала ему глаза, и он, не признав Орландо, нанес по нему удар.

— С каких это пор, кузен, — закричал Орландо, — ты перешел в стан наших врагов?

— О мой повелитель, — прокричал тот в ответ, — прошу прощения, но я ничего не вижу. Я умираю. Какой-то предатель нанес мне удар в спину. Если ты любишь меня, то отведи моего коня в самую гущу врагов, чтобы я не умер неотмщенным.

— Я сам скоро умру от тяжких трудов и горя, — сказал Орландо, — поэтому мы пойдем вместе.

Орландо отвел коня своего кузена туда, где бой был жарче всего, и ужасными были удары умирающего человека и его уставшего спутника. Они прорубили себе дорогу и вышли из боя. Орландо отвел кузена к палатке и сказал:

— Подожди меня здесь немного, а я поднимусь на ближайший холм, чтобы протрубить в рог.

— Уже поздно, — произнес Оливье, — жизнь из меня уходит слишком быстро. Моя душа хочет соединиться с нашим Господом и Спасителем.

Он хотел сказать еще что-то, но слова его стали неразборчивыми, словно бормотание во сне, и он скончался.

Когда Орландо увидел, что Оливье умер, ему показалось, что он остался на земле совсем один, и ему захотелось ее покинуть. Правда, он понимал, что, пока он еще здесь, ему нужно сообщить о происшедшем королю Карлу, который стоит у подножия гор. Поэтому он взял рог и протрубил три раза с такой силой, что у него из носа и изо рта пошла кровь. Турпен сообщает, что от третьего сигнала рог развалился надвое.

Несмотря на шум битвы, звук рога пронесся над ней, как глас из другого мира. Говорят, что от этого звука птицы падали замертво и целая армия сарацин стала в ужасе разбегаться. Шарлемань сидел в окружении своего двора, когда до него донесся сигнал рога. Ган тоже был рядом. Император первым услышал этот звук.

— Слышите? — спросил он у своих вельмож. — Слышали ли вы рог, как слышал его я?

Все сразу стали прислушиваться, а Гану показалось, что сердце его сейчас не выдержит. Рог прозвучал во второй раз.

— Что это значит? — спросил Карл.

— Орландо охотится и убил оленя, — предположил Ган.

Но когда рог прозвучал в третий раз, и с такой ужасающей силой, все посмотрели сначала друг на друга, а потом — с гневом на Гана. Карл встал со своего места.

— Это не охота на оленя, — сказал он. — Звук этот пронзил мне сердце. О Ган! О Ган! Не за тебя мне стыдно, а за себя. О глупец — и чудовищный подлец! Схватите его, господа, и не спускайте с него глаз. Почему Господь позволил мне дожить до этого дня!

Но на разговоры времени не осталось. Изменника поместили в темницу, после чего Карл со всем двором отправился к Ронсевалю в печали и молитвах.

Сигнал рога прозвучал ближе к вечеру, еще полчаса понадобилось императору, чтобы тронуться в путь. В это время Орландо снова вернулся в бой, потому что, несмотря на всю бесполезность сопротивления,

он считал, что должен сражаться до тех пор, пока может сидеть на коне. Вдруг ему, уставшему и израненному, показалось, что конец его близок, и он в одиночку отправился к источнику, в котором уже не раз утолял жажду. Конь его устал еще больше, чем он сам. И когда его хозяин спешился, конь упал на колени, словно хотел сказать: «Я доставил тебя к месту отдохновения», — и замертво рухнул к его ногам. Орlando окатил его водой из источника, не желая смириться с мыслью, что конь умер. Но когда он понял, что напрасно пытается его поднять, он стал горевать о нем, как о человеке, со слезами обращаясь к нему по имени и прося прощения, если когда-то был с ним жесток. Говорят, что при этих словах конь приоткрыл глаза, с любовью посмотрел на своего хозяина и больше не пошевелился. Говорят также, что Орlando, собрав все свои силы, ударил своим прекрасным мечом Дуринданой по стоявшей рядом скале, чтобы крепкая сталь разлетелась на куски и не досталась врагам. Однако скала раскололась, словно была из сланца, а меч остался цел и невредим. Большая расщелина, оставшаяся в скале, еще долго привлекала к себе паломников.

Тут появились Ринальдо и Рикьярдетто, а с ними Турпен, которые обратили сарацин в бегство. Они сказали Орlando, что выиграли битву. Тогда Орlando встал на колени перед Турпеном и попросил отпустить ему грехи, и тот отпустил их. Орlando устремил свой взор на рукоять меча, словно это было распятие, и прижал ее к себе. Потом он поднял глаза вверх, и в них появилось что-то ангельское и преображенное. После чего он склонил голову, и чистая душа его унеслась, как выдох.

Появились король Карл и его вельможи. Император при виде мертвого Орlando соскочил, как юноша, с коня, обнял и стал целовать тело, говоря при этом:

— Благодарю тебя, Орlando; благодарю за всю твою жизнь, благодарю за то, кем ты был и что ты сделал, благодарю отца твоего за то, что от него пошел такой сын, и прошу прощения у тебя за то, что поверил тем, кто обрек тебя на гибель. О любимый мой, знай, что им воздастся! Воистину это ты жив, а я хуже чем мертвый.

Ужаснулся император, когда его глазам предстало поле Ронсеваля. Да, сарацины бежали и победа была за ним, но все его паладины, кроме двух, остались лежать на этом поле. Вся долина была в крови и грязи, и от жары уже разносился сильный смрад. Карл был потрясен до глубины своего сердца и сражен болью. Молча оглядев поле битвы,

он торжественно проклял его, чтобы больше никогда не росла на нем трава, и чтобы ни на нем, ни на ближайших склонах не проросло бы семя, и чтобы всегда был обращен против него гнев небесный.

Карл и его войско пошло за сарацинами в Испанию. Они взяли и сожгли Сарагоссу, а Марсилия повесили на рожковом дереве, под которым он и Ган строили свои козни. Ган был повешен, утоплен, а затем четвертован в Ронсевале, прокливаемый всей страной.

Ринальдо и Баярд

Шарлемань был очень опечален потерей стольких отважных воинов в битве при Ронсевале и постоянно корил себя за то, что доверился этому изменнику графу Гану. Однако он вскоре повторил ту же ошибку, попав под влияние своего недостойного сына Карлота *, который заставлял его творить такие жестокости и беззакония, что человек в здравом уме постыдился бы их совершать. Ринальдо и его братья из-за ничтожного проступка перед императорским наследником вынуждены были бежать из Парижа и укрыться в своем замке Монтальбан, потому что Карл публично заявил, что если он их схватит, то повесит всех до одного. Он отправлял многих рыцарей арестовать братьев, но у них ничего не получилось. Одних Ринальдо одолел в бою и отправил назад без доспехов и без славы, другие, встретившись с ним, вернулись и сказали королю, что не годятся для такого поручения.

В конце концов Карл сам собрал большую армию и лично пошел покорять палатина. Он разорил все земли вокруг замка Монтальбан, чтобы заставить их голодать, и пригрозил смертью каждому, кто попытается проникнуть в замок, в надежде таким образом сломить дух гарнизона.

Запасов у Ринальдо осталось так мало, что отсиживаться в замке дольше не имело смысла. Его братья в одну из вылазок попали в плен, поэтому, чтобы спасти их жизни, Ринальдо нужно было договариваться с королем.

Он отправил к Карлу гонца, обещая сдаться самому и сдать замок, если король пощадит его и братьев. Когда гонец уехал, Ринальдо не захотел ждать в замке новостей, которые тот привезет, и выехал ему навстречу. Когда ехать дальше было уже небезопасно, он остановился в лесу,

* Карлот — т. е. Карл Юный.

спешился, а Баярда привязал к дереву. Он сел на землю и в ожидании сам не заметил, как уснул. Баярд между тем отвязался и забрел туда, где трава была гуще. В это время подошли сельские жители, и один другому сказал:

— Смотри, а не тот ли это знаменитый конь Баярд, на котором ездит Ринальдо? Давай возьмем его и отведем к королю Карлу, который за нашу услугу нам хорошо заплатит.

Они так и сделали, и король был очень доволен полученным подарком и наградил их так, что до конца дней своих они были богатыми людьми.

Проснувшись, Ринальдо принялся искать своего коня и, не найдя его, застонал и воскликнул:

— Зачем я родился в несчастливый час! Почему меня преследует судьба!

Он так расстроился, что снял с себя доспехи и шпоры, решив: «Зачем они мне, если Баярд потерялся?» Говоря так, он не заметил, как из чащи вышел старичок. У него была длинная борода, спускающаяся на грудь, а из-под густых бровей почти не видно было глаз. Он пожелал Ринальдо доброго дня. Ринальдо поблагодарил его и сказал:

— Добрых дней у меня почти не было со дня моего рождения.

Тогда старик произнес:

— Сеньор Ринальдо, не отчаивайся, ибо Бог делает так, что все идет к лучшему.

Ринальдо ответил:

— Я попал в слишком большую беду, чтобы рассчитывать на хорошее. Король схватил моих братьев и хочет их казнить. Я хотел их спасти с помощью моего коня Баярда, но, пока я спал, какие-то воры увели его у меня.

На это старичок ответил:

— Я упомяну тебя и твоих братьев в своей молитве. Я беден, поэтому нет ли у тебя чего-нибудь для меня?

Ринальдо сказал, что ему нечего дать, но вдруг вспомнил про свои шпоры.

— Вот, возьми. Это первый подарок, который сделала мне мать, когда мой отец, герцог Аймон, назвал меня рыцарем. За них ты можешь получить десять золотых.

Старичок взял шпоры, положил их в свой мешок и сказал:

— Благородный господин, есть ли у тебя еще что-нибудь, что ты готов отдать мне?

На это Ринальдо сказал:

— Ты что, решил поиграть со мной? Скажу тебе по чести: не будь ты так незащищен, я бы научил тебя хорошим манерам.

— Сказать по чести, этим ты сотворил бы великий грех. Если бы меня били все, у кого я просил подаяния, то меня давно бы не было в живых, ибо я побираюсь по церквям и монастырям и везде, где могу.

— Ты прав, старик: если не спрашивать, никто и не подаст.

Старик продолжал:

— Истинно так, благородный господин, поэтому я прошу, если у тебя есть еще что дать, дай мне.

Ринальдо дал ему свой плащ со словами:

— Возьми его, странник. Я отдаю его из любви к Иисусу и хочу, чтобы Господь спас моих братьев от позорной смерти и помог мне бежать туда, где Карл меня не достанет.

Странник взял плащ, аккуратно свернул его и положил в мешок. После этого он в третий раз спросил:

— Господин, нет ли у тебя еще чего-нибудь, что ты можешь отдать мне, чтоб я не забыл помянуть тебя в своей молитве?

— Негодяй, ты что — издеваешься надо мной? — вспылил Ринальдо, выхватил меч и ударил им старичка, но тот ловко отразил удар своим посохом и произнес:

— Ринальдо, неужели ты собрался убить своего кузена Малагиги?

Услышав это, Ринальдо замер и с сомнением посмотрел на старика, который тут сбросил с себя лохмотья и в самом деле стал похож на Малагиги.

— Дорогой кузен, молю тебя о прощении. Я действительно не узнал тебя. После Бога я верю только в тебя. Умоляю, помоги моим братьям выбраться из темницы. Я потерял своего коня и поэтому не могу оказать им никакой помощи.

Ответ Малагиги был таков:

— Кузен Ринальдо, я помогу тебе найти коня. А ты тем временем должен сделать то, что я скажу.

Малагиги вытащил из мешка накидку и заставил надеть ее поверх доспехов, затем нахлобучил на него совсем дырявую шляпу и велел надеть пару старых башмаков. Они стали похожи на двух очень старых и бедных странников. Затем они вышли из леса и через некоторое время увидели четырех монахов, едущих по дороге. Малагиги сказал:

— Пойду к монахам и узнаю у них что-нибудь.

Малагиги узнал от монахов, что скоро праздник, на котором у короля будет много приглашенных, ибо принц хочет показать дамам знаменитого скакуна Баярда, который некогда принадлежал Ринальдо.

— Как! — воскликнул странник. — Разве Баярд там?

— Да, — ответили ему, — король подарил его Карлоту, и после того, как тот его объездит, король намерен повесить братьев Ринальдо.

Малагиги попросил милостыню у монахов, но те ему ничего не дали. Тут он откинул тряпье странника, под которым блеснули латы, тогда отчасти из благотворительности, а отчасти от страха они дали ему золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, которые сверкали на солнце.

После этого Малагиги поспешил к Ринальдо и рассказал ему все, что узнал.

Утром того дня, на который был назначен праздник, Ринальдо и Малагиги отправились к месту, где должно было состояться зрелище. Там Малагиги вернул Ринальдо его шпоры и сказал:

— Кузен, надень шпоры, ибо они тебе понадобятся.

— Зачем они мне, — ответил Ринальдо, — если я потерял своего коня?

Но при этом он сделал так, как велел Малагиги.

Только эти двое смешались с толпой у края поля, как стали собираться принцы и придворные дамы. Когда все собрались, появился король, а вместе с ним и Карлот. Рядом с ним конюхи вели Баярда, выполняя при этом роль сторожей. Король оглядел собравшихся зрителей и увидел Малагиги и Ринальдо, у которых в руках был кубок. Обращаясь к Карлоту, он сказал:

— Смотри, мой сын, какой прекрасный кубок в руках у этих двух странников. Он стоит не меньше сотни дукатов.

— Действительно, — ответил Карлот.

— Пойдем спросим у них, где они его взяли.

Так они подъехали к странникам, и Карлот поставил рядом с ними Баярда.

Конь зафыркал, узнав своего хозяина, и стал к нему ластиться. Король спросил у Малагиги:

— Друг, где ты раздобыл этот прекрасный кубок?

— Досточтимый господин, — отвечал Малагиги, — я истратил на него все, что сумел скопить за одиннадцать лет, собирая милостыню по церквям и монастырям. Его благословил сам папа, и теперь любому, кто поест из него или отопьет, прощаются все грехи.

Король повернулся к Карлоту и сказал:

— Мой сын, это праведные святые люди — смотри, как бессловесное существо льнет к ним. — После этого король сказал Малагиги: — Дай мне вкусить из твоего кубка, чтобы я смог очиститься от грехов моих.

Малагиги отвечал:

— Славный повелитель, не смею сделать это раньше, чем ты простишь всех, кто когда-либо преступил против тебя, ведь Христос простил всех, кто предал его и распял.

Король ответил:

— Друг, это правда, но Ринальдо совершил такое преступление против меня, что я не могу простить ни его, ни волшебника Малагиги. Этим двоим не жить в моем королевстве. Если схвачу их, то обязательно повешу. Но скажи мне, странник, кто тот человек, который стоит рядом с тобой?

— Это слепоглухонемой, — ответил Малагиги.

Тогда король снова сказал:

— Дай мне испить из твоего кубка, чтобы я мог избавиться от грехов моих.

Малагиги ответил:

— Господин мой король, рядом со мной мой бедный брат, который пятьдесят дней уже не может слышать, видеть и говорить. Эта беда случилась с ним в доме, где мы нашли приют, а позавчера мы встретили знахарку, которая сказала, что единственная возможность для него излечиться — это появиться там, где должны объезжать Баярда, сесть на него и проехать верхом.

На это король ответил:

— Друг, ты пришел в нужное место, ибо Баярда будут объезжать сегодня здесь. Дай мне выпить глоток из твоего кубка, и твой спутник сможет проехать на Баярде.

Услышав эти слова, Малагиги произнес:

— Да будет так.

Тогда король с великим благоговением взял ложку и испил из кубка странника, веруя, что таким образом избавляется от грехов.

После этого король сказал Карлоту:

— Сын, прошу, чтобы ты разрешил этому болящему страннику сесть на твоего коня и проехать на нем, если он сможет, поскольку это поможет ему избавиться от всех недугов.

Карлот отвечал:

— Ничего не имею против.

Сказав это, он соскочил с коня, а его слуги взяли странника под руки и помогли ему сесть в седло.

Когда Ринальдо оказался верхом, он вставил ноги в стремяна и сказал: — Хочу немного проехать.

Малагиги, услышав, что он заговорил, сделал вид, что обрадовался, и поинтересовался, может ли он слышать и видеть.

— Да, — ответил Ринальдо, — я избавился от всех моих недугов.

Когда король услышал это, он сказал епископу Турпену:

— Мой дорогой епископ, мы должны отметить это событие крестным ходом с распятием и хоругвями, ибо это великое чудо.

Когда Ринальдо увидел, что коня стерегут невнимательно, он шепнул ему что-то и пришпорил его. Баярд, зная, что на нем сидит настоящий хозяин, быстро поскакал, и вскоре они были уже далеко. Малагиги изобразил на своем лице великую тревогу.

— О благородный король и повелитель, — вскричал он, — мой спутник скрылся из виду, он обязательно упадет и сломает себе шею.

Король приказал своим рыцарям догнать странника и вернуть его, а если будет необходимость, то и оказать помощь. Они поскакали вдогонку, но тщетно. Ринальдо оставил их всех далеко позади и скакал до тех пор, пока не достиг Монтальбана. Малагиги удалось уйти, ибо никто его не заподозрил. Он шел и оплакивал судьбу своего спутника, который наверняка упал и разбился насмерть.

Малагиги не пошел далеко, он просто сменил свое одеяние и вернулся туда, где был король. Там он прибег к самой мощной магии, чтобы вызволить братьев Ринальдо из темницы. Ему это удалось, и вскоре все трое были уже в Монтальбана, где Ринальдо так радовался спасению братьев и возвращению Баярда, что выразить это словами невозможно.

Смерть Ринальдо

Из-за нехватки продовольствия отчаяние, поселившееся в осажденном замке Ринальдо, усиливалось день ото дня. Гарнизон был вынужден убивать лошадей, чтобы экономить на их корме и иметь мясо. В конце концов были убиты все лошади, кроме Баярда. Ринальдо сказал своим братьям:

— Баярд должен умереть, ибо нам нечего есть.

Они отправились в конюшню и вывели Баярда, чтобы убить его. Но тут Алардо сказал:

— Брат, пусть Баярд еще немного поживет, ведь неизвестно, что Господь для нас готовит.

Баярд услышал эти слова, понял их и, словно человек, упал на колени, прося о пощаде. Когда Ринальдо увидел, как переживает его конь, сердце его не выдержало, и он сжалился над Баярдом.

В это же самое время Айя, мать Ринальдо, которая приходилась сестрой императору, пришла в его лагерь в сопровождении рыцарей и дам, чтобы просить за своих сыновей. Она упала на колени перед королем, умоляя его спасти Ринальдо и его братьев. Все паладины и рыцари взяли ее сторону и просили короля услышать ее мольбу. Тогда король сказал:

— Дорогая сестра, ты поступаешь как хорошая мать, и я уважаю твое нежное сердце и уступаю твоим мольбам. Я пощажу твоих сыновей, если они безусловно покорятся моей воле.

Когда Карлот услышал об этом, он подошел к королю и что-то прошептал ему на ухо. Король повернулся к своей сестре и сказал:

— Карлот должен получить Баярда, поскольку я отдал коня ему. А теперь иди, моя сестра, и передай Ринальдо все, что я сказал.

Услышав эти слова, Айя обрадовалась и мысленно возблагодарила Господа, сказав при этом:

— Достойный король и брат, я все сделаю так, как ты просишь.

После этого она отправилась в замок, где сыновья встретили ее радостно и с любовью. Она же передала им слова короля. Тогда Алардо сказал:

— Брат, лучше вызвать на себя гнев короля, чем отдать Баярда Карлоту, потому что мне кажется, что он убьет коня.

То же сказали и другие братья. Выслушав их, Ринальдо сказал:

— Дорогие братья, если мы можем получить прощение в обмен на коня, то пусть так и будет. Пусть лучше установится мир, ибо мы не можем противиться королевской власти.

После этого он отправился к своей матери и сказал, что отдаст Карлоту коня и кое-что в придачу, если король помиует их и простит им все, что они совершили против короны и достоинства короля. Мать вернулась к Карлу и передала ему решение своих сыновей.

Когда мир между королем и сыновьями Аймона был установлен, братья вышли из замка, ведя с собой Баярда, и упали в ноги королю,

прося его о прощении. Король попросил их подняться и вернул им свое расположение в присутствии всех благородных рыцарей и советников. Все были рады, особенно их мать Айя. Затем Ринальдо взял Баярда, отдал его Карлоту и сказал:

— Мой господин и принц, этого коня я отдаю тебе, и делай с ним что пожелаешь.

Карлот взял его, как было оговорено, а затем приказал своим слугам отвести коня на мост и бросить в реку. Баярд скрылся под водой, но выплыл, выбрался на берег, увидел Ринальдо и подошел к нему как ни в чем не бывало, глядя на него так, словно вопрошал: «Не понимаю, почему ты так со мной обошелся?» Когда принц это увидел, он сказал:

— Ринальдо, верни мне коня снова, ибо он должен умереть.

Ринальдо ответил:

— Мой господин и принц, я не могу вернуть его тебе, поскольку мое сердце этого не выдержит.

Тогда Карлот велел нагрузить на коня камней и снова бросить его в воду, а Ринальдо приказал стоять там, где конь его не сможет увидеть. Баярд снова скрылся из виду, затем всплыл, изогнул шею, пытается увидеть своего хозяина, но не увидел его и утонул.

Ринальдо был так огорчен потерей Баярда, что поклялся никогда больше не садиться ни на какого коня до конца дней своих, никогда не опоясываться мечом и стать отшельником. Он решил отправиться в какой-нибудь дикий лес, но прежде побывать в замке, повидать детей и выделить каждому его долю наследства.

Он попрощался с королем и со своими братьями и вернулся в Монтальбан. Его братья остались с королем. Ринальдо призвал к себе всех своих детей и сделал старшего, Аймерика, который уже был рыцарем, владельцем замка и всех земель. Остальным раздал все, что у него было, расцеловал и обнял их всех, вверил их Господу и с тяжелым сердцем ушел.

Он прошел совсем немного, как оказался в лесу, где встретил отшельника, который был долго оторван от мира. Ринальдо поприветствовал его, и отшельник вежливо ему ответил, спросив, кто он и что ищет в этом лесу. Ринальдо сказал:

— Господин мой, я жил очень грешной жизнью и сотворил много насилия. Я убил многих людей, причем не всегда отстаивая правое дело, а чаще всего в пылу страстей. Из-за меня погибло много моих друзей, которые брали мою сторону не потому, что я был прав, а потому, что

они любили меня. И теперь я пришел, чтобы исповедаться во всех своих грехах, наложить на себя епитимью и жить так, пока Господь милосердный меня не простит.

Отшельник ему отвечал:

— Друг, чувствую, что грехи твои велики и что ты не исполнял заповеди Божьи, но Его милосердие больше грехов наших, и если ты изгонишь их из своего сердца и начнешь новую жизнь, то у тебя есть надежда, что Господь тебе простит все, что было в прошлом.

Это успокоило Ринальдо, и он сказал:

— Господин, я останусь с тобой и буду делать все, что ты скажешь.

Отшельник ответил:

— Коренья и овощи будут служить тебе пищей, рубах и башмаков носить не будешь, а судьбой твоей будут нищета и нужда, если ты останешься со мной.

И Ринальдо прожил с отшельником целых три года, но потом силы стали покидать его, и казалось, что он вот-вот умрет.

Однажды ночью отшельнику приснился сон, в котором он услышал голос с небес, который сказал, что его товарищу нужно отправляться в Святую землю и сражаться с язычниками. Отшельник, услышав этот голос, обрадовался и, призвав Ринальдо, сказал ему:

— Друг, Божий ангел повелел мне сказать тебе, чтобы ты без промедления шел в Иерусалим и помог христианам в их борьбе с язычниками.

На это Ринальдо ответил:

— О господин, как я могу это сделать? Более трех лет назад я поклялся не садиться на коня и не брать в руки ни меча, ни копья.

Отшельник ответил:

— Дорогой друг, подчинись Господу и сделай то, что повелел ангел.

— Хорошо, я так и поступаю, — ответил Ринальдо, — а ты молись за меня, и пусть Господь наставит меня на путь истинный.

После этого он ушел, добрался до берега моря, сел на корабль и прибыл в сирийский город Триполи.

Пока он был в пути, его силы постепенно возвращались к нему, и вскоре он стал таким же могучим, как прежде. И хотя он ни разу не сел на коня и не взял меча в руки, его посох пилигрима служил верой и правдой христианскому войску. Господу было угодно, чтобы он из всех сражений выходил невредимым, хотя сражений этих было множество. Его отвага воодушевляла многих. Наконец с сарацинами было заключено

перемирие, и Ринальдо, уже старый и немощный, желая перед смертью еще раз увидеть родину, сел на корабль и отплыл во Францию. Прибыв, он не стал жить среди знати, а поселился у скромных, небогатых людей, где его никто не знал. Он делал деревенскую работу и жил на хлебе и молоке, пил воду и был всем доволен. Однажды он узнал, что Кёльн — самый богоугодный из городов, потому что в нем находятся мощи святых, которые когда-то пролили там свою кровь за веру. Это заставило Ринальдо туда отправиться. Прибыв в Кёльн, наш благочестивый герой удалился в монастырь Святого Петра и жил там богоугодной жизнью, проводя ночи и дни в молитвах. Случилось так, что в это время в соседнем с Кёльном городе разразился мор. Многие люди приходили к Ринальдо, чтобы он помолился за них и остановил чуму. Этот святой человек усердно молился и просил Господа избавить людей от чумы, и его молитва была услышана. Мор кончился, и люди благодарили Ринальдо и восхваляли Господа.

В то время в Кёльне жил епископ, которого звали Агилольф, он был мудрым и знающим человеком, вел безгрешную и уединенную жизнь. Он являл собой хороший пример для многих. Этот епископ решил построить церковь Святого Петра и призвал в Кёльн каменщиков и других строительных рабочих. Среди прочих пришел и Ринальдо. Он трудился обычным рабочим, но делал вчетверо, а то и впятеро раз больше, чем другие. Пока все обедали, он успевал натаскать раствора и камня столько, что хватало на целый день. Когда все ложились в постели, он засыпал на обычном камне. Он ел только хлеб и пил только воду, а платили ему всего медную монетку в день. Старший над ними спросил, как его зовут и какого он рода-племени. Он ничего не сказал, а вместо ответа стал еще усердней работать. Его стали звать работником святого Петра из-за его подвижнического отношения к работе.

Надсмотрщик, видя усердие этого святого человека, стал распекал других работников за лень и сказал:

— Вы получаете больше, чем этот добрый человек, а делаете лишь половину того, что делает он.

По этой причине другие работники возненавидели его и решили убить. Они знали, что он каждый день ходит в одну и ту же церковь, чтобы помолиться и раздать милостыню. Поэтому они задумали подкараулить его там и убить. Устроив засаду, они навалились на него и били по голове до тех пор, пока он не умер. Затем они засунули его тело в мешок, положили туда камней и бросили в Рейн в надежде, что мешок утонет

и никто ничего не найдет. Но Господь распорядился так, что мешок не утонул, и его прибило к берегу. Душу святого мученика под звуки хвалебных песен понесли к небесам ангелы.

В это время жители Дортмунда были обращены в христианскую веру и послали людей к епископу Кёльна с просьбой передать им мощи какого-нибудь святого, которых в Кёльне было множество. Епископ созвал духовенство, чтобы решить, какой ответ давать жителям Дортмунда. И было решено отправить в этот город тело новопреставленного мученика.

Когда тело и раку поставили на дроги, они поехали в сторону Дортмунда без помощи лошадей и людей. Они не останавливались до тех пор, пока не достигли того места, где теперь стоит церковь Святого Ринальдо. Целых три мили епископ и все духовенство шли за телом святого с пением молитв, чтобы воздать ему последние почести. С этого времени святой Ринальдо является покровителем этих мест, и через него Господь явил множество чудес, о которых свидетельствуют предания.

Гуон Бордоский

Когда Шарлемань состарился, он почувствовал, что бремя правления становится для него тяжелее год от года. И вот однажды он созвал всех своих вельмож и пэров и сказал им, что собирается передать империю и трон Франции своим сыновьям Карлоту и Людовику.

Император слепо благоволил своему старшему сыну и хотел, чтобы бароны и пэры признали Карлота своим сувереном. Однако принц пользовался такой дурной славой за свою лживость и жестокость, что совет категорически отверг предложение императора отречься от престола и попросил его не выпускать из рук скипетра, которым он так славно владел.

Амори Отвильский, кузен Ганелона и глава самой гнилой ветви Майнцского рода, был тайным сторонником Карлота, будучи под стать ему безнравственностью и подлостью. Он вынашивал в себе обиду на Гиенский дом, покойный герцог которого, Севин, часто корил его за всякие проступки. Он решил воспользоваться ситуацией, чтобы навредить двум юным сыновьям, которых герцог Севин оставил на попечение герцогини Алисы, их матери. Одновременно он хотел приблизиться к Карлоту, чтобы приумножить свое богатство и влияние. Имея все это в виду, он предложил принцу новую идею.

Амори притворился, что согласен с решением баронов, сказав, что лучше сначала проверить способности Карлота и дать ему в управление какие-нибудь богатые провинции, прежде чем доверить трон. А чтобы император не лишал себя какой-нибудь части своего королевства, Карлоту лучше предоставить Гиень, ибо прошло уже семь лет с тех пор, как Севин умер, а младший герцог еще не появлялся при дворе, чтобы принести клятву своему законному суверену.

Не раз мы восхищались мудростью советов, которые Намо, герцог Баварский, давал Шарлеманю. И сейчас он с негодованием отверг корыстный совет Амори. Он сказал, что дети Севина еще малы, что их отец в своем служении всегда заботился о пользе и славе, и предложил Шарлеманю отправить двух рыцарей к герцогине в Бордо, чтобы она привела двух своих сыновей ко двору засвидетельствовать почтение императору и принести ему клятву.

Шарлеманю понравился совет, и он отправил двух рыцарей к герцогине за обоими принцами. Как только герцогиня узнала о приближении рыцарей, она отправила к ним навстречу почтенных людей, а как только они вошли во дворец, она предстала перед ними сама со своими сыновьями, старшего из которых звали Гуон, а младшего — Жирар.

Посланники, довольные радушием приема и дорогими дарами, с сожалением уезжали из Бордо и по возвращении сообщили Шарлеманю, что молодой герцог Гуон, похоже, родился, чтобы идти по стезе своего отважного отца, добавив, что через три месяца молодые принцы Гиенского дома сами явятся ко двору.

Герцогиня воспользовалась этой короткой отсрочкой, чтобы дать детям свои последние наставления. Гуон отнесся к ним совершенно серьезно, в отличие от Жирара — как и можно было ожидать от такого юного создания.

Подготовка к их отъезду завершилась, герцогиня нежно обняла детей, вручила их судьбу Господу и наказала им обязательно посетить знаменитое Ключийское аббатство, где настоятелем служил брат их отца. Этот аббат был очень достойным человеком, который никогда не забывал делать добро, являя собой пример праведной жизни.

Он встретил своих племянников с большими почестями, и, понимая, что может быть им полезен при дворе Шарлеманя, чьим влиятельным советником он являлся, аббат присоединился к детям и отправился вместе с ними в Париж.

Когда Амори узнал, какой прием был оказан двум посланцам Шарлеманя в Бордо и как готовились к появлению принцев при дворе императора, он предложил Карлоту дать ему отряд своей охраны, с которым он сядет в засаде в лесу в Монлери, убьет детей, а принц Карлот получит все владения герцогства Гиенского.

Такой коварный план и жестокость оказались по нраву Карлоту. Он не только одобрил предложение Амори, но и настоял на том, чтобы самому в нем участвовать. Они тайно выехали ночью в сопровождении большого числа слуг в черных доспехах с намерением напасть на братьев, когда те будут проезжать через лес.

Жирар, младший из братьев, который развлекался тем, что напускал своего ястреба на попадавшихся по пути птиц, ехал чуть впереди своего брата и клюнийского аббата. Карлот, увидев, что один из братьев едет в одиночестве и без оружия, выехал ему навстречу, затеял с ним ссору и поверг на землю ударом копья. Падая, Жирар успел крикнуть. Гуон услышал крик и поскакал на защиту брата с одним только мечом. Он подъехал к нему и увидел, что Жирар ранен.

— Что тебе сделал этот ребенок, негодяй! — крикнул он Карлоту. — Как низко было напасть на него, когда он даже ответить тебе не мог!

— Клянусь, я хотел это сделать с тобой. Знай же, что я — сын герцога Тьерри Арденнского, у которого твой отец Севин отнял три замка, и я поклялся отомстить ему, поэтому я вызываю тебя.

— Трус, — ответил Гуон, — я знаю, сколько подлости совершил твой род. Достойный сын Тьерри, пользуйся тем преимуществом, которое дает тебе твое оружие, но знай, что я тебя не боюсь!

После этих слов у Карлота хватило низости взять копье наизготовку и атаковать Гуона. Гуон еле успел обернуть руку плащом. Используя это как подобие щита, он встретил удар копья, которое разорвало плащ, но не задело руку. Затем, поднявшись на стременах, сеньор Гуон нанес Карлоту удар мечом такой страшной силы, что и шлем и голова раскололись надвое. Трусливый принц замертво упал на землю.

Теперь Гуон заметил, что в лесу полно вооруженных людей. Он призвал свою свиту приготовиться к бою, но нападения не последовало. Амори, который видел, как упал Карлот, счел за лучшее не показываться. Зная, что Шарлемань не оставит без возмездия смерть своего сына, он решил пока ничего не предпринимать. Он дождался, когда Гуон

и клюнийский аббат перевяжут Жирану рану и продолжат путь к Парижу, а сам взял тело Карлота, положил его поперек лошади и отвез в Париж, прибыв туда на четыре часа позже Гуона.

Клюнийский аббат представил своего племянника Шарлеманю, но Гуон не спешил кланяться, возмущаясь устроенной на него засадой, которая, по его мнению, не могла состояться без ведома императора. Шарлемань, удивленный обвинением, которое его добрая душа не заслужила, спросил у аббата, какие у его племянника основания так говорить. Аббат пересказал все как было, сообщив, что трусливый рыцарь, назвавшийся сыном Тьерри Арденнского, ранил Жирану и напал на Гуона, который был без доспехов. Но тот благодаря своей силе и храбрости одолел изменника и оставил его лежать в поле.

Шарлемань с негодованием отверг свою причастность к недостойному поступку Тьерри, поздравил молодого герцога с победой и сам проводил обоих братьев в богатые покои. Он остался посмотреть, как делают перевязку Жирану, а потом препоручил братьев заботам герцога Намо Баварского, который некогда был соратником герцога Севина и относился к братьям как к собственным детям.

Только Шарлемань вышел от братьев и отправился в свои покои, как услышал крики и через окно заметил въезжающий отряд вооруженных людей. Он узнал Амори, который вез убитого рыцаря на своей лошади, а люди, столпившиеся во дворе, повторяли имя Карлота.

Привязанность Карла к своему недостойному сыну была одной из его слабостей. Предчувствуя недоброе, он спустился во двор, подбежал к Амори и издал горестный крик, узнав Карлота.

— Это Гуон Бордоский, — сказал коварный Амори, — убил твоего сына прежде, чем я успел его защитить.

Шарлемань, пылая ненавистью, выхватил меч и бросился в покои, где были братья, желая вонзить клинок в сердце убийцы сына. Герцог Намо схватил его за руку и держал ее до тех пор, пока король не объяснил, в чем обвиняется Гуон.

— Он пэр королевства, — сказал Намо, — и если он виновен, то разве он не в твоей власти и разве не мы, пэры, являемся единственными судьями, которые могут осудить его на смерть? Так не пачкай же рук своих его кровью.

Мудрость герцога Намо остудила императора, и он призвал к себе Амори. Пэры собрались, чтобы выслушать его свидетельство, и изменник обвинил Гуона Бордоского в том, что тот нанес смертельный

удар, не дав Карлоту даже защититься, хотя знал, что перед ним старший сын императора.

Клюнийский аббат, возмущенный лживыми обвинениями Амори, вышел вперед и сказал:

— Клянусь святым Бенедиктом, сир, что изменник нагло лжет. Даже если мой племянник убил Карлота, он сделал это защищаясь и только после того, как увидел, что его брат ранен, при этом он не догадывался, что перед ним принц. И хотя я сын церкви, — добавил добрый аббат, — я не забыл еще, что по рождению являюсь рыцарем, и готов в поединке доказать всю ложь Амори, если только он осмелится на ней настаивать, и при этом буду знать, что наказать коварного предателя лучше, чем петь славословия и утренние молитвы.

Гуон, до этого времени стоявший молча, пораженный черной клеветой Амори, вышел вперед и, обращаясь к Амори, сказал:

— Предатель! Готов ли ты оружием доказать все то, что ты осмелился здесь сказать?

Амори, будучи опытным рыцарем, поглядел на тонкую юношескую фигуру Гуона и, нисколько не колеблясь, бросил ему перчатку. Гуон подобрал ее, затем, повернувшись к пэрам, сказал:

— Надеюсь, мне разрешат вступить в этот поединок, ибо не было еще для этого более законной причины.

Герцог Намо и остальные, считая, что дело должно разрешиться по воле Небес, позволили поединок, Шарлемань с этим нехотя согласился. Молодой герцог был передан на попечение герцога Намо, который на следующее утро надел на него рыцарские знаки отличия, дал ему надежные латы и щит белого цвета. Клюнийский аббат, довольный, что его племянник оказался достоин своего происхождения, обнял его, благословил и отправился молиться за него в церковь Сен-Жермен, а люди короля готовили поле к поединку.

Бой был продолжительным и упорным. Проворство и ловкость Гуона позволяли ему уклоняться от страшных ударов, которые пытался нанести ему расвирепевший Амори. Но Гуон уже не раз пролил кровь своего противника. Было видно, как таяли силы предателя. Наконец он соскочил с коня и стал просить о пощаде.

— Пощади меня, — сказал он, — и я во всем признаюсь.

Отважный и благородный Гуон при этих словах сунул меч под мышку левой руки, а правую протянул, чтобы помочь подняться лежащему

человеку. Но тот воспользовался моментом и нанес ему удар в бок. Кольчуга Гуона выдержала, и он получил неглубокую рану. Возмущенный такой низостью, он забыл, как ему необходимо признание Амори, и нанес тому смертельный удар.

Герцог Намо и другие пэры подошли к нему, распорядились, чтобы тело Амори унесли с ристалища, и подвели Гуона к императору. Однако Шарлемань, оглушенный своим горем, готов был лишить его всех владений и навсегда изгнать из Франции. Только после долгих уговоров герцога Намо и прочих он согласился помиловать Гуона на условиях, о которых он сообщит.

Гуон подошел к императору и стал перед ним на колени, произнес клятву вассала и стал умолять простить его за нечаянное убийство его сына. Шарлемань не взял в свои ладони руки Гуона, а лишь прикоснулся к нему скипетром со словами:

— Я принял твою клятву и не виню тебя за смерть моего сына, но при одном условии. Ты немедленно отправишься ко двору султана Годиссо, предстанешь перед ним, когда он будет за трапезой, отрубишь голову самому почетному гостю, который будет сидеть рядом с ним, трижды поцелуешь его дочь, принцессу, и потребуешь от султана, как знак того, что он мой данник, клок седых волос из его бороды и четыре коренных зуба из его рта.

Это условие вызвало ропот среди присутствующих.

— Что? — воскликнул клюнийский аббат. — Убить сарацинского принца, даже не предложив ему стать христианином?

— Последнее нетрудно, — ответили молодые пэры, — но то, что от Гуона требуется сделать со старым султаном, это просто варварство, и сделать это будет сложно.

Упрямство императора, когда он что-нибудь решил, было всем хорошо известно. Но отважному Гуону казалось, что ничего невыполнимого не бывает.

— Я принимаю условие, монсеньор, — сказал Гуон громче, чем звучали слова заступничества герцога Намо. — Я готов заплатить такую цену за твое прощение. Я отправляюсь, чтобы исполнить твои повеления как твой вассал и пэр Франции.

Герцог Намо и клюнийский аббат, которым не удалось смягчить приговор, вынесенный Шарлеманем, проводили молодого герцога, решившего немедленно отправиться в поход. Единственное, на что доброму аббату удалось уговорить Гуона, так это поехать сначала в Рим, чтобы

предстать перед папой римским, который был братом герцогини Алисы, матери Гуона, и попросить его об отпущении грехов и о благословении. Гуон обещал все исполнить и тут же отправился в Рим.

Гуон пересек Аппенины, всю Италию и добрался до окрестностей Рима. Там он снял с себя доспехи и переделался в одежду паломника. В таком облачении он предстал перед папой и, только исповедавшись во всех грехах, признался, что он его племянник.

— О дорогой племянник, — воскликнул святой отец, — даже я не смогу придумать епитимью суровой той, что тебе уготовил император. Иди с миром, сын мой, — сказал папа, отпуская ему грехи, — а я заступлюсь за тебя перед Всевышним.

После этого он проводил своего племянника во дворец и представил всем кардиналам и князьям Рима как герцога Гиенского, сына герцогини Алисы, его сестры.

Отправляясь в путь, Гуон дал себе обещание не задерживаться в одном месте больше трех дней. Папа использовал это время, внушая племяннику необходимость трудиться во славу христианства и во всем уповать на Господа. Он посоветовал ему отправиться в Святую землю, чтобы посетить храм Успения Господня, а оттуда уже идти вглубь Азии.

Имея папское благословение, Гуон во исполнение его наказа отправился в Палестину, прибыл туда и с большим рвением стал посещать святые места. После этого он взял путь на восток, но, не зная страны и ее языка, он заблудился в лесу, где за трое суток не встретил ни одного человека, питаясь медом и дикими плодами, которые он собирал на деревьях. На третий день, отыскивая дорогу в скалистой местности, он повстречал человека в ветхих одеждах, заросшего бородой и волосами. Завидев его, человек остановился, оглядел его и признал в нем французского рыцаря. Он тут же подошел к нему и воскликнул с акцентом, который выдавал в нем жителя южной Франции:

— Благодарю тебя, Господи! Неужели передо мной настоящий французский рыцарь — после пятнадцати лет, которые я провел в этой пустыне, не видя ни одного соотечественника?

Гуон, чтобы обрадовать его еще больше, отстегнул шлем и, улыбаясь, подошел к нему. Встречный удивил его еще больше.

— О Господи, — вскричал он, — разве может быть такое сходство! Благородный господин, умоляю тебя, скажи мне, откуда ты и какого ты роду.

— Прощу тебя, представься, — сказал Гуон, — прежде чем я откроюсь тебе, а пока довольствуйся тем, что я христианин и родом из Гиени.

— Небеса не дали моим глазам и моему сердцу обмануться! Меня зовут Шерасмин, я брат Гира, мэра Бордо. Меня взяли в плен в битве, когда мой дорогой господин, знаменитый Севин, был убит. Три года я испытывал муки рабства, но наконец разбил цепи и бежал в пустыню, в которой до сих пор обитаю в полном одиночестве. Твое лицо напомнило мне моего любимого суверена, на службе которого я находился с детства и до самой его смерти.

Гуон ничего не ответил, лишь обнял старика со слезами на глазах. По доспехам старик понял, что перед ним сын герцога Севина. Он привел его в свою хижину и разложил перед ним сушеные фрукты и мед, которые составляли всю его пищу.

Гуон поведал Шерасмину о своих приключениях, и от его рассказа тот разрыдался, а затем стал поучать его, как выполнить задание. Шерасмин не стал скрывать, что на успех рассчитывать невозможно. Тем не менее он поклялся никогда не оставлять Гуона. Его умение говорить на языке сарацин могло бы сослужить им хорошую службу, когда они покинут пустыню и выйдут к людям.

Они отправились к Красному морю и достигли Аравии. Их путь лежал через край, который Шерасмин описывал как полный ужасов. Там обитал Оберон, король фей, который брал в плен рыцарей, отваживающихся вторгнуться в его владения, и превращал их в хобгоблинов. Этот край можно было обойти, но тогда дорога стала бы намного длиннее. Однако никакие опасности не пугали Гуона Бордоского, а отважный Шерасмин, который к этому времени уже обзавелся рыцарскими доспехами, не имел ничего против того, чтобы пойти по опасному, но более короткому пути.

Они вошли в лес и добрались до места, где расходилось несколько дорог. Пойдя по одной из них, они оказались у прекрасного дворца с золотой крышей, на которой блестели флюгера, украшенные алмазами. Из ворот дворца выехала прекрасная колесница и направилась в сторону Гуона и его спутника, чтобы встретить его на полпути. Принц никого не увидел в колеснице, кроме пятилетнего красивого мальчика, одетого в богатые одежды, отделанные драгоценными камнями. Завидев его, Шерасмин изменился в лице от ужаса. Он схватил коня Гуона за поводья и развернул его, говоря, что если они остановятся, то станут добычей

этого коварного карлика, который хотя и выглядит как ребенок, на самом деле уже в годах и горазд на всякие подлости. Гуону было жаль отрывать взор от прекрасного карлика, чей вид не внушал ему никаких опасений. Но тем не менее он последовал за своим спутником, который гнал коня во весь опор. Вдруг на лес налетела буря, и день потемнел так, что они с трудом разбирали дорогу. Время от времени им казалось, что они слышат детский голос, который говорил: «Остановись, герцог Гуон! Все равно тебе не убежать от меня!»

Шерасмин только еще быстрее поскакал, и они не останавливались, пока не достигли ворот монастыря, обитатели которого, монахи и монахини, собирались в это время на крестный ход. Шерасмин, не опасаясь злокозненного карлика в окружении стольких святых людей и хоругвей, остановился, чтобы попросить убежища, и велел Гуону слезть с коня. Но в этот момент их догнал карлик и принялся дуть в рожок из слоновой кости, висевший у него на шее. Неожиданно Шерасмин против своей воли пустился в пляс, как молодой школяр. Он схватил за руку престарелую монашку, которая решила, что смерть ее пришла, и они стали отплясывать на лужайке. Вскоре уже все монахи и монашки весело плясали, и это все выглядело как самая странная пирушка, которую только можно представить. Только Гуона не потянуло в пляс, но он умирал от смеха, глядя на ужимки и прыжки остальных.

Карлик, подойдя к Гуону, сладко произнес на его родном языке:

— Герцог Гиенский, почему ты избегаешь меня? Господом заклинаю, поговори со мной.

Гуон, слыша, что к нему обращаются так серьезно, и веря, что нечистый не стал бы призывать Господа ради своих коварных дел, ответил:

— Господин, кто бы ты ни был, я готов выслушать тебя и ответить.

— Гуон, друг мой, — продолжал карлик, — я всегда любил твой род, и ты был дорог мне с момента своего рождения. Чистота твоих помыслов, когда ты въехал в лес, уберегла бы тебя от всех чар, если бы я даже решил использовать их против тебя. Если бы твой спутник Шерасмин и эти монахи и монашки были так же чисты в своих помыслах, мой рог не заставил бы их плясать. Ведь не найти монаха или монашку, которые были бы глухи к голосу соблазна, а Шерасмин в пустыне часто сомневался в силе Божественного провидения.

При этих словах Гуон, видя, что танцующие уже очень устали, попросил смилостивиться над ними. Карлик так и поступил, и рожок перестал звучать. Монашки избавились от своих партнеров, поправили платья

и поспешили занять свое место в крестном ходе. Разгоряченный Шерасмин задыхался и не мог стоять на ногах. Он упал на траву и произнес: «Разве я не говорил тебе...» Он еще что-то продолжал сердито бурчать, но подошел карлик, говоря:

— Шерасмин, никогда больше не убегай от Божественного провидения. Зачем ты настраивал своего спутника против меня? Ты заслужил это легкое наказание, но я знаю, что ты — добропорядочен и верен. Я хочу предстать перед твоим другом другим, а каким, ты скоро увидишь. — При этих словах он достал дорогой кубок. — Перекрести кубок, — сказал карлик, — и теперь знай, что вся власть моя от Господа, которому ты поклоняешься и чьим верным слугой я являюсь, так же как и вы.

Шерасмин повиновался, и кубок мгновенно наполнился прекрасным вином. Одного глотка из него ему хватило, чтобы вернуть себе силы, он смог стоять на ногах и чувствовал себя как в молодости. Рассыпавшись в благодарностях, он упал на колени, но карлик поднял его, попросил сесть рядом и рассказал свою историю:

— Юлий Цезарь однажды отправился по морю в свои войска, но налетела буря, и он решил переждать ее на острове Келея, где обитала прекрасная Глорианда. От этой четы я и родился. Я унаследовал от своих родителей все самое лучшее: качества героя от моего отца, а от матери — красоту и ее магию. Но злая сестра моей матери в наказание за какой-то незначительный проступок прикоснулась ко мне своей волшебной палочкой, когда мне было всего пять лет от роду, и остановила мой рост. Моя мать при всей ее магической силе не смогла снять заклятие. Поэтому я до сих пор выгляжу ребенком, хотя лет и житейского опыта у меня много. Волшебную силу, унаследованную от моей матери, я иногда использую для своего развлечения, но всегда для того, чтобы торжествовала справедливость и награждалась добродетель. Я могу и хочу помочь тебе, герцог Гиенский, ибо я знаю, что привело тебя сюда. Я уже вижу, что если ты будешь следовать моим советам, то добьешься успеха и получишь прекрасную Кларимунду себе в жены.

Сказав это, он подарил Гуону полезный и дорогой кубок, который всегда наполнялся, если его брал в руки хороший человек. Он дал ему также прекрасный рожок из слоновой кости:

— Гуон, если ты подуешь в него чуть-чуть, то все, кто его слышит, начнут плясать, как ты только что видел, но когда ты подуешь в него изо всех сил, я всегда его услышу, даже за сотню миль от тебя, и поспешу тебе на помощь. Но старайся не делать этого без особой нужды.

Оберон показал Гуону, куда надо ехать, чтобы добраться до страны султана Годиссо.

— Тебе придется преодолеть много опасностей, пока ты доберешься туда, но мне кажется, — сказал он со слезами на глазах, — что ты не всегда будешь следовать моим советам, и каждый раз в этом случае ты окажешься в беде.

После этих слов он обнял Гуона и Шерасмина и уехал.

Гуон и его спутник много дней ехали по пустыне, пока не достигли обитаемого места. И все это время волшебный кубок служил им верой и правдой, давая им не только вино, но и пищу. Наконец они пришли в большой город. Поскольку дело было к вечеру, то они въехали в его пригород, и Шерасмин, который прекрасно говорил на языке сарацин, спросил, где можно найти постоялый двор, чтобы остановиться там на ночь. Человек, который показался им знатным горожанином, услышав это вопрос и видя перед собой двух почтенных путников, вышел вперед и предложил им остановиться в его доме. Они вошли в дом, и хозяин окружил их такой заботой, какую трудно предположить в сарацине. Он угостил их кофе и шербетом. Все шло безупречно, пока один неуклюжий слуга не пролил горячий кофе на ногу хозяину. Тот вскочил и на чистейшем гасконском воскликнул:

— Гром и молния! Тебя, болван, следует сбросить с мечети.

Гуон не мог не рассмеяться над тем, как непринужденно и неожиданно прозвучал язык его родины. Хозяин, который и не предполагал, что гости его поймут, был поражен, когда Гуон обратился к нему на его родном диалекте. Между ними сразу установилось доверие, особенно когда слуги удалились. Хозяин, видя, что его разоблачили и что его гости вовсе не сарацины, а родом с берегов Гаронны, признался, что он христианин. Гуон, которого Оберон просил быть осторожным, решил проверить искренность хозяина. Он достал кубок, подаренный ему королем фей, и дал его пустым хозяину.

— Красивый кубок, — сказал тот, — но лучше бы ему быть полным.

И в тот же миг кубок наполнился. Пораженный хозяин не рещался пригубить его.

— Пей смело, земляк, — сказал Гуон, — правду твоих слов подтвердил этот кубок, который наполняется только в руках честного человека.

Хозяин больше не сомневался, и кубок стал переходить из рук в руки. Сердечность их разговора росла, каждый рассказывал о своих

приключениях. После рассказа Гуона хозяин стал уважать его еще больше, поскольку признал в нем своего законного суверена. О себе самом хозяин рассказал следующее:

— Меня зовут Флориак. Ты удивишься и огорчишься, узнав, что правителем этого большого и крепкого города является брат герцога Севина, то есть твой дядя. Конечно, ты слышал, что младшего брата герцога Гиенского украли пираты, когда он с товарищами был на берегу моря. Я в то время был его пажом, и нас привезли к варварам и продали в рабство. Принц язычников отправил нас в качестве ежегодной дани султану Годиссо. Твой дядя, которого к тому времени лесть сделала высокомерным, решил, что значимость его в глазах нового хозяина возрастет, если он назовет свой титул. Султан, который, как и все мусульмане, не любил христианских принцев, решил обратиться к сарацинскую веру, и ему это прекрасно удалось. Твой дядя, возвращенный искусством дервишей, а также теми удовольствиями, которыми его окружил султан, совершил страшное преступление против веры: он отказался от крещения и принял мусульманство. Годиссо окружил его почетом, женил на одной из своих племянниц и отдал ему в управление этот город и лежащие вокруг него земли. Твой дядя относится ко мне так же по-дружески, как и тогда, когда я был мальчиком, но ни его уговоры, ни его настояния не заставили меня поменять свою веру. Может быть, он тайно уважает меня за мое упорство, а может быть, хранит надежду, что когда-нибудь я поступаю так же, как он. Он сделал так, что я вместе с ним оказался в этом городе, он мне доверяет и позволяет мне держать у себя на службе несколько христиан, которых я защищаю ради их веры.

— О! — воскликнул Гуон. — Отведи меня к этому отступнику-дяде. Принц Гиенского дома не может не устыдиться того, что отказался от веры своих отцов.

— Увы, — ответил Флориак, — я не думаю, что он устыдится твоих укоров или обрадуется появлению такого достойного племянника. Похотливость уподобила его зверю, он ревностно относится к своей власти, которую часто употребляет слишком жестоко. Скорее он начнет тебя удерживать силой или просто казнит.

— Пусть будет как будет, — ответил отважный и пылкий Гуон. — Если я умру, то лучшей смерти мне и не надо. Прошу тебя, отведи меня к нему завтра утром, предупредив о моем прибытии и о том, кем я являюсь по рождению.

Флориак все еще не соглашался, но Гуон не принимал отказа, и тому пришлось уступить.

На следующее утро Флориак подстерег правителя и сказал ему о приезде его племянника, Гуона Бордоского, и о его желании представиться ему во дворце уже сегодня. Правитель удивился и не дал сразу никакого ответа, хотя уже решил, как ему поступить. Он знал, что Флориак любил христиан и принцев своей родины настолько, что мог содействовать им в любом коварстве, поэтому он изобразил огромную радость, услышав о прибытии к его двору старшего в их семействе. Он немедленно отправил Флориака за ним, а сам распорядился, чтобы дворец был празднично украшен и созван его диван. Отдав несколько тайных распоряжений, он отправился встречать племянника, которого он под настоящим именем и с настоящим титулом представил вельможам своего двора.

Гуон кипел от возмущения, видя своего дядю с богатым тюрбаном на голове, на верху которого блеснул полумесяц, выложенный драгоценными камнями. Его врожденная искренность с трудом позволяла ему терпеть объятия правителя-отступника. Однако надежда улучшить момент, чтобы остаться наедине и высказать своему дяде все, что он думает о вероотступничестве, заставляла его принимать все почести, которые воздавал ему дядя. Правитель нарочито не давал шанса племяннику побыть с ним вдвоем, и все утро они бродили по садам и дворцу. Наконец, когда пришло время обеда и правитель взял Гуона за руку, чтобы отвести в обеденный зал, тот улучил момент и шепотом сказал:

— О мой дядя! О принц, брат герцога Севина, я вижу тебя в положении, которое не вызывает у меня ничего, кроме печали и стыда.

Правитель изобразил радость на лице, сжал ему руку и сказал:

— Молчи, мой дорогой племянник. Я все выслушаю завтра утром.

Гуон, несколько успокоенный этими словами, занял свое место за столом сбоку от правителя. Тут же оказались муфтий, несколько кади, военачальников и дервишей. Шерасмин сел рядом с ними. Однако Флориак, чтобы видеть всех гостей, остался стоять и то и дело отлучался посмотреть, что происходит во дворце. Вскоре он заметил вооруженных людей, крадущихся по проходам, которые вели в обеденный зал. Он хотел было войти в зал и предупредить своих гостей о том, что происходит, но оттуда вдруг раздался сильный шум и началась всеобщая неразбериха. Причина была в следующем.

Гуону и Шерасмину понравилось первое блюдо, и они его с удовольствием поглощали, но они не привыкли обходиться за столом одной только

водой. Гуон и Шерасмин стали переглядываться, не очень довольные таким обычаем. Гуон поначалу смеялся над нетерпением Шерасмина, но потом и сам стал испытывать такую же жажду. Тогда он достал кубок Оберона и перекрестил его. Кубок наполнился, и он выпил его содержимое. Затем передал его Шерасмину, который проделал то же самое. Правитель и его вельможи, увидев ужасный знак, нахмурили брови и замерли в молчании. Гуон, словно не замечая ничего, наполнил кубок снова и передал его дяде со словами:

— Умоляю тебя, присоединяйся к нам, дорогой дядя. Это прекрасное бордоское вино, глоток которого покажется тебе слаще материнского молока.

Правитель, который иногда тайком пил греческое вино со своими женами, на людях не употреблял ничего, кроме воды. Он уже много лет не пробовал хороших вин со своей родины, и, конечно, ему хотелось выпить то, что ему предлагалось: вино было таким золотистым и своим сиянием затмевало золото кубка. Он взял кубок в руки и уже хотел поднести его к губам, как его содержимое высохло, а кубок исчез. Гуон и Шерасмин, как настоящие гасконцы, рассмеялись над изумленным видом правителя.

— Христианские собаки! Как вы осмелились смеяться надо мной за моим столом! Ну ничего, скоро настанет мое время посмеяться!

С этими словами он бросил кубок в голову своего племянника, который одной рукой поймал кубок, а другой стащил тюрбан с головы дяди и бросил его на пол. Все сарадины выскочили из-за стола, готовые отомстить за обиду, нанесенную их правителю. Гуон и Шерасмин заняли оборону и мечами отбивали удары кривых ятаганов. В этот момент двери зала открылись, и в него вбежали несколько вооруженных воинов и евнухов, которые присоединились к тем, кто уже атаковал Гуона и Шерасмина. Гуон и его спутники вскочили на буфет и оттуда сдерживали нападающих, тут же наказывая самых рьяных из них. Но противник был слишком многочисленным, и славный Гуон, вдохновленный выпитым бордоским вином и недостаточно злой, чтобы забыть, что он может пошутить, выдул тихий звук из рожка, и тут же ярость нападавших пропала, и они принялись отплясывать. Гуон и Шерасмин, получившие передышку, любовались со своего возвышения самой необычной и удивительной сценой. Вскоре на звуки танца прибежали жены, обнаружившие, что остались без стражи, и тут же смешались с танцующими. Любимая жена султана схватила за руку молодого дервиша, и они стали

подпрыгивать чуть ли не на два фута вверх, но быстро запутались в своих долгополых одеждах и упали. Борода дервиша запуталась в ожерелье султанши, и они никак не могли ее отцепить. Правитель, возмущенный такой вольностью, бросился вперед, чтобы схватить наглого дервиша, но споткнулся о другого и распростерся на полу. Пляска продолжалась до тех пор, пока силы танцующих не иссякли. Они падали один за другим и оставались лежать без движения. Правитель наконец показал знаками Гуону, что он готов на все, лишь бы тот дал ему передохнуть. Сделка была заключена: правитель позволил Гуону и Шерасмину идти своей дорогой и даже подарил им перстень, который позволял им свободно пройти через всю страну и обеспечивал доступ к султану Годиссо. Друзья решили воспользоваться благополучным для них исходом и продолжили свое путешествие.

Гуон видел многих красавиц при дворе своей матери, но любовь еще никогда не касалась его сердца. Его дамой была честь, и он не тратил время на всякого рода ухаживания. Очень странно, что столь нечуткое к любви сердце однажды откликнулось на такую призрачную вещь, как сон. Но было именно так.

Через день после приключения во дворце дяди Гуона ночь застала путешественников в лесу. Они решили укрыться от ночной росы в небольшой пещере. Волшебный кубок дал им поужинать, ибо его магические свойства позволяли не только пить всех вином, но и при желании кормить чем-нибудь более существенным. Усталость скоро дала о себе знать, и они крепко уснули. Шорох листвы и ароматы ночного леса навеяли Гуону сон: девушка, прекрасней которой он никого никогда не видел, склонилась над ним и поцеловала в уста. Но когда он захотел обнять ее и протянул вперед руки, порыв сильного ветра унес ее.

Гуон проснулся с чувством огромного сожаления, но тут же понял, что это был лишь сон. Однако его задумчивость и печаль заметил Шерасмин. Гуон не мог не рассказать своему верному спутнику о причине своей грусти. Но в ответ не услышал никакого дельного совета, кроме предложения хлебнуть хорошенько из кубка, что Гуон и сделал, причем с большой пользой для себя.

Рано на рассвете они продолжили свое путешествие и ехали, не останавливаясь, до самого полудня, в основном молча. Гуон то и дело вспоминал свой сон, а мысли Шерасмина все время возвращались к юным годам, проведенным на берегах его родной цветущей Гаронны.

Вдруг они слышали отчаянный крик и, углубившись в лес, увидели, как рыцарь с большим трудом отбивается от разъяренного льва. Конь рыцаря лежал бездыханный, и казалось, что еще немного, и рыцарь не сможет сопротивляться, скованный страхом и усталостью. Он упал, и лев уже занес над ним свою когтистую лапу, когда Гуон ударом меча заставил его броситься на нового противника.

Рев потряс лес, и зверь метнулся в прыжке на Гуона, но тот со скоростью молнии вонзил ему меч прямо в бок. Лев покатился по земле в предсмертной агонии.

Они подняли рыцаря с земли, и Шерасмин предложил ему глоток вина из волшебного кубка. Вино искрилось у самых краев, и рыцарь поднес его к губам, но вино исчезло, не дав даже обмочить губы. В гневе он швырнул кубок на землю. Это происшествие не способствовало их сближению, но дальше пошло еще хуже. Ибо когда Гуон сказал: «Господин рыцарь, возблагодарите Бога за свое избавление», — ответом было: «Лучше вы поблагодарите Мухаммада, что он направил вас сюда, чтобы оказать услугу самому принцу Хиркании».

Услышав такое богохульство, Гуон выхватил меч и повернулся к негодяю, которому вовсе не хотелось испытать на себе ловкость того, кто только что ее доказал. Поэтому сарацин вскочил на коня Гуона, пришпорил его и был таков.

Приключение оказалось досадным, но делать было нечего. Герцог и Шерасмин кое-как продолжили свое путешествие верхом на одной лошади, и наконец, когда уже начало темнеть, они разглядели флаги и башни большого города, который, как они знали, должен был быть знаменитым Багдадом.

Подъезжая к его предместьям, они уже валились с ног от усталости. Было темно, и, не зная, куда отправиться, они спросили у встретившейся старушки, где можно остановиться на ночь, и она сказала, что, если они не против, она может предложить им свой дом. Они с благодарностью приняли предложение и вошли внутрь через низенькие двери. Добрая женщина быстро выставила на стол все, чем была богата, — появилось молоко, финики и персики. При этом она сожалела, что из-за ветров ее миндальные деревья остались без плодов.

Гуону показалось, что он никогда не пробовал ничего вкуснее. Пока ее гости ели, старушка говорила. Она была уверена, что гости приехали, чтобы присутствовать на большом празднике, который устраивался в честь свадьбы дочери султана и должен был состояться на следующий

день. Они спросили ее про жениха, и старушка ответила, что это принц Хиркании, и добавила:

— Наша принцесса ненавидит его и согласна скорее выйти замуж за дракона, чем за него.

— Откуда тебе это известно? — спросил Гуон, и старушка ответила, что от самой принцессы, которую она нянчила.

Гуон спросил, почему принцессе так не нравится ее жених, и старушка, довольная тем, что ее рассказ вызвал такой живой интерес, поведала, что всему виной сон.

— Сон? — переспросил Гуон.

— Да, сон. Ей приснилось, что она лань, за которой гонится принц-охотник, и в тот самый момент, когда он ее уже догнал, появился прекрасный карлик в золоченой карете. Рядом с ним был светловолосый юноша, красивый, как те, что живут в заморских землях. Ей снилось, что карета остановилась рядом с ней и что она, приняв свой обычный вид, хотела войти в карету, но та вдруг исчезла вместе с красивым карликом и русоволосым юношей. Этот сон запал ей в душу, и с той поры ее жених, хирканский принц, стал ей ненавистен. Однако ее отец-султан, конечно же, не считает, что сон — достаточная причина, чтобы расстроить брак, и назначил на завтра брачную церемонию, которая должна состояться в присутствии всего двора и множества принцев из соседних земель, которых привела сюда красота принцессы и богатство ее жениха.

Можно представить, какая буря разыгралась в душе у Гуона. Разве не ясно, что Провидение привело его сюда и вымостило путь к успеху? В эту ночь Гуон долго не мог уснуть, потому что юношеская пылкость рисовала ему радужные картины продолжения его странного приключения.

На следующий день, который он считал решающим днем в своей судьбе, он готовился выполнить поручение Шарлеманя. Надев доспехи и прихватив с собой волшебный рожок из слоновой кости и перстень, он отправился во дворец султана, куда на пир собирались гости. Когда он подошел к воротам, громкий голос возгласил, что все правоверные могут войти. И Гуон, наш славный и храбрый Гуон, в юношеском нетерпении позволил себе войти под этим ложным именованием. Не успел он миновать своды, как уже устыдился своей низости, и его охватило сожаление. Чтобы исправить свою ошибку, он поспешил к следующему привратнику и закричал:

— Пес неверного, заклинаю тебя именем Того, кто умер на кресте, открой мне!

Острия сразу сотни клинков преградили ему путь. Тут Гуон вспомнил о перстне, который ему вручил его дядя-правитель. Он показал его и потребовал, чтобы его отвели к султану. Начальник стражи узнал перстень, низко поклонился и позволил ему войти. Таким же образом он прошел следующие двери и оказался в богато украшенном зале, где великий султан сидел за трапезой вместе со своими вассальными принцами. При виде перстня распорядитель тут же провел его во главу стола и представил султану и принцам как посла Шарлеманя. Ему отвели место рядом с царствующими особами.

Хирканский принц — тот самый, которого Гуон спас от разъяренного льва и который был обещан в женихи прекрасной Кларимунде, — сидел от султана по правую руку, а принцесса — по левую. Случилось так, что Гуон находился недалеко от принцессы, и церемонии приема еще не закончились, а он уже устремился к ней — исполнить наказ Шарлеманя. Сначала он поцеловал ее в розовые губы, как было велено, а потом добавил еще один поцелуй от себя. Хирканский принц вскричал:

— Дерзкий неверный, получи за свою наглость! — и направил на Гуона удар, который, если бы достиг цели, тут же и завершил бы его посольскую миссию.

Но принц промахнулся, и ответным ударом Гуон снес ему голову в наказание за его вероломство и неблагодарность. Это произошло так быстро, что никто не успел схватить его за руку, чтобы остановить удар. И теперь уже Годиссо кричал:

— Схватить убийцу!

Гуона окружили со всех сторон, но его грозный клинок не давал дворовым людям приблизиться. Однако он видел, что входят новые стражники — в таком количестве, что он вряд ли смог бы им противостоять. Он достал свой рожок, поднес его к губам и дунул в него так, как, наверное, трубил Роланд на поле Ронсевала. Но все было напрасно. Оберон услышал его, но грех, который совершил Гуон, лишь на мгновение притворившись верующим в лжепророка, не позволял Оберону помочь ему. Гуон, поняв, что он покинут — и по какой именно причине, — потерял свою силу и проворство, был схвачен, закован в кандалы и брошен в темницу.

Ему сохранили жизнь только для того, чтобы приготовить для него более мучительную смерть. Султан решил, что после того, как Гуон познает все муки голода и отчаяния, с него живого сдерут кожу.

Однако волшебник, более древний и более могущественный, чем Оберон, заинтересовался Гуоном. Этим волшебником была Любовь. Принцесса Кларимунда с ужасом узнала, какая судьба уготована молодому принцу. С помощью своей служанки она прошла мимо тюремщика, чтобы снять кандалы со своего любимого. Своими руками она сняла с него оковы, дала ему еду, чтобы можно было поддержать жизнь, которую он с этой минуты решил посвятить ей. После самых нежных объяснений принцесса ушла, пообещав прийти завтра.

На следующий день она пришла, как обещала, и принесла с собой еду. Она приходила так целый месяц. Гуон был слишком хорошим сыном церкви, чтобы забыть, что прекрасная принцесса была сарацинкой. Он не терял времени даром и на каждой встрече раскрывал перед ней величие истинной веры. Как легко верится в истину, когда ее произносят уста любимого! Кларимунда вскоре призналась, что поверила в христианское учение и хочет, чтобы ее окрестили.

Тем временем султан поинтересовался у тюремщика, как узник переносит муки голода, и, к своему удивлению, узнал, что тот даже не сильно похудел. Когда султан через некоторое время повторил свой вопрос, тюремщик ответил, что узник неожиданно умер и его пришлось похоронить в пещере. Султану оставалось только сожалеть, что он не успел привести наказание в исполнение. Пока все это происходило, верный Шерасмин, который в тот раз не сопровождал своего хозяина, но от разных людей узнал, что случилось во дворце, решил отправиться на выручку Гуону. Он представился султану как Соларио, его племянник. Годиссо радушно его принял и все при дворе почтили его своим вниманием. Скоро Шерасмин узнал, как принцесса относится к отважному, но несчастному Гуону. Он познакомился с ней, и между ними установилось доверие. Кларимунда охотно согласилась помочь Гуону бежать, оставить своего отца и отправиться ко двору Шарлеманя. Общими усилиями они уже были близки к цели — тайно подготовили судно и все, что нужно для бегства, но на их пути появилось непредвиденное обстоятельство. Гуон сам отказался бежать, поскольку выполнил не все повеления Шарлеманя.

Шерасмин был в отчаянии. Он с горечью упрекал Оберона за непоостоянство и жестокость, поскольку тот отказал в помощи, когда она была больше всего нужна. Он пытался убедить герцога в том, что тот и так сделал много и не обязан делать то, что невозможно. Но все было напрасно, и он уже не знал, как поступить, когда произошло событие, столь

обычное для турецкого деспотизма. Во дворец султана прибыл гонец с перстнем своего суверена, могущественного Аграпарда, арабского халифа, а еще у гонца была тетива для шеи Годиссо. Причин того никто не знает, да и вообще в таких случаях достаточно было только желания халифа. Подозревали, правда, что пославший тетиву убедил халифа в том, что Годиссо, чья жадность была всем известна, скопил несметные богатства и не делился, как положено, со своим сувереном. Поэтому ему было поручено занять место Годиссо и стать новым эмиром.

Тело Годиссо бросили бы на съедение собакам и стервятникам, если бы не Шерасмин, который представился племянником убитого и выпросил дозволения забрать его и предать земле, как положено. Но прежде чем похоронить Годиссо, он отрезал ему бороду и вырвал у него коренные зубы, как велел Шарлемань.

Больше уже ничто не мешало влюбленным и их верному спутнику вернуться во Францию. Они отплыли, посетив по дороге Рим, где сам римский папа благословил союз своего племянника, герцога Гуона Бордоского, и принцессы Кларимунды.

Вскоре после этого они прибыли во Францию, где Гуон сложил свои трофеи к ногам Шарлеманя, тем самым снова обретя его милость. После этого он с молодой невестой поспешил к своей матери-герцогине и к своим верным вассалам провинции Гиень и города Бордо, где их встречали с превеликой радостью.

Ожье Датчанин

Ожье Датчанин был сыном Гальфрида, который отобрал Данию у язычников и стал ее первым христианским королем. После рождения Ожье, но до его крещения в покоях ребенка появилось сразу шесть прекрасных дам. Они обступили его, и та, что с виду была старше всех, взяла его на руки, поцеловала и положила свою ладонь на его сердце.

— Ты станешь самым отважным воином своего времени, — сказала она и передала ребенка своей сестре, которая произнесла:

— И тебе представится множество случаев доказать свою храбрость.

— Сестра, — сказала третья дама, — это слишком опасный подарок. Поэтому никогда ему не быть побежденным.

Четвертая, положив ладони ему на глаза и губы, добавила:

— Даю тебе способность доставлять удовольствие.

Пятая сказала:

— Чтобы все эти дары не служили предательству, тебе будет воздаваться любовью за любовь.

Затем заговорила Моргана, самая младшая и красивая из всех:

— Милое существо, ты не умрешь до тех пор, пока не посетишь мой остров Авалон.

Тут она поцеловала ребенка и исчезла вместе со своими сестрами.

После этого король отнес ребенка к купели, и его окрестили, дав имя Ожье.

Его обучали всему тому, что нужно, чтобы стать хорошим рыцарем. Он также освоил все премудрости, которые необходимы герою.

Только ему исполнилось шестнадцать лет, как Шарлемань, чья власть распространялась на всех суверенов его времени, вспомнил, что Гальфрид, отец Ожье, не принес ему присягу как императору и суверенному правителю Дании, одного из самых больших ленных империи. Поэтому он направил посольство с требованием, чтобы Гальфрид принес ему присягу. Когда ему передали высокомерный отказ, он отправил армию, которая должна была принудить короля к присяге. Гальфрид после неудачного сопротивления вынужден был присягнуть императору, а чтобы доказать искренность своей присяги, отправил своего старшего сына Ожье в качестве заложника к Карлу, при дворе которого он должен был воспитываться. Его отдали на попечение герцога Баварского, Намо, друга его отца, который относился к нему как к родному сыну.

Ожье день ото дня становился все краше и милее. Всех своих сверстников из знатных семей он превосходил статью, силой и учтивостью. Он старался не пропустить ни одного турнира, был внимателен к рыцарям старше себя и с нетерпением ожидал, когда будет похож на них. Однако в его сердце иногда возникал тайный ропот против своего положения заложника, да еще совершенно забытого своим отцом.

Датский король в это время был озабочен новой любовью. Поскольку мать Ожье умерла, он женился второй раз, и у него уже родился сын по имени Гуйон. Новая королева имела абсолютную власть над мужем, и, боясь, что, увидев вновь Ожье, тот может сделать его наследником трона вместо Гуйона, она постоянно откладывала поездку мужа ко двору Шарлеманя с вассальной клятвой. И вот прошло уже четыре года после последней такой церемонии. Шарлемань, раздраженный таким пренебрежением, ужесточил условия пребывания Ожье при дворе в ожидании ответа на требование прибыть ко двору.

Ответ Гальфрида оказался оскорбительным и вызывающим, что привело Шарлеманя в бешенство. Сначала он хотел было выместить злобу на своем заложнике Ожье, но после уговоров герцога Намо, который относился к своему воспитаннику как отец, решил пощадить его, если Ожье поклянется в верности ему как своему суверену и пообещает не покидать двор без его разрешения. Ожье принял эти условия и стал пользоваться той же свободой, которая была у него прежде.

Император хотел уже идти войной на строптивого вассала, но письмо от папы римского Льва позвало его в другом направлении. Сарацины высадились неподалеку от Рима, захватили холм Яникулум и готовились пересечь Тибр и предать огню и мечу столицу христианского мира. Шарлемань сразу откликнулся на просьбу папы. Он быстро собрал армию, пересек Альпы, а затем Италию и прибыл в Сполето, город-крепость, куда переехал папа. Лев во главе своих кардиналов вышел встретить его и выразить свое почтение как сыну Пипина, знаменитому защитнику папского престола, пришедшему в час нужды на защиту, как это делал его отец.

Шарлемань пробыл в Сполето всего два дня, и, узнав, что неверные уже считают себя хозяевами Рима и осадили Капитолийский холм, который долго не продержится, он быстрым порядком решил их атаковать.

Авангард армии находился под командованием герцога Намо, которому Ожье служил оруженосцем. Он еще не носил герба и не был посвящен в рыцари. Королевский штандарт Орифламма был доверен рыцарю по имени Алори, который оказался недостойн этой чести.

Герцог Намо, видя, что сильный отряд неверных приготовился атаковать его, дал приказ идти в наступление. Ожье оставался в тылу с другими юношами, огорчаясь, что ему не позволяют сражаться. Вскоре он увидел, как Алори опустил штандарт, повернул коня и обратился в бегство. Ожье указал на это стоявшей рядом молодежи, схватил дубину, бросился на Алори и одним ударом сбил его с коня. С помощью своих товарищей он разоружил его, надел его доспехи, поднял Орифламму, оседлал коня недостойного рыцаря и поскакал в первые ряды сражающихся. Там он присоединился к герцогу Намо, повернул вспять неверных и пронес Орифламму прямо через их расстроенные ряды. Герцог, принимавший его за Алори, которого он не сильно уважал, был поражен его силой и отвагой. Товарищи Ожье последовали его примеру. Они переоделись в доспехи павших и бросились за Ожье, сея смерть в рядах сарацин, которые в панике, отступая, подмяли под себя основные силы.

Герцог Намо приказал отступить, и Ожье с неохотой повиновался, когда увидел, что Шарлемань с основным войском идет им на помощь. Битва стала всеобщей и сделалась еще ожесточенней. Шарлемань в поединке одолел Корсубля, который командовал сарацинами, и, вытащив свой знаменитый меч Весельчак, уже готовился отрубить ему голову. В этот момент на императора напали сразу два сарацинских рыцаря, один из которых поразил императорского коня, а второй сбросил седока на песок. Догадавшись по орлу на шлеме, кто перед ними, они торопливо спешили, чтобы нанести ему смертельный удар. Никогда еще жизнь императора не находилась в такой опасности. Но Ожье, который видел, как упал император, бросился его спасать. Он направил своего коня на одного из сарацин и сбил его с ног, а другому нанес мечом такой силы удар, что тот без чувств упал на землю. Затем он помог императору подняться и сесть на коня одного из погибших рыцарей.

— Отважный и благородный Алори! — воскликнул император. — Тебе я обязан своей честью и жизнью!

Ожье ничего не ответил, оставил императора в окружении рыцарей, которые подоспели на помощь, а сам ворвался в ряды неприятеля с поднятой Орифламмой во главе отряда юношей и бился до тех пор, пока штандарт мусульман не устремился в тыл, а сами неверные посчитали за лучшее для себя укрыться за своими укреплениями.

Тогда добрый архиепископ Турпен отложил свой шлем и окровавленный меч — он всегда считал своим долгом уничтожать неверных, — надел митру, взял распятие и вознес благодарственную молитву.

В этот момент Ожье, весь покрытый кровью и пылью, подъехал, чтобы сложить Орифламмку к ногам императора. За ним шло несколько низкорослых воинов, которых явно тяготили доспехи. Ожье встал на колени перед Шарлеманем, который обнял его, называя Алори, а Турпен благословил его с высоты алтаря. Тут молодой Орландо, сын графа Милона и племянник Шарлеманя, решив, что пора уже разобраться с путаницей, сбросил свой шлем и подбежал к Ожье, чтобы помочь ему снять латы. В это время остальные юноши тоже сняли с себя доспехи. Невозможно описать удивление, восхищение и умиление императора и его пэров. Карл сжал Ожье в своих объятиях, а счастливые отцы отважных юношей обнимали их со слезами счастья на глазах. Благородный герцог Намо вышел вперед, и Шарлемань передал Ожье ему прямо в распростертые руки.

— Как многим я тебе обязан, добрый и мудрый друг, — сказал император, обращаясь сначала к Намо, а потом к Ожье, — за то, что ты сдержал мой гнев! Мой милый Ожье, я обязан тебе жизнью. Моему мечу не терпится коснуться твоего плеча и плеч твоих отважных товарищей.

С этими словами он достал свой знаменитый меч Весельчак и, когда Ожье и остальные преклонили перед ним колени, совершил над ними обряд посвящения в рыцари. Молодой Орландо и его кузен Оливье не могли сдержаться и в присутствии императора бросились Ожье на шею и поклялись быть ему братьями по оружию, что было очень важно и значимо для рыцарей старых времен. Но Карлот, сын императора, видя, какой славой покрыл себя Ожье, затаил против него черную зависть и ненависть.

Этот и следующий день армия провела в веселье. Турпен отслужил специальную торжественную службу, призывая на юных рыцарей благосклонность Небес, и благословил белые доспехи, приготовленные для них. Герцог Намо подарил им золотые шпоры. Карл сам перепоясал их мечами. Но каково было его удивление, когда он разглядел меч, приготовленный для Ожье! Любящая его фея Моргана, используя свою магию, подменила меч на тот, который изготовила сама. Поэтому, когда Карл вынул его из ножен, на стали клинка проступила надпись: «Меня зовут Кортана. Я сделан из той же закаленной стали, что Весельчак и Буриндана». Карл понял, что высшие силы наблюдают за судьбой Ожье, и обещал любить его, как отец, а Ожье поклялся, что будет ему преданным сыном. Как бы счастливы они были, если бы сдержали свои обещания!

Не успела сарацинская армия прийти в себя после поражения, как мавританский король Карагью, оказавшийся одним из тех рыцарей, которых поверг Ожье, спасая Шарлеманя, решил вызвать его на поединок. С этой целью он нарядился в одежды герольда, чтобы доставить свое собственное послание. Французские рыцари по достоинству оценили его внешний вид и сказали, что ему более к лицу быть рыцарем, чем гонцом.

Карагью начал с того, что передал свои искренние поздравления рыцарю, у которого в день битвы в руках была Орифламма, а закончил следующими словами:

— Карагью, мавританский король, оказывает этому рыцарю большое уважение и вызывает его на поединок.

Ожье встал, чтобы ответить, но был тут же прерван Карлотом, который сказал, что вызов мавританского короля не может быть принят вассалом, который живет на правах пленника. Последними словами он намекал на то, что Ожье в это время служил залогом вассальной верности своего отца. Глаза Ожье загорелись недобрым огнем, но присутствие императора удержало его от ответа, и он смирился под его добрым взглядом. Шарлемань сердито воскликнул:

— Молчи, Карлот! Клянусь именем Берты, моей королевы, что тот, кто спас мне жизнь, так же дорог мне, как и ты. Ожье, — продолжил он, — ты больше не заложник. Герольд! Передай мой ответ своему хозяину: никогда рыцарь моего двора не откажется от поединка на равных условиях. Ожье Датчанин принимает вызов, и я сам ручаюсь за него.

Карагью, низко поклонившись, ответил:

— Мой господин, я думаю, что слово такого великого государя, как ты, достойно твоей славы. Я сообщу твой ответ моему хозяину, который восхищается тобой и не по своей воле поднял против тебя оружие. — Затем, повернувшись к Карлоту, он продолжил: — Что касается тебя, господин рыцарь, то у меня есть поручение от Садона, кузена мавританского короля, передать такой же вызов любому французскому рыцарю, который окажет ему честь принять его.

Карлот, задохнувшийся от злобы и досады из-за того, что при всех получил выговор, без промедления ответил на вызов. Карагью принял ответы Карлота и Ожье, и было решено, что поединок состоится на следующий день на лужайке, окруженной лесом и находящейся на одинаковом расстоянии от обеих армий.

Вероломный Карлот задумал черную измену. Ночью он собрал несколько рыцарей, недостойных таковыми называться и таких же вероломных, как и он, и заставил их поклясться, что они отомстят за его обиду. Он передел их в черные латы и приказал им устроить в лесу засаду и напасть на всех, но разделаться только с Ожье и двумя сарацинскими рыцарями.

На рассвете Садон и Карагью в сопровождении только двух пажей, которые несли их копыта, отправились к месту поединка. Карлот и Ожье тоже поехали туда, но другой дорогой. Ожье выехал вперед, учтиво поздоровался с двумя сарацинскими рыцарями и стал оговаривать с ними условия поединка.

Во время этой беседы вероломный Карлот оставался у них за спиной и дал сигнал к нападению. Эти трусы выскочили из леса и бросились

на трех рыцарей. Все трое были не готовы к такому нападению, но никто из них не заподозрил другого в этом коварстве. Видя, что атакуют их всех, они объединили свои усилия и вскоре расправились с первыми нападавшими. Удар Кортаной всегда был смертельным, но меч Карагью оказался хуже и сломался у самой рукояти. В тот же момент его конь был убит, и Карагью упал, оказавшись на земле без оружия и придавленный конем. Ожье, видя это, бросился к нему на помощь и, спрыгнув с лошади на землю, прикрыв его своим щитом и передал ему меч одного из убитых заговорщиков. В эту минуту ослепленный яростью Карлот направил своего коня на Ожье, сбил его с ног и готовился пронзить копьем, когда Садон, видя такое предательство, кинулся на него и заставил отступить. Карагью легко вскочил на коня, которого ему дал Ожье, и успел сказать:

— Отважный Ожье, с этой минуты я тебе больше не враг. Клянусь тебе в вечной дружбе.

Тут появились сарацинские рыцари, которые узнали про предательство, и Карлоту со своими людьми пришлось скрыться в лесу.

Приблизившимся отрядом командовал Даннемон, находящийся в изгнании король Дании, которого отец Ожье сверг с трона и вынудил искать убежище среди сарацин. Узнав, кто перед ним, он тут же объявил Ожье своим пленником, несмотря на шумные протесты и даже угрозы со стороны Карагью и Садона, и под усиленной охраной отправил его в сарацинский лагерь. Там его содержали в ужасных условиях, и даже настоятельные требования Карагью и Садона, которые грозили прибегнуть к силе своего войска, если ему не будет предоставлена свобода, не могли поколебать Даннемона. Тогда Корсубль, командовавший сарацинами, решил удовлетворить обе стороны и позволил Ожье передвигаться свободно по всему лагерю, если он даст слово не покидать его без разрешения.

Карагью не удовлетворился этой частичной уступкой. На следующее утро он покинул город, отправился в лагерь Шарлеманя и потребовал, чтобы его отвели к императору. Когда ему позволили приблизиться к нему, он слез с коня, снял шлем, достал меч и, держа его за лезвие, протянул императору, встав при этом на колени.

— Сиятельный князь, — сказал он, — ты видишь перед собой того герольда, который передал вызов твоим рыцарям от мавританского короля. Трусливый старый король Даннемон пленил отважного Ожье и отказался выполнить приказ нашего командующего и освободить его.

Я пришел для того, чтобы исправить его неблагородный поступок, и прошу считать меня, мавританского короля, твоим пленником.

Шарлемань и все его пэры восхитились великодушием Карагью. Император поднял его, обнял и вернул ему меч.

— Принц, — сказал он, — твой приход и пример, который ты подал моим рыцарям, сделали потерю Ожье не такой болезненной. Если Богу угодно, ты можешь принять нашу святую веру и стать одним из нас.

Все вельможи двора во главе с герцогом Намо выразили свое уважение мавританскому королю. Только Карлот не показался ему на глаза, боясь быть узнанным, но Карагью был слишком благороден, чтобы пронзить сердце Шарлеманя вестью о предательстве его сына.

Тем временем в сарацинской армии назрел раскол. Войска Карагью поднялись против главнокомандующего, поскольку их король оставался в плену. Они даже стали говорить, что оставят лагерь и повернут свое оружие против союзников. Шарлемань все усиливал блокаду города, и наконец сарацинские начальники решили покинуть город и сесть на свои корабли. Было заключено перемирие, Ожье обменяли на Карагью, и оба друга крепко обнялись, поклявшись еще раз в вечной дружбе. Папа снова вернулся в свои владения, и в Италии воцарился покой, а Шарлемань со своими пэрами и товарищами отправился во Францию.

Шарлемань не забыл оскорбление, нанесенное датским королем Гальфридом, который не принес клятву вассала, и теперь готовился подчинить его себе силой. Но в этот самый момент ему доложили о прибытии посольства от Гальфрида, который признавал свою ошибку и умолял помочь ему одолеть иноземцев, напавших на его владения с силами, против которых сам он не выстоит. Душа Шарлеманя не была глуха к таким просьбам, а заодно он решил испытать, на что годится Ожье, который очень переживал из-за черствости отца, оставившего его в заложниках и за пятнадцать лет ни разу о нем не вспомнившего. Карл призвал Ожье и спросил, готов ли он повести армию на помощь отцу, несмотря на его холодность к сыну. Ожье ответил, что как бы там ни было, а сын всегда должен помогать отцу всеми силами, пока жив. Шарлемань дал ему отряд из тысячи рыцарей, а еще больше добровольцев вызвались идти под началом такого отважного воина. Он поспешил на помощь отцу, разбил противника и гнал его до самых кораблей. После этого Ожье поспешил в столицу, но, подъезжая к ней, услышал погребальный звон колоколов. Скоро ему стала известна и причина: это были похороны

короля Гальфрида. Ожье почувствовал горькую печаль оттого, что он не смог хотя бы раз обнять своего отца и услышать его последние распоряжения. Но ему сообщили, что отец сделал его наследником трона. Он поспешил в церковь, где лежало тело, преклонил перед ним колени и окропил безжизненные останки горькими слезами. В этот момент с неба засиял луч и осветил все вокруг. Голос, словно бы принадлежащий ангелу, сказал:

— Ожье, оставь корону своему брату Гуйону и никогда не принимай никакого титула, а зовись просто Ожье Датчанин. Тебя уготована славная судьба, и другие царства ждут тебя.

Ожье повиновался Божьему завету. Он почтительно приветствовал свою мачеху, обнял брата и сказал, что доволен своей нынешней долей быть среди паладинов Шарлеманя и поэтому не претендует на корону Дании.

Ожье со славой вернулся во дворец Шарлеманя, и император, тронутый его привязанностью к себе, окружил его лаской и относился к нему почти как к равному.

Мы расскажем вкратце о тех приключениях, которые поджидали Ожье в последующие несколько лет, где показали свою волшебную силу дары, полученные в младенчестве. Они помогали ему добиваться успеха во всех начинаниях — и в любви и в войне. Он женился на очаровательной Белисене и стал отцом юного Болдуина, который, судя по всему, унаследовал от отца силу и отвагу, а от матери красоту. Когда мальчик достиг того возраста, чтобы его можно было разлучить с матерью, Ожье забрал его ко двору и представил Шарлеманю, который обнял его и взял к себе на службу. Герцогу Намо и остальным старым рыцарям казалось, что они видят перед собой молодого Ожье, и такое сходство с отцом вызывало у всех добрые чувства. Поначалу он нравился даже Карлоту, однако впоследствии сходство Болдуина с Ожье стало возбуждать в нем ненависть.

Болдуин был внимателен к Карлоту и всегда хотел быть ему полезным. Принц любил играть в шахматы, и Болдуин, который тоже неплохо разбирался в этой игре, часто составлял ему компанию.

Однажды Карлот рассердился, потеряв две фигуры подряд. Он собрался выгодно обменять фигуру, но Болдуин, видя, какая ловушка ему готовится, лишь усмехнулся в ответ и произнес:

— Шах и мат.

Карлот в ярости поднялся и запустил тяжелую изукрашенную шахматную доску в голову Болдуину, который упал и сразу умер.

Испугавшись своего преступления и боясь мести со стороны грозного Ожье, Карлот спрятался во внутренних покоях дворца. Юный товарищ Болдуина поспешил к Ожье и сообщил о случившемся. Ожье вбежал в покои и увидел тело своего сына в луже крови. От него не удалось скрыть, что удар нанес Карлот. Разгневанный Ожье стал бегать по всему дворцу в поисках Карлота, а тот, нигде не чувствуя себя в безопасности, спрятался в зале, где Шарлемань сидел вместе с герцогом Намо и Соломоном, герцогом Бретонским. Ожье с обнаженным мечом бежал за Карлотом до самого стола, где сидел Шарлемань. Когда кравчий попытался преградить ему путь, он выхватил у того из рук кубок, и его содержимое выплеснулось в лицо императору. Карл в гневе вскочил, схватил кинжал и готов был вонзить его в грудь Ожье, но Соломон и другие бароны быстро встали между ними, а Намо, не потерявший своего влияния на Ожье, вывел его из зала. Предвидя, каковы могут быть последствия такого поступка, Намо провел его мимо стражи дворца, чтобы она его не арестовала, посадил на коня и велел уехать из Парижа.

Шарлемань созвал всех своих пэров и потребовал, чтобы они поклялись, что не пожалеют сил для того, чтобы арестовать Ожье и доставить его для исполнения наказания. Ожье, в свою очередь, направил письмо императору с сообщением о том, что он сам готов сдаться при условии, что Карлот понесет наказание за свое чудовищное преступление. Император не хотел слушать ни о каких условиях и сам отправился в погоню за Ожье во главе большого отряда. Но Ожье сочувствовали многие рыцари и готовы были выступить на его стороне. Борьба продолжалась долго, не принося никому решающей победы. Ожье несколько раз пленял императора, но никогда не пользовался своим преимуществом и освобождал его без всяких условий. Он даже добился своего помилования, но требовал, чтобы при этом Карлот понес наказание. Однако Шарлемань слепо любил своего недостойного сына и не допускал мысли о том, что тот должен понести наказание за то, что глубоко оскорбил другого человека.

В конце концов, опечаленный тем, что его друзья проливают кровь в этом деле, Ожье распустил свою маленькую армию и, сбежав от тех, кто хотел остаться с ним, отправился к герцогу Гуйону, своему брату. Через какое-то время он достиг Арденнского леса. Там он решил отдохнуть после долгого пути на лесной поляне, которая привлекла его своей свежестью. Он расседла Бейфрора, сам снял шлем, улегся на траву, положил щит под голову и уснул.

Случилось так, что Турпен, который время от времени вспоминал, что он архиепископ Реймский, совершал пасторский визит в местные церкви и оказался в этот час поблизости. Однако, нося титул пэра Франции и будучи рыцарем по духу, он принадлежал к *groux chevaliers** своего времени, поэтому не мог себе позволить путешествовать без большой свиты, состоявшей поровну из священнослужителей и рыцарей. Один из них, страдая от жажды, решил напиться из источника, который находился рядом с тем местом, где спал Ожье. Он подъехал туда и был поражен видом рыцаря, распростертого на земле. Всадник поспешил к архиепископу, и тот, подойдя к источнику, признал в спящем Ожье.

Первым побуждением доброго и великодушного Турпена было спасти своего друга, к которому он испытывал большую привязанность, но его архидьяконы и рыцари, тоже узнавшие Ожье, напомнили архиепископу о клятве, которую по требованию императора они все принесли. Турпен не мог нарушить клятву, но его терзали большие сомнения, когда он позволил своим спутникам связать спящего рыцаря. Слуги архиепископа взяли коня и доспехи Ожье, а его самого доставили к императору в Суассон.

Император настолько устал от упрямого сопротивления Ожье, что усугубил свою первоначальную ошибку, приказав немедленно его казнить. Но Турпен вместе с герцогами Намо и Соломоном так страстно защищали его, что Шарлемань согласился заменить немедленную казнь строгим заключением под надзором архиепископа, который должен был ограничить его дневной рацион четвертинкой хлебного каравая с куском мяса и четвертью кубка вина. Таким образом он рассчитывал сжить Ожье со свету, не вызвав возмущения короля Дании и других своих влиятельных друзей. От Турпена он потребовал новой клятвы в том, что тот будет неукоснительно выполнять его распоряжения.

Добрый архиепископ настолько любил Ожье, что конечно же задумался над тем, как спасти ему жизнь, которая могла быстро закончиться при такой скудной еде, ибо Ожье был очень высок и имел соответствующий аппетит. Кроме того, Турпен помнил, что Ожье — истинный сын церкви, всегда готовый распространять веру и карать неверных. Поэтому он решил прибегнуть к тому, что потом назовут буквальным исполнением клятвы. Исполняя клятву слово в слово, он придумал вот что.

* *Groux chevaliers* (фр.) — доблестные рыцари.

Каждое утро он доставлял своему узнику четвертину каравая, испеченного из пяти пудов муки, на которую клали четверть барана или жирного бычка; кроме того, был сделан кубок, куда входило два ведра вина, четверть которого Ожье полагалась ежедневно.

Заключение Ожье длилось долго. Шарлемань, периодически спрашивая про узника, поражался, что тот еще жив. А когда он стал спрашивать Турпена более пристрастно, тот не колеблясь подтвердил, что его узник не получает никакой еды сверх положенного.

Мы забыли сказать, что, когда плененного Ожье везли в Суассон, аббат из Сен-Фарона, увидев прекрасного коня Бейффрора и не зная, о чем можно попросить императора, испросил у него разрешение забрать коня, которого отправил в свое аббатство. Он горел нетерпением испытать животное и, как только добрался до конюшни у подножия горы, где его поджидал конь, тут же сел на него и дальнейший путь продолжил уже верхом. Конь, который привык носить тяжелого Ожье в доспехах, почти не чувствуя на себе веса аббата, чьи долгополые одежды хлопали по конским бокам, понесся галопом, весело перескакивая через трещины в скалах, и скакал так, пока не достиг женского монастыря Жуар, где на глазах у настоятельницы и ее монашек сбросил полумертвого от страха аббата на землю. Ударившийся и напуганный аббат решил отыгаться на животном и отдал его монастырским работникам возить камни для часовни, которую он строил недалеко от аббатства. Благородный конь Бейффрор, пока его хозяин был в тюрьме, терпел страшные муки: голодал, работал без продыху и часто был бит.

Заточение Ожье продолжалось бы до конца его жизни, но важные события заставили Шарлеманя выпустить его на свободу.

Император узнал, что мавританский король Карагью собирает армию, чтобы прийти и потребовать освобождения Ожье, а датский король Гуйон готовится поддержать его всеми имеющимися у него силами; но, что еще хуже, сарацины под командованием арабского султана Бругье высадились в Гаскони, захватили Бордо и идут скорым маршем на Париж.

Шарлемань понял, что без помощи Ожье ему не обойтись. Но несмотря на доводы Турпена, Намо и Соломона, он никак не соглашался наказать Карлота так, как сочтет это нужным Ожье. Кроме того, он думал, что силы и здоровье Ожье подорваны в темнице.

В это время он получил от Бругье предложение закончить дело поединком между ним и императором или тем, кто будет защищать его

честь, обещая в случае поражения вывести свою армию. Шарлемань готов был принять это условие, но все его советники были против. Поэтому герольду было сказано, что император рассмотрит это предложение и даст ответ на следующий день.

Именно тогда три герцога убедили Шарлеманя простить Ожье и отправить его на поединок с могучим противником, который предлагал бой. Однако убедить Ожье оказалось труднее. Воспоминания о своем продолжительном заточении и о сыне, который, истекая кровью, умирал у него на руках, получив жестокий удар Карлота, долго не позволяли ему дать согласие. Хотя слава звала его сразиться с Бругье и безопасность христианского мира требовала одолеть этого надменного противника веры, Ожье согласился только на том условии, что Карлота передадут ему в руки и он поступит с ним, как захочет.

Условие было тяжелым, но опасность была еще страшней, и Шарлемань, понимавший справедливость этого требования и уверенный в том, что Ожье добр, хотя и вспыльчив, согласился.

Ожье доставили к Шарлеманю три известных нам пэра. Император, верный своему слову, приказал, чтобы в зал, где собрались бароны, привели Карлота. Руки у него были связаны, а голова не покрыта. Когда император увидел приближающегося Ожье, он взял Карлота за руку, подвел его к Ожье и сказал:

— Передаю тебе этого преступника, делай с ним, что сочтешь нужным.

Ожье вместо ответа схватил Карлота одной рукой за волосы, поставил его на колени, а другой — поднял свой победоносный меч. Шарлемань, который уже представлял, как голова сына покатится к его ногам, закрыл глаза и вскрикнул от ужаса.

Но Ожье уже сделал, что хотел. Следующим своим движением он перерезал узы на руках у Карлота, поцеловал его и поспешил встать на колени перед императором.

Никогда еще изумление и радость императора не были столь сильны, как сейчас, когда он увидел своего сына живым и невредимым, а Ожье — стоящим у его ног. Он обнял его, пролил над ним слезы и сказал, обращаясь к баронам:

— Сейчас я понимаю, что я велик, но Ожье выше меня.

Что касается Карлота, то его низкая душонка только возрадовалась оттого, что ему удалось избежать смерти. Он нисколько не изменился,

и прошло еще несколько лет, прежде чем он понес заслуженное наказание от руки Гуона Бордоского, о котором мы узнали в предыдущей главе.

Когда Шарлемань немного пришел в себя, он заметил, что Ожье выглядит очень неплохо и у него здоровый цвет лица. Он обернулся к архиепископу, который покраснел, встретившись взглядом с императором.

— Клянусь головой Берты, моей королевы, — сказал Шарлемань, — Ожье неплохо жилось в твоём замке, мой архиепископ, но тем больше я за это тебе обязан.

Все бароны засмеялись и стали подшучивать над Турпенем, который лишь сказал:

— Смейтесь сколько хотите, господа, но я доволен, ибо гордый сарацин будет отмищен крепкой рукой.

Шарлемань тут же отправил своего герольда сообщить, что он принимает вызов и что бой состоится через два дня. Гордый и хитрый Бругье презрительно засмеялся, услышав, что его вызов принят, ибо он надеялся не только на свою силу и умение, но и на что-то большее. Однако он поклялся Мухаммадом соблюдать условия поединка, которые были оговорены и согласованы.

Ожье теперь потребовал свои доспехи, которые, как оказалось, были в прекрасном состоянии, ибо добрый Турпен хорошо их сохранил. Но достать коня для этого случая оказалось не так-то просто. Шарлемань приказал вывести самых лучших коней из королевской конюшни, кроме его собственного скакуна Бланкара. Однако все было напрасно, ибо под весом Ожье конские спины прогибались почти до земли. Тут архиепископ вспомнил, что император отдал Бейффрора аббату Сан-Фаронского монастыря. К нему отправили человека с требованием вернуть коня.

Монахи — незаботливые хозяева, и тот, что следил за работниками аббатства, слишком усердно исполнял требования аббата. Бедного Бейффрора доставили худым, измученным, с шеей, натертой хомутом от телеги, которую он возил все это время. С опущенной головой он еле шел перед Шарлеманем, но, услышав голос Ожье, поднял голову, заржал, и глаза его заблестели. В том, как он забил копытом по земле, видна была прежняя прыть. Ожье погладил его, и прекрасный конь, казалось, ответил на эту ласку. Ожье сел на него, и конь, гордясь своим седоком, загарцевал, как молодой жеребец.

Сделав все, что было нужно, Шарлемань во главе своей армии выехал из Парижа и выбрал себе место на холме Монмартр, откуда открывался вид на Сен-Дени, где должен был состояться поединок.

Когда наступил назначенный день, герцоги Намо и Соломон в качестве секундантов Ожье сопроводили его к месту, размеченному для боя, а Бругье с двумя известными эмирами появился на другой стороне площадки.

Бругье был в хорошем расположении духа и, приближаясь, шутил со своими друзьями над Бейфрором:

— Разве можно этого коня сравнить с Маршвалле, лучшим из всех жеребцов, пасшихся в Атласских горах?

Участники поединка, встретившись и отсалютовав друг другу, разъехались, чтобы через мгновение помчаться во весь опор навстречу друг другу. Бейфрор пронесся по полю и встретил противника дальше середины ристалища. Копья бойцов разлетелись в щепки от удара, и пораженный Бругье в тот же миг увидел меч Ожье, засверкавший над его головой. Он отразил удар своим щитом и ударил Ожье по шлему. Ожье тут же нанес ответный удар, который то ли потому, что был точнее, то ли потому, что у меча была хорошая сталь, отсек часть шлема Бругье вместе с ухом и частью щеки. Увидев кровь, Ожье не стал торопиться со вторым ударом, и этого замешательства было достаточно, чтобы Бругье отъехал к краю поля. На ходу он достал золотой сосуд, притороченный к его седлу, и смазал рану его содержимым. Кровь тут же перестала течь, а отсеченное ухо и часть щеки вновь оказались на своих местах. Датчанин был поражен, что его противник возвращается как ни в чем не бывало.

Бругье рассмеялся над его удивлением.

— Знай, — сказал он, — что у меня есть волшебный бальзам, которым Иосиф Аримафейский смазывал тело распятого, которому вы поклоняетесь. Если я даже потеряю руку, то после нескольких его капель она у меня снова отрастет. Со мной тебе сражаться бесполезно. Сдавайся, и раз ты такой верзила, я тебя сделаю загребным на своей галере.

Ожье, хотя и кипел от гнева, не забыл испросить помощи Небес.

— О Господь, — воскликнул он, — не дай врагу имени Твоего воспользоваться великой силой снадобья, которое своим волшебным свойством обязано Твоей божественной крови.

С этими словами он атаковал Бругье еще яростной. Оба бились изо всех сил, нанося друг другу тяжелые раны. Но кровью истекал только

Ожье, а Бругье лечил свои раны волшебным бальзамом. Ожье, будучи в отчаянии оттого, что бой идет в неравных условиях, схватил Кортану обеими руками и нанес такой удар, что разбил щит противника и отрубил ему руку. В это же время Бругье промахнулся и ударил по голове Бейффрора, и славный конь упал, подмявая под себя своего хозяина.

У Бругье было время, чтобы спрыгнуть с коня, поднять с земли отрубленную руку и нанести на нее бальзам. Затем, не дав Ожье подняться на ноги, он бросился к нему, чтобы добить.

Шарлемань, видя с высоты Монмартра, что отважный Ожье оказался в тяжелом положении, застонал и уже был готов роптать против Провидения, но добрый Турпен воздел руки, веруя, как верил Моисей, и просил Небеса быть благосклонными к христианскому воину.

Ожье быстро высвободился из-под коня и напал на Бругье с такой яростью, что заставил его отступить от коня, к седлу которого был приторочен сосуд с бальзамом. И вскоре Шарлемань увидел, что его рыцарь одерживает верх. Ожье заставил противника встать на колени, сорвал с него шлем и, рубанув мечом, отделил его голову от туловища.

Разделавшись с противником, Ожье сел на Маршвалле и стал обладателем волшебного сосуда, несколько капель из которого залечили его раны и вернули прежнюю силу. Французские рыцари, бывшие в плену у Бругье, а теперь ставшие свободными, столпились вокруг Ожье и благодарили его за избавление от рабства.

Шарлемань и его приближенные, наблюдавшие за поединком, с высоты своей позиции заметили, что в стане врага поднялась суматоха. Сначала они подумали, что она вызвана гибелью их военачальника, но вскоре звон оружия, крики воюющих и появление новых штандартов подсказали им, что на армию Бругье напал новый противник.

Император был прав: это был отважный мавританец Карагью, который со своей армией прибыл во Францию добиваться освобождения своего брата по оружию Ожье. Узнав по прибытии, что ситуация изменилась, он, не мешкая ни минуты, решил оказать услугу императору, напав на армию Бругье тогда, когда она стояла в оцепенении, потеряв своего военачальника.

Ожье узнал штандарт своего друга и, вскочив на Маршвалле, покоскал, чтобы помочь нападавшим. За ним последовал Шарлемань со всей своей армией, и после нелегкой битвы сарацинское войско сдалось без всяких условий.

Ожье и Карагью встретились как два друга и как два достойных рыцаря. Шарлемань отправился к ним навстречу и с мавританским королем по правую руку, а с Ожье по левую триумфально вернулся в Париж. Там императрица Берта и дамы ее двора надели на их головы лавровые венки, а мудрый и галантный Эгинхард, управляющий двором и секретарь императора, вписал рассказ об этих великих событиях в свою историю.

Через несколько дней датский король Гуйон прибыл во Францию с отрядом отборных рыцарей и послал к Шарлеманю посла сказать, что он прибыл не как враг, а чтобы дать клятву верности ему как самому лучшему рыцарю своего времени и главе христианского мира. Шарлемань принял посла очень радушно и, сев на коня, поехал встречать короля Дании.

Эти великие короли, собравшись при дворе Карла, решили устроить совет, на который пригласили баронов из всех старинных и мудрых родов.

Было решено, что объединенная датская и мавританская армии пересекут море и начнут войну в стране сарацин вместе с тысячью французских рыцарей под командованием Ожье Датчанина, который хотя и не является королем, но будет с ними наравне.

Следует сказать о блестящих победах Ожье и его союзников в этой войне. Они покорили сарацин в Птолемею и Иудее и создали там новое королевство, корону которого получил Ожье. Гуйон и Карагью оставили его, чтобы вернуться в свои земли. Ожье назвал Вальтера, сына Гуйона Датского, своим преемником на троне. Он занялся обучением принца и вскоре понял, что из него получится достойный человек. Но несмотря на все королевские почести, которыми он был окружен, Ожье все время грустил по двору Шарлеманя, вспоминая герцогов Намо и Соломона Бретонского, к которым он относился как сын. Наконец, решив, что Вальтер достаточно взрослый, чтобы на него можно было возложить бремя правления, Ожье распорядился, чтобы ему тайно приготовили судно, и в сопровождении только одного оруженосца он ночью оставил свой дворец, чтобы вернуться во Францию.

Корабль, подгоняемый попутным ветром, летел как птица. Но вдруг сбился с курса и, не слушаясь больше руля, устремился к черному мысу, вытянувшемуся далеко в море. Это была магнитная гора, сила притяжения которой становилась тем больше, чем ближе к берегу подходило

судно. Притягиваемый ею, корабль понесся к берегу как стрела и разбился о прибрежные камни. Одному лишь Ожье удалось спастись, добравшись до берега на обломке корабля.

Ожье отправился вглубь побережья, пытаясь найти следы человека, но все было напрасно. Неожиданно он встретил двух чудовищных животных, покрытых блестящей чешуей, в сопровождении коня, изрыгавшего пламя. Ожье вытащил меч и приготовился защищаться. Однако монстры, несмотря на свой чудовищный вид, даже не попытались на него напасть, а конь Папильон преклонил перед ним колени, предлагая сесть верхом. Ожье не раздумывая принял приглашение к приключению. Он сел на Папильона, тот понесся вскачь, и вскоре перед ними открылись прекрасные пейзажи. Так они скакали, пока не показался великолепный дворец. Но, не дав Ожье даже полюбоваться его видом, конь пронесся через внутренний двор, украшенный колоннадой, и оказался в саду. Там, миновав миртовые аллеи, он вдруг остановился и преклонил колени около мерцающего источника.

Ожье спешил, сделал несколько шагов к ручью и остановился, увидев молодую красавицу. Такими обычно изображают граций, и одежды на ней было не больше, чем на них. И тут, к его удивлению, доспехи свалились с него сами собой. Красавица приблизилась и нежными руками надела на его голову веночек из цветов. В тот же миг датский герой потерял память. Его поединки, его слава, Шарлемань и его двор — все забылось. Он увидел Моргану, и ему захотелось всю жизнь провести, вздыхая у ее ног.

Мы не будем перечислять все удовольствия, которым Ожье предавался целых сто лет. Время летело, никак на нем не отражаясь. Чарующая молодость Морганы не иссякала, и Ожье не наблюдал у себя никаких признаков старости, которые обязательно появляются у менее удачливых смертных. Никто не знает, сколько бы могло продолжаться это блаженное состояние, если бы однажды Моргану, будучи в шутовском настроении, не стащила веночек с его головы. В ту же минуту память вернулась к Ожье, и все удовольствие праздной жизни померкло. Воспоминания о Шарлемане, о друзьях и родственниках омрачили его пребывание с Морганой. Фея с грустью заметила, как изменилось выражение лица ее возлюбленного. Вскоре он признался, что хочет покинуть ее хотя бы на время, чтобы вновь побывать при дворе Шарлеманя. Она нехотя согласилась и собственными руками помогла ему облачиться в доспехи. Привели Папильона, Ожье сел на него и, нежно попрощавшись со

всплакнувшей Морганой, быстро миновал скалистое место, которое отделяло дворец Морганы от моря.

Морские гоблины, которые встретили его, когда он здесь появился, и теперь поджидали его на берегу. Один из них взвалил себе на спину Ожье, а другой поднырнул под Папильона. Затем они расправили свои широкие плавники и быстро пересекли широкий пролив, который отделяет остров Авалон от Франции. Они высадили Ожье на побережье Лангедока, нырнули в море и исчезли из глаз.

Ожье сел на Папильона, который понес его по земле почти с такой же стремительностью, с какой он пересекал море. Вскоре Ожье оказался под стенами Парижа, и если бы не башни аббатства Святой Жюневьевы, то он вообще бы его не узнал. Он сразу отправился к дворцу Шарлеманя, но тот оказался полностью перестроенным. Его удивлению не было предела, но он еще больше поразился, когда с трудом узнал язык, на котором говорила стража и слуги, пытавшиеся ответить на его вопросы. Те, в свою очередь, тоже улыбались и старались друг другу объяснить, о чем же говорит Ожье. Эта сценка привлекла внимание нескольких баронов, которые направлялись во дворец, и Ожье, который по гербам определил, кто они, спросил их, живут ли еще при дворе Шарлеманя герцоги Намо и Соломон. При этом вопросе бароны переглянулись, и самый старший из них сказал:

— Как же он мне напоминает моего пра-пра-дядю Ожье Датчанина.

— Дорогой племянник, я и есть Ожье Датчанин — сказал тот, и вспомнил слова Морганы о том, что в ее обители время летит незаметно.

Бароны еще больше изумились, но решили препроводить его к монарху, которым в то время был Гуго Капет.

Отважный Ожье решительно вошел во дворец, но когда бароны ввели его в королевский зал и сказали, что он должен приветствовать короля Франции, то он не мог скрыть своего удивления, увидев перед собой невысокого человека с большой головой, который на вид тем не менее был благороден и властен. Он сидел на троне, на котором Ожье так часто приходилось видеть Шарлеманя, самого высокого и красивого суверена своего времени.

Ожье просто и бесстрастно рассказал о своих приключениях. Гуго Капет не сразу ему поверил, но Ожье привел так много доказательств и подробностей, что монарху ничего не оставалось, как признать в престарелом воине знаменитого Ожье Датчанина.

Король рассказал, что произошло за время его долгого отсутствия. Он поведал, что род Шарлеманя пресекался и возникла новая династия, что старые враги королевства, сарацины, еще доставляют много хлопот и что как раз сейчас армия этих неверных осаждает город Шартр, на помощь которому он скоро выйдет. Ожье, всегда стремившийся к славе, сказал, что готов оружием послужить королю, и тот с благодарностью принял это предложение и повел его к королеве. Удивление Ожье вдвойне возросло, когда он увидел новые украшения и прически дам. Волосы, начесанные спереди и убранные красиво ниспадающими вплетенными перьями, придавали дамам благородный вид, и это Ожье понравилось. Его восхищение усилилось, когда вместо престарелой императрицы Берты он увидел молодую королеву, в которой величие сочеталось с очарованием манер, скромных и пленяющих, которые могли тронуть любое сердце. Ожье приветствовал юную королеву с таким почтением, что многие придворные приняли его за иностранца или, по крайней мере, за вельможу, который воспитывался где-нибудь вдали от Парижа, где еще сохранились манеры, которые они называли «старыми дворцовыми».

Когда королева узнала от своего мужа, что перед ней прославленный Ожье Датчанин, про чьи подвиги она не раз читала в хрониках, ее удивлению не было предела. Особенно ее восхитило то, как он к ней обратился и как молодо выглядел. Будучи достаточно рассудительной, королева сперва не поверила его рассказу, и ей захотелось доказательств. Она задала ему множество вопросов о старом дворе и получила такие обстоятельные ответы, что у нее рассеялись все сомнения. Именно благодаря исправлениям, которые Ожье внес в рассказы о своих подвигах, мы можем вам передать все с абсолютной точностью и достоверностью.

Король Гуго Капет в тот же вечер принял гонцов от жителей Шартра, которые сообщали, что испытывают огромные трудности, и в тот же час решил вместе с Ожье выступить им на помощь.

Ожье удалось справиться с этим делом так же славно, как удавалось уже много раз. Он пронесся с Орифламмой через самую гущу врагов; конь Папильон, из ноздрей которого вырывалось пламя, вносил сумятицу в ряды сарацин, а Кортана, которую держала непобедимая рука, вскоре завершила дело победой.

После победы над сарацинами король вернулся с датским героем в Париж, где спасителя Франции осыпали почестями, достойными его

доблести. Ожье еще какое-то время оставался при дворе, не желая обижать гостеприимных короля и королеву. А вскоре умер король. Нужно сказать, что Ожье был так очарован совершенством королевы, что не удержался и однажды предложил ей свою руку. Она уже готова была дать свое согласие и созвала совет из баронов, которые должны были вынести решение об этом, но накануне, когда Ожье стоял перед ней коленопреклоненный, она увидела, как волшебная рука надела на его голову золотую корону, потом его окутало облако, и он навеки исчез. Это была фея Моргана, в которой разыграла ревность. Ожье вносъ оказался во власти ее чар, и она опять забрала его в свою обитель на острове Авалон. Там в компании с великим Артуром Британским он живет до сих пор, а когда его знаменитый товарищ вернется, чтобы продолжить свое правление, то Ожье, конечно, возвратится вместе с ним, чтобы разделить его триумф.

- Абд аль-Рахман 312, 313
Абер-Алоу 217
Абердин 285
Аберистуит 245
Абер-Кледдиф 244
Абер-Маней 214
Аберфро 212
Абиссиния 412, 418
Авалон 40, 41, 153, 478, 495, 497
Авалония см. Авалон
Аваон 163
Авгусей 50
Августодунум 52
Авино 443
Аволио 443
Аврора 424
Агилольф 457
Аграмант 350—352, 368, 371, 377,
405, 408—409, 419—421, 423—
427
Аграпард 477
Агривейн 48, 57, 77, 141, 142
Агрикан 307, 335—341, 343—344,
354, 362, 397, 399
Адонис 378
Адрианополь 437
Аймерик 455
Аймон 323, 388, 429—431, 434,
437, 449, 454
Айно, Джон 289—291
Айя 323, 454—455
Аквилан 421
Аквитания 49, 312
Алансон 288—289
Алардо 326, 454
Албания (Шотландия) 27, 51
Александр Великий 21
Алеман 24
Алжир 350, 405
Алидьюк 73
Алиса 458, 464
Алкина 374—380, 387
Алкуин 317
Алори 479—480

- Алоу 217
 Альба 52
 Альбанакт 27
 Альбион (великан) 24, 34
 Альбион (остров) 34
 Альбракка 307, 328, 333, 335—336, 338, 343, 349—350, 358, 362, 407
 Альмонт 355, 403
 Альпы 479
 Альтарипа 332, 342
 Альфей 394
 Амадис Галльский 323
 Амбретикур, Юстас д' 296, 298
 Амбросий см. Утер
 Амбрю 181
 Амори Отвильский 458—463
 Амрен 232
 Амхар 181
 Амьен 291
 Анбесса 312
 Англия 5, 17—19, 24, 68, 144, 148, 150, 154, 156, 157, 164, 174, 222, 224, 278—279, 281, 283, 289, 291, 299, 301, 364, 382
 Англъ, Жискар д' 298
 Ангуи 314
 Андегавия 49, 51
 Анджелика 307, 327—334, 336—338, 340—341, 343—345, 349—350, 358—364, 381—385, 388, 397—398, 401, 403
 Андреген, Арнольд д' 296
 Андрет 94
 Анейрин 161
 Ансельм 391
 Ангей 399
 Антенор 26
 Аравия 311, 465
 Арвираг 33
 Арвон 215
 Аргалий 327, 329—330, 342—343, 381
 Аргий 92—93
 Арденнский лес 262, 323, 329, 357, 359, 486
 Ардудви 210
 Ареливри 181
 Арлотто из Сори 443
 Арль 411, 419—421, 429
 Армантес 98
 Арморика 18, 33, 44, 52
 Арридано 347
 Аррифериис 181
 Артгалло 31—32
 Артегаль см. Артгалло
 Артро 251
 Артуа 299
 Артуа, Жан д' 299
 Артур 10, 11, 17—19, 21—22, 36—37, 39—41, 43—58, 60—63, 67—69, 71—72, 74, 82—88, 92, 94, 98—101, 103—106, 108—109, 111, 116—124, 129, 138, 142—154, 157—158, 162—165, 167—168, 170, 172—177, 179—183, 187—195, 218, 229—234, 239, 241—245, 497
 Арундел 287
 Асканий 25
 Асса 230
 Ассарак 25
 Астианакс 353
 Астольфо 316, 319, 326, 328—329, 334—337, 344, 373—375, 377, 380—381, 387—389, 409—410,

- 412—419, 422—423, 427, 429,
443, 445
- Атлант 350—351, 357, 371, 378—
380, 386—387, 409
- Атласские горы 49
- Африка 230, 350—351, 410, 412,
418—419, 422—424, 427
- Ахелой 25
- Ахилл 355, 405
- Аштарот 440
- Аэрон 161
- Багдамагус 70, 125
- Бадон 39, 45, 48
- Байонна 146, 390
- Балисардо 425—426, 429, 433
- Балугант 441
- Бамборо 156
- Бан 44, 46, 67, 69, 72
- Барба 52
- Барнсдейл 254, 259—261, 267
- Баррендаун 149
- Барри 38
- Барселона 314, 398
- Бат 28, 39
- Баярд 323—325, 333—334, 336—
337, 343—344, 352, 358, 361—
364, 411, 423, 425—427, 448—
449, 452—455
- Беатрис 430—431, 437
- Бедвер 49, 51, 53
- Бедвид 232
- Бедвир, сын Бедрауда 193, 232—
233, 236, 241—242, 244
- Бедивер 150—155, 157
- Бейфрор 486, 488, 490—492
- Белград 430
- Белинда 89
- Белисена 485
- Беллин 31
- Бенвик 72, 146
- Бендигейд Вран, сын Ллира 210—
218
- Беркшир 39
- Берлингьери 328
- Берта 320, 482, 490, 496
- Бизерта 350, 419, 423, 427
- Блаанор 92
- Бладуд 28
- Бламор 146, 156—157
- Бланкар 490
- Бланшардэн 440—441
- Блеобер 157
- Бовуар 298
- Божо, Жискар де 292
- Болдуин 439, 443—445, 485
- Бордо 302, 312, 369, 459—460,
465, 488
- Борс (брат Бана) 44, 46, 67
- Борс (брат Лионеля) 67, 83, 86—
87, 123, 132—136, 139—142,
145—146, 155—157
- Брадаманта 353—354, 357, 361,
364—366, 368—372, 375, 377—
379, 382, 385—386, 388—389,
408—411, 419—420, 427, 429—
437
- Брадемагус 77, 81
- Брайан 73
- Брайс 43
- Бранвен, дочь Ллира 210—212,
214—217
- Бранделес 73, 77
- Бренгвейн 93, 100, 106—107
- Бренн 31
- Бретань 22, 24, 53, 67, 111—113,
193, 315, 319, 384

- Бриарей 376
 Брильядоро 344—345, 403, 425—426
 Британия 18, 24, 31, 34—35, 41, 48—51, 96, 122, 159—160, 162—163, 165, 167, 177, 192, 211, 312
 Бриттон 24
 Броселианд(ский лес) 36—37, 111
 Бруа 289
 Бруайе 290
 Бругье 488—492
 Брунелло 350—351, 368—370, 384
 Брут 18, 24—25, 28
 Брюнн, Робер де 20
 Брюс Безжалостный 102, 106—107
 Буда 351
 Бужафор 444—445
 Бурбон, Жак де 299
 Бургундия 193—194, 284
 Буриндана 481
 Вайомброза 388—389
 Вальтер (сын Гуйона Датского) 443, 493
 Вальтер д'Амульон 445
 Вена 321
 Венгрия 351, 430
 Венедотия (Северный Уэльс) 50—51
 Веселой Стражи замок 108—109, 111, 143—144, 156—157
 Весельчак 480—481
 Вестминстер 77—78
 Вивиана 36—37, 67, 98, 154
 Визерингтон 272—273, 277
 Вильгельм (Завоеватель) 19
 Винчестер 50, 82
 Вортигерн 35, 42
 Вудленд, Уолтер 297
 Вулкан 443
 Гавейн (сын Гвиара) 37, 162, 193, 194, 233
 Гавейн (сын Лота) 47—48, 52, 56—60, 71—72, 74—76, 79—80, 82—83, 85—86, 103, 111, 121—123, 127, 142—151, 174—176, 180—181
 Гадви 232
 Галайнд 73
 Галасиелла 409
 Галафрон 307, 327—328, 335—336, 340, 343
 Галахад 123—126, 129—130, 137, 139—141
 Галахин 47—48
 Галиция 389
 Галлерон 110—111
 Галлехат 67, 83
 Галлия 18, 31—34, 49—51, 154
 Гальфрид Монмутский 18, 24, 31, 44
 Гальфрид (король Датский) 19, 477—479, 484—485
 Ган см. Ганелон
 Ганелон 316, 319, 325—326, 351, 437—441, 444—446, 448, 458
 Ганимед 355
 Ганновер 314
 Гано см. Ганелон
 Гарамант 350
 Гаранвин 232
 Гарет 57, 142—143, 145
 Гаронна 312, 369, 468, 472
 Гарселит 163
 Гарун аль-Рашид 318
 Гасконь 488

- Гаст Римхи 239, 244—245
 Гахерис 48, 57, 71—73, 76, 103,
 142—143, 145
 Гауал, сын Клауда 207—209, 226
 Гваэлод 245
 Гвендолен 27
 Гвенлиан Дег 232
 Гвенхвивер 232
 Гверн 214, 216
 Гвернах 239—241
 Гвидерий 33
 Гвидно Гаранир 245—247
 Гвидо 393, 421
 Гвилим 193
 Гвин, сын Нудда 232
 Гвир 193
 Гвитири, сын Грейдиола 232
 Гвифферт Малыш 203—204
 Гектор 17, 21, 284, 321, 350, 353—
 356, 404, 408, 433
 Гекуба 379
 Гелен 24
 Генрих II 253
 Генрих III 254
 Генрих Люксембургский 288
 Герайнт 180, 182—204, 232
 Геракл 24, 34, 378, 399
 герцог Афинский 297
 герцог Нормандский 51, 292, 297—
 298
 герцог Орлеанский 292
 Герэн де Монглав 321—323
 Геснес 113
 Гидасп 377
 Гиень 291, 297, 459, 465
 Гилдфорд 50
 Гилеад 412
 Гилламурий 51
 Гильдас, сын Кау 189
 Гимьера 61—62
 Гиневир см. Гиневра
 Гиневра 45—47, 52, 67—69, 74,
 77—78, 81—82, 85, 87—88,
 94, 100, 104—105, 108, 111,
 117—118, 138, 142—143, 146,
 154—157, 163, 165, 168, 181—
 183, 185, 187—193, 231—232
 Гиппогриф 371—373, 379, 381—385,
 388—389, 412—413, 418—429
 Гир 465
 Гиральдус Камбрэнсис 40
 Гистион, сын Яфета 24
 Гластонбери 39, 41, 156
 Глеввид 229, 231
 Гливи 241
 Глорианда 467
 Глостер 243—244
 Говернал 88—89, 101
 Годефрей Болонский 21
 Годиссо 463, 468—469, 472, 475—
 477
 Голейдид, дочь принца Анлауда
 228, 232, 234
 Голландия 314
 Гонерил 28—29
 Гореу, сын Кустеннина 181, 245
 Горлуа 42—43
 Горсед(-Арберт) 204, 219—220
 Готландия 48
 Гоэль 44—45, 49, 51—53, 112
 Грааль см. Святой Грааль
 Градассо 333—334, 355, 357, 365,
 385, 388, 408, 411, 423—426
 Грандонио 326, 328, 445
 граф Зальцбургский 293, 298
 граф Нассау 293, 298

- граф Нейдо 293, 298
 граф О 299
 граф Понтье 299
 граф Пуатье 298
 граф Суффолк 298
 граф Танкарвиль 299
 граф Турена 298
 граф Уорик 290, 298, 300—302
 граф Фландрский 289
 Грийон 394
 Грифон 421
 Гуго Капет 495—496
 Гуйон 478, 485—486, 488, 493
 Гунфазий 51
 Гуон (Бордоский) 458—477, 490
 Гурир Гвалстат 233—234, 239,
 242—244
 Дагене 106
 Далкейт 280
 Данбар 279, 284
 Даннемон 483
 Дардинель 392—393, 395
 Дарем 279, 282
 Девоншир 26
 Дезидерий 352
 Деметия (Южный Уэльс) 50—51
 Денбигленд см. Миниадок
 Джон из Эгертона 277
 Джон Малыш см. Малыш Джон
 Дивед 204, 207—208, 210, 219,
 222, 226—227
 Диви 245
 Диганви 194, 248
 Дидье 316
 Диллус Варвауг 239, 244—245
 Дин-Форест 181
 Догед 228—229
 Додинас Дикий 77
 Доралиса 405
 Дортмунд 458
 Дремхидидд 163
 Дридвас, сын Трифина 162
 Дубриций 50—51
 Дувр 149, 154—155
 Дуглас (граф) 270—271, 273—281,
 283—287
 Дугласы (род) 279
 Дудон 349, 351—352, 358, 374,
 422—423, 437
 Дунай 430
 Дуриндана 321—322, 333—334,
 345, 354—357, 399—401, 403—
 404, 408, 411, 423—425, 447
 Египет 311—412, 423—424, 440
 Екатерина 262—265
 Елена 67
 Жан (брат герцога Нормандского)
 292
 Железный Бок 77
 Жирар 459—461
 Зеленый Джордж 253
 Зербино 390—392, 395—398, 400,
 403—406, 408
 Зумара 392
 Иво 326
 Игерна 42—43, 89
 Идик, сын Анарауда 213
 Изабелла (дочь короля Галиции)
 387, 389—391, 398, 400, 403—
 406
 Изабелла (сестра Марка Корнуоль-
 ского) 88
 Изольда (Прекрасная) 88, 90—
 101, 105—109, 111—113, 329
 Изольда Белорукая 112—113
 Изолье 324—325

- Илия 414—415
 Имоген 25
 Индия 230, 251, 397, 411
 Иниол 187—188, 190, 192—193, 204
 Иоанн (II Добрый) 292—295, 297—302
 Иона 232
 Иосиф Аримафейский 41, 122—123, 126, 141, 491
 Ирландия 42, 48, 50—51, 89—92, 113, 211—212, 214—218, 382—383
 Ирольдо 349
 Исенна 60
 Исландия 48, 51
 Испададен Пенкауэр 229, 232, 234—238, 244—245
 Испания 311—314, 326, 330, 370, 398, 422, 437—438, 448
 Италия 25—26, 171, 309—310, 314, 317, 353, 368, 464, 479, 484
 Иудея 412, 492
 Йорк 48, 252, 254, 266
 Кавалл 188
 Кадвалло 50
 Кадириат 189, 194
 Кадирнерт, сын Гандви 181
 Кадор 61—62
 Кай, сын Кинера 43, 44, 49, 51, 53—54, 60, 64, 73—74, 76—77, 81, 98, 117—118, 120—121, 163—168, 175, 193, 231—235, 240—245
 Кале 364
 Калибурн см. Эксакалибур
 Калидор 104, 114
 Камбер 27
 Камберленд 161, 168, 254
 Камбрия (Уэльс) 27, 159
 Камелот 50, 81—85, 92, 102—103, 106, 108, 111, 124, 126, 138, 141
 Камлан 39
 Карагью 481—484, 488, 492—493
 Карадок Бриффрас (Карадок Сухо-рукый) 60—62, 65—66
 Карадок, сын Врана 162, 215, 217
 Карадос 72
 Кардиф 50, 146, 190
 Кардуэл 37
 Карена 350—351
 Каркассон 312
 Карл Богемский 289
 Карл Великий 10, 17—19, 21, 305, 307, 311—323, 325—329, 333—335, 349—353, 357—359, 364—365, 377, 383, 393, 394, 414, 419—420, 427, 429, 431—434, 436—439, 441, 446—450, 458—463, 474—496
 Карл Люксембургский 288
 Карл Мартелл 311—313
 Карлайл 42, 50, 62, 111, 280
 Карлеон 50, 56
 Карлот 448, 451—452, 454—455, 458—462, 481—486, 488—489
 Кармалида 45—46
 Кармердин см. Каэр-Мердин
 Касвалаун (Кассибеллаун) 163
 Касвалаун, сын Бели 218—219
 Кассибеллаун 32—33
 Кассивелаун см. Кассибеллаун
 Катай 327, 350, 423
 Каттрет 161
 Кауланг 46

- Каэрлеон (на Уске) 122, 163—164,
177, 180, 183, 192
- Каэр-Мердин 38
- Каэр-Се 230
- Каэр-Сегинонт 215
- Келея 467
- Кельн 457—458
- Кемпбелл, Дэвид 286
- Кент 150, 219
- Кентербери 149
- Кигва, дочь Гвина Глоя 218—219,
221—224
- Килид, сын принца Келидона 228—
229
- Килух 228—229, 231—234, 236—
238, 244—245
- Кимбелин 33
- Кинделиг-проводник 233
- Кинон, сын Кладно 163—164, 168,
174—175
- Кирка 310
- Кирклей-Холл 269—270
- Кирлей 254
- Кларимунда 467, 475—477
- Клауд 67
- Клеодал 45
- Клермон (род) 354, 365
- Клермон, Жан 296
- Клифтон 264
- Клоридан 393—396
- Клюнийский аббат 460, 462—463
- Кобем, Реджинальд 290, 300—302
- Кодур 168
- Колгреванс 135—136
- Конан 33, 161
- Констан 41
- Константин 429—430
- Корделия 29—30
- Кориней 26—27
- Корнуолл 26—27, 39, 51, 61, 88—
93, 98, 101, 113—114, 150, 160,
192—194
- король Англии см. Эдуард III
- король Франции (Иоанн II Доб-
рый) см. Иоанн (II Добрый)
292—295, 297—302
- король Франции (Филипп VI) 287,
290
- Король-Рыбак 115, 119—120
- Корсика 230, 429
- Корсубль 480, 483
- Кортана 481, 483, 492, 496
- Кошерели 284
- Красное море 465
- Крейдилан, дочь Луда 232
- Креси 287, 289, 291
- Круглый стол 22, 41, 42, 52, 60,
62, 71, 77—78, 83—84, 90, 92,
98, 100—101, 104—105, 107—
108, 122—124, 135, 138, 154,
157
- Купидон 310
- Кэрмартен см. Каэр-Мердин
- Лаваль, Раймонд де 280, 282
- Лавейн 145—146
- Ладинас 77
- Ламбет 79
- Лампедуза 424
- Лангедок 17
- Ланд, Жан де 292
- Ланселот Озерный 10, 47, 67—88,
100, 103, 105, 106, 108, 123—
124, 127—129, 137—139, 142—
150, 154—157, 168
- Лаодеган 45—47, 163
- Лев (папа римский) 52, 479

- Лев (принц) 430—431, 433—437
 Лев (римский император) 429
 Левант 430
 Лестер 28
 Лета 417
 Лимур 202
 Линдсей, Джеймс 285
 Линдсей, Джон 286
 Лионель 67—68, 70—73, 83, 86,
 132—136, 145—146
 Лионесса 88, 101, 103
 Лионуа см. Лионесса
 Лир 28—30, 162
 Ленлеаг 163
 Ливарх Жен 161, 163
 Лин-Ллиу 243
 Ллойд, сын Килведа 226
 Логестилла 374—375, 380—382,
 387—389
 Локрин 27
 Локсли 253
 Ломонт 48
 Лосось из Лин-Ллиу 243—244
 Лот 47, 49, 51, 56
 Лотор 230
 Лоэгрива 90, 98, 105—106, 141, 196
 Луд 32
 Луи (брат герцога Нормандского)
 292
 Лукан 147, 150—152
 Лунед 172—173, 179—180
 Луций Тиберий 52
 Лэм 277
 Людовик (сын Карла Великого)
 315, 318, 458
 Люцифер 443
 Мабон, сын Модрона 238, 241—
 244
 Мадан 27
 Мадок, сын Тургадарна 181
 Мадор 85—88
 Майнц 365
 Максвелл, Джон 277, 285
 Максим 33
 Малагиги 319, 324, 326, 328, 331,
 333—334, 411, 440, 450—453
 Малыш Джон 253—254, 256—
 257, 259, 261—263, 265, 269—
 270
 Мальвазий 51
 Мальпримо 443
 Мамбрино 420
 Манавидан, сын Ллира 210, 213,
 216—227
 Мандрикардо 354—357, 398—400,
 403—404, 408
 Маридум см. Каэр-Мердин
 Марк (Корнуольский) 89, 91—93,
 96, 98, 101, 105—106, 108—
 109, 113—114
 Марокко 390
 Марсель 386, 428—429
 Марсилий 322—323, 330, 333, 351,
 359, 393, 437—445, 448
 Марфиса 409, 411, 434—437
 Марч 279, 284, 286
 Маршвалле 491—492
 Матольх 211—216
 Мач 253
 Маэлган Гвинед 247—248, 250—
 252
 Медина 311
 Медоро 392—398, 401—403
 Мекка 311
 Мелегант 77—78, 80—81
 Мелнодас 88—89

- Мелисса 368—369, 377—382, 384, 386, 420—421
- Менеу, сын Тейргведа 233—234, 237
- Мерлин 34—47, 54—56, 67, 95, 102, 105, 111, 122, 161, 327—329, 367—368, 377
- Мерлин Амброзий 162
- Мерлин Дикий см. Мерлин, сын Морфина
- Мерлин, сын Морфина 162
- Мидж 256—257, 265
- Милон 320, 480
- Милоне см. Милон
- Минерва 28
- Миниадок 33
- Мирдин см. Мерлин
- Модред 39, 52, 142, 148—151, 154
- Мойн 35, 41—42
- Мольмутий, Дунвалло 30
- Монлери 460
- Монмартр 491—492
- Монтальбан 319, 326, 349, 389, 408, 448, 453, 455
- Монтгомери, Хью 276—277, 287
- Мопертюи 298, 302
- Морбек, Дени де 299—300
- Морвед, дочь Уриена 232
- Морган Туд 190—191
- Моргана 56, 69, 154, 347, 349, 374, 478, 481, 494—495, 497
- Моронт 89—91, 105, 114
- Морэй 279, 284—286
- Мост Забвения 337
- Мухаммад 311—312, 473, 490
- Мэл Длинный 162
- Мюррей, Чарльз 277
- Намо, герцог Баварский 319, 326—327, 359, 420, 459, 461—463, 478—481, 484—487, 491, 493, 495
- Нант 61
- Нантерс 47
- Нарберт 204, 210, 219, 222—224
- Нарбонна 312
- Нассау 296, 313
- Ненний 32—33
- Нептун 24, 34
- Нерей 27—28
- Нил 412, 418, 424
- Нишен 210
- Норвегия 49, 51, 56
- Нормандия 19, 49
- Нортумберленд (граф) 271, 279, 285, 287
- Нортумберленд (графство) 67, 270, 279, 280, 282
- Ноттингем 253—254, 259, 263, 266—268
- Ньюкасл 279—282
- Ньюкасл-на-Тайне 286
- Оберон 465, 468, 475—476
- Овейн, сын Уриена 115, 118—119, 163, 168—174, 176—180
- Одерик 390
- Одиссей 310
- Одли, Джеймс 295—296, 298, 301—302
- Одли, Питер 303
- Одьяр Франк 193
- Ожье Датчанин 316—317, 319, 323, 393, 420, 477—497
- Озанна 77
- Оксфорд 219
- Ол, сын Ольвида 232
- Олень из Рединвр 242
- Оливье 320, 322—323, 393, 410,

- 421—422, 424—429, 438, 441,
443—446, 481
- Олмсбери 154, 156
- Олнвик 156
- Ольвен 228—229, 232, 234—236,
238, 245
- Ондьяв 193—194
- Орел из Гверн-Абуи 243
- Орифламма 479—481, 496
- Оркнейские острова 48, 51
- Орландо 315—316, 319—323, 325—
330, 333—336, 338—349, 351,
354—360, 363—364, 373, 385,
388—392, 397—404, 407—
408, 410, 414, 416, 421—429,
435, 437—447, 480—481
- Орлеан 312
- Осер 312
- Остров Сильных 211—212, 215—218
- Ото 328, 373
- Оттачьеро 351—352
- Оттербурн 279—280, 282
- Павия 316
- Паламед 90, 93—94, 102—104,
109—110, 145
- Палестина 464
- Памплона 314—315
- Пандрас 25
- Папильон 494—496
- Париж 49, 323, 326, 328, 334,
343, 363—364, 407, 409, 432,
448, 459, 461, 486, 488, 491,
493, 495
- Парки 417
- Пассебрюль 100
- Пеллей 77, 123
- Пендрагон 35, 36, 39, 41—42, 45
- Пентесилея 355
- Перигор 294
- Персант Индский 77
- Персеваль, сын Пеленора 115—122,
124, 129—132, 136—137, 139—
141
- Персеваль, сын Эврока 193
- Перси (род) 270—273, 275—279,
283—284
- Перси, Генри 279—283, 285, 287
- Перси, Ральф 281—283, 285
- Персид 100
- Пинабель 365, 391
- Пипин (сын Карла Мартелла) 313,
353, 479
- Пиренеи 312, 314, 357, 370
- Плиниммон 244
- Пломптон-Парк 254
- Помпей 424
- Понклау 280, 282
- Поррекс 30
- Портсмут 44
- Прасильдо 349
- Придвен 44, 231, 244
- Придери 217—223, 226—227
- принц Уэльский см. Эдвард Черный
- Принц
- Прованс 17, 352, 359, 429
- Протей 382
- Психея 310
- Птолемея 493
- Пуатье 287, 291—292, 294, 298—
299, 302, 312
- Пуйлл, сын Аувина 204—210, 218,
226
- Рабикан 342—343, 380—381, 387,
389, 409—410
- Райенс 45
- Ратклиф, Роберт 277

- Реган 29
 Регед 168
 Реджио 353
 Рейн 430, 457
 Рианнон 206—210, 218—219, 221, 223, 226—227
 Рибомон, Юстас де 292—293
 Риккардо 326
 Рикьярдетто 326, 334, 440, 442—443, 447
 Рим 50, 68, 251, 314, 320, 463—464, 477, 479
 Ринальдо 316, 319, 323—326, 328—335, 342—344, 347, 349, 351—352, 354, 357—359, 362—364, 373—374, 381, 383, 392—393, 397, 411, 419—421, 427—430, 435, 437, 440—443, 445, 447—458
 Риогонед 193
 Рифейские горы 371
 Ричард (I) Львиное Сердце 253—254, 267—268
 Ричард II 291
 Робин Гуд 253—270
 Рогер 171
 Роджеро 350—354, 356—357, 364—365, 368, 371—386, 388—389, 408—411, 419—421, 427—437
 Роджеро (герцог Рисы) 429
 Родомонт 350—353, 357—358, 405—408, 410, 421—422
 Рокингем 44
 Роланд *см.* Орlando
 Роман 24
 Рон 44
 Рона 322
 Ронгомиант 231
 Ронсеваль 314, 315, 437—439, 442, 446—448, 475
 Рун 248—249
 Рэби, Ральф 277
 Сабра 27
 Сабрина *см.* Северн
 Саграмур Желанный 74, 76—77
 Садон 482—483
 Сакрипант 335—337, 360—364, 381, 385
 Салах 230
 Самка Дрозда из Гилгури 242
 Самсон 414
 Санагран 48
 Сангреаль *см.* Святой Грааль
 Сансонне 410, 422, 427, 442, 445
 Сарагосса 314, 438, 448
 Сардиния 429
 Саррас 140—141
 Сатер 50
 Саутгемптон 50
 Саффир 145
 Сах 230
 Святой Грааль 10, 37, 111—112, 115, 120, 122—124, 127, 132, 134, 137—138, 140—142, 158
 святой Иоанн 414, 418
 святой Михаил 14, 53—54, 442
 святой Талиан 18
 Северн 27, 193
 Севин 458—461, 465, 469—470
 Сель, сын Сельги 232
 Сенап 412, 418, 424
 Сен-Дени (пригород) 438, 491
 Сент-Омер 299
 Серикана 333, 355, 357, 423
 Сеута 422

- Сивилла Кумская 379
 Силурия (Южный Уэльс) 18
 Сильвий 24
 Синклер, Джон 285—286
 Синклер, Уолтер 285—286
 Сицилия 348, 353, 423, 427—428
 Скарлок, Уильям 253, 256—257
 Собрино 350, 423—429
 Соларио 476
 Соломон 319—420, 486—488, 491, 493, 495
 Солсбери 42, 141, 149
 Сполето 479
 Стаффорд 290
 Стоунхендж 42
 Стрэт-Клайд 161
 Стьюкли, Уильям 256—257
 Суард 30
 Суассон 487—488
 Сутри 320
 Сэнтре, Жан де 298
 Талиесин 161—163, 168, 174, 217, 232, 245—348, 250—252
 Таулас 98
 Тауэр 149
 Тейрту 238
 Теодора 436
 Тибр 479
 Тивидейл 272
 Тингитана 351
 Тингадель 42—43, 89
 Трамтрид см. Тристрам
 Трингад 244
 Триновант 26, 28, 32
 Триполи 456
 Тристрам 19—20, 88—114, 329
 Троя Нова 26
 Тук 253, 256
 Тур 312
 Туркин 71—73, 76
 Турпен 19, 315—316, 411, 416, 419, 442—443, 446—447, 453, 480, 486—488, 490, 492
 Тьерри Арденнский 460—461
 Увейн 74, 76, 125
 Уильям из Норт-Бервика 285
 Умберто 327
 Уск 50, 163—164, 177, 182—183, 192
 Утер (Пендрагон) 35—36, 42—43, 47, 89, 162
 Уэльс 18, 22—23, 33—34, 69—70, 75, 157, 159—160, 162, 214—215, 232
 Фалерина 338, 344, 346, 347
 Фальсерон 441—443
 Фелот 75—76
 Фердин 96—97
 Феррагус 321
 Феррау 326, 328—330, 334, 342, 385, 397
 Феррекс 30
 Физут, Роберт см. Робин Гуд
 Филипп (сын короля Франции Иоанна II) 298—299, 302—303
 Флеуддур Флам 232
 Флолло 49
 Флорделида 335—336, 338, 342—343, 357, 407—408, 410, 426
 Флориак 469—470
 Флорисмарт 319, 335—336, 338, 342—344, 349, 357, 385, 388, 407, 410, 422—428
 Фотор 230
 Франк, сын Гистиона 24

- Франция 15, 17, 26, 29, 34, 53, 164, 193, 217, 287, 290—302, 312—314, 316—317, 320, 322—323, 326, 333, 338, 349—352, 354—355, 357—360, 363—364, 370—371, 373—374, 381, 386—387, 392—393, 398, 401, 403, 411, 414, 418, 420—421, 423, 426, 437—440, 457—458, 463—464, 477, 487, 492—493, 495—496
- Фронтино 433—434
- Фусберта 363
- Хамо 50, 52
- Харлех 210
- Харт, Роберт 286
- Хевейд 206, 208—210
- Хевейд Хир 213
- Хейнин Вард 250—251
- Хенгист 160
- Хепберн, Патрик 283
- Херфорд 222, 259—261, 264
- Хиркания 473—474
- Хоас 48
- Ховэл 193
- Хорс 160
- Хотспер см. Перси, Генри
- Худайн 93, 95
- Цезарь, Юлий 316, 439, 467
- Цимбелин см. Кимбелин
- Чандос, Джон 295, 297, 299
- Чевин-Чейс 270—271, 277—279
- Черкессия 335, 360, 362, 364
- Черный Принц см. Эдвард Черный Принц
- Честер 50
- Шавиньи 298
- Шалотт 23, 50, 82—86
- Шарлемань см. Карл Великий
- Шартр 496
- Шерасмин 465—468, 470—473, 476—477
- Шервуд(ский лес) 253—254, 263, 265, 269
- Эбуда 382
- Эвадан 232
- Эвнишен 210, 212, 216—217
- Эгинхард 493
- Эд 312—313
- Эдвард Черный Принц 287, 291, 294—295, 299, 301—303
- Эдирн, сын Нудда 187, 189—191, 193
- Эдуард III 287, 290—291
- Эйдоэль, сын Аэра 241—242
- Эйросвид 210, 216
- Экскалбур 10, 43—44, 152, 231
- Эктор Окраинный 71, 73—76, 83, 86, 99, 126—127, 145—146, 155, 157
- Элейна 123
- Элиаврес 61
- Эливлод 162
- Элидур 31—32
- Эльфин 245—252
- Эней 17, 25, 28, 355
- Энид 192—199, 201—204
- Эно 314
- Эрбин, сын Кустеннина 192—196
- Эстрилдида 27
- Юпитер 355
- Яникулум 479

Содержание

Сказания средневековой Англии	5
<i>Предисловие автора</i>	9
Часть первая. Король Артур и его рыцари	11
Введение	11
Мифическая история Англии	24
Мерлин	34
Артур	39
Сэр Гавейн	56
Карадок Брифбрас, или Карадок Сухорукий	60
Ланселот Озерный	67
Тристрам и Изольда	88
Сангрель, или Святой Грааль	115
Предательство сэра Агривейна	141
Смерть Артура	148
Часть вторая. Мабиногион	159
Бритты	159
Леди Источника	163
Герайнт, сын Эрбина	180
Пуйлл, сын Диведа	204
Бранвен, дочь Ллира	210
Манавидан	218
Килух и Ольвен	228
Талиесин	245

Часть третья. Английские рыцари в историческую эпоху	253
Робин Гуд из Шервудского леса	253
Чевин-Чейс	270
Битва при Оттербурне	279
Эдвард Черный Принц	287
Легенды о Карле Великом	305
<i>Предисловие</i>	<i>309</i>
Введение	311
Пэры, или паладины	319
Турнир	326
Осада Альбракки	333
Приключения Ринальдо и Орландо	342
Вторжение во Францию	350
Брадаманта и Роджеро	364
Астольфо и колдунья	373
Морское чудовище	381
Продолжение приключений Астольфо и начало приключений Изабеллы	387
Медоро	392
Безумие Орландо	398
Зербино и Изабелла	404
Астольфо в Абиссинии	412
Война в Африке	418
Роджеро и Брадаманта	427
Битва при Ронсевале	437
Ринальдо и Баярд	448
Смерть Ринальдо	453
Гуон Бордоский	458
Ожье Датчанин	477
<i>Именной указатель</i>	<i>498</i>